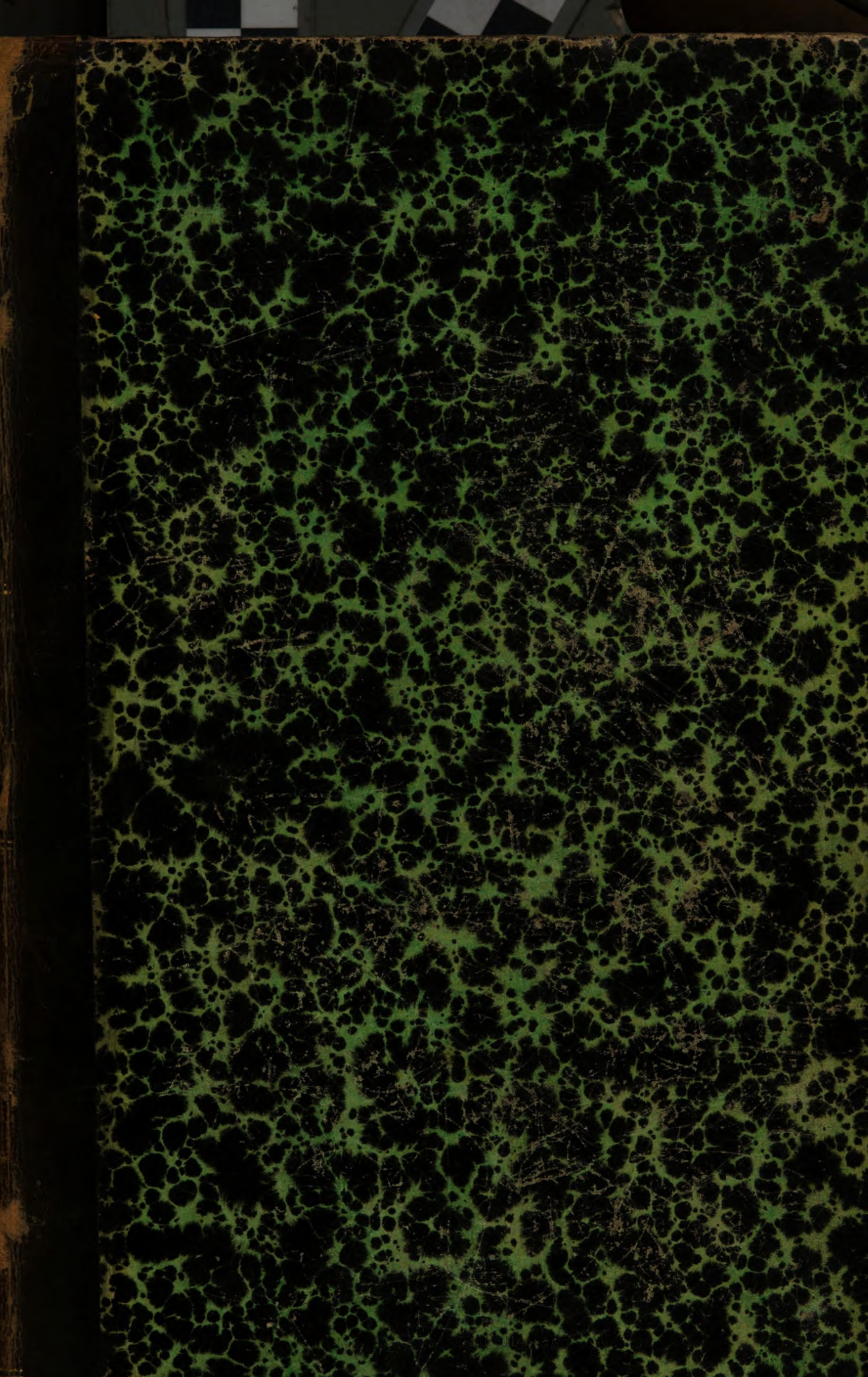

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Адресъ редакціи и конторы: уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

ФЕВРАЛЬ. 1899.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

ФЕВРАЛЬ. 1899.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1899.

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 22 февраля 1899 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

шесть томовъ сочиненій

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, **съ портретомъ автора.**

Цѣна **12** руб.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука“. 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV. Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“.

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3). Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ «Русскаго Богатства» цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости или заказной бандеролью.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятыя рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

Разсказъ.

(Продолженіе).

VIII.

За завтракомъ Бургардтъ старался воздержаться отъ напитковъ, но всетаки для поправки выпилъ рюмки три водки и бутылку пива. На лицѣ у него выступили красныя пятна, а глаза подернулись пьяной влагой. Аниту всегда возмущало такое поведеніе отца, тѣмъ болѣе, что миссъ Гудъ, свято храня традиціи доброй старой Англіи, относилась къ пьянству мужчинъ совершенно равнодушно. По ея мнѣнію, настоящій мужчина и не можетъ не пить, потому что алкоголь убавляетъ избытокъ физическихъ силъ, который дѣлаетъ мужчинъ несправедливыми, а потомъ выпившій мужчина всегда добрѣе и если у него есть жена, то онъ на другой день проситъ у нея прощенія.

— Папа, довольно!.. рѣшительно заявила Анита, когда отецъ потянулся къ графинчику съ коньякомъ. — Это ужъ лишнее...

Бургардтъ посмотрѣлъ на нее, на эту некрасивую маленькую женщину, и засмѣялся.

— Анита, ты знаешь, что я люблю пить кофе съ коньякомъ,—оправдывающимся тономъ заявилъ онъ.

— Нѣтъ, не будетъ...—съ капризной настойчивостію избалованной женщины заявила Анита и поставила графинъ съ коньякомъ на свою тарелку.—Ничего не будетъ...

— Да?

Бургардтъ вскочилъ и, улыбаясь, зашагалъ по столовой. Какъ всѣ женщины напоминаютъ одна другую, и Анита поступаетъ съ нимъ, какъ женщина. Бургардту захотѣлось сказать ей что нибудь непріятное, какъ иногда позволяютъ себѣ мужчины говорить самымъ любимымъ женщинамъ, онъ остановился и, глядя въ упоръ на Аниту и продолжая улыбаться, проговорилъ:

— А съ какой удивительной красавицей я вчера позна-

комился, Анита... Представь себѣ... Впрочемъ, вѣроятно, она сегодня будетъ вечеромъ...

Шипидинъ поднялся и досказалъ за него:

— Слѣдовательно, Егоръ Захарычъ, довольно... Да, довольно. Анита, вы можете не слушать... А еще лучше, если мы уйдемъ въ кабинетъ.

Мисъ Гудъ вся насторожилась, предчувствуя какую-то опасность, хотя и не могла понять, въ чемъ дѣло. Ей всегда не нравился тонъ, какимъ говорилъ «человѣкъ съ мѣшкомъ», и она не понимала, какъ Егоръ Захарычъ могъ допустить такое неуваженіе къ себѣ. Вѣдь онъ хозяинъ дома, во-первыхъ, знаменитый художникъ, во-вторыхъ, и человѣкъ съ большимъ общественнымъ положеніемъ, въ-третьихъ, а «человѣкъ съ мѣшкомъ» просто человѣкъ съ мѣшкомъ. Миссъ Гудъ давно жила въ Россіи, но многое для нея оставалось непонятнымъ. Старушка только пожала плечами, когда Шипидинъ взялъ Егора Захарыча подъ руку и увелъ его изъ столовой.

— Слѣдовательно, это невозможно...—ворчалъ Шипидинъ.— Это уже распущенность... да! Есть вещи, о которыхъ нельзя говорить съ дѣвочками-подростками...

— Ахъ, оставь, пожалуйста, — смѣялся Бургардтъ. — Аниту трудно чѣмъ нибудь удивить, и я просто хотѣлъ ее подразнить. Она дѣлается умнѣе, когда сердится...

Человѣкъ Андрей видѣлъ, какъ барышня Анита огорчила родителя и поэтому протащилъ незамѣтно изъ буфета въ кабинетъ бутылку любимаго барскаго ликера и для потѣхи поставилъ двѣ рюмки. Въ семейныхъ дѣлахъ онъ всегда, конечно, былъ на сторонѣ барина, тѣмъ болѣе, что по личному горькому опыту отлично зналъ всѣ муки тяжелаго похмѣлья.

— Вотъ и отлично, — похвалилъ его Бургардтъ, наливая рюмку бенедектина.

Шипидинъ отвернулся и началъ разсматривать заголовки стоявшихъ въ шкафу книгъ. Все это были роскошныя изданія на разныхъ языкахъ, главнымъ образомъ, конечно, по вопросамъ искусства. Тутъ были и послѣднія новости, которыхъ онъ еще не видалъ.

— Брось... все это хламъ...—замѣтилъ Бургардтъ, когда онъ взялъ французскую книгу о прерафаэлитахъ.—Не стоитъ...

— Интересно, что думаютъ въ Европѣ...

— Глупости думаютъ... Повѣрь мнѣ, что все это такъ. Да, глупости... импрессіонисты, прерафаэлиты... Ну, какъ ихъ еще тамъ... Вообще, декадентство, символизмъ, пунктуализмъ и сапоги въ смятку.

— Слѣдовательно, ты совершенно не правъ... Совершенно не правъ. Жизнь есть движеніе, искусство тоже должно двигаться, какъ воплощеніе этой жизни, и всякая новая школа,

новое направленіе имѣютъ законное право на существованіе. Даже ошибки здѣсь приносятъ пользу, какъ своего рода реактивъ для отысканія истины...

— Истина? Ха-ха...

Шипидинъ только теперь замѣтилъ, что Бургардтъ совершенно пьянъ, и съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него черезъ плечо.

— Ты меня жалѣешь, Гриша?—измѣнившимся тономъ спросилъ Бургардтъ, поймавъ этотъ взглядъ.—Да, я пьянъ... Только пьянъ не виномъ, какъ ты думаешь, а пьянъ вчерашнимъ вечеромъ, пьянъ этой чудной бѣлокурой головкой, этими дѣвичьими чистыми глазами, этой нѣмой загадкой, живымъ сфинксомъ...

Охваченный бурей мѣшавшихся въ головѣ мыслей, Бургардтъ крѣпко обнялъ друга дѣтства и цѣловалъ его, причемъ послѣдній имѣлъ удовольствіе чувствовать, какъ по его лицу и бородѣ катятся чужія слезы.

— Милый... дорогой...—шепталъ Бургардтъ, приходя въ «исповѣдальное» настроеніе, которое являлось у него послѣ каждаго сильнаго кутежа. — Я тебѣ скажу все... и только тебѣ... да. Потому что ты одинъ поймешь меня...

Именно это покаянное настроеніе Шипидинъ и не любилъ, потому что припадки самоуничиженія смѣнялись съ сумасшедшей быстротой нелѣпой гордостью и буйствомъ. Въ этой послѣдней стадіи Бургардтъ билъ себя кулакомъ въ грудь и выкрикивалъ неистовымъ голосомъ: «Я—Бургардтъ... Понимаете?!. Меня знаетъ вся Европа. Да!.. Я... я...» Эти моменты бѣшенства вызывались обыкновенно самыми ничтожными причинами, предусмотрѣть и устранить которыя было невозможно. Сейчасъ Бургардтъ находился еще въ первой стадіи и заставилъ друга во второй разъ выслушать все, что происходило вчера, до роковой встрѣчи съ нѣмой англичанкой включительно.

— Слѣдовательно, я все это уже слышалъ...—увѣрялъ Григорій Максимычъ, защищаясь обѣими руками отъ новаго покушенія на объятія и поцѣлуи.—Да, слышалъ... И, представь, что все это совсѣмъ не такъ интересно, какъ ты думаешь.

Въ помутившихся глазахъ Бургардта блеснуло бѣшенство и его кулаки сжались, но эта буря разрѣшилась улыбкой.

— Нѣтъ, постой, Гриша... Ты меня долженъ выслушать. Да... Если бы ты зналъ, какъ я себя презираю...

— Слѣдовательно...

— Нѣтъ, нѣтъ... Меня и другіе презираютъ, но они глупы и не понимаютъ, какъ и за что меня слѣдуетъ презирать. Что я такое, ежели разобрать? Завтра я протрезвлюсь, буду работать, и всѣ меня будутъ уважать. Но это еще хуже... Зачѣмъ я буду красть чужое уваженіе? Нѣтъ, мало этого: у меня есть

свои завистники... Они приходятъ ко мнѣ въ мастерскую и завидуютъ. Да, завидуютъ... А я дѣлаю видъ, что этого не замѣчаю и лгу каждымъ движеніемъ, каждымъ взглядомъ. Дескать, посмотрите, каковъ есть Бургардтъ, знаменитый Бургардтъ... Ха-ха! А никто и не подозрѣваетъ, что знаменитый Бургардтъ просто покойникъ, настоящій покойникъ... И господа черви точатъ его еще за-живо, и онъ трогательно старается ихъ не замѣчать. Боже мой, Боже мой, если бы только они знали...

Схвативъ Шипидина за руку, онъ прибавилъ другимъ тономъ:

— Ты видѣлъ Аниту? Видѣлъ милѣйшую замороженную англичанку? Развѣ это жизнь? Развѣ я не понимаю, что это неудачная имитація жизни и что я создалъ ее собственными руками... Ты только подумай, что я увѣренъ, что я люблю свою Аниту и даже самъ иногда умиляюсь надъ этой мыслью. А между тѣмъ... Ты одинъ понимаешь, что я—мужикъ, настоящій мужикъ, которому мѣсто на огородѣ. Можетъ быть, я и скульпторомъ сдѣлался только потому, что съ ранняго дѣтства больше всего любилъ устраивать чучела на грядахъ съ клубникой... Всѣ явленія связаны между собой невидимыми нитями, и переходъ отъ огородныхъ чучелъ къ статуямъ изъ каррарскаго мрамора совсѣмъ ужъ не такъ великъ. И сейчасъ меня очень часто гложетъ чисто мужицкая тоска о потерянномъ мужицкомъ раѣ... Не смѣйся надо мной, это совсѣмъ не фраза, потому что вѣдь я говорю объ Анитѣ. Она была бы въ тысячу разъ счастливѣе, если бы родилась дочерью простого огородника... Понимаешь? Какъ это хорошо у Некрасова сказано: «Намъ съ лица не воду пить...» Да!.. Онъ былъ правъ, потому что понималъ народную душу. Тутъ дѣло совсѣмъ не въ лицѣ, а въ человѣкѣ, въ душѣ, которую мы съ такой трогательной систематичностью вырываемъ изъ нашихъ дѣтей, какъ сорную траву. Мнѣ дѣлается больно, когда я начинаю думать о дочери...

— Слѣдовательно...

— Нѣтъ, постой!.. Знаешь, что я долженъ былъ сдѣлать? Когда умерла жена, я долженъ былъ отдать Аниту на воспитаніе тебѣ... Боже мой, если бы ты зналъ, какъ я завидую именно тебѣ!.. Но ты этого не долженъ знать... Храни тебя Богъ! Это я такъ... съпьяна... Мы — антиподы. Единственное живое звѣно между нами это — человѣкъ Андрей, который кралъ съ моимъ отцомъ ягоды у твоего отца. Впрочемъ, послѣднее—тайна... Представь себѣ, это его пунктикъ и онъ на этомъ основаніи, вполнѣ логично по моему, ненавидитъ тебя... Ахъ, да, позволь, къ чему все это я говорю?

Бургардтъ присѣлъ къ столу и схватилъ себя за голову, точно руками хотѣлъ распутать свившуюся въ клубокъ нить

своихъ мыслей. Потомъ онъ вскочилъ, стремительно обнялъ друга и заговорилъ, быстро роняя слова:

— Вспомнилъ... Да! Марина мнѣ еще вчера сказала, что мнѣ не чѣмъ любить... И она была права... Съ ней бываетъ что-то вродѣ припадковъ ясновидѣнія. Да, мнѣ не чѣмъ любить, а любовь — это все творчество... Ты понимаешь? Вѣдь, навѣрно, влюбленный человѣкъ изобрѣлъ паровую машину, шведскія спички, телескопъ, спектральный анализъ, всѣ чудеса техники и величайшія проблемы науки, а въ недалекомъ будущемъ еще разъ влюбится и откроетъ секретъ воздухоплаванія. Да, я въ этомъ убѣжденъ. Я это, наконецъ, испыталъ на самомъ себѣ... Гриша, а ты былъ когда нибудь влюбленъ?

— Слѣдовательно, нѣтъ...—довольно рѣзко отвѣтилъ Шипидинъ и отвернулся къ окну.—Я любилъ—да, но ваша влюбленность — чувственное помѣшательство. Оно сейчасъ-же падаетъ, какъ только чувственный голодъ получаетъ свое удовлетвореніе. У васъ нѣтъ истинной любви, потому что нѣтъ истиннаго уваженія къ женщинѣ, какъ къ человѣку. Всѣ вы—чувственники и смотрите на женщину нечистыми глазами, поэтому и ваше хваленое искусство не чисто...

— Ахъ не то, совсѣмъ не то, Гриша! Я понимаю, цѣню и уважаю вашу монашескую любовь, а ты не хочешь понять нашей!.. Представь себѣ то ощущеніе... да, вчера... Когда я ее увидѣлъ, меня точно что осѣнило... Понимаешь? Больше уже ничего не существовало, и я самъ не существовалъ, охваченный свѣтлымъ облакомъ грѣшнаго чувства... Это былъ моментъ откровенія и счастливыхъ слезъ, моментъ великаго гнѣва и покаянія... Душа росла съ жаждой искупленія... Боже мой, я готовъ отдать всю свою жизнь, чтобы такой моментъ повторился...

— Слѣдовательно, довольно...—перебилъ его Шипидинъ, отыскивая свой мѣшокъ въ углу. — Я схожу по одному дѣлу, а ты въ это время успѣешь выспаться.

IX.

Бургардтъ безпрекословно повиновался, и Шипидинъ уложилъ его на диванъ, подсунувъ подъ голову расшитую шелками подушку. Запасъ пьяной энергіи изсякъ; кромѣ того, въ характерѣ Бургардта была чисто женская черта,—въ извѣстные моменты онъ любилъ поддаваться чужой волѣ, какъ избалованный ребенокъ.

— Да, хорошо соснуть...—бормоталъ онъ, закрывая глаза.— Какое чудное изобрѣтеніе сонъ, какъ говоритъ Сахановъ...

— Это говоритъ не Сахановъ, а Санчо-Панчо въ «Донъ-Кихотѣ»,—поправилъ его Шипидинъ.

Но Бургардту не суждено было воспользоваться «прекраснымъ изобрѣтеніемъ». Когда Шипидинъ выходилъ изъ кабинета, то чуть не сбилъ съ ногъ Васяткина, который даже уронилъ пенснэ.

— Кажется, мы съ вами гдѣ-то встрѣчались...—проговорилъ Васяткинъ стереотипную фразу, которую повторялъ при встрѣчѣ съ каждымъ незнакомымъ человѣкомъ.

— Очень можетъ быть...—довольно грубо отвѣтилъ Шипидинъ, загораживая дорогу.—Егоръ Захарычъ легъ спать... Ему необходимъ нѣкоторый покой.

— О, мнѣ нужно всего одну минуту его видѣть... По очень важному дѣлу.

Потомъ онъ прибавилъ уже совершенно другимъ тономъ, вынимая изъ кармана массивный портсигаръ и даже подмигивая:

— Не желаете-ли сигарочку? У меня, батенька, особенныя... по случаю досталъ два ящика...

— Благодарю васъ. Я не курю...

Васяткинъ, длинный сѣрый господинъ — у него все было сѣрое: и глаза, и цвѣтъ лица, и зубы, и волосы, и костюмъ, и даже самый голосъ—являлся типичнымъ другомъ артистовъ. Чѣмъ онъ занимался и чѣмъ жилъ—вѣроятно, невозможно было бы открыть никакимъ химическимъ анализомъ. Просто, Васяткинъ — и больше ничего. Главной гордостью этого загадочнаго субъекта было то, что онъ рѣшительно всѣхъ зналъ и, пробѣгая утромъ газету, начиналъ съ объявленій о покойникахъ, причемъ повторялъ: «Боже мой, Павелъ Богданычъ тю-тю... А давно-ли, кажется, завтракали у Кюба!.. И Македонскій туда же... Ну, у этого блуждающія почки — вообще, негодяй. Варвара Петровна Зарѣзова... хе-хе-хе!.. Егоровъ... Вотъ человѣкъ, который умеръ полнымъ генераломъ!» Васяткина можно было встрѣтить на всѣхъ первыхъ представленіяхъ, на чествованіи знатныхъ иностранцевъ, юбилеяхъ и аукціонахъ. Кромѣ того, онъ былъ непремѣннымъ членомъ всѣхъ похоронныхъ процессій и благороднымъ свидѣтелемъ всѣхъ громкихъ скандаловъ. Молва гласила, что онъ давалъ деньги подъ проценты и при случаѣ былъ очень не чистъ на руку. Кромѣ страсти къ знакомствамъ, его одолѣвала манія всевозможныхъ рѣдкостей, по части которыхъ онъ былъ великимъ знатокомъ и обладалъ всевозможными коллекціями. Шипидинъ давно его зналъ и презиралъ, какъ пустого человѣка. Онъ только махнулъ рукой, когда вихлястая фигура Васяткина шмыгнула въ кабинетъ.

— Тоже другъ...—съ горечью подумалъ Шипидинъ.

Бургардтъ уже спалъ, когда Васяткинъ вошелъ въ каби-

нетъ, и нѣсколько мгновеній не могъ ничего понять, когда его разбудили.

— Я на минутку, дорогой другъ,—говорилъ гость, усаживаясь на диванъ рядомъ.—Нарочно заѣхалъ предупредить васъ, что сегодня вечеромъ Красавинъ будетъ у васъ... да.

Это извѣстіе заставило Бургардта сѣсть. Вѣдь онъ вчера оскорбилъ, кажется, Красавина?

— Не хотите-ли сигарку?—болталъ Васяткинъ, протягивая портсигаръ.—Особенныя, батенька... по случаю... да. А вчера порядочно кутнули... хе-хе! Я видѣлъ счетецъ... около двухъ тысячъ...

Для эффекта Васяткинъ одну тысячу приврралъ. Бургардтъ машинально взялъ у него сигару и, раскуривая ее не съ того конца, сообразилъ, наконецъ, въ чемъ дѣло.

— Значитъ, будетъ и эта... миссъ Мортонъ?—спросилъ онъ, не рѣшаясь договорить главнаго.

Но Васяткинъ предупредилъ неловкій вопросъ:

— Не безпокойтесь, мистрисъ устранена, а миссъ пріѣдетъ съ Ольгой Спиридоновной, которая приняла въ ней почти родственное участіе... У женщинъ бываютъ свои капризы, и Ольга Спиридоновна непремѣнно захотѣла ее привести къ вамъ.

Бургардтъ засмѣялся.

— Не будемте играть въ прятки... Ольга Спиридоновна въ данномъ случаѣ старается подслужиться предъ Красавинымъ и хочетъ устроить ему въ моемъ домѣ свиданіе. Да, я понимаю... гмъ... Только они забыли, что у меня есть дочь...

— Развѣ она здѣсь, а не на дачѣ? Гмъ... да... Впрочемъ, вѣдь, Ню бываетъ у васъ, и мы можемъ выдать миссъ тоже за натурщицу...

Сообщивъ нѣсколько самыхъ свѣжихъ утреннихъ новостей, Васяткинъ уѣхалъ. Бургардтъ былъ взбѣшенъ и далъ рѣзкій звонокъ. Когда явился Андрей, онъ по логикѣ разсерженныхъ людей накинулся на него:

— Какъ ты смѣлъ пустить этого... этого господина, когда я только что легъ спать?!. Ты идіотъ... Понимаешь: идіотъ. Всякій будетъ врываться ко мнѣ въ кабинетъ... понимаешь?

Когда баринъ обругался всласть и отвелъ душу, человѣкъ Андрей, не проронивъ слова въ свое оправданіе, проговорилъ дѣловымъ тономъ:

— Въ самый-бы разъ теперь, вашескородіе, въ баньку... ей Богу! Даже вотъ какъ отлично...

Бургардтъ немного смутился беззащитностью человѣка Андрея, а затѣмъ пришелъ въ восторгъ отъ его мудрой предусмотрительности. Именно, нужна была сейчасъ баня, и все похмѣлье какъ рукой сниметъ. Конечно, отлично сейчасъ направиться въ баню, а потомъ бутылку холоднаго квасу...

— Приготовляй все...—отвѣтилъ онъ тоже дѣловымъ тономъ, стараясь не смотрѣть на невиннаго человѣка Андрея, на которомъ сорвалъ сердце.—Да не забудь взять квасу...

— Помилуйте, церемонія извѣстная...

Не глядя на барина, человѣкъ Андрей вышелъ, тяжело шмыгая ногами, точно онѣ у него прилипали къ полу.

Часа черезъ два Бургардтъ вернулся домой совершенно здоровымъ, точно снялъ съ себя въ банѣ пьяную тяжесть. Онъ любилъ баню и парился на полкѣ, какъ извозчикъ. Андрей встрѣтилъ его въ передней и, снимая пальто, говорилъ:

— Вотъ вы всегда такъ, баринъ... А я не виноватъ. Я думалъ, што у васъ сидитъ этотъ съ мѣшкомъ, ну, а господинъ Васяткинъ и прорвались...

— Ну, хорошо, хорошо...

— Ежели бы я зналъ, такъ я... Очень даже просто.

Послѣ бани Бургардтъ съ часъ отдыхалъ у себя въ кабинетѣ и удивлялся самому себѣ, припоминая событія сегодняшняго утра. Во-первыхъ, ему не слѣдовало выходить въ столовую, а спросить завтракъ въ кабинетъ. Миссъ Гудъ и Анита, конечно, замѣтили по его лицу, какъ онъ провелъ ночь. Ахъ, какъ не хорошо... Дѣвочка уже большая и о многомъ можетъ догадываться. Ему припомнилась сцена, какъ Анита не давала коньякъ и какъ онъ хотѣлъ ей досадить за это насиліе. Нелѣпо и глупо... Навѣрно, у него глаза были красные, а лицо въ пятнахъ. И это отецъ, который долженъ служить примѣромъ. Что подумаетъ о немъ миссъ Гудъ? А тутъ еще вечеромъ соберутся гости... Если бы можно было удалить Аниту куда нибудь на весь вечеръ, но у миссъ Гудъ болитъ нога, и это неисполнимо.

— Вообще, прекрасно...—резюмировалъ вслухъ Бургардтъ свои мысли, проклиная впередъ всѣхъ гостей.—А потомъ эта исповѣдь передъ Григоріемъ Максимычемъ... тоже недурно.

Дальше мысль о гостяхъ развилась неожиданно въ противоположную сторону. Вѣдь всѣ эти люди есть только то, что они есть, и нелѣпо требовать отъ нихъ, чтобы они были другими. Слѣдовательно, нужно было сердиться на самого себя, что проводишь свое время въ такомъ обществѣ. А женщины уже окончательно не были виноваты ни въ чемъ, какъ существа слабыя и зависимыя отъ тысячи случайностей. Бургардту сдѣлалось жаль ихъ всѣхъ. Въ сущности, вѣдь всѣ онѣ такія несчастныя, и каждая тяжелой цѣной расплачивается за свои короткіе успѣхи и сомнительныя побѣды. Если бы его дочь Анита очутилась въ положеніи миссъ Мортонъ... Нѣтъ, лучше о такихъ вещахъ не думать. Бургардта охватила страстная жалость къ дочери, которую онъ, въ сущности, любилъ только формально, и дѣвочка росла по собственной волѣ. Можетъ быть,

эта дѣтская душа уже впитывала въ себя нездоровые міазмы окружавшей ее артистической атмосферы.

— Нѣтъ, все это необходимо перемѣнить...—думалъ Бургардтъ вслухъ, напрасно стараясь придумать изолирующую Аниту комбинацію.

X.

Шипидинъ цѣлый день пробродилъ по городу, разыскивая кое-кого изъ старыхъ знакомыхъ и устраивая разныя дѣла. Когда онъ вышелъ изъ квартиры Бургардта, то сразу почувствовалъ облегченіе отъ какой-то неопредѣленной тяжести, которая испытывается иногда въ жарко натопленныхъ оранжереяхъ. Онъ постоялъ у подъѣзда и про себя похвалилъ жаркій іюньскій денекъ. Со стороны моря надвигались такія хорошія, бѣлогрудыя облака.

— Навѣрно будетъ хорошій дождь...—подумалъ онъ по мужицки, совершенно позабывая, что для города это все равно— будетъ дождь или не будетъ.

Онъ повернулъ къ Николаевскому мосту. По улицѣ попадались больше ломовые, нагруженные бутовымъ камнемъ, кирпичемъ, досками, бочками съ цементомъ, мусоромъ отъ построекъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ шли постройки, обрѣшетченныя высокими лѣсами, по которымъ рабочіе ползали, какъ мухи. Въ воздухѣ пахло свѣжимъ кирпичемъ, известью, деревомъ и пылью. Многоэтажные дома, напоминавшіе соты, росли, какъ грибы, и Шипидинъ почему-то смотрѣлъ нихъ съ недовѣріемъ, какъ на что-то не настоящее и не нужное. Вѣдь если бы такого дома не было, все равно, какъ нибудь люди размѣстились бы по другимъ домамъ. Особенно его занимали несчастные городскіе ребятишки, игравшіе на мостовой, по тротуарамъ, во дворахъ, походившихъ на глубокіе колодцы,—эти дѣти столичной улицы ужасно напоминали городскихъ воробьевъ, которые пурхались въ пыли мостовой. Ему ужасно сдѣлалось жаль этихъ несчастныхъ ребятишекъ, которые никогда-никогда не увидятъ деревенскаго простора и должны замереть въ своихъ подвалахъ и чердакахъ.

Набережная отъ Николаевскаго моста до Горнаго института всегда нравилась Шипидину, и онъ еще юношей простаивалъ на ней цѣлые часы, наблюдая кипучую работу тысячъ людей. Какъ красивы были всѣ эти суда, особенно морскія, выстроившіяся вдоль набережной въ нѣсколько рядовъ. Въ нихъ чувствовалось какая-то особенная сила, какъ у перелетныхъ птицъ сравнительно съ домашними. И матросы все были молодецъ къ молодцу, загорѣлые, сильные, какіе-то совсѣмъ осо-

бенные люди. Хороши были и крючники, разгружавшіе суда, и ломовики, нагружавшіе свои телѣги, и заморскіе мореходы—финляндскіе, шведскіе, датскіе, голландскіе, нѣмецкіе, англійскіе. Набережная являлась какимъ-то международнымъ пунктомъ, гдѣ разныя національности сошлись въ общей работѣ. Шипидинъ долго бродилъ по набережной и не могъ утерпѣть, чтобы не спрашивать, что заключается въ тысячахъ этихъ тюковъ бочекъ и ящиковъ. Шмыгавшіе вездѣ юркіе артельщики оглядывали его довольно подозрительно, а одинъ съ особенной грубостью отвѣтилъ ему:

— Проваливай... Вчерашній день потерялъ?

Кто-то засмѣялся, и Шипидинъ ушелъ. На набережной безъ него толклось достаточно любопытныхъ. Онъ уносилъ съ собой ту тихую тоску, которая преслѣдуетъ бывалыхъ людей, когда они встрѣчаютъ знакомыя сцены и знакомую обстановку. Когда-то и онъ суетился на такихъ набережныхъ, каталъ бочки и помощникомъ кочегара переплывалъ Атлантическій океанъ. Да, тогда была вѣра во что-то, что тамъ, за морями и горами, и что было разбито самымъ безжалостнымъ образомъ. А всетаки жаль... Въ душѣ проснулась такая зовущая хорошая тоска.

Шипидинъ еще разъ полюбовался съ Николаевскаго моста на красавицу Неву, уставленную точно отдыхавшими морскими судами, и неторопливымъ шагомъ отправился на другую сторону. Чѣмъ онъ ближе подвигался къ центру, тѣмъ сильнѣе вниманіе стоявшихъ на посту городовыхъ сосредоточивалось на его мѣшкѣ.

— Эй, ты, мужланъ, долой съ панели,—грубо остановилъ его одинъ изъ блюстителей порядка, когда онъ уже подходилъ къ Невскому.

Эффектъ получился еще больше, когда Шипидинъ вошелъ въ переднюю одного департамента. Расшитый швейцаръ даже онѣмѣлъ отъ изумленія.

— Мнѣ Петрова...—началъ было Шипидинъ.

— У насъ нѣтъ никакого Петрова.

— Вы ошибаетесь: Сергѣй Васильевичъ Петровъ...

— Ихъ превосходительство заняты...

— Всетаки будьте любезны передать ему мою записку. Я сейчасъ напишу...

Петровъ, старый товарищъ по университету, оказался гораздо вѣжливѣе швейцара и встрѣтилъ Шипидина въ дверяхъ своей пріемной.

— Какими судьбами, голубчикъ?—спрашивалъ онъ, обнимая и цѣлуясь съ гостемъ.—А я ужъ думалъ, что тебя и въ живыхъ нѣтъ... Очень, очень радъ!..

Подтянутый, чистенькій, съ благообразной сѣдиной и по-

чтительно строгимъ лицомъ, этотъ Петровъ былъ типичнымъ чиновникомъ изъ новыхъ. Онъ много разспрашивалъ Шипидина объ его жизни и особенное вниманіе обратилъ на положеніе его дѣтей, причемъ проявилъ замѣчательную проницательность, заставившую Шипидина съежиться.

— Четверо дѣтокъ? Очень, очень хорошо... Три сына и дочь? Отлично... Учатся...

— Да, т. е. дома...

— А сколько лѣтъ старшему?

— Шестнадцать, кажется...

Благообразно-проницательное министерское лицо приняло скорбное выраженіе.

— Очень, очень хорошо, т. е. совершенно наоборотъ, Григорій Максимовичъ... Ты ужъ меня извини, а я долженъ тебѣ сказать откровенно, какъ старый другъ... да... Дѣло въ томъ, что свою личную жизнь ты могъ устраивать, какъ хотѣлъ, причемъ, въ случаѣ неудачнаго опыта, благодаря тому капиталу, который ты несешь въ себѣ въ формѣ образованія и извѣстной культуры, могъ всегда вернуться въ привилегированную, нашу колею. Да... Но, по моему мнѣнію,—ты извини меня!—судьбой дѣтей ты не могъ такъ распоряжаться... Возьмемъ самый близкій вопросъ: воинская повинность?

— А если я, слѣдовательно, не желаю для своихъ сыновей никакихъ льготъ?

— Замѣть: это *ты* не желаешь, а вѣдь *они* имѣютъ право и на свои желанія... Вообще, вопросъ крайне серьезный. и я буду радъ поговорить о немъ съ тобой серьезно, когда буду свободенъ. Сейчасъ я живу въ Павловскѣ, на дачѣ... Тоже женатъ, очень недавно, впрочемъ, и уже имѣю шестимѣсячнаго бебешку. Да, такъ ты и пріѣзжай ко мнѣ на дачу... Сегодня у меня коммиссія... завтра — тоже... дѣла. Вообще вся недѣля занята, а на будущей...

— Я на дняхъ уѣзжаю...

— Оставайся, голубчикъ. Я такъ радъ...

— Слѣдовательно, не могу... У насъ страда начинается.

Чиновный другъ, видимо, былъ радъ такой счастливой развязкѣ, хотя и прибавилъ съ грустью:

— Знаешь, я начинаю какъ-то терять *нашихъ* изъ виду... Ужасно обидно. Они не много косятся на меня... да... Я это понимаю, и самъ отношусь немного скептически къ своей чиновничьей дѣятельности, но что подѣлаешь—слабый характеръ, не выдержалъ... Если тебѣ что нибудь нужно будетъ относительно дѣтей, то я съ удовольствіемъ... посовѣтовать, указать...

По генеральской привычкѣ Петровъ при прощаньи первый протянулъ руку.

Умудренно-проницательный чиновникъ сразу попалъ въ

самое больное мѣсто Шипидина, какъ давеча Бургардтъ, который такъ искренно жалѣлъ, что не отдалъ свою Аниту ему на воспитаніе. Петровъ оказался умнѣе и проницательнѣе, и Шипидинъ, шагая по тротуару, только встряхивалъ головой.

— Слѣдовательно, капиталъ образованія и культуры...—бормоталъ онъ.—Хитрый чинушка... И все это такъ любезно...

Слѣдующимъ номеромъ былъ визитъ къ знаменитому дѣтскому врачу, тоже товарищу и даже однофамильцу. Нужно было посовѣтоваться относительно борьбы съ дѣтскими эпидеміями. На одной изъ модныхъ улицъ, у шикарнаго подъѣзда стоялъ великолѣпный рысакъ съ кучеромъ—чудовищемъ, у котораго на спинѣ были прикрѣплены къ поясу круглые часы. Шипидинъ въ первый разъ видѣлъ эту новинку и невольно засмѣялся. Въ подъѣздѣ онъ не утерпѣлъ и спросилъ швейцара, чей это кучеръ съ часами на поясницѣ.

— Доктора Шипидина...

— Значитъ, онъ дома?

— Стало быть, дома...

Этотъ кучеръ простаивалъ безъ дѣла у подъѣзда иногда цѣлые дни, но паціенты должны были понимать, какъ дорого время знаменитаго человѣка.

Дверь отворила накрахмаленная, очень строгая горничная, оглядѣла незавиднаго гостя съ ногъ до головы и сказала:

— Я сейчасъ узнаю... Какъ о васъ доложить? Пожалуйте въ пріемную...

Шипидинъ написалъ записку и передалъ горничной, а самъ въ ожиданіи принялся разсматривать солидно обставленную пріемную. Тутъ все было солидно—мебель, ковры, бронза, картины, цѣлая витрина съ цѣнными подарками благодарныхъ кліентовъ. Въ углу стояли старинные англійскіе часы и маятникъ ходилъ съ медленной важностью. Гдѣ-то слышались осторожные шаги, потомъ осторожно пріотворилась массивная дверь, и Шипидину показалось, что въ щель на него смотрѣлъ самъ знаменитый другъ, но вмѣсто него вышелъ толстый мопсъ. Собака хрипѣла отъ ожиренія, но сочла долгомъ подойти къ кліенту и ткнуть его своимъ чернымъ сплюснутымъ носомъ въ руку. Потомъ послышались шаги и въ пріемную быстро вошла молодая, но болѣзненная и некрасивая дама.

— Простите, пожалуйста, что я прочла вашу записку,—заговорила она, протягивая руку. — Я—жена Ильи Алексѣевича... Онъ такъ будетъ жалѣть, что вы не застали его дома. Я много слышала о васъ и рада лично познакомиться... Илья Алексѣевичъ только что вышелъ, и я удивляюсь, какъ вы не встрѣтились съ нимъ на лѣстницѣ.

— Слѣдовательно, какъ же его лошадь стоитъ у подъѣзда?

— А онъ пошелъ пѣшкомъ къ больному рядомъ...

— Слѣдовательно, какъ же швейцаръ сказалъ, что онъ дома?

— Нашъ швейцаръ глупъ и вѣчно спитъ...

Она лгала съ такой измученной улыбкой, что Шипидину сдѣлалась, наконецъ, ее жаль. Знаменитый однофамилецъ просто не хотѣлъ его принять.

— Слѣдовательно, я зайду въ другой разъ,—проговорилъ Шипидинъ, дѣлая видъ, что всему повѣрилъ.

Знаменитый другъ, спрятавшись за драпировку, видѣлъ, какъ Шипидинъ переходилъ черезъ улицу, перекинувъ мѣшокъ черезъ плечо, и только покачалъ головой. Когда жена вошла въ кабинетъ, онъ сказалъ:

— Что можетъ быть хуже нашей проклятой профессіи? Ни одной свободной минуты, чтобы поговорить со старымъ другомъ... А этотъ Шипидинъ—замѣчательный человѣкъ. Говоря откровенно, я даже завидую ему...

Взглянувъ на часы—у доктора въ кабинетѣ вездѣ были часы: на письменномъ столѣ, на каминѣ, на стѣнѣ, такъ что куда онъ ни повертывался—его драгоцѣнное время показывалось съ точностью,—докторъ прибавилъ:

— У меня сейчасъ визитъ къ княгинѣ Оводовой... да...

Жена покорно его слушала, не вѣрила ни одному его слову и смотрѣла на него влюбленными овечьими глазами.

XI.

Шипидинъ пробродилъ по Петербургу до поздняго вечера. Онъ заходилъ въ складъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, чтобы просмотрѣть новый плужокъ, усердно рекламированный въ газетахъ, потомъ былъ въ редакціи одной газеты, куда посылалъ иногда корреспонденціи, потомъ очутился на Пескахъ, гдѣ жилъ одинъ изъ «нашихъ». Это былъ интеллигентный человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, ютившійся въ грязномъ надворномъ флигелѣ съ громадной семьей.

— Иванъ Петровичъ дома?

— А куды ему дѣться...—грубо отвѣтила грязная кухарка.

Иванъ Петровичъ, испитой сгорбленный господинъ, съ тревожно бѣгавшими безцвѣтными глазками, былъ типичнымъ представителемъ интеллигентнаго столичнаго пролетаріата. Онъ всю жизнь чего-то ждалъ, на что-то надѣялся и смотрѣлъ на свое настоящее, какъ на переходное состояніе. Главное, нужно было выдержать характеръ, не поддаться fortuna adversa и т. д. Встрѣтилъ онъ гостя съ неподдѣльной радостью и сейчасъ же послалъ кухарку за пивомъ.

— Слѣдовательно, я не пью...—заявилъ Шипидинъ.

— У тебя вѣчныя фантазіи!.. По крайней мѣрѣ, не мѣшай мнѣ порадоваться за тебя. Мнѣ докторъ прописалъ пить пиво, въ умѣренномъ количествѣ, конечно...

Квартира была грязная, обстановки никакой, изо всѣхъ дверей выглядывали грязныя дѣтскія рожицы, изъ кухни воняло жаренымъ лукомъ и еще какой-то дрянью. Хозяинъ пилъ пиво и все время говорилъ только о себѣ, о своихъ планахъ, причемъ кого-то бранилъ и обѣщался отомстить. Между прочимъ, досталось и генералишкѣ Петрову, и доктору Шипидину, и Бургардту. Шипидинъ терпѣливо его слушалъ, выжидая удобный моментъ, чтобы уйти поскорѣе.

Шипидинъ вздохнулъ свободнѣе, когда вышелъ изъ этого мертваго дома. Да, есть люди, которымъ нужно воспретить закономъ имѣть семьи, какъ это ни жестоко. Онъ съ тоской думалъ о чумазыхъ дѣтскихъ личикахъ и о собственномъ эгоизмѣ. Вотъ онъ взялъ и ушелъ, потому что ему было непріятно смотрѣть на эту западню, а Иванъ Петровичъ остался и будетъ пить свое пиво, пока его не съѣстъ чахотка или не разобьетъ параличъ. Если бы взять этихъ несчастныхъ дѣтей и воспитать ихъ въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ... Ему опять пришли на память отрывистыя слова мудраго чиновника относительно его собственныхъ дѣтей.

— Слѣдовательно, капиталъ образованія и культуры,— повторялъ онъ, покачивая головой.

Слѣдующіе визиты къ «нашимъ» были удачнѣе. Люди какъ люди, хотя и пропитавшіеся столичнымъ ядомъ. Одинъ учитель гимназіи мечталъ даже о своей землѣ.

— У насъ почти всѣ мечтаютъ о землѣ,—объяснялъ онъ.— Конечно, не о подвигѣ, а просто о землѣ. Не нужно крайностей, а нуженъ простой нормальный человѣкъ. Прежде всего, необходимо, чтобы дѣти видѣли для сравненія деревню и деревенскую жизнь.

— Слѣдовательно, вродѣ нагляднаго урока или чтенія объяснительнаго?

— Называй, какъ хочешь... Ты думаешь, что мы не понимаемъ, что ростимъ изъ нашихъ дѣтей какихъ-то квартирантовъ, у которыхъ всѣ дѣтскія впечатлѣнія и воспоминанія будутъ примѣняемы къ тѣмъ квартирамъ, гдѣ они жили, и у самыхъ счастливыхъ къ какому нибудь дачному мѣсту. Нѣтъ, братику, отлично понимаемъ... А вотъ мы имъ покажемъ настоящую деревню, пусть смотрятъ и учатся...

— Но не живутъ?

— А это ужъ они сами... да. Теперь у насъ по части фантазій весьма тихо. Копимъ деньги и присовокупляемъ... Глядишь, годиковъ черезъ десять-пятнадцать имѣньишко и вы-

росло. Ребята будутъ на свѣжемъ воздухѣ цѣлое лѣто проводить, а я буду капусту да рѣдьку садить...

— Пріятное съ полезнымъ, значитъ?

— Это, положимъ, не идеалъ и даже очень не идеалъ, но приходится довольствоваться возможнымъ. Вѣдь и ты, въ сущности, ведешь только фермерское хозяйство, значитъ, остановился на полдорогѣ. А ты запишись въ настоящіе мужики, войди членомъ въ настоящую мужицкую общину, вози становаго и исправника, отбывай повинность какого нибудь старосты—вотъ это будетъ послѣдовательно.

— Ты говоришь такъ потому, что не знаешь совсѣмъ деревни, гдѣ и фермерское хозяйство тоже нужно. Именно, фермерское, а не помѣщичье или арендаторское.

— Вѣдь и наша дѣятельность тоже нужна, голубчикъ. Мы тоже не сидимъ, сложа руки... У насъ и ремесленныя школы, и школьныя лѣтнія колоніи, и пріюты, и санаторіи.

— Однимъ словомъ, чудеса въ рѣшетѣ.

Учитель обидѣлся и замолчалъ. Шипидинъ тоже былъ задѣтъ за живое его замѣчаніемъ о поступленіи въ настоящіе мужики и постарался выяснить разницу, которая принципіально раздѣляетъ его хозяйство отъ ихъ дачныхъ утѣхъ.

— Для меня мое хозяйство — все, въ моей работѣ есть нравственный смыслъ. Умѣть своими руками заработать свой кусокъ хлѣба—великая вещь и заработать настоящимъ трудомъ, а не жалованіемъ, разными дипломными синекурами и культурными привилегіями. Если я ѣмъ кусокъ хлѣба, то я знаю, что я дѣйствительно его заработалъ тяжелымъ трудомъ. Затѣмъ, что мое хозяйство имѣетъ такое же значеніе, какъ и крестьянское—доказательство на-лицо. Нынче въ нашей Тамбовской губерніи урожай, а въ результатѣ страшное паденіе цѣнъ на хлѣбъ. Въ помѣщичьихъ хозяйствахъ получается такая комбинація: если убрать хлѣбъ и продать его, то получится чистаго убытка около четырнадцати рублей, считая арендную стоимость десятины въ двадцать рублей. Положеніе глупое: урожай плохой—цѣны хорошія и продавать нечего, а урожай хорошій—убытокъ землевладѣльцу, который работаетъ чужими руками. За то мужикъ радуется и мужицкій трудъ поднимается въ цѣнѣ. Я тоже радуюсь, потому что урожай для меня обезпеченіе на цѣлый годъ, а работаю самъ съ своей семьей—слѣдовательно, повышеніе цѣны на рабочія руки меня не касается. Кажется, ясно?

Друзья разстались чуть не врагами, обвиняя другъ друга въ непониманіи. Шипидинъ не былъ въ Петербургѣ лѣтъ пять и былъ особенно огорченъ: и онъ не понималъ, и его не понимали, а въ результатѣ изъ «нашихъ» получались чужіе люди. Да, это были настоящіе обломки разбитаго корабля...

Было уже часовъ десять вечера, когда Шипидинъ опять очутился на петербургской улицѣ, пыльной и еще не остывшей отъ дневного зноя. Духота висѣла въ воздухѣ. Рабочая суета на улицахъ прекратилась, смѣнившись обычной вечерней сутолокой. Летѣли на острова экипажи, по тротуарамъ торопливо шли на свой промыселъ жертвы общественнаго темперамента, какіе-то подозрительные молодые люди въ котелкахъ и просто люди, желавшіе какъ нибудь убить свое ненужное время. Милліонное чудовище засыпало тревожнымъ и тяжелымъ сномъ, придавленное болѣзненнымъ кошмаромъ.

— И люди могутъ здѣсь жить?—думалъ Шипидинъ, шагая по широкой панели Невскаго. — Имъ не страшно за каждый новый день? Вѣдь могутъ уѣхать на лѣто куда нибудь на дачу только избранники, а остальные заперты здѣсь навсегда.

И если подумать, что вся эта живая сила въ разное время вытянута изъ провинціи и похоронена здѣсь навсегда—получалось ужасное впечатлѣніе. Въ молодости и онъ провелъ не одно лѣто въ Петербургѣ, но тогда все скрашивалось молодымъ настроеніемъ, работой и надеждами. Ему даже нравился Петербургъ лѣтомъ, благодаря красавицѣ Невѣ и взморью. Да, онъ помнилъ свои бѣлыя ночи, когда былъ по своему счастливъ...

Мучительное чувство одиночества охватило Шипидина, и онъ даже закрылъ глаза, мысленно уносясь въ свою деревню, гдѣ сейчасъ такъ было хорошо. Онъ даже хотѣлъ вернуться въ свои меблированныя комнаты, но хотѣлось взглянуть на Неву ночью, когда онъ особенно ее любилъ. Ноги машинально двигались впередъ, и Шипидинъ уже чувствовалъ вѣявшую со стороны рѣки прохладу.

— Да, чужой, совсѣмъ чужой...—повторялъ онъ.

На Николаевскомъ мосту онъ опять остановился, не зная, идти ему къ Бургардту или нѣтъ. Нева плыла, точно подернутая матовымъ серебромъ, на мачтахъ судовъ яркими звѣздочками теплились разноцвѣтные фонарики, такія же звѣздочки бѣжали по водѣ, отражавшей въ себѣ параллельныя линіи береговыхъ фонарей. Гдѣ-то тихо плескалась сонная вода, гдѣ-то рѣзко прорѣзывалъ воздухъ пароходный свистокъ, гдѣ-то слышалось непріятное дребезжаніе извозчичьей пролетки...

— Да, капиталъ образованія и культуры, — еще разъ повторилъ про себя Шипидинъ, дѣлая поворотъ на Васильевскій островъ.

Ему вдругъ захотѣлось быть въ обществѣ и видѣть незнакомыхъ людей, тѣмъ болѣе, что у Бургардта соберутся разные художники и артисты, а къ искусству у Шипидина сохранялась какая-то неопредѣленная и мучительная тяга — послѣдній остатокъ его культурныхъ привычекъ.

XII.

Когда Шипидинъ раздѣвался въ передней, человѣкъ Андрей встрѣтилъ его особенно непривѣтливо. Дескать, всякій претъ къ Егору Захарычу, а тутъ ждутъ Красавина. Изъ гостиной уже доносился трескучій голосъ Саханова, а на звонокъ въ дверяхъ показалась голова Васяткина и сейчасъ же скрылась. Шипидинъ былъ пріятно удивленъ, когда увидѣлъ Бургардта совершенно трезвымъ, именно такимъ, какимъ онъ его любилъ— скромный, умный, съ застѣнчивой улыбкой.

Въ гостиной, въ «азіатскомъ уголкѣ», освѣщенномъ модной лампой на высокой тонкой подставкѣ, сидѣли какія-то дамы и тутъ же миссъ Гудъ съ Анитой. Изъ дамъ Шипидинъ узналъ одну Ольгу Спиридоновну, которую встрѣчалъ раньше и которая успѣла сильно обрюзгнуть и постарѣть. Она сегодня находилась въ умиленномъ настроеніи и все время ухаживала за миссъ Мортонъ, которую приняла подъ свое крылышко. Анита такъ и впилась въ новую гостью, которая ей казалась какимъ-то ангеломъ, и дѣвочка не могла отвести отъ нея глазъ. Ей страстно хотѣлось сѣсть съ ней рядомъ, взять за руку и, вообще, чувствовать близость этой живой красоты. Даже нѣмота частью являлась въ глазахъ Аниты какимъ-то достоинствомъ, какъ молчатъ мраморныя статуи и картины, которыя она любила. Миссъ Мортонъ нѣсколько разъ улыбнулась ей, и Анита краснѣла вмѣстѣ съ ушами. Это было то дѣтское обожаніе, которое испытываютъ дѣвочки-подростки въ своемъ критическомъ переходномъ возрастѣ.

Бургардтъ наблюдалъ дочь и, по привычкѣ художника, обдумывалъ тему экзальтированной молящейся дѣвочки. Сейчасъ Анита была почти красива, и это было опять новой темой, именно сдѣлать некрасивое лицо подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго возбужденія красивымъ. Противъ ожиданія, строгая миссъ Гудъ отнеслась къ новой гостьѣ съ большимъ сочувствіемъ, вѣроятно, благодаря ея нѣмотѣ, съ одной стороны, и потомъ тому, что миссъ Мортонъ разговаривала съ ней на бумагѣ на чистомъ англійскомъ языкѣ. Вообще, миссъ Мортонъ на всѣхъ произвела выгодное впечатлѣніе, и даже Шипидинъ, забившись въ уголокъ, разсматривалъ ее съ особеннымъ вниманіемъ, котораго женщинамъ не удѣлялъ вообще.

— Ну, что?—спросилъ его Бургардтъ вполголоса, указывая на миссъ Мортонъ глазами.—Не правда-ли хороша?

Шипидинъ сразу точно съежился. Его даже покоробила послѣдняя фраза. Развѣ можно *такъ* говорить о несчастіи? Просто, несчастная дѣвушка, которая попала въ очень сомнительную обстановку. Ему вообще не нравилось, какъ Бургардтъ

смотрѣлъ на женщинъ,— онъ вездѣ видѣлъ скрытое платьемъ живое женское тѣло и расцѣнивалъ его формы по спеціальному масштабу. Это его возмущало всегда, а теперь въ особенности. Несчастіе имѣетъ право если не на уваженіе, то на скромность.

— Зачѣмъ она здѣсь?—отвѣтилъ онъ Бургардту вопросомъ.

Бургардтъ немного смутился и ничего не отвѣтилъ. Шипидинъ не желалъ понимать, что такое художникъ.

Марина Игнатьевна сидѣла въ тѣни развѣсистой латаніи и терпѣливо выслушивала жалобы Бахтерева. Ей какъ-то всегда приходилось выслушивать чужія жалобы, и она точно была по заказу создана терпѣливой слушательницей. Бахтеревъ стоялъ передъ ней и жаловался, дѣлая театральные жесты. Помилуйте, гдѣ же справедливость, когда его коронную роль Гамлета передаютъ какимъ-то безмозглымъ мальчикамъ? Положимъ, что его фигура округлилась, но вѣдь въ одной ремаркѣ Шекспира Гамлетъ прямо названъ жирнымъ, а Росси шестьдесятъ лѣтъ, у него порядочный животикъ, и старикъ все-таки продолжаетъ играть Гамлета.

— Да, да...—соглашалась Марина Игнатьевна.

— Вообще, наши театральные порядки ни къ чорту не годятся,— продолжалъ Бахтеревъ, подогрѣтый искренностью тона своей терпѣливой слушательницы.—Развѣ у насъ есть піесы? Что ни новая піеса, то провалъ. Нынѣшніе драматурги прямо пишутъ свои піесы для извѣстнаго костюма какой-нибудь премьерши... И вездѣ первое мѣсто отводится именно женскимъ ролямъ и даже названія піесы прямо говорятъ только о женщинахъ: «Медея», «Татьяна Рѣпина», «Ольга Ранцева»... Намъ, мужчинамъ, актерамъ, скоро отведется мѣсто статистовъ, какъ балетнымъ танцорамъ... Да, театръ падаетъ, вѣрнѣе — совершенно упалъ.

Бахтеревъ, какъ только просыпался утромъ, начиналъ припоминать нанесенныя ему въ разное время обиды и постепенно взвинчивалъ себя на цѣлый день. У него выработалась даже стереотипная улыбка, когда онъ встрѣчалъ кого нибудь изъ знакомыхъ, которые должны были понять, какъ міръ несправедливо относится къ нему и какъ онъ стоитъ головой выше этихъ мелочей. Марина Игнатьевна, по сценѣ Бачульская, могла бы разсказать изъ своей практики гораздо больше, потому что одинокой артисткѣ, незаручившейся крупнымъ и вліятельнымъ покровителемъ, приходилось терпѣть и отъ антрепренеровъ, и отъ рецензентовъ, и отъ товарищей по сценѣ. Но она не любила говорить о своихъ невзгодахъ, ограничиваясь фразой:

— Вездѣ вѣдь одно и то же...

Между прочимъ, и Сахановъ приложилъ руку, когда она

выступала въ «Озеркахъ» въ одной изъ лучшихъ ролей, причемъ самъ же привезъ къ ней номеръ газеты и сказалъ со свойственнымъ ему нахальствомъ:

— Видите, мой другъ, насколько я безпристрастенъ... Да, я могу ошибаться, но не буду лгать. Презирайте меня, выгоните вонъ, но я всегда писалъ и пишу, что думаю.

Между прочимъ, какъ театральный рецензентъ, Сахановъ пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ, и послѣ его рецензіи Бачульская не рѣшилась дебютировать на императорской сценѣ. Сегодня онъ былъ особенно великолѣпенъ, потому что надѣлъ самый модный лѣтній костюмъ изъ бѣлой фланели съ тоненькими голубыми полосками, точно онъ весь былъ разграфленъ, какъ ученическая тетрадка. У него была дурная привычка что нибудь вертѣть въ рукахъ во время разговора, и сегодня ему попалась черная фетровая шляпа Марины Игнатьевны.

— Да оставьте вы шляпу!—уговаривала его Ольга Спиридооновна.—Вѣдь за нее деньги плачены...

Въ обществѣ Сахановъ обыкновенно завладѣвалъ разговоромъ и обладалъ способностью говорить безъ умолку. Впрочемъ, онъ умѣлъ быть интереснымъ и уснащалъ свою рѣчь тысячью цитатъ, къ которымъ питалъ большую слабость. Онъ былъ и уменъ, и рѣчистъ, и остроуменъ, но писалъ скверно, какъ-то вяло и безцвѣтно, точно за него писалъ кто-нибудь другой. Когда-то онъ мечталъ объ ученой карьерѣ и нѣсколько лѣтъ готовилъ большую работу по исторіи Византіи, съ которой и провалился самымъ торжественнымъ образомъ. Это обозлило его навсегда, и ему казалось, что всѣ потихоньку смѣются надъ нимъ. Благодаря развившейся мнительности, онъ разошелся со своимъ ученымъ кругомъ и навсегда потонулъ въ болотѣ журнальныхъ спеціалистовъ, обязанныхъ знать все на свѣтѣ. Бургардтъ въ одно и то же время и любилъ его, какъ безспорно умнаго и образованнаго человѣка, и почти ненавидѣлъ, какъ болтуна и крайне пристрастнаго человѣка, на котораго нельзя было положиться ни на одну секунду. Теперь для Саханова было единственнымъ удовлетвореніемъ, если его слушали внимательно, смѣялись его остротамъ и, вообще, считали умнымъ человѣкомъ. Въ противномъ случаѣ онъ мстилъ, терпѣливо выжидая удобнаго случая, а въ такихъ случаяхъ недостатка не было, потому что онъ вращался въ пестрой средѣ артистовъ, художниковъ и своей братіи журналистовъ.

Сейчасъ Сахановъ по совершенно неизвѣстнымъ причинамъ разносилъ искусство вообще, искусство девятнадцатаго вѣка въ частности и русское въ особенности.

— Искусство—это фантазія сытаго человѣка... да. Больше: пресыщенаго человѣка. Мнѣ надоѣли женщины, я уже потерялъ всякій аппетитъ и могу смотрѣть только на нарисован-

ную женщину. Корова Ванъ-Гуттена въ Эрмитажѣ стоитъ сто тысячъ рублей... За что? Развѣ въ картинахъ, статуяхъ, музыкѣ, стихахъ и прозѣ жизнь? Все это жалкая поддѣлка подъ жизнь, нашъ самообманъ и самодурство... Приведите свѣжаго, нетронутаго человѣка и покажите ему Рубенса или Канову — онъ отвернется, потому что это самая условная ложь. Всѣ школы и направленія во всякомъ искусствѣ сводятся только на новую форму лжи... Всего удивительнѣе то, что сами художники доводятъ себя до той степени самогипноза, что начинаютъ сами вѣрить въ свои произведенія. Я понимаю, какъ одинъ старый художникъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ рисовалъ одну ручку метлы... Публика тоже гипнотизируетъ себя, когда ахаетъ надъ произведеніями искусства и даже проливаетъ слезы... Получается взаимное одолженіе...

— Позвольте, г. Сахановъ, а работа артиста?—перебилъ его Бахтеревъ, выпячивая грудь и надуваясь.

— Вы хотите сказать объ артистахъ актерахъ? Это уже область подражательныхъ способностей и по моему самый лучшій актеръ—обезьяна.

— Вѣроятно, вы хотѣли сказать наоборотъ: обезьяна—самый лучшій актеръ,—нашелся Бахтеревъ.

— Браво, Бахтеревъ! аплодировала Ольга Спиридоновна.

— Слѣдовательно, позвольте, есть здоровое и хорошее искусство,—неожиданно вмѣшался Шипидинъ изъ своего угла.

— Именно? Это очень интересно слышать...—иронически отвѣтилъ Сахановъ.

— Вы говорите парадоксами и правы въ томъ отношеніи, что въ искусствѣ есть свои мертвыя точки и отрицательныя стороны, но есть и другое искусство, серьезное, идейное, глубокое, которое освѣщаетъ намъ жизнь, какъ путеводный маякъ. Я укажу безъ комплиментовъ на нашу русскую школу... да-съ. Наши художники, не всѣ, конечно, дѣлаютъ большое и хорошее дѣло, пока не подлаживаются ко вкусамъ толпы и капризамъ меценатовъ. Не буду называть именъ—они извѣстны слишкомъ хорошо всѣмъ.

Завязался горячій споръ, причемъ Сахановъ нѣсколько смутился, когда взъерошенный субъектъ въ поддевкѣ началъ приводить въ подтвержденіе своихъ словъ цитаты по нѣмецки и по французски.

Бургардтъ, вообще, не выносилъ этихъ безконечныхъ русскихъ споровъ съ ихъ ожесточеніемъ, колкостями и взаимнымъ нежеланіемъ понимать противника, хотя Шипидинъ представлялъ исключеніе и спорилъ корректно, съ достоинствомъ искренно убѣжденнаго человѣка. Когда Сахановъ встрѣчалъ болѣе сильнаго противника, онъ прибѣгалъ къ одному маневру—вынималъ часы, дѣлалъ видъ, что подавлялъ зѣвоту, и говорилъ:

— Кажется, мы достаточно не понимаемъ другъ друга и продолжать непонимать еще болѣе—не стоитъ...

Онъ такъ сдѣлалъ и сейчасъ.

Бургардтъ все время наблюдалъ миссъ Мортонъ и переживалъ какую-то тихую и такую хорошую радость, точно ожила одна изъ тѣхъ статуй, которыя когда-то грезились ему. Это былъ чудный молодой сонъ, который заслонялъ все остальное. А она была такъ хороша и чиста въ своемъ непониманіи, въ ореолѣ дѣвичьей невинности и въ этомъ молчаніи, скрывавшемъ таинственнаго внутренняго человѣка, точно это было не земное существо, а пришелецъ изъ какого-то другого міра. Бургардту хотѣлось сказать вотъ именно этой нѣмой дѣвушкѣ, какой онъ нехорошій человѣкъ, какъ безумно растрачиваетъ свои лучшіе годы, какъ зарываетъ въ землю данный ему Богомъ талантъ и какъ раскаивается каждый разъ, чтобы повторить то же самое. Именно, сказать все это, чтобы почувствовать освѣжающій здоровый стыдъ, обновиться душой, стряхнуть съ себя испорченнаго человѣка... И вдругъ, среди этихъ размышленій, въ головѣ Бургардта, какъ смертный приговоръ, мелькнула припомнившаяся ему именно сейчасъ фраза Бачульской, сказанная вчера: «Вамъ *нечѣмъ* любить...»

— Нѣтъ, не правда!..—мысленно сказалъ Бургардтъ, отыскивая глазами Марину Игнатьевну, которая съ ангельскимъ терпѣніемъ битый часъ выслушивала жалобы Бахтерева.

XIII.

Шипидинъ не вытерпѣлъ дальнѣйшихъ разглагольствованій Саханова и ушелъ въ мастерскую, гдѣ Гаврюша работалъ при слабомъ освѣщеніи. Именно только при этомъ освѣщеніи выступали рельефы въ своей живой полнотѣ. У Гаврюши никакъ не удавался античный затылокъ Гамлета, именно мускулы cucullaris и latissimus dorsi. Затѣмъ, чувствовалось что-то неестественное въ легкомъ поворотѣ головы, точно у Гамлета болѣла шея. Увлекшись своей работой, Гаврюша не обратилъ вниманія на Шипидина, который по обыкновенію скромно помѣстился въ уголкѣ. Вѣроятно въ ожиданіи гостей, всѣ работы были открыты и производили теперь странное впечатлѣніе, точно то сказочное царство, гдѣ всѣ заснули: застылъ на губахъ Гамлета его горькій монологъ, окаменѣла благословляющая рука препод. Сергія, Ромео и Джульета замерли, бюстъ Ольги Спиридоновны смотрѣлъ какими-то пустыми глазами, изъ которыхъ выкатилась жизнь. Появился на свѣтъ еще новый барельефъ, котораго давеча Шипидинъ не замѣтилъ—онъ занималъ боковую стѣну и заслонялся со стороны входа печкой.

На первомъ планѣ была молодая женщина верхомъ на конѣ. Она была одѣта по мужски, но съ распущенными волосами, съ лукомъ въ рукахъ. Около лошади толпилась невыяснившіяся еще фигуры какихъ-то людей, которые хватались за поводья, угрожающе поднимали руки кверху и, вообще, страшно волновалась, точно хотѣли вылѣзти изъ непросохшей глины.

— Что это такое?—спросилъ Шипидинъ.—Жанна Д'Аркъ?

— Нѣтъ, это Марина Мнишекъ... Взятъ моментъ, когда она бѣжала изъ Тушина и явилась въ станѣ Сапѣги, одѣтая въ костюмъ польскаго воина.

Замѣтивъ, что Шипидинъ любуется Мариной, Гаврюша прибавилъ:

— Не правда-ли, какая экспрессія? А лицо Марины... За такихъ женщинъ умираютъ. На выставкѣ вся публика ахнетъ, и никто не будетъ подозрѣвать, что вотъ эта самая Марина продавала булки и сухари на Пескахъ. Красавинъ, кажется, хочетъ купить и барельефъ, и оригиналъ.

— Что съ вами, Гаврюша?—удивился Шипидинъ, глядя на покрывшееся пятными круглое лицо Гаврюши.—Вѣдь вы, вѣроятно, повторяете какую нибудь ходячую сплетню... Не хорошо, молодой человѣкъ.

Лицо Гаврюши приняло злое выраженіе, которое совсѣмъ не шло къ нему, онъ уже раскрылъ ротъ, чтобы отвѣтить, но въ этотъ моментъ послышался громкій звонокъ въ передней и слышно было, какъ торопливо пробѣжалъ человѣкъ Андрей. Гаврюша быстро сбросилъ съ себя рабочую блузу, торопливо вымылъ руки и ушелъ. Шипидинъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, покачалъ головой и подумалъ:

— Этотъ молодой человѣкъ плохо кончитъ... Что за фантазія была у Егора выхватить этого мальчика изъ родной обстановки и бросить въ омутъ искусства?

По затихшему въ гостиной говору Шипидинъ догадался, что пріѣхалъ самъ меценатъ Красавинъ. Въ открытую дверь коридора можно было разсмотрѣть промелькнувшую фигуру Васяткина, точно громадная сѣрая летучая мышь, которую показываютъ на экранѣ волшебнаго фонаря. Все это коробило Шипидина. Неужели искусство не можетъ существовать безъ мецената? А тутъ еще довольно прозрачные намеки Гаврюши.

— А ну ихъ! рѣшилъ Шипидинъ, опять начиная разсматривать Марину, у которой уже окончательно не было никакой связи съ остальными произведеніями.

Именно здѣсь Шипидинъ и былъ накрытъ, когда изъ гостиной съ шумомъ привалила цѣлая толпа гостей съ Красавинымъ во главѣ.

— А... вы здѣсь,—проговорилъ Сахановъ, который велъ подъ руку бывшую натурщицу Шуру.— Рекомендую вамъ оригиналъ...

Ню слегка покраснѣла отъ этой рекомендаціи, но отнеслась къ новому знакомому съ самымъ обиднымъ равнодушіемъ, точно ей рекомендовали кошку. Красавина велъ подъ руку Васяткинъ, говорившій задыхавшимся отъ волненія голосомъ:

— Нѣтъ, вы посмотрите, Антонъ Ильичъ, что это такое... Вѣдь съ этого барельефа открывается новая страница въ русской скульптурѣ... Вѣдь это все живое... Посмотрите, какъ протянула Марина впередъ свою руку, обращаясь къ казакамъ.

— И совсѣмъ это не казаки... поправилъ его Сахановъ.

— Гмъ, эти... Виноватъ, дѣйствіе происходитъ въ лагерѣ Сапѣги и кругомъ поляки,—подхватилъ Васяткинъ.

Красавинъ только морщился, какъ человѣкъ, у котораго надъ самымъ носомъ жужжитъ муха. Онъ прямо подошелъ къ барельефу Марины Мнишекъ и долго разсматривалъ не ея лицо, а посадку, причемъ сдѣлалъ замѣчаніе относительно неправильно согнутаго колѣна и слишкомъ короткаго стремени. Бургардтъ не возражалъ, потому что былъ поглощенъ тѣмъ, какъ отнесется миссъ Мортонъ къ его работѣ. Нѣмая дѣвушка точно расцвѣла, когда очутилась въ мастерской. Она радостно узнала бюстъ Ольги Спиридоновны, Шуру въ Маринѣ Мнишекъ, ее же въ Джульеттѣ и даже шею Бахтерева въ Гамлетѣ. Бургардту казалось, что среди его скульптуры она именно дома, какъ нигдѣ, и онъ даже поймалъ ея ревнивый взглядъ, когда она съ особеннымъ вниманіемъ разсматривала Марину.

— Удивительно... Новая эра въ искусствѣ... задыхавшимся шопотомъ повторялъ Васяткинъ, обращаясь къ Саханову, причемъ шопотъ настолько былъ разсчитанъ, что его могли слышать и другіе.

Ольга Спиридоновна рѣшительно ничего не понимала въ скульптурѣ и восхищалась изъ вѣжливости. Она сегодня находилась въ самомъ умиленномъ настроеніи духа и даже не обидѣлась, когда Сахановъ назвалъ ее незаконной дочерью дьякона, какъ называлъ Бачульскую «мадонной для некурящихъ». Это дешевенькое остроуміе, вѣроятно, было взято на прокатъ изъ какого-нибудь уличнаго заграничнаго листка. Сахановъ получалъ всѣ иностранныя изданія этого тона и не стѣснялся черпать изъ нихъ полной рукой.

Бывшая натурщица Шура такъ мило стѣснялась, чувствуя, какъ всѣ сравнивали ее съ Мариной! Ей даже было немножко стыдно, что она верхомъ на лошади и сидитъ въ сѣдлѣ по мужски. Могли подумать, что она въ такой позѣ сидѣла передъ Бургардтомъ голая, потому что нѣкоторые скульпторы предварительно лѣпятъ голую фигуру, а уже потомъ ее одѣваютъ. Особенно она подозрѣвала въ такомъ взглядѣ на нее Шипидина, который такъ пристально всматривался въ нее, сравнивая съ Мариной.

— Что этому-то вахлаку нужно? думала Шура и злилась.

Наблюдая каждое движеніе Красавина, Шипидинъ, въ свою очередь, негодовалъ на меценатство, въ которомъ видѣлъ главный источникъ уклоненій искусства отъ своей прямой задачи служить одной истинѣ. Это его возмущало до глубины души, какъ своего рода развратъ. И Бургардтъ, какъ другіе, невольно поддѣлывается подъ вкусъ этого сомнительнаго креза, и можетъ быть Гаврюша давеча былъ правъ. Эта мысль почти подтвердилась, когда, разсмотрѣвъ внимательно барельефъ, Красавинъ небрежно сказалъ Бургардту:

— Мнѣ эта вещь нравится... Мы потомъ поговоримъ.

Сахановъ и Васяткинъ только переглянулись, что въ переводѣ значило: везетъ-же этому Бургардту, какъ утопленнику. «Нравится» Красавина стоило тысячъ десять—пятнадцать, а барельефъ еще не конченъ. Конечно, дѣло тутъ не въ искусствѣ, а въ Ню, которую Красавинъ желаетъ получить увѣковѣченной въ мраморѣ.

— Здоровую пѣночку слизнулъ многоуважаемый Егоръ Захарычъ,—шепталъ Васяткинъ.—Это, видно, не Пересвѣтъ и Ослябя...

Когда всѣ ушли, Шипидинъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ довольно жестокой сцены. Гаврюша, блѣдный и страшный, схватилъ за обѣ руки Шуру и задыхавшимся голосомъ повторялъ:

— Я тебя убью, змѣя... убью!..

— Мнѣ больно... больно...—шептала дѣвушка, напрасно стараясь вырвать свои руки.—Какъ вы смѣете...

Шипидинъ спокойно подошелъ къ Гаврюшѣ и помогъ дѣвушкѣ освободиться. Когда Шура торопливо ушла въ гостиную, онъ спокойнымъ голосомъ замѣтилъ:

— Слѣдовательно, такъ съ дамами нельзя поступать...

Гаврюша ничего не понималъ и только смотрѣлъ на него страшными глазами.

— Слѣдовательно, нельзя,—еще разъ повторилъ Шипидинъ.— Выпейте холодной воды. Это помогаетъ...

Гаврюша схватилъ себя за голову, бросился на узкій диванчикъ въ углу и зарыдалъ.

— Вы хорошій человѣкъ...—шепталъ онъ.—Но вы ничего не понимаете... Ее мало убить... Нѣтъ, ей лучше быть убитой... Смерть избавитъ ее отъ позора...

XIV.

Столовая оказалась тѣсной, и часть гостей должны были устроиться за маленькими угловыми столиками, какъ въ ресторанѣ. А гости все прибывали: зашелъ старикъ Локотниковъ,

когда-то гремѣвшій, какъ жанристъ, потомъ молодой юркій пейзажистъ Меню и еще какіе-то художники, которыхъ, кажется, не зналъ и самъ хозяинъ. Ужинъ состоялъ всего изъ одного блюда,—на столъ подана была тридцатифунтовая лососина во всей своей красотѣ. Это было и оригинально, и ново, какъ всегда у Бургардта. Миссъ Гудъ очень смущалась, что нѣтъ ни ростбифа, ни дичи, и старушкѣ казалось, что гости смотрятъ на нее съ нѣмымъ укоромъ, обвиняя въ скаредности. Впрочемъ, она знала, что Красавинъ вообще ѣстъ очень мало, а другіе гости могутъ быть сыты и одной лососиной. Больше всѣхъ ѣла Ольга Спиридоновна, любившая прикушать, а тутъ еще пили шампанское, какъ квасъ, что ей тоже нравилось. Напуганная Шура все посматривала на дверь и виновато улыбалась, встрѣчаясь глазами съ Шипидинымъ, который очутился рядомъ съ Красавинымъ, занявъ по ошибкѣ мѣсто Саханова.

— Представьте себѣ, а я зналъ вашего отца...—припоминалъ Красавинъ, когда хозяинъ ихъ познакомилъ.— Я бывалъ даже у васъ на Охтѣ. Давненько это было...

Красавину нравился «пашковецъ», какъ онъ мысленно назвалъ Шипидина. Неглупый и крѣпкій человѣкъ, напомнившій ему родныхъ заволжскихъ раскольниковъ. И держитъ себя такъ просто и независимо. Вниманіе Красавина къ какому-то юродивому въ поддевкѣ возмущало Саханова и Васяткина до глубины души, точно Шипидинъ обкрадывалъ ихъ. Бургардтъ тоже былъ хорошъ: все время смотритъ на нѣмую англичанку, какъ дуракъ, и, кажется, никого не замѣчаетъ.

— Кажется, завязка романа, — шепталъ Саханову Васяткинъ.

— Очень можетъ быть...—соглашался тотъ.—Только романы Бургардта извѣстны: срокъ—двѣ недѣли.

Сахановъ, вообще, терпѣлъ сегодня неудачу за неудачей. Сначала пробовалъ заговорить объ искусствѣ, т. е. обругалъ кое-кого изъ отсутствовавшихъ художниковъ, а въ особенности молодежь, впадавшую въ ересь импрессіонизма. Но Красавинъ упорно не желалъ слушать, хотя время отъ времени и смотрѣлъ на него. Пришлось перемѣнить тему. Сахановъ переѣхалъ на свой любимый конекъ и заговорилъ о женщинахъ.

— Одинъ французъ совершенно вѣрно опредѣлилъ, что женщина есть апоѳеозъ кривой линіи, — ораторствовалъ Сахановъ съ обычнымъ апломбомъ.— Это очень метко сказано... Не правда-ли?

Но и тутъ вышла неудача. Старикъ Локотниковъ, обозленный на всѣхъ лѣтъ двадцать, замѣтилъ:

— А у меня есть знакомый профессоръ математики, который доказываетъ, что на пощечину нельзя сердиться, потому что на языкѣ математики это только кривая второго по-

рядка... Значитъ, по вашему, Павелъ Васильичъ, всякая женщина есть апоѳеозъ пощечины. Сравненіе немного натянуто, хотя и не хуже другихъ.

Сахановъ надулся и проворчалъ:

— Я-бы сказалъ вашему профессору математики, что онъ просто копченая ветчина, что тоже не обидно, хотя въ переводѣ это выходитъ: свинья.

Въ отместку злому старичишкѣ Сахановъ заговорилъ о конченныхъ художникахъ, которымъ ничего больше не остается, какъ только повторять самихъ себя.

— Это повторяется во всѣхъ областяхъ творчества, и нѣтъ необходимости называть имена, которыя хорошо извѣстны публикѣ. Конечно, трудно опредѣлить роковой моментъ, когда художникъ духовно умираетъ. Въ механикѣ есть прекрасное опредѣленіе этого момента, именно, когда она разбираетъ законы движенія самаго обыкновеннаго колеса. Есть роковая *мертвая точка*, которая останавливаетъ это движеніе. То же самое и въ творчествѣ художника: если онъ не двигается впередъ—значитъ, онъ конченный человѣкъ для искусства. Возьмите, наконецъ, скажемъ, какого нибудь атлета: онъ развиваетъ свою силу постепеннымъ упражненіемъ мускуловъ, но уже въ самой его организаціи, въ скелетѣ, въ строеніи мышцъ, связокъ и сухожилій заключается своя предѣльная точка. Почему онъ можетъ выжать шесть пудовъ и двѣнадцать фунтовъ, а на тринадцатомъ фунтѣ пасуетъ? Вѣдь, кажется, фунтъ самъ по себѣ ничтожная величина, каждый ребенокъ подниметъ фунтъ, а тутъ именно этотъ роковой тринадцатый фунтъ пересиливаетъ профессіональнаго силача. Такъ и въ искусствѣ...

Бургардтъ слышалъ этотъ монологъ и только пожалѣлъ старика Локотникова. Мозгъ у Саханова походилъ на болотную кочку, въ которой гнѣздились самыя вредныя бактеріи и самые ядовитые міазмы. Локотниковъ не нашелся, что ему отвѣтить, но за него обидѣлся Бахтеревъ, сидѣвшій рядомъ съ Бачульской.

— Позвольте, г. Сахановъ (онъ никогда не называлъ Саханова по имени и любилъ начинать рѣчь съ «позвольте», точно его мысль продиралась каждый разъ черезъ толпу невидимыхъ враговъ), вы можетъ и правы *механически* и даже *атлетически*, но вѣдь все это крайне условно... Вамъ ничего не стоитъ однимъ почеркомъ пера уничтожить самую почтенную репутацію, но это только потому, почему ребенокъ ломаетъ свои игрушки. Вы просто не любите искусства.

Красавинъ всетаки не обращалъ вниманія, хотя и смотрѣлъ на руки Саханова, въ которыхъ вертѣлась лакированная японская пепельница. Теперь удалось его занять Васяткину, подсѣвшему сзади и начавшему разговоръ о скачкахъ. Дѣло въ

томъ, что скоро должны были фигурировать на скачкахъ въ Коломягахъ двѣ новыхъ лошади Красавина, о которыхъ спортсмэны говорили еще зимой, именно, рыжій жеребецъ «Ушкуйникъ» и сѣрая кобыла «Пурга». Впередъ уже составлялись пари, и Васяткинъ хотѣлъ вывѣдать кое-что впередъ.

— «Ушкуйникъ» что-то не ладится, — объяснялъ Красавинъ на спортсмэнскомъ жаргонѣ и назвалъ его секунды. — А «Пурга» еще совсѣмъ не готова.

Сахановъ былъ убитъ. Разъ Красавинъ заговорилъ о лошадяхъ — все было кончено. Продалъ друга проклятый Васяткинъ, умѣвшій подслужиться меценату. Понималъ Саханова одинъ Локотниковъ, наблюдавшій его улыбавшимися глазами.

— Боже мой, какіе идіоты!—думалъ Сахановъ.

Ольга Сергѣевна насытилась и дремала, дѣлая видъ, что слушаетъ. У нея въ такіе моменты являлось какое-то куриное выраженіе, и Бургардтъ наблюдалъ на ея лицѣ зачатки мѣшковъ подъ глазами и на подбородкѣ. Сидѣвшая рядомъ съ ней Бачульская молчала все время, и Бургардту сдѣлалось ее жаль. Это была удивительная женщина — молодая, красивая, но въ ней не было чего-то, что привлекаетъ мужчинъ. Она была не глупа и не безъ таланта. Мужчины охотно знакомились съ ней, но сейчасъ же отпадали, какъ осенній сухой листъ. Въ ней что-то было загадочное, недосказанное. Бургардтъ подошелъ къ ней и молча пожалъ руку. Она его любила, но какъ-то по своему.

— Егорушка, вы увлекаетесь? — съ ласковымъ укоромъ спросила она

— Да...

— Знаете, это—хорошо. А слышали, что говорилъ Сахановъ о конченныхъ людяхъ? Знаете, это... это...

Разговоръ оборвался, потому что Красавинъ быстро вскочилъ съ мѣста и выбѣжалъ въ гостиную. Васяткинъ остолбенѣлъ. Бургардтъ пошелъ за нимъ.

— Гдѣ вашъ кабинетъ? — тревожно спрашивалъ Красавинъ, мѣняясь въ лицѣ.

Бургардту показалось, что онъ не здоровъ. Красавинъ быстро прошелъ въ кабинетъ и заперъ за собой двери на ключъ. Васяткинъ и Сахановъ переглянулись,—вѣроятно, сейчасъ начнется торгъ за Марину, и Бургардтъ получитъ изрядный кушъ впередъ.

Красавинъ настолько былъ взволнованъ, что долженъ былъ пройти нѣсколько разъ по комнатѣ и выпить стаканъ холодной воды, прежде чѣмъ получилъ способность говорить.

— Этотъ... этотъ... неужели вы не замѣтили?—бормоталъ онъ, показывая рукой въ сторону столовой.

— Рѣшительно ничего не понимаю, Антипъ Ильичъ, — недоумѣвалъ Бургардтъ.

— Ахъ, ну, этотъ... Сахановъ!.. Понимаете: это ужасно... Да, ужасно!..

Бургардтъ опять ничего не понималъ, что еще сильнѣе взволновало Красавина. Меценатъ кончилъ тѣмъ, что, боязливо оглянувшись на запертую дверь, проговорилъ:

— Вы обратили вниманіе: онъ весь въ этомъ фланелевомъ дурацкомъ костюмѣ... да? Давеча въ гостиной онъ все время вертѣлъ въ рукахъ черную дамскую шляпку... да? Бѣлое и черное — вѣдь это ужасно... Потомъ за ужиномъ онъ все время вертѣлъ въ рукахъ черную японскую тарелочку—опять черное и бѣлое... Нѣтъ, это невозможно!

Схватившись за голову, Красавинъ забѣгалъ по кабинету. Бургардтъ смотрѣлъ на него и ничего не могъ придумать въ утѣшеніе.

Карьера Саханова у знаменитаго мецената была кончена.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Земскія ходатайства.

II. По вопросамъ народнаго образованія.

По вопросамъ народнаго образованія мы располагаемъ 259 земскими ходатайствами, изъ которыхъ отклонено или не получило дальнѣйшаго движенія 158, т. е. 61%. Остальныя, удовлетворенныя 2/5 ходатайствъ почти исключительно принадлежатъ къ числу такихъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ учрежденіи новыхъ (преимущественно среднихъ) учебныхъ заведеній, или о расширеніи существующихъ, на собственныя средства земствъ. Но далеко не это одно служило предметомъ земскихъ желаній въ сказанной области. Изъ послѣдующаго можно легко видѣть, что земская мысль много работала въ смыслѣ возможнаго распространенія школьнаго обученія въ народѣ, что земства стремились расширить свое активное вліяніе на организацію и ходъ народнаго образованія и подходили для этого къ вопросу съ весьма разнообразныхъ сторонъ. Характерно также то единодушіе, которое проявили въ этомъ случаѣ всѣ земства, представлявшія приводимыя ниже ходатайства; мы не имѣемъ въ нашемъ распоряженіи ни одного, которому не была-бы свойственна указанная тенденція.

Обратимъ прежде всего наше вниманіе па ходатайства, въ которыхъ сказывается стремленіе земствъ поднять свое значеніе и свой контроль въ дѣлѣ школьнаго образованія. Сюда относятся ходатайства объ усиленіи состава училищныхъ совѣтовъ земскими членами, объ опредѣленіи и увольненіи народныхъ учителей, о распоряженіи суммами, ассигнуемыми на содержаніе школъ, о передачѣ въ вѣдѣніе земствъ разныхъ школъ другихъ вѣдомствъ для установленія единообразія въ ходѣ народнаго образованія и нѣкоторыя другія. Вся эта группа ходатайствъ затрогиваетъ немало принципіальныхъ вопросовъ, хотя и возникавшихъ на почвѣ мѣстныхъ бытовыхъ условій, но имѣющихъ, однако, далеко не мѣстное только значеніе.

Прежде всего—передъ нами 18 ходатайствъ, цѣлью которыхъ служитъ усиленіе земскаго элемента въ составѣ училищныхъ со-

вѣтовъ *). Одни земства желали увеличить узаконенное число (два) избираемыхъ ими членовъ названныхъ совѣтовъ еще однимъ, чаще всего—двумя членами; екатеринбургское просило о предоставленіи ему права выбирать неограниченное число членовъ училищнаго совѣта (хотя бы и не изъ среди гласныхъ) съ тѣмъ, чтобы въ засѣданіяхъ совѣта изъ нихъ участвовало не болѣе двухъ. Другія земства (ростовское, нѣжинское, московское (1882), московское губ. (1882), вятское (1873) и ярославское) ходатайствовали о предоставленіи предсѣдателямъ или членамъ управъ права засѣдать въ училищныхъ совѣтахъ по должности, или по выбору земскихъ собраній. Тверское губ. земство просило дать разрѣшеніе губернскому и уѣзднымъ собраніямъ избирать въ губернскій и уѣздные училищные совѣты на трехлѣтній срокъ „почетныхъ членовъ", не ставя непремѣннымъ условіемъ избраніе ихъ изъ среды гласныхъ; московское губ. (1879) желало, чтобы было предоставлено губернскому училищному совѣту право (которымъ онъ пользовался по положенію 1864 г.) назначать членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ изъ числа попечителей городскихъ и сельскихъ школъ. Наконецъ, въ силу особыхъ мѣстныхъ условій, вятское губ. земство (1876) ходатайствовало о томъ, чтобы, „за неимѣніемъ въ Вятской губерніи уѣздныхъ предводителей дворянства", предсѣдательствованіе въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ дозволено было возложить или на особое лице, избираемое земствомъ, или на предсѣдателя уѣздной земской управы.—Мотивомъ всѣхъ этихъ ходатайствъ служитъ необходимость въ привлеченіи большаго числа лицъ къ дѣятельности по наблюденію за народнымъ образованіемъ и въ усиленіи контроля за преподаваніемъ въ школахъ; въ ходатайствѣ волчанскаго земства (1876) указывается на то, что „въ настоящемъ числѣ члены училищнаго совѣта не успѣваютъ посѣщать всѣхъ народныхъ училищъ и не могутъ присутствовать на всѣхъ окончательныхъ экзаменахъ, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ училищахъ экзаменовъ вовсе не бываетъ". Объясненіе это станетъ вполнѣ понятнымъ, если припомнить, что почти всѣ прочіе члены училищныхъ совѣтовъ—представители разныхъ вѣдомствъ—несутъ другія свои прямыя обязанности и чаще всего не имѣютъ возможности удѣлять времени постороннему для нихъ дѣлу—контролю надъ народными школами. Не менѣе понятно, что учрежденіе, дающее деньги на содержаніе школъ—въ данномъ случаѣ земство—стремилось къ тому, чтобы въ составѣ училищ-

*) 1) Ростовскаго н/Д. земства (1868), 2) богучарскаго (1868), 3) харьковскаго губ. (1869), 4) ананьевскаго (1869), 5) тверского губ. (1870), 6) нѣжинскаго (1870), 7) бѣльскаго (1872), 8) ливенскаго (1873), 9) вятскаго губ. (1873), 10) вятского губ. (1876), 11) волчанскаго (1876), 12) екатеринбургскаго (1877), 13) московскаго губ. (1879), 14) самарскаго (1880), 15) ярославскаго (1881), 16) подольскаго (Москов. губ.) (1881), 17) московскаго (1882), 18) московскаго губ. (1882).

ныхъ совѣтовъ представители его занимали господствующее положеніе.

Всѣ указанныя ходатайства были, однако, отклонены. Обычнымъ мотивомъ для этого служило то соображеніе министерства народнаго просвѣщенія, что „нахожденіе въ составѣ училищнаго совѣта двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія достаточно гарантируетъ для земства контроль надъ народными училищами и возможность надзора за ходомъ научнаго образованія въ уѣздѣ“, что увеличеніе числа членовъ названныхъ совѣтовъ „излишне“. Въ отвѣтѣ волчанскому земству указано, что „настоящій составъ членовъ вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ надзора за 34 народными училищами, если только члены его захотятъ исполнять свои обязанности“; въ упомянутомъ выше ходатайствѣ московскаго губ. земства было отказано потому, что „назначеніе попечителей школъ членами совѣтовъ отвлечетъ ихъ вниманіе отъ завѣдываемыхъ ими школъ, что было-бы нецѣлесообразно“; хотя однимъ изъ мотивовъ ходатайства именно было „установить болѣе правильный надзоръ за училищами“, который достигался-бы, конечно, между прочимъ, и путемъ обмѣна мыслей попечителей на засѣданіяхъ совѣтовъ. Недовѣріе, которое сквозитъ въ приведенныхъ отказахъ къ дѣятельности избираемыхъ земствомъ руководителей народнаго образованія въ уѣздѣ, выразилось особенно отчетливо въ мотивахъ къ отказу въ удовлетвореніи приведеннаго ходатайства вятскаго земства. „Права училищныхъ совѣтовъ, говорится въ немъ, какъ по опредѣленію и увольненію учителей, такъ и по выдачѣ ученикамъ свидѣтельствъ, дающихъ право на льготу по воинской повинности, слишкомъ важны, чтобы предоставить ихъ въ руки лицъ, выбираемыхъ земствомъ, особенно при шаткости установившихся у насъ понятій о земскихъ и общественныхъ выборахъ“. Извѣстно, что этотъ мотивъ потерялъ скоро свою силу, такъ какъ испытанія на право полученія льготныхъ свидѣтельствъ стали затѣмъ производиться даже не избираемыми предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ, какъ о томъ просило вятское земство, а просто коммиссіями подъ предсѣдательствомъ экзаменаторовъ, даже изъ числа попечителей школъ. Наконецъ, характерную форму та-же тенденція министерства приняла въ отказѣ на ходатайство екатеринбургскаго земства: „министръ народнаго просвѣщенія, признавъ это ходатайство не подлежащимъ удовлетворенію, полагалъ предложить земскому собранію, вмѣсто предположеннаго способа надзора за училищами (выборъ неограниченнаго числа членовъ училищнаго совѣта), ходатайствовать объ учрежденіи должности инспектора народныхъ училищъ для Екатеринбургскаго уѣзда“, т. е. земству, желавшему имѣть больше собственныхъ агентовъ въ дѣлѣ народнаго образованія, предлагался агентъ министерства.

Далѣе, четыре земства ходатайствовали объ оставленіи за учи-

лищными совѣтами права назначенія и увольненія народныхъ учителей. Два ходатайства въ этомъ смыслѣ представлены были еще до введенія въ дѣйствіе Положенія 1874 года и потому купянскому земству (1872) былъ данъ отвѣтъ, что „опредѣленіе и увольненіе учителей и нынѣ зависитъ отъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ", и въ то-же время было отказано въ правѣ увольненія ихъ безъ согласія губернскаго училищнаго совѣта, когда то требовалось Положеніемъ 1864 г., такъ какъ это „противорѣчило-бы желанію земства ограждать означенныхъ учителей въ дѣлѣ ихъ увольненія". Равно отклонено было и участіе въ этомъ уѣздныхъ управъ, какъ то проектировало названное земство, что еще болѣе парализовало вліяніе мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, болѣе всего компетентныхъ въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, чисто мѣстнаго характера. Аналогичное ходатайство послѣдовало еще ранѣе и отъ царицынскаго земства (1867), но текстъ его и мотивы его отклоненія изложены крайне неясно. Положеніе 1874 г. возложило на учредителей школъ (а слѣдовательно и на органы земства) „только пріисканіе и избраніе кандидатовъ на учительскія мѣста, допущеніе же къ исполненію учительскихъ обязанностей предоставлено этимъ Положеніемъ исключительно инспекторамъ народныхъ училищъ". Вотъ почему отклонено было ходатайство глазовскаго земства (1874) „объ оставленіи за нимъ права опредѣленія и увольненія наставниковъ начальныхъ народныхъ училищъ, содержимыхъ на счетъ земства". Наконецъ, та же участь постигла и ходатайство костромского губ. земства (1877) о томъ, чтобы „право допущенія со стороны мѣстной инспекціи училищъ ограничивалось лишь письменнымъ отзывомъ о педагогическихъ способностяхъ и знаніяхъ лица, отыскивающаго учительскую должность, а самое назначеніе на должности производилось непремѣнно цѣлымъ составомъ училищнаго совѣта", а не по единичному усмотрѣнію инспектора. Послѣ приведеннаго выше отвѣта глазовскому земству, становится мало понятнымъ мотивъ отказа въ этомъ ходатайствѣ: земству заявлено, что „существующій порядокъ назначенія въ учительскія должности въ достаточной степени удовлетворяетъ выраженному по сему предмету желанію костромского земства". Такъ какъ въ 1877 г. продолжало дѣйствовать Положеніе 1874 г., то трудно объяснить, какимъ образомъ могло перейти къ коллегіальнымъ засѣданіямъ совѣта право инспектора назначать учителей—а именно объ этомъ и ходатайствовало костромское земство. Въ слѣдующимъ году оно повторило свое ходатайство въ нѣсколько измѣненной формѣ, но и на него послѣдовалъ отказъ, мотивированный, однако, тѣмъ, что, хотя упомянутое право и предоставлено инспекторамъ, но „распоряженія ихъ по этому предмету могутъ быть обжалованы какъ уѣзднымъ, такъ и губернскимъ училищнымъ совѣтомъ". Право обжалованія, конечно, отстоитъ весьма далеко по своему дѣйстви-

тельному значенію отъ права непосредственнаго назначенія лицъ на учительскія должности.

Земства желали, далѣе, регулировать расходованіе денежныхъ суммъ, ассигнуемыхъ сельскими обществами на содержаніе школъ. Ходатайства этого рода были предъявлены земскими собраніями: симбирскимъ губ. (1874), александровскимъ (Екатерин. губ., (1874), корсунскимъ (1877), ставропольскимъ (1878), кирилловскимъ (1879), трубчевскимъ (1881) и орловскимъ (1883). Сущность этихъ ходатайствъ сводилась къ тому, чтобы упомянутыя суммы вносились вмѣстѣ съ земскими платежами въ уѣздное казначейство, а оттуда въ земскую управу и расходовались по распоряженію мѣстнаго училищнаго совѣта. Такая мѣра казалась полезной для того, чтобы учителя не были обязаны отправляться въ волость за полученіемъ жалованья, получали его регулярно и находились въ меньшей зависимости отъ волостной администраціи; по словамъ орловскаго собранія, производство сборовъ ведется безпорядочно, собранныя деньги нерѣдко вносятся въ казначейства на пополненіе другихъ платежей или употребляются на разные мірскіе расходы; поэтому часто „учителя не получаютъ жалованья своевременно, школы остаются безъ сторожа и зимой безъ отопленія". Указанныя ходатайства оставались безъ удовлетворенія потому, какъ сказано въ отвѣтѣ симбирскому земству, что мѣра эта „несогласна съ Положеніемъ 1874 г. и повела бы къ измѣненію общаго порядка составленія земскихъ смѣтъ." Но именно объ удаленіи такихъ формальныхъ препятствій къ осуществленію названной мѣры земства и ходатайствовали. И только въ 1883 г. на ходатайство орловскаго земства послѣдовалъ отвѣтъ, что „министерство внутреннихъ дѣлъ не встрѣчаетъ препятствій къ тому, чтобы добровольно принятые на себя обществами платежи по содержанію школъ вносились сборщиками непосредственно въ подлежащія земскія управы". Это было, однако, лишь частичнымъ, весьма ограниченнымъ удовлетвореніемъ желанія земства прежде всего потому, что такое распоряженіе не носило характера общей мѣры, касалось лишь одного уѣзднаго земства; а еще и потому, что оно не давало гарантій, что сборщики, подчиняясь внѣшнему давленію, не станутъ вносить собранныхъ на школы денегъ въ казначейство на пополненіе казенныхъ недоимокъ.

Стремленіе земствъ расширять свою дѣятельность по народному образованію выразилось далѣе въ нѣсколькихъ ходатайствахъ о включеніи нѣкоторыхъ министерскихъ и инородческихъ школъ въ сферу вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ. Такъ, с.-петербургское губ. земство и дворянство (1878) просило о подчиненіи послѣднимъ сначала только двухклассныхъ сельскихъ училищъ, а затѣмъ—и одноклассныхъ, и школъ воспитательнаго дома, и церковныхъ, и нѣкоторыхъ частныхъ; новооскольское (1879) и

смоленское (1880)—всѣхъ начальныхъ министерскихъ училищъ; мензелинское (1881)—русско-башкирскихъ и русско-татарскихъ школъ. Судьба двухъ послѣднихъ ходатайствъ для насъ неясна, новооскольское земство получило отказъ, мотивированный ссылкой на отказъ петербургскому земству и дворянству. Въ мотивахъ же къ послѣднему читаемъ: „министръ народнаго просвѣщенія призналъ необходимымъ ходатайство это отклонить въ виду того, что сущность его заключается въ томъ, чтобы возстановить права, предоставленныя дворянству въ дѣлѣ народнаго образованія рескриптомъ 25 декабря 1873 года и недостаточно опредѣленныя, по мнѣнію дворянства, Положеніемъ 25 мая 1874 года, а также въ виду того, что дворянство несовсѣмъ вѣрно понимаетъ упомянутый рескриптъ“.

Къ этой же категоріи земскихъ ходатайствъ могутъ быть отнесены и ходатайства думъ городовъ С.-Петербурга (1874 и 1875), Москвы (1875) и Одессы (1876), составляющихъ особыя земскія единицы, объ учрежденіи въ нихъ особыхъ городскихъ училищныхъ совѣтовъ для развитія въ этихъ городахъ школьнаго дѣла. Министерство народнаго просвѣщенія на первое изъ этихъ ходатайствъ, подкрѣпленное еще особеннымъ ходатайствомъ петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, отозвалось, что Положеніемъ 1874 г. не установлено особыхъ училищныхъ совѣтовъ для городовъ и потому вопросъ можетъ быть рѣшенъ только въ законодательномъ порядкѣ; испрашивать же такое разрѣшеніе министерство народнаго просвѣщенія не находило основаній прежде всего потому, что „хотя по прежнему закону столицамъ и предоставлялось имѣть нѣсколько училищныхъ совѣтовъ, но правомъ этимъ здѣшняя столица не воспользовалась“ (до введенія городового положенія 1870 г.). Благопріятный оборотъ дѣлу данъ былъ тѣмъ, что петербургскій градоначальникъ въ отзывѣ своемъ министерству внутреннихъ дѣлъ, отъ 10 декабря 1874 г. находилъ нужнымъ поддержать упомянутое ходатайство петербургской городской думы; такую же точку зрѣнія избрало и министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ концѣ концовъ, только 28 декабря 1876 г. было окончено въ законодательномъ порядкѣ дѣло объ учрежденіи особыхъ городскихъ училищныхъ совѣтовъ въ названныхъ трехъ городахъ.

Стремясь, такимъ образомъ, усилить свой надзоръ за народными школами, земства озабочивались, съ другой стороны, и привлеченіемъ въ нихъ учениковъ, что представлялось особенно нужнымъ въ то время, когда школьное образованіе едва возникало и когда требовалось еще пріохотить населеніе приниматься за обученіе грамотѣ ребятъ. Къ мѣрамъ, которыя земства считали полезными для этой цѣли, принадлежатъ: установленіе ценза грамотности для лицъ, избираемыхъ въ общественную службу, сокращеніе срока службы грамотныхъ рекрутъ, освобожденіе отъ тѣ-

леснаго наказанія окончившихъ курсъ народной школы. Первую изъ этихъ мѣръ предлагало харьковское губ. земство (1869), но ходатайство это было отклонено на томъ основаніи, что незначительность процента грамотныхъ среди населенія могла бы затруднить замѣщеніе общественнныхъ должностей и весьма стѣсняла-бы избирательныя права сельскаго населенія.—Если съ этимъ мотивомъ отказа можно было отчасти согласиться, то иное впечатлѣніе производятъ мотивы отказа на ходатайство того же харьковскаго губ. земства (1869) по вопросу о сокращеніи сроковъ службы для грамотныхъ рекрутъ, мотивы, приводимые всего за четыре года до реформы воинской повинности, узаконившей льготы по образованію. „Сроки обязательной службы, говорится въ этихъ мотивахъ, сокращаются обыкновенно или въ награду за подвиги, совершонные въ военной службѣ, или же по общимъ разсчетамъ о численности войскъ, а не за заслуги, оказанныя до поступленія въ службу; трудно предположить, чтобы сокращеніе срока службы однимъ или двумя годами могло побудить подлежащее рекрутству населеніе приняться за изученіе грамоты“. Но уже въ 1872 году на аналогичное ходатайство мещовскаго земства послѣдовалъ отвѣтъ, что вопросъ этотъ уже былъ обсужденъ коммиссіею о всеобщей воинской повинности.

Объ освобожденіи окончившихъ курсъ народной школы отъ позорнаго тѣлеснаго наказанія ходатайствовали семь земствъ: рязанское губ. (1870), тамбовское губ. (1872), шацкое (1872), мещовское (1872), тверское (1872), екатеринославское губ. (1873) и новгородское губ. (1873). Разсматривая первое изъ этихъ ходатайствъ, министерство народнаго просвѣщенія нашло, что народныя школы „не могли еще достаточно упрочиться какъ со стороны педагогическаго, такъ и матеріальнаго своего обезпеченія; что объемъ свѣдѣній, сообщаемый ученикамъ этихъ училищъ, невеликъ и что едва ли свѣдѣнія эти могутъ способствовать ученикамъ ихъ къ дальнѣйшему развитію и самообразованію, и что, въ виду этихъ соображеній, присвоеніе ученикамъ начальныхъ народныхъ училищъ какихъ бы то ни было преимуществъ, коими пользуются ученики высшихъ учебныхъ заведеній, было бы преждевременно“. Министерство входило поэтому въ комитетъ министровъ съ представленіемъ объ отклоненіи означеннаго ходатайства, но, въ концѣ концовъ, рязанскому земству было сообщено, что таковое „будетъ принято въ соображеніе при разсмотрѣніи общаго вопроса о примѣненіи вообще тѣлесныхъ наказаній“. Столь-же малоопредѣленный отвѣтъ получили и всѣ прочія упомянутыя земства по этому вопросу.

На ряду со сказаннымъ, улучшеніе быта народныхъ учителей служило также предметомъ заботливости земствъ въ видахъ привлеченія болѣе способныхъ и подготовленныхъ лицъ къ занятію этой должности. Земства: екатеринославское губ. (1870), рыбинское

(1870), таврическое губ. (1874) и семеновское (1876) ходатайствовали о предоставленіи земскимъ учителямъ правъ государственной службы. Первыя два ходатайства отклонены министромъ народнаго просвѣщенія на томъ основаніи, что „болѣе вѣрнымъ поощреніемъ наставниковъ было бы достаточное матеріальное обезпеченіе ихъ и ихъ семействъ“. Послѣднія два также были отклонены, такъ какъ государственный совѣтъ призналъ, что „предоставленіе учителямъ сельскихъ училищъ правъ и преимуществъ классныхъ чиновниковъ не послужило-бы къ пользѣ сихъ училищъ“. Мотивы этого постановленія намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Отклонено было и аналогическое ходатайство новоржевскаго земства (1883); черниговское губ. земство еще раньше (1867) желало „нѣкоторыхъ служебныхъ преимуществъ для учителей народныхъ училищъ при церковныхъ приходахъ“, но и въ этомъ ему было отказано, такъ какъ такое ходатайство не согласовалось съ дѣйствовавшимъ тогда Положеніемъ и „съ принятыми мѣрами къ ограниченію числа лицъ, пользующихся правами службы“. Такая же судьба постигла нѣсколько ходатайствъ разныхъ земствъ *) о дарованіи правъ государственной службы учителямъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ заведеній (учительскихъ семинарій и друг.); одно лишь ходатайство московскаго земства получило неполное удовлетвореніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, освобожденіе земскихъ учителей отъ рекрутской и натуральныхъ повинностей, о которомъ хлопотало харьковское губ. земство (1869), было признано полезнымъ и министерство народнаго просвѣщеиія полагало дать этому дѣлу ходъ въ законодательномъ порядкѣ. Однако, по чисто формальнымъ мотивамъ отклонены были ходатайства вятскаго губ. (1872) и с.-петербургскаго губ. (1872) земствъ объ освобожденіи воспитанниковъ мѣстныхъ земскихъ учительскихъ семинарій, во время ихъ нахожденія тамъ, отъ рекрутской и натуральныхъ повинностей и отъ тѣлеснаго наказанія „во время обученія и по успѣшномъ окончаніи курса наукъ“.

Валуйское земство (1875) ходатайствовало объ утвержденіи проекта устава о пенсіяхъ для учителей и учительницъ народныхъ школъ, возобновляло это ходатайство въ 1876 г., но только въ 1878 г. получило свой проектъ обратно для нѣкоторыхъ измѣненій, согласно замѣчаніямъ министра народнаго просвѣщенія. О дальнѣйшей судьбѣ этого проекта мы не имѣемъ никакихъ указаній. Наконецъ, мещовское земство (1876) пыталось ходатайствовать объ отмѣнѣ сбора съ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ на званіе учителя, такъ какъ сборъ этотъ, составляющій налогъ на

*) Рязанскаго губ. (1870), черниговскаго губ. (1870), елисаветградскаго (1870), вятскаго губ. (1872), московскаго губ. (1872) и черниговскаго губ. (1874).

народныхъ учителей, обращается на увеличеніе пенсіоннаго капитала лицъ учебнаго вѣдомства, а сельскіе учителя на службѣ по учебному вѣдомству не состоятъ и пенсіей не пользуются. Такой налогъ на право преподаванія названное земство считало несправедливымъ. Министръ народнаго просвѣщенія полагалъ невозможнымъ удовлетворить это ходатайство,—такъ какъ оно противорѣчитъ высочайше утвержденному положенію комитета министровъ 1817 года, въ силу котораго производится сборъ со всѣхъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ какъ на ученыя степени, такъ и на учительское званіе.

Не большимъ успѣхомъ отмѣчены и тѣ земскія ходатайства, которыя направлены были къ улучшенію педагогической подготовки народныхъ учителей. Такъ, сумское уѣздное собраніе (1871) просило разрѣшенія учредить на земскія средства педагогическіе курсы при мѣстной прогимназіи для приготовленія народныхъ учителей; на это министръ народнаго просвѣщенія отозвался, что съ открытіемъ учительскихъ семинарій онъ не признаетъ возможнымъ ходатайствовать объ открытіи такихъ курсовъ при сумской прогимназіи и полагаетъ, что было бы цѣлесообразнѣе обратить ассигнованныя деньги на учрежденіе стипендій при одной изъ министерскихъ семинарій. Равнымъ образомъ, отклонено было и ходатайство вятскаго губ. земства (1877) о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ (мы не знаемъ, къ сожалѣнію, какихъ) правилъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ. Воронежское губ. земство (1881) желало включить въ число обязательныхъ предметовъ преподаванія въ учительскихъ семинаріяхъ родиновѣдѣніе и „правознаніе“. Министръ народнаго просвѣщенія считалъ нужнымъ отклонить это ходатайство, мотивируя это тѣмъ, что родиновѣдѣніе, „не составляя самостоятельной науки, входитъ въ курсъ географіи, отчасти физики и естествознанія“ и въ такомъ видѣ преподается въ семинаріяхъ, а изученіе правознанія „едва ли доступно дѣтскому (?) пониманію“. Намъ неизвѣстно, какой отзывъ послѣдовалъ со стороны того же министерства на ходатайства таврическаго губ. (1881) и смоленскаго губ. (1882) земствъ о включеніи въ тотъ же курсъ преподаванія гигіены. Ходатайство уржумскаго земства (1875) объ устройствѣ съѣздовъ учителей народныхъ училищъ было также отклонено, согласно заявленію министра народнаго просвѣщенія, что онъ „находитъ подобные съѣзды излишними и опасается, что они, при низкомъ уровнѣ образованія учителей народныхъ училищъ, могутъ сопровождаться вредными послѣдствіями, какъ въ педагогическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи“, и что „онъ полагалъ бы оставлять безъ удовлетворенія и другія такія же ходатайства земскихъ учрежденій“. Не допущено было также и устройство общихъ съѣздовъ учителей всей губерніи, о чемъ просило казанское губ. земство (1882). Особенно сильно проявлялось въ земствахъ стремленіе имѣть право самимъ

избирать инспекторовъ своихъ училищъ на свои средства изъ числа лицъ, обладающихъ соотвѣтственнымъ педагогическимъ цензомъ, для руководства учителей, для улучшенія пріемовъ преподаванія, для постояннаго дѣйствительнаго надзора за ходомъ учебнаго дѣла въ школахъ. Потребность въ такомъ педагогѣ-руководителѣ вызывалась, какъ педагогической неподготовленностью въ иныхъ случаяхъ членовъ отъ земства (по словамъ ходатайства рязанскаго губ. собранія), такъ и тѣмъ, что „правительственные инспектора, по недостаточному количеству ихъ, едва ли въ силахъ такъ заботиться о школахъ, какъ земство" (по словамъ ходатайства таврическаго губ. собранія). Такихъ ходатайствъ было не мало *). Одно губернское земство (воронежское—1871) желало имѣть на счетъ земства трехъ постоянныхъ руководителей для сельскихъ учителей съ тѣмъ, чтобы они были подвѣдомственны губернскому инспектору и имѣли право совѣщательнаго (?) голоса въ училищныхъ совѣтахъ. Щигровское земство (1869) просило разрѣшенія „возложить надзоръ за училищами на особыхъ попечителей, предоставивъ имъ обсуждать на съѣздахъ своихъ всѣ предметы, относящіеся къ дѣлу народнаго образованія; созывъ же этихъ съѣздовъ поручить уѣздной управѣ". На это послѣднее ходатайство послѣдовалъ отвѣтъ, что „всѣ вопросы, касающіеся народнаго образованія, могутъ и должны быть обсуждаемы въ училищныхъ совѣтахъ; засимъ не можетъ настоять необходимости въ особомъ коллегіальномъ обсужденіи мѣръ къ улучшенію народнаго образованія". По всѣмъ остальнымъ названнымъ ходатайствамъ было отказано, такъ какъ они „не подлежатъ удовлетворенію по дѣйствующему положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ". Въ отвѣтѣ рязанскому земству указано, что „земство, если желаетъ усилить надзоръ за школами, то можетъ заявить ходатайство объ учрежденіи потребнаго числа инспекторовъ народныхъ училищъ съ содержаніемъ на счетъ средствъ онаго"; почти то же заявлено было и сумскому земству; московское земство было увѣдомлено, что министръ народнаго просвѣщенія, „не усматривая изъ представленія московскаго губернатора соображеній тамошняго уѣзднаго земскаго собранія и побужденій, коими вызвано настоящее ходатайство, затрудняется войти въ обсужденіе онаго"; тотъ же министръ, сообщая на усмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ ходатайство таврическаго земства, „присовокупилъ, что онъ полагалъ бы входить въ комитетъ министровъ съ представленіемъ объ отклоненіи этого ходатайства въ виду того, что правительству ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть удобнымъ отказаться отъ того надзора и контроля надъ народнымъ образованіемъ, ко-

*) Земствъ: чистопольскаго (1873), жиздринскаго (1879), рязанскаго губ. (1878), сумскаго (1881), донецкаго (1881), арзамасскаго (1881), козелецкаго (1882), московскаго (1882), таврическаго (1882).

торые поручены его спеціальнымъ агентамъ въ лицѣ опредѣленнаго имъ инспектора народныхъ училищъ". Это принципіальное рѣшеніе вопроса, такимъ образомъ, замѣнило собой тѣ чисто формальные мотивы, по которымъ терпѣли неудачу ранѣе всѣ земскія ходатайства по этому вопросу.

Не лучшими результатами сопровождались и ходатайства разныхъ земствъ по вопросамъ внутренняго устройства и преподаванія въ народной школѣ. На просьбу харьковскаго земства (1880), чтобы въ училища принимались дѣти не моложе 8—9 лѣтъ и чтобы выпускныя свидѣтельства выдавались имъ въ 12—13 лѣтъ, заключенія министерства народнаго просвѣщенія еще не послѣдовало въ 1884 году. Ходатайство ростовскаго на Дону земства (1868) о томъ, чтобы въ народныхъ школахъ было допущено обученіе дѣвочекъ вмѣстѣ съ мальчиками *до 12-лѣтняго возраста*, было отклонено, такъ какъ такое совмѣстное обученіе „можетъ имѣть вредныя послѣдствія для нравственности учащихся". Нѣсколько земствъ стремились до нѣкоторой степени расширить программу преподаванія въ народныхъ школахъ, но ни одно изъ этихъ предположеній не получило осуществленія. Такое ходатайство курскаго губ. земства (1877), подробности котораго намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны, не было удовлетворено, такъ какъ учебный курсъ училищъ установленъ въ законодательномъ порядкѣ, а испрашивать въ томъ же порядкѣ его измѣненіе министерство народнаго просвѣщенія признало, „по разнымъ соображеніямъ, крайне нецѣлесообразнымъ". Та же судьба постигла и ходатайство переяславскаго земства (1877) объ измѣненіи срока учебнаго курса въ народной школѣ потому, что министерству народнаго просвѣщенія „по сему вопросу необходимо имѣть общія свѣдѣнія отъ попечителей учебныхъ округовъ, отзывовъ отъ которыхъ еще не получено". Брянское земство (1879) желало ввести въ сельскія школы и учительскія семинаріи „чтенія положеній о земскихъ, волостныхъ и сельскихъ учрежденіяхъ, съ разъясненіемъ крестьянамъ ихъ обязанностей"; это также не было допущено, такъ какъ „введеніе преподаванія означенныхъ предметовъ въ названныхъ училищахъ не соотвѣтствовало бы задачѣ этихъ заведеній", хотя трудно понять, съ какой точки зрѣнія можетъ быть нежелательно „разъяснять кому либо" его „обязанности". Вологодское губ. земство (1879) просило о „введеніи въ программу народныхъ училищъ предметовъ, знакомящихъ учениковъ съ главными основаніями законоположеній, до крестьянскаго сословія относящихся"; ходатайство отклонено, ибо преподаваніе такихъ предметовъ „не соотвѣтствовало бы назначенію школъ и нарушало бы строй педагогической системы, принаровленной къ извѣстной цѣли". Отмѣтимъ, что этотъ отвѣтъ относился не только къ упомянутому ходатайству вологодскаго земства, но и къ ходатайству таврическаго губ. (1879) о введеніи преподаванія гигіены въ

среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Гигіена, какъ предметъ преподаванія, была признана, такимъ образомъ, тоже „нарушающею педагогическую систему“ гимназій и реальныхъ училищъ и „не соотвѣтствующею ихъ назначенію“...

Нѣсколько ходатайствъ имѣли своею цѣлью урегулировать преподаваніе закона Божія, для котораго имѣются особыя правила, трудно исполнимыя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священниковъ въ данной деревнѣ не имѣется или гдѣ они не аккуратно исполняютъ свои обязанности законоучителей. Тарусское (1876) и жиздринское (1877) земства ходатайствовали о томъ, чтобы „право на производство выпускного испытанія было предоставлено и такимъ училищамъ, въ которыхъ нѣтъ особаго законоучителя, но имѣется учитель, получившій право преподавать законъ Божій. Въ противномъ случаѣ ученики такихъ школъ должны подвергаться испытанію только по достиженіи 16-ти лѣтняго возраста, что крайне неудобно“. Министръ народнаго просвѣщенія счелъ необходимымъ отклонить эти ходатайства на основаніи тѣхъ правилъ, объ отмѣнѣ которыхъ оба земства именно и ходатайствовали. С.-Петербургское губ. земство (1880) пошло нѣсколько далѣе: оно просило о допущеніи къ преподаванію закона Божія всѣхъ учителей народныхъ школъ по выдержаніи ими соотвѣтственнаго испытанія. Петергофское (1881) ходатайствовало о дозволеніи „учителямъ изъ мірянъ преподавать въ народныхъ школахъ законъ Божій подъ руководствомъ священниковъ“, а аткарское (1881) собраніе, представившее аналогичное ходатайство, не предполагало и такого руководства. На эти ходатайства не послѣдовало никакого опредѣленнаго отвѣта и была сдѣлана лишь ссылка на то, что никакихъ измѣненій въ порядкѣ преподаванія закона Божія не будетъ предпринято до разрѣшенія святѣйшимъ Синодомъ общаго вопроса о предоставленіи свѣтскимъ лицамъ права преподаванія этого предмета въ народныхъ школахъ.

Нашъ матеріалъ указываетъ, далѣе, на тѣ разнообразные пріемы, которые пытались употреблять разныя земства для увеличенія денежныхъ средствъ народной школы. Однако и въ этой области усиліямъ земства не суждено было увѣнчиваться успѣхомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они направлены были къ такой скромной цѣли, какъ привлеченіе частныхъ пожертвованій. Владимірское губ. земство (1882) ходатайствовало о томъ, чтобы каждому училищу предоставлено было право имѣть попечителя или попечительный совѣтъ изъ трехъ и болѣе попечителей обоего пола „для привлеченія наибольшаго числа пожертвованій на училищное дѣло;“ министръ народнаго просвѣщенія, однако, не призналъ, чтобы это было такой мѣрой, „отъ которой можно было бы ожидать для училищъ болѣе пользы, чѣмъ вреда“, и потому ходатайство это было оставлено. Лубенское (1869) и переяслав-

ское (1871) земства желали, чтобы попечители школъ обязаны были ежегодно вносить въ пользу училища нѣкоторую сумму (25 р. и не менѣе 15 р.), но получили отказъ, такъ какъ эта мѣра не согласовалась съ положеніемъ 1864 г. и такъ какъ „одно безмездное и добросовѣстное исполненіе обязанностей попечителя само-по-себѣ есть уже достаточное пожертвованіе въ пользу училищъ со стороны лицъ, избираемыхъ въ это званіе“. С.-Петербургское земство (1869) просило разрѣшенія поставить кружки для сбора пожертвованій для школъ, „подобно тому, какъ это разрѣшено для Царскосельскаго уѣзда высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 1866 г.“ Не смотря, однако, на это, для сосѣдняго Петербургскаго уѣзда министромъ народнаго просвѣщенія было признано нужнымъ отклонить это ходатайство, такъ какъ „трудно разсчитывать на сколько нибудь удовлетворительный сборъ отъ предполагаемыхъ кружекъ и такъ какъ мѣра эта не соотвѣтствуетъ также нравственному достоинству дѣла народнаго образованія“, хотя такого несоотвѣтствія не принято видѣть, когда дѣло идетъ о кружкахъ для сбора пожертвованій въ пользу церквей, разныхъ благотворительныхъ учрежденій и даже нѣкоторыхъ обществъ, обладающихъ иногда крупными средствами (напр., въ пользу „Общества спасанія на водахъ“ и друг.).

Два земства — лужское (1871) и чердынское (1881) — въ стремленіи получше обставить денежное обезпеченіе школъ зашли даже нѣсколько далеко въ своихъ требованіяхъ отъ крестьянскихъ обществъ. Первое хотѣло обложить каждую волость особымъ сборомъ въ пользу школъ въ суммѣ 250 р., такъ какъ такая-же сумма расходовъ на каждую волость принята земствомъ на свой счетъ. На это послѣдовалъ отказъ въ виду справедливаго отзыва министра финансовъ, что „сельскія общества, платя земскіе сборы, тѣмъ самымъ участвуютъ въ доставленіи средствъ на народное образованіе“. Второе изъ названныхъ земствъ желало сдѣлать для общества навсегда обязательными пожертвованія, дѣлаемыя ими на устройство и содержаніе народныхъ школъ; но и это было отклонено на томъ безспорномъ основаніи, что такая мѣра въ иныхъ случаяхъ могла бы „ослабить скудныя средства жителей, зачастую испытывающихъ лишенія и нужду“, и что отказъ въ дальнѣйшей выдачѣ пособій школамъ „вынуждается матеріальными недостатками“.

Весьма симпатична была мысль александровскаго (Владимірской губ.) земства (1875) о предоставленіи земству права обложенія въ уѣздѣ и городахъ питейныхъ заведеній сборомъ въ 50 руб. въ пользу школъ; ходатайство это не было, однако, удовлетворено потому, что патенты уже и безъ того подвергаются земскому обложенію. Судогодское земство (1881) хотѣло увеличить средства школъ путемъ обращенія на этотъ предметъ денежныхъ штрафовъ, налагаемыхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ; со-

гласно отзыву министра юстиціи, установлено, что штрафы эти могли-бы быть обращаемы на школы лишь „при изъявленіи на сіе согласія крестьянскаго общества, притомъ въ предѣлахъ удовлетворенія этой потребности самихъ крестьянъ подлежащей волости“. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности судить, приведено-ли было въ исполненіе, хотя-бы и съ такими ограниченіями, ходатайство судогодскаго земства.

Для той-же цѣли земства не останавливались и передъ просьбами о казенныхъ субсидіяхъ. Такъ, тверское земство (1872) ходатайствовало объ отпускѣ изъ казны безвозвратно 15.000 руб. на устройство 30 народныхъ училищъ — по планамъ, утверждаемымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія; но это ходатайство, какъ и ходатайство рыбинскаго земства (1871) о казенной субсидіи на расходы училищнаго совѣта (сумма не обозначена), было отклонено, такъ какъ названное министерство, согласно его отзывамъ, не имѣетъ кредитовъ для означенныхъ цѣлей. Владимірское губ. земство (1873) просило выдать ему на постройку и содержаніе училищъ для введенія обязательнаго обученія—400 тыс. руб. и указывало на способъ возмѣщенія этого расхода: возвышеніемъ акциза на 1 коп. съ градуса спирта „съ тѣмъ, чтобы мѣра эта была одновременно примѣнена по всѣмъ губерніямъ“. Ходатайство это было отклонено, но возобновлено снова тѣмъ-же земствомъ на слѣдующій годъ и снова не получило удовлетворенія, согласно отзыву министерства финансовъ, въ которомъ говорилось, 1) что акцизъ съ вина установленъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей вообще, а не отдѣльныхъ цѣлей и 2) что выкуриваемое на заводахъ вино не входитъ въ число предметовъ земскаго обложенія. Мотивы эти трудно поддаются объясненію, какъ потому, что земство не касалось существующаго размѣра акциза, взимаемаго для „государственныхъ потребностей вообще“, а для указанной спеціальной цѣли проектировало его увеличеніе, такъ и потому, что оно предлагало сдѣлать это обложеніе не земскимъ, а государственнымъ, всеобщимъ „по всѣмъ губерніямъ“. Харьковское губ. земство (1882) ходатайствовало объ увеличеніи пособія отъ министерства двухкласснымъ училищамъ, которыя будутъ переданы уѣзднымъ земствамъ; судьба этого ходатайства намъ неизвѣстна. Не разсчитывая на денежную помощь, московское земство (1877) хлопотало лишь о безплатномъ отпускѣ на постройку школъ лѣсныхъ матеріаловъ изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ и объ отводѣ, въ случаѣ надобности, казенныхъ земельныхъ участковъ подъ училища, но и въ этомъ получило отказъ, согласно отзыву министра государственныхъ имуществъ, признавшаго безплатный отпускъ лѣса „не соотвѣтствующимъ цѣли“ (?) и убыточнымъ для доходной смѣты лѣсного вѣдомства, а отводъ казенныхъ участковъ—не мотивированнымъ какими либо исключительными обстоятельствами.

Наконецъ, чтобы покончить этотъ обзоръ земскихъ ходатайствъ по вопросамъ, касающимся народной школы, остается упомянуть о тѣхъ, которыя обнаруживали стремленія земствъ къ увеличенію числа разсадниковъ народныхъ учителей—учительскихъ семинарій и числа народныхъ училищъ. Ходатайство псковскаго губ. земства (1872) объ утвержденіи проекта учительской семинаріи на счетъ суммъ самого земства не было отвергнуто, но ходатайство нижегородскаго губ. земства (1872) о такомъ-же учебномъ заведеніи на средства министерства было отклонено: министръ народнаго просвѣщенія, „не отвергая пользы, ожидаемой отъ устройства учительской семинаріи въ Нижегородской губерніи", не располагалъ, однако, для этого свободнымъ кредитомъ, а входить съ ходатайствомъ объ ассигнованіи особаго кредита изъ государственнаго казначейства признавалъ „неудобнымъ". Иные мотивы отказа приведены были по ходатайству харьковскаго губ. земства (1872) объ утвержденіи проекта устава „земской школы учительницъ" для народныхъ училищъ. Министръ народнаго просвѣщенія по этому поводу заявилъ, что „въ Харьковской губерніи число мужскихъ и смѣшанныхъ сельскихъ училищъ преобладаетъ предъ женскими и потому онъ признаетъ полезнымъ предложить харьковскому губернскому земскому собранію, не найдетъ-ли оно возможнымъ, вмѣсто проектируемой имъ школы учительницъ, открыть въ губерніи на свой счетъ школу для приготовленія учителей". Но въ 1874 земство возобновило то-же ходатайство, „присовокупивъ, что мужской такой-же школы земство не только не желаетъ, но и надобности въ ней не усматриваетъ". Ходатайство и на этотъ разъ было отклонено, что представляется въ высокой степени непонятнымъ, съ одной стороны въ виду допущенія женщинъ къ преподаванію въ мужскихъ и смѣшанныхъ народныхъ школахъ, а съ другой—въ виду того, что въ то время уже существовали женскія учительскія семинаріи (напр., въ станицѣ Лабинской, Кубанской области). Смоленскому губ. земству (1873) на его просьбу объ устройствѣ на счетъ *казны* въ г. Духовщинѣ уѣзднаго училища предложено было устроить на счетъ *земства* городское училище.

Рядъ ходатайствъ объ увеличеніи числа сельскихъ школъ начнемъ съ ходатайства с.-петербургскаго губ. земства (1881) о разрѣшеніи открытія подвижныхъ школъ въ томъ видѣ, въ какомъ каждое уѣздное земство найдетъ это нужнымъ. Судьба этого интереснаго, но, къ сожалѣнію, весьма неясно изложеннаго въ нашемъ матеріалѣ ходатайства намъ неизвѣстна. Засимъ—предъ нами цѣлая серія ходатайствъ о введеніи обязательнаго всеобщаго обученія. Эта мысль, очевидно, пользовалась уже въ то десятилѣтіе весьма большой популярностью; она отличалась отъ современнаго намъ движенія въ пользу общедоступности школьнаго образованія лишь элементомъ принудительности. Обоянское,

напр., земство желало установить право привлеченія къ отвѣтственности въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ родителей, виновныхъ въ томъ, что они безъ уважительныхъ причинъ не посылаютъ дѣтей своихъ въ школу. Иногда указывались земствомъ и рамки школьнаго возраста, въ которыхъ слѣдуетъ установить обязательное посѣщеніе училищъ: отъ 8 до 14 лѣтъ (чернское), отъ 8 до 12 (владимірское губ.), отъ 6 до 12 (павлоградское), отъ 8 лѣтъ (шадринское), до 15 лѣтъ (обоянское). Всѣхъ такихъ ходатайствъ мы насчитываемъ 22. На первыя изъ нихъ по времени—чернскаго (1866) и полтавскаго губ. (1867) земствъ—было лишь указано, что вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ, „для чего необходимо, чтобы онъ былъ подвергнутъ всестороннему обсужденію какъ земствами всѣхъ губерній, такъ и (что особенно обращаетъ на себя вниманіе) со стороны органовъ печати“. Въ отвѣтѣ на ходатайство царицынскаго земства (1867) уже говорится, что вопросъ объ обязательномъ обученіи составляетъ предметъ общаго обсужденія; но далѣе приводится расхолаживающее замѣчаніе о томъ, что „разрѣшеніе онаго сопряжено съ значительными затрудненіями въ примѣненіи къ нашему начальному образованію“. А на послѣдующія ходатайства спасскаго (Каз. губ.) земства (1871), нижегородскаго (1871) и сапожковскаго (1872) заявлено уже категоричнѣ, что „какъ-бы ни было желательно введеніе обязательнаго обученія, оно въ настоящее время невозможно“. Послѣднее ходатайство отклонено потому, что земство „не указываетъ никакихъ мѣръ къ осуществленію и обезпеченію успѣха его предположенія“. На послѣдующія ходатайства земствъ пензенскаго (1873), владимірскаго губ. (1873 г., повторенное въ 1874 г.) и павлоградскаго (1873) отзыва министра народнаго просвѣщенія совсѣмъ не послѣдовало. Тѣмъ не менѣе такія ходатайства продолжали поступать: въ 1875 г. находимъ таковыя отъ земствъ архангельскаго, горбатовскаго, шадринскаго, коротоякскаго, болховскаго и серпуховскаго; въ отвѣтѣ на нихъ значится, что „до рѣшенія общаго вопроса о введеніи обязательнаго обученія въ имперіи ходатайства земскихъ собраній по сему предмету не могутъ подлежать отдѣльному разсмотрѣнію“. И въ самомъ дѣлѣ, дальнѣйшія ходатайства по этому вопросу земствъ екатеринославскаго губ. (1876), казанскаго губ. (1876), осинскаго (1876), елисаветградскаго (1876) и обоянскаго (1879) или оставались вовсе безъ отзыва министерства народнаго просвѣщенія или сопровождались приведеннымъ выше отвѣтомъ. Наконецъ, на ходатайство нижне-ломовскаго земскаго собранія (1881) послѣдовало предложеніе министра народнаго просвѣщенія „обсудить, насколько взрослое населеніе этой мѣстности и экономически, и умственно способно и подготовлено принять эту мѣру (обязательное обученіе) и вынести сопряженныя съ нею какъ матеріальныя издержки, такъ и нравственныя понужденія“. Мы не

имѣемъ свѣдѣній о томъ, отвѣчало-ли нижне-ломовское земство на это предложеніе министерства, но весьегонское земство (1882) представило аналогичное ходатайство, въ которомъ разработало матерьяльную сторону введенія обязательнаго обученія. Оно просило „обратить 15.000 дес. казенной земли въ вѣчный фондъ на народное образованіе“ въ своемъ уѣздѣ, полагая среднимъ числомъ по 100 дес. на каждое изъ 150 училищъ, необходимыхъ для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Ходатайство это все же было отклонено, согласно отзыву министерства государственныхъ имуществъ, не находившаго возможнымъ уступить для означенной цѣли „почти половину той площади, какой владѣетъ казна“ въ названномъ уѣздѣ; министерство, далѣе, настаивало на отклоненіи этого ходатайства, такъ какъ „удовлетвореніе онаго могло-бы послужить опаснымъ прецедентомъ для возбужденія подобныхъ ходатайствъ и другими земствами“. Такой мотивъ едва-ли понятенъ; если смотрѣть на государственныя имущества какъ на достояніе обще-національное, то трудно придумать для получаемыхъ съ него доходовъ назначеніе болѣе производительное, чѣмъ нужды образованія.

Такимъ образомъ, этотъ вопросъ первоклассной важности, поднятый земствомъ съ самаго начала его существованія, такъ и остался неразрѣшеннымъ, пока земства же, одно за другимъ, не начали приступать къ осуществленію общедоступнаго школьнаго обученія своими средствами въ послѣдніе годы.

Остается прибавить, что пока количество грамотныхъ въ народѣ было еще ничтожно, земствамъ не было настоятельной надобности хлопатать о средствахъ внѣ-школьнаго образованія. Поэтому нельзя удивляться, что въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ вовсе не встрѣчается земскихъ ходатайствъ о народныхъ чтеніяхъ и книжныхъ складахъ. Только въ 1879 г. псковское губ. земство представило ходатайство (возобновленное въ 1880 г.) о разрѣшеніи народныхъ чтеній съ туманными картинами при народныхъ школахъ. Затѣмъ аналогичныя ходатайства поступали и отъ земствъ псковскаго уѣзднаго, вологодскаго, грязовецкаго и тверского губ. (1882). Разрѣшеніе такихъ чтеній послѣдовало на основаніи отзыва министра народнаго просвѣщенія (1881), который, однако, возлагалъ „надзоръ за направленіемъ этихъ чтеній, имѣющій преимущественно полицейскій характеръ“, на губернское начальство, „располагающее для того всѣми необходимыми средствами“. О складѣ дешевыхъ книгъ для продажи ихъ мѣстному населенію ходатайствовало царско-сельское земство (1882) и получило на то разрѣшеніе подъ условіемъ руководствоваться въ выборѣ книгъ каталогомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что среди всего этого длиннаго ряда ходатайствъ мы встрѣчаемъ лишь *одно*—калязинской городской

думы—объ освобожденіи города отъ взиманія въ пользу земства сборовъ на народное образованіе, такъ какъ расходы эти признаны по закону необязательными. Думѣ было отказано на томъ основаніи, что городъ входитъ въ составъ земской единицы и что земскія потребности въ городахъ и уѣздахъ составляютъ общія повинности всего земства.

Значительно меньше намъ придется остановиться на такихъ земскихъ ходатайствахъ, которыя касаются средняго образованія. Огромное большинство ихъ говорятъ о стремленіи земствъ открывать побольше реальныхъ училищъ, рѣже—прогимназій и гимназій, открывать дополнительные классы въ реальныхъ училищахъ и прогимназіяхъ, учреждать 3-хъ классныя городскія училища и нѣкоторыя другія учебныя заведенія. Иногда потребность въ нихъ выражается при этомъ даже въ такой общей формѣ, какую приняло, напр., курское губ. земство (1872 г.), просившее о томъ, чтобы „въ случаѣ ассигнованія средствъ на учрежденіе реальныхъ и техническихъ училищъ въ имперіи было обращено вниманіе и на насущную нужду въ этихъ училищахъ курскаго земства". Ходатайствъ по этому предмету мы насчитали болѣе 60-ти; перечислять ихъ было бы безполезно, такъ какъ едва ли осталась хотя бы одна земская губернія въ сторонѣ отъ этого движенія, охватившаго всю Россію главнымъ образомъ въ 70-хъ годахъ. Удовлетвореніе этихъ ходатайствъ регулировалось въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, поскольку земство могло участвовать своими средствами въ содержаніи этихъ учебныхъ заведеній. Въ весьма многихъ случаяхъ открытіе или расширеніе послѣднихъ обусловливалось крупной прибавкой земской субсидіи, въ зависимости отъ которой и ставилось удовлетвореніе земскаго ходатайства. Приведемъ лишь два-три примѣра. Такъ, просьба сумскаго земства (1869 г.) объ учрежденіи въ г. Сумахъ прогимназіи съ ежегодной субсидіей отъ земства въ суммѣ 4,300 рублей была удовлетворена лишь послѣ того, какъ земство согласилось увеличить размѣры послѣдней до 10,500 руб. Дѣло объ открытіи въ г. Саранскѣ, по ходатайству мѣстнаго земства (1869 г.), прогимназіи, а затѣмъ 4-хъ класснаго реальнаго училища съ земской субсидіей въ 3,000 р. окончилось черезъ три года увеличеніемъ субсидіи до 12,490 р. въ годъ. Ходатайство ахтырскаго земства (1879 г.) объ открытіи на казенный счетъ V и VI классовъ въ мѣстной прогимназіи, для которыхъ помѣщеніе было уже приготовлено въ земскомъ домѣ, было отклонено, такъ какъ министръ народнаго просвѣщенія затруднился принять на себя ходатайство объ отпускѣ изъ казны необходимыхъ средствъ. На томъ же основаніи осталось безъ удовлетворенія и ходатайство хвалынской городской думы (1879 г.) объ учрежденіи въ г. Хвалынскѣ

реальнаго училища съ значительной ежегодной субсидіей города и земства. По той же причинѣ не состоялось преобразованіе серпуховской 4-хъ классной прогимназіи въ 6-ти классную, по ходатайству мѣстнаго земства въ 1876 г., повторенному въ 1878 г., не смотря на признаніе самимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія „пользы и необходимости" такого преобразованія. На томъ же основаніи отклонено ходатайство бердянскаго земства (1870 г.) о преобразованіи уѣзднаго училища въ прогимназію на счетъ казны; но когда то же земство въ 1871 г. предложило взять на себя расходы по устройству гимназіи, желая получить отъ казны только субсидію въ 4,600 рублей, равняющіеся штатной суммѣ бердянскаго уѣзднаго училища, то ходатайство его было удовлетворено. Такихъ примѣровъ можно цитировать много, но и приведенныхъ достаточно, чтобы уяснить себѣ общій характеръ отношенія министерства народнаго просвѣщенія къ земскимъ ходатайствамъ этой группы. Потребность въ среднемъ образованіи возрастала весьма быстро въ указанный періодъ, но удовлетворить ей на государственный счетъ населеніе въ большей части случаевъ не имѣло возможности. Земствамъ приходилось поэтому дѣлать весьма крупныя траты на среднее образованіе, выходящее, строго говоря, изъ круга его заботъ и являющееся дѣломъ общегосударственнымъ, и тѣмъ лишать себя возможности дѣлать болѣе значительныя траты на низшее народное образованіе.

Слѣдуетъ прибавить, что отказы въ открытіи учебныхъ заведеній постигали земскія ходатайства не по одной указанной причинѣ. Такъ на просьбу чембарскаго уѣзднаго собранія и городской думы (1879 г.) объ учрежденіи въ г. Чембарѣ прогимназіи министръ народнаго просвѣщенія отозвался, что „открытіе въ г. Чембарѣ прогимназіи не вызывается дѣйствительной потребностью", хотя едва ли можно себѣ представить отсутствіе потребности въ такомъ учебномъ заведеніи, о которомъ хлопочутъ мѣстное земство и дума. Почти тоже указано было и по поводу ходатайства ахтырской городской думы (1881 г.) объ открытіи 5-го и 6 классовъ въ мѣстной прогимназіи, причемъ сдѣлана была ссылка на малочисленность учениковъ прогимназіи, хотя едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что малочисленность учениковъ четырехклассной прогимназіи и вызывается главнымъ образомъ отсутствіемъ въ ней старшихъ гимназическихъ классовъ. Кинешемское земство (1873 г.) ходатайствовало о разрѣшеніи открыть подписку между жителями г. Кинешмы и уѣзда для учрежденія въ этомъ городѣ реальнаго училища; на это министръ народнаго просвѣщенія отозвался, что, по его мнѣнію, въ учрежденіи тамъ названнаго заведенія не предстоитъ особой надобности, такъ какъ этотъ городъ отстоитъ недалеко отъ Костромы и Иванова-Вознесенска, въ коихъ *будутъ* открыты такія же училища. Иногда въ подобныхъ отказахъ ясно обозначается желаніе не создавать реальными училищами кон-

курренціи классическимъ гимназіямъ. Такъ, въ 1874 г. царицынская дума ходатайствовала объ учрежденіи въ г. Царицынѣ 6-ти класснаго реальнаго училища съ довольно крупными пожертвованіями со стороны города; министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ саратовскаго губернатора, что въ виду того, что въ Саратовѣ уже есть одно реальное училище, „учрежденіе такого же училища въ Царицынѣ надо признать преждевременнымъ, пока въ этой губерніи существуетъ одна гимназія. На этомъ основаніи онъ, министръ, полагалъ предложить городской думѣ учрежденіе прогимназіи съ обращеніемъ на нее“ тѣхъ средствъ, которыя предложены городомъ на реальное училище. Въ 1873 г. рыбинская дума ходатайствовала объ учрежденіи въ г. Рыбинскѣ на счетъ казны 6-ти класснаго реальнаго училища съ дополнительнымъ классомъ и тремя въ немъ отдѣленіями съ пособіемъ отъ города по 6,000 р.; министръ народнаго просвѣщенія выразилъ согласіе на открытіе такого училища съ двумя отдѣленіями, но при условіи увеличенія городской субсидіи до 12,000 руб. въ годъ. Въ 1874 году дума постановила отпустить эту сумму, если въ 7-мъ классѣ будетъ учреждено третье отдѣленіе; въ отвѣтъ министръ народнаго просвѣщенія высказалъ, что „по внимательномъ разсмотрѣніи этого ходатайства онъ пришелъ къ убѣжденію, что общество, устраивая реальное училище, конечно, не желаетъ преградить будущимъ его ученикамъ перехода въ гимназію, а потомъ въ университетъ, если бы они того пожелали, а потому, казалось бы, желанію городского общества на первый разъ могла бы удовлетворить болѣе прогимназія, чѣмъ реальное училище“. Такимъ образомъ г. Рыбинску предлагалось ассигновать по 14,550 р. на классическую прогимназію, но министръ признавалъ полезнымъ открыть тамъ же два высшихъ класса реальнаго училища (куда могли бы переходить ученики прогимназіи) и выразилъ готовность „ходатайствовать объ отпускѣ потребной на этотъ предметъ суммы сполна изъ казны“. Дума согласилась съ предложеніемъ министра и сдѣлала требуемую ассигновку; 4-хъ классная классическая прогимназія была открыта въ 1875 году. Намъ неизвѣстно, послѣдовало ли открытіе высшихъ классовъ реальнаго училища; въ нашемъ матеріалѣ слѣдовъ этого мы не находимъ; но мы знаемъ, что въ 1878 году упомянутая классическая прогимназія была „преобразована въ 6-ти классный составъ, съ отнесеніемъ расхода на сооруженіе 5-го и 6-го класса также на счетъ города“. Дума, находившая послѣдній расходъ для города непосильнымъ, что было подтверждено и министромъ внутреннихъ дѣлъ, ходатайствовала о принятіи его на счетъ казны. Результатъ этого ходатайства намъ неизвѣстенъ.

Если вообще нельзя себѣ представить такого общества, которое не интересовалось бы живо внутренней организаціей школы въ которой обучаются его будущіе члены и дѣятели, то еще по-

нятнѣе такой интересъ и желаніе имѣть право голоса въ этой организаціи въ такомъ обществѣ, которое участвуетъ въ тратахъ на содержаніе школы не только путемъ внесенія общегосударственныхъ налоговъ, но и непосредственно, путемъ мѣстнаго обложенія. Та роль, которую земство принуждено было взять на себя, какъ мы выше видѣли, въ дѣлѣ основанія и расширенія среднихъ учебныхъ заведеній, тѣ денежныя траты, которыя силою вещей ему приходилось для этого дѣлать, естественно обусловливали собой и стремленіе земствъ не быть только зрителями веденія дѣла въ названныхъ заведеніяхъ, но и получить въ немъ нѣкоторую долю участія. Это имъ, какъ извѣстно, не удалось. Въ 1880 г. херсонское губ. земство ходатайствовало о предоставленіи земскому реальному училищу въ г. Елизаветградѣ правъ казенныхъ училищъ и при этомъ — „о предоставленіи земству ближайшаго участія въ завѣдываніи не только педагогическою, но и воспитательною частью заведенія“. Министерство народнаго просвѣщенія отозвалось, что оно „признаетъ *весьма желательнымъ* привлеченіе мѣстныхъ обществъ къ ближайшему участію въ завѣдываніи учебными заведеніями, содержимыми на ихъ средства, и въ виду *хорошихъ результатовъ* въ педагогическомъ и воспитательномъ отношеніяхъ, которые дало елизаветградское реальное училище за 10-лѣтній періодъ времени существованія его въ качествѣ частнаго заведенія и въ полномъ исключительномъ завѣдываніи земства, полагаетъ войти съ представленіемъ о допущеніи нѣкоторыхъ отступленій въ уставѣ елизаветградскаго реальнаго училища“. Со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ препятствій къ этому не встрѣтилось, но чѣмъ кончилось дѣло — въ матеріалѣ указаній не имѣется. Принципъ, высказанный въ этомъ случаѣ министерствомъ—о желательности привлеченія общественныхъ органовъ къ завѣдыванію содержимыми ими учебными заведеніями—однако, болѣе не повторялся; другія ходатайства этого рода не испытывали столь благопріятнаго пріема. Орловское губ. собраніе (1879) просило предоставить только предсѣдателямъ губернскаго и уѣздныхъ земскихъ собраній „право участія въ дѣлѣ образованія учащихся во всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“; ходатайство отклонено на томъ основаніи, что оно „не соотвѣтствуетъ тѣмъ предѣламъ, которые установлены правительствомъ для участія обществъ въ дѣлѣ образованія“. Рѣшительнѣе было ходатайство калужскаго губ. земства (1879); послѣднее желало предоставленія попечительству мѣстнаго реальнаго училища одинаковыхъ правъ съ попечительными совѣтами женскихъ учебныхъ заведеній. Мотивомъ такого ходатайства служило то обстоятельство, что „установленный для женскихъ гимназій и прогимназій порядокъ управленія весьма полезенъ для этихъ заведеній, такъ какъ земства, участвующія въ расходахъ на ихъ содержаніе, получая возможность знать о способѣ расходованія суммъ и о ходѣ въ нихъ

учебнаго дѣла, относятся къ нимъ съ довѣріемъ и съ охотой жертвуютъ деньги для улучшенія ихъ; порядокъ же управленія противоположный долженъ имѣть послѣдствіемъ недовѣріе земства къ учебнымъ заведеніямъ и равнодушіе къ матеріальному положенію заведенія". Отзывъ министерства народнаго просвѣщенія на этотъ разъ носилъ рѣзкій характеръ: „притязаніе калужскаго земства, читаемъ въ немъ, совершенно незаконно и ему не могутъ быть предоставлены всѣ прочія испрашиваемыя имъ права, потому что предоставленіе этихъ правъ членамъ попечительства повело бы къ полному разстройству училищныхъ дѣлъ, лишая управленіе училища необходимаго единства". Такимъ образомъ, по существу аргументація калужскаго земства въ этомъ отзывѣ опроверженія не получила, равно осталась безъ отвѣта и его ссылка на безвредное для хода училищныхъ дѣлъ участіе общественныхъ органовъ въ веденіи женскихъ учебныхъ заведеній. Наконецъ, въ 1882 г. аналогичную попытку сдѣлало и полтавское губ. земство, прося о расширеніи правъ попечительнаго совѣта полтавскаго реальнаго училища въ томъ смыслѣ, чтобы члены совѣта отъ города и земства были включены въ составъ хозяйственнаго комитета, помимо почетнаго попечителя и городского головы. Отвѣтъ получился болѣе мягкій, но результатъ остался тотъ же. Комитетъ министровъ усматривалъ, что „ходатайство возбуждено *вполнѣ понятною* заботою земства о благоустройствѣ того учебнаго заведенія, на которое оно отпускаетъ вмѣстѣ съ городомъ довольно значительную сумму"; тѣмъ не менѣе комитетъ полагалъ, что земство и безъ того имѣетъ достаточное участіе въ дѣлахъ хозяйственнаго комитета училища и что включать въ составъ послѣдняго многочисленныхъ членовъ попечительства не принесло бы пользы.

Не имѣя возможности, такимъ образомъ, получить активное вліяніе на дѣла содержимыхъ или субсидируемыхъ ими среднихъ учебныхъ заведеній, земства принуждались заявлять о своихъ желаніяхъ въ этой области только путемъ особыхъ каждый разъ ходатайствъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Послѣднія довольно разнообразны. Новгородское губ. земство (1880) ходатайствовало о примѣненіи закона 23 октября 1878 г., воспрещающаго измѣненіе пособій, отпускаемыхъ на содержаніе учебныхъ заведеній общественными учрежденіями, къ пособіямъ изъ средствъ государственнаго казначейства; поводомъ служило уменьшеніе въ 1879 г. казенной субсидіи бѣлозерской женской гимназіи съ 1000 на 700 р.; ходатайство отклонено по формальнымъ мотивамъ. Орловское губ. земство (1876) проситъ объ освобожденіи отъ платы за ученіе бѣдныхъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній Орловской губ. безъ ограниченія нормой, установленной уставомъ гимназій и прогимназій, а также и объ отмѣнѣ или удешевленіи форменной ученической одежды; ходатайство отклонено потому, что эти „во-

просы относятся до всеобщей системы организаціи среднихъ учебныхъ заведеній имперіи", хотя земство имѣло въ виду учебныя заведенія лишь своей губерніи и въ земской практикѣ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно найти вопросъ, который въ той или другой формѣ не повторялся бы и въ другихъ губерніяхъ. И министерство народнаго просвѣщенія отнеслось иначе къ ходатайству костромского губ. земства (1882), еще болѣе общаго характера, просившаго о томъ, чтобы плата за ученье въ среднихъ и за слушаніе лекцій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не была увеличиваема; „послѣдствіемъ такой мѣры, говоритъ земство, было бы почти фактическое закрытіе учебныхъ заведеній, такъ какъ большинство воспитанниковъ ихъ принадлежитъ къ бѣдному классу". Въ результатѣ, министерство циркулярно разъяснило попечителямъ учебныхъ округовъ „о необходимости особой осмотрительности и крайней осторожности при возбужденіи вопросовъ о повышеніи платы за ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ" и сообщило мѣстному губернатору, что „вопросъ объ увеличеніи платы за слушаніе лекцій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ министерствѣ не возникалъ". Выше сообщенъ уже отвѣтъ, послѣдовавшій на ходатайство таврическаго губ. собранія (1879) о введеніи преподаванія гигіены въ среднихъ заведеніяхъ губерніи. Харьковское, курское и калужское губ. земства (1868, 1869) просили объ уменьшеніи числа предметовъ гимназическаго преподаванія и о введеніи во всѣхъ гимназіяхъ однообразныхъ программъ и учебниковъ; ходатайства отклонены, какъ касающіяся предмета, „не подлежащаго вѣдѣнію и обсужденію земскихъ собраній". Наконецъ, къ этой же серіи принадлежатъ и 16 ходатайствъ по наболѣвшему въ обществѣ вопросу о правѣ поступленія въ университеты для окончившихъ курсъ реальныхъ училищъ. Первымъ по времени было ходатайство казанскаго губ. земства (1866), которому совсѣмъ не дано было дальнѣйшаго движенія. Въ 1868 и 1869 гг. поступили такія же ходатайства земствъ: нѣжинскаго, черниговскаго губ., александровскаго, нижегородскаго губ., курскаго губ. и калужскаго губ.; на нихъ послѣдовалъ отвѣтъ, что „вопросъ этотъ не подлежитъ обсужденію земскихъ учрежденій". Въ 1871 г. послѣдовало ходатайство харьковскаго губ. земства, препровожденное министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія 2 августа 1871 г.; за неполученіемъ отзыва первымъ сдѣлано было повтореніе 22 августа 1872 г. Тогда только министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, что ходатайство не можетъ быть удовлетворено, такъ какъ тѣмъ временемъ—15 мая 1872 г.—реальныя гимназіи были преобразованы въ реальныя училища безъ права для ихъ воспитанниковъ поступленія въ университеты. Затѣмъ въ виду такихъ результатовъ наступилъ продолжительный перерывъ возбужденія ходатайствъ этого рода до начала 80-хъ годовъ. Въ промежуткѣ только одно

курское губ. земство (1877) вторично просило о томъ же, имѣя на этотъ разъ, однако, въ виду только два факультета — математическій и медицинскій — и получило отказъ непосредственно отъ министра народнаго просвѣщенія безъ внесенія дѣла въ комитетъ министровъ. Но земство возобновило свое ходатайство, мотивируя его „прекраснымъ состояніемъ курскаго реальнаго училища, а также тою субсидіею, которую ежегодно жертвуетъ губернское земство въ пособіе этому училищу, отсутствіе преподаванія въ которомъ древнихъ языковъ не можетъ служить практическимъ препятствіемъ къ переходу учениковъ его на два упомянутые факультета“. Результатъ ходатайства остался прежнимъ. Наконецъ, въ 1881 г. такія же просьбы поступили отъ воронежскаго губ. земства, харьковскаго и смоленскаго губ. земствъ и городскихъ думъ воронежской, тамбовской, нижегородской и кіевской; всѣ эти ходатайства препровождены были въ коммиссію для пересмотра устава реальныхъ училищъ и остались до настоящаго времени безъ результата.

Приведенный обзоръ земскихъ ходатайствъ по народному образованію, какъ можно видѣть изъ всего сказаннаго, свидѣтельствуетъ прежде всего о томъ, что въ основѣ стремленій земствъ перваго двадцатилѣтія лежало желаніе увеличить значеніе общественнаго элемента въ названной области. Заслуживаетъ серьезнаго вниманія то единодушіе, которое обнаруживали земства въ этомъ случаѣ, та послѣдовательность, съ которой они подходили съ разныхъ сторонъ къ возможному проведенію въ дѣйствительную жизнь указаннаго стремленія. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ калейдоскопѣ многочисленныхъ ходатайствъ всей земской Россіи, который только что прошелъ передъ нашими глазами, мы не могли замѣтить ни одного, которое вносило бы хотя малѣйшій диссонансъ въ этомъ смыслѣ, которое говорило бы какимъ бы то ни было образомъ о желаніи земства уменьшить свои заботы о народномъ образованіи, о томъ, что развитіе послѣдняго оно разсматриваетъ, какъ свою тяжелую обязанность, а не какъ свое желательное право. Правда, въ нашемъ матеріалѣ имѣется нѣкоторое количество ходатайствъ, о которыхъ мы не упомянули выше, имѣющихъ цѣлью сложеніе съ земствъ нѣкоторой части субсидій, ассигнованныхъ ими ранѣе среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Но мы и опустили ихъ именно потому, что они носятъ исключительно мѣстный, такъ сказать, случайный характеръ и вызывались наступившими въ томъ или другомъ земствѣ неблагопріятными бюджетными обстоятельствами. При этомъ послѣднія подтверждались нерѣдко и компетентной властью—министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ напр., въ приведенномъ случаѣ съ городомъ Рыбинскомъ, которому, волею судебъ, пришлось платить

болѣе 16,000 р. на 6-классную классическую прогимназію вмѣсто первоначальныхъ 6.000 р., которыя онъ ассигновалъ на реальное училище. Мы, конечно, не можемъ ручаться за полноту нашего матеріала, но то немалое число ходатайствъ, которое изложено выше, свидѣтельствуетъ на худой конецъ о весьма широкой популярности среди земствъ упомянутой тенденціи и о довольно настойчивомъ желаніи осуществить ее, насколько на то можно было и даже нельзя было надѣяться при окружающихъ земскую дѣятельность внѣшнихъ условіяхъ. Живой интересъ къ низшему и среднему образованію, желаніе его расширить, возможно болѣе распространить въ массѣ населенія, стремленіе улучшить преподаваніе качественно и надежнѣе обставить матеріальное положеніе школъ, удешевить среднее образованіе, придать послѣднему характеръ, болѣе отвѣчающій требованіямъ жизни, отбросить нѣкоторый балластъ изъ его программъ преподаванія, открыть воспитанникамъ реальныхъ училищъ доступъ въ университеты — и вообще желаніе имѣть право голоса и контроля въ дѣлѣ обученія подростающаго поколѣнія будущихъ общественныхъ дѣятелей—таковы въ двухъ словахъ цѣли, которыя имѣлись въ виду тѣми ходатайствами, съ которыми намъ пришлось познакомиться.

Достигать ихъ пытались разнообразными способами. Иныя предложенія земства, какъ мы видѣли, стоятъ одиноко, какъ, напр., приведенныя два ходатайства объ усиленномъ обложеніи сельскихъ обществъ на нужды народнаго образованія сверхъ тѣхъ непосильныхъ платежей, которые и безъ того лежатъ на крестьянскомъ населеніи. Большая-же ихъ часть встрѣчаетъ поддержку цѣлой группы земствъ, почти всегда разъединенныхъ дальними разстояніями, и принимаетъ характеръ групповыхъ ходатайствъ большей или меньшей численности, что свидѣтельствуетъ о распространенности той потребности, удовлетворить которыя они стремятся, и о жизненности, настоятельности проектируемой мѣры. Прежде всего, желательно было заинтересовать и привлекать къ дѣлу народнаго образованія мѣстныя силы. Для этого проектировалось значительно усилить составъ училищныхъ совѣтовъ, расширить въ этомъ смыслѣ значеніе управъ, избирать побольше попечителей школъ; чтобы эти всѣ дѣятели могли съ большимъ тщаніемъ дѣйствительно вліять и контролировать ходъ школьнаго обученія предполагалось увеличить компетенцію земскихъ органовъ въ дѣлѣ назначенія и увольненія учителей, въ дѣлѣ надзора за правильностью расходованія суммъ, ассигнуемыхъ на школы сельскими обществами, и подчинить, по возможности, всѣ низшія школы вѣдѣнію земскихъ школьныхъ органовъ. Далѣе, при первыхъ шагахъ народной школы необходимо было заинтересовать въ выгодахъ обученія поголовно неграмотное сельское населеніе, возбудить въ немъ стремленіе посылать въ школы дѣтей, бороться съ понятнымъ недовѣріемъ, подчасъ—враждебностью къ

школѣ и учителю. Для этихъ цѣлей нельзя было придумать болѣе жизненныхъ мѣръ, какъ облегченіе для грамотныхъ самой тяжелой повинности „податныхъ“ классовъ—рекрутской и уничтоженіе для нихъ тѣлеснаго наказанія, отвратительнаго въ нравственномъ смыслѣ для всякой человѣческой личности и отзывающейся на ней тѣмъ больнѣе, чѣмъ она развитѣе. Какъ извѣстно, не смотря на систематическіе отказы въ этихъ ходатайствахъ, первую изъ этихъ мѣръ пришлось тѣмъ не менѣе осуществить уже въ 1874 году при введеніи всеобщей воинской повинности; что же касается до второй, то, къ стыду нашему, предложенія ходатайствовать о ея осуществленіи даже „въ концѣ вѣка“ парализуются нерѣдко звонками предсѣдателей собранія... Не однихъ, однако, учениковъ приходилось привлекать въ то время, когда клались земствомъ первые камни для фунтамента народнаго образованія. Приходилось создавать составъ учителей, подготовка которыхъ давала-бы гарантіи удовлетворительнаго начала дѣла. Понятны поэтому всѣ эти ходатайства объ увеличеніи числа учительскихъ семинарій мужскихъ и женскихъ, объ улучшеніи ихъ программъ, объ учрежденіи педагогическихъ курсовъ и учительскихъ съѣздовъ, о приглашеніи лицъ съ педагогическимъ цензомъ въ должности земскихъ инспекторовъ—руководителей учителей въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ. А такъ какъ важно было не только привлечь способныхъ и подготовленныхъ преподавателей народныхъ школъ, но и удержать ихъ на мѣстахъ, создать имъ нѣкоторыя сносныя условія существованія, облегчить имъ тяжелый трудъ надеждой на нѣкоторое обезпеченіе ихъ старости, то земства и хлопотали избавить ихъ отъ воинской и натуральной повинностей и доставить имъ права государственной службы съ правомъ на пенсію. Не осталась безъ вниманія и программа народныхъ школъ, въ нѣкоторыхъ поправкахъ къ которой земства желали имѣть право голоса и иниціативу. Не мало хлопотали они и объ улучшеніи матеріальной обстановки народной школы, помимо собственныхъ пожертвованій, о которыхъ имъ не было нужды ходатайствовать, и которыя, какъ извѣстно, во многихъ уѣздахъ достигали значительной величины. Было стремленіе привлечь для этой цѣли не только частныя средства и случайные источники доходовъ (вродѣ штрафныхъ денегъ, обложенія патентовъ и т. п.), но и болѣе надежные и постоянные—казенныя субсидіи, въ виду государственнаго значенія народнаго образованія, деньгами, строительными матеріалами, земельнымъ фондомъ школъ и т. п. Наконецъ, вѣнецъ начальнаго обученія земства видѣли въ поголовной, всеобщей грамотности, которую въ то время, еще неустановившихся симпатій народа къ школѣ, они, худо-ли, хорошо-ли, полагали возможнымъ достигнуть только путемъ обязательнаго посѣщенія школъ.

Нѣтъ, конечно, надобности говорить о томъ, что не всѣ

земства *такъ* относились къ интересующему насъ вопросу. Было-бы маниловщиной утверждать и даже и предполагать это въ обществѣ, едва освободившемся отъ крѣпостного режима. Но культурная исторія нашей страны не можетъ вычеркнуть приведенной программы въ дѣлѣ народнаго образованія, созданной коллективной мыслью всесословнаго земства перваго двадцатилѣтія, встрѣчавшей такую широкую поддержку во всѣхъ районахъ земской Россіи. Нельзя же утверждать, что мы не встрѣтились-бы съ гораздо большимъ числомъ такихъ и многихъ другихъ ходатайствъ, составляющихъ дальнѣйшее продолженіе приведенныхъ, если бы внѣшнія условія ихъ удовлетворенія были иными и если бы земскія учрежденія были уже тогда введены въ большемъ числѣ губерній. Характерно то, что не встрѣчается ходатайствъ противоположнаго характера, для которыхъ то время представлялось гораздо болѣе благопріятнымъ, чѣмъ для приведенныхъ.

Въ дѣлѣ средняго образованія, въ которое земства были вовлечены быстрымъ ростомъ потребности въ немъ провинціи и сравнительно медленнымъ удовлетвореніемъ этой потребности на казенный счетъ, тенденціи земства не могли быть иными. Это и понятно, какъ мы говорили выше, не только по причинамъ общественнаго характера, но и просто потому, что земству приходилось нести на этотъ предметъ немало денежныхъ пожертвованій, контролировать употребленіе которыхъ оно считало себя въ правѣ.

Здѣсь, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе крупное число ходатайствъ объ основаніи новыхъ и расширеніи существующихъ среднихъ учебныхъ заведеній, причемъ очевидныя симпатіи земствъ лежали не на сторонѣ классическаго образованія, неудача котораго въ той формѣ, въ какой оно было въ 70-хъ годахъ введено, получаетъ въ послѣднее время вѣскія подтвержденія съ компетентной стороны. Не имѣя другого выбора, земства рѣшительно становились на сторону реальнаго, не смотря на всѣ несовершенства его программы и на ограниченность доставляемыхъ имъ правъ на высшее образованіе, ограниченность, съ которой также пытались бороться земства. Было, однако, немало случаевъ, когда послѣднія принуждались основывать классическую среднюю школу, чтобы имѣть хоть какую нибудь. При этомъ, однако, они пытались сказать свое слово о недостаткахъ программы преподаванія въ ней, о неудобствахъ разнообразія такой программы, объ удешевленіи средняго образованія и вообще дѣлали попытку получить хотя-бы нѣкоторую, ограниченную долю вліянія на педагогическую и хозяйственную сторону веденія дѣла въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обстоятельства, къ сожалѣнію, сложились слишкомъ неблагопріятно для всѣхъ этихъ стремленій.

Н. Карышевъ.

Въ степи.

Широка, какъ море необъятна
Степь вокругъ, что дальше, то—синѣй.
Тамъ и сямъ причудливыя пятна—
Тѣни тучъ порой скользятъ по ней.
Вѣтерокъ степной ковыль колышетъ.
Далеко холмовъ синѣетъ цѣпь.
И живетъ, и будто тихо дышетъ,
И глядитъ и будто грезитъ степь...
Словно думы на челѣ природы,
Въ небесахъ проходятъ облака.
Словно вѣсть покоя и свободы
Мнѣ они несутъ изъ далека...
Цѣлый день, съ мечтою неразлучный,
Ѣду степью... Будетъ дологъ путь.
И борьбы житейской шумъ докучный,
Не догонитъ, не взволнуетъ грудь...
Здѣсь ничтожнѣй кажется значенье
Нашихъ дѣлъ и вѣчной суеты.
Жалокъ бредъ безумнаго влеченья
Къ обаянью женской красоты.
Мнится, есть краса иная въ мірѣ,—
Передъ ней свѣтлѣетъ жизни мгла.
Есть на свѣтѣ горизонты шире
И важнѣе въ жизни есть дѣла.
И, какъ птица, бьется мысль тревожно,
Расцвѣтаетъ все пышнѣй мечта:
Счастье снова кажется возможно,
И возможна жизни полнота!...

А. М. Вербовъ.

МЕЧТАТЕЛЬ ІОСИФЪ.

Разсказъ И. Зангвилля.

Переводъ съ анлійскаго А. Н. Рождественской.

I.

— Пора, Рахиль; намъ нельзя ждать дольше, — сказалъ Манассія спокойнымъ, но недопускающимъ возраженія тономъ.—Скоро ужъ полночь.

Рахиль удержала подступавшія къ горлу рыданія и стала благоговѣйно слушать благодарственныя молитвы, которыя запѣлъ ея мужъ. Но на этотъ разъ она не испытывала радости при воспоминаніи о томъ, какъ Богъ отцовъ ея спасъ народъ еврейскій отъ эллиновъ и храмъ ихъ отъ оскверненія. Мысли ея были заняты другимъ. Она думала о своемъ сынѣ, о своемъ ученомъ сынѣ, и сердце ея замирало отъ страха. Въ первый разъ еще не принималъ онъ участія въ религіозныхъ обрядахъ, которые исполняетъ каждая еврейская семья во время праздника Обновленія. Почему же не пришелъ онъ домой? Что дѣлаетъ онъ за воротами Гетто, въ этомъ огромномъ, мрачномъ Римѣ? Что заставило его нарушить папскую буллу, да еще въ эту ночь—самую страшную изъ всѣхъ ночей года, когда, по странному совпаденію, христіане празднуютъ Рождество своего Спасителя?

Затуманенными отъ слезъ глазами смотрѣла она на строгое, суровое лицо своего мужа, на его сѣдые развѣвающіеся волосы и бороду, придававшіе ему что-то величественное. На немъ былъ длинный, до пятъ, плащъ съ капюшономъ, а подъ нимъ стянутая поясомъ темная, поношенная одежда. Еврейскій совѣтъ шестидесяти требовалъ отъ своихъ членовъ самой строгой простоты въ костюмѣ и не позволялъ имъ одѣваться, подобно римлянамъ, въ богатыя пурпурныя одежды. Христіанство запрещало евреямъ подражать синьорамъ въ образѣ жизни, а еврейство—соперничать съ ними въ роскоши.

На столѣ стоялъ высокій серебряный канделябръ, въ ко-

торомъ было вставлено девять восковыхъ свѣчей. Манассія взялъ еще одну, добавочную свѣчу и сталъ зажигать ихъ.

«Благословенъ Господь Богъ нашъ, Владыка вселенной,— запѣлъ онъ,—освятившій насъ своимъ закономъ и повелѣвшій намъ зажигать свѣтъ Хануки (Обновленія)!»—Рахиль присоединилась къ нему и прерывающимся отъ волненія голосомъ докончила строфу:—«Хвала тебѣ, о, моя опора, скала моего спасенія! Возстанови домъ молитвы и тамъ вознесу я тебѣ благодареніе. А когда ты истребишь богохульствующихъ враговъ, я довершу обновленіе жертвенника пѣніемъ псалмовъ и священныхъ пѣсенъ».

Рахиль машинально произносила эти слова, но не вникала въ ихъ смыслъ. Ей представлялись мрачныя, освѣщенныя масляными фонарями улицы Рима. Вѣрнѣе всего, что сбиры схватили ея сына. А можетъ быть на него напали убійцы? Ихъ такъ много въ этомъ страшномъ городѣ! Положимъ, сравнительно съ другими городами, Римъ представляетъ болѣе безопасное убѣжище для евреевъ, которые какимъ-то чудомъ— еще болѣе очевиднымъ, чѣмъ-то, за которое они благодарятъ Бога теперь—жили съ рожденія Христа въ самомъ сердцѣ христіанства — вѣчный народъ въ вѣчномъ городѣ. Въ ихъ Гетто никогда не бывало такихъ ужасовъ, какъ въ Барселонѣ, Франкфуртѣ или Прагѣ. Кровавыя оргіи крестоносцевъ пронеслись далеко отъ столицы креста. Въ Англіи, Франціи, Германіи христіане обвиняли евреевъ, этихъ козловъ отпущенія всѣхъ народовъ, въ томъ, что они отравляютъ колодцы, распространяютъ чуму, убиваютъ дѣтей изъ-за ихъ крови. Каждое бѣдствіе приписывалось имъ! Здѣсь же, въ Римѣ, на избранный народъ Божій смотрятъ только, какъ на презрѣнныхъ еретиковъ. Ихъ притѣсняютъ и унижаютъ, но—можетъ быть, благодаря сравнительной бѣдности римскаго Гетто—не мучаютъ и не убиваютъ. Впрочемъ, и здѣсь бывали убійства...

Голосъ Рахили замеръ, и она остановилась. Манассія продолжалъ пѣть одинъ:

«Греки собрались и пошли противъ меня. Они разрушили стѣны моихъ городовъ и осквернили масло лампадъ; но оставался еще одинъ, послѣдній сосудъ и чудо совершилась для твоей лилии, о Израиль! Мудрые, ученые люди установили въ память этого праздникъ, и мы должны проводить восемь дней въ пѣніи и хвалѣ Богу».

Манассія и Рахиль были люди состоятельные и потому она была одѣта настолько богато, насколько это допускалось постановленіями еврейскаго совѣта. На ней было поношенное шелковое платье, заколотое у горла булавкой съ одной жемчужиной, вмѣсто брошки, браслетъ на рукѣ, гладкое безъ

камня кольцо на пальцѣ, ожерелье въ одну нитку на шеѣ и дешевенькая сѣтка на головѣ.

Она взглянула на серебряный канделябръ съ девятью свѣчами и глубоко вздохнула. Хорошо, если бы у нея было многочисленное потомство, девять отпрысковъ, какъ у Миріамъ, истинной матери Израиля. Но—увы!—у нея только одна свѣча, одна маленькая свѣча. Стоитъ дунуть—она потухнетъ, и жизнь станетъ темна и мрачна!

Іосифъ не въ Гетто; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Самъ, по своей волѣ, онъ никогда не причинилъ бы ей такой тревоги. Да къ тому же она, Манассія и Миріамъ побывали уже вездѣ, гдѣ была хоть какая нибудь вѣроятность найти его. Она заходила даже въ переулки, расположенные въ низменной, болотистой мѣстности, гдѣ послѣ разлива Тибра остается осадокъ, заражающій воздухъ, гдѣ по десяти семействъ живутъ въ одномъ домѣ, а на улицахъ бродятъ, едва передвигая ноги и опустивъ головы, худые, истомленные мужчины и женщины, окруженные болѣзненными, полунагими дѣтьми. Много горя вынесли на своемъ вѣку Манассія и Рахиль. Но всѣ муки, всѣ страданія казались пустяками сравнительно съ той тревогой, которую испытывала она за своего сына, этого красиваго, пылкаго, черноглазаго юношу, котораго прозвала «Мечтателемъ». Онъ до сихъ поръ не устроился, не занялся торговлей, допущенной въ Гетто. Ему предстояло быть впослѣдствіи раввиномъ. У него блестящій умъ, но онъ часто поражаетъ своихъ спокойныхъ, серьезныхъ наставниковъ, высказывая разныя странныя мысли и затрогивая то, чего совсѣмъ бы не слѣдовало касаться. Почему же онъ не такой, какъ другіе юноши? Почему плачетъ онъ надъ нечестивыми стихами испанскихъ поэтовъ, какъ плачутъ другіе при пѣніи молитвъ въ дни покаянія? Почему не женится онъ на Миріамъ, когда всякому видно, что она желала бы этого? Почему ставитъ онъ ни во что обычай Гетто и уклоняется отъ брака съ дѣвушкой—брака такого естественнаго между дѣтьми двухъ старинныхъ друзей? Манассія и отецъ Миріамъ оба люди зажиточные и арендуютъ дома, въ которыхъ живутъ, высокіе, спокойные дома на углу Via и узенькаго переулка Delle Azzimele, гдѣ приготовляются пасхальные опрѣсноки. Семья Миріамъ очень велика и занимаетъ весь домъ, но Манассія большую часть своего отдаетъ въ наемъ. Квартирныя цѣны очень высоки въ Гетто, да и немудрено: населеніе увеличивается и разростается съ каждымъ годомъ, а мѣсто для него остается все то же.

II.

Они легли спать. Манассія настоялъ на этомъ. Вѣдь Іосифъ, все равно, не вернется домой раньше утра.

Не смотря на то, что Рахиль привыкла подчиняться во всемъ волѣ мужа, его требованіе показалось ей слишкомъ жестокимъ. Долго тянулась ночь. Рахиль не могла заснуть, и страшныя видѣнія, ужасныя сцены проносились передъ ея широко открытыми глазами. Наконецъ, взошло солнце и лучи его пробились между высокими, почти сплошными крышами домовъ. Всѣ пятеро воротъ Гетто широко распахнулись, но Іосифъ не вошелъ ни въ одни изъ нихъ. Разносчики евреи спѣшили къ нимъ, нахлобучивъ свои желтыя шляпы и подталкивая ручныя телѣжки, нагруженныя разнымъ товаромъ и издѣліями, на какіе бываетъ спросъ въ праздникъ Рождества. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ продавали лѣкарственныя травы, любовныя зелья и амулеты въ видѣ маленькихъ бандуръ или четырехструнныхъ лютней, для предохраненія отъ дѣтскихъ болѣзней. Манассія, лицо котораго стало еще суровѣе, чѣмъ наканунѣ, тоже вышелъ изъ дому. Онъ запретилъ Рахили уходить изъ Гетто утромъ и разыскивать сына въ Римѣ: христіанамъ не слѣдовало знать, что Іосифъ нарушилъ ихъ постановленія. А, можетъ быть, попозднѣе онъ придетъ и самъ.

Лавка Манассіи стояла на Пьяцца Джудеа, гдѣ сосредоточилась вся еврейская торговля. Продавали главнымъ образомъ старое платье. Торговля новыми вещами была запрещена евреямъ папской буллой, но за то въ ихъ лавкахъ можно было найти всевозможное подержанное платье, начиная съ грубой одежды абруцскаго пастуха и кончая полинявшимъ, когда-то роскошнымъ костюмомъ придворнаго щеголя. По срединѣ площади возвышался новый фонтанъ съ двумя драконами, на которомъ была высѣчена благодарственная латинская надпись. Въ Тибрѣ была грязная, мутная вода, и все населеніе Гетто ходило къ этому фонтану, въ который вода была проведена изъ водопровода Павла V. Кругомъ площади возвышалось нѣсколько величественныхъ полуразрушенныхъ зданій, представлявшихъ рѣзкій контрастъ съ жалкими жилищами евреевъ: старинный дворецъ Боккападули, громадный домъ съ высокой башней и три церкви, въ которыхъ уже не совершалось богослуженія. Высокія, массивныя ворота, которыя также запирались по ночамъ, вели на вторую Пьяцца Джудеа, гдѣ христіане договаривались съ евреями и заключали съ ними торговыя сдѣлки. Это было что-то вродѣ предмѣстья Гетто. Манассіи понадобилось всего нѣсколько минутъ, чтобы дойти

до своей лавки. Via Rua, на которой стоялъ его домъ, шла параллельно Via Pescheria и рѣкѣ; одинъ конецъ ея выходилъ на площадь Джудеа, а другой сбѣгалъ внизъ, къ воротамъ Октавія, и заканчивался у моста Quatro Capi. Таковъ былъ Гетто въ XVI столѣтіи.

Скоро послѣ того, какъ ушелъ Манассія, къ Рахили пришла Миріамъ, чтобы справиться, вернулся ли Іосифъ. На прекрасномъ лицѣ ея, одномъ изъ тѣхъ лицъ, которыя художники придаютъ мадоннѣ,—лежало выраженіе глубокой тревоги, а печальные глаза свѣтились любовью. На ней было простое шерстяное платье, безъ всякихъ украшеній, и серебряный браслетъ на рукѣ. Рахиль сказала, что объ Іосифѣ нѣтъ до сихъ поръ никакихъ извѣстій, и горько заплакала. Но Миріамъ удержалась отъ слезъ и старалась успокоить встревоженную мать.

И на самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ Іосифъ. На немъ былъ коричневый плащъ и темно-желтая шляпа. Черные волосы и борода его растрепались, смуглое лицо разгорѣлось, глаза блестѣли и что-то восторженное и поэтическое было во всей его фигурѣ.

— Pax vobiscum!—крикнулъ онъ громкимъ, веселымъ голосомъ.

— Къ чему эта неумѣстная шутка, Іосифъ?—прошептала прерывающимся отъ волненія голосомъ Рахиль.

— Gloria in altissimis Deo и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе! — продолжалъ Іосифъ. — Сегодня Рождество!—И онъ запѣлъ: «Святой старецъ Симеонъ»...

Рахиль бросилась къ сыну и зажала ему ротъ рукою.

— Богохульство!—воскликнула она, и сѣроватая блѣдность разлилась по ея лицу.

— Ты сама богохульствуешь, — отвѣчалъ Іосифъ, нѣжно отнимая ея руку.—Радуйся! Сегодня родился Христосъ, тотъ, который долженъ былъ умереть за грѣхи всего міра!

Слезы полились изъ глазъ Рахили.

— Мой сынъ! Онъ сошелъ съ ума, сошелъ съ ума! О, что они сдѣлали съ нимъ!

Предчувствіе не обмануло ее; но дѣйствительность оказалась въ тысячу разъ хуже всѣхъ ужасовъ, которые она воображала себѣ.

— Сумасшедшій? Нѣтъ, я скорѣе похожъ на человѣка, который только что проснулся. Радуйся, радуйся вмѣстѣ со мною! Будемъ за-одно со всѣмъ человѣчествомъ, присоединимся ко всеобщей радости!

Рахиль пыталась улыбнуться сквозь слезы.—Довольно, Іосифъ!—сказала она умоляющимъ тономъ.—Теперь праздникъ Обновленія, а не Пуримъ, когда люди надѣваютъ маски и разыгрываютъ театральныя пьесы.

— Что съ тобою, Іосифъ?—спросила Миріамъ.—Что ты дѣлалъ? Гдѣ ты былъ?

— А, Миріамъ, ты здѣсь?—сказалъ Іосифъ, теперь только увидавшій ее.—Какъ жаль, что ты не была тамъ вмѣстѣ со мною.

— Гдѣ?

— Въ соборѣ Св. Петра. О, какая божественная музыка!

— Въ соборѣ Св. Петра?—повторила глухимъ голосомъ Рахиль.—И ты, мой сынъ, изучающій законъ, данный намъ Богомъ, такъ осквернилъ себя?

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала Миріамъ, стараясь успокоить ее.—Онъ не осквернилъ себя. Вѣдь ты же сама разсказывала намъ, что наши отцы въ шабашъ, по вечерамъ, ходили въ Сикстинскую капеллу.

— Да, но это было въ то время, какъ Микель Анджело Буонаротти расписывалъ ее фресками и изображалъ освобожденіе Израиля. Они бывали и въ папской гробницѣ, гдѣ стоитъ статуя нашего законодателя, Моисея. Я слыхала даже, что нѣкоторые изъ евреевъ ходили въ соборъ Св. Петра, чтобы взглянуть на витую колонну Соломонова храма, которую захватили себѣ эти нечестивые христіане въ наказаніе за наши грѣхи. Но Іосифъ пошелъ туда не для этого. Онъ присутствовалъ на вечернемъ богослуженіи.

— Да, присутствовалъ,—мечтательно, вполголоса проговорилъ Іосифъ.—Ладонъ, свѣчи, изображенія святыхъ, чудно раскрашенныя окна, множество плачущихъ людей и музыка, плачущая вмѣстѣ съ ними, божественная музыка, звуки которой то гремѣли, какъ восторженные крики мучениковъ, то навѣвали миръ Святаго Духа!..

— Какъ осмѣлился ты показаться въ соборѣ?—спросила Рахиль.

— Никому не могло придти въ голову, что среди этой толпы есть еврей. На площади было темно, въ соборѣ—полумракъ. Я закрылъ лицо руками и заплакалъ. Всѣ смотрѣли на роскошно одѣтыхъ кардиналовъ, на папу, на алтарь, никто не обратилъ вниманія на меня.

— А твоя желтая шляпа?

— Въ церкви не надѣваютъ шляпъ.

— И ты осмѣлился обнажить голову во время молитвы?

— Я совсѣмъ не думалъ о молитвахъ, когда шелъ туда. Мнѣ было любопытно—мнѣ хотѣлось увидать своими собственными глазами, услыхать своими собственными ушами, какъ поклоняются Христу, надъ которымъ смѣются мои наставники. Но когда заигралъ органъ, могучая волна звуковъ подхватила меня. Мнѣ казалось, что они несутся снизу, къ чистому, далекому небу и замираютъ у подножія престола Божія. И тутъ я понялъ все! Я нашелъ ту смутную тревогу, ту неудовлетво-

ренность, тѣ неясныя стремленія, которыя такъ мучили меня, хоть я никому не говорилъ объ этомъ. Теперь я знаю, что нужно дѣлать, чтобы найти душевный миръ и покой.

— Что же, Іосифъ?—кротко спросила Миріамъ. Рахиль задыхалась; она не могла выговорить ни слова.

— Жертвовать собою,—тихо отвѣчалъ Іосифъ, и глаза его блеснули.—Страдать, добровольно отдать себя міру, умереть для самого себя въ сладостныхъ мукахъ, такихъ же сладостныхъ, какъ послѣднія, дрожащія ноты нѣжнаго дѣтскаго голоса, который несся къ Богу, прославляя его. О, Миріамъ! Если бы я могъ вывести нашихъ братьевъ изъ Гетто, если бы я могъ умереть, чтобы дать имъ счастье, чтобы сдѣлать ихъ свободными сынами Рима!

— Прекрасное желаніе, мой сынъ. Но его можетъ выполнить только Богъ.

— Да... и вѣра. Если мы сдѣлаемся христіанами, ворота Гетто упадутъ сами собою.

— Христіанами!—съ ужасомъ воскликнули въ одинъ голосъ Рахиль и Миріамъ.

— Да, христіанами!—твердо отвѣчалъ Іосифъ.

Рахиль бросилась къ двери и затворила ее покрѣпче. Она вся дрожала.

— Тсъ! прошептала она.—Довольно! Ты и такъ зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ безуміи. О, Богъ отцовъ нашихъ! Что если кто нибудь изъ сосѣдей услышитъ твои слова и передастъ ихъ отцу?—И она заломила руки.

— Опомнись, Іосифъ!—съ мольбой сказала Миріамъ.—Я не изучала закона, я только женщина. Но ты—ты учился такъ много. Неужели имъ удалось обмануть тебя? Вѣдь ты бы могъ отвѣчать имъ—ты знаешь, что они искажаютъ слова нашихъ пророковъ.

— Развѣ и ты такая же, какъ наши братья, Миріамъ?—нѣжно сказалъ Іосифъ.—Они не понимаютъ. Это вопросъ сердца, а не текстовъ. Какое чувство въ моей душѣ самое высокое, самое божественное? Жажда самопожертвованія. Какъ же не считать божественнымъ Того, вся жизнь котораго состояла изъ самопожертвованія и мученичества?

— Оставь его, Миріамъ! Не теряй съ нимъ словъ!—воскликнула Рахиль.—О, отступникъ, котораго я родила за мои грѣхи! Почему огонь Божій не спадетъ съ неба и не поразитъ тебя тутъ же, на мѣстѣ!

— Ты говоришь о мученичествѣ, Іосифъ,—продолжала Миріамъ, не обращая на нее вниманія.—Мученики мы, евреи, а не христіане. Насъ загоняютъ въ ограду Гетто, какъ скотъ. Насъ заставляютъ надѣвать позорную одежду, въ отличіе отъ другихъ людей. Наша страна въ рукахъ нечестивыхъ. Нашъ

Талмудъ сожженъ. Намъ запрещенъ доступъ ко всѣмъ почетнымъ занятіямъ и должностямъ. Мы даже не имѣемъ права хоронить съ честью нашихъ умершихъ и высѣкать надписи на ихъ надгробныхъ памятникахъ.

Кроткая Миріамъ какъ бы переродилась. Лицо ея горѣло теперь такимъ же энтузіазмомъ, какъ и лицо Іосифа. Она напоминала Эдиѳь или Эсѳирь.

— Наша же собственная трусость навлекла на насъ это униженіе, Миріамъ. Гдѣ мужество, одушевлявшее Маккавеевъ, которыхъ мы прославляемъ въ этотъ праздникъ Хануки? Папа издаетъ буллы, а мы подчиняемся имъ—наружно. Мы не возстаемъ противъ его постановленій, а молча стараемся обходить ихъ. Онъ велитъ намъ носить желтыя шляпы. Мы носимъ ихъ; но, мало по-малу, желтый цвѣтъ темнѣетъ, становится оранжевымъ, потомъ красноватымъ и, въ концѣ концовъ, мы ходимъ въ такихъ же красныхъ шапкахъ, какъ ихъ кардиналы, и такимъ образомъ нарушаемъ папскій эдиктъ. Намъ позволяютъ имѣть только одну синагогу. На самомъ дѣлѣ у насъ ихъ пять, но онѣ построены подъ одной крышей, и четыре изъ нихъ мы называемъ школами.

— Молчи, отступникъ!—закричала Рахиль.—Не смѣй говорить такихъ вещей громко! О, Боже, Боже! Чѣмъ провинилась я передъ Тобою?

— А какъ же иначе, Іосифъ?—сказала Миріамъ.—Развѣ можно разсуждать съ волками? На нихъ не подѣйствуютъ никакіе доводы. Насъ такъ мало: мы можемъ бороться съ ними—только хитростью.

— Но вѣдь мы считаемъ себя избраннымъ народомъ Божіимъ, Миріамъ. А что же мы дѣлаемъ? Мы только бормочемъ молитвы да лицемѣримъ! Христіанскіе апостолы ходили по всѣмъ странамъ, громко проповѣдуя свое ученіе. Лучше недолгій героизмъ, чѣмъ этотъ безконечный позоръ!

Онъ упалъ на стулъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ. Мать бросилась къ нему и наклонила надъ нимъ свое мокрое отъ слезъ лицо.

— Слава Богу! Слава Богу!—воскликнула она.—Его безуміе прошло!

Онъ не отвѣчалъ. У него не было силъ продолжать этотъ разговоръ. Наступило долгое, таинственное молчаніе.

— Гдѣ же провелъ ты ночь?—наконецъ, спросила Рахиль.

— Во дворцѣ Аннибала де Франчи.

Миріамъ вздрогнула.

— У отца прекрасной Елены де Франчи?—сказала она.

— Да,—отвѣчалъ, краснѣя, Іосифъ.

— А какъ же ты попалъ въ такой роскошный домъ? Какъ

очутился ты подъ крышей приближеннаго папы?—снова спросила Рахиль.

— Развѣ я не разсказывалъ тебѣ, что мнѣ удалось оказать небольшую услугу его дочери во время карнавала? Надѣвъ маску, она пошла на Корсо, попала въ толпу, и ее чуть не задавили обезумѣвшіе буйволы, которые неслись изъ ипподрома.

— Нѣтъ, ты не разсказывалъ мнѣ этого,—отвѣчала, покачавъ головою, Рахиль.—Но твои слова о карнавалѣ напомнили мнѣ о томъ, что христіане заставляютъ насъ принимать участіе въ бѣгахъ, какъ животныхъ.

Іосифъ не обратилъ вниманія на ея намекъ.

— Синьоръ де Франчи готовъ былъ сдѣлать для меня многое,—продолжалъ онъ, — но я ограничился только тѣмъ, что попросилъ позволенія пользоваться его богатой библіотекой. Христіане запрещаютъ намъ книги, и ты знаешь, какимъ лишеніемъ это было для меня. Послѣ того я часто ходилъ въ библіотеку синьора де Франчи, сидѣлъ тамъ, читая, цѣлые дни и, только услыхавъ благовѣстъ къ вечерней службѣ, вспоминалъ, что пора возвращаться въ Гетто.

— А! Они, конечно, хотѣли совратить тебя!

— Нѣтъ, мы никогда не говорили о религіи.

— А вчера ты, должно быть, черезъ-чуръ углубился въ чтеніе?—спросила Миріамъ.

— Да, ты права.

— Но почему же Елена не напомнила тебѣ?

На этотъ разъ вздрогнулъ Іосифъ. Однако, онъ отвѣчалъ совершенно спокойно:

— Мы вмѣстѣ читали Тассо. Она очень образована. Иногда она переводитъ мнѣ Платона и Софокла.

— А ты, нашъ будущій раввинъ, слушаешь?—воскликнула Рахиль.

— Въ этихъ сочиненіяхъ нѣтъ ни слова о христіанствѣ, да они и не удовлетворяютъ меня. Галеви сказалъ правду: «Не касайся мудрости грековъ».

— И ты сидѣлъ рядомъ съ ней во время службы?—спросила Миріамъ.

— Нѣтъ, она не была въ соборѣ.

Маріамъ повернулась и пошла къ двери.

— Теперь, когда я знаю, что съ тобой не случилось никакого несчастья, Іосифъ, мнѣ больше нечего дѣлать здѣсь. Да хранитъ тебя Богъ!

Она тяжело вздохнула и поспѣшно вышла изъ комнаты.

— Бѣдная Миріамъ!—сказала Рахиль.—Мы можемъ вполнѣ положиться на эту добрую, любящую дѣвушку. Она никому не скажетъ ни слова о твоемъ богохульствѣ.

Іосифъ вскочилъ съ мѣста.

— Не скажетъ ни слова! Да я готовъ громко, съ крышъ домовъ, повторить все, что говорилъ!

— Молчи! Молчи! — прошептала встревоженная мать. — Что если сосѣди услышатъ тебя?

— Ну, что же? Я только этого и желаю.

— Твой отецъ можетъ придти каждую минуту—онъ безпокоится о тебѣ.

— Я пойду къ нему самъ и успокою его.

— Нѣтъ, я не пущу тебя!—Она схватила его за плащъ.— Поклянись мнѣ, что ты пощадишь его и не будешь богохульствовать при немъ! Онъ не вынесетъ этого — онъ подниметъ на тебя руку, и ты упадешь мертвый къ его ногамъ!

— Развѣ ты хочешь, чтобы я лгалъ ему? Онъ долженъ знать все, что я говорилъ тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Скажи ему, что ты опоздалъ, что ворота были заперты, и тебѣ пришлось скрываться.

— Онъ долженъ узнать истину. Я пойду и разскажу ему все.

Онъ вырвалъ у нея изъ рукъ плащъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Рахиль сѣла на полъ и въ смертельной тревогѣ стала раскачиваться то взадъ, то впередъ. Медленно проходили тяжелые, мучительные часы. Никто не возвращался—ни мужъ, ни сынъ. Она представляла себѣ страшную сцену, которая происходитъ между ними, и дрожала отъ ужаса. Около полудня она встала и машинально, какъ во снѣ, стала готовить обѣдъ мужу. Онъ не отступилъ отъ привычки, усвоенной въ теченіе долгихъ лѣтъ, и пришелъ домой въ свое обыкновенное время, не опоздавъ ни на минуту. Рахиль тревожно взглянула на него: лицо его, такое же спокойное, какъ и всегда, было, какъ будто, немножко блѣднѣе. Молча, какъ и слѣдовало по установленному обряду, вымылъ онъ руки, а потомъ прочиталъ молитву и сѣлъ за столъ. Нѣсколько разъ пыталась Рахиль обратиться къ нему съ вопросомъ, но слова замирали у нея на губахъ. Наконецъ, когда обѣдъ уже подходилъ къ концу, она рѣшилась сказать:

— Нашъ сынъ вернулся. Видѣлся ты съ нимъ?

— Сынъ? Какой сынъ? У насъ нѣтъ сына.—И онъ всталъ изъ-за стола.

III.

Съ глубокой радостью приняла римская церковь въ свое лоно ученаго еврея, отъ котораго отреклись всѣ родные и близкіе. Она приняла его тѣмъ горячѣе, что онъ пришелъ самъ,

по своему внутреннему убѣжденію, и отказался отъ ежегоднаго дохода, которымъ папы нерѣдко награждали переходившихъ въ католичество евреевъ—на счетъ Гетто, обязаннаго выплачивать деньги своимъ отступникамъ. Евреевъ, для большей торжественности, крестили обыкновенно по нѣскольку человѣкъ сразу, когда же желавшихъ принять крещеніе было слишкомъ мало въ самомъ Римѣ, ихъ привозили изъ другихъ городовъ или замѣняли прозелитами турками. Въ виду важности настоящаго случая, Іосифу Бенъ Манассіи сдѣлали особую честь и рѣшили крестить его одного. Его помѣстили въ монастырѣ, и онъ сталъ изучать свою новую религію. Всѣ сношенія съ родными и соотечественниками-евреями были ему строго запрещены. Онъ не могъ вернуться въ Гетто, не могъ ѣсть, пить и спать тамъ или говорить съ кѣмъ либо изъ евреевъ до принятія крещенія. Такъ гласилъ кардинальскій эдиктъ; виновные въ нарушеніи его подвергались бичеванію и умирали на висѣлицѣ. Каждый день Рахиль и Миріамъ, въ надеждѣ хотя мелькомъ увидать Іосифа, ходили около монастыря. Ближе двадцати саженъ онѣ не имѣли права подходить къ нему, въ противномъ случаѣ имъ грозило наказаніе палками и ссылка. А тѣмъ, кто рѣшился бы сказать Іосифу хоть слово, передать письмо или просьбу, которая могла совратить его съ истиннаго пути, предстояло провести всю жизнь на галерахъ.

Пріѣхалъ Епифаній. Огромная толпа собралась въ базиликѣ ди Латранъ и тамъ, посреди блеска, роскоши, богатыхъ пурпурныхъ одеждъ и торжественной музыки, въ присутствіи самого папы, потрясенный до глубины души Іосифъ принялъ крещеніе. Аннибалъ де Франчи былъ его крестнымъ отцомъ. Старѣйшій изъ кардиналовъ сказалъ рѣчь, въ которой указывалъ вѣрующимъ на чудо, только что совершившееся передъ ихъ глазами, а потомъ новообращеннаго, одѣтаго въ бѣлую шелковую одежду, тихо повели по улицамъ Рима, чтобы всѣ могли видѣть, что душа еретика спасена, что онъ пріобщенъ къ истинной церкви.

Восторженное, благоговѣйное чувство охватило Іосифа или—какъ его теперь называли—Джузеппе де Франчи, когда онъ шелъ впередъ, думая о своей братской связи со всѣмъ человѣчествомъ... Онъ испытывалъ глубокое счастье и не замѣтилъ въ толпѣ, посреди которой двигалась торжественная процессія, мрачныхъ лицъ своихъ братьевъ—евреевъ и ихъ горѣвшихъ ненавистью глазъ. И позднѣе, ночью, когда онъ горячо молился, стоя на колѣняхъ передъ Распятіемъ, онъ совсѣмъ не думалъ о той, другой церемоніи, которая происходила въ это самое время въ синагогѣ, стоявшей на площади Храма—церемоніи, еще болѣе поразительной въ своей мрачности, чѣмъ вся пышность и роскошь католическаго собора.

Дома окружали синагогу со всѣхъ сторонъ, такъ что издали, снаружи, она была совсѣмъ незамѣтна. Внутри сверкала золотомъ и серебромъ вышитая завѣса, блестѣли золотые колокольчики и гранатныя яблоки, украшающія свитки закона. Одно изъ оконъ было раскрашено двѣнадцатью цвѣтами по числу колѣнъ израильскихъ; на дворѣ стояла модель Іерусалимскаго храма—воспоминаніе о быломъ величіи, объ исчезнувшей славѣ.

Совѣтъ шестидесяти постановилъ свой приговоръ: Іосифъ Бенъ Манассія долженъ подвергнуться самой высшей мѣрѣ наказанія. Всѣ евреи собрались въ синагогу и чувство благоговѣйнаго ужаса охватило собраніе. Посреди глубокой могильной тишины, всѣ подняли черные факелы, какъ-то странно засверкавшіе въ темной синагогѣ. Потомъ затрубили въ бараній рогъ и вмѣстѣ съ его рѣзкимъ, пронзительнымъ звукомъ пронесся по всей синагогѣ крикъ «Анаѳема!» Это страшное проклятіе лишало отверженнаго всѣхъ человѣческихъ правъ и при жизни, и послѣ смерти. Евреи бросили свои факелы и, крикнувъ «Аминь!», затоптали ихъ. А Манассія, на душѣ котораго было также мрачно, какъ и въ темной синагогѣ, пошелъ, едва передвигая ноги, домой и сѣлъ на полъ рядомъ съ женою. При блѣдномъ свѣтѣ слабо мерцавшаго, зажженнаго по покойникѣ ночника, они стали горько оплакивать своего умершаго сына,—и горячія молитвы ихъ объ упокоеніи его души неслись къ небу надъ обезчещеннымъ Гетто.

Миріамъ, по прекрасному лицу которой текли жгучія слезы, сожгла таллисъ, вытканный ею самою для любимаго человѣка, который, можетъ быть, тоже полюбилъ бы ее. Потомъ пошла въ домъ Манассіи, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и его женою оплакивать умершаго, и, взявъ морщинистую руку Рахили въ свою нѣжную, мягкую руку, старалась утѣшить ее.

Но для Рахили не было утѣшеній: она плакала о своемъ ребенкѣ, о своемъ единственномъ сынѣ.

IV.

Джузеппе де Франчи узналъ, что евреи прокляли его, отъ Елены. Молодой дѣвушкѣ передала объ этомъ одна изъ ея служанокъ, которой разсказалъ обо всѣмъ происшедшемъ въ Гетто еврей Шлуми-шутникъ, какъ его прозвали. Онъ хитрилъ и съ христіанами, и съ евреями, обманывалъ и тѣхъ, и другихъ и не думалъ ни о чемъ, кромѣ барышей.

Джузеппе улыбнулся, но улыбка его была печальна.

— Они сами не знаютъ, что дѣлаютъ,—отвѣчалъ онъ.

— Твои родители оплакиваютъ тебя, какъ мертваго,—продолжала Елена.

— Они оплакиваютъ умершаго еврея; живой христіанинъ утѣшитъ ихъ.

— Но, вѣдь ты не имѣешь права пойти къ нимъ, а они къ тебѣ?

— Вѣра двигаетъ горами. Мы еще будемъ радоваться вмѣстѣ въ сіяніи Спасителя: ночью—плачъ, на утро—радость.—Блѣдное лицо его освѣтилось восторженной улыбкой.

Елена съ удивленіемъ и состраданіемъ глядѣла на него.

— Какія странныя вещи говоришь ты, синьоръ Джузеппе!—сказала она.

— Что же тутъ страннаго? Все это просто и понятно, какъ мысль ребенка,—отвѣчалъ онъ, взглянувъ на нее своими задумчивыми, глубокими глазами.

Высокая, прекрасная, она походила скорѣе на одну изъ тѣхъ греческихъ статуй, которыхъ брали за образецъ тогдашніе скульпторы, чѣмъ на римлянку. Простая одежда изъ бѣлаго шелка обрисовывала ея стройную талію и выказывала изящныя очертанія ея фигуры. Изъ большого круглаго окна, около котораго они стояли, лился яркій солнечный свѣтъ. Онъ золотилъ ея волосы и испещрялъ блестящими пятнами звѣриныя шкуры на полу и шпалеры на стѣнахъ. Картины, манускрипты, бюсты и издѣлія изъ слоновой кости — вся эта обстановка подходила какъ нельзя больше къ ея прекрасному лицу и стройной фигурѣ. Дрожь пробѣжала у него по тѣлу въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на нее.

— Какъ же устроишь ты теперь свою жизнь?—спросила она.—Что будетъ твоей цѣлью?

— Самоотреченіе и жертва,—прошепталъ онъ.—Мои родители правы: Іосифъ умеръ. Его воля принадлежитъ Богу, сердце — Христу. Вся моя жизнь должна быть служеніемъ.

— Кому же будешь ты служить?

— Моимъ братьямъ, синьора.

— Они отвергли тебя.

— Но я самъ не отвергаю ихъ.

— И ты ничего, ничего не добьешься!—воскликнула она послѣ небольшого молчанія.—Сотни поколѣній старались обратить ихъ и не могли. Они такъ же упорны, не смотря на всѣ папскія буллы.

— Никто не пробовалъ дѣйствовать на нихъ любовью, синьора.

— Ты погубишь всю свою жизнь!

Онъ задумчиво улыбнулся.

— Ты забываешь, что я уже умеръ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, ты не умеръ — горячая кровь течетъ въ твоихъ

жилахъ. Скоро придетъ весна. Посмотри, какъ ярко свѣтитъ солнце на голубомъ небѣ! Ты не умрешь — ты долженъ жить и наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ и красотою міра!

— Солнечный свѣтъ только символъ божественной любви; распускающіяся почки—знаменіе возрожденія и жизни.

— Ты грезишь, синьоръ Джузеппе—грезишь съ открытыми глазами. Я не понимаю такой любви, которая отвращается отъ всего земного, не понимаю твоей любви, допустившей тебя разбить сердце отца и матери.

На глазахъ его показались слезы.—Терпѣніе, терпѣніе! — сказалъ онъ.—Все земное проходитъ, какъ тѣнь. Не я грежу, а ты сама. Неужели не понимаешь ты, какъ призрачно здѣсь все—и земля, и этотъ небесный сводъ, и ослѣпительные лучи, которые радуютъ насъ—на короткое мгновеніе. Это солнце, каждый день поднимающееся надъ нами, только свѣтлый призракъ сравнительно съ вѣчной любовью Христа.

— Для меня твои слова—кимвалъ бряцающій!

— Это слова твоей же религіи, синьора.

— Нѣтъ, не моей религіи!—горячо воскликнула она.—Въ душѣ я совсѣмъ не христіанка, да и во всемъ нашемъ домѣ нѣтъ христіанъ, хотя никто не замѣчаетъ этого. Мой отецъ соблюдаетъ посты, но зачитывается язычникомъ Аристотелемъ. Римъ перебираетъ четки и бормочетъ молитвы, а на самомъ дѣлѣ онъ уже отрѣшился отъ старой религіи самоотреченія. Наши процессіи, наши великолѣпныя празднества, наши роскошные костюмы—что во всемъ этомъ общаго съ блѣднымъ Христомъ, котораго ты ставишь себѣ идеаломъ?

— Я вижу теперь, что мнѣ найдется дѣло и между христіанами,—мягко проговорилъ онъ.

— И ты не добьешься ничего!.. Художники, подмѣчающіе красоту во всемъ, снова внесли радость въ міръ. Правда, они дѣлали видъ, что изображаютъ Святое Семейство, Тайную Вечерю, Распятіе и Смерть Христа, но вдохновляли ихъ только прелесть и счастіе жизни. Красота человѣческаго тѣла, яркость красокъ, прекрасныя лица — все это есть даже тамъ, внизу, въ этомъ набожномъ Джіотто! Развѣ наши знатные синьоры не заставляли рисовать съ себя апостоловъ! Развѣ не они изображены на картинахъ изъ жизни святыхъ? Да, они прекрасно поняли, что религіозная живопись служитъ только предлогомъ для художниковъ. А самъ Римъ? Онъ полонъ произведеніями языческаго искусства. Лаокоонъ, Клеопатра и Венера стоятъ даже въ апельсинномъ саду самого Ватикана.

— Нѣтъ, это несправедливо, синьора де Франчи! Нельзя сомнѣваться въ божественномъ вдохновеніи, одушевлявшемъ Сандро Боттичелли въ то время, какъ онъ писалъ свою Мадонну.

— А его фрески на виллѣ Лемми! Если бы ты видѣлъ эту роскошь красокъ, эту чудную красоту формъ, ты понялъ бы, что не одна только духовная красота вдохновляетъ его.

— А Рафаэль Урбино, а Леонардо?

— Леонардо? — повторила она. — Видѣлъ ты его Бахуса или его фрески съ изображеніемъ битвъ? Знаешь ты послѣднюю картину Рафаэля? О, мы проникли въ тайну грековъ! Кого мы выше всего цѣнимъ и любимъ? Гомера, Платона, Софокла съ его благородной простотой. Данте солгалъ, говоря, что его проводникомъ былъ Виргилій. Поэтъ Мантуи никогда не водилъ ни одного смертнаго въ эти мрачныя области. Онъ поетъ о стадахъ и пчелахъ, о птицахъ, журчащихъ ручейкахъ и простой любви пастуховъ. А мы не желаемъ слушать его и вдыхаемъ душистый воздухъ полей, который кажется еще душистѣе послѣ дыма геенны огненной, отравлявшаго жизнь въ теченіе столькихъ столѣтій. Аполлонъ богъ Рима, а не Христосъ!

— Вѣрнѣе Аполліонъ. Это онъ довелъ Римъ до такихъ низменныхъ понятій и стремленій.

— Искусство не унижаетъ, а возвышаетъ душу. А ты самъ? Развѣ не наслаждался ты вмѣстѣ со мною, не трепеталъ отъ восторга, смотря на чудную красоту лица на картинѣ, на яркость и живость красокъ, на лучезарную бѣлизну статуи?

— Я считаю грѣхомъ любить красоту только изъ-за нея самой. Прости, если мои слова оскорбятъ тебя, но, по моему, такое обоготвореніе красоты—только для немногихъ: для живущихъ въ роскоши, для богатыхъ. А что же останется бѣднымъ, униженнымъ, которыхъ попираютъ ногами? Какое утѣшеніе дастъ такая религія имъ? Всѣ эти чудеса человѣческихъ рукъ и человѣческаго ума вѣсятъ не больше соломинки сравнительно съ чистымъ сердцемъ, честнымъ поступкомъ. Время процвѣтанія искусствъ было всегда и временемъ упадка, синьора. Простота выше его. Если мы не будемъ, какъ дѣти, мы не войдемъ въ царствіе небесное.

— Небо здѣсь! — воскликнула она. Грудь ея судорожно поднималась, глаза сверкали. Ея волненіе сообщилось и ему. Красота Елены, красота чистой статуи, оживленной пылкостью женщины, волновала и смущала его.

— Ты права: гдѣ Христосъ, тамъ и небо,—сказалъ онъ.— Ты съ самаго дѣтства привыкла къ ослѣпительному свѣту, синьора де Франчи, и тебѣ трудно понять, что испытываютъ другіе люди. А я, ходившій до сихъ поръ въ темнотѣ, чувствую, что пелена спала съ глазъ моихъ, что я былъ слѣпъ и прозрѣлъ. Меня мучили разные вопросы и сомнѣнія, я былъ честолюбивъ, жаждалъ наслажденія. Теперь душевный миръ снизошелъ на меня, всѣ мои вопросы разрѣшены, волненіе

крови утихло. Любовь — это все. Люди должны рождаться, жить и умирать въ единеніи съ нею. Только для этого восходитъ надъ нами солнце и движутся звѣзды. О, мои братья!— горячо воскликнулъ онъ, поднявъ руки. — Зачѣмъ ходите вы на торжища? Зачѣмъ копите груды золота и серебра? Зачѣмъ гонитесь за пустыми призраками земной радости? Истинное счастье въ томъ, чтобы отдать всего себя Богу, быть простымъ орудіемъ Его святой воли!

Съ глубокимъ удивленіемъ смотрѣла на него Елена. На одно мгновеніе чувство, охватившее его, отразилось и на ея лицѣ. Ей какъ будто тоже хотѣлось испытать этотъ странный, непонятный для нея, одушевлявшій его восторгъ.

— Это безуміе, — сказала она. — Твои братья никогда не послушаютъ тебя.

— Я буду молиться день и ночь, чтобы священный огонь коснулся моихъ устъ.

— Любовь тоже священный огонь. Неужели ты думаешь прожить безъ нея?—Она подошла такъ близко къ нему, что прядь волосъ, спустившаяся ему на лобъ, заколебалась отъ ея дыханія... Онъ вздрогнулъ и отступилъ.

— У меня будетъ божественная любовь, синьора.

— Ужъ не хочешь ли ты сдѣлаться доминиканцемъ?

— Да, я твердо рѣшился на это.

— И монастырь удовлетворяетъ тебя?

— Онъ будетъ для меня небомъ.

— Да, небомъ, гдѣ не женятся и не выходятъ замужъ. Что же это за религія, которая, какъ Самсонъ, опрокидываетъ устои человѣческаго общества?

— Нѣтъ, я не отрицаю брака. Онъ служитъ символомъ божественнаго союза. Но онъ не для всѣхъ людей. Не слѣдуетъ вступать въ бракъ тѣмъ, кто проповѣдуетъ слово Божіе, кто долженъ возвышать душу и распинать свое тѣло, какъ Христосъ. Бракъ не для монаховъ.

— Но вѣдь ты еще не монахъ.

— Это только вопросъ времени. Но даже не будь этого, я всетаки не женился бы.

— Не женился бы? Почему же?

— Потому что народъ мой отвергъ меня. А если я женюсь на христіанкѣ, какъ многіе изъ обращенныхъ евреевъ, мой примѣръ не поведетъ ни къ чему. Про меня, какъ и про нихъ, будутъ говорить, что не свѣтъ христіанства, а глаза христіанской дѣвушки заставили меня перемѣнить религію. Мои братья упорны и недовѣрчивы. Они не вѣрятъ въ возможность обращенія не изъ-за выгодъ, а по убѣжденію. Многіе евреи обогатились, перейдя въ христіанство, другіе, и безъ того богатые, избавились отъ тяжелыхъ налоговъ. А я бросилъ все свое

имущество и не возьму ничего. Вотъ почему я отказался отъ предложенія твоего отца,—занять какое нибудь видное мѣсто; я не захотѣлъ принять и болѣе скромной должности жезлоносца его святѣйшества. Когда братья мои узнаютъ это, когда они увидятъ, что я не могу обирать ихъ и обогащаться на ихъ счетъ, что я проповѣдую имъ слово Божіе безъ всякой за то платы, что я живу бѣдно, одинокій, они станутъ слушать меня. Можетъ быть, тогда сердца ихъ смягчатся и глаза откроются.

Онъ поблѣднѣлъ отъ волненія, и на лицѣ его снова появилось восторженное выраженіе. Да, вотъ его призваніе! Наконецъ-то народъ его увидитъ еврея, ставшаго истиннымъ христіаниномъ, и убѣдится, что его нельзя упрекнуть ни въ чемъ, нельзя заподозрить ни въ какихъ корыстныхъ побужденіяхъ. Ѳ, какое счастье взять на себя и выполнить такую высокую, святую задачу!

— А если...—Елена нерѣшительно остановилась, а потомъ подняла глаза и взглянула на него.—А если ты полюбишь нехристіанку?

Онъ задрожалъ и, смотря въ ея ясные глаза, сжалъ руки, стараясь не поддаться могучему земному чувству, которое притягивало его, какъ мѣсяцъ притягиваетъ морскія волны.

— Я, все равно, вырвалъ бы изъ своего сердца эту любовь,—отвѣчалъ онъ глухимъ голосомъ.—Мой народъ не способенъ понять такихъ тонкихъ различій. Для него весь міръ дѣлится на евреевъ и христіанъ.

— Кажется, мой отецъ ѣдетъ по улицѣ?—сказала Елена, взглянувъ въ окно.—Да, это его турецкая лошадь. Ну, я уйду. Яркій солнечный свѣтъ совсѣмъ ослѣпилъ меня.

Она подошла къ двери, не глядя на него.

— Сердце мое всегда будетъ съ тобою, что бы ты ни выбралъ,—сказала она, вдругъ обернувшись къ нему.—Только подумай хорошенько прежде, чѣмъ надѣнешь клобукъ и одежду, которые, говоря твоимъ языкомъ, служатъ символомъ всего мрачнаго и непривлекательнаго. Аддіо!

Онъ подошелъ къ ней и, наклонившись, поцѣловалъ ея руку.

Она не отняла ее.

— Чувствуешь ли ты въ себѣ достаточно силы для саржи и веревки, Джузеппе?—мягко спросила она.

Онъ выпрямился, не выпуская ея руки.

— Да, ты вдохновишь меня, Елена. Мысль о твоей чистотѣ сдѣлаетъ меня самого чистымъ и не допуститъ до паденія.

— Я не могу вдохновлять на смерть,—сказала она, отдернувъ руку.—Я могу внушать только любовь къ жизни.

— Это не смерть,—прошепталъ онъ.—Не смерть, а воскресеніе и жизнь.

Когда онъ поднялъ голову, Елена уже исчезла. Онъ упалъ на колѣни и забылся въ горячей, страстной молитвѣ.

V.

Еще прежде, чѣмъ Джузеппе принялъ монашескій обѣтъ, онъ сказалъ пробную проповѣдь «для евреевъ», но не въ церкви, а въ большой часовнѣ, около Гетто. Присутствіе еретиковъ осквернило бы церковь, и даже изъ часовни были вынесены всѣ священныя книги и иконы. Слухъ о краснорѣчіи новообращеннаго разнесся по городу, и потому на его проповѣдь собралась многочисленная публика. Тутъ былъ Аннибалъ де Франчи и множество знатныхъ христіанъ въ роскошныхъ золотыхъ плащахъ и украшенныхъ лентами шляпахъ. Но изъ евреевъ пришелъ только одинъ—Шлуми-шутникъ. Полагаясь на свою хитрость и ловкость, онъ надѣялся избѣгнуть наказанія за свой проступокъ и даже извлечь изъ него кое-какія выгоды. Онъ разскажетъ обо всемъ, происходившемъ въ часовнѣ, старѣйшинамъ еврейской общины, которые, по свойственному человѣку любопытству, съ удовольствіемъ выслушаютъ его, и ему удастся разъ или два отлично пообѣдать. Шлуми былъ человѣкъ изобрѣтательный, и очень многое сходило ему съ рукъ. Одно время онъ ходилъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ красной шляпѣ. А когда христіане привлекли его къ отвѣту, онъ сталъ увѣрять, что былъ въ желтой шляпѣ, а красную надѣлъ поверхъ ея только для того, чтобы покупатели могли судить о его товарѣ и видѣли, какія шляпы онъ продаетъ.

Но на этотъ разъ Джузеппе былъ очень доволенъ, увидѣвъ его.

— Шлуми страшный болтунъ,—подумалъ онъ.—Онъ разбросаетъ сѣмена и, можетъ быть, они взойдутъ.

На другой день, вечеромъ новый проповѣдникъ шелъ по улицѣ Лепеда, около доминиканскаго монастыря. Кто-то дотронулся до его плаща. Онъ обернулся.—Миріамъ!--съ изумленіемъ воскликнулъ онъ, отступая отъ нея.

— Я пришла къ тебѣ, Іосифъ,—сказала она.

— Ко мнѣ? Развѣ ты не знаешь, что меня прокляли, что я отверженный? Посмотри, нѣтъ ли по близости кого изъ евреевъ?

— Все равно. Мнѣ нужно поговорить съ тобою.

— Но вѣдь и тебя проклянутъ?

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою.

Глаза его заблестѣли. — А, ты тоже вѣришь! — радостно воскликнулъ онъ.—На тебя сошла благодать!

— Нѣтъ, Іосифъ, этого никогда не будетъ. Я люблю вѣру нашихъ отцовъ. Можетъ быть, я поняла ее лучше, чѣмъ ты, хоть и не изучала священныхъ книгъ. Я понимаю ее только сердцемъ.

— Такъ зачѣмъ же ты пришла? Спустимся внизъ, къ Колизею. Тамъ не такъ многолюдно, и наши братья рѣдко заходятъ туда.

Они свернули съ шумной улицы, по которой съ грохотомъ неслись экипажи, проѣзжали верхомъ знатные синьоры, окруженные блестящей свитой, проходили водовозы съ своими ослами, носильщики и забіяки-солдаты, которые могли обратить вниманіе на красоту Миріамъ и не задумались бы оскорбить ее, замѣтивъ, что у нея на головѣ золотая повязка. Іосифъ и Миріамъ дошли молча до арки Тита. Тутъ они оба остановились. Барельефъ свѣтильника храма, какъ трофей побѣды, украшалъ эту тріумфальную арку, и потому ни одинъ еврей никогда не проходилъ черезъ нее. Титъ давно уже умеръ, имперія его пала, но воспоминаніе о томъ времени до сихъ поръ еще живо въ сердцахъ евреевъ.

Яркіе лучи заходящаго солнца падали на разрушенные храмы древнихъ боговъ и на заросшій травой римскій форумъ. Красный, какъ кровь, отблескъ сверкалъ на самой высокой части Колизея, за которой устраивались когда-то, для развлеченія властелиновъ міра, бои звѣрей и людей. Остальная часть гигантской развалины была въ тѣни.

— Здоровы ли мои родители?—спросилъ Іосифъ.

— И у тебя хватаетъ духу спрашивать о нихъ? Твоя мать плачетъ цѣлые дни. А когда приходитъ твой отецъ, она становится такой же каменной, какъ и онъ. Онъ — старѣйшина синагоги! А ты — ты опозорилъ его сѣдые волосы и сведешь его въ могилу!

Іосифъ сдержалъ рыданіе.—Страданіе очищаетъ, Миріамъ,— сурово сказалъ онъ.—Это бичъ Божій.

— Не обвиняй Бога въ жестокости. Я ненавижу тебя!— воскликнула она.—Правда ли, что ты хочешь сдѣлаться доминиканцемъ? Шлуми-шутникъ распустилъ этотъ слухъ въ Гетто.

— Да, Миріамъ. Я постригусь и очень скоро.

— Какъ же можешь ты быть монахомъ? Вѣдь ты любишь женщину.

Онъ остановился и вздрогнулъ.

— Что говоришь ты, Миріамъ?

— Не вздумаешь ли ты отрицать это? Я знаю ее. Я знаю твою любовь къ ней. Это Елена де Франчи.

— Нѣтъ, я не люблю никакой женщины,—отвѣчалъ онъ, поблѣднѣвъ отъ волненія.

— Ты любишь Елену.

— Почему ты такъ увѣрена въ этомъ?

— Я сама женщина.

Они тихо пошли дальше.

— И это все, что ты хотѣла сказать мнѣ?

— Нѣтъ не все. Я хотѣла посовѣтовать тебѣ жениться на ней и быть счастливымъ.

— Я не могу, Миріамъ. Ты не понимаешь меня.

— Не понимаю? Я могу прочитать всѣ твои мысли, такъ же легко, какъ ты читаешь законъ—безъ гласныхъ буквъ. Ты думаешь, что мы, евреи, будемъ съ презрѣніемъ указывать на тебя пальцами, что мы сочтемъ причиной твоего отступничества не любовь къ Распятому, а любовь къ Еленѣ, что мы не будемъ слушать твоихъ проповѣдей?

— А развѣ не такъ?

— Такъ.

— Въ такомъ случаѣ...

— Но то же самое будетъ всегда, что бы ты ни дѣлалъ. Разрѣжь себя на куски, и евреи всетаки не повѣрятъ ни тебѣ, ни евангелію. Я одна вѣрю въ твою искренность, но смотрю на тебя, какъ на безумнаго: ты черезъ чуръ много учился и разумъ твой помраченъ. Послушай меня, Іосифъ. Всѣ твои мечты не приведутъ ни къ чему. Евреи ненавидятъ тебя. Они называютъ тебя Аманомъ и будутъ очень довольны, если тебя повѣсятъ, какъ его, на высокомъ деревѣ. Память о тебѣ переживетъ тебя. Потомки наши въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи будутъ съ проклятіемъ произносить твое имя. Какъ не въ силахъ ты сдвинуть съ мѣста семь холмовъ Рима, такъ не сдвинешь и евреевъ. Они стояли слишкомъ долго.

— Да, стояли, какъ камни. Но я смягчу ихъ сердца и спасу ихъ.

— Ты не сдѣлаешь имъ ничего, кромѣ зла... Подумай лучше о себѣ и спасай себя. Женись на этой дѣвушкѣ и будь счастливъ.

Онъ взглянулъ на нее.

— Будь счастливъ, — повторила она.—Не жертвуй своей жизнью пустому призраку. Будь счастливъ. Это послѣднія слова, съ которыми я обращаюсь къ тебѣ. Съ этихъ поръ я, какъ истинная дочь моего народа, буду повиноваться постановленіямъ совѣта и, если бы я была матерью, я научила бы дѣтей моихъ ненавидѣть тебя такъ же, какъ ненавижу сама... Миръ тебѣ...

Онъ схватилъ ее за платье.—Еще минуту! Я хочу поблагодарить тебя, хоть и не могу послѣдовать твоему совѣту.

завтра я уже буду принятъ въ святое братство.—Въ блѣдномъ полумракѣ угасающаго дня лицо его засіяло какимъ-то неземнымъ свѣтомъ. — Но какъ рѣшилась ты на такой рискъ? Почему пришла ты сказать мнѣ, что ненавидишь меня?

— Потому что я люблю тебя. Прощай!

Она повернулась и быстро пошла отъ него.

Онъ протянулъ къ ней руки. На глазахъ его показались слезы.

— Миріамъ, Миріамъ!—воскликнулъ онъ.—Вернись,—ты также христіанка! Вернись, моя возлюбленная сестра о Христѣ!

Пьяный доминиканецъ споткнулся и упалъ въ его объятія.

VI.

Евреи не приходили слушать фра Джузеппе. Все его страстное краснорѣчіе пропадало даромъ, такъ какъ на его проповѣди собирались только христіане и новообращенные. Напрасно бралъ онъ свои доводы изъ талмуда, употребляя оружіе талмудистовъ противъ нихъ же самихъ: они не являлись. Не пришли они даже и послѣ того, какъ онъ, при помощи кабалистическихъ вычисленій, доказалъ, что о папѣ и его высокомъ назначеніи предсказывалось еще въ Ветхомъ завѣтѣ. Только на улицахъ видѣлъ онъ мрачныя лица своихъ братьевъ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, ослабѣвшій, измученный, онъ, въ минуту отчаянія, рѣшился просить папу, чтобы онъ употребилъ свою власть и принудилъ евреевъ ходить на его проповѣди.

Папа принялъ его въ постели. Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ, но очень весело болталъ съ саламанкскимъ епископомъ и прокураторомъ казначейства о забавныхъ подробностяхъ неудачи, постигшей французскаго посла. Блѣдное лицо его было лицомъ ученаго, но выраженіе энергіи указывало на привычку къ дѣятельности. Джузеппе робко остановился около двери и не рѣшался тронуться съ мѣста, пока одинъ изъ знатныхъ синьоровъ, бывшихъ въ комнатѣ, не велѣлъ ему подойти поближе. Съ глубокимъ благоговѣніемъ подошелъ онъ къ постели и, преклонивъ колѣна, поцѣловалъ ногу папы. Потомъ онъ всталъ и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Но глава католическаго міра отнесся не совсѣмъ милостиво къ его просьбѣ и нахмурилъ брови. Онъ былъ очень умный, ученый человѣкъ, высокій покровитель наукъ и искусствъ. Не подражая другимъ государямъ, онъ всегда относился къ евреямъ сравнительно мягко. Все его рвеніе было направлено на иностранную политику, что отчасти вредило его популярности въ самомъ Римѣ.

Въ то время, какъ фра Джузеппе горячо отстаивалъ свою мысль и увѣрялъ, что ему такъ же легко будетъ играть на сердцахъ евреевъ, если только они услышатъ его, какъ Давиду на струнахъ арфы, въ спальню внесли на серебряномъ блюдѣ завтракъ. Хоть кушанья и готовились на папской кухнѣ, одинъ изъ присутствующихъ, спеціально назначенный для этого, попробовалъ ихъ всѣ, для нагляднаго доказательства, что въ нихъ нѣтъ яду, а Джузеппе, по знаку папы, отошелъ въ сторону.

Завтракъ продолжался очень долго и съ довольно большими перерывами.. Пришелъ капельмейстеръ папскаго оркестра за инструкціями по поводу назначеннаго на первое августа концерта въ Феррагосто; приходили и другіе, но больше всего задержали его святѣйшество два ювелира, которые принесли разныя драгоцѣнныя вещи и модели застежки для папскаго облаченія. Джузеппе волновался и выходилъ изъ себя въ то время, какъ святой отецъ, надѣвъ очки, внимательно разсматривалъ большую серебряную вазу, въ которую должны были падать крошки съ его стола, и любовался ея чеканными ручками и гирляндой изъ листьевъ. Другая, парная ваза, которая должна была стоять въ буфетѣ и предназначалась для воды, была украшена чуднымъ изображеніемъ св. Амвросія, поражающаго аріанъ. Наконецъ, одинъ изъ ювелировъ ушелъ, получивъ отъ папскаго датарія цѣлую груду золотыхъ монетъ, но другой пробылъ невыносимо долго. Его святѣйшеству очень понравилась его восковая модель, и онъ нѣсколько разъ высказывалъ свое одобреніе, любуясь барельефнымъ изображеніемъ Бога Отца и громаднымъ бриллiантомъ, приходившимся какъ разъ по срединѣ застежки.

— Поспѣши со своей работой, сынъ мой, — сказалъ онъ, рѣшившись, наконецъ, отпустить ювелира.—Мнѣ бы хотѣлось самому надѣть эту застежку прежде, чѣмъ я умру.

Онъ поднялъ свое сіяющее восторгомъ лицо и увидалъ Джузеппе.

— Тебѣ нужно еще что нибудь, фра Джузеппе?—сказалъ онъ.—Ахъ да, вспомнилъ! Тебѣ хочется проповѣдывать твоимъ упрямымъ соотечественникамъ. Ну, что же? Это вполнѣ понятное и похвальное желаніе. Луиджи, напомни мнѣ завтра объ этой буллѣ.

Лицо фра Джузеппе вспыхнуло и глаза его заблестѣли. Онъ снова упалъ на колѣни у ногъ папы и, цѣлуя ихъ, нѣсколько разъ несвязно выражалъ свою благодарность. Потомъ, низко опустивъ голову, онъ дошелъ до двери и, вполнѣ счастливый, вернулся въ свой монастырь.

На другой день былъ обнародованъ новый эдиктъ. Евреямъ велѣно было собраться на первую же проповѣдь фра Джузеппе. О, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ вечера субботы,

какую великолѣпную проповѣдь готовилъ онъ! Евреи непремѣнно придутъ. Выраженія, въ которыхъ составленъ эдиктъ, такъ точны и опредѣленны, что имъ нельзя будетъ обойти его. Да они и всегда начинаютъ съ того, что безпрекословно подчиняются всѣмъ постановленіямъ и только нѣсколько времени спустя рѣшаются на молчаливое, апатичное сопротивленіе.

Эдиктъ не былъ отмѣненъ, хоть онъ зналъ, что богатые евреи пытались найти лазейку съ задняго хода и предлагали подкупъ. Потомъ, когда они просили хоть нѣсколько измѣнить его подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не совсѣмъ ясенъ—этимъ предлогомъ пользовались всегда, когда выходили слишкомъ строгія буллы—имъ тоже отказали. Да, теперь уже ничто не спасетъ евреевъ отъ его проповѣди.

Въ четвергъ въ Гетто было нѣсколько случаевъ смерти отъ чумы; въ пятницу умерла уже десятая часть населенія. Новый разливъ Тибра и зараженный воздухъ переулковъ, гдѣ строго опредѣленное число домовъ было переполнено людьми, благопріятствовали развитію болѣзни, и она свирѣпствовала со страшной силою. Въ субботу отдано было приказаніе затворить всѣ ворота Гетто. Чуму заключили тамъ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ были заперты паріи человѣчества въ своей зараженной тюрьмѣ. Они могли, по своему усмотрѣнію, жить или умирать. А когда, наконецъ, послѣ дезинфекціи, отворили ворота Гетто, тамъ оказалось больше мертвыхъ, чѣмъ живыхъ.

VII.

Мечтатель Іосифъ былъ ошеломленъ этимъ ударомъ, разрушившимъ его надежды. Земная тревога, въ которой онъ не сознавался даже самому себѣ, мучила его въ то время, какъ свирѣпствовала чума, которая, не смотря на всѣ мѣры предосторожности, иногда вырывалась изъ Гетто, какъ бы желая наказать тѣхъ, кто принудилъ тамошнее населеніе вести такое жалкое существованіе. Но Іосифъ боялся не за себя; онъ дрожалъ при мысли о смерти отца, матери и великодушной Миріамъ. Цѣлые дни самоотверженно ухаживалъ онъ за больными христіанами, а потомъ ходилъ около Гетто, около этого города мертвыхъ, откуда не доходило никакихъ извѣстій. Когда ему, наконецъ, удалось узнать, что близкіе ему люди живы и здоровы, новый ударъ поразилъ его. Булла оставалась въ своей силѣ, но папа сталъ снисходительнѣе къ оставшимся въ живыхъ евреямъ. Онъ принялъ во вниманіе ихъ ненависть къ фра Джузеппе и милостиво согласился на ихъ просьбу—назначить какого нибудь другого проповѣдника. Было рѣшено, что эту обязанность будутъ исполнять поочередно всѣ доминиканцы.

Одинъ только Джузеппе составлялъ исключеніе: ему было запрещено проповѣдывать евреямъ. Тщетно добивался онъ аудіенціи у его святѣйшества—его не допускали къ нему. Такимъ образомъ всѣ его мечты объ обращеніи и спасеніи евреевъ кончились только тѣмъ, что ихъ принудили слушать проповѣди христіанъ.

Каждую субботу, по окончаніи службы въ синагогѣ, треть населенія Гетто, въ томъ числѣ и дѣти старше двѣнадцатилѣтняго возраста, должны были являться поочередно въ церковь Санъ Бенедетто Алла Регола, предоставленную въ ихъ пользованіе, и слушать вѣрное толкованіе отрывка изъ Библіи, причитаннаго ихъ же канторомъ. Папа, болѣе деликатный, чѣмъ его подчиненные, посовѣтовалъ имъ не произносить именъ Христа и Божьей Матери или, по крайней мѣрѣ, говорить ихъ вполголоса, чтобы не оскорблять слуха евреевъ. Но этотъ совѣтъ не исполнялся: проповѣдники забывали о немъ, стараясь убѣдить своихъ слушателей, бывшихъ въ полной ихъ власти.

Многіе изъ евреевъ нарочно медлили и шли какъ можно тише по дорогѣ въ церковь. Противъ этого немедленно же были приняты мѣры: полицейскіе слѣдили за ними и бичами загоняли ихъ въ домъ Божій. Эти еженедѣльныя процессіи мужчинъ, женщинъ и дѣтей, выходившихъ изъ Гетто, стали однимъ изъ любимыхъ зрѣлищъ Рима, и толпа была очень довольна, что для нея устроили новое развлеченіе. А новыя издержки—и довольно значительныя—легли на евреевъ, которые сами же должны были платить за свое обращеніе.

Всѣхъ отсутствующихъ евреевъ заносили въ списки, и они платились за нарушеніе папскаго эдикта штрафомъ или тюремнымъ заключеніемъ. Вести эти списки могъ, конечно, лучше всякаго другого новообращенный: онъ зпалъ всѣхъ евреевъ въ лицо и тотчасъ же могъ замѣтить, кто изъ нихъ не пришелъ на проповѣдь. Эту обязанность слѣдуетъ возложить на новаго брата. Джузеппе сопротивлялся всѣми снлами, но пріоръ не слушалъ его возраженій. И вмѣсто высокаго, апостольскаго служенія своему народу, фра Джузеппе, самъ же вызвавшій все это зло, долженъ былъ сидѣть за конторкой у дверей храма и слѣдить за входящими въ него. Онъ зналъ, какъ тяжело имъ имѣть сношенія съ отступникомъ-евреемъ, котораго они прокляли — зналъ, что, записывая ихъ, наноситъ имъ новое оскорбленіе, выказывая свое презрѣніе къ субботѣ, которую они такъ свято чтутъ.

Часто видалъ онъ, какъ подгоняли къ церкви бичемъ его отца, блѣднаго, сѣдого, совсѣмъ уже одряхлѣвшаго старика. И мука, которую испытывалъ при этомъ Іосифъ, была еще сильнѣе, чѣмъ боль и униженіе, выпадавшія на долю его отца. Какъ-то разъ доминиканецъ, обязанный слѣдить за тѣмъ,

чтобы евреи слушали внимательно и не уклонялись отъ проповѣди, стараясь заснуть, хлопнулъ по плечу Рахили желѣзнымъ прутомъ. Несчастный сынъ ея увидалъ это, и капли холоднаго пота выступили у него на лбу. А когда мимо него проходила Миріамъ, всегда съ однимъ и тѣмъ же презрительнымъ взглядомъ, его бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Одно только утѣшеніе и было у него: онъ видѣлъ, наконецъ, своихъ братьевъ, внимательно слушающихъ слово Божіе. Хоть этого-то удалось ему добиться. Даже самъ Шлуми казался переродившимся—съ такимъ благоговѣніемъ внималъ онъ словамъ проповѣдника.

Іосифу не приходило въ голову, что всѣ его соотечественники, казавшіеся такими внимательными и набожными, идя въ церковь, крѣпко затыкали себѣ уши ватой. Эту уловку придумалъ Шлуми.

А между тѣмъ, въ другихъ церквахъ фра Джузеппе говорилъ проповѣди, и каждый разъ множество христіанъ, нерѣдко даже пріѣзжавшихъ издалека, собирались слушать его. Извѣстность его, какъ проповѣдника, все увеличивалась, а доброта возбуждала любовь. Онъ напутствовалъ приговоренныхъ къ смертной казни, его радостно встрѣчали въ самыхъ ужасныхъ вертепахъ и мрачныхъ темницахъ, онъ отпускалъ грѣхи умирающимъ, изгонялъ бѣсовъ. Но былъ одинъ грѣшникъ,—грѣшникъ, ходившій во власяницѣ и умерщвлявшій свою плоть бичеваніемъ—которому онъ не могъ дать отпущенія. Это былъ онъ самъ. И одного демона онъ не могъ изгнать: онъ гнѣздился въ его собственномъ сердцѣ. Это была скорбь его собственной души, страдавшей отъ соприкосновенія съ грубой дѣйствительностью, не нашедшей удовлетворенія...

VIII.

Снова наступилъ карнавалъ—недѣля безумнаго веселья и шумнаго разгула. Улицы пестрѣли всѣми цвѣтами радуги отъ множества яркихъ одеждъ и гремѣли взрывами смѣха и оглушительными криками громадной толпы, еще увеличенной наплывомъ иностранцевъ. Изъ оконъ и съ крышъ, почернѣвшихъ отъ головъ, шаловливыя руки бросали гнилыя яйца, лили грязную воду и даже кипящее масло на пѣшеходовъ и всадниковъ. Затѣвались страшныя ссоры, кровавыя драки, толпы замаскированныхъ святотатственно врывались въ церкви. Осмѣивалось все—и земное, и небесное. Ни плети, ни висѣлица не могли остановить народнаго разгула. Всякое запрещеніе, всякій новый эдиктъ обращались въ мертвую букву.

Тяжело приходилось въ это время евреямъ, беззащитнымъ

среди веселящихся римлянъ. Надъ ними смѣялись, ихъ задѣвали, и они же должны были играть главную роль въ одномъ изъ развлеченій карнавала. Въ первый день депутація изъ еврейскихъ старѣйшинъ, раввиновъ и трехъ знаменоносцевъ, одѣтыхъ въ пестрые желтые съ краснымъ костюмы, стала во главѣ сенаторскаго кортежа и двинулась черезъ весь городъ въ Капитолій, подъ перекрестнымъ огнемъ насмѣшекъ и грубыхъ шутокъ. Потомъ депутаты вошли въ тронную залу, гдѣ на красныхъ бархатныхъ креслахъ сидѣли три консерватора (Conservators), пріоръ монастыря Капоріони и государственный адвокатъ Капитолія въ черной тогѣ и бархатной шапкѣ. Старѣйшій изъ раввиновъ сталъ на колѣни на первую ступеньку трона и, склонивъ свою сѣдую голову до самаго пола, произнесъ традиціонное привѣтствіе: «Полные глубокаго уваженія къ римскому народу, мы, старѣйшины и раввины смиренной еврейской общины, явились къ высокому трону вашихъ эминенцій, чтобы почтительно изъявить вамъ преданность и покорность отъ имени нашихъ единовѣрцевъ и просить вашего милостиваго покровительства. А мы будемъ молить Творца даровать долгій миръ и спокойствіе его святѣйшеству папѣ, вашимъ эминенціямъ, славному сенату и всему римскому народу».

— Мы съ удовольствіемъ выслушали изъявленіе преданности и покорности, которое вы возобновили сегодня отъ имени всей еврейской общины,—отвѣчалъ главный консерваторъ—и увѣренные, что вы будете уважать законы и постановленія сената и платить, какъ и раньше, всѣ наложенныя на васъ подати, обѣщаемъ вамъ свое покровительство, въ надеждѣ, что вы сумѣете заслужить его.—Потомъ, поставивъ ногу на шею раввина, онъ крикнулъ: «Andate»!

Поднявшись съ колѣнъ, раввинъ поднесъ ему букетъ и чашу съ двадцатью золотыми монетами, а потомъ депутаты въ своихъ шутовскихъ костюмахъ снова пошли, какъ сквозь строй, черезъ толпу, осыпавшую ихъ намѣшками и бранью.

Множество процессій—каррикатуръ на эту процессію евреевъ—устраивалось каждый день. Рыбные торговцы, жившіе около самаго Гетто и хорошо знавшіе его обычаи, придумали и многое другое для развлеченія публики: то двигалось по улицамъ похоронное шествіе — евреи хоронили своего раввина, то проѣзжала кавалькада подпрыгивающихъ на ослахъ евреевъ, а впереди нихъ скакалъ, сидя лицомъ къ хвосту лошади, преуморительный раввинъ. Одной рукой онъ цѣплялся за хвостъ своего коня, а въ другой держалъ, выставляя на посмѣшище толпы, свитокъ, напоминавшій свитокъ закона. Да, травля евреевъ очень оживляла карнавалъ. Съ нихъ сбивали шляпы и рвали ихъ въ клочки, бросали имъ въ лицо грязью. Впрочемъ, въ этомъ году не позволено было кидать

въ нихъ ничего, кромѣ фруктовъ, и одинъ знатный маркизъ, къ величайшему восторгу публики, совсѣмъ забросалъ ихъ ананасами. Но все это было пустяками сравнительно съ тѣмъ позоромъ, который имъ приходилось выносить на третій день карнавала: послѣ бѣга ословъ и буйволовъ назначался обыкновенно бѣгъ евреевъ.

Утро было свѣжее и ясное; потомъ стали собираться облака, и зрители съ удовольствіемъ поглядывали на небо, надѣясь, что пойдетъ дождь. Около арки Санъ Лоренцо, на углу длинной улицы Корсо, гдѣ во всѣхъ окнахъ, дверяхъ, на тротуарахъ и крышахъ виднѣлись веселыя, смѣющіяся лица, стояла небольшая кучка евреевъ. Ихъ только что угостили отличнымъ, сытнымъ завтракомъ, но они, кажется, не чувствовали за это признательности. Полунагіе, въ короткихъ бѣлыхъ, украшенныхъ блестками плащахъ, они дрожали въ своемъ неблагопристойномъ, но смѣшномъ костюмѣ. Скоро раздастся команда, и имъ придется бѣжать мимо этой буйной толпы, готовой выместить на нихъ всю свою ненависть къ ихъ народу. Наконецъ, какой-то всадникъ закричалъ: «Впередъ!» и, при громкихъ, радостныхъ крикахъ зрителей, полуобнаженныя комическія фигуры съ восточными, полными скорби лицами понеслись внизъ по Корсо.

Цѣлью былъ назначенъ замокъ св. Ангела. Сначала бѣгъ устраивался только на улицѣ Корсо, до собора св. Марка. Но потомъ его значительно удлинили въ угоду теперешнему папѣ. Онъ любилъ смотрѣть, какъ евреи добѣгаютъ до цѣли, и любовался этимъ зрѣлищемъ въ уединенной, доступной для очень немногихъ, комнатѣ своего замка, украшенной фресками нагихъ фигуръ работы Джуліо Романо.

Быстро, быстро неслись участвующіе въ бѣгѣ: чѣмъ скорѣе пробѣгутъ они разстояніе до замка, тѣмъ скорѣе избавятся отъ града насмѣшекъ и каменьевъ, сыпавшихся на нихъ со всѣхъ сторонъ. И простой народъ, и знатные синьоры, сидѣвшіе, вопреки эдикту, въ экипажахъ, мѣшавшихъ бѣгу, старались превзойти въ этомъ отношеніи другъ друга. А чтобы заставить евреевъ еще ускорить шагъ, отрядъ конницы, подъ начальствомъ офицера, скакалъ за ними по пятамъ, грозя ежеминутно растоптать ихъ подъ ногами лошадей. И они бѣжали, бѣжали все впередъ, задыхаясь, обливаясь потомъ, отягощенные сытнымъ завтракомъ, который могъ довести ихъ до смерти отъ паралича. Остроумный распорядитель праздника угостилъ ихъ на славу именно съ тою цѣлью, чтобы имъ труднѣе было бѣжать. О, какъ смѣшно! Какъ великолѣпно! Чего только не выдумаетъ этотъ Антоніо!

Высокій еврей, съ худымъ, истощеннымъ лицомъ, плѣшивый, не смотря на свою молодость, бѣжалъ впереди всѣхъ, по-

среди ироническихъ восклицаній и рукоплесканій публики. Когда участвующіе въ бѣгѣ поравнялись съ экипажами, знатные синьоры стали выказывать свою ловкость, бросая въ нихъ каменья, а на сіяющихъ красотою лицахъ дамъ—не закрытыхъ масками, какъ это было принято во Франціи—показались насмѣшливыя улыбки. И вдругъ, какъ бы для того, чтобы еще увеличить удовольствіе зрителей, хлынулъ проливной дождь, и потоки воды полились на полунагихъ евреевъ. Задыхаясь, ослѣпленные дождемъ, бившимъ въ глаза, покрытые грязью, избитые каменьями, продолжали они бѣжать впередъ, а слѣдомъ за ними скакали лошади, касаясь своими копытами ихъ ногъ. Впередъ, впередъ! Теперь цѣль уже недалеко. Они пробѣжали мимо собора Св. Марка, гдѣ прежде кончался бѣгъ. Молодой еврей все еще былъ впереди, но толстый, старый еврей нагонялъ его. Волненіе толпы увеличилось. Тысячи насмѣшливыхъ голосовъ одобряли соперниковъ. Они добѣжали до моста—оттуда уже видѣнъ былъ замокъ Св. Ангела, бойницы котораго носили имена апостоловъ. Толстый еврей прибавилъ шагу и поравнялся со своимъ конкуррентомъ: теперь, когда цѣль была такъ близка, у него явилась надежда завладѣть призомъ и выручить за него, по меньшей мѣрѣ, тридцать шесть кронъ. Но молодой товарищъ его бросился впередъ и первый добѣжалъ до окна папы. Онъ остался побѣдителемъ. Со всѣхъ сторонъ раздались оглушительные крики и взрывы смѣха, которые еще усилились послѣ того, какъ старый еврей упалъ и растянулся на дорогѣ.

Побѣдителю подали призъ—кусокъ краснаго венеціанскаго сукна. Онъ взялъ его, и какое-то странное выраженіе промелькнуло у него на лицѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вмѣшался судья.—Командующій отрядомъ конницы говоритъ, что вначалѣ они бѣжали очень тихо. Бѣгъ придется повторить завтра.—Этимъ предлогомъ пользовались всегда для того, чтобы продлить удовольствіе и лишній разъ посмотрѣть на бѣгъ.

— Мы летѣли, какъ ружейныя пули,—отвѣчалъ побѣдитель, и глаза его грозно блеснули.

— Молчи, молчи! Отдай ему назадъ свой призъ,—шепнулъ ему стоявшій около него еврей, дергая его за плащъ.—Все равно онъ не уйдетъ отъ тебя. Они всегда присуждаютъ его тому, кто побѣдитъ въ первый день.

— Почему же офицеръ не остановилъ насъ?—продолжалъ тотъ, не обращая вниманія на это предостереженіе.

— Держи языкъ за зубами, собака!—воскликнулъ судья.—Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ повторить бѣгъ, такъ какъ по закону васъ должно быть не меньше восьми человѣкъ.

— Насъ и такъ восемь,—отвѣчалъ побѣдитель.

Судья взглянулъ на бунтовщика. Потомъ, взявъ палку, сталъ ударять ею по головамъ участвовавшихъ въ бѣгѣ, приговаривая при каждомъ ударѣ:—Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь.

— Нѣтъ восемь,—настаивалъ молодой человѣкъ, увидавъ лежащаго позади него толстаго еврея и наклоняясь, чтобы поднять его,

— Basta!—сказалъ судья.—Эта скотина не идетъ въ счетъ. Онъ пьянъ.

— О, бездушный, жестокій человѣкъ!—воскликнулъ побѣдитель и, выпрямившись, вынулъ изъ подъ плаща распятіе и поднялъ руку.—Но въ одномъ ты правъ,—продолжалъ онъ и голосъ его загремѣлъ, какъ громъ.—Въ бѣгѣ участвовало только семь евреевъ, потому что я—я не еврей. Я фра Джузеппе!— Онъ махнулъ распятіемъ, и всѣ разступились около него.

Судья потерялся и не зналъ, что дѣлать; изумленные солдаты сидѣли неподвижно на своихъ лошадяхъ; толпа на мгновеніе смолкла и внимательно слушала. Дождь прошелъ, солнце выглянуло ихъ за облаковъ и распятіе засверкало подъ его лучами.

— Именемъ Христа возстаю я противъ такого ужаснаго поруганія избраннаго народа Божьяго!—снова загремѣлъ голосъ доминиканца.—Помогите же этому несчастному! Неужели никто не принесетъ ему хоть стакана холодной воды?

— А ему все еще мало?—закричалъ какой-то шутникъ,— кажется, небо и безъ того очень щедро поливало его водой.— И никто не тронулся съ мѣста.

— Такъ будьте же вы всѣ прокляты!—воскликнулъ фра Джузеппе. Онъ опять нагнулся и осторожно приподнялъ голову старика. Вдругъ лицо его поблѣднѣло еще больше, и строгое, торжественное выраженіе появилось на немъ.—Онъ умеръ!— сказалъ онъ.—Да приметъ его душу въ своемъ неизреченномъ милосердіи Христосъ, котораго онъ отвергалъ!—Онъ тихо опустилъ тѣло и закрылъ мертвые, стеклянные глаза.

Смерть положила печать благородства даже на лицо стараго еврея. Его заставили поѣсть передъ самымъ бѣгомъ слишкомъ тяжелыхъ кушаньевъ, и это вызвало апоплексическій ударъ. Онъ лежалъ въ своемъ бѣломъ, мокромъ отъ дождя, покрытомъ грязью плащѣ, на которомъ сверкали мишурныя украшенія, а изъ подъ этого шутовскаго плаща выставлялись его голыя, начинавшія уже коченѣть ноги. И, какъ бы въ насмѣшку надъ мертвымъ тѣломъ, издалека доносились звуки музыки, крики буйнаго разгула, шумъ и говоръ веселящейся толпы.

Командовавшаго солдатами офицера бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Онъ гналъ свою лошадь и наѣзжалъ на этого шарообразнаго толстяка только для забавы; ему и въ голову не приходило, что дѣло можетъ кончиться смертью. Зрители

были тоже взволнованы—видно было, что они жалѣютъ несчастнаго. Но судья оправился и пришелъ въ себя.

— Арестуйте этого монаха вѣроотступника! — крикнулъ онъ.—Онъ вернулся къ своему народу и снова сталъ евреемъ. Его сожгутъ на кострѣ!

— Назадъ, именемъ святой церкви! — воскликнулъ фра Джузеппе, поворачиваясь къ офицеру, который и безъ того не тронулся съ мѣста.—Я не еврей. Я такой же христіанинъ, какъ и его святѣйшество, который сидитъ за рѣшетчатой шторой, вонъ у того окна, наслаждаясь языческимъ зрѣлищемъ!

— Почему же участвовалъ ты въ бѣгѣ вмѣстѣ съ евреями. Зачѣмъ опозорилъ свою одежду?

— Развѣ она на мнѣ? Ты видишь—я почти голый. А эти блестящія, мишурныя тряпки и безъ того уже достаточно опозорены. Твои соотечественники принуждаютъ евреевъ надѣвать ихъ для того, чтобы смѣяться надъ ними и оскорблять ихъ.

— Но вѣдь ты самъ же надѣлъ ихъ на себя,—тихо сказалъ офицеръ.—Зачѣмъ же участвовалъ ты въ бѣгѣ вмѣстѣ съ этими проклятыми евреями?

Джузеппе опустилъ голову.—Я согрѣшилъ передъ моими братьями,—отвѣчалъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ.—Я еще увеличилъ ихъ страданія. Вотъ почему я долженъ быть вмѣстѣ съ ними въ тѣ минуты, когда имъ приходится выносить униженія и позоръ—вотъ почему хочу я раздѣлять ихъ мученичество. Это эпитемія, которую я наложилъ на себя. Но у меня была и другая причина.—Онъ поднялъ голову. Глаза его блеснули и голосъ снова загремѣлъ надъ толпою, какъ громъ.—Обращаюсь ко всѣмъ, кто знаетъ меня—къ истиннымъ сынамъ и дочерямъ Святой церкви! Вы часто слыхали мой голосъ, я приносилъ въ дома ваши утѣшеніе слова Божьяго. Присоединитесь къ мнѣ теперь—помогите мнѣ уничтожить долголѣтнія страданія и мученичество вашихъ братьевъ, евреевъ! Не ненавистью, а любовью должны христіане управлять міромъ. Я надѣялся, что сердца ваши смягчатся, когда вы увидите меня—любимаго человѣка,—покрытаго грязью, которою вы не стали бы швырять, если бы узнали меня въ этомъ шутовскомъ нарядѣ. Взгляните сюда, на этого несчастнаго еврея. Его мертвое тѣло краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Онъ не можетъ говорить, губы его уже никогда не пошевелятся, но я вижу, что смерть его поразила васъ и тронула ваши сердца. Ступайте домой, уходите отъ этого языческаго зрѣлища, надѣньте власяницы, посыпьте головы пепломъ и молите Бога, чтобы онъ сдѣлалъ васъ лучшими христіанами.

Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе на толпу. Джузеппе, въ своемъ покрытомъ грязью и блестками плащѣ, съ босыми

ногами, казался древнимъ пророкомъ, явившимся изъ какой-то отдаленной страны міра, возродившимся изъ мрака временъ.

— Молчи, богохульникъ!—воскликнулъ судья.—Самъ святой отецъ одобряетъ такія зрѣлища, а небо уже давно прокляло этихъ презрѣнныхъ еретиковъ. Тьфу!—И онъ толкнулъ ногою трупъ старика еврея. Грудь фра Джузеппе тяжело поднималась, кровь бросилась ему въ голову.

— Не небо, а папа проклялъ евреевъ!—горячо сказалъ онъ.—Почему не выгоняетъ онъ ихъ изъ своихъ владѣній? Потому что прекрасно знаетъ, какъ полезны они для государства. Что было, когда онъ закрылъ для нихъ всѣ города, кромѣ трехъ, и еврейскіе купцы изъ восточныхъ приморскихъ портовъ перестали пріѣзжать въ Анконскую гавань, благодаря чему остановилась вся торговля? О, тогда его святѣйшество поспѣшилъ какъ можно скорѣе призвать евреевъ назадъ и понялъ, что они нужны ему. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ относимся мы къ нимъ не съ любовью, а съ ненавистью? Зачѣмъ эти сотни оскорбляющихъ и унижающихъ ихъ эдиктовъ?

— Тебя сожгутъ за такія слова!—сказалъ возмущенный судья.—Какъ осмѣливаешься ты возставать противъ божьяго намѣстника?

— Онъ божій намѣстникъ? Нѣтъ, ужъ скорѣе я, потому что въ эту минуту самъ Богъ говоритъ моими устами!

Его блѣдное, исхудалое лицо просвѣтлѣло, и глаза загорѣлись такимъ восторгомъ, что благоговѣйно смотрѣвшей на него толпѣ онъ показался какимъ-то высшимъ существомъ.

— Это измѣна и богохульство!—воскликнулъ судья.—Арестуйте его!

Джузеппе спокойно взглянулъ на солдатъ, хоть между нимъ и ихъ лошадьми лежалъ только трупъ еврея.

— Нѣтъ,—тихо сказалъ онъ и кроткая улыбка показалась у него на губахъ.—Богъ со мною! Вы не переступите черезъ это мертвое тѣло и не захотите биться подъ знаменемъ антихриста.

— Смерть вѣроотступнику!—закричалъ кто-то въ толпѣ.—Онъ называетъ папу антихристомъ!

— Да. Кто не за насъ, тотъ противъ насъ. Развѣ, какъ христіанинъ, правитъ онъ Римомъ? Развѣ только однихъ евреевъ притѣсняетъ онъ? Его властолюбіе привело враговъ къ самымъ воротамъ Рима; солдаты иностранцы, его союзники, оскорбляли нашихъ согражданъ. А сколько пришлось вытерпѣть Риму изъ за интригъ его побочнаго сына, который свирѣпствовалъ со своей шайкой головорѣзовъ? Развѣ христіанинъ допустилъ бы это?

— Долой Бакчіо Валери!—закричалъ кто-то, и нѣсколько голосовъ восторженно подхватило этотъ крикъ.

— Да, долой Бакчіо Валери!—повторилъ Джузеппе.

— Долой Бакчіо Валери!—заревѣла легкомысленная толпа, поддаваясь новому настроенію. На тѣхъ, кто зналъ и любилъ фра Джузеппе, слова его произвели глубокое впечатлѣніе, и они готовы были отъ всей души помогать ему; другіе видѣли во всемъ этомъ только новое, неожиданное развлеченіе, а остальные—самые подонки общества—надѣялись воспользоваться удобнымъ случаемъ для кражи и грабежа.

— И не одного только Бакчіо Валери!—продолжалъ Джузеппе.—Нужно вырвать всѣ плевелы, которые такъ роскошно разрослись въ Римѣ. Это не божій городъ—это городъ наемныхъ убійцъ, прелюбодѣянія, роскошныхъ пировъ, вожделѣнія для глазъ, царства тѣла. Долой карнавалы съ ихъ языческими зрѣлищами. Долой продавцовъ индульгенцій! Богъ не купецъ, чтобы за деньги отпускать грѣхи прошлые и будущіе. Долой нечестивыхъ кардиналовъ, которые сплетничаютъ у самого алтаря и обираютъ евреевъ для удовлетворенія своихъ постыдныхъ пороковъ! Долой монаховъ, требникъ которыхъ—Боккачіо. Долой «намѣстника», который торгуетъ кардинальскими шапками, не осмѣливается принять причастіе прежде, чѣмъ другой не попробуетъ его, зачитывается нечестивыми греческими писателями, забавляется драгоцѣнными погремушками, занятый только иностранной политикой да домашними интригами! Долой святого отца, одѣтаго въ пурпуръ и бархатъ, гарцующаго на великолѣпномъ неаполитанскомъ конѣ, окруженнаго свитой кардиналовъ и блестящихъ всадниковъ! Развѣ такъ долженъ жить послѣдователь кроткаго Христа, ѣздившаго на ослѣ и сказавшаго богатому юношѣ: «Продай все, раздай деньги нищимъ и слѣдуй за мной!» Нѣтъ, хоть папа и живетъ въ Ватиканѣ, хоть сотни гордыхъ епископовъ и унижаются, цѣлуя ему ноги, я объявляю, что онъ лжецъ, заманивающій въ свои сѣти, что онъ гробъ повапленный, что онъ не покровитель бѣдныхъ, не любящій отецъ для сиротъ, а самъ антихристъ!

— Долой антихриста!—закричали двое наемныхъ убійцъ-корсиканцевъ.

— Долой антихриста!—заревѣла возбужденная толпа, подавленная ненависть которой къ своему правителю нашла, наконецъ, выходъ и прорвалась.

— Командиръ! Исполняй свою обязанность!—закричалъ судья.

— Нѣтъ, монахъ говоритъ правду. Унеси тѣло старика, Александръ.

— Да что, весь Римъ что ли сошелъ съ ума? Джакопо, отправляйся скорѣе за городскимъ карауломъ!

Фра Джузеппе привязалъ свой призъ—кусокъ матеріи—къ распятію и поднялъ его.—За Христа! Впередъ!—крикнулъ онъ.

— За Христа! За Іисуса! — раздались со всѣхъ сторонъ

оглушительные крики. Страстное возбужденіе Джузеппе еще усилилось отъ этого волненія, охватившаго всю толпу. За мной! Во имя Христа! Мы сегодня возстановляемъ его царство въ Римѣ.

Онъ побѣжалъ, размахивая своимъ знаменемъ, солдаты поскакали за нимъ, народъ бросился впередъ, толкая и давя другъ друга, попадая подъ копыта лошадей. А изъ каждой улицы, изъ каждаго переулка, прибывали, заражаясь общимъ энтузіазмомъ, все новыя и новыя толпы. Наступила минута безумія.

Безпрепятственно достигъ Джузеппе Большой площади, гдѣ стояла статуя папы, величественная, сверкающая своей ослѣпительной бѣлизной.

— Долой антихриста!—крикнулъ какой-то карманный воришка.

— Долой антихриста!—подхватила толпа.

Джузеппе махнулъ рукой и все стихло. Онъ увидалъ еврея въ желтой шапкѣ и крикнулъ, чтобы тотъ бросилъ ее къ нему. Шапка стала переходить изъ рукъ въ руки. Джузеппе взялъ ее и поднялъ надъ толпою.

— Римляне, сыны святой церкви! — воскликнулъ онъ. — Вотъ клеймо, которое мы кладемъ на нашихъ ближнихъ, чтобы каждый негодяй, каждый убійца могъ безнаказанно оскорблять и убивать ихъ. Этимъ желтымъ цвѣтомъ — цвѣтомъ позора, клеймомъ распутныхъ, торгующихъ своимъ тѣломъ женщинъ— мы безчестимъ и самыхъ уважаемыхъ раввиновъ и купцовъ. Смотрите сюда! Я надѣваю эту шапку на голову антихриста, какъ символъ нашей ненависти ко всему, въ чемъ нѣтъ любви.— Онъ вскочилъ на стремя одной изъ лошадей и надѣлъ желтую шапку на голову статуи.

Восторженныя восклицанія, взрывы смѣха, оглушительные крики раздались со всѣхъ сторонъ:

— Долой антихриста! Долой папу! Долой Бакчіо Валери! Долой принцессу Терезу!

А затѣмъ все смѣшалось въ общей свалкѣ. Съ одной стороны бросился на площадь городской караулъ, съ другой— папскія войска. Солдаты бунтовщика-офицера взбунтовались въ свою очередь и стали биться. Отовсюду неслись дикіе крики, вопли и стоны, всюду гремѣли выстрѣлы, скрещивались рапиры, блестѣли шпаги, сверкали искры и поднимались струйки дыма. И толпа дрогнула и побѣжала съ залитой кровью площади, усѣянной мертвыми тѣлами.

Но волна разгорѣвшейся народной страсти еще не улеглась. Воры и убійцы, недовольные такимъ неожиданнымъ перерывомъ, отправились въ глухія улицы и принялись бить, разрушать и грабить все попадавшееся на пути.

А Іосифъ-мечтатель лежалъ въ это время на грязной подстилкѣ въ одной изъ самыхъ мрачныхъ тюремъ Рима. Его успѣли схватить, не смотря на то, что онъ отчаянно боролся за свою свободу. Завернувшись въ украшенный блестками, испачканный кровью плащъ, весь израненный, онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ думать о предстоящей мученической смерти на кострѣ.

IX.

Ему пришлось ждать недолго. Что же лучше казни можетъ завершить удовольствія веселаго карнавала? Случалось, впрочемъ, что исполненіе приговора надъ осужденными откладывалось и до вторника первой недѣли великаго поста. Публика всегда громко высказывала свое неудовольствіе, если дѣло ограничивалось только тѣмъ, что наказывали плетьми нѣсколько продажныхъ женщинъ, осмѣлившихся надѣть маски. Наказаніе еврея, схваченнаго на улицахъ Рима безъ своей желтой шапки, представляло уже гораздо больше интереса для христіанъ: палачъ получалъ въ такомъ случаѣ двойную плату—разумѣется, на счетъ осужденнаго—и потому удвоивалъ силу своихъ ударовъ. Но самымъ любимымъ зрѣлищемъ была казнь евреевъ. А фра Джузеппе еврей; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Вопросъ только въ томъ, отступникъ ли онъ или просто шпіонъ. Но разрѣшеніе этого вопроса не представляетъ никакой важности, такъ какъ и за то, и за другое преступникъ наказывается смертью. И онъ еще осмѣлился возставать противъ папы, поносить святого отца! Ужъ за это одно онъ долженъ умереть на кострѣ. Нелюбимый народомъ папа поступилъ очень умно: онъ простилъ всѣхъ виновныхъ и велѣлъ казнить только одного еврея.

Чуть свѣтъ все населеніе Рима уже было на ногахъ. На народной площади—средоточіи карнавала,—гдѣ приготовляли костеръ, собралась огромная толпа. Люди, весело и добродушно толкая другъ друга, старались занять лучшія мѣста, а изъ большого фонтана поднимался къ голубому небу серебристый снопъ сверкающихъ брызгъ. Когда позорная колесница свернула на площадь, толпа привѣтствовала осужденнаго грубыми шутками и пѣснями, а глаза его, въ которыхъ выражалось безнадежное отчаяніе, не разъ останавливались на веселыхъ лицахъ тѣхъ самыхъ людей, которые такъ еще недавно готовы были послѣдовать за нимъ, и на горѣвшихъ непримиримой ненавистью и злобной радостью лицахъ евреевъ. Ни одинъ изъ братьевъ-доминиканцевъ не напутствовалъ его передъ смертью, не шепталъ ему словъ утѣшенія и не держалъ передъ нимъ креста. Да и какъ же иначе?

Вѣдь онъ—презрѣнный отступникъ, отвергнутый и еврействомъ, и христіанствомъ! Войска окружили костеръ. Если у преступника есть послѣдователи, они, пожалуй, сдѣлаютъ попытку освободить его. Но эта предосторожность оказалась совершенно лишней: ни на одномъ лицѣ не замѣтно было сочувствія къ осужденному. Тѣ, которыхъ околдовалъ этотъ монахъ до того, что они, какъ безумные, побѣжали за нимъ, старались теперь выказать какъ можно больше удовольствія, чтобы ихъ не заподозрили; а евреи радовались божіей мести, поразившей отступника.

Доминиканца-еврея привязали къ столбу. На него надѣли длинный плащъ, а тонзуру закрыли желтой шапкой. Лицо его было спокойно, но очень грустно. Онъ хотѣлъ сказать что-то; судья остановилъ его.

— Суньте ему въ ротъ кляпъ!—крикнулъ онъ.—Онъ станетъ богохульствовать!

— Пожалуйста, не затыкайте ему рта!—раздался изъ толпы умоляющій голосъ.—Мы тогда не услышимъ, какъ будетъ кричать этотъ негодяй!

— Не бойтесь, я не буду богохульствовать,—сказалъ, печально улыбнувшись, Іосифъ. — Я хочу только покаяться въ своемъ грѣхѣ, сказать, что заслужилъ наказаніе. Я хотѣлъ быть послѣдователемъ Христа, дѣйствовать на людей любовію, и что же я сдѣлалъ? Я употребилъ насиліе противъ моихъ прежнихъ братьевъ-евреевъ — насиліе противъ моихъ новыхъ братьевъ - христіанъ. Лучше бы мнѣ не родиться на свѣтъ. Да приметъ Христосъ въ своемъ неизреченномъ милосердіи мою грѣшную душу! Простите меня такъ же, какъ я прощаю васъ! — Онъ стиснулъ зубы и больше уже не произнесъ ни слова.

Пламя вспыхнуло и поднялось. Оно лизало ноги Іосифа, а потомъ обвилось около его тѣла. Но ни одного стона, ни одного крика не сорвалось съ его губъ. Слышенъ былъ только трескъ дровъ да чей-то плачъ въ толпѣ. Всѣ глаза жадно глядѣли на костеръ — никто не замѣтилъ, что небо потемнѣло. Вдругъ блеснула молнія, загремѣлъ громъ и полилъ дождь. Пламя потухло. Черезъ нѣсколько минутъ тучи разсѣялись, и снова выглянуло солнце: весенній ливень налетѣлъ сразу и такъ же быстро кончился. Но дрова отсырѣли и не зажигались.

Публика, однако, не желала быть обманутой въ своихъ ожиданіяхъ и лишиться такого интереснаго зрѣлища. По знаку судьи, палачъ взялъ шпагу, вонзилъ ее въ грудь преступника и отвязалъ тѣло. Съ глухимъ стукомъ упало оно на землю, покатилось, повернулось на спину и съ минуту блѣдное, исхудалое лицо было обращено къ небу. Потомъ палачъ поднялъ топоръ и разсѣкъ тѣло на четыре части.

Нѣкоторые изъ зрителей задрожали отъ ужаса и отвернулись, но большинство жадно, не отводя глазъ, смотрѣли на казнь.

Когда все было кончено, монахъ-францисканецъ вскочилъ на колесницу, въ которой привезли преступника, и тутъ же, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ только что казнили человѣка, сказалъ горячую, вдохновенную проповѣдь, послѣ которой тронутая до слезъ толпа разошлась по домамъ.

X.

А изъ дома Манассіи, отца Іосифа, несся громкій говоръ и громкій смѣхъ. Множество гостей собралось къ нему, чтобы, согласно старинному обычаю, отпраздновать, какъ слѣдуетъ, этотъ день и порадоваться смерти еврея-отступника. Были приглашены музыканты и устроились танцы, причемъ мужчины танцовали съ мужчинами, а женщины съ женщинами. Манассія, повидимому, совершенно спокойно угощалъ своихъ гостей фруктами и виномъ, но старуха-мать, съ застывшей на материнскомъ лицѣ улыбкой, кружилась въ какой-то дикой пляскѣ и по временамъ все тѣло ея содрогалось отъ взрывовъ безумнаго хохота.

Миріамъ убѣжала изъ дому, чтобы не слышать этого страшнаго смѣха. Она вышла изъ воротъ Гетто и нашла мѣсто, гдѣ было наскоро зарыто тѣло мечтателя-Іосифа. Она узнала его могилу по грудѣ лежащихъ на ней каменьевъ, которые набросали набожные евреи, чтобы показать, что отступника слѣдовало бы, по древне-еврейскому закону, побить каменьями. Слезы полились изъ глазъ молодой дѣвушки, и она горько зарыдала. Вдругъ она увидѣла около себя какую то склонившуюся фигуру—стройную женскую фигуру—и, хотя не могла разглядѣть ее своими затуманенными отъ слезъ глазами, тотчасъ же почувствовала, что это Елена де Франчи.

— Я такъ любила его, синьора де Франчи,—сказала она.

— Ты, должно быть, Миріамъ? Онъ говорилъ о тебѣ. — Голосъ Елены прерывался и дрожалъ.

— Да, синьора.

Елена тоже заплакала. — Бѣдный, бѣдный мечтатель! — сказала она.—Какъ бы счастливъ онъ могъ быть со мною, наслаждаясь всѣмъ, что есть лучшаго въ жизни: любовью, свѣтомъ солнца, красотою этого чуднаго міра, прелестью искусства...

— Нѣтъ, синьора, онъ былъ еврей. Онъ могъ бы быть счастливъ со мною. Тихая семейная жизнь, озаренная свѣтомъ закона и молитвы, изученіе священныхъ книгъ и дѣла

милосердія и любви—вотъ что ему было нужно для счастья. Я зажигала бы для него свѣчи въ субботу, я сажала бы ему на колѣни нашихъ дѣтей, чтобы онъ благословилъ ихъ. Бѣдный, бѣдный мечатель!

— Судьба не дала ему ни того, ни другого счастья, Миріамъ. Поцѣлуй меня. Постараемся облегчить другъ другу наше общее горе.

Губы ихъ встрѣтились, слезы смѣшались.

— Будемте съ этого дня сестрами,—сказала Елена.

— Да, сестрами,—отвѣчала, рыдая, Миріамъ.

Раздался благовѣстъ. Миріамъ вздрогнула и вырвалась изъ объятій Елены.

— Мнѣ пора идти,—сказала она.

— Это Ave Maria,—отвѣчала Елена.—Вѣдь ты не ходишь къ вечернѣ.

Миріамъ дотронулась до своей желтой повязки. — Нѣтъ, сестра. Но скоро запрутъ ворота.

— Ахъ, я и забыла объ этомъ. А я надѣялась, что мы теперь уже всегда будемъ вмѣстѣ. Я провожу тебя, сестра.

Они взялись за руки и торопливо пошли отъ одинокой, но священной могилы.

Сумерки надвигались. Было уже совсѣмъ темно, когда они дошли до воротъ Гетто.

И едва только успѣла Миріамъ проскользнуть въ нихъ, какъ они захлопнулись съ громкимъ рѣзкимъ звукомъ и разъединили двухъ сестеръ.

---

*
* *

Ночная бабочка на свѣтъ ко мнѣ влетѣла,
Мелькала, бѣдная, кружилась надъ свѣчей;
Коснулся крылышекъ огонь—она сгорѣла
И, почернѣвшая,—лежитъ передо мной.
И вотъ вся жизнь ея... изъ тьмы на свѣтъ влеченье!
Но было, можетъ быть, въ круженьи у огня
И въ этой жгучести его прикосновенья
Для бѣдной бабочки все счастье бытія?

Н. Вильде.

С. Д. Хвощинская (Ив. Весеньевъ).

(Литературная справка).

—

«...Моимъ глазамъ представлялась необъятная занавѣсъ; ея вершина исчезала въ небѣ, а края съ обѣихъ сторонъ исчезали въ пространствѣ. Передъ занавѣсью стояли люди всего нашего губернскаго города, всѣхъ нашихъ городовъ, пригородовъ и селеній; стояла тьма тѣмъ людей и ждала. Вдругъ занавѣсъ заколыхалась; невидимая, могучая рука приподняла ея край и оттуда раздался голосъ:

— Идите въ новую жизнь.

Первые ряды дрогнули и хотѣли отступить, но позади ихъ рванулась толпа; за ней сплошной стѣной двинулись послѣдніе ряды и всѣ, общимъ, неодолимымъ напоромъ, пошли впередъ...

«Плачъ провинціала».

Имя покойной Н. Д. Хвощинской (В. Крестовскій—псевдонимъ) достаточно извѣстно въ нашей литературѣ, но мало кто помнитъ о литературной дѣятельности умершей въ молодыхъ годахъ сестры Н. Д.—Софьи Дмитріевны, писавшей подъ псевдонимомъ Ив. Весеньева *); а между тѣмъ эта писательница въ свое время обращала на себя серьезное вниманіе какъ своимъ литературнымъ талантомъ, такъ и вдумчивымъ отношеніемъ къ современнымъ явленіямъ пробуждавшейся тогда русской общественной жизни.

---

*) Литерат. дѣятельность С. Д. продолжалась съ 1857 по 1865 годъ. Вотъ перечень ея произведеній: „Знакомые люди" („Отеч. Зап." 1857, № 4), „Наслѣдство тетушки" („Отеч. Зап." 1858, № 3), „Простые смертные" („Отеч. Зап." 1858, № 9), „Изъ откровеннаго разговора" („Иллюстрація" 1858, № 13), „Браслетъ" („Иллюстрація" 1858, №№ 49 и 50), „Сельцо Лысково" („Отеч. Зап." 1859, № 5), „Зерновскій" („Библіот. для Чтенія" 1859, № 9), „Какъ люди любуются природой" („Отеч. Зап." 1860, № 2), „Біографія одного семейства" („Отеч. Зап." 1860, № 6), „Мудреный человѣкъ" („Отеч. Зап." 1861, №№ 6—8), „Городскіе и деревенскіе" („От-

И въ настоящее время, спустя тридцать слишкомъ лѣтъ, сочиненія Ив. Весеньева, утративъ жгучій интересъ современности, могутъ представить, однако, не мало любопытнаго для всѣхъ интересующихся нашимъ умственнымъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ. Какъ показанія свидѣтеля, стоявшаго на порогѣ общественныхъ преобразованій и сохранившаго намъ изображеніе настроенія русскаго, преимущественно провинціальнаго, общества той переходной поры,—сочиненія эти не лишены значительнаго интереса и поучительности и для нашего времени, когда настаетъ уже пора историческаго изученія и оцѣнки той памятной эпохи.

Далеко не всѣ повѣсти и разсказы С. Д. Хвощинской посвящены анализу современныхъ явленій общественной жизни: многія— можетъ быть, даже большинство — изъ ея произведеній, подобно первымъ литературнымъ трудамъ В. Крестовскаго-псевдонима, не выходятъ изъ узкаго круга изображенія семейной жизни, съ ея аномаліями и уродливостями, на разные лады варьируя темы объ угнетенномъ положеніи однихъ и о мелкомъ деспотизмѣ другихъ. Гораздо болѣе содержательными въ историко-общественномъ смыслѣ являются тѣ очерки, въ которыхъ авторъ рисуетъ картину проникновенія новыхъ вѣяній въ глухое провинціальное общество 50-хъ годовъ. И подобныя изображенія въ литературныхъ произведеніяхъ С. Д. Хвощинской явились не случайно, въ силу чисто безсознательной чуткости писательницы къ нарождающимся явленіямъ жизни, которыя сами наталкиваютъ художника на желаніе уловить ихъ и зарисовать, какъ нѣчто оригинальное — изображенія эти явились результатомъ ясно сознаннаго стремленія автора уяснить современному обществу настроеніе его извѣстной части въ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ его жизни и оставить въ наслѣдіе слѣдующему поколѣнію, какъ матеріалъ для исторіи развитія этого самаго общества, правдивую запись о его умственномъ и нравственномъ состояніи въ этотъ періодъ.

Такой именно взглядъ писательница сама формулировала въ слѣдующихъ словахъ:

«Не могу не обвинить моихъ согражданъ въ одной непростительной забывчивости.

«Будущее и будущее, мы готовимъ будущее, толкуютъ они. Толкуютъ это у насъ сотни дѣльныхъ и не дѣльныхъ господъ, предъ

Зап.“ 1861, №№ 8 и 9), „Воспом. институтской жизни“ („Русск. Вѣстн.“ 1861, №№ 9 и 10), „Плачъ провинціала“ („Русск. Вѣстн.“ 1861, № 11), „Кое-что изъ нашихъ нравовъ“ („Отеч. Зап.“ 1862, № 7), „Земныя радости“ („Отеч. Зап.“ 1862, № 8), „Выставка въ акад. художествъ“ („Отеч. Зап.“ 1862, № 10), „Домашняя идиллія недавняго времени“ („Отеч. Зап.“ 1863, №№ 8—12), „Къ вопросу о женскомъ трудѣ“ („Отеч. Зап.“ 1863, № 12), „Провинціальный „bon genre“ и „mauvais genre“ (Библіот. для Чт.“ 1864, № 4), „Наша городская жизнь“ („Библіот. для Чт.“ 1864, № 5), „Маленькія бѣды“ („Библіот. для Чт.“ 1865, № 3).

которыми мы, старые, неумѣющіе толковать, смиренно прижимаемся въ уголъ. Но вы, наши господа, прочитали тьму темъ книжекъ; десятки изъ нихъ заваливаютъ нынче редакціи повѣстями, обличеніями, бѣглыми замѣтками, серьезными статьями. Они не подумали о главномъ: что *грядущему поколѣнію, для яснаго взгляда на прошлое, необходимо будетъ знать, что такое въ самомъ дѣлѣ было наше настоящее общество?*

«Драгоцѣнная минута, когда схватить общество живьемъ подъ перо могъ всякій, кто умѣетъ связать двѣ буквы,—эта минута пропущена безвозвратно. Да, было мгновеніе, когда весь русскій міръ, отъ крестьянскаго ребенка, мужика и бабы, отъ лакея до мѣщанина и купца, отъ двухдушнаго помѣщика до свѣтлѣйшаго тысячедушнаго князя, когда мы всѣ, всѣ русскіе люди, первымъ неудержимымъ движеніемъ, первымъ восклицаніемъ откровенно высказались на лицо. Это было тогда, когда по селамъ развозили «волю». Почему же тѣ особенно, кому выпалъ невыразимо счастливый жребій развозить эту святую волю—почему же они не записали ничего или записали однѣ крошки? Неужели потому, что ихъ полныя замѣтки рискуютъ лежать подъ спудомъ?.. Такъ неужели авторская слава при жизни намъ дороже, чѣмъ будущее благо отечества?» («Плачъ провинціала»).

Дѣлая такой упрекъ своимъ современникамъ, писательница сама, по мѣрѣ силъ, старается служить намѣченной ею цѣли. А разъ дѣло поставлено такъ, то тѣмъ болѣе имѣютъ права на вниманіе со стороны нашего поколѣнія произведенія автора, который сознательно ставилъ себѣ цѣлью — накопленіе матеріала для облегченія послѣдующему поколѣнію его работы надъ уясненіемъ хода общественнаго развитія въ предшествующіе годы.

Въ какомъ же видѣ представлялось нашему автору идейное состояніе провинціальнаго общества, пробужденіе котораго приходилось ему наблюдать? Особенно оптимистическихъ иллюзій касательно характера этого пробужденія наблюдатель не питаетъ, не признавая въ этомъ пробужденіи для описываемаго общества явленія существенно новаго, а, наоборотъ, приравнивая увлеченіе новыми культурными вѣяніями къ прежнимъ неглубокимъ и поверхностнымъ усвоеніямъ модныхъ идейныхъ движеній — даже безъ особенной заботы проникнуть въ эту ихъ идейную сторону, а ограничиваясь больше усвоеніемъ ихъ внѣшности.

Такова одна изъ характерныхъ чертъ воззрѣній С. Д. Хвощинской—скептицизмъ въ отношеніи наблюдаемаго въ жизни провинціи пробужденія общественнаго сознанія.

Наблюдатель не довѣряетъ первому впечатлѣнію, которое способно представить близкій къ намъ предметъ не пропорціонально большимъ; отсюда — сдержанное отношеніе къ совершающимся событіямъ, попытка поставить себя въ положеніе позднѣйшаго наблюдателя этихъ событій, вдвинуть факты современной жизни, для бо-

дѣе правильной ихъ оцѣнки, въ рамки исторической перспективы, связать ихъ съ аналогичными явленіями историческаго прошлаго. Наше общество — хочетъ сказать авторъ — долго было слишкомъ чуждо подобнымъ идеямъ и стремленіямъ, чтобы вдругъ могло коренным образомъ измѣниться и глубоко проникнуться ими: въ его прошлой жизни нѣтъ данныхъ, которыя бы ручались за его подготовленность къ этому глубокому усвоенію совершенно чуждыхъ ему доселѣ началъ. Самая быстрота и горячность увлеченія новымъ движеніемъ и заставляетъ нашего автора относиться съ сомнѣніемъ къ прочности и устойчивости этого увлеченія: въ этомъ спѣшномъ, лихорадочномъ хватаньи за все новое не сказывается ли отсутствіе умственной самостоятельности, способности серьезнаго сосредоточенія на чемъ бы то ни было? «Есть расы необыкновенно одаренныя, съ чуткимъ слухомъ ко всему новому, мягкія при обработкѣ, терпѣливо и покорно переносящія страданія при обработкѣ, лишь бы ихъ усовершенствовали. Таково, можно сказать, отчасти населеніе нашего необозримаго отечества — таковъ, особенно въ этомъ населеніи, нашъ высшій, такъ называемый благородный классъ» *). Исторически видимость увлеченія объясняется тоже очень просто: все это — въ другой формѣ — не разъ уже бывало, и по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Здѣсь открывается просторъ для самыхъ неожиданныхъ сопоставленій изъ далекаго и недалекаго прошлаго провинціальной жизни; все копируется въ ней исправно и добросовѣстно: и жеманная культура салоновъ прошлаго вѣка, и мистицизмъ александровскаго времени съ масонствомъ, и безшабашное гусарство въ пору военнаго патріотизма, и байронизмъ — все послѣдовательно смѣняло одно другимъ, какъ-то удивительно прививаясь, при всемъ своемъ несходствѣ, къ одному и тому же обществу. Разгадка несложна: общество, въ сущности, нисколько не мѣнялось, и всѣ указанныя увлеченія проходили для него совершенно безслѣдно, нисколько не вліяя на его характеръ. Воспринималась одна внѣшность, которую легко было оставить и замѣнить чѣмъ угодно новымъ.

«Пріѣзжалъ ли на покой въ свои маятности какой нибудь вельможа екатерининскаго времени, и вотъ, немного погодя, въ околодкѣ кто только изъ помѣщиковъ удостоивался знакомства и обѣда вельможи, тотъ самъ уже немного начиналъ походить на вельможу. И камзолъ такъ же сидитъ, и осанка та же, и поступь, и на рабовъ взглядъ сіятельный, и самые рабы, Терентій буфетчикъ и Сидорка доѣзжачій, начинали смахивать на буфетчика и доѣзжачаго вельможи. Положимъ, съ иныхъ впечатлѣніе сходило скоро и безслѣдно, но были и такіе, которые удерживали на всю жизнь хотя какой нибудь пріемъ, какую нибудь крошечную привычку, скопированную съ высокаго образца. Пріѣзжалъ ли точно также на житье въ де-

*) Провинціальный „bon genre“ и „mauvais genre“.

ревню, или въ городъ, отставной павловскій служака, и скоро всякій, входившій съ нимъ въ близкія сношенія, принималъ оттѣнокъ марціальности. Эмигранты тоже не побывали у насъ даромъ; мистицизмъ, бывшій въ свое время въ ходу въ столицахъ, масонство, тоже не прошли мимо насъ: у эмигрантовъ мы переняли тонкость обращенія съ дамами; у мистиковъ и масоновъ — если не узнали, что такое мистицизмъ и масонство, то, по крайней мѣрѣ, заимствовали для физіономій выраженіе непроницаемости тайны, глубокого раздумья, которыя придавали своего рода интересность въ глазахъ общества. Когда побѣдоносная наша молодежь вернулась изъ за границы и разсыпалась по родимымъ городамъ, она дала также цвѣтъ и направленіе всему, что пожелало научиться быть людьми какъ слѣдуетъ. «Кто не кутила, тотъ баба»—сказано было желающимъ,—и тотчасъ наши, сидѣвшіе по угламъ, помѣщики и служащій благородный классъ, и старъ, и младъ, всѣ съ необычайной способностью и готовностью подравнялись къ великимъ образцамъ. Тогда настало блестящее время какого-то всеобщаго гусарства, съ банкометами и разливаннымъ моремъ вина, а когда, немного времени спустя, появились переводы «Паризины», «Абидосской невѣсты», то къ гусарству прибавился еще байронизмъ передъ барышнями.. Маленькихъ Байроновъ, копировавшихъ по возможности и физіономію, и пріемы оригинала, было немного, главное потому, что дѣло было трудное, но за то разочарованныхъ явилось по провинціямъ тьма. Кто изъ нынѣшнихъ папенекъ, приближающихся къ своему шестому десятку, не былъ тогда разочарованъ? И хотя въ родныхъ степяхъ нельзя было найти ничего похожаго на то, что окружало Чайльдъ Гарольда и настраивало его на разочарованіе, но всетаки, нынѣшніе сѣденькіе старички, тогдашніе юноши, вмѣняли себѣ въ свѣтскую обязанность быть разочарованными во всемъ, и преимущественно въ женщинахъ. Они ни въ чемъ, слава Богу, не были разочарованы, и не теряли ни одного изъ тѣхъ аппетитовъ, которыми щедро надѣленъ здоровый русскій степнякъ,—но сантиментальная грусть во взорѣ была необходима. Потомъ, чайльдъ-гарольдовскіе пріемы замѣнились типомъ изящества болѣе намъ близкаго и родного: настало время хорошенькихъ и слегка свирѣпыхъ офицеровъ вродѣ Амалатъ-бека. Байронизмъ въ лицѣ статскихъ стушевался, давъ просторъ красѣ воинской. Потомъ стушевались и эти... Такъ вотъ въ самомъ краткомъ очеркѣ, въ самомъ небольшомъ количествѣ примѣровъ уже доказательство того, какъ мы способны быстро усвоивать себѣ все хорошее». («Провинціальный «bon-genre» и «mauvais genre»).

При такомъ положеніи дѣлъ можно ли разсчитывать на успѣхъ начинаній? Но по внѣшности, судя по тому рвенію, съ какимъ принимались за новое дѣло, по временамъ казалось, можно было дать на этотъ вопросъ отвѣтъ утвердительный. По видимости увле-

ченіе дѣломъ представлялось достаточно сильнымъ, чтобы отъ него ожидать серьезныхъ положительныхъ результатовъ.

«Мнѣ вообразилось, что возбужденныя «вопросомъ» страсти и новыя понятія, съ теченіемъ времени, непремѣнно примутъ въ нашемъ губернскомъ обществѣ громадные размѣры. Мнѣ вообразилось, что мы, какъ могучіе львы, выйдемъ изъ своихъ берлогъ, проникнутые до мозга костей вѣрой въ свое право на добычу...

«Потомъ вообразилось мнѣ совсѣмъ иное. Мы бурные кони и летимъ, попирая копытами новую дорогу, летимъ, угадывая желаніе возничаго, летимъ быстрѣе, чѣмъ могъ бы ожидать онъ... Вдругъ, бѣшенымъ порывомъ мы повернули назадъ, на старый путь, уперлись и стали, какъ вкопаные...

«Но страшные образы исчезли скоро, по здравомъ размышленіи. Я очнулся и взглянулъ вокругъ себя. Звѣри мы были вовсе некрупные; кушать добычу живьемъ—у насъ дѣло вовсе не врожденное: мы любили только повалять ее, потрепать, поистомить и пососать немножко... А что до коней, кони мы оказывались тоже не бурные».

Таковъ основной мотивъ сатирическаго очерка «Плачъ провинціала», въ которомъ Весеньевъ устами сторонника добраго стараго и спокойнаго времени разсказываетъ о треволненіяхъ, посѣтившихъ ихъ городъ съ проникновеніемъ въ него новыхъ вѣяній.

Изъ подъ маски наивнаго и простодушнаго разказчика то и дѣло проглядываютъ, однако, черты автора-сатирика. Хорошо было прежнее время, покойно жилось тогда, оттого что общество тогда представляло «отрадное зрѣлище плоскости, вымѣренной по ватерпасу». Въ основѣ такого порядка вещей лежало убѣжденіе, что «большіе размѣры слишкомъ лѣзутъ въ небо и потому вредны для общества». Оттого и власть имущіе оказывались все приземистаго свойства и маленькіе подровнялись тѣмъ, что постоянно находились на вытяжкѣ.

Новыя времена—новые порядки, и благонамѣренный ревнитель старины съ ужасомъ видитъ какія-то перемѣны, совершающіяся съ обывателями его родного, прежде столь невозмутимо мирнаго и безстрастнаго города.

И вотъ, перепуганный этимъ противникъ общественной логики направляется за утѣшеніемъ къ одному городскому мудрецу.

— Что съ нами? что съ нами? спросилъ я.

— Ничего, отвѣчалъ мудрецъ,—такъ, новую пѣсенку услыхали да какъ чижи и повторяютъ. Слова одни... У насъ народъ умный, всякому дѣлу ждетъ приказа «оттуда»; велятъ всѣмъ пѣть—и запоемъ, велятъ все ломать,—ну, сломаемъ. А эти задорные... Случись теперь, не шутя, какое дѣло, ломка, что-ли,—изъ нихъ половина чикъ-чикъ и въ кустъ... Да и ломки никакой не можетъ быть».

Пошелъ тогда убѣжденный врагъ нововведеній по городу—мнѣнія собирать, гдѣ какія есть на счетъ «новыхъ порядковъ». Мнѣ-

нія были разныя, но выводъ получался, въ общемъ, нѣсколько успокоительный: относились къ новымъ вѣяніямъ по разному, но особенной активностью ничье отношеніе не грѣшило. Въ концѣ концовъ, всѣ способы отношеній сводились къ четыремъ типамъ:

1) Если дали работу, то нечего дѣлать—надо работать.

2) Сидѣть у моря и ждать погоды.

3) Ничего изъ «этого» не будетъ.

4) «Этого» вовсе не будетъ.

Нашъ консервативный наблюдатель избираетъ для себя второй способъ сидѣнія и выжиданія, и терпѣніе его блистательно вознаграждается.

Проходитъ время, волненіе стихаетъ, и другъ тишины и стариннаго положенія вещей съ радостью видитъ, что гроза миновала, только нашумѣвши, но не причинивъ никакого зла любезной его сердцу традиціи. «Прежнія фразы о гуманности и безкорыстіи, о равнодушіи къ своему добру и карману—почти исчезли у насъ. Признаюсь, это меня сильно радуетъ. Дуренъ я, такъ дуренъ, сердитъ я, такъ сердитъ,—по моему, ужъ лучше этотъ откровенный цинизмъ; при немъ, по крайней мѣрѣ, знаешь, какъ вести съ человѣкомъ дѣло. Теперь наши «заинтересованные люди», недавніе фразеры, стали опять откровенны».

Вотъ это-то лицемѣріе и ложь—подчасъ довольно наивную и даже безсознательную—и разоблачаетъ, и бичуетъ сатирикъ. Понабравшись по наслышкѣ модныхъ передовыхъ идей, новые адепты ихъ постарались увѣрить и другихъ, и самихъ себя, что они уже давно тосковали по открывшейся имъ теперь истинѣ, только не сознавали ясно, чего имъ было нужно. Такимъ образомъ свою прежнюю скуку, происходившую отъ пресыщенности и пошлости жизни,—заднимъ числомъ объясняли тоской по идеалу.

«О, если бы теперь, чрезъ десять лѣтъ, каждый изъ насъ сознался такъ просто, какъ я, безъ лжи и не кривя душой, и не перерядилъ бы свое «скучно» въ какую-нибудь прошлую, возвышенную тоску! Вся скука была—пустой карманъ, не удавшаяся интрига, проигрышъ въ клубѣ, семейная исторія. А у тѣхъ, кто не страдалъ ничѣмъ подобнымъ, скука была отъ желанія наслажденій въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, желанія милліона, кутежа на широкую руку, того, чего не давала судьба и для чего было мало губернскаго простора. Право, мы только отъ безденежья скучали. Право, не оттого, что на улицахъ сто безграмотныхъ на одного грамотнаго, что нѣтъ воскресныхъ школъ на каждомъ перекресткѣ и университета на нашей Дворянской улицѣ, что наша пожарная команда плоха, а полиція крадетъ, что крадутъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Мы скучали не оттого, что въ литературѣ стояла тьма кромѣшная, не отъ мечтаній о несуществовавшей гласности, не отъ фантазіи о о необходимости разныхъ реформъ, о томъ, что хорошо было бы завести у насъ такія вещи, какія въ ходу за моремъ. Право, мы

этого не думали. Мы теперь, через десять лѣтъ, клевещемъ на себя, будто мы это думали. И многіе изъ моихъ согражданъ (къ несчастію, я это слышу) кичатся своею тогдашнею скукой, какъ будто она происходила именно отъ недостатка въ вышеупомянутыхъ и тому подобныхъ благолѣпіяхъ порядочно устроеннаго общества. И какъ искренно хвалятся они! Ужъ не повѣрить ли, чтобъ помириться съ ними? не рѣщить ли, что десять лѣтъ назадъ была не одна, а двѣ скуки,—одна для вида, а другая про себя, въ глубинѣ души, даже несознаваемая, скука пророческая о неурядицахъ нашей родины?»

Но общественное прошлое не только не подготовляло общества къ серьезному воспріятію новыхъ началъ, а, напротивъ, представляло нѣчто діаметрально-противоположное этому новому и въ дальнѣйшемъ развитіи общества, подъ внѣшнимъ увлеченіемъ новыми формами, по прежнему уцѣлѣло старое содержаніе.

Иллюстраціи этого положенія посвященъ очеркъ «Кое что изъ нашихъ нравовъ».

Нравы эти могутъ быть характеризованы весьма просто: рѣшительное отсутствіе какой бы то ни было нравственной дисциплины и полнѣйшій произволъ.

«Мы что хотимъ, то творимъ»—вотъ издревле девизъ нашего общества. Онъ начертанъ надъ всѣми нашими жилищами въ городахъ и селахъ. Въ послѣднее время, отъ крутой перемѣны погоды, девизъ началъ немножко линять и рельефныя буквы немножко стираться, но еще очень немножко»... Окончательно разстаться съ нимъ наше общество не желаетъ, мотивируя это нежеланіе неразумностью столь крутого перелома.

«На себѣ, на человѣкѣ, царѣ всего живущаго, in anima vili, попробовать пословицу: «не все коту масляница, бываетъ и великій постъ»—но вѣдь это нелѣпое убійство плоти».

Такое лирическое изліяніе подкрѣпляется и подобающими аргументами: «во первыхъ, котъ коту рознь, не только человѣкъ человѣку. Какъ кого взыщетъ судьба! Иной котъ вѣкъ свой обреченъ маяться въ худомъ тѣлѣ, а другой жирѣетъ на лежанкѣ и ѣстъ блины, даже не въ скоромное время. Во вторыхъ, крупному звѣрю даны и крупныя силы; онъ не виноватъ, если душитъ маленькихъ звѣрей, живетъ на ихъ счетъ, забираетъ больше простора и не ограничиваетъ себя. Такъ и человѣкъ, котораго поищетъ судьба—не идти же ему противъ природы. Сколько кому дано силъ, тотъ ими и пользуется. И, вслѣдствіе этого, конечно, всякъ «твори, что хочешь».

Таково было положеніе дѣлъ раньше; такимъ же, въ большинствѣ случаевъ, продолжаетъ оно оставаться и теперь; но есть, повидимому, исключенія... Вотъ въ томъ-то и суть—возражаетъ нашъ авторъ—что все это только «повидимому». Мнимыя исключенія отлично укладываются въ общія рамки.

Въ лагерь сторонниковъ новыхъ взглядовъ, каждый день, на призывъ новаго голоса, являются перебѣжчики. Ихъ даже очень много; мудрые люди могли бы радоваться. Кажется, побѣда свѣта надъ тьмою готова. Но мудрые люди не радуются: они вдругъ повѣсили голову...

«Почему? Потому что мы, перебѣжчики, захватили съ собою изъ прежней жизни одинъ запасецъ, который имъ не по сердцу. Странно, мы вовсе не хотѣли брать его съ собою; мы прокляли его вмѣстѣ съ произволомъ—а, между тѣмъ, взяли. Этотъ запасецъ—ублаженіе...

«Насъ, творцовъ будущей, такъ сказать, преобразованной блажи можно, покуда, перечесть поголовно, и труды наши только въ зародышѣ, но они принесутъ свои несомнѣнные плоды. Стоитъ только пристально взглянуть на наши начатки и вслушаться въ наши рѣчи».

Остатки старыхъ замашекъ сатирикъ усматриваетъ въ наклонности безъ нужды бросаться въ крайность, въ самоувѣренной готовности рѣшать съ плеча самые сложные вопросы. Таковы крайности въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ по женскому вопросу: мы еще не знаемъ, что возможно и невозможно женщинамъ и что вообще законно и незаконно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ негодуемъ на прежнее стѣсненіе женщины, что, растерявшись при какомъ-нибудь щекотливомъ случаѣ, наконецъ, по-просту говоримъ женщинамъ: «дѣлайте все, что хотите; въ самой натурѣ человѣка лежитъ оправданіе его поступковъ».

Здѣсь, очевидно, авторъ имѣетъ въ виду крайности проповѣди о свободѣ индивидуальнаго развитія, но именно «развитія», а не предоставленія нравственныхъ эмбріоновъ самимъ себѣ. Весеньевъ менѣе всего консерваторъ, онъ только не утопистъ мечтатель, питающій розовыя надежды на лучшее будущее. Иное дѣло идеалы и иное—мечтанія. Люди серьезнаго дѣла, серьезно смотрѣвшіе на задачи своей дѣятельности, мало склонны были убаюкивать себя грезами и трезво смотрѣли на совершающееся передъ ними, не скрывая отъ себя всѣхъ его отрицательныхъ сторонъ.

Крайности отмѣчаетъ Весеньевъ и въ отношеніяхъ къ молодому поколѣнію, въ вопросахъ его развитія и общественной подготовки.

«Вслушайтесь, что многіе изъ нашихъ лучшихъ, образованныхъ людей говорятъ теперь о дѣтяхъ. Вспоминая свое горемычное или забитое дѣтство, они заходятъ до полнаго уничтоженія своей личности. Они начинаютъ такъ: «Дайте ребенку развиваться изъ самого себя, въ полной свободѣ. Не навязывайте ему ни вашихъ привычекъ, ни вкусовъ, ни вашихъ понятій; пусть это будутъ новые люди, а не наша копія». Вступленіе дѣльно, но тотчасъ же является и крайность. Отъ страха какъ нибудь не уничтожить это «новое», еще совсѣмъ неопредѣленное, чего они желаютъ

отъ своихъ дѣтей, они не останавливаютъ ихъ и отъ дурного, которое, по старымъ понятіямъ, даже совсѣмъ очевидно. Они отрекаются вполнѣ отъ своей опытности, отъ своей полезности, отъ всего богатаго наслѣдія, которое до сихъ поръ лучшіе отцы считали необходимымъ передать своимъ дѣтямъ. Они разрываютъ связь между поколѣніями, признавая одно ненужнымъ для другого, и, слѣпо вѣруя въ силы новаго поколѣнія, учатъ его полному, самонадѣянному произволу въ будущемъ».

Такимъ образомъ, «ублаженіе» проявляется въ разнообразныхъ формахъ. Далѣе авторъ отмѣчаетъ одну изъ любопытнѣйшихъ въ общественно-культурномъ смыслѣ крайностей новаго направленія— крайнія увлеченія «народномъ». Авторъ очерка нисколько не высказывается противъ самаго направленія, но нельзя не отмѣтить и здѣсь его трезваго взгляда на вещи — съ одной стороны, и недюжинной проницательности—съ другой: статья написана въ 1862 г., когда крайности новаго направленія далеко еще не успѣли въ достаточной степени опредѣлиться. «Вслушайтесь, наконецъ», продолжаетъ Весеньевъ, «что многіе лучшіе люди говорятъ теперь о простомъ народѣ. Видъ нашего собственнаго, дворянскаго общества повергъ ихъ въ такое отчаяніе, что они вышли изъ всякой мѣры. Только въ одномъ простомъ народѣ видятъ они будущія дѣятельныя силы; только отъ него ждутъ обновленія общества, только въ народѣ видятъ мудрость и здравый смыслъ. Въ чемъ эта исключительная мудрость и здравый смыслъ—никто еще вполнѣ не дознался, но все равно. Въ будущемъ они уступаютъ народу не только свое первенство, но желали бы сами уничтожиться совершенно. Покуда, они сознаютъ за собою одно преимущество — это грамотность. И съ какой любовью, съ какимъ благороднымъ рвеніемъ спѣшатъ они передать народу сокровище знанія! Но за то, сколько и крайности въ этой любви и въ этихъ заботахъ! «Мы ничего не навяжемъ народу, говорятъ одни:—никакихъ примѣровъ отъ нашей жизни, никакихъ нашихъ понятій, никакой морали. Что мы такое предъ его могучимъ умомъ, полнымъ юной силы? Всѣ мы, безъ исключенія, гниль и мертвецы, и пусть народъ презритъ нами и возьметъ отъ насъ только то, что должно: нашу азбуку и наши дважды два—четыре».—«Народъ—это сама добродѣтель; въ немъ все свято и непогрѣшительно», вѣруютъ другіе, и, готовясь учить бѣдный народъ, готовятся льстить ему и развивать его гордость до послѣдней степени. Третьи—кроткія, любящія и мечтательныя души, мучатся, изыскивая средства, какъ бы облегчить меньшей братьи путь къ наукѣ. Все, что было до сихъ поръ въ ихъ собственномъ воспитаніи даже дѣльно стѣснительнаго, охраняющаго, все, что было справедливо взыскательнаго, строго усидчиваго въ трудѣ—все они заклеймили названіемъ притѣсненія и рабства. Въ своихъ поискахъ облегчить и облегчить, они не замѣчаютъ, что крайнее облегченіе нравственныхъ силъ только разслабляетъ

эти силы, лишая их здороваго упражненія; они сами не видятъ, что отучаютъ народъ уже не отъ школьныхъ побоевъ, но отъ благоговѣйнаго страха къ наукѣ, уваженія къ труду—отъ великихъ добродѣтелей, которыя давали намъ въ прошедшемъ людей знаменитыхъ. Они не предполагаютъ, что, вмѣсто серьёзности, создаютъ легкомысліе... Все это и вышеупомянутое, не есть ли чистѣйшее ублаженіе и воспитаніе въ блажи?...»

Итакъ, крайности новаго направленія обнаружили такую психологическую подкладку, которая свидѣтельствуетъ, что нравственная физіономія общества мало измѣнилась, его привычки, его способы отношенія къ дѣлу остались, въ сущности, прежними...

Обрисовыя въ конкретныхъ образахъ представителей этой переходной поры, одной ногой стоящихъ еще на старой почвѣ и въ то же время спѣшащихъ другую поставить на новую почву, Весеньевъ даетъ нѣсколько очень живыхъ типовъ. Это люди, своимъ воспитаніемъ, привычками, вкусами, наклонностями сросшіеся съ отживающей обстановкой, но стремящіеся приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Они какъ бы чувствуютъ инстинктивно, что въ борьбѣ за существованіе единственное для нихъ спасеніе—это прилѣпиться къ новому теченію; но въ то же время имъ не подъ силу и отрѣшиться отъ самихъ себя, подвергнуть себя коренной нравственной ломкѣ. Въ результатѣ—невообразимая путаница идей и понятій, попытка совмѣщенія самыхъ несогласимыхъ элементовъ. Таковъ общественный типъ, характерный для даннаго переходнаго культурнаго момента, изображенный въ повѣстяхъ Весеньева.

Типъ такого мнимаго перебѣжчика изъ лагеря представителей былого «ублаженія» являетъ собою герой повѣсти «Городскіе и деревенскіе», Овчаровъ.

Этотъ помѣщикъ рѣшаетъ измѣнить своему обыкновенію ѣздить на воды за границу и поселиться въ деревнѣ, потому что «въ виду хозяйственныхъ реформъ, какъ ни драгоцѣнно здоровье, а было бы нелѣпо уходить изъ дому». Жертвуя этимъ своимъ драгоцѣннымъ здоровьемъ, великодушный герой является въ деревню. Ночь, проведенная въ коляскѣ за отсутствіемъ достаточно комфортнаго помѣщенія, едва не поколебала самоотверженнаго порыва этого «дѣятеля»; онъ ужъ собрался было «уѣхать въ губернскій городъ и пожаловаться тамъ, сколько кому будетъ можно, что вина судьбы, а не его, если онъ не выполнилъ рѣшительнаго желанія принять участіе въ начинающихся реформахъ». Но дѣло улаживается: всѣ мелочи комфорта выписаны и доставлены, и довольный собою герой въ письмѣ къ пріятелю умиляется собственному самопожертвованію: «это—доказательство нравственныхъ силъ, самоотверженія потому что половина жертвы совершается въ видахъ пользы, которую уже одно мое присутствіе можетъ сдѣлать окружающему. Пусть подумаютъ

объ этомъ наши передовые люди и, взявъ съ меня примѣръ, не погнушаются забиться въ глушь».

Въ чемъ же состояло дѣло, которое дѣлалъ «передовой человѣкъ», и польза, какую онъ приносилъ? Дѣло началось съ заботъ объ умственномъ просвѣщеніи мужиковъ путемъ вразумленія ихъ мудрыми поученіями. «Онъ разговаривалъ съ мужиками, толкуя имъ «Положеніе». Толкованія эти были чрезвычайно разнообразны, и разнообразіе это, тѣмъ болѣе, что къ нему примѣшивался то поэтическій, то политическій элементъ, натурально вызывало сомнѣніе и недоумѣніе въ головахъ слушателей. Недоумѣніе, въ свою очередь, утруждая головы, порождало въ нихъ упрямство, а противъ упрямства Овчаровъ долженъ былъ искать въ себѣ новыя нравственныя силы. Онъ трудился, ораторствуя, волнуясь, уставая, и къ концу недѣли, къ будущему устройству въ Березовкѣ еще ничего не было рѣшено».

Впрочемъ, по временамъ самъ просвѣтитель впадаетъ въ сомнѣніе, слѣдуетъ ли еще просвѣщать мужиковъ: «мужикъ такъ уменъ, какъ мы и не подозрѣваемъ. Мы лѣземъ его учить съ нашей скороспѣлой мудростью—этакій вздоръ!—да онъ насъ самихъ научитъ».

Всѣ эти усердія героя кончаются, понятно, ничѣмъ: народолюбецъ уѣзжаетъ вновь за границу. «Березовку свою (проклявъ ее, наконецъ, подъ другимъ именемъ въ одной статьѣ, которую еще успѣлъ написать)—эту Березовку онъ бросилъ и отрясъ прахъ сапоговъ своихъ, то есть забросилъ ее нравственно, отторгъ отъ нея свое сердце; матеріально же онъ ее устроилъ, начертавъ, наконецъ, проектъ будущихъ своихъ отношеній къ жителямъ».

Въ неудачѣ онъ, конечно, винитъ не себя, а неразвитость края, отъ которой «цвѣтъ нашихъ лучшихъ людей принужденъ покинуть родное пепелище».

Но не на одномъ поприщѣ народолюбія подвизается Овчаровъ; онъ еще ревностный сторонникъ женской эмансипаціи. Задумывая статью на тему, чѣмъ же должна быть у насъ женщина, онъ даетъ отвѣтъ весьма широкій: «покуда—всѣ, отъ святой до развратной, всѣ намъ нужны, и даже не одной отрицательной пользой. Время переходное; въ немъ каждый элементъ необходимъ и требуетъ сохраненія». Въ его разсужденіяхъ о женскомъ вопросѣ изъ подъ маски ультра-прогрессиста противъ воли такъ и сквозятъ черты старенькаго эстетика: онъ скорбитъ, что новыя женщины утрачиваютъ «поэтическій колоритъ».

И вотъ проповѣдникъ женскихъ правъ начинаетъ флиртъ съ простенькой провинціальной барышней, рекомендуетъ ей освобожденіе отъ предразсудковъ и, въ заключеніе, цѣлуетъ ее. Но барышня сумѣла пристыдить героя, который, въ нѣкоторомъ смущеніи, началъ размышлять про себя: «слишкомъ мы добры, слишкомъ нанюхались демократическаго духу, сами очумѣли и вздумали равнять васъ съ собою. Ну, народъ, куда ни шло, это — сила... Но

возводить до себя, сажать себѣ на носъ, учить уму разуму, вниманіе оказывать, тратить свое чувство на эту гнилую мелюзгу, на это полубарство, полумѣщанство, которому не то что жить, которое придушить надо... Дураки мы, безсребренники мы невинные... Хоть бы унялись то мы во время».

И дѣйствительно, имъ лучше всего «уняться»; они по недоразумѣнію попали въ чужой лагерь, старались приладиться къ новому теченію; ихъ мѣсто «по ту сторону», тамъ все подходитъ къ ихъ нравственному складу. Полнѣйшая непригодность старыхъ мѣховъ для вмѣщенія новаго вина вскрыта слишкомъ осязательно.

Они способны не общественное дѣло дѣлать, а только «ублажать» себя. Не зачѣмъ было имъ и брать на себя фикцію общественнаго дѣла и переносить въ него пріемы того же «ублаженія». Но это еще лицемѣры, въ значительной степени, безсознательные, стремящіеся подладиться къ новымъ прогрессивнымъ теченіямъ.

Другой типъ плевелъ переходной поры—типъ хищный, сознательно старающійся натянуть на свои волчьи вожделѣнія личину прогрессивныхъ стремленій. Тутъ ублаженіе уже не инстинктивное; оно теперь въ благовидномъ свѣтѣ возведено въ теорію, въ своего рода систему.

Вотъ, напримѣръ, молодой Брезжинъ, герой повѣсти «Сельцо Лысково». Онъ затѣваетъ тяжбу, отнимаетъ имѣніе у простой, необразованной, но доброй старухи помѣщицы, оправдывая свой образъ дѣйствій высшими соображеніями: «имѣніе будетъ не въ худшихъ рукахъ... это имѣніе, которое теперь, навѣрное, служитъ одному деспотизму безграмотной барыни, принесетъ хоть когда нибудь, хоть разъ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ на свѣтѣ, современную пользу: поможетъ хоть одному образованному человѣку пробиться на свѣтъ Божій»... Но вотъ тяжба выиграна, имѣніе отнято, и въ головѣ «образованнаго человѣка» на минуту мелькаетъ мысль улучшить какъ нибудь свое новое пріобрѣтеніе, но только на минуту, замѣнясь сейчасъ же скепсисомъ на счетъ такихъ прекраснодушныхъ затѣй. «Улучшить»! проговорилъ Брезжинъ, будто продолжая прежнюю и давно начатую мысль: «улучшить»! Онъ зѣвнулъ. «Но всей жизни всего нашего поколѣнія не достанетъ, чтобы истребить только одну плѣсень, и видимую и невидимую, которую завѣщало намъ старое поколѣніе! Мы должны, говорятъ, трудиться для потомства: но когда жъ наслаждаться? За что же на насъ однихъ должно упасть все иго работы? Славная перспектива!... Моралисты начинаютъ рекомендовать ее намъ тогда, когда сами съѣдятъ зубы на сладостяхъ сего міра. Благодарю за мораль! Нѣтъ, пусть ужъ за мною потрудятся и меньшіе».

Воодушевленный такими идеями, герой доводитъ село до обнищанія. Но это его нисколько не смущаетъ: онъ не затрудняется подыскать *опять* теоретическія основанія для такого отношенія къ дѣлу. Когда *знакомый* насмѣшливо намекаетъ ему на предполагав-

шіяся «улучшенія», Брезжинъ ему отвѣчаетъ: «неужели вы не понимаете, что молодое дѣло, молодыя страсти, сжатыя много лѣтъ бѣдностью, лишеніями, трудомъ науки, послушаніемъ всемірной опекѣ, наложенной на юность, что это тѣло, этотъ духъ можетъ должень, наконецъ, искать себѣ простора, счастья, вольной жизни».

Съ подобной аргументаціей едва ли можно спорить; прежнее «ублаженіе» вступило въ новый фазисъ, взявъ отъ новаго времени только умѣніе сплести теоретическую апологію своему паразитизму.

Такимъ образомъ, среди общества, подававшаго самыя свѣтлыя надежды на дальнѣйшее прогрессивное развитіе, талантъ Весеньева, какъ бы заглядывая въ будущее, останавливался на прототипахъ будущихъ щедринскихъ героевъ.

Намѣченъ, наконецъ, у Весеньева и возникшій на почвѣ помѣщичьяго оскудѣнія, разработанный позднѣйшей литературой, типъ кулака Разуваева, въ лицѣ приказчика Терентія Гавриловича, который, обобравши господъ, обстраиваетъ себѣ домъ, который загораживаетъ свѣтъ отъ барскихъ хоромъ, и вызываетъ у промотавшагося барина элегическое воздыханіе, что «ceci tuera cela».

На грустныхъ, элегическихъ нотахъ, на недобромъ предчувствіи оборвалась и литературная дѣятельность Ив. Весеньева. Изобразивъ плевелы своей переходной эпохи, авторъ задумался надъ вопросомъ, что-то принесетъ съ собою ближайшее будущее, что внесетъ въ жизнь новое поколѣніе.

«Да отвѣтьте же мнѣ, наконецъ, точно ли мы идемъ впередъ или только бодримся?

«Минутами кажется мнѣ, между моимъ прошлымъ и мною легло столѣтіе, такъ круто повернуло время... Глаза мои, страдая отъ поражающей ихъ мелкоты, между тѣмъ свидѣтели чуда. Вотъ мужикъ рядомъ со мной, и мы отвѣчаемъ оба... Я гляжу на мужика, на себя... и тысячи мыслей, то благодатныхъ, то ужасныхъ, набѣгаютъ въ мою душу...

«А въ сторонѣ, отпѣвъ насъ всѣхъ какъ мертвецовъ, неудержимо мчится молодое поколѣніе, наши сыновья, наши юные братья... Мчатся, подгоняемые и нашею, отцовскою любовью, и нашею предательскою лестью, и нашею старческою злобой на ихъ расцвѣтающія силы...

«Посмотрите сквозь туманъ, крупное ли ростетъ наше юное племя»?

Дальнѣйшая исторія нашего общества дала практическій отвѣтъ на этотъ вопросъ о поколѣніи, выступившемъ на смѣну шестидесятникамъ, и показала, что было основательнаго въ тревогахъ и горькихъ сомнѣніяхъ Ив. Весеньева.

Н. Демидовъ.

Въ тюремной школѣ.

Мнѣ хочется разсказать о впечатлѣніяхъ, мысляхъ и чувствахъ, случайно пережитыхъ во время короткаго моего пребыванія въ одномъ маленькомъ, глухомъ городѣ Сибири.

Это было года три тому назадъ. Помню то унылое, безотрадное чувство, которое охватило меня, когда почтовая тройка сибирскихъ лошадокъ катила меня по его пыльнымъ улицамъ. Ни садика, ни деревца, ни кустика, ни людей живыхъ... Мертвый городъ какой-то.

Затерялся онъ въ сѣрыхъ, унылыхъ степяхъ и спитъ. Спитъ подъ снѣжнымъ, пушистымъ покровомъ долгой сибирской зимы,— со своими маленькими покривившимися домиками и оконцами, отливающими на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Спитъ со своей большой базарной площадью, мѣстами поросшею травкой, съ высокой пожарной каланчой, съ лѣнивымъ лаемъ собакъ и соннымъ постукиваніемъ ночныхъ сторожей въ колотушки. Спитъ въ осенней и весенней невылазной грязи, когда на улицахъ порой души живой не встрѣтишь. Пусто, уныло, мертво...

И среди этой внѣшней спячки, среди бѣдной внѣшними впечатлѣніями жизни, встрѣтила я небольшую горсточку живыхъ людей, сумѣвшихъ сберечь въ своей душѣ и огонекъ, и жажду хорошаго дѣла, и вѣру въ него. Они не поддались сѣренькой, будничной, засасывающей, какъ тина, обстановкѣ, и благодаря ихъ дружнымъ усиліямъ, ихъ общей работѣ, встрѣтила я въ этомъ сонномъ по виду городкѣ просто изумительныя вещи. Во-первыхъ, музей, обширнѣйшій, интереснѣйшій музей, въ которомъ собрано все, относящееся къ исторіи, этнографіи края, съ богатымъ сельско-хозяйственнымъ отдѣломъ, музей, ежегодно привлекающій сюда туристовъ-ученыхъ, извѣстный Европѣ. Двери его гостепріимно открыты для всѣхъ, еженедѣльно ведутся объяснительныя, доступныя бесѣды. При музеѣ обширная, прекрасная библіотека. И все это возникло изъ ничего и единственно благодаря энергіи и волѣ одного чудо-человѣка, случайно заброшеннаго сюда судьбой. — Лѣтъ восемь какъ существуетъ здѣсь женская воскресная школа и число ученицъ растетъ и растетъ. При ней книжный складъ, едва успѣвающій удовлетворять спросъ на

книжки и разсылать ихъ по окрестнымъ деревнямъ и селамъ. Открылась, наконецъ, мужская воскресная школа и, по первому же ея зову, набѣжало множество маленькихъ и большихъ оборвышей, жаждущихъ духовнаго свѣта. Стали поговаривать объ открытіи тюремной школы.—Не могу не оговориться, что все это просвѣтительное движеніе развивалось исключительно женщинами. Во главѣ женской воскресной школы стоитъ женщина, женщины же ведутъ занятія и бесѣды, женщина открываетъ и ведетъ школу мужскую. Наконецъ, женской энергіи и настойчивости обязана своимъ возникновеніемъ и тюремная школа.

Объ этой-то тюремной школѣ, какъ явленіи яркомъ, всколыхнувшемъ нашу жизнь впечатлѣніями сильными, глубоко захватывающими, будящими мысль и чувство, мнѣ хочется разсказать и подѣлиться всѣмъ пережитымъ за тюремными стѣнами, куда я попала въ числѣ добровольныхъ учительницъ и около года провела въ средѣ арестантовъ.

Пока длилась процедура различныхъ формальностей съ разрѣшеніемъ мы,—учительницы,—въ составѣ шести женщинъ, успѣли нѣсколько разъ собраться въ уютной квартирѣ нашей предсѣдательницы и подъ шумъ самовара, за столомъ, уставленнымъ сибирскими печеніями и орѣшками, обсуждали вопросы, казавшіеся намъ важными. Вырабатывали программу занятій, бесѣдъ и чтеній съ туманными картинами, установили дни и часы занятій, кое-какъ столковались, но тутъ же замѣчу, что при первомъ столкновеніи съ практикой программа наша разлетѣлась и та своеобразная среда и условія, въ которыя мы попали, подсказали намъ свою программу. Нечего и говорить, что средствъ было у насъ очень мало. На небольшую сумму, собранную среди мѣстныхъ обывателей, помимо необходимыхъ учебниковъ, книгъ, тетрадей и тому подобныхъ школьныхъ принадлежностей, рѣшено было выписать тюремную, арестантскую библіотеку. Благодаря дешевизнѣ народныхъ изданій, не смотря на скудную сумму, библіотека составилась довольно обширная, интересная и получилась вскорѣ послѣ начала занятій.

Съ жуткимъ и тревожнымъ какимъ-то чувствомъ собрались мы въ назначенный часъ въ тюремной конторѣ. Ясный, морозный день, бодрящій сибирскій воздухъ, поскрипывающій снѣжокъ подъ ногами (дѣло было въ первыхъ числахъ декабря) и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожное чувство въ душѣ отъ неизвѣстности, или, вѣрнѣе, отъ сознанія своей полной неподготовленности къ столь трудной и серьезной задачѣ, какъ общеніе съ тѣмъ міромъ, въ который мы врывались... И педагоги мы были всѣ неопытные. Изъ шести женщинъ, собравшихся у тюремной калитки, только двѣ были профессіональныя учительницы изъ мѣстной прогимназіи. Предводительствуемыя тюремнымъ сторожемъ, торжественно несшимъ нашъ ящикъ съ учебными принадлежностями и книгами,

тщательно изслѣдованный конторой, очутились мы за тюремной калиткой, охраняемой двумя часовыми. Часовые отобрали пропускные билеты, подписанные мѣстнымъ исправникомъ и дававшіе намъ право, впредь до особыхъ распоряженій, на безпрепятственный пропускъ въ тюрьму. Просторный дворъ, окруженный высокими палами, и группы арестантовъ въ рваныхъ халатикахъ, туфляхъ на босу ногу, не смотря на сильный морозъ, зорко и жадно смотрѣвшихъ на необычныхъ гостей,—все это запечатлѣлось довольно ярко по тому настроенію, которое вызывало въ душѣ. Миновали арестантскія кухни, прошли маленькій внутренній дворикъ и, поднявшись по кривымъ, полусгнившимъ ступенькамъ, очутились въ небольшой комнатѣ, слабо освѣщенной сверху рѣшетчатымъ оконцемъ. Это было отдѣленіе женской тюрьмы, случайно оказавшееся свободнымъ въ данный моментъ,—деревянное, довольно ветхое, какъ и всѣ тюремныя постройки. Подъ окномъ помѣщались широкія нары, по бокамъ шли лавки, а по срединѣ два большіе деревянные стола; стѣны были бревенчатыя, въ комнатѣ жарко, даже угарно отъ большой желѣзной печи и стоялъ особенный, специфическій „арестантскій" запахъ. Комната была биткомъ набита. Тутъ были собраны всѣ, записавшіеся въ тюремную школу арестанты, изъявившіе желаніе у насъ обучаться. Человѣкъ шестьдесятъ всего,—процентъ небольшой сравнительно съ общей цифрой, такъ какъ ихъ содержалось въ острогѣ до трехсотъ человѣкъ, а иногда и больше, потому что тюрьма была пересыльная.

Не безъ нѣкотораго смущенія приступили мы къ группѣ этихъ суровыхъ бородатыхъ людей, погромыхивающихъ цѣпями, чтобы немножко разобраться въ ихъ знаніи и раздѣлить ихъ на группы. Одни отвѣчали на наши вопросы скромно, стыдливо, особенно старики; иные заносчиво, съ какимъ-то даже вызывающимъ нахальствомъ, словно обижаясь, что мы могли сомнѣваться въ ихъ умѣньи читать и писать. Но въ большинствѣ случаевъ они охотно и обязательно отвѣчали на наши вопросы и сильно облегчили этимъ нашу задачу. Не прошло и часу, какъ мы успѣли уже вполнѣ разобраться. Были совсѣмъ неграмотные, были полуграмотные, были и окончившіе сельскія и приходскія школы, были, наконецъ, изъ гимназій третьяго, четвертаго класса. Старики почти всѣ умѣли читать, но желали научиться писать и вообще послушать „духовнаго назиданія". Мнѣ досталась старшая группа, умѣвшая хорошо читать и писать. Что привело ихъ въ школу и чего искали они въ ней?—невольно задавала я себѣ вопросъ.

Собственно мнѣ для занятій съ моими учениками пришлось занять то небольшое отдѣленіе тюремной церкви, въ которомъ, во время богослуженій, помѣщались заключенные. Оригинальное школьное помѣщеніе! вмѣсто столовъ простыя деревянныя узкія скамейки, передъ которыми усѣлись арестанты, пристроившись

на какихъ-то досках, положенныхъ на бревнушки. Ноги затекали отъ столь непривычнаго сидѣнія, дрогли они въ своихъ рваныхъ халатишкахъ, холодно было такъ, что дыханіе видно, и приходилось оставаться въ шубѣ, пыль першила въ горлѣ и тяжело ложилась на грудь, а они сидѣли молча, неподвижно, напряженно, вопросительно устремивъ на меня взоры. Я всмотрѣлась... Передо мной восемь взрослыхъ мужчинъ, совершенно отличныхъ другъ отъ друга по тому выраженію, которое наложила на ихъ лица жизнь и ихъ внутренній обликъ. Общее у нихъ было одно: тотъ мертвенно сѣрый, безжизненный цвѣтъ лица, который, впрочемъ, отличаетъ всѣ арестантскія лица. Здороваго, свѣжаго лица въ тюрьмѣ не встрѣтишь.

Я предложила имъ прочесть что нибудь; одни хорошо, иные очень выразительно читали, съ полнымъ, хотя порой своеобразнымъ, пониманіемъ прочитаннаго. Разсказывали недурно. Писали также хорошо, иные просто красиво, калиграфически, съ сравнительно небольшими ошибками. Считали прекрасно и легко рѣшали довольно сложныя ариѳметическія задачи. О религіи съ ея догматами, объ ученіи Христа, его жизни земной и страданіяхъ, они имѣли самыя смутныя, самыя сбивчивыя понятія. Молитвъ почти не знали, иные читали съ трудомъ, перевирая слова, а объяснить смыслъ ихъ никто не могъ. Тѣ небольшія познанія, которыя онѣ пріобрѣли въ этомъ направленіи въ школѣ, вытѣснила у нихъ совершенно дальнѣйшая жизнь.

Какъ же и чему буду учить я этихъ взрослыхъ, въ горнилѣ жизни искушенныхъ людей? Первый урокъ, какъ и надо было ожидать, прошелъ негладко; я могла только поверхностно ознакомиться съ моими учениками и едва успѣла окончить самый бѣглый обзоръ ихъ знаній, какъ пришли сказать, что пора кончать. Помню только, что глубоко поразило меня, да и всѣхъ насъ, при этомъ первомъ урокѣ, это какое-то равнодушіе къ своему положенію. Они были если не веселы, то во всякомъ случаѣ спокойны, внѣшне спокойны. Это, помню, меня озадачило, даже какъ будто разочаровало, но скоро, и очень скоро, пришлось убѣдиться, что это чисто внѣшнее, кажущееся, и при первомъ же толчкѣ выступило ихъ настоящее, глубоко скорбное, мучительно безнадежное настроеніе. Немножко смущалъ вначалѣ тюремный смотритель, совершенно безполезно торчавшій въ углу для надзора за поведеніемъ арестантовъ и, вѣроятно, нашимъ. Говорю безполезно, потому что отъ начала и до конца, во время уроковъ, чтеній, бесѣдъ, арестанты вели себя изумительно сдержанно и благородно. Ни одной рѣзкой выходки, ни одного грубаго слова, даже разговаривали между собой шопотомъ. Ко всѣмъ школьнымъ принадлежностямъ относились бережно и осмотрительно, къ особѣ же учительницы и ея рѣчамъ—прямо съ какимъ-то благоговѣніемъ.

По окончаніи урока и послѣ небольшого перерыва собрались мы опять въ общей комнатѣ, гдѣ должно было происходить чтеніе о „жизни и мученіяхъ первыхъ христіанъ“, составленное по нѣсколькимъ, имѣвшимся подъ руками, книжечкамъ. Кромѣ значительности этой темы и возможности говорить о Христѣ, о его кроткомъ, примиряющемъ ученіи тѣмъ, кто больше всего нуждался въ свѣтѣ и примиреніи, мы выбрали эту тему еще и потому, что имѣли возможность иллюстрировать ее подходящими картинами, случайно оказавшимися при нашемъ фонарѣ, и дополнить отрывками изъ романа Сенкевича „Камо грядеши“. Въ дверяхъ, задолго до нашего прихода, стояла толпа арестантовъ, которая съ каждой минутой все прибывала, и, наконецъ, стало такъ тѣсно, что яблоку негдѣ упасть. Единственное окно завѣшено толстымъ войлокомъ, на нары поставили столикъ и трехногую табуретку. Когда я взгромоздилась на эти подмостки и взглянула на всю эту толпу, жадно, напряженно чего-то ждавшую, жутко мнѣ стало. А ну, какъ они обманутся въ своихъ ожиданіяхъ и мы больше уже не заманимъ ихъ на эти чтенія? Но меня охватило чувство жалости, любви къ этимъ робко жавшимся людямъ, давшее мнѣ силу слова, увѣренность и нужное спокойствіе, чтобы овладѣть ихъ вниманіемъ. Сразу же почувствовала я то теплое, сердечное общеніе съ толпой, ту жизнь съ ней одной мыслью, которую я впервые познала въ тюрьмѣ. При слабомъ свѣтѣ воскового огарка, подъ звукъ то здѣсь, то тамъ раздававшагося погромыхиванія цѣпей, при затаенномъ дыханіи сотни слушателей, жадно ловившихъ каждое слово, происходило мое первое чтеніе въ тюрьмѣ. Да будутъ для меня всегда незабвенны эти минуты!

Когда я окончила, толпа медлила расходиться и долго молчала, полная глубокаго впечатлѣнія. Но вотъ то тамъ, то тутъ прорываются слова одобренія, сливаются въ общій гулъ, благодарятъ. Отдѣльные робкіе голоса просятъ дать имъ самимъ почитать „для ради памяти“. Тюремный смотритель передавалъ намъ потомъ, что надолго всколыхнулась ихъ монотонная, тоскливая, сѣрая жизнь и долго жили они полученными впечатлѣніями, перебирая, повторяя и обсуждая между собой слышанное, пока новое чтеніе и свѣжія впечатлѣнія не вытѣснили старыхъ. Да они и сами подтверждаютъ это собственными ихъ отвѣтами на вопросъ, „что внесла школа“, которые привожу въ концѣ этихъ замѣтокъ.

Чтенія устраивались всегда послѣ урока, два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, и на чтенія эти рѣшено было пускать всѣхъ желающихъ, хотя бы и не записавшихся въ школу, арестантовъ. Программа каждаго чтенія разрѣшалась исправникомъ, который уполномоченъ былъ допускать только чтенія религіозныя или научныя; съ историческими было трудновато, а съ беллетристическими совсѣмъ трудно.

Слѣдующіе два, три урока прошли почти также, какъ и первый, и оставили отчасти то же неопредѣленное и смутное впечатлѣніе наружнаго равнодушія, безъ малѣйшей, повидимому, охоты выйти изъ этого положенія. А между тѣмъ эта неудовлетворенность, эти напряженно устремленные взоры, какъ будто ждутъ чего отъ меня! Но чего? Смущенная, я съ особеннымъ усердіемъ начинала объяснять имъ какое нибудь граматическое или ариѳметическое правило. Они внимательно слушали, но чувствовалось, что это „не то“. Но чего же, наконецъ, имъ надо? Не могла я понять и мы остались чужіе.

Невольно вспоминаю я тутъ другую учительницу, съ которой мнѣ пришлось раздѣлить мое неудобное школьное помѣщеніе. Маленькая, худенькая, съ чудными ласковыми глазами, съ какимъ-то въ душу проникающимъ голосомъ, сумѣла она сразу заворожить арестантовъ и стать съ ними въ простыя, дружескія, теплыя отношенія. У нея было шесть учениковъ, шесть бородатыхъ стариковъ, убійцъ и разбойниковъ, желавшихъ научиться писать и умѣвшихъ читать кое-какъ по складамъ. Трогательно было видѣть, какъ свѣтлѣли и прояснялись ей на встрѣчу ихъ мрачныя лица. „Здравствуй родимая, голубушка ты наша, желанная“, слышалось со всѣхъ сторонъ при ея появленіи...

Собрались, наконецъ, мы 25-го декабря, въ первый день Рождества. Я слегка опоздала и увѣренная, что мои ученики уже въ сборѣ и ждутъ меня, прошла въ школу. Но, противъ обыкновенія, она была пуста. Наконецъ, стали сходиться мои ученики, но какъ-то не-хотя, понуро; поздравили мы другъ друга съ праздникомъ и я заняла свое обыкновенное мѣсто. Смотрю и не узнаю. Лица у всѣхъ особенныя, просто, что называется, лица на нихъ нѣтъ, въ землю глядятъ. Обращаюсь къ ближайшему:—„Гаушъ, читайте вы“. И на бѣду выбираю неудачно: „Воспоминаніе о Рождествѣ въ деревнѣ“. Гаушъ собой владѣетъ и кое-какъ прочиталъ, но отъ пересказа отказался, чего никогда еще не бывало. Смущенная, протягиваю книгу Дельнову, самоувѣренно-небрежному, нахальному Дельнову. Онъ поднимается, берется за книгу, но при первыхъ же звукахъ съ усиліемъ произнесеннаго слова, лицо покрывается багровыми пятнами, судорога нервно сжимаетъ губы, рука съ книгой безсильно опускается: „увольте, не могу-съ, голова мѣшается“, шепчетъ онъ, но какой шопотъ! И теперь еще эти слова жгутъ мое сердце! Точно токъ электрическій пробѣжалъ и, какъ одинъ человѣкъ, заволновалась, закипѣла моя школа. Давно сдержанное, заглушенное чувство, чувство обиды, долго сдерживаемое, прорвалось въ этихъ неясныхъ и безсвязныхъ восклицаніяхъ. Всѣ заговорили разомъ, всѣ вспоминали родину и родныхъ, у нѣкоторыхъ

на глазахъ сверкали слезы. Особенно сильно страдали они оттого, что въ такой праздникъ лишены были возможности помолиться въ церкви и встрѣчали его въ духотѣ и грязи, среди драки и брани пьяныхъ товарищей. И въ этотъ мигъ я поняла, чего они отъ меня такъ напряженно ждали. Слова живого, участливаго, теплаго слова, которое хотя немного освѣтило бы безпросвѣтный мракъ ихъ душъ, согрѣло бы ихъ больныя, изстрадавшіяся, измученныя сердца. Низко опустила я голову, чтобы скрыть невольно набѣжавшія слезы! И съ этой минуты, такъ сблизившей насъ, заставившей что-то понять, что-то пережить сильное, крѣпкое—установились у насъ тѣ теплыя, дружескія, довѣрчивыя отношенія, которыя оставались такими до конца.

И я благодарю васъ, далекихъ друзей, вы меня многому научили, на многое раскрыли глаза и тотъ первый день праздника, что провела я съ вами, навсегда останется памятнымъ и, можетъ быть, лучшимъ днемъ Рождества...

Смѣшно было поднимать вопросъ о продолженіи урока. Я предложила почитать; они радостно согласились и внимательно прослушали разсказъ Кота-Мурлыки, „Лазарь убогій", который немного подходилъ, казалось, къ ихъ настроенію и случайно былъ со мной.

Дня черезъ три удалось намъ добиться, чтобы въ ихъ маленькой тюремной церкви была отслужена обѣдня, во время которой пѣлъ хоръ мѣстныхъ любителей пѣвчихъ. Арестанты, гурьбой провожали насъ до воротъ и низко, истово кланялись, благодаря.

Съ этихъ поръ характеръ нашихъ уроковъ совсѣмъ измѣнился. У учениковъ явилась потребность высказываться, разбирать себя, свое прошлое, свои поступки и побужденія. Но какъ неясны, сбивчивы и неправильны были тѣ понятія, что сложились у нихъ отъ ихъ жизненныхъ впечатлѣній! Любили они читать евангеліе (у каждаго было свое отдѣльное для чтенія внѣ школы) съ объясненіями, и бесѣды и разговоры уносили насъ далеко за тюремныя стѣны. Мнѣ оставалось только сердцемъ внимать ихъ настроенію и идти ему навстрѣчу. Насколько мнѣ удавалось это, не знаю, но моя маленькая школа всегда исправно посѣщала уроки и неохотно, съ грустью уходила, когда пора было кончать. Являлись они каждый разъ раньше урочнаго часа и нетерпѣливо ждали учительницъ. Только развѣ совсѣмъ исключительныя обстоятельства заставятъ иного пропустить урокъ, или болѣзнь скрутитъ и положатъ въ больницу, либо начальство тюремное ушлетъ на работы. Тюремная школа явилась для нихъ лучомъ свѣта и они рвались къ этому лучу. Это ихъ страстное отношеніе къ новому дѣлу, ихъ рвеніе передалось и намъ. Такъ велико было это взаимное увлеченіе, что когда нашъ урокъ пришелся на первый день праздника Рождества, у насъ не хватило ни мужества, ни охоты обмануть ожиданія своихъ учениковъ. Да

насъ и самихъ къ нимъ тянуло; слишкомъ ужъ сильныя и не испытанныя раньше чувства заставляли они насъ переживать.

Итакъ, они сами подсказывали мнѣ програму занятій, чтеній, бесѣдъ и письменныхъ работъ. Послѣднія я всегда старалась задавать на вопросы, имъ близкіе и интересные, касающіеся ихъ тюремной жизни, школы или же ихъ прошлаго. Писали они всегда пространно и охотно; привожу здѣсь наиболѣе характерныя отрывки ихъ школьныхъ работъ:

Изъ дневника срочнаго арестанта Панина, ученика III-го отдѣленія М—ой тюремной школы.

„Отъ стука въ сосѣдней камерѣ невольно пробуждаешься отъ сна, смотришь въ окно,—чуть брезжетъ свѣтъ, думаешь, рано еще вставать: повѣрка вѣдь въ восьмомъ часу. Дай что нибудь почитаю. Въ камерѣ насъ двое, все тихо, никто не нарушаетъ покоя; только неясно доносятся отрывочные звуки голосовъ изъ сосѣднихъ камеръ. Стало свѣтло... Нужно вставать, одѣться, умыться, Богу помолиться и убрать къ повѣркѣ камеру. Прислушиваешься: топотъ нѣсколькихъ человѣческихъ ногъ, говоришь товарищу: „повѣрка идетъ“. Становимся рядомъ въ вытяжку, какъ солдаты въ строю. Отпирается камера, входитъ старшій надзиратель, а остальные остаются около дверей. При входѣ въ камеру старшій надзиратель всегда учтиво поздравитъ съ добрымъ утромъ Благодаришь его и обращаешься съ какой либо просьбой, потому что у каждаго арестанта найдется какая-нибудь просьба: то бушлатъ порвался, то брюки порвались, то рубаха вся развалилась, заплатъ, нитокъ, все долженъ выдать старшій надзиратель. Кончилась повѣрка. Каждый спѣшитъ на кухню, по хлѣбъ и по чай, который варится на кухнѣ. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ слышенъ раздирающій душу свистокъ надзирателя, который означаетъ заходить по камерамъ на запоръ до обѣда. Если приходится очередь прогулкѣ утромъ два часа, то выпускаютъ извѣстныя камеры; спѣшишь на дворъ подышать свѣжимъ воздухомъ, но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ холодъ даетъ себя чувствовать, потому что бушлаты и брюки до того ветхи, что едва ли было бы жарко въ нихъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Бѣжишь въ камеру погрѣться. Опять выходишь на дворъ, изъ любопытства подходишь къ воротамъ, смотришь въ форточку, но ни кого не увидишь, какъ только часового да сурово поглядывающаго надзирателя. А холодъ не даетъ долго стоять, нужно шибче ходить, чтобы хотя немного согрѣться. Но вотъ кончилась прогулка, опять раздирающій душу свистокъ, всѣ спѣшатъ въ камеру, и въ душѣ проклинаешь начальство за всѣ ихъ порядки. Но вотъ свистокъ на обѣдъ; изъ каждой камеры идутъ по одному арестанту съ бакомъ на кухню за обѣдомъ. Если въ скоромный день, то подходишь къ столу, на которомъ разложены небольшія кучки мяса; говоришь—изъ такого-то номера, на столько-то человѣкъ,

показываешь на кучку мяса, а встрѣтишь печенку, легкое и горло. Скрѣпя сердце, кладешь эти несчастные кусочки и думаешь: „вѣдь это на цѣлыя сутки"; подходишь поочереди къ котлу кашевара. Онъ черпаетъ извѣстное количество привара, и бѣжишь въ камеру скорѣй, потому что тамъ дожидаютъ нѣсколько человѣкъ. Пообѣдали, не сытъ не голоденъ, спросить не съ кого, потому что получаемъ провизію по положенію сполна. Обѣдъ всегда въ одиннадцать часовъ, съ одиннадцати часовъ до чаю, который бываетъ въ три часа, опять на запорѣ. Въ три часа набрали чаю, на ночь воды и все, что полагается для камеры,—опять на запорѣ до повѣрки. Въ семь часовъ повѣрка, которую нерѣдко сопровождаетъ господинъ смотритель. Прошла повѣрка,—что дѣлать? Ночь большая, нужно что нибудь почитать и пописать и отъ души благодарить тѣхъ лицъ, которыя доставляютъ намъ книги и принадлежности для письма. До открытія въ тюрьмѣ школы, жизнь арестантовъ была совсѣмъ другая: въ каждой камерѣ только и слышна была брань между собою, пѣсни, или какіе нибудь разсказы циническаго содержанія, а теперь вездѣ стало тихо, только слышишь, какъ въ прочихъ камерахъ читаютъ какую нибудь книгу, а остальные арестанты съ напряженнымъ вниманіемъ слушаютъ. и, когда чтеніе останавливается, тогда нѣкоторые принимаются разбирать прочитанное, но только безъ крику, тихо, смирно и если какой изъ нихъ не такъ понялъ прочитанное, то ему постараются растолковать по яснѣе. Будемъ молить Бога, чтобы Господь укрѣпилъ начало ученія несчастныхъ арестантовъ, потому что при большомъ срокѣ, если у кого есть охота—можетъ выучиться читать и писать, а кто если и не ходитъ въ школу, то всетаки имѣетъ развлеченіе, слушая когда читаютъ книги, принесенныя изъ школьной библіотеки. Школа много открыла въ нѣкоторыхъ арестантахъ новыхъ чувствъ и понятій о своемъ положеніи. Прежде арестанты думали, что разъ находясь въ тюрьмѣ, они самые послѣдніе люди въ обществѣ и что каждый порядочный человѣкъ съ презрѣніемъ долженъ смотрѣть на арестанта, но въ настоящее время нѣкоторые арестанты могли убѣдиться, что не каждый человѣкъ имѣетъ такое низкое понятіе объ арестантахъ: нашлись между ними такія лица, которыя, не обращая вниманія ни на свое положеніе въ обществѣ и высшее образованіе и матеріальное состояніе свое, съ охотой задались мыслью помочь и облегчить участь заключенныхъ. Для заключенныхъ, которые имѣютъ родныхъ, воскресный день ждется съ великимъ нетерпѣніемъ, потому что свиданія съ родными бываютъ разъ въ недѣлю, не говоря, что при свиданія каждый узнаетъ о положеніи своихъ родныхъ и знакомыхъ и ему въ то же время могутъ передать черезъ контору чаю, сахару и съѣстного, что принесутъ. И вотъ съ этой-то поддержкой онъ не всегда находится впроголодь. Но вѣдь большая часть заключенныхъ безъ родныхъ,

къ которымъ никто никогда не приходитъ. Вотъ такимъ-то заключеннымъ еще тяжелѣй находиться въ тюрьмѣ. Школа для нихъ явилась большимъ утѣшеніемъ и улучшила бытъ заключенныхъ и въ религіозномъ отношеніи".

Изъ работъ ученика III отдѣленія М—ой тюремной школы, Семена Маргевича.

„Въ продолженіе ученія своего большею частью интересовался чтеніемъ книгъ путешественниковъ кругосвѣтныхъ и прочихъ разсказовъ про путешественниковъ, какъ, напримѣръ, „Христофоръ Колумбъ", „Робинзонъ Крузое" и прочее; а впрямь сказать, что мое радѣніе есть знать, гдѣ какіе государства, управленія, климаты, лѣса, знаменитыя рѣки, горы, растенія, моря, перешейки, народы, гады, водяныя драгоцѣнности, рыбы, гдѣ какой народъ живетъ, чѣмъ занимается".

Далѣе Маргевичъ о тюремной школѣ пишетъ такъ:

„Я человѣкъ темный, не видавшій добраго образованія, порядочныхъ людей, кромѣ злонамѣренныхъ, которые могутъ своими злыми словами и дѣятельностью и вдобавокъ юный, неразвитой умъ сбить съ добраго пути и на худой наставить. Но благодаря Всевышнему, что постарались открыть школу образованія въ тюрьмѣ, почему я и пожелалъ почерпнуть наставленія и образованіе, потому что я еще только на свою жизнь иду и желаю направиться на путь истинный; когда же придетъ день ученія, то съ радостью дожидаю, когда позовутъ въ училище, потому что мое дѣло молодое, желаю получить хорошее слово, пріобрѣсть его въ голову. Потому что ученіе не гласитъ къ худому, а остальные худые замыслы выгоняетъ изъ души, почему я, Маргевичъ, и всѣ находящіеся со мной ученики очень остаемся довольны и благодарны тому, кто открылъ училище".

Изъ работъ ученика тюремной школы III-го отдѣленія, Алексѣя Финкиса.

„Что именно заставило познакомиться съ тюрьмой? Зачѣмъ въ тюрьму попалъ, какія обстоятельства доводили до несчастной этой жизни, такъ въ средѣ нашей частенько слышенъ подобный вопросъ, особенно по поступленіи вновь заключеннаго. Результатъ на подобный вопросъ получается большею частью не сознаніе въ своей винѣ, такъ что оговорка оканчивается причинами какъ-то: неудача, неосторожность, необдуманность, а главное нетрезвость. Да и въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ долженъ сознаться, что послѣдняя причина составляетъ общую дѣятельность нашего заблужденнаго разсудка. Если бы не это, не пьянство, вѣроятно, многіе изъ насъ не знали бы, что за тюрьма, не терпѣли бы этотъ позоръ! А каждый тогда занималъ бы по знанію своему приличную должность. Все это мы сознаемъ въ душѣ, какъ предъ всемогущимъ Богомъ, такъ и предъ людьми обѣщается должно быть каждый оставить всѣ дурныя, Богу противныя дѣла,

лишь бы Господь счастливо вынесъ изъ тюрьмы. Многіе изъ нашей среды подобный обѣтъ неоднократный разъ совершали, но по освобожденіи же изъ подъ заключенія, все обѣщанное забывалось и первый шагъ почти у каждаго ступитъ на прежній, развратный путь. Иному случается, что въ тотъ же день, либо на другой по освобожденіи, вновь попадаетъ въ эту участь и вновь оплакиваетъ свою судьбу. Такъ то и я неоднократный разъ съ тюрьмой спознался и проводилъ много лѣтъ въ заточеніи. Но за что? — Ни за что, — за пьянство!—Наединѣ съ прочими преступниками разсуждалъ и я, зная за собой, что никогда не воровалъ, не убивалъ, не смошенничалъ, а сижу въ тюрьмѣ. Порокъ пьянства служилъ также и мнѣ во всю жизнь упомянутымъ позоромъ, за что и долженъ былъ частенько переносить холодъ и голодъ, безъ всякаго пріюта, скитаясь по разнымъ частямъ какъ въ Сибири, такъ и въ Россіи, не находя себѣ постояннаго угла, подвергаясь иногда опасности какого-нибудь нападенія какъ отъ людей, такъ и отъ звѣрей. На все упомянутое мной въ семъ описаніи я завсегда такъ хладнокровно смотрѣлъ, что даже никакого впечатлѣнія не получалъ, а переносилъ, будто на это я созданъ и лучше мнѣ не жить. Въ настоящее время и съ нѣкоторыхъ поръ я обсуждаю этотъ вопросъ совершенно иначе. Человѣкъ я мастеровой, переплетчикъ и маляръ; по малярному ремеслу я немного способенъ къ живописному искусству и такъ одаренъ этими качествами ремесла, что могу вполнѣ себя обезпечить всѣми достоинствами человѣческой жизни. Стоитъ лишь одуматься о прошедшемъ и взглянуть на предстоящіе дни жизни, какъ человѣку достигшему уже сорокалѣтняго возраста.

Въ заключеніе этого вопроса я долженъ сознать, что и сознаю: что безъ помощи Божіей ничего подобнаго не совершится, а потому, находясь въ заключеніи, то есть въ тюрьмѣ, по окончаніи опредѣленной мнѣ кары за бродяжничество, прошу, чтобы Господь мнѣ помогъ оставить все дурное и вступить на точку зрѣнія, дабы жить, какъ подобаетъ каждому христіанину".

Вотъ что пишетъ Финкисъ далѣе о тюремной школѣ:

„Посѣщенія учительницъ доставляютъ намъ, учащимся, великую радость, такъ что не можемъ дождаться назначеннаго для ученія дня и часа. Внѣ школы занимаемся иногда чтеніемъ. Кто Евангеліе, а кто частныя книжки, кому что понравилось — иной вслухъ читаетъ. Затѣмъ обсуждаемъ какіе нибудь вопросы, которые большею частью оканчиваются недоразумѣніемъ.

Благодаря тюремной школѣ, я имѣю счастье воспользоваться воспоминаніемъ прежняго ученія и что я могъ совершенно позабыть, то у меня является при помощи учительницъ опять въ памяти. Я даже не нахожу словъ высказать свою благодарность тѣмъ лицамъ, которыя приняли на себя трудъ распространить

образованіе и въ нашемъ быту. Поэтому, мы еще не вовсе потерянные и имѣемъ надежду воскреснуть отъ своего заблужденія. Неоднократныя обсужденія въ средѣ нашей о таковомъ воспользованіи ученіемъ оканчиваются всегда чувствомъ благодарности".

Мнѣ кажется, изъ приведеныхъ отрывковъ арестантскихъ работъ можно вывести одно: несомнѣнно, въ каждой душѣ жила потребность дать себѣ отчетъ, понять себя, свои ошибки и преступленія, и въ глубинѣ души каждаго изъ нихъ теплилась надежда на возрожденіе. Школа дала только толчокъ ихъ мысли и чувству. Въ ней они стали искать отвѣта на то, что мучило, болѣло, волновало и безсознательно жило въ душѣ.

Нашли ли они то, чего жадно искали? Не обманули ли мы ихъ и не ушли ли они отъ насъ съ еще горшимъ чувствомъ обманутыхъ надеждъ? Вотъ вопросъ мучительный и важный по силѣ своего значенія!

Для меня онъ такъ и остался вопросомъ.

Что я не преувеличиваю эту ихъ жажду разобраться въ себѣ, дать отчетъ въ прожитомъ, понять себя и свои ошибки, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, какой успѣхъ встрѣтило мое предложеніе написать свои біографіи. Писалось запоемъ, въ камерахъ, на нарахъ, ночью при свѣтѣ огарка. Потребность излиться, высказаться, да и вспомнить былое, кажущееся счастливымъ времячко—была очень велика.

Вотъ онѣ лежатъ передо мной, эти восемь толстыхъ тетрадей, писанныхъ кровью сердца, людьми много вынесшими и страдавшими. Читать и понимать ихъ нужно осторожно, сердцемъ открытымъ и чуткимъ. Это исповѣдь немощныхъ, слабыхъ духомъ, заблудившихся людей.

Михаилъ Гаушъ.

Беру первую тетрадку наугадъ,—это Гауша, что сидѣлъ съ самаго края у окна. Написана она почеркомъ красивымъ, ровнымъ, съ различными украшеніями и росчерками. И слогъ такой же, вычурный, неясный, съ неудачными попытками блеснуть краснорѣчіемъ.

„Дастъ ли Богъ мнѣ еще увидѣть солнце, послѣ туманной и дождливой погоды?" пишетъ Гаушъ въ витіеватой своей біографіи. „На этого всемогущаго Бога хочу съ нетерпѣніемъ каждый день уповать, чтобы онъ мою жизнь, которая совершенно запутана, какъ старая *Іерусалима*, исправилъ бы, какъ *Іерусалиму* во время *Артазаскусъ*,—тогда и я буду радоваться.

А теперь долженъ терпѣливо страдать, потому что все это дѣ-

лаетъ всемогущій Богъ, который не желаетъ, чтобы человѣкъ пропадалъ, а чтобы спознавалъ Бога, ибо, какъ говоритъ св. Писаніе, кого любитъ, того и наказуетъ".

Гаушъ уроженецъ Курляндской губерніи, лѣтъ тридцати отъ роду, сынъ мѣстнаго землевладѣльца, довольно зажиточнаго. На родинѣ оставилъ жену и дѣтей. Въ началѣ сосланъ былъ просто на поселеніе въ Сибирь, въ М—ій округъ, въ какую-то глухую деревушку, гдѣ уже началъ было устраиваться и привыкать. Въ Сибири житье ссыльно-поселенца очень сносное, ибо мѣстные жители относятся вполнѣ снисходительно къ ихъ прошлому. Какъ вдругъ дѣло приняло другой оборотъ: по обвиненію въ какомъ-то новомъ преступленіи, обнаруженномъ на родинѣ, онъ былъ посаженъ въ М—скій острогъ.

Средняго роста, худощавый, съ нервными, торопливыми движеніями, съ бѣгающими глазами, онъ не производилъ пріятнаго впечатлѣнія. Окончилъ пять классовъ гимназіи, вращался въ кругу людей „изъ лучшихъ фамилій города", по собственному его выраженію, и нахватался тѣхъ поверхностныхъ полузнаній, которыя хуже незнанья. „Часто думалъ я,—пишетъ онъ,—о томъ, какимъ бы образомъ получше мнѣ на свѣтѣ устроиться, чтобы себя обезпечить и безъ труда имѣть бы хорошіе плоды? такъ раздумывалъ я часто, сидя въ гостиныхъ домовъ лучшихъ фамилій города и разговаривая о свѣтскихъ дѣлахъ". „Пробованіе съ друзьями всякаго на свѣтѣ, чтобы испытать и узнать, какая жизнь лучше",—все это вмѣстѣ привело Гауша къ его нервому преступленію: онъ умышленно сжегъ все свое имущество, предварительно застраховавъ его много выше стоимости... „Въ душѣ своей я постоянно чувствовалъ, что такая жизнь не хороша и въ концѣ не можетъ принести сладкіе плоды, а кислые, какъ уксусный экстрактъ. Молился я Богу,—чтобы Онъ помогъ мнѣ отстать отъ такой жизни, и отъ вина, и отъ пробованья всякаго на свѣтѣ, но все это мнѣ не удавалось и не проходило и недѣли, какъ я совершалъ тотъ же грѣхъ". Къ душевнымъ порывамъ Гаушъ мало былъ склоненъ. Очень ужъ сильно развита была практическая сторона его характера,—неискренность, изворотливость, хитрость, лживость и лицемѣріе были ему присущи.

Семенъ Маргевичъ.

А вотъ по этимъ тетрадкамъ, написаннымъ красивымъ, каллиграфически правильнымъ почеркомъ, вспоминаю я лицо Маргевича, лицо, на которое тяжело было глядѣть, такое нехорошее выраженіе залегло на немъ. И, казалось, онъ. самъ чувствовалъ это клеймо, самъ стыдился того, что люди читаютъ на его лицѣ. Глаза исподлобья, бѣгающіе, скулы выдавшіяся, маленькій вздернутый, красненькій носикъ, толстыя губы, голосъ—всегда сдер-

жанный шопотъ. 19-ти лѣтъ онъ убилъ человѣка, убилъ хитро, обдуманно, злобно, убилъ и концы спряталъ довольно гладко.

Только разъ я видѣла этого человѣка глубоко потрясеннымъ это было при чтеніи маленькаго безхитростнаго разсказа изъ учебника Некрасова-Ермина „Пятачекъ погубилъ“.

Сцена свиданія съ отцомъ преступнаго сына всколыхнула сердце Маргевича. Онъ побагровѣлъ весь и изъ глазъ брызнули слезы. И долго потомъ угрюмо молчалъ, потупившись въ землю. У Маргевича на родинѣ остался старикъ отецъ, убитый горемъ. Къ слову сказать, этотъ простой разсказъ и на другихъ арестантовъ производилъ впечатлѣніе и нравился.

Родомъ Маргевичъ изъ крестьянъ Енисейской губ., Идринской волости, сынъ „ссыльно-поселенца изъ политичныхъ“, по собственному его выраженію. Окончилъ сельское училище съ похвальнымъ листомъ и сталъ было готовиться поступить въ городское, но „пришлось мнѣ съ стѣсненнымъ сердцемъ оставить все свое ученье, къ которому я большое радѣніе имѣлъ, и приняться за пашню,—стирику-отцу пособлять“. Но, „живя въ мѣстности подтаежной, гористой, часто уходилъ изъ дому, то на охоту, то по ягоды. Зная свои замыслы, всегда бралъ съ собой карандашикъ и бумагу и срисовывалъ высокіе утесы, либо планы составлялъ, гдѣ какія горы, ключики и рѣчки“.

На бѣду слюбился онъ съ сосѣдкой, — молоденькой мужней женой, — да вмѣстѣ и извели ея хозяина. „И за это, — пишетъ Маргевичъ,—лишили меня родной стороны, а родители мои остались подъ старость лѣтъ работать безъ всякой поддержки и надежды, — а мнѣ самому грозитъ тяжкое наказаніе. Больше объяснить ничего не могу, мѣшаютъ мнѣ растерянныя чувства въ этомъ стѣсненномъ мѣстѣ“.

Дельновъ и Булатовъ.

А вотъ эти тетрадки, небрежно написанныя размашистымъ почеркомъ, напоминаютъ мнѣ красивое, тонкое лицо Дельнова, съ наглымъ и дерзкимъ выраженіемъ большихъ сѣрыхъ глазъ. Порой грустное выраженіе, какъ тучка, набѣжитъ на лицо и сдѣлаетъ его вдругъ необыкновенно симпатичнымъ и милымъ. Голосъ густой, мягкій, бархатный. Былъ онъ на волѣ большимъ побѣдителемъ сердецъ, женщины его и довели до Сибири. Служилъ онъ сначала въ Москвѣ, въ „Славянскомъ Базарѣ“ лакеемъ и красотой своей и ловкостью пришелся по вкусу какой-то богатой барынѣ. Та увезла его съ собой въ Лондонъ, а онъ сошелся съ ея молоденькой горничной и вмѣстѣ обокрали старуху. Это было начало, а потомъ онъ сталъ спускаться все ниже и ниже. Обыкновенно каждое любовное похожденіе кончалось или было связано съ преступленіемъ. Біографія его полна этими подробностями.

Вообще видалъ онъ виды и удивить его ничѣмъ было нельзя. Своей внѣшней развитостью гордился, держался надменно и любилъ блеснуть передъ нами своими познаніями, пріобрѣтенными на волѣ. Запомнилось мнѣ то выраженіе, какъ бы оскорбленнаго достоинства, которое явилось на его лицѣ при вопросѣ—умѣетъ-ли онъ читать, — еще въ первый день нашего знакомства. Самая мысль, что могутъ сомнѣваться въ его, Дельнова, умѣньи, — показалась ему обидной. За то,—какая торжествующая улыбка освѣтила его черты, какимъ побѣднымъ, орлинымъ взоромъ окинулъ онъ насъ послѣ того, какъ, дѣйствительно, гладко и довольно выразительно прочиталъ небольшой отрывокъ и протянулъ обратно данную ему для испытанія книгу.

Испорченная была натура, но вмѣстѣ съ тѣмъ было въ ней что-то и привлекательное, и интересное...

Трудно вѣрить, чтобы Булатовъ, написавшій эту тоненькую тетрадку такимъ дѣтскимъ, круглымъ неувѣреннымъ почеркомъ, могъ убить человѣка. Трудно вѣрить, глядя на его простодушное, довѣрчивое лицо, слушая такую застѣнчивую рѣчь.

Да онъ и самъ недоумѣвалъ и, казалось, понять не могъ, какъ съ нимъ, съ Булатовымъ, могла случиться подобная вещь? Настроеніе всегда благодушное, улыбка примиряющая. Добродушно и, казалось, легко переносилъ онъ свое несчастье. „Это“ случилось съ нимъ совсѣмъ неожиданно, „точно врагъ подтолкнулъ“, и онъ уложилъ на мѣстѣ деревенскаго старосту, разгорячившись споромъ и виномъ на роковой для него крестьянской сходкѣ. Никогда не забыть мнѣ того выраженія, съ которымъ разсказывалъ онъ намъ шопотомъ, въ корридорѣ, про свою бѣду. Описанію оно не поддается.

Его мучили припадки падучей болѣзни. Въ тюрьмѣ онъ пріобрѣлъ ее и все чаще и чаще они повторялись.

Помню, какъ убѣдительно просилъ онъ меня принести ему „Мазепу“ Пушкина, читаннаго на волѣ и сильно ему понравившагося. Когда, дня черезъ три, я явилась съ обѣщанной книжкой, его уже не было. Вышли какія-то новыя распоряженія и Булатова, заковавъ въ цѣпи и выбривъ голову, угнали на Сахалинъ. Я не скоро привыкла къ его отсутствію и долго отыскивала въ толпѣ арестантовъ его милую, добродушную физіономію.

Иванъ Панинъ.

А вотъ тетрадка Панина, сосланнаго въ Сибирь за поддѣлку акцій одного М—аго банка.

Сынъ милліонера купца, рано лишившійся матери, онъ не хотѣлъ учиться и съ дѣтства началъ кутить и развратничать. По собственному признанію, онъ „въ 20 лѣтъ плохо зналъ грамоту и не имѣлъ никакого образованія, за то всѣ притоны, всѣ увесе-

лительныя мѣста, всѣ женщины легкаго поведенія, цыганки, хористки,—всѣ были мнѣ близко знакомы. Вездѣ я былъ своимъ человѣкомъ, вездѣ любили меня за веселый, безпечный характеръ и широко открытый для всѣхъ карманъ. На кутежахъ и попойкахъ я всегда былъ первымъ заправилой".

Со всей необузданностью широкой русской натуры, не сдерживаемой ни свѣтомъ знанія, ни сознательными нравственными правилами, набросился Панинъ на тѣ утѣхи жизни, которыя на каждомъ шагу предлагали ему столица и ярмарки, съ ихъ разнузданнымъ, безшабашнымъ весельемъ, куда онъ ѣздилъ по дѣламъ отца.

Панинъ очнулся только въ одиночномъ заключеніи, въ кандалахъ, обритый; густая черная шапка кудрявыхъ волосъ исчезла подъ безжалостными ножницами тюремнаго цирюльника...

„Неоднократно думалъ я,—пишетъ онъ,—лишить себя жизни и со слезами просилъ у Бога смерти. Она мнѣ представлялась желаннымъ избавленіемъ.

Особенно страдалъ я за отца, котораго позоръ и неожиданный ударъ едва не свели въ могилу. Онъ посѣдѣлъ, какъ лунь, и я безъ слезъ не могъ глядѣть на его жалкую, сгорбленную фигуру, сознавая, что я одинъ и одинъ всему виною.

Но что я пережилъ, когда настала минута послѣдняго разставанія и можетъ быть навсегда! На колѣняхъ передъ иконой, которой онъ меня благословлялъ, клялся я отцу бросить свою позорную, ненавистную жизнь,—жизнь, о которой безъ душевнаго содроганія и вспомнить не могъ, и заняться въ Сибири честнымъ трудомъ. Безъ памяти оторвали меня отъ его груди, когда настала минута послѣдняго прощанья. Тяжелымъ камнемъ на всю жизнь легло все это на мое сердце! Легче умереть, чѣмъ еще разъ пережить подобныя минуты".

„Вотъ и пришлось мнѣ, скрѣпя сердце, въ первый разъ въ своей жизни, перенестись за нѣсколько десятковъ лѣтъ и вспомнить все, и горькое, и тяжелое, и отрадное, что выпало на мою долю! По ночамъ приходилось писать, а днемъ, когда кругомъ и говоръ, и пѣсни, и смѣхъ,—не то что писать, а и пораздумать то о чемъ нибудь нѣтъ никакой возможности",—заканчиваетъ Панинъ свою автобіографію. Талантливый, умный, красивый, съ блестящимъ даромъ слова, онъ положительно выдавался среди своихъ товарищей по несчастію.

Алексѣй Финкисъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о Финкисѣ, типичнѣйшемъ представителѣ сибирскаго бродяги,—хотя родомъ и изъ г. Митавы. Кто были его родители, неизвѣстно. Происхожденія незаконнаго и взятъ изъ воспитательнаго дома какимъ-то бога-

тымъ польскимъ магнатомъ, который, однако, не сумѣлъ сладить съ неугомонной натурой, сказавшейся еще въ дѣтствѣ. Маленькій Финкисъ бѣжалъ изъ строгаго, чиннаго дома.

Необыкновенно симпатично его всегда безпечное, удалое лицо и вся его плотная, коренастая фигура! Талантовъ у него было пропасть и онъ даже въ тюрьмѣ нашелъ имъ примѣненіе. Прекрасно переплеталъ (всѣ наши школьныя книги были переплетены имъ), гравировалъ, лѣпилъ, вязалъ кружева, дѣлалъ цвѣты и все это такъ искусно, что произведенія его всегда находили сбытъ. И сейчасъ мой письменный столъ украшаютъ двѣ группы, работы Финкиса, прекрасно вылѣпленныя изъ какой-то массы и раскрашенныя. Одна изображаетъ только что бѣжавшаго изъ тюрьмы арестанта, оборваннаго и съ бубновомъ тузомъ на спинѣ. Большимъ осколкомъ камня сбиваетъ онъ кандалы со своихъ ногъ.—Другая фигура изображаетъ бродягу на волѣ и очень знакома всѣмъ тѣмъ, кому приходилась проѣзжать по сибирскому тракту: съ папироской въ зубахъ, съ котелочкомъ и узелкомъ за плечами пробирается онъ по лѣснымъ тропинкамъ, выбирается и на большую дорогу, въ селахъ и деревняхъ промышляетъ и собираетъ ночью вывѣшенные сибиряками гдѣ нибудь у воротъ или окошка остатки своего обѣда и ужина для несчастнаго бродяжки. Ихъ мало боятся, бродяги народъ миролюбивый и рѣдко кого сами задѣнутъ. Торопливо спѣшатъ они укрыться въ лѣсную чащу, завидѣвъ издали, показавшуюся имъ подозрительной, тройку. Такимъ же точно бродяжкой былъ и нашъ Финкисъ. Бродяжничество было у него въ крови. Какъ только пригрѣло весеннее солнышко, оттаяли прогалинки, ручейки побѣжали и въ воздухѣ почуялось то особенное весеннее возбужденіе, которое такъ волнуетъ душу, трудно намъ было удержать вниманіе Финкиса. Сидитъ, бывало, на урокѣ, машинально повторяетъ слова и числа, а глаза устремлены къ единственному окошку, сквозь запыленныя стекла котораго видно небо и дразнящее солнышко; а голова вся полна неотвязными мыслями, какъ бы лучше, какъ бы ловчѣе бѣжать? Во дворъ-ли отпустятъ погулять, онъ ужъ тамъ, у завѣтной маленькой дырочки, провернченной въ высокомъ заборѣ, и жадно глядитъ на сверкающую на горизонтѣ полоску Енисея, на неясныя очертанія синихъ горъ, убѣгающихъ вдаль...

Не смотря на самые разнообразные таланты, денегъ у Финкиса никогда не водилось, ибо каждая заработанная копѣйка шла на водку, бывшую его страстью. Онъ любилъ пить и любилъ угощать другихъ; при довольно строгомъ надзорѣ водка все-таки проникала въ тюрьму. По его собственному признанію водка его самый главный, злѣйшій врагъ. Дѣйствительно, читая его пространную, очень живо и образно написанную біографію, убѣждаешься, что вся вина его въ томъ, что онъ „во хмѣлю не спокоенъ“.

„Изъ моей біографіи видно, пишетъ Финкисъ, что я большую часть времени провелъ въ тюремномъ заключеніи. И это все произошло болѣе отъ такихъ причинъ: непокорность, вспыльчивость, гордость и пьянство. И въ послѣднее время я даже такъ рѣшилъ о себѣ, что вѣрно Господь Богъ на роду присудилъ столь тяжкую участь и я долженъ покорно ее переносить. А другой терпитъ, терпитъ да не въ силу ужъ, и убѣжитъ изъ подъ стражи, и пустится по бѣлому свѣту воровать и грабить людей. А тамъ, глядишь, и каторжныя работы себѣ заслужилъ и всю-то жизнь свою мается! Гоняютъ его изъ замка въ зашеекъ, постоянно онъ подъ конвоемъ, всѣ надъ нимъ надругаются,—всего лишили, а еще ругаются. И арестанты огорчаютъ другъ друга худыми словами, драки заводятъ. На шумъ прибѣжитъ надзиратель и начнутъ бить безъ разбору праваго и виноватаго и тащатъ въ карцеръ. И отъ этакой собачьей жизни человѣкъ хуже звѣря озлобится, отчаянность на него найдетъ такая, что ему ужъ море по колѣна! Такъ и я среди прочихъ арестантовъ неоднократно свою жизнь обсуждалъ и усердно молился Богу, чтобы онъ далъ мнѣ силу и разумъ оставить всѣ, Богу и людямъ противныя дѣла. Но какъ-то не совершается это въ мою пользу, а чѣмъ дальше, тѣмъ больше служитъ въ погибель мою на семъ свѣтѣ“.

Михаилъ Михайловъ.

А вотъ эти объемистыя тетрадки, исписанныя мелкимъ, неразборчивымъ, неровнымъ почеркомъ,—принадлежатъ Михайлову.

Лѣтъ за 40, худой, болѣзненно-сѣраго цвѣта лицо, которое все скрашивалось какимъ-то необыкновено мягкимъ, нѣжнымъ, отзывчивымъ выраженіемъ. Слушалъ онъ жадно и ко всему, что происходило въ школѣ, что хотя немного соприкасалось съ ней, относился прямо таки съ благоговѣніемъ. Это же отношеніе переносилъ на учительницъ; онъ всегда первый бросался, позвякивая кандалами, снять шубу съ пришедшей, или торопился подставить табуретку, старательно обтеревъ ее концами своего грязнаго бушлата. Дѣлалъ все это необыкновенно сердечно и просто, безъ той непріятной угодливости, которая присуща была особенно Гаушу.

Онъ происходилъ изъ небогатой семьи, кое-чему поучился и сталъ помогать отцу въ торговлѣ скотомъ. Это было въ Акмолинской области въ городѣ Петропавловскѣ. Отецъ держалъ его очень строго. Мать души не чаяла въ своемъ Мишѣ и потихоньку отъ отца сильно баловала сына. На 17-мъ году полюбилъ онъ дѣвушку сосѣдку, Маню. „Открыла и заронила она во мнѣ искру чувствъ при первомъ же нашемъ свиданьѣ и такъ я запутанъ былъ въ сѣти любви этимъ милымъ и дорогимъ существомъ, что только одно я въ мысляхъ имѣлъ, какъ бы ей угодить и ни въ

чемъ отказать ей не могъ". А этому милому существу нужны были деньги и деньги. По ея настоянію, Михайловъ рѣшается вскрыть шкатулку съ деньгами, задѣланную дѣдушкой его въ стѣну подвала. Въ ней оказалось четыре тысячи шесть сотъ рублей, которые всѣ цѣликомъ Михайловъ и передалъ своей Манѣ. „Вотъ мы и заключаемъ клятвенное обѣщаніе передъ иконой святой въ томъ, чтобы мнѣ другую не любить и на другой не жениться, и ей не отдавать себя въ объятія другихъ".

Вскорѣ кража была обнаружена, Михайловъ сознался во всемъ и отецъ выгналъ его изъ родительскаго дома. Трогательно описаніе прощанія съ умирающей матерью, которую онъ нѣжно любилъ.

„Мать моя лежала уже на смертномъ одрѣ и, когда вошелъ я къ ней въ комнату, заговорила слабымъ голосомъ: подойди ко мнѣ поближе, сынъ мой дорогой, отжила уже я на бѣломъ свѣтѣ, дай хоть проститься-то съ тобой въ послѣдній разъ! Я всталъ около ея кровати на колѣни, а слезы такъ и льютъ, удержать не могу. Мать съ трудомъ взяла въ руки икону Казанской Божьей матери и стала меня благословлять на новую жизнь материнскимъ своимъ благословеніемъ,—да чтобы честно жить заказывала. А сама плачетъ. Къ утру ей стало хуже, а на другой день и отправилась на вѣчную загробную жизнь. А отца-то дома нѣтъ, не является уже четвертые сутки, не извѣстно гдѣ кутитъ и пируетъ. Такъ безъ него и похоронили. И остался я на вѣки одинокимъ и сталъ я мрачну жизнь вести. Какъ приду я ночью въ свое помѣщеніе, да раздумаюсь — не могу думъ прогнать, такъ даже слеза прошибетъ. И при своемъ раздумьи не разъ я обвинялъ своего родителя въ несправедливомъ его со мной, въ жестокомъ поступкѣ! Оторвалъ онъ меня отъ родного гнѣзда, отъ милыхъ моихъ братьевъ и сестеръ и долженъ я одинъ, сиротинка какъ былиночка во полѣ,—на бѣломъ свѣтѣ жить".

Съ этого момента начинается его скитальческая жизнь, полная приключеній, въ которыхъ любовь и отношенія къ женщинѣ играютъ не послѣднюю роль и приводятъ его въ острогъ, гдѣ ему вѣроятно и придется окончить свое существованіе. Вообще это натура любящая, нѣжная, мягкая, какъ воскъ, и легко поддающаяся чужому вліянію. Жизнь и тюрьма его не озлобили: такимъ же мягкимъ и ласковымъ былъ онъ и внѣ школы, въ интимной жизни тюрьмы, въ отношеніи начальства и товарищей; только впослѣдствіи отзывчивое выраженіе смѣнилось въ немъ выраженіемъ безнадежной тоски и какой-то тупой покорности. Михайловъ былъ въ злѣйшей чахоткѣ. Ей помогали скверный воздухъ тюрьмы, дурная и скудная пища, грязь и скученность, среди которой жили арестанты,—все это приближало къ роковому исходу эту голубиную кроткую натуру, которой мѣсто не здѣсь.

Въ концѣ своей пространной біографіи, онъ съ подкупающей

искренностью проситъ заглянуть ему въ душу, освѣтить ее, помочь ему самому въ ней разобраться и понять, отчего ему, человѣку не злому, выпало на долю столько зла и страданій. „Вотъ за это теперь, гдѣ мнѣ въ жизни искать избавленья, какъ мнѣ нужно поступить, къ кому обратиться за совѣтомъ и чѣмъ можно всему этому помочь, прошу дать отвѣтъ!“

Этотъ же вопросъ былъ всегда въ настойчиво устремленныхъ на меня глазахъ...

Послѣ небольшого перерыва, попала я опять въ сдѣлавшіяся мнѣ столь близкими стѣны М—ой тюрьмы и попала какъ разъ во время раздачи книгъ нашимъ тюремнымъ библіотекаремъ, (одна изъ преподавательницъ). Комната полна народу, на лицахъ оживленіе, всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ своей очереди обмѣнить книжку, но порядокъ и благопристойность удивительные. Оказывается, довольно обширная по числу книгъ библіотека въ короткій сравнительно срокъ вся ужъ прочитана; иныя излюбленныя книги по три и четыре раза, напримѣръ: „Князь Серебряный“ Толстого, „Полтава“ Пушкина, „Хижина дяди Тома“, „Дѣлатели золота“ и друг. Охота къ чтенію сильно развилась и за неимѣніемъ новыхъ книгъ еще и еще перечитываются любимыя старыя. Арестантъ почти всегда назоветъ „такую-то, молъ, дайте, отъ товарищей слышалъ, что хороша“. Книги научнаго содержанія (по естествовѣдѣнію, химіи, физикѣ и астрономіи) мало читаются, предпочитаютъ беллетристику, романы любятъ и очень охотно читаютъ историческіе, „гдѣ правда написана“.

Иду повидаться со своими друзьями. Что это? И узнаю, и не узнаю! Неужели это Михайловъ? Онъ въ злѣйшей чахоткѣ и за эти двѣ, три недѣли, что я его не видала, болѣзнь сдѣлала съ нимъ ужасное дѣло. Онъ не узнаваемъ. Печать глубочайшаго страданія на блѣдно-сѣромъ, исхудавшемъ лицѣ, впалые глаза горятъ и такъ страшно, надрывчато кашляетъ...

И это выраженіе тупой безнадежной тоски и какой-то покорности! Этотъ милый, кроткій Михайловъ въ пыли, въ духотѣ, въ рваномъ халатѣ въ трескучій морозъ, съ мучительной болью въ груди и съ тяжелыми думами о безвозвратно загубленной жизни...

Вся его вина и несчастіе, что онъ не зналъ. Онъ не зналъ въ дѣтствѣ, не зналъ въ юности, не зналъ потомъ, что̀ правда и что̀ ложь, слѣпо шелъ туда, куда его влекли обстоятельства, страсти людей...

И опять одна изъ тѣхъ страшныхъ минутъ, страшныхъ по силѣ впечатлѣнія, по ясности сознанія, которыхъ не одну подарила мнѣ тюрьма! Я вдругъ всѣмъ своимъ существомъ поняла и почувствовала, глядя на смертную муку и послѣдніе дни Михайлова, что я, я виновата въ томъ, что онъ тутъ и страдаетъ.

виновата, какъ разумный, знающій, здоровый и свободный членъ того общества, которому больше дано и которое отвѣтственно за ошибки, паденія и страданія всѣхъ „малыхъ сихъ"...

Какимъ мучительнымъ укоромъ сжалось сердце за себя и за многихъ! Да, положительно, обстановка тюрьмы и это общеніе съ больными, страждущими человѣческими сердцами на многое раскрываетъ глаза, многое заставляетъ понять, пережить, перечувствовать, мимо чего раньше безпечно проходилъ.

Въ этотъ же день мнѣ пришлось прочитать „Первую молитву Джессики" переводъ съ англійскаго Михайловой. Каждый разъ, выбирая что нибудь новое для чтенія вслухъ, я не была увѣрена, понравится ли, какъ будетъ принято, понято ли? И не разъ сомнѣвалась. Тѣмъ болѣе, что и слушатель не тотъ сталъ: слушатель выросъ. Да и дѣйствительно, мало ли вещей ему перечитали за это время, мало ли перечиталъ онъ самъ? И русскую исторію по Сиповскому, Иловайскому, Костомарову, съ картинами, велись бесѣды научныя по очеркамъ Рубакина о дождѣ, громѣ, свѣтѣ, солнцѣ, лунѣ и т. д. съ опытами. Но ближе и больше всего задѣвали его всетаки вопросы нравственные, причемъ къ художественности формы и содержанія былъ необыкновенно чутокъ. Все истинно прекрасное находило откликъ, все натянутое, искусственное, съ готовой моралью вызывало недоумѣніе и скуку. И слушать они стали иначе: не такъ жадно, за то глубже, вдумчивѣе, критика явилась, свои сужденія; не все нравилось.

И такъ, я читала имъ „Первую молитву Джессики" и успѣхъ этой вещи превзошелъ всѣ мои самыя скромныя ожиданія. Съ того момента, когда въ душѣ маленькой нищей произошла борьба по поводу спрятанной ею монетки и она вернула ее старику Даніелю, вниманіе напряглось до высшей степени. Они поняли и отмѣтили все значеніе этого момента. „Ишь ты, младенецъ, а чувство какое, душа чистая", слышалось со всѣхъ сторонъ. Чѣмъ дальше, напряженное состояніе все росло и росло, у многихъ на глазахъ были слезы. „Ну и книга чувствительная, самое каменное сердце пройметь, и хорошо же разъяснено, давно такого не слыхивали". Я кончила подъ нескончаемый гулъ благодарностей и должна была обѣщать и завтра прочитать „хорошее".

На завтра,—дѣло было на свѣтлой недѣлѣ и намъ разрѣшены были ежедневныя чтенія,—я явилась съ томикомъ Островскаго. Мнѣ давно уже хотѣлось прочитать имъ „Не такъ живи, какъ хочется"; но мысль эта какъ-то не встрѣчала сочувствія и поддержки въ нашемъ педагогическомъ персоналѣ и я невольно отдавалась сомнѣніямъ. Но ужъ очень хотѣлось попробовать насколько понятенъ и нравится ли имъ Островскій?

Когда я пришла, меня уже ждали и встрѣтили очень радостно, заботливо усадили на лучшее мѣсто, подставили скамеечку подъ ноги и сами разсѣлись въ строгомъ и чинномъ порядкѣ. Я огля-

нулась... Много бритыхъ головъ прибавалось. Это отбывшіе свой срокъ въ пересыльной тюрьмѣ, по разборѣ ихъ дѣла, отправлялись кто на Сахалинъ, кто въ Якутскъ, кто въ Нерчинскіе рудники и еще дальше... За то иные, отбывши свой срокъ, были выпущены ужъ на волю, до новой бѣды. Разъ побывавшему въ острогѣ трудно не попасть туда еще и еще.—Вложивъ все свое умѣнье, все старанье, прочла я имъ „Не такъ живи, какъ хочется". Съ большимъ восторгомъ, кажется, не принималась еще ни одна вещь. Отъ избытка радости слышать знакомое, понятное, близкое, слышать „словца свои народныя", хохотъ не умолкалъ ни на одну минуту. Слушатели были такъ возбужденно настроены, что даже такой пустякъ, какъ выраженіе „кошку въ лапти обувать да за вами посылать", что говоритъ Груша, вызвало припадокъ такого искренняго, здороваго, беззаботнаго, неудержимаго хохота, какимъ давно не смѣялись эти обездоленные люди. Я на минуту остановила чтеніе, не въ силахъ сама противиться заразительности смѣха, остановилась, оглядѣлась и задумалась... Странная, полная грусти картина. Чинный порядокъ нарушенъ, арестанты совсѣмъ придвинулись ко мнѣ и замкнулись тѣснымъ кругомъ и вотъ я вижу совсѣмъ близко, рядомъ, у ногъ своихъ, сзади,—ихъ бритыя, клейменныя головы, слышу особенный арестантскій запахъ, слышу и чувствую звонъ кандаловъ и все это на минуту забыто во взрывѣ неудержимаго веселья! Спасибо Островскому за эту минуту! Угрюмыхъ и озабоченныхъ лицъ какъ не бывало! Порывъ возбужденія съ такой неудержимой силой охватилъ ихъ, что на минуту мнѣ сдѣлалось даже жутко, что я невольно разбудила эту силу.

Да не покажется страннымъ, что такъ много смѣха вызвала захватывающая по своему содержанію, серьезная драма. Повторяю, смѣялись не оттого, что было весело, смѣялись отъ восторга, отъ избытка наслажденія, очень ужъ нравилось—и ничѣмъ инымъ не умѣли выразить своего восторга, какъ смѣхомъ.

Подхватываютъ понравившіяся выраженія, заучиваютъ, и долго потомъ, уходя, я слышу ихъ то въ той, то въ другой группѣ. „Точно и не книга, право, такъ все дѣйствительно". И „господинъ Островскій, который всю какъ есть истинную правду писалъ", сдѣлался имъ сразу и близокъ и понятенъ. И они все просили почитать имъ еще что нибудь изъ его сочиненій.

Это было мое послѣднее чтеніе въ тюрьмѣ и послѣднее мое свиданіе съ арестантами...

Я снова въ большомъ шумномъ центрѣ, гдѣ люди торопятся жить, опережая одинъ другого. Но эти восемь человѣческихъ душъ, что раскрыли мнѣ свои страданія, неотступно со мной и продолжаютъ разсказывать свою повѣсть. И подъ ихъ скорбныя рѣчи я увидала кругомъ себя, на каждомъ шагу сотни, тысячи такихъ же слабыхъ, незнающихъ, бродящихъ во тьмѣ людей, кото-

рые гибнуть отъ того, что тѣ, кому больше дано, тѣ, кому раскрыты глаза знаніемъ, окутали себя такой непроницаемой броней, такой каменной стѣной оградили себя, что человѣкъ уже не можетъ просто подойти къ человѣку и раскрыть ему свои страданія.

Люди имѣютъ очи и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ, сердца ихъ окаменѣли...

Отсюда та тоскливая пустота, тотъ мучительный разладъ, та смерть въ душѣ, которую надо заглушать виномъ, развратомъ, картами и другими, все новыми и новыми дурманами современнаго человѣчества. И всѣ эти сильные міра, слѣпо безъ оглядки живущіе въ лихорадочной погонѣ за наслажденіями, и ихъ меньшая братія, что изнываетъ въ борьбѣ съ жизнью на своихъ чердакахъ и въ подвалахъ и задыхаются и душатъ другъ друга, развѣ и тѣ и другіе не одинаково жалки и несчастны?..

Н. Архипова-Морева.

Прометей.

Богами обиженныхъ, слабыхъ людей
    Отъ горя, нужды защищая,
Презрѣлъ волю Зевса титанъ Прометей
    И добылъ огонь имъ изъ рая.
За дерзость такую на казнь осужденъ
    Сынъ Геи, земли безотрадной,
И брошенъ въ Колхиду суровую онъ
    Зевеса рукой безпощадной.
А тамъ—только горы: скала надъ скалой,
    Надъ глыбою глыба гранита,
Тамъ беркутъ живетъ лишь голодный и злой,
    Да вьюга бушуетъ сердито.
Надъ пропастью мрачной лежитъ Прометей,
    Прикованный къ скаламъ цѣпями,
И врѣзались цѣпи ему до костей,
    И беркутъ рветъ печень когтями.

Безсмертная кровь изъ зіяющихъ ранъ
Вѣка уже долгіе льется,
Но гордый не стонетъ отъ боли титанъ
И злобнымъ богамъ не сдается.
Онъ смотритъ въ глубокую времени тьму
Страдальца прозорливымъ окомъ,
И дивныя тайны доступны ему
Въ его созерцаньи высокомъ.
Онъ знаетъ, какъ міра судьбу безъ боговъ,
Безъ жадныхъ тирановъ устроить,
Какъ сирыхъ и скорбныхъ, сиротъ и рабовъ
Отъ муки и бѣдъ успокоить.
Онъ знаетъ и ждетъ, что придетъ, наконецъ,
Къ нему Геркулесъ избавитель,
И цѣпи сорветъ съ него старый боецъ,
Неправды и злобы гонитель.
Тогда—о, тогда, какъ проснувшійся левъ,
Титанъ со скалы своей вспрянетъ,
И грома грознѣй мести праведной гнѣвъ
Надъ Зевсомъ трепещущимъ грянетъ.

Н. Вѣдковъ.

Къ вопросу о пониманіи исторіи.

Статья первая.

Если мы скажемъ, что каждый періодъ общественной жизни характеризуется своимъ особымъ настроеніемъ, иногда возвышеннымъ, иногда приниженнымъ, иногда въ большей, иногда въ меньшей степени, то никто, конечно, не найдетъ въ этой фразѣ чего-нибудь необычайнаго; напротивъ того, она можетъ показаться слишкомъ банальной. Въ самомъ дѣлѣ, что такое общественное настроеніе? Какой точный смыслъ, какое научное содержаніе можно найти въ этихъ словахъ? Извѣстно, что люди часто ссылаются на общественное настроеніе за неимѣніемъ болѣе опредѣленныхъ аргументовъ. Когда намъ говорятъ, что упадокъ общественной жизни объясняется подавленностью общественнаго настроенія, то это очень напоминаетъ человѣка, оправдывающаго свою апатію отсутствіемъ въ немъ дѣятельнаго настроенія. Но это вовсе не значитъ, впрочемъ, чтобы настроеніе человѣка не имѣло огромнаго значенія въ его жизни, или чтобы общественное настроеніе не играло первенствующей роли во всѣхъ крупныхъ событіяхъ общественной жизни; въ сущности, люди, ссылающіеся на общественное настроеніе, какъ на причину даннаго состоянія общественной жизни, не дѣлаютъ логической ошибки; они указываютъ на явленіе, дѣйствительно обнимающее собою всѣ остальныя; тотъ трюизмъ, что расцвѣтъ или упадокъ общественной жизни объясняется повышеннымъ или подавленнымъ состояніемъ общественаго настроенія, показываетъ, что въ нашемъ понятіи первое отождествляется со вторымъ, общественная жизнь отождествляется съ общественнымъ настроеніемъ. Въ извѣстномъ смыслѣ, въ этихъ обыденныхъ фразахъ болѣе точнаго научнаго содержанія, чѣмъ въ какой-либо односторонней теоріи общественнаго развитія; онѣ грѣшатъ только тѣмъ, что останавливаются на самомъ порогѣ научнаго изслѣдованія, но это самое предохраняетъ ихъ отъ всякой ошибки. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть безспорнѣе того положенія, что данное состояніе общественной жизни соотвѣтствуетъ данному состоянію общественнаго настроенія? Даже теоріи, обусловливающія ходъ исторіи тѣми или иными объективными процессами, нѣдрящимися въ глубинахъ обществен-

ной жизни, признають, что изъ этихъ основныхъ процессовъ выростають другіе, производные, принимающіе, въ концѣ концовъ, объективную форму общественнаго настроенія, проявляющагося въ извѣстныхъ общественныхъ актахъ. Слѣдовательно, разсматривая общественное настроеніе, мы, въ сущности, имѣемъ дѣло съ самымъ крупнымъ фактомъ общественной жизни, въ которомъ сосредоточены всѣ общественныя силы, растущія и накапливающіяся въ сложномъ процессѣ общественной эволюціи.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ процессъ нельзя представить себѣ въ видѣ простой передачи стимуловъ, развивающихся въ каждый данный моментъ гдѣ-нибудь въ нѣдрахъ, въ основномъ субстратѣ, въ началѣ началъ общественной жизни, а общество и людей—въ видѣ простыхъ проводниковъ этихъ всеопредѣляющихъ стимуловъ. Такому представленію противорѣчитъ очень важный признакъ общественной эволюціи, содержащійся въ самомъ понятіи о послѣдней, а именно—ростъ и накопленіе общественныхъ силъ. Представленіе объ эволюціи часто принимаетъ у насъ слишкомъ отвлеченный характеръ; мы склонны разсматривать ее только какъ движеніе, какъ непрерывное измѣненіе формы, и склонны видѣть сущность эволюціоннаго процесса именно въ этомъ измѣненіи формъ. Припомните, напримѣръ, какъ опредѣляется главная отличительная черта развитія, по ученію діалектики: вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ, вотъ—вѣчный, великій повсемѣстный законъ. Каждое явленіе, развиваясь до конца, превращается въ свою противоположность, отрицаетъ само себя и исчезаетъ безслѣдно; на смѣну его возникаетъ новое явленіе и также уничтожается въ процессѣ развитія. Все вниманіе изслѣдователя сосредоточено на этомъ непрерывномъ движеніи формъ, т. е. на чисто внѣшней сторонѣ эволюціоннаго процесса. При такомъ взглядѣ на процессъ развитія исчезаетъ изъ вида его внутреннее содержаніе и то основное явленіе, которымъ обусловлено самое движеніе, самая смѣна формъ, а именно—ростъ и накопленіе силъ. Въ своемъ наиболѣе конкретномъ выраженіи, это явленіе заключается въ усвоеніи изъ внѣшней среды все большаго и большаго количества матеріи и въ переработкѣ ея въ высшія формы. Возьмите какой угодно процессъ развитія, и вы непремѣнно найдете въ немъ это неизбѣжное условіе всякаго движенія, всякаго измѣненія формъ. То представленіе объ эволюціи, согласно которому „явленіе само изъ себя развиваетъ тѣ элементы, которые рано или поздно положатъ конецъ его существованію“, носитъ чисто метафизическій характеръ. Не говоря уже о томъ, что, въ этомъ опредѣленіи развитія, послѣднее само фигурируетъ въ качествѣ сказуемаго, оно вращается въ какомъ-то замкнутомъ кругѣ одного и того же, неизмѣннаго количества силъ. Въ сущности, этимъ опредѣленіемъ только констатируется самый фактъ эволюціи съ

его чисто внѣшней стороны; что же касается заключающейся въ немъ формулы отрицанія послѣдующимъ явленіемъ предшествующаго, какъ бы указывающей на самый характеръ процесса, то это только очень ухищренное выраженіе не поддающагося никакому анализу понятія о движеніи и измѣненіи; положеніе: развиваясь, явленіе отрицаетъ само себя, равносильно положенію: развиваясь, явленіе измѣняется; а такъ какъ понятіе объ измѣненіи неразрывно связано съ понятіемъ о развитіи и обнимается имъ, то обѣ эти формулы представляютъ собою простую тавтологію.

Всякое развитіе представляетъ собою измѣненіе или, выражаясь метафизически, движеніе; но не всякое измѣненіе или движеніе есть развитіе. Даже если мы придадимъ имъ характеръ непрерывности, то и тогда они не будутъ заключать въ себѣ всѣхъ элементовъ, необходимыхъ для того, чтобы составить процессъ развитія: мы не назовемъ развитіемъ непрерывнаго замерзанія и таянія рѣки или непрерывнаго вращенія земли вокругъ солнца. Мы не назовемъ также развитіемъ никакого неорганическаго процесса вродѣ охлажденія земной коры, ея размытія, образованія осадковъ и т. д., вплоть до первыхъ признаковъ органической жизни. Только съ возникновеніемъ послѣдней вступаютъ въ силу біологическіе, психологическіе и соціологическіе законы развитія; такимъ образомъ всякое представленіе объ эволюціи неразрывно связано съ представленіемъ объ организмѣ, индивидуальномъ или коллективномъ; всякій процессъ развитія необходимо обнимаетъ собою какую нибудь сторону индивидуальной или общественной жизни и въ ней черпаетъ свои силы. Другими словами, и самая жизнь есть не иное что, какъ совокупность составляющихъ ее процессовъ развитія; жизнь и развитіе сливаются для насъ въ одномъ нераздѣльномъ представленіи.

Но изъ всѣхъ свойствъ и признаковъ жизни самымъ основнымъ является питаніе, т. е. извлеченіе изъ окружающей среды и переработка новыхъ элементовъ, ассимилируемыхъ организмомъ, а слѣдовательно накопленіе въ немъ тѣхъ или другихъ потенціальныхъ силъ. Простой обмѣнъ веществъ, какъ извѣстно, не исчерпываетъ собою жизненнаго процесса; тотъ фактъ, что человѣческій организмъ всегда производитъ больше, чѣмъ самъ потребляетъ въ процессѣ производства, служитъ хорошей иллюстраціей этого общаго свойства жизни; онъ показываетъ, что элементы внѣшней среды, ассимилируемые человѣкомъ, перерабатываются его организмомъ въ высшія формы, т. е. въ формы, заключающія въ себѣ большее количество потенціальныхъ силъ.

Читателю можетъ показаться излишней эта экскурсія въ туманную область біологическихъ вопросовъ; но она необходима для того, чтобы твердо установить высказанное нами мнѣніе относительно важнаго значенія общественнаго настроенія. Подъ

этимъ послѣднимъ мы понимаемъ совокупность потенціальныхъ общественныхъ силъ, накопившихся въ процессѣ исторіи. Быть можетъ, слово „настроеніе“ не совсѣмъ подходяще въ данномъ случаѣ, такъ какъ мы означаемъ имъ, хотя и перемѣнную, но далеко не такую случайную и колеблющуюся величину, какою представляется настроеніе отдѣльнаго человѣка; но вѣдь, въ сущности, и послѣднее всегда имѣетъ въ своей основѣ нѣкоторый общій и трудно мѣняющійся фонъ, которымъ опредѣляется отношеніе человѣка къ окружающимъ явленіямъ. Этотъ фонъ составляетъ равнодѣйствующую всѣхъ пережитыхъ впечатлѣній, всѣхъ усвоенныхъ взглядовъ и накопившихся чувствъ. Одно и то же явленіе вызываетъ совсѣмъ различныя настроенія у различныхъ людей, точно такъ же, какъ и у различныхъ обществъ или у различныхъ класовъ одного и того же общества. Говоря объ общественномъ настроеніи, мы будемъ имѣть въ виду именно этотъ основной фонъ, этотъ внутренній источникъ того или иного отношенія общества къ вопросамъ своей общественной жизни; но прежде всего намъ необходимо доказать, что самое это отношеніе заслуживаетъ вниманія и представляетъ величину, которую невозможно игнорировать при научномъ объясненіи историческихъ событій.

Очень важныя сомнѣнія по поводу послѣдняго пункта возникаютъ, благодаря тому обстоятельству, что общественное настроеніе или „мнѣнія“ людей, какъ любятъ выражаться сторонники объективнаго взгляда на исторію, составляютъ, повидимому, производную величину, стоящую на самомъ концѣ цѣпи причинъ и слѣдствій, въ видѣ которой изображается обыкновенно процессъ общественной жизни. А если это такъ, то приходится искать „основного двигателя историческаго развитія“ и на немъ именно сосредоточить все вниманіе. Извѣстно, что такой основной двигатель былъ найденъ одною изъ историческихъ школъ; имъ оказывается, по ученію этой школы, процессъ производства, изъ котораго вытекаютъ и которымъ обусловливаются всѣ остальныя явленія общественной жизни, а слѣдовательно и общественное настроеніе. Въ доказательство этого сторонники этой школы ссылаются на очевидную зависимость, въ какой находятся дѣйствія и отношенія людей отъ ихъ экономическаго положенія, непосредственно связаннаго съ процессомъ производства. Противники такого взгляда указываютъ съ своей стороны на обратное вліяніе другихъ сторонъ общественной жизни на экономическія отношенія и процессъ производства. На это сторонники экономической точки зрѣнія возражаютъ, что теорія взаимодѣйствія приводитъ къ безконечному и безвыходному кругу и что поэтому для пониманія историческаго процесса необходимо найти основное, первенствующее теченіе, какимъ, какъ они думаютъ, и является

по праву первородства, воздѣйствіе человѣка на природу для поддержанія своего существованія.

Мы уже говорили, что видимъ коренной недостатокъ всякаго ученія объ основномъ двигателѣ, основномъ теченіи историческаго процесса въ томъ, что оно сосредоточиваетъ вниманіе на *причинахъ*, а не на *содержаніи* общественной эволюціи. Вопросъ ставится такъ: въ чемъ заключается *основная причина* перемѣнъ, происходящихъ въ общественной жизни; *отъ чего зависитъ* непрерывная смѣна общественныхъ формъ? По мнѣнію однихъ, этой причиной оказывается измѣненіе въ условіяхъ производства; по мнѣнію другихъ—измѣненіе общественныхъ понятій. Но такъ какъ каждая причина является, въ свою очередь, слѣдствіемъ, и всѣ причины и слѣдствія переплетаются между собою въ сложномъ историческомъ процессѣ, то неизбѣжно возникаетъ вопросъ о *конечной* причинѣ, о первоначальномъ двигателѣ исторіи. Мы помнимъ, что еще не такъ давно одинъ изъ искателей этого начала началъ долженъ былъ подняться до *quasi-человѣка* и говорить о причинахъ появленія у него рукъ „этихъ орудій, столь удивительно послушныхъ его волѣ“.

Отнюдь не отрицая точки зрѣнія развитія, напротивъ того, исходя именно изъ основныхъ свойствъ этого органическаго процесса, мы предлагаемъ обратить вниманіе на *содержаніе* его въ области общественной жизни и совершенно устранить вопросъ о причинахъ. Мы уже говорили, что непрерывная смѣна формъ характеризуетъ собою лишь внѣшнюю сторону всякаго процесса развитія; сущность-же его заключается въ усвоеніи элементовъ окружающей среды, переработкѣ ихъ въ высшія формы и накопленіи новыхъ потенціальныхъ силъ. Всякій послѣдующій фазисъ развитія вытекаетъ изъ предыдущаго, какъ результатъ этого органическаго процесса, причина котораго совершенно ускользаетъ отъ нашего пониманія; мы можемъ наблюдать лишь явленія, возникающія на почвѣ непрерывнаго роста индивидуальныхъ или коллективныхъ силъ, происходящаго въ условіяхъ данной окружающей среды, которыя, въ свою очередь, измѣняются подъ вліяніемъ новыхъ, органическихъ факторовъ міроваго процесса. При такомъ взглядѣ на процессъ историческаго развитія устраняется вопросъ о его конечной причинѣ. Этотъ неразрѣшимый по своей сущности вопросъ обращается въ другой, гораздо болѣе доступный опредѣленному рѣшенію: имѣя дѣло съ потенціальными силами, накопляющимися въ процессѣ эволюціи, мы неизбѣжно приходимъ къ вопросу о ихъ сочетаніи, о ихъ суммированіи или ихъ столкновеніи и объ опредѣленіи ихъ равнодѣйствующей; а мы знаемъ, что опредѣленіе равнодѣйствующей, даже многихъ силъ и различно направленныхъ, представляетъ собою хотя и сложную, но вполнѣ понятную и возможную задачу.

Такимъ образомъ представленіе объ общественной эволюціи,

какъ о смѣнѣ общественныхъ формъ, должно быть дополнено представленіемъ о ростѣ и накопленіи общественныхъ силъ въ ихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ; только при такомъ условіи возможенъ переходъ отъ отвлеченной идеи о движеніи общественной жизни къ конкретному содержанію историческаго процесса.

Всякая гипотеза единаго фактора, какъ основа для этого перехода, неудовлетворительна, потому что она неизбѣжно суживаетъ рамки историческаго процесса; она плодотворна лишь въ той мѣрѣ, въ какой способствуетъ изученію развитія и свойствъ той исторической силы, которая принимается ею за причину всей общественной эволюціи; такимъ именно путемъ были раскрыты важныя истины въ различныхъ отдѣльныхъ областяхъ общественной жизни, причемъ ея другія стороны являлись для изслѣдователя какъ бы простыми данными историческаго процесса. Но затѣмъ, при всякой попыткѣ обнять всю совокупность историческихъ явленій и построить на избранномъ основномъ факторѣ общую синтетическую картину закономѣрнаго развитія общественной жизни, неизбѣжно выступалъ на сцену указанный нами коренной недостатокъ теоріи единаго фактора,—а именно перенесеніе на процессы развитія точки зрѣнія причинной зависимости, какая прилагается нами къ изученію явленій неорганическаго міра. Причинная зависимость предполагаетъ непрерывную цѣпь явленій, переходящихъ одно въ другое по закону сохраненія энергіи; количество силъ или матеріи, наблюдаемое нами въ одной формѣ, тождественно количеству силъ или матеріи, заключенныхъ въ той новой формѣ или формахъ, которыя смѣняютъ ее. Таковъ общій законъ всѣхъ явленій неорганическаго міра, служащій руководящею нитью для изслѣдованій въ этой области. Но когда мы вступаемъ въ область органической жизни, мы имѣемъ дѣло съ новымъ фактомъ, называемымъ нами питаніемъ, ассимиляціей, ростомъ или развитіемъ,—сущность котораго заключается въ поглощеніи организмомъ изъ окружающей среды тѣхъ или другихъ элементовъ и въ выработкѣ высшихъ формъ матеріи, но причина котораго намъ неизвѣстна. Это значитъ, что мы не можемъ привести его въ причинную связь съ окружающей средой и понять какъ простое продолженіе той цѣпи смѣняющихъ одно другое явленій, которая развертывается передъ нами въ неорганической природѣ. Къ основному и неразложимому факту движенія матеріальныхъ частицъ, къ которому мы сводимъ всѣ неорганическія явленія, присоединяется новый и также неразложимый для насъ фактъ, который мы называемъ развитіемъ или органической жизнью и причина котораго настолько же неизвѣстна намъ, какъ и причина движенія. Всюду, гдѣ происходитъ развитіе, дѣйствуетъ эта органическая сила; это значитъ, что тамъ образуется свой фокусъ жизни, въ которомъ вырабатываются и накопляются тѣ или другія органическія силы. Окружающая среда является необходимымъ условіемъ этого про-

цесса, но она не составляетъ его основной причины, такъ какъ для того, чтобы въ данной окружающей средѣ возникъ данный процессъ развитія, необходимо, чтобы въ ней появился соотвѣтствующій организмъ. Это не значитъ, конечно, чтобы самый организмъ не былъ, въ концѣ концовъ, продуктомъ неорганической среды; но мы говоримъ не о процессѣ зарожденія органической жизни, а о процессѣ развитія на почвѣ уже возникшихъ организмовъ и ихъ коллективной жизни; съ этой оговоркой наше положеніе не можетъ быть оспариваемо: между окружающей средой и тѣмъ или другимъ процессомъ развитія, происходящимъ въ ней, не существуетъ простого отношенія причины и слѣдствія; къ элементамъ окружающей среды присоединяется въ такомъ случаѣ новый факторъ, такъ сказать, съ собственной иниціативой въ формѣ жизненной энергіи; внѣшняя среда является лишь однимъ изъ составныхъ элементовъ того результата, который получается отъ соприкосновенія съ нею живого организма.

Отсюда вытекаетъ полная несостоятельность теоріи единаго фактора или основного двигателя исторіи. Такимъ основнымъ двигателемъ признается извѣстный процессъ развитія, наблюдаемый въ исторической жизни, положимъ процессъ развитія производительныхъ силъ. Какъ всякій органическій процессъ, онъ представляетъ собою извѣстную сторону личной и общественной жизни; если имъ исчерпывается *вся* жизнь *всѣхъ* членовъ общества, то это значитъ, что онъ выражаетъ собою во всей полнотѣ весь жизненный процессъ даннаго коллективнаго организма; жизнь послѣдняго сливается тогда съ процессомъ производства, и слѣдовательно въ такомъ случаѣ не можетъ возникать никакихъ вопросовъ объ основныхъ и производныхъ двигателяхъ, о фундаментахъ и надстройкахъ; основной факторъ является тогда и единственнымъ. Но если жизнь общества становится сложнѣе, если въ немъ происходитъ развѣтвленіе процессовъ развитія, отвѣчающихъ различнымъ сторонамъ жизни его членовъ, то это значитъ, что въ этомъ обществѣ возникло нѣсколько отдѣльныхъ центровъ развитія, въ каждомъ изъ которыхъ вырабатываются свои органическія силы. Положимъ, что въ первобытномъ обществѣ, все существованіе котораго первоначально исчерпывалось добываніемъ пищи, произошло извѣстное накопленіе экономическихъ силъ; это значитъ, что, благодаря благопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ, оно могло осуществить таившуюся въ немъ возможность развитія; эта возможность перешла въ дѣйствительность, въ умственное и физическое развитіе всѣхъ или извѣстной части членовъ общества, въ ихъ способность къ болѣе продолжительному и болѣе производительному труду. Эта новая органическая сила измѣняетъ условія существованія общества и создаетъ возможность для возникновенія въ немъ дальнѣйшихъ процессовъ развитія. Положимъ, что черезъ болѣе или менѣе продолжитель-

ный срокъ въ этомъ обществѣ возникаетъ культъ предковъ, создается представленіе о загробномъ мірѣ, о сношеніяхъ съ нимъ, о его прямомъ участіи въ событіяхъ земной жизни и т. д.; словомъ, складывается извѣстное религіозное міросозерцаніе, связанное съ религіозными эмоціями и ихъ внѣшними проявленіями: обрядами, жертвоприношеніями, религіозными учрежденіями. Это значитъ, что въ этомъ обществѣ возникла новая сторона жизни, что въ психической и физической организаціи его членовъ происходятъ новые процессы развитія, въ формѣ выработки и закрѣпленія новыхъ представленій, чувствъ и эмоцій. „Всякое религіозное вѣрованіе, говоритъ Рибо, необходимо заключаетъ въ себѣ интеллектуальный элементъ, извѣстное знаніе, составляющее объектъ вѣрованія, и аффективное состояніе, т. е. чувство, сопровождающее его и выражающееся въ дѣйствіяхъ *)“. Но знаніе и чувство предполагаютъ соотвѣтствующіе процессы органическаго развитія; религіи, въ ихъ послѣдовательныхъ стадіяхъ, представляютъ собою первоначальную форму умственнаго и эмоціональнаго развитія человѣка. „За исключеніемъ интеллектуальныхъ чувствъ, говоритъ тотъ же авторъ, никакое аффективное проявленіе не зависитъ въ большей степени, чѣмъ религіозное чувство, отъ умственнаго развитія, потому что всякая религія необходимо предполагаетъ извѣстное міросозерцаніе, свою космогонію и метафизику **)“. Съ другой стороны извѣстно, въ какихъ сильныхъ эмоціяхъ проявляется религіозное чувство: въ періодѣ своего полнаго расцвѣта оно „можетъ перейти въ страсть, не уступающую по силѣ и упорству никакой другой и имѣющую свое собственное названіе: религіозный фанатизмъ ***)“. Кромѣ того, религіозныя эмоціи, по существу своему, коллективнаго характера. Съ самыхъ раннихъ ступеней своего развитія „религіозное чувство носитъ *общественный* характеръ или, лучше сказать, общественныя и религіозныя стремленія какъ бы сливаются въ немъ и составляютъ одно цѣлое“. Въ ранніе періоды общественной жизни, религіозное чувство „укрѣпляетъ принципъ власти, часто въ пользу еще очень слабыхъ альтруистическихъ наклонностей. Вожди, жрецы и кудесники говорятъ и дѣйствуютъ отъ имени высшей силы и поддерживаютъ общественную связь. Культъ мертвыхъ, которому Спенсеръ ошибочно придалъ слишкомъ широкое значеніе, устанавливаетъ преемственную связь между поколѣніями и является элементомъ устойчивости. Общность культа и обрядовъ служитъ объективнымъ и видимымъ выраженіемъ общественной солидарности ****)“.

*) „La psychologie des sentiments“, стр. 297.
**) Ibid., стр. 303.
***) Ibid, стр. 314.
****) Ibid., стр. 302.

Такимъ образомъ появленіе религіозныхъ вѣрованій представляетъ собою одну изъ формъ интеллектуальнаго, эмоціональнаго и общественнаго развитія человѣка; возникновеніе религіи указываетъ на новые жизненные процессы, происходящіе въ обществѣ и сопровождающіеся накопленіемъ новыхъ индивидуальныхъ и общественныхъ силъ. Если смотрѣть на процессъ общественной эволюціи съ точки зрѣнія его содержанія, т. е. развитія общественныхъ силъ, то несомнѣнно, что религіозныя вѣрованія были очень крупнымъ пріобрѣтеніемъ для первоначальныхъ общественныхъ группъ; они составляли одинъ изъ элементовъ, изъ которыхъ складывалась государственная жизнь. Они служили объединяющей, сплачивающей силой. По словамъ Рибо, религіозное чувство являлось „оружіемъ въ борьбѣ за жизнь, такъ какъ вовсе не безразлично имѣть за или противъ себя тѣхъ, въ чьихъ рукахъ сила". Люди не отступали ни передъ какими жертвами, чтобы обезпечить себѣ покровительство боговъ. Въ Аттикѣ безпощадное истребленіе рогатаго скота, сжигавшагося на жертвенникахъ, даже вредило земледѣлію. Когда греки воевали между собою, они были совершенно увѣрены, что съ ними воюютъ и ихъ боги. Идя на войну, они брали съ собою изображенія боговъ; послѣ побѣды они отдавали имъ часть военной добычи. Желая овладѣть Эгиной, афиняне тридцать лѣтъ приносили жертвы ея богу-покровителю, надѣясь привлечь этимъ его на свою сторону. Въ битвѣ при Платеѣ, спартанцы выстраиваются въ одну линію и ждутъ счастливыхъ предзнаменованій; заколото уже нѣсколько животныхъ, но ихъ внутренности не предвѣщаютъ побѣды. „Между тѣмъ приближается персидская конница, пускаетъ стрѣлы и убиваетъ многихъ спартанцевъ. Они стоятъ неподвижно, со щитами у ногъ и даже не укрываются отъ ударовъ непріятеля. Они ждутъ со стороны боговъ знака къ бою. Наконецъ, жертвы предвѣстили удачу. Спартанцы поднимаютъ щиты, берутся за мечи и побѣждаютъ *)".

Все это показываетъ, какую реальную историческую силу представляли собою религіозныя вѣрованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы уже видѣли, что съ ними была связана дифференціація индивидуальнаго и общественнаго жизненнаго процесса. Крайне бѣдное по своему содержанію, растительное существованіе первобытнаго человѣка, на извѣстной ступени его эволюціи, становится болѣе сложнымъ и уже не обнимается однимъ процессомъ развитія производительныхъ силъ; на ряду съ нимъ или, лучше сказать, на почвѣ этого процесса возникаютъ другіе, которыми осуществляется дальнѣйшее развитіе личной и общественной жизни человѣка. Для большей конкретности изложенія, мы взяли для примѣра процессъ развитія религіозныхъ вѣрованій. Намъ нѣтъ надоб-

*) **Fustel de Coulanges**, „**La cité antique**", кн. III, гл. VIII.

ности особенно настаивать на огромной роли этого процесса въ исторіи человѣчества; несомнѣнно, что ему соотвѣтствуетъ цѣлая категорія явленій, имѣвшихъ огромное вліяніе на дѣйствительный ходъ историческихъ событій. Но насъ интересуетъ теперь вопросъ о взаимномъ отношеніи, о причинной зависимости этихъ двухъ процессовъ общественной эволюціи: развитія производительныхъ силъ и развитія религіозныхъ вѣрованій.

Съ точки зрѣнія, которую мы пытаемся выяснить, т. е. съ точки зрѣнія изученія историческаго процесса въ его конкретномъ содержаніи, устраняется самая постановка такого вопроса; онъ замѣняется вопросомъ о результатахъ одновременнаго существованія двухъ или нѣсколькихъ обособленныхъ въ нашемъ представленіи процессовъ общественнаго развитія, о причинахъ, имѣвшихъ или могущихъ имѣть то или другое вліяніе на характеръ или энергію этихъ процессовъ и, наконецъ,—послѣднимъ вопросомъ объ общемъ направленіи исторической эволюціи, по скольку оно можетъ быть выведено изъ наблюденія надъ всѣми общественными процессами развитія въ ихъ сложныхъ сочетаніяхъ.

Съ точки зрѣнія теоріи единаго фактора или основного двигателя исторіи, напротивъ того, неизбѣжно выступаетъ на сцену вопросъ о *причинной* зависимости между различными сторонами общественной жизни, т. е. между болѣе или менѣе обособленными процессами историческаго развитія. Въ силу самой постановки вопроса задача изслѣдователя сводится тогда къ отысканію единаго фактора, *основной причины* общественной эволюціи, каковою и оказывается „въ послѣднемъ счетѣ“ или въ „конечномъ анализѣ“ развитіе производительныхъ силъ. Конкретное содержаніе исторіи разсматривается при этомъ уже не какъ сочетаніе нѣсколькихъ силъ, развивающихся въ отдѣльныхъ центрахъ общественной жизни, а какъ рядъ производныхъ явленій, вытекающихъ изъ единаго и неразложимаго процесса. Понять какое-нибудь историческое явленіе—значитъ тогда свести его къ основному фактору, какъ его причинѣ, подобно тому, какъ понять какое-нибудь явленіе неорганическаго міра значитъ для насъ свести его къ той или другой формѣ движенія, уже не поддающагося дальнѣйшему анализу. Все это логически вытекаетъ изъ самаго понятія о причинной зависимости.

Такимъ образомъ, когда процессъ общественной жизни усложняется возникновеніемъ и развитіемъ религіозныхъ вѣрованій, то для сторонника теоріи конечной причины или основного двигателя неизбѣжно возникаетъ вопросъ: кому изъ двухъ вышеупомянутыхъ факторовъ, орудіямъ производства или религіозному чувству, принадлежитъ *активная* роль въ исторіи? слѣдуетъ-ли признать религіозныя вѣрованія *причиной* развитія производительныхъ силъ или наоборотъ? Если остановиться на послѣднемъ

предположеніи, то религіозныя вѣрованія тѣмъ самымъ устраняются изъ научнаго объясненія историческаго процесса, какъ производное явленіе, вызываемое измѣненіями въ условіяхъ производства; измѣнятся орудія труда, измѣнятся и религіозныя вѣрованія; каждой формѣ производительныхъ силъ соотвѣтствуетъ своя миѳологія, такъ же какъ и своя форма общественнаго устройства, и т. д. Если же допустить, что религіозныя вѣрованія имѣютъ, съ своей стороны, рѣшающее вліяніе на условія экономической жизни, то мы попадаемъ въ безвыходный кругъ, становимся на точку зрѣнія *взаимодѣйствія*, тогда какъ намъ надо отвѣтить на вопросъ о *происхожденіи* этихъ взаимодѣйствующихъ силъ. Чтобы выйти изъ этого безвыходнаго круга—безвыходнаго съ точки зрѣнія исканія конечной причины—„мы должны найти тотъ историческій факторъ, который произвелъ“ и религіозныя вѣрованія, и условія экономической жизни даннаго народа. Слѣдовательно, приходится сдѣлать неизбѣжный выборъ, въ данномъ случаѣ, между орудіями производства и религіознымъ чувствомъ; въ виду такой дилеммы религіозное чувство исключается изъ числа факторовъ, имѣвшихъ вліяніе на ходъ историческаго процесса.

Подобнымъ же образомъ должно быть поступлено съ еще болѣе основнымъ процессомъ общественной эволюціи: умственнымъ развитіемъ. Составляетъ ли послѣднее *причину* развитія производительныхъ силъ, или, наоборотъ, развитіе производительныхъ силъ составляетъ причину умственнаго прогресса? Такъ ставится вопросъ съ точки зрѣнія теоріи единаго фактора. Затѣмъ приводится рядъ доказательствъ въ пользу того, что успѣхи разума объясняются такими-то и такими-то условіями внѣшней среды, что безъ наличности металловъ въ земной корѣ или извѣстной фауны и флоры умственное развитіе человѣка было бы невозможно и т. д. „Посмотрите, какими *причинами* объясняетъ это развитіе современное естествознаніе“, говоритъ одинъ изъ сторонниковъ такъ называемаго монистическаго взгляда на исторію. Такимъ образомъ, вопросъ о роли умственнаго фактора обращается въ вопросъ о происхожденіи умственныхъ способностей.

Изученіе условій, въ которыхъ происходило, въ процессѣ исторіи, умственное развитіе людей, чрезвычайно важно: оно показываетъ, какъ отражались на немъ другія стороны общественной жизни и, кромѣ того, только такимъ путемъ возможно раскрытіе общихъ законовъ умственнаго развитія, такъ какъ ихъ нельзя выяснить иначе, какъ наблюденіемъ надъ исторически совершившимся ростомъ умственныхъ способностей въ различной средѣ и при различныхъ условіяхъ; наконецъ, отсюда же мы получаемъ понятіе о причинахъ, задерживающихъ или ускоряющихъ это развитіе, и о причинахъ, дѣйствующихъ на эти причины. Но, помимо всего этого, остается еще одна сторона дѣла, самая важная для

вопроса о пониманіи исторіи, а именно—вліяніе самого процесса умственнаго развитія на ходъ историческихъ событій. Какое бы количество аргументовъ мы ни нагромождали для доказательства того положенія, что никакое поступательное движеніе въ умственной области невозможно безъ наличности извѣстныхъ матерьяльныхъ условій, мы, очевидно, не разрѣшаемъ этимъ вопроса о *послѣдствіяхъ*, которыми сопровождалось накопленіе и распространеніе знаній. Такъ какъ условія, которыми былъ вызванъ данный процессъ развитія, не содержатъ въ себѣ тѣхъ органическихъ силъ, которыя получаются въ результатѣ его, то очевидно, что мы не можемъ замѣнить послѣднихъ первыми, не можемъ подставить въ наше уравненіе вмѣсто этихъ производныхъ историческихъ величинъ неравныя имъ, хотя и предшествовавшія величины. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе мы отступаемъ назадъ по этой цѣпи причинъ и слѣдствій, превосходящихъ свои причины количествомъ содержащихся въ нихъ силъ, тѣмъ болѣе мы отдаляемся отъ конкретнаго содержанія исторіи, приближаясь къ первочальному элементарному общественному строю, изъ котораго, конечно, не можетъ быть выведена дедуктивно исторія человѣчества.

Мы полагаемъ, что достаточно выясняли нашу точку зрѣнія, въ силу которой устраняется возраженіе, направленное противъ историческаго значенія общественнаго настроенія, какъ величины производной. Мы видѣли, что при научномъ объясненіи общественной эволюціи производныя величины, являющіяся результатомъ процессовъ развитія, не могутъ быть замѣнены причинами, вызвавшими или обусловившими это развитіе, такъ какъ причина не равняется въ этомъ случаѣ своему слѣдствію. Мы рѣшительно не намѣрены оспаривать сугубо-производнаго характера общественнаго настроенія и прямо говоримъ, что оно представляетъ собою самое отдаленное послѣдствіе первичныхъ факторовъ историческаго процесса; но это нисколько не уменьшаетъ его значенія, какъ непрерывно растущей равнодѣйствующей общественныхъ силъ.

Мы не раздѣляемъ поэтому того нѣсколько презрительнаго отношенія къ *состоянію умовъ* и *мнѣніямъ*, господствующимъ въ обществѣ,—съ какимъ часто приходится встрѣчаться теперь въ русской журналистикѣ и которое непосредственно связано съ теоріей единаго фактора или основного двигателя исторіи. Отрицательное отношеніе къ мнѣніямъ, якобы управляющимъ міромъ, по словамъ нѣкоторыхъ французскихъ писателей XVIII вѣка, представляетъ собою реакцію противъ преувеличеннаго значенія, какое придавалось чисто-идейнымъ вліяніямъ въ концѣ прошлаго и первой половинѣ настоящаго столѣтія. Въ сущности, это мнѣніе объ исключительномъ значеніи умственнаго фактора не было плодомъ одного теоретическаго заблужденія; оно возникло подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ тѣхъ успѣховъ, которые были одержаны во Франціи быстрымъ распространеніемъ философскихъ

идей; представители умственнаго движенія XVIII вѣка видѣли воочію свое торжество и не могли не сознавать своей силы; естественно, что подъ вліяніемъ такихъ непосредственныхъ впечатлѣній, они сдѣлали слишкомъ поспѣшное заключеніе относительно рѣшающаго значенія человѣческаго разума внѣ времени и пространства. Но фактъ всетаки остается фактомъ: Руссо, Вольтеръ и энциклопедисты представляли собою дѣйствительно очень большую силу во Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка. Сторонники экономической точки зрѣнія, разумѣется, не отрицаютъ этого, они утверждаютъ только, что эта сила была не самостоятельной, а производной, и что вся такъ называемая просвѣтительная философія XVIII вѣка являлась простымъ отраженіемъ перемѣнъ, происшедшихъ къ тому времени во Франціи въ условіяхъ производства и вытекающихъ изъ нихъ имущественныхъ отношеніяхъ; проникая въ самые глубокіе источники человѣческихъ дѣйствій, они утверждаютъ, что энциклопедисты и ихъ послѣдователи были лишь безсознательными орудіями осуществленія интересовъ нарождавшейся буржуазіи; думая служить человѣчеству, они, въ сущности, способствовали дальнѣйшему преуспѣянію откупщиковъ и хозяевъ мануфактуръ.

Мы не можемъ, конечно, разсмотрѣть здѣсь этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ и во всей его исторической сложности; но мы воспользуемся имъ, какъ конкретнымъ примѣромъ для выясненія защищаемой нами точки зрѣнія.

Итакъ, рѣчь идетъ о причинахъ и послѣдствіяхъ умственнаго движенія XVIII вѣка. Извѣстно, что однимъ изъ самыхъ выдающихся явленій французской исторіи за вторую половину прошлаго столѣтія было необычайное умственное возбужденіе французскаго общества и огромное вліяніе, оказанное на общественное мнѣніе Франціи вождями этого умственнаго движенія, въ числѣ которыхъ были люди самаго различнаго происхожденія: сынъ мѣстнаго нотаріуса Вольтеръ, членъ судебнаго дворянства Монтескье, бездомный чужеземецъ—Руссо, разночинецъ—Дидро, маркизы, генеральные откупщики, аббаты. Движеніе не имѣло опредѣленной политической программы; оно носило философскій характеръ и вращалось въ кругу самыхъ общихъ идей; но тѣмъ не менѣе оно оказало самое разрушительное вліяніе на господствовавшее до того во Франціи общественное міросозерцаніе,—міросозерцаніе XVII вѣка, сложившееся въ эпоху полнаго расцвѣта абсолютной монархіи, блеска и торжества національной католической церкви. Собственно говоря, XVII вѣкъ также не былъ періодомъ умственнаго застоя во Франціи; напротивъ того, онъ далъ ей цѣлый рядъ великихъ писателей и мыслителей; новѣйшіе историки французской литературы ставятъ его въ этомъ от-

ношеніи даже выше XVIII вѣка; но наиболѣе важное для насъ различіе между ними заключается въ совершенно противоположномъ направленіи созданныхъ ими умственныхъ движеній. „Литература XVII вѣка, говоритъ Лансонъ, была по существу своему психологической. Одни изъ ея писателей анализировали страсти, характеры, душевныя силы и душевныя состоянія; другіе создавали общія формы, которыя заключали въ себѣ и классифицировали безконечное разнообразіе индивидуальныхъ темпераментовъ... Эта литература не была воинствующей; она относилась съ уваженіемъ къ общественнымъ рамкамъ, къ іерархіи, къ свѣтской и духовной власти; она или признавала разрѣшенными всѣ великіе метафизическіе вопросы, революціонные по своей сущности, или же устраняла ихъ. Она спокойно и безпристрастно изображала жизнь и міръ въ ихъ повседневной реальности, не стремясь къ измѣненію существующихъ условій“ *). Литература XVIII вѣка, напротивъ того, занималась исключительно основными философскими вопросами, носила самый воинствующій характеръ и взволновала всю Францію своей разрушительной пропагандой. Такимъ образомъ, вопросъ о причинахъ умственнаго движенія XVIII вѣка сводится къ вопросу о причинахъ принятаго имъ рѣзко-отрицательнаго направленія.

Съ точки зрѣнія теоріи основного двигателя исторіи, этотъ вопросъ разрѣшается, какъ извѣстно, по разъ установленной формулѣ, приложимой ко всѣмъ временамъ и странамъ; въ данномъ случаѣ, экономическое объясненіе разсматриваемаго умственнаго движенія принимаетъ слѣдующій видъ: развитіе производительныхъ силъ создало во Франціи третье сословіе и передало въ его руки экономическое преобладаніе; это фактическое господство третьяго сословія не соотвѣтствовало политической надстройкѣ, отвѣчавшей прежнимъ, уже измѣнившимся экономическимъ отношеніямъ; вслѣдствіе этого началось умственное движеніе въ странѣ и появились идеологіи, преисполненныя возвышенныхъ стремленій и всякихъ политическихъ утопій, подъ прикрытіемъ которыхъ нарождающійся капитализмъ занялъ подобающее ему мѣсто на политической сценѣ. То же самое можетъ быть изложено, впрочемъ, въ нѣсколько иныхъ терминахъ: къ половинѣ XVIII вѣка развитіе производительныхъ силъ достигло во Франціи той ступени, на которой онѣ вступили въ противорѣчіе съ производственными отношеніями, столкнулись со стѣснявшими ихъ рамками общественной жизни; тогда долженъ былъ наступить переворотъ со всѣми его обычными аксессуарами, однимъ изъ которыхъ и было разсматриваемое идейное движеніе. Который изъ этихъ двухъ варьянтовъ предпочтительнѣе въ данномъ

*) „Исторія французской литературы“, т. II (изданіе Солдатенкова), стр. 5.

случаѣ, мы не беремся рѣшить, да это и несущественно, такъ какъ въ обоихъ объясненіяхъ одинаково рельефно выступаетъ общая имъ тенденція: умственное движеніе XVIII вѣка играетъ въ нихъ одну и ту же роль психическаго аппарата, при помощи котораго приводятся въ исполненіе уже готовыя рѣшенія исторіи, причемъ исчезаетъ изъ вида значеніе самыхъ процессовъ умственнаго развитія и эволюціи общественныхъ чувствъ, какъ однихъ изъ моментовъ этихъ рѣшеній.

Читатель уже знаетъ, что съ защищаемой нами точки зрѣнія, напротивъ того, въ этихъ именно двухъ процессахъ и лежитъ источникъ какъ умственнаго движенія XVIII вѣка, такъ и его непосредственныхъ результатовъ.

Говоря о философскомъ движеніи второй половины XVIII столѣтія, мы необходимо должны связать его съ историческимъ процессомъ умственнаго развитія французскаго общества; *причина* же этого процесса намъ неизвѣстна; онъ совершался въ силу необъяснимой для насъ тенденціи человѣческаго организма, осуществлявшейся всякій разъ, когда послѣдній сталкивался съ благопріятной внѣшней средой. Умственное развитіе составляло одну изъ сторонъ того жизненнаго процесса, который начался въ формѣ первобытныхъ человѣческихъ обществъ и усложнялся вмѣстѣ съ накоплявшимися результатами этого процесса. Однимъ изъ такихъ результатовъ были продукты умственнаго развитія: религіозныя представленія, науки, искусства. Современная психологія связываетъ первые проблески научной мысли съ деперсонификаціей природы, т. е. съ религіозными представленіями: „Быть можетъ, говоритъ Рибо, благодаря именно зрѣлищу неподвижности и устойчивости внѣшней среды, понятіе о порядкѣ или законѣ впервые скромно проникло въ міръ. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что деперсонификація природы началась очень рано и отмѣчаетъ собою первые шаги науки“ *).

При дальнѣйшей эволюціи, религіозныя чувства и представленія выдѣлились въ особую область, объективировались въ цѣлый рядъ обычаевъ и институтовъ и стали въ извѣстное отношеніе къ процессу умственнаго развитія. Это указываетъ на сложность этого процесса; но для насъ въ настоящемъ случаѣ важно только отмѣтить самый фактъ роста умственныхъ силъ въ человѣческихъ обществахъ: накопленіе знаній и выработку научныхъ пріемовъ мысли, возникновеніе образовательныхъ учрежденій, усовершенствованіе языка и литературы, какъ орудій идейнаго воздѣйствія и хранилищъ духовныхъ пріобрѣтеній, наконецъ— развитіе общественныхъ наукъ и способности научнаго пониманія общественныхъ явленій. Все это происходило въ извѣстныхъ историческихъ рамкахъ, прилагалось къ тѣмъ или другимъ не-

*) La psychologie des sentiments, стр. 303.

посредственнымъ задачамъ и окрашивалось реальными условіями общественной жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ процессѣ развитія была своя безотносительная сторона, свой положительный итогъ: возраставшій запасъ умственныхъ силъ, находившихся въ распоряженіи общества. Во Франціи XII или XIII вѣка было невозможно, ни при какихъ условіяхъ, умственное движеніе тѣхъ количественныхъ и качественныхъ размѣровъ, въ какихъ оно проявилось въ XVIII столѣтіи; ни при какихъ критическихъ обстоятельствахъ, ни господствующіе, ни подавленные экономически классы не могли тогда опереться въ достиженіи своихъ цѣлей на еще не существовавшее орудіе общественнаго воздѣйствія.

На ряду съ умственнымъ развитіемъ человѣческихъ обществъ шло развитіе въ ихъ средѣ соціальныхъ чувствъ. Эволюція этихъ чувствъ составляетъ вопросъ психологіи; намъ необходимо только не упускать изъ вида, что они *имѣютъ* свою эволюцію, т. е. что имъ соотвѣтствуютъ извѣстныя измѣненія въ человѣческомъ организмѣ, медленно накопляющіяся и передающіяся по наслѣдству, и что впечатлѣнія окружающей жизни являются не причиной данныхъ общественныхъ эмоцій въ человѣкѣ, а лишь стимуломъ, вызывающимъ ихъ. Общественныя чувства такой же продуктъ исторіи, какъ наука или искусства. Рибо настаиваетъ даже на той мысли, что въ области нравственной эволюціи имѣются свои великіе люди, свои *изобрѣтатели*. „Всѣ признаютъ, говоритъ онъ, изобрѣтателей въ геометріи, въ музыкѣ, въ пластическихъ или механическихъ искусствахъ; но появлялись также люди, стоявшіе значительно выше современниковъ по своимъ моральнымъ стремленіямъ и бывшіе двигателями и иниціаторами ихъ. Не слѣдуетъ забывать (ибо это пунктъ первостепенной важности), что недостаточно одного *теоретическаго* представленія о болѣе возвышенномъ нравственномъ идеалѣ, о цѣли, лежащей впереди; необходима могучая эмоція, которая заставляетъ дѣйствовать и, заражая другихъ, передаетъ имъ свой порывъ. Всякій шагъ впередъ опредѣляется тѣмъ, что *прочувствовано*, а не тѣмъ, что понято“ *).

Итакъ, въ основѣ философскаго движенія XVIII вѣка лежали два указанныхъ нами историческихъ процесса: умственнаго и эмоціональнаго развитія; это движеніе было проявленіемъ въ общественной жизни Франціи результатовъ происходившихъ въ ней эволюціонныхъ процессовъ. На той ступени умственнаго и эмоціональнаго развитія, какой достигло французское общество ко второй половинѣ XVIII вѣка, оно не могло не реагировать на условія своей государственной жизни, въ умственной области, при помощи выработанныхъ исторіею орудій такого воздѣйствія, т. е. литературы и театра. Характеръ и энергія этого воздѣйствія опре-

*) La psychologie des sentiments, стр. 289.

дѣлялись конкретными условіями общественной жизни. Извѣстно, что французская монархія, объединившая государство и сломившая феодальную монархію при помощи городовъ и средневѣковой интеллигенціи, уже давно заключила свою историческую миссію и находилась, въ XVIII вѣкѣ, въ періодѣ полнаго упадка; сросшіяся съ нею привилегіи и злоупотребленія давали себя чувствовать на каждомъ шагу и не оправдывались болѣе государственною необходимостью. Исчерпавъ свою общественную задачу, французская монархія уже не захватывала въ свои рамки и не ассимилировала идейныхъ и моральныхъ силъ французскаго общества, какъ она ассимилировала ихъ во времена Лопиталя и Жана Бодена. Отсюда—неизбѣжное столкновеніе этихъ силъ съ государствомъ.

Говоря объ идейныхъ и моральныхъ общественныхъ силахъ Франціи, мы имѣемъ прежде всего въ виду извѣстный контингентъ людей, въ которыхъ воплощалось достигнутое ею умственное и эмоціональное развитіе. Мы видѣли, что эти люди принадлежали къ самымъ различнымъ классамъ; современная наука врядъ-ли можетъ указать законъ, согласно которому умственныя и нравственныя силы распредѣляются въ обществѣ и достигаютъ высшаго уровня въ его выдающихся личностяхъ, дѣлающихся руководителями общественнаго мнѣнія; но тѣмъ не менѣе наличность въ исторіи выдающихся великихъ людей не подлежитъ сомнѣнію. Такъ какъ процессы развитія, происходящіе въ обществѣ, имѣютъ мѣсто въ отдѣльныхъ человѣческихъ организмахъ, то и результаты этого развитія неминуемо должны принять форму личностей, одаренныхъ въ большей или меньшей степени тѣми или другими способностями. Роль великихъ людей въ исторіи представляетъ собою не что иное, какъ проявленіе въ общественной жизни тѣхъ силъ, которыя развиваются въ ней въ различныхъ областяхъ. Великіе люди являются не выразителями своей эпохи, не созданіемъ окружающей ихъ среды; въ качествѣ таковыхъ они просто люди своего времени, не отличающіеся отъ остальныхъ. Ихъ особенность въ томъ, что въ нихъ воплощается наивысшая степень развитія, достигнутая обществомъ въ какой-нибудь жизненной области; отсюда ихъ исключительная роль въ исторіи. Въ сферѣ общественной мысли они сильнѣе чувствуютъ и глубже понимаютъ положеніе своей страны; они дѣлаютъ открытія, какъ говоритъ Рибо, и обращая ихъ въ достояніе многихъ, увеличиваютъ общественныя силы. Въ настоящее время, вслѣдствіе преувеличеннаго представленія о значеніи среды, господствуетъ совершенно ошибочное мнѣніе о роли личной иниціативы. Предполагается и утверждается, что *дѣйствуетъ* въ исторіи собственно среда, но только черезъ посредство человѣческой психики; затѣмъ среда измѣняется въ силу своихъ внутреннихъ законовъ и опять начинаетъ *дѣйствовать* черезъ посредство своихъ одушевленныхъ

агентовъ, вызывая въ нихъ соотвѣтствующія иллюзіи, которыя окрашиваютъ для нихъ ихъ автоматическую роль, не имѣя, въ сущности, никакого историческаго значенія. Что такое было, напримѣръ, общественное негодованіе французскихъ демократовъ 1848 года? Повидимому,—результатъ умственнаго и гражданскаго развитія французскаго общества, воплотившійся въ выдающихся дѣятеляхъ той эпохи; Прудонъ, Луи Бланъ, Бланки и др. носили въ себѣ чувства и идеи, поражавшія современниковъ и двигавшія ихъ сердцами; они вызывали новое отношеніе къ средѣ или, по крайней мѣрѣ, усиливали впечатлѣніе, производимое ею на людей, захваченныхъ ихъ вліяніемъ; отсюда извѣстное общественное теченіе, игравшее свою роль въ развязкѣ событій.

Съ точки зрѣнія вышеупомянутой теоріи дѣло представляется иначе. Во Франціи, за періодъ реставраціи и іюльской монархіи накопилась мелкая буржуазія, исключенная изъ политической жизни господствовавшей системою избирательнаго ценза; извѣстная часть національнаго капитала не имѣла политическаго представительства и не пользовалась властью; имущественныя отношенія не соотвѣтствовали общественнымъ. Тогда среда, т. е. именно это несоотвѣтствіе имущественныхъ интересовъ съ политическимъ представительствомъ, начинаетъ дѣйствовать и какимъ-то таинственнымъ путемъ зажигаетъ негодованіе въ сердцахъ Прудоновъ, Луи-Блановъ и Ледрю-Ролленовъ; послѣдніе, полагая, что они борются за французскую демократію, осуществляютъ классовые интересы французскихъ лавочниковъ. Таковъ, говорятъ намъ, механизмъ общественныхъ движеній: „На различныхъ формахъ собственности, на общественныхъ условіяхъ существованія возвышается цѣлая надстройка различныхъ своеобразныхъ чувствъ и иллюзій, взглядовъ и понятій“. Такою именно надстройкой и были соціальныя теоріи 1848 года. „Процессъ возникновенія идеологической надстройки, поясняютъ намъ далѣе, совершается *незамѣтнымъ для людей образомъ*. Они разсматриваютъ эту надстройку не какъ временный продуктъ временныхъ отношеній, а какъ нѣчто естественное и обязательное по своей собственной сущности“.

Не смотря на нѣсколько туманный оборотъ послѣдней фразы, ясно, что представленіе объ идеологическихъ надстройкахъ, какъ о „временномъ продуктѣ временныхъ отношеній“, исключаетъ взглядъ на нихъ, какъ на продуктъ историческаго развитія, медленно накопляющійся страною и составляющій ея духовное богатство, т. е. исключаетъ изъ исторіи процессъ эволюціи общественной мысли и соціальнаго чувства.

Мы вовсе не желаемъ игнорировать французскихъ лавочниковъ и роли матеріальныхъ интересовъ въ политикѣ. Мы отрицаемъ только ихъ таинственную связь съ героями мысли и чувства; послѣдніе постольку и особые люди, поскольку они возвы-

шаются надъ средой лавочниковъ или крупныхъ промышленниковъ; у французской мелкой буржуазіи были свои Тьеры и Мараты. Наконецъ, если даже признать, что среда создаетъ выдающихся историческихъ дѣятелей и влагаетъ въ нихъ соотвѣтствующія ей идеи и эмоціи, то почему подъ этою средою понимать именно имущественное положеніе и житейскую обстановку мелкой, средней или крупной буржуазіи, а не всю совокупность государственныхъ и общественныхъ условій?

То несоотвѣтствіе между средневѣковыми формами государственной жизни, поддерживавшимися ихъ представителями во Франціи XVIII вѣка, и общественными потребностями, о которомъ мы говорили, проявлялось во всѣхъ областяхъ общественной жизни и проявлялось въ видѣ конкретныхъ бѣдствій. Наименѣе терпѣвшими въ этомъ случаѣ были богатѣвшіе представители буржуазіи, покупавшіе дворянство, занимавшіе мѣста откупщиковъ и банкировъ, и богатѣвшіе именно въ условіяхъ и злоупотребленіяхъ стараго порядка. Самый фактъ обѣдненія родовой французской аристократіи, перехода части ея земель въ руки буржуазіи и экономическаго могущества послѣдней показываетъ, что старый порядокъ былъ ареною очень успѣшныхъ денежныхъ спекуляцій, былъ почвою, очень благопріятной для первоначальнаго накопленія и потому долженъ былъ быть болѣе или менѣе дорогъ сердцу рыцарей этого накопленія. Всякая форма промышленности, необходимо имѣетъ свои консервативныя тенденціи и неохотно разстается съ привычными способами обогащенія; поэтому нарождавшаяся французская буржуазія должна была легче всѣхъ другихъ слоевъ общества мириться съ отжившими формами государства. Разсуждая о событіяхъ заднимъ числомъ, мы знаемъ, что въ классѣ разбогатѣвшей французской буржуазіи XVIII вѣка таилась возможность всего послѣдующаго расцвѣта французской капиталистической промышленности и что этотъ расцвѣтъ былъ немыслимъ при государственныхъ условіяхъ стараго порядка; но французскіе откупщики и фабриканты, обдѣлывавшіе свои дѣла въ половинѣ XVIII вѣка, конечно, не подозрѣвали объ открывавшейся передъ ихъ преемниками еще болѣе блестящей переспективѣ и, конечно, очень мало заботились объ историческихъ судьбахъ французской промышленности. За нихъ думали въ этомъ случаѣ люди, мечтавшіе объ общественномъ благѣ и гармоніи интересовъ. Извѣстно, что книга Адама Смита, выяснявшая условія, наиболѣе благопріятныя для развитія производства, была настоящимъ откровеніемъ для современниковъ и въ томъ числѣ для французскихъ капиталистовъ, если только они читали ее.

По всѣмъ этимъ причинамъ мы не видимъ основанія смотрѣть на вождей идейнаго движенія XVIII вѣка, какъ на выразителей потребностей одной французской буржуазіи, какъ на временный продуктъ нарождавшихся капиталистическихъ отношеній, призна-

вая, что въ историческомъ процессѣ умственной и эмоціональной эволюціи есть „нѣчто естественное и обязательное по своей собственной сущности".

Это, такъ сказать, органическое происхожденіе вождей разсматриваемаго философскаго движенія, связанныхъ съ обществомъ всей прошлой исторіей и вліяніемъ одной и той же среды, обезпечивало имъ сочувствіе и поддержку болѣе или менѣе широкихъ слоевъ населенія, обусловливало наличность общественной атмосферы, благопріятной для передачи и распространенія ихъ идей и эмоцій, обобщавшихся и разроставшихся по законамъ коллективной психологіи. Такимъ образомъ на почвѣ государственныхъ неурядицъ и злоупотребленій создалось это широкое и могучее умственное движеніе,—продуктъ всей предшествовавшей умственной и эмоціональной жизни французскаго общества, и даже не одного французскаго,—а всего европейскаго.

Что касается послѣдствій, вызванныхъ философскимъ движеніемъ XVIII вѣка, то этотъ вопросъ гораздо сложнѣе, такъ какъ очень трудно отдѣлить ихъ отъ вліянія другихъ историческихъ силъ; можно только искусственно выдѣлить ихъ изъ громаднаго комплекса переплетенныхъ между собою событій конца XVIII и начала XIX столѣтія, поразившихъ міръ своею неожиданностью и въ теченіе четверти вѣка наполнявшихъ собою всю европейскую исторію. Если откинуть въ сторону всѣ историческія гипотезы, всѣ соображенія о достигнутыхъ результатахъ, о плодотворности или безплодности этихъ событій и обратить вниманіе только на фактическую сторону дѣла, на сумму произведенной работы, на количество затраченной энергіи, то легко будетъ согласиться, что разсматриваемый историческій эпизодъ дѣйствительно необычайныхъ размѣровъ. Онъ отмѣтилъ собою поворотный пунктъ въ общественной жизни Франціи и вызвалъ въ государственной наукѣ появленіе совершенно опредѣленнаго термина: *старый порядокъ*, для отличія предшествовавшаго ему политическаго строя отъ послѣдующаго. Это показываетъ, что переходъ, сопряженный съ очень рѣзкими измѣненіями въ условіяхъ государственной жизни, произошелъ въ очень небольшой періодъ времени и, слѣдовательно, потребовалъ отъ общества чрезвычайнаго напряженія силъ; а это предполагаетъ, въ свою очередь, что необходимое количество этихъ силъ оказалось въ данное время въ распоряженіи общества. Нѣтъ сомнѣнія, разумѣется, что средневѣковой государственный порядокъ старой Франціи былъ значительно расшатанъ своими собственными руками и, какъ говорится, отжилъ свое время; его финансы были въ полномъ разстройствѣ, военная слава потеряна, администрація представляла организованную систему злоупотребленій и т. д. Но какъ бы ни былъ непригоденъ для страны из-

вѣстный государственный порядокъ, это еще вовсе не дѣлаетъ необходимою его замѣну другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ ея потребностямъ. Для этого нужны живыя общественныя силы, которыя сумѣли-бы преодолѣть инерцію стараго строя политической жизни и провести въ нее новыя плодотворныя начала. Такъ какъ французское государство не погибло и не распалось въ концѣ XVIII вѣка, а, напротивъ того, объединилось и перестроило свой политическій механизмъ, то это значитъ, что на ряду съ процессомъ разложенія средневѣковыхъ устоевъ его жизни шли процессы роста и развитія его новыхъ общественныхъ силъ. Весь вопросъ въ томъ, каковы были эти силы.

Въ послѣднее время мы привыкли твердо вѣрить въ то положеніе, что ихъ надо считать связанными съ экономическимъ состояніемъ страны, съ ея имущественными отношеніями, а особенно съ развитіемъ ея производительныхъ силъ. Но всѣ эти выраженія прежде всего крайне не опредѣленны. Надо-ли подъ ними понимать, что нарушенные экономическіе интересы страны какъ живого организма, нуждающагося прежде всего въ поддержаніи своего матеріальнаго существованія, заставляютъ, въ концѣ концовъ, государство устранять причины, подавляющія народное производство? Или же—что имущіе классы, господствующіе экономически, въ рукахъ которыхъ сосредоточена фактическая власть и руководительство одною изъ самыхъ жизненныхъ функцій страны, стремятся перестроить государство въ своихъ интересахъ и всегда достигаютъ этого? Или же, наконецъ, что развитіе производительныхъ силъ, новыя орудія производства, проникающія въ страну, сами въ себѣ носятъ извѣстную систему общественныхъ отношеній и, вызывая промышленную революцію, влекутъ за собою неизбѣжную реорганизацію всего соціальнаго строя? Чтобы рѣшить эти вопросы въ ихъ примѣненіи къ данному случаю и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдиться, какая доля вліянія принадлежала въ разсматриваемомъ историческомъ событіи чисто экономическимъ мотивамъ во всѣхъ этихъ ихъ возможныхъ толкованіяхъ, намъ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе на каждомъ изъ нихъ. Это намъ послужитъ также исходною точкою для выясненія исторической роли умственнаго движенія XVIII вѣка.

Первое изъ трехъ толкованій, не смотря на содержащійся въ немъ, повидимому, безусловный императивъ, страдаетъ полнымъ отсутствіемъ обязательности въ своемъ выводѣ. Начать съ того, что общество или государство, какъ сложный организмъ, не имѣетъ даже опредѣленнаго органа для ощущенія неудовлетворенности своихъ насущныхъ потребностей, а потому самому не имѣетъ и обезпеченныхъ самою природою способовъ воздѣйствія на окружающее съ цѣлью принятія тѣхъ или иныхъ мѣръ для ихъ удовлетворенія. Всѣ выводы, построенные на отождествленіи матеріальныхъ потребностей индивидуума съ матеріальными потреб-

ностями общества, опираются на тотъ властный экономическій мотивъ, который безусловно подчиняетъ себѣ отдѣльнаго человѣка и не представляетъ ничего рѣшающаго въ общественной жизни. То, что для индивидуума является вопросомъ быть или не быть, для государства выражается повышеніемъ на одну или двѣ десятыхъ процента смертности. А чѣмъ устанавливается высшій предѣлъ этого процента? Какова та степень матеріальной нужды и необезпечности населенія, при которой государство не могло бы продолжать свое существованіе и даже усиливать свое могущество? Извѣстенъ афоризмъ, извлеченный изъ историческаго опыта именно могущественнѣйшей въ экономическомъ отношеніи Англіи: богатство націи—нищета народа. Но если бы даже государство падало и погибало отъ матеріальной нужды населенія (исторически такая гипотеза невозможна), то оно не имѣло бы даже возможности принять необходимыхъ мѣръ спасенія, такъ какъ самый фактъ крайней нищеты его низшихъ слоевъ указывалъ бы на отсутствіе органовъ передачи ихъ ощущеній центрамъ и источникамъ государственной дѣятельности. Только такимъ путемъ можно объяснить, напримѣръ, тотъ фактъ, что въ періодъ полнаго разстройства государственныхъ финансовъ Франціи, огромнаго дефицита и самыхъ разорительныхъ налоговъ, 366 тысячъ членовъ придворной аристократіи получали пожизненную и даже нерѣдко наслѣдственную пенсію, доходившую иногда до 900 тысячъ и милліона ливровъ *). Такія явленія связываются съ общимъ строемъ государственной жизни. Тюрго и Неккеръ, очевидно, понимали парадоксальность подобной финансовой системы, но имъ не удалось измѣнить ее. Очевидно, что, при отсутствіи органовъ передачи, неудовлетворенность самыхъ настоятельныхъ нуждъ является не общественнымъ стимуломъ, а чисто внѣшнимъ признакомъ, простою статистической цифрой, указывающей скорѣе на недостатокъ, чѣмъ на готовый запасъ общественныхъ силъ. Слѣдовательно, причины, вызвавшіе общественное движеніе конца XVIII вѣка во Франціи, могли быть только косвенно связаны съ бѣдственнымъ экономическимъ положеніемъ ея населенія; это экономическое положеніе перешло въ общественную силу, когда приняло форму общественнаго мнѣнія, созданнаго умственнымъ движеніемъ.

Можетъ показаться натяжкой придавать просвѣтительному движенію XVIII вѣка характеръ общенароднаго, такъ какъ оно было, повидимому, замкнуто въ тѣсный кругъ ученыхъ, литераторовъ и фрондирующей аристократіи. Такъ смотрѣли на дѣло и сами инициіаторы этого движенія. Извѣстно, что, не говоря уже о Вольтерѣ, даже Руссо отзывался о народѣ, какъ о невѣжественной и опасной толпѣ, неспособной участвовать въ обще-

*) Ковалевскій, *Происхожденіе современной демократіи*, т. I, стр. 18.

ственныхъ дѣлахъ. Но семи факты указали на тѣсную связь, существовавшую между умственнымъ настроеніемъ просвѣщенной Франціи того времени и ея народныхъ массъ. Одинъ изъ признанныхъ авторитетовъ по исторіи революціонный эпохи, профессоръ Сорбонны Оларъ, считаетъ самымъ рѣшительнымъ моментомъ 1789 года не созывъ генеральныхъ штатовъ, не клятву въ Jeu de Paume и не ночь 4 августа, а взятіе Бастиліи и одновременное ему и почти повсемѣстное возстаніе крестьянъ противъ феодальныхъ замковъ. Только эти акты рѣшили побѣду представителей третьяго сословія въ критическій моментъ подготовлявшагося насильственнаго распущенія ихъ, придали имъ увѣренность въ своихъ силахъ, обратили ихъ въ верховное собраніе. Но очевидно, что эпизоды взятія Бастиліи и повсемѣстнаго, одновременнаго разрушенія феодальныхъ замковъ были не случайностью, а проявленіемъ широко распространившагося настроенія, оказавшагося въ гармоніи съ настроеніемъ просвѣщенныхъ слоевъ и даже намѣтившаго одну изъ существеннѣйшихъ задачъ всего движенія.

Итакъ, экономическія нужды страны могутъ вліять на ходъ государственной жизни только черезъ посредство идейнаго фактора, въ лицѣ-ли просвѣщенныхъ реформаторовъ, стоящихъ во главѣ государства, или въ формѣ общественнаго мнѣнія.

Обратимся теперь ко второй гипотезѣ и посмотримъ, какую роль въ разсматриваемомъ событіи играли имущественные интересы господствовавшихъ экономически классовъ во Франціи XVIII вѣка. Здѣсь мы должны обратиться къ фактамъ, доставляемымъ въ обиліи замѣчательнымъ ученымъ трудомъ М. М. Ковалевскаго по вопросу о происхожденіи современной демократіи.

Что представляла собою Франція XVIII вѣка въ экономическомъ отношеніи? Земледѣльческую страну съ огромнымъ преобладаніемъ дворянскаго землевладѣнія. Фабричное производство только что зачиналось; даже крупныя торговыя компаніи играли незначительную роль; Мерсье, авторъ „Tableau de Paris“, констатируетъ слабую предпріимчивость французской буржуазіи: онъ замѣчаетъ, что „французскій буржуа можетъ быть купцомъ, но чтобы сдѣлаться крупнымъ негоціантомъ, у него не хватаетъ предпріимчивости“; „промышленная дѣятельность продолжала сосредочиваться въ рукахъ организованныхъ въ цехи ремесленниковъ“, т. е. привилегированныхъ мастеровъ-купцовъ, пользовавшихся монополіями въ каждой отрасли производства, и работавшихъ на нихъ подмастерьевъ и учениковъ, лишенныхъ всѣхъ корпоративныхъ правъ; мелкая промышленность преобладала надъ крупной *).

---

*) *Происхожденіе современной демократіи*, стр. 19, 20.

Таковъ общій фонъ положенія. Обратимся теперь къ характернѣйшимъ чертамъ землевладѣнія.

Ошибочно было бы думать, что паденію стараго порядка предшествовало обѣдненіе французскихъ дворянъ-землевладѣльцевъ; разоренію подверглись только старинныя аристократическія семьи, существовавшія затѣмъ своими привилегіями и поддержкою государства. Ихъ богатства и земли перешли въ руки новыхъ дворянъ, разбогатѣвшихъ горожанъ, которые, „покупкою дворянской должности или путемъ облагораживанія переходили, какъ общее правило, въ ряды высшаго сословія. La noblesse de robe, или судебное дворянство, заодно съ annoblis, или новыми дворянами—причина тому, что и наканунѣ революціи дворянство оставалось еще богатѣйшимъ собственникомъ Франціи *)“.

Къ классу землевладѣльцевъ-дворянъ примыкали по своимъ экомическимъ интересамъ члены третьяго сословія, покупавшіе дворянскія земли и сливавшіеся съ привилегированными классами по своему общественному положенію. Такимъ образомъ господствующею чертою соціальнаго порядка, по свидѣтельству ученаго автора, книгою котораго мы пользуемся, была „монополизація земли въ рукахъ дворнства и высшей буржуазіи **)“.

Самыми капитальными экономическими вопросами для французскаго землевладѣльческаго класса въ XVIII вѣкѣ были: огороженіе общинныхъ земель, отмѣна права выпаса и свободнаго прогона скота, переходъ отъ вѣчно-наслѣдственной аренды къ фермерству. Извѣстно, что къ XVIII вѣку крѣпостного права уже фактически не существовало во Франціи. Путемъ постепеннаго выкупа, крестьяне освободились отъ личной зависимости отъ феодальныхъ владѣльцевъ и пользовались землею, принадлежавшею ихъ прежнимъ повелителямъ, на правахъ наслѣдственной аренды за установленную обычаемъ, неизмѣнную арендную плату. На сѣверѣ Франціи послѣдняя вносилась въ большинствѣ случаевъ деньгами подъ различными наименованіями; въ южной Франціи была особенно распространена уплата наслѣдственной ренты частью годового урожая. Въ обоихъ случаяхъ арендная плата была невысока и невыгодна для помѣщиковъ по сравненію съ тою, какую они могли бы получать при отдачѣ земли подъ фермерское хозяйство, особенно крупное. Кромѣ того, помѣщики были связаны по отношенію къ своимъ наслѣдственнымъ арендаторамъ совмѣстнымъ съ ними владѣніемъ общинными землями, обычаемъ свободнаго выпаса стадъ на всѣхъ нивахъ и лугахъ, послѣ осенней жатвы и до начала весеннихъ работъ, и правомъ крестьянъ на свободный прогонъ скота по помѣщичьимъ лѣсамъ. Естественно, что всѣ эти совладѣнія и сервитуты, сохранившіеся отъ временъ

*) М. Ковалевскій, цит. соч., стр. 3.
**) *Ibid*, стр. 40.

феодальныхъ отношеній, были крайне неудобны для землевладѣльцевъ, стремившихся къ захвату общинныхъ земель и огороженію своихъ полей. Въ этомъ случаѣ интересы привилегированныхъ сословій вполнѣ совпадали съ интересами землевладѣльческой буржуазіи. „Свобода утилизаціи собственности, читаемъ мы у г. Ковалевскаго, возможность производить сельско-хозяйственныя работы независимо отъ установленныхъ обычаемъ сроковъ (право выпаса), обращать поля въ сѣнокосы и сѣнокосы въ поля, садить виноградную лозу, не стѣсняясь законодательными запретами, корчевать лѣса или разводить ихъ снова — вотъ чего въ одно слово требуютъ кайе двухъ высшихъ сословій, находя нерѣдко отголосокъ своимъ жалобамъ и желаніямъ въ рядахъ той землевладѣльческой буржуазіи, вліяніе которой такъ сильно сказалось при редакціи общихъ наказовъ средняго сословія городовъ, бальяжей и сенешоссей".—„Земельные собственники, читаемъ мы дальше, будутъ-ли ими дворяне, духовные или зажиточные буржуа, въ одно слово хотятъ прекращенія тѣхъ неудобствъ, какія представляетъ неопредѣленность ихъ ренты—неизбѣжное послѣдствіе вознагражденія собственника частью урожая" *).

Съ другой стороны, сохраненіе общинныхъ земель и права выпаса составляло жизненный вопросъ для крестьянскаго населенія. Тамъ, гдѣ оно, вслѣдствіе помѣщичьихъ захватовъ, лишалось этихъ сервитутовъ, оно не могло содержать достаточное количество рабочаго скота и попадало въ безвыходное положеніе; оно даже теряло возможность уплачивать оброкъ и подвергалось экспропріаціи. Наказы 1879 г. наполнены жалобами крестьянъ на расчистки помѣщиками подъ пашню частей общинныхъ пустошей, на насильственное отнятіе права выпаса въ лѣсахъ или собиранія сухихъ вѣтвей и желудей, на постановку изгородей и т. д. Особенно терпѣли крестьяне отъ новыхъ землевладѣльцевъ, разбогатѣвшихъ буржуа, покупавшихъ старинныя дворянскія помѣстья и съ наибольшею энергіею стремившихся отдѣлаться отъ обычныхъ формъ земельныхъ отношеній. „Нѣтъ такого насилія, жалуются жители бурга Сенъ-Бри, котораго бы новый владѣлецъ не пустилъ въ ходъ, чтобы отнять у насъ землю. Благодаря ему, многіе лишились своихъ надѣловъ за послѣднія двадцать пять лѣтъ (начиная съ 1763 года)" *).

Таковы были, въ существенныхъ чертахъ, формы земельной собственности во Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка и имущественныя отношенія, связанныя съ земледѣльческимъ производствомъ. Характерными чертами положенія были, во первыхъ, единство интересовъ въ этой области дворянства и буржуазіи и, во вторыхъ, противоположность экономическихъ стремленій зем-

*) М. Ковалевскій, цит. соч., стр. 89, 90.
**) Ibid. стр. 79.

левладѣльцевъ и крестьянства, причемъ стремленія первыхъ совпадали съ ростомъ производительныхъ силъ, вели къ переходу къ усовершенствованному способу хозяйства; стремленія послѣднихъ, напротивъ того, задерживали этотъ экономическій прогрессъ. На почвѣ этихъ экономическихъ интересовъ велась борьба между землевладѣльцами и ихъ наслѣдственными арендаторами, исходъ которой не подлежалъ бы сомнѣнію, если бы событія 1789 года не передали побѣды въ руки крестьянъ. Дѣло, очевидно, клонилось къ тому же, что произошло въ Англіи въ XVI столѣтіи, т. е. къ изгнанію съ земли мелкихъ арендаторовъ и переходу къ крупному фермерскому хозяйству. Разореніе крестьянъ и обезлюденіе деревень уже началось повсюду; но революція остановила этотъ естественной экономическій процессъ и надолго обезпечила судьбу мелкаго землевладѣнія во Франціи.

„Всѣ свидѣтельства, говоритъ г. Ковалевскій, сходятся въ признаніи, что въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за пережитымъ Франціею переворотомъ, состояніе французскаго земледѣлія было значительно выше того, какое Юнгъ отмѣтилъ въ своихъ путешествіяхъ по Франціи. Самъ англійскій агрономъ пишетъ въ 1792 г. о значительномъ улучшеніи въ судьбѣ мелкихъ собственниковъ, занимающихся воздѣлываніемъ своихъ полей, другими словами, въ судьбѣ бывшихъ оброчныхъ крестьянъ, нынѣ сдѣлавшихся независимыми владѣльцами своихъ надѣловъ. Революція, прибавляетъ онъ, отразилась самымъ благопріятнымъ образомъ на ихъ участи“ *).

Юнгъ высчитываетъ, что, при самой умѣренной оцѣнкѣ, въ рукахъ землевладѣльцевъ осталось въ теченіе 89 и 90 годовъ не менѣе 300 милліоновъ ливровъ, которые должны были бы пойти нри старомъ порядкѣ на уплату феодальныхъ поборовъ, на издержки дорожной повинности и на государственныя подати; къ этому надо еще прибавить 300 милліоновъ отмѣненной церковной десятины.

Свидѣтельство Юнга относительно быстраго улучшенія экономическаго положенія бывшихъ наслѣдственныхъ арендаторовъ, сдѣлавшихся свободными собственниками своихъ надѣловъ, подтверждается показаніями другихъ лицъ, приводимыми г. Ковалевскимъ: одной англичанки, жившей лѣтомъ 1792 г. въ окрестностяхъ Арраса и описывавшей въ своемъ дневникѣ, какъ мелкіе арендаторы сдѣлались собственниками, скупая по сходной цѣнѣ земли эмигрировавшаго дворянства, церковныя и доманіальныя, и пріобрѣтая ихъ больше, чѣмъ они сами въ силахъ обработать; повѣреннаго по дѣламъ одного гренобльскаго эмигранта, также сообщавшаго послѣднему, что всѣ фермеры его земель разжирѣли на его счетъ; лорда Мальмсбери, проѣхавшаго въ 1796 г. по

*) *Происхожденіе современной демократіи,* т. I, стр. 163.

тѣмъ же мѣстамъ Франціи, по которымъ проѣзжалъ девять лѣтъ ранѣе Артуръ Юнгъ, и сообщавшаго въ одной изъ своихъ депешъ министру иностранныхъ дѣлъ Гренвилю, что „крестьяне и вообще мелкіе собственники, не смотря на частыя реквизиціи въ пользу войска и всякаго рода причиненныя имъ революціей притѣсненія, все же, въ концѣ концовъ, выиграли отъ нея несравненно больше всѣхъ прочихъ классовъ“ *).

Такимъ образомъ, если мы обратимъ вниманіе только на ту сторону экономической жизни Франціи XVIII вѣка, которая была связана съ земледѣльческимъ производствомъ, то очевидно, что событія 1789 года не могутъ быть выведены изъ имущественныхъ отношеній, господствовавшихъ въ этой области, по теоріи осуществленія интересовъ наиболѣе могущественной стороны. Переворотъ произошелъ въ пользу экономически слабѣйшаго класса; естественный процессъ обезземеленія прекратился. Самый состоятельный классъ страны, державшій въ своихъ рукахъ главное орудіе національнаго производства, втягивавшій въ свои ряды всѣ богатѣйшіе элементы третьяго сословія и пользовавшійся, согласно своему экономическому преобладанію, привилегированнымъ положеніемъ въ государствѣ, не только не добился осуществленія своихъ непосредственныхъ экономическихъ задачъ, но былъ уничтоженъ политически. Ясно, что данный вопросъ былъ поставленъ сложнѣе и рѣшеніе его не дается простымъ приложеніемъ разсматриваемой нами экономической формулы.

Обратимся теперь къ области неземледѣльческой промышленности, причемъ, чтобы остаться въ рамкахъ разбираемой гипотезы, необходимо будетъ предположить, что рѣшающее историческое значеніе принадлежитъ собственно обработывающимъ отраслямъ производства; земледѣліе же и форма земельной собственности не должны приниматься въ разсчетъ, по крайней мѣрѣ безъ какихъ-либо существенныхъ оговорокъ.

Мы уже упоминали, что крупное производство составляло незначительную часть всей обработывающей промышленности Франціи второй половины XVIII вѣка. Не смотря на всѣ покровительственныя мѣры, стремившіяся, со временъ Кольбера, создать въ странѣ мануфактурное производство, послѣднее держалось только высокими таможенными пошлинами и составляло, согласно общему строю жизни, монополію въ пользу мануфактуристовъ и источникъ дохода для фиска. Кольберъ смотрѣлъ на запретительныя пошлины, какъ на „костыли“, имѣвшіе цѣлью поставить на ноги туземное производство; но послѣднее плохо развивалось и съ помощію костылей, хотя промышленники богатѣли (М. Ковалевскій, стр. 403, 404). Въ общемъ получается такая картина: незначительное по своимъ общимъ размѣрамъ фабричное произ-

*) Ibid., стр. 165.

водство и интересы предпринимателей, связанные съ поддержаніемъ ихъ монополій.

Подъ вліяніемъ увлеченія экономическими теоріями мы привыкли думать, что въ XVIII, XVII и даже XVI вв. промышленная революція уже совершилась во всей западной Европѣ. Предполагается, что великія изобрѣтенія, географическія открытія и т. д. вызвали повсюду необычайный ростъ производительныхъ силъ, рвавшихся на свободу и стремившихся ниспровергнуть стѣснявшія ихъ рамки государственной жизни. Мы видимъ, что, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Франціи, это не подтверждается историческими фактами; что никакого особеннаго роста промышленности въ ней въ дѣйствительности не было даже и во-второй половинѣ XVIII вѣка, а тотъ, который былъ, происходилъ съ помощью государства, въ условіяхъ наличной государственной жизни, и носилъ на себѣ печать своего происхожденія: стремленіе къ монополіи. Крупное капиталистическое производство существовало еще только въ возможности, въ видѣ того гегелевскаго „духа“, который искалъ себѣ воплощенія въ исторіи, еще не будучи представленнымъ никакими реальными общественными силами. Въ дѣйствительности, во Франціи второй половины XVIII вѣка преобладала ремесленная промышленность въ формѣ цеховой организаціи.

Извѣстно, что къ тому времени цеховая промышленность приняла характеръ организованной монополіи мастеровъ-хозяевъ, которые пользовались всѣми выгодами постепенно возроставшаго сбыта и держали въ своей полной зависимости рабочія массы подмастерьевъ и учениковъ. То положеніе, въ которомъ находились послѣдніе, хорошо иллюстрируется исторіею ліонскихъ стачекъ 1744 и 1786 г. Мастера, передававшіе даже по наслѣдству свои привилегіи или покупавшіе ихъ, какъ собственность, у правительства, конечно, очень дорожили ими и, составляя какъ-бы особый классъ, ревниво охраняли свои корпоративные интересы. Несомнѣнно, что особо искусные въ своемъ дѣлѣ и изобрѣтательные мастера ощущали неудобства цеховыхъ регламентовъ и стекались въ тѣ мѣста и кварталы, гдѣ была допущена свобода промышленной дѣятельности (М. Ковалевскій, стр. 233); но несомнѣнно также, что, какъ общее правило, въ средѣ цеховыхъ предпринимателей господствовалъ духъ консерватизма, въ основѣ котораго лежали непосредственные матеріальные интересы, стремленіе къ охраненію себя со стороны преобладавшей въ то время формы промышленной собственности.

Это стремленіе обнаружилось въ томъ сопротивленіи, какое встрѣтила въ средѣ цеховыхъ корпорацій попытка Тюрго отмѣнить цеховые порядки и установить свободу промышленнаго труда. Эта мѣра, очевидно, была благопріятна для массы потребителей и встрѣтила сочувствіе во всемъ образованномъ обществѣ; но „подъ-

ема частныхъ интересовъ", какъ говоритъ г. Ковалевскій, оказалось еще достаточно, чтобы затормазить реформу. Послѣ паденія Тюрго цехи были болѣе или менѣе возстановлены и окончательно уничтожены только учредительнымъ собраніемъ, причемъ представленные послѣднему протесты почти всѣ исходили отъ мастеровъ. „Въ наказахъ избирателей, наоборотъ, или высказывается желаніе, чтобы свобода труда была признана законодательствомъ, или хранится упорное молчаніе о будущей судьбѣ цеховъ" (М. Ковалевскій, стр. 234, 235).

Такимъ образомъ мы не видимъ, чтобы со стороны промышленнаго класса Франціи второй половины XVIII вѣка было проявлено могучее давленіе на государство съ цѣлью раздвинуть рамки, стѣснявшія его производительную предпріимчивость; напротивъ того, мы видимъ, что это давленіе даже временно парализовало дѣйствіе другихъ общественныхъ силъ, стремившихся установить свободу промышленности. Въ экономической сферѣ французскій промышленный классъ отличался своимъ консерватизмомъ. Мы уже упоминали о жалобахъ Мерсье на слабую предпріимчивость французской буржуазіи того времени. Даже въ той области, на которой всего непосредственнѣе отразились великія открытія XV вѣка, т. е. въ области колоніальной торговли, французскіе капиталисты не проявили ничего подобнаго энергіи своихъ сосѣдей. Всѣ ихъ торговыя компаніи, возникшія притомъ по иниціативѣ правительства, влачили сравнительно жалкое существованіе. Этимъ объясняется, по словамъ г. Ковалевскаго, почему крупные негоціанты далеко не играли во Франціи XVIII вѣка той роли, какую играли въ ней въ то время откупщики и банкиры (стр. 20).

Послѣднее замѣчаніе естественно приводитъ насъ къ этой важной категоріи представителей французскаго капитала. Оно же избавляетъ насъ отъ необходимости доказывать, какое значительное мѣсто въ общественной жизни до-революціонной Франціи занимали финансисты и откупщики. Въ лицѣ ихъ, говоритъ г. Ковалевскій, „буржуазія являлась обладательницей самыхъ крупныхъ капиталовъ въ странѣ". Состояніе пяти королевскихъ банкировъ двухъ послѣднихъ царствованій исчислялось въ двѣсти милліоновъ. Откупщики были всемогущи; отъ нихъ зависѣло произвести обыскъ гдѣ и когда угодно и задержать даже княжескіе экипажи на заставѣ. Мерсье называетъ банкировъ владыками надъ Франціей.

Итакъ, вотъ еще одна имущественная сила стараго порядка. Конечно, она не представляла собою элемента движенія и экономическаго развитія; но она указываетъ то направленіе, которое было придано государственными условіями Франціи ея экономической жизни, тотъ центръ, къ которому тяготѣли и въ которомъ сосредоточивались французскіе капиталы. При возможности бы-

страго обогащенія путемъ спекуляцій на разстроенные финансы страны, не существовало достаточныхъ мотивовъ для расширенія производства. „Помѣщеніе капиталовъ въ землю въ надеждѣ выручить четыре или пять процентовъ, пишетъ Метра незадолго до революціи, стало анахронизмомъ, такъ какъ ростовщичество и спекуляціи обѣщаютъ прибыль въ 10, 15 и даже 20% ежегодно". (М. Ковалевскій, стр. 18). Этимъ какъ нельзя лучше объясняется консерватизмъ и застой французской обработывающей промышленности XVIII вѣка, отсутствіе въ ней признаковъ стремленія къ свободѣ, исканія новыхъ путей. Всѣ активные элементы третьяго сословія, богатѣвшіе на почвѣ существовавшихъ условій производства, давно уже привыкли переходить въ ряды дворянства, покупать парламентскія мѣста и дворянскія помѣстья, обращать свои капиталы въ привилегіи и монополіи, поддерживавшія старый экономическій стой. Такимъ образомъ устои этого строя не только не расшатывались тѣми имущественными силами, которыя создавались имъ, а еще болѣе укрѣплялись ими; имущественные интересы промышленнаго класса не сталкивались съ государственными условіями стараго порядка, а, напротивъ того, приспособлялись къ нимъ и находили свое наивысшее удовлетвореніе въ откупахъ и спекуляціяхъ на государственный бюджетъ. Старый порядокъ состоялъ въ тѣсномъ союзѣ со всѣми имущественными классами. „Вѣковой ростъ сословной организаціи, говоритъ г. Ковалевскій, завершился противоположеніемъ бѣдныхъ богатымъ", а революція, согласно мнѣнію венеціанца Капелло, раздѣляемому и г. Ковалевскимъ, „приняла, въ сферѣ соціальныхъ отношеній, характеръ междоусобной войны невладѣтельныхъ классовъ съ владѣтельными".

Изъ всего этого видно, что соображенія объ экономическомъ ростѣ третьяго сословія, объ имущественномъ преобладаніи французской буржуазіи XVIII вѣка надъ аристократіей не даютъ намъ ключа къ пониманію событій 1789 года. Какъ въ области земледѣльческаго производства, такъ въ сферѣ обработывающей промышленности и финансовыхъ операцій Франціи этой эпохи, мы не находимъ тѣхъ экономическихъ силъ и интересовъ, давленіемъ которыхъ на общественную жизнь могло бы быть объяснено разсматриваемое нами, необычайное по своей широтѣ и энергіи движеніе.

Послѣ всего сказаннаго по поводу экономическаго положенія Франціи второй половины XVIII вѣка, намъ нѣтъ надобности долго останавливаться на третьемъ варьянтѣ экономической теоріи общественныхъ движеній, а именно—на самопроизвольномъ вліяніи новыхъ орудій производства. Роль этого могучаго фактора экономической жизни, способнаго вызывать перевороты въ промышленной области со всѣми ихъ соціальными послѣдствіями, относится всецѣло къ исторіи XIX вѣка; изобрѣтенія и усовер-

шенствованія Аркрайта, Уатта и Фультона произошли въ послѣдней четверти XVIII столѣтія и даже въ самой Англіи еще не успѣли къ 1789 году обнаружить своего революціоннаго вліянія на промышленность; во Франціи-же, при общемъ слабомъ развитіи фабричнаго производства, первоначальное дѣйствіе ихъ было еще незамѣтнѣе; усовершенствованные англійскіе станки не были даже допущены тамъ ко всеобщему употребленію: ими могли пользоваться только лица, получившія на то особую привилегію отъ правительства (М. Ковалевскій, стр. 431). Такимъ образомъ развитіе крупной промышленности не предшествуетъ событіямъ 1789 года, а лежитъ позади ихъ; тѣ зародыши ея, которые уже существовали при старомъ порядкѣ, оставались зародышами и въ качествѣ таковыхъ не могли играть роли уже осуществившихся измѣненій въ условіяхъ производства.

Не будучи ни въ какомъ смыслѣ прямымъ послѣдствіемъ экономическихъ тенденцій французскаго землевладѣнія и промышленнаго капитала, разсматриваемыя нами событія, тѣмъ не менѣе, оказали огромное вліяніе на дальнѣйшія судьбы національнаго производства во Франціи и, между прочимъ, совершенно устранили всѣ цеховыя стѣсненія, всѣ законодательныя препятствія для свободнаго развитія капиталистическаго производства. Въ виду этого несомнѣннаго факта является вопросъ о причинахъ такого направленія въ экономическомъ воздѣйствіи совершившагося переворота и о тѣхъ общественныхъ силахъ, которыми оно было обусловлено.

Мы видѣли, что стремленіе къ полной свободѣ промышленности обнаружилось во Франціи еще до паденія стараго порядка; оно приняло даже форму законадательной мѣры и нашло блестящее выраженіе въ знаменитомъ эдиктѣ Тюрго объ отмѣнѣ цеховой организаціи (1776 г.). Тюрго былъ однимъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей школы физіократовъ и занимаетъ видное мѣсто въ ряду основателей экономической науки. Физіократы, хотя не пользовались широкою популярностью и не оказали такого могучаго вліянія на общественное мнѣніе, какъ Вольтеръ или Руссо, но ихъ вліяніе на отдѣльныхъ просвѣщенныхъ людей того времени было громадно. Они выражали собою наиболѣе научное и глубокое пониманіе экономическихъ интересовъ страны, и ихъ теоріи непосредственно отразилась на попыткахъ патріотовъ-министровъ спасти старый порядокъ путемъ реформъ. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого вліянія физіократовъ служитъ заключеніе въ 1786 г. торговаго договора между Франціей и Англіей, которымъ провозглашена была свобода торговли между этими двумя странами, не смотря на явныя невыгоды такой радикальной мѣры для французскихъ мануфактуристовъ и рабочаго населенія, оставшагося безъ занятія вслѣдствіе заполненія французскихъ рынковъ болѣе дешевыми англійскими фабрикатами.

Цеховая организація промышленности стояла въ прямомъ противорѣчіи съ основными положеніями ученія физіократовъ, требовавшаго полной свободы промышленности и невмѣшательства государства. Это ученіе имѣло своей жизненной подкладкой чудовищное развитіе регламентаціи, которымъ сопровождалось господство меркантильной системы и системы торговаго баланса, къ явному ущербу населенія; цехи давно уже перестали служить оплотомъ трудящихся массъ и были выгодны только для привилегированныхъ мастеровъ, занимавшихъ наслѣдственныя должности въ городскомъ управленіи; „свобода труда“ являлась въ глазахъ мыслящихъ людей того времени необходимымъ условіемъ развитія національной промышленности, а съ этимъ развитіемъ связывалось представленіе объ общественномъ благосостояніи. Въ ту эпоху ученіе о гармоніи экономическихъ интересовъ еще не было чисто-политической партійной доктриной, какою оно оказалось во времена Бастіа; историческій опытъ еще не выяснилъ соціальныхъ послѣдствій свободной конкурренціи, и послѣдняя признавалась благотворнымъ началомъ величайшими умами того времени, отвлеченными теоретиками общественнаго блага. Адамъ Смитъ мыслилъ „по буржуазному“, хотя высказывалъ презрѣніе къ промышленникамъ,—потому что человѣческій умъ оперируетъ надъ прошлою и текущею дѣйствительностью, а не надъ будущею. Такъ же мыслилъ и Робеспьеръ, еще въ молодости защищавшій права крестьянъ въ тяжбахъ съ помѣщиками. Теорія „laisser faire“ представлялась людямъ XVIII вѣка такою же почетною и спасительною, какъ въ политической области ученіе о „правахъ человѣка“; это было единственное возможное для нихъ принципіальное разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ. Это рѣшеніе въ дѣлѣ отмѣны цехового устройства и установленія свободной промышленности совпадало также и съ требованіями населенія. Въ парижскихъ приходскихъ наказахъ, какъ общее правило, встрѣчается требованіе упраздненія цеховъ; мастера, напротивъ того, единогласно стояли за ихъ сохраненіе. Въ наказахъ сельскихъ общинъ высказывается желаніе свободы торговли и занятія промыслами (М. Ковалевскій, стр. 496, 497).

Такимъ образомъ экономическая политика учредительнаго собранія являлась отвѣтомъ на непосредственные экономическіе запросы страны, а теоретически обосновывалась въ умахъ законодателей ученіемъ физіократовъ, видные представители которыхъ находились въ ихъ средѣ. На законодательной дѣятельности учредительнаго собранія отразилось даже, какъ это доказываетъ г. Ковалевскій, парадоксальное мнѣніе физіократовъ объ исключительной производительности земледѣлія, не смотря на явное противорѣчіе этой теоріи съ грядущимъ могуществомъ городской буржуазіи. И въ этомъ случаѣ идейное вліяніе представителей общественной мысли, создавшееся на почвѣ сознанныхъ интере-

совъ и накопившагося недовольства страны,—было двигающею силою, которая объединяла общественное мнѣніе и управляла до извѣстной степени событіями.

Необходимо замѣтить, что мы вовсе не намѣрены возводить сознательный факторъ на степень единой исторической силы; мы хотѣли только отстоять его право на извѣстное мѣсто въ исторіи, а для этого намъ пришлось бороться съ гипотезами, подчиняющими (въ теоріи) общественную жизнь исключительному дѣйстію производительныхъ силъ и интересовъ экономически-господствующихъ классовъ; съ этою цѣлью мы должны были обратить вниманіе на общественное мнѣніе, какъ на результатъ многихъ процессовъ органическаго развитія, происходящихъ въ теченіе исторической жизни; однимъ изъ такихъ процессовъ является развитіе общественной мысли; оно обусловлено извѣстнымъ экономическимъ прогрессомъ; въ западно-европейской исторіи оно было въ значительной степени обусловлено выдѣленіемъ городовъ изъ военно-феодальнаго строя и зажиточностью буржуазіи; оно было обусловлено потребностью католической церкви въ клирикахъ, знающихъ латынь, причемъ при помощи разбросанныхъ повсюду мелкихъ деревенскихъ школъ духовенство извлекало изъ народныхъ массъ наиболѣе одаренныхъ умственными способностями людей и дѣлало изъ нихъ знаменитыхъ ученыхъ *); оно было обусловлено нуждами королевской власти, поддерживавшей университеты и предоставлявшей юристамъ почетную роль въ государствѣ; оно было обусловлено вторженіемъ въ средневѣковую умственную жизнь античной литературы и философіи; словомъ, оно связывалось со всѣмъ процессомъ общественной жизни. Но оно дало свои особые результаты въ формѣ накопленныхъ знаній, извѣстной степени научнаго пониманія общественныхъ явленій, извѣстныхъ соціальныхъ теорій. Эти теоріи не были продуктомъ данной среды, даннаго состоянія производительныхъ силъ, даннаго историческаго момента. Онѣ представляли собою тотъ запасъ умственной энергіи, который общество могло приложить въ данную минуту къ разрѣшенію своихъ жизненныхъ задачъ. Умственное развитіе западно-европейскаго общества объективировалось въ его литературѣ и университетахъ; оно создало особую область умственной жизни и контингентъ людей, посвящавшихъ себя литературнымъ и ученымъ занятіямъ. Однимъ изъ необходимыхъ проявленій этой умственной жизни было сознаніе коллективныхъ интересовъ, постановка и разработка государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. Параллельно умственному развитію шла эволюція общественныхъ чувствъ, вырабатывались извѣстныя эмоціи, устанавливавшія органическую связь между людьми одного сословія или одной страны и, наконецъ,

*) Н. Сперанскій, *Очерки по исторіи школы.*

независимо отъ какихъ либо подраздѣленій. Появлялись люди, способные отражать въ своей психической жизни, въ формѣ могучихъ эмоцій, положеніе всего государства или народныхъ массъ; и такіе субъекты не были анормальнымъ явленіемъ, такъ какъ ихъ чувства находили отзвукъ въ окружающей средѣ, дѣйствовали заразительно на современниковъ. Это были просто люди, въ которыхъ воплощалась высшая степень эмоціональнаго развитія, достигнутая обществомъ, такъ же какъ въ послѣднемъ неизбѣжно появлялись выдающіеся умы, поэты или военные таланты. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ умственной энергіей въ обществѣ накоплялся запасъ соціальныхъ чувствъ. Эти продукты общественной жизни составляли необходимое условіе и вмѣстѣ съ тѣмъ движущія силы тѣхъ событій, которыя называются общественными движеніями. Но общественныя движенія не представляютъ собою всего историческаго процесса, не обнимаютъ всѣхъ историческихъ явленій и не содержатъ въ себѣ дѣйствія всѣхъ общественныхъ силъ. Это отдѣльные, исключительные моменты въ жизни общества, нарушающіе ея обычное теченіе и придающіе ему свое особое направленіе; это—болѣе или менѣе успѣшное вторженіе въ вѣковую рутину повседневной государственной и житейской практики, въ медленное дѣйствіе частныхъ интересовъ общественнаго сознанія и чувства, которыя вырабатывались въ процессѣ исторіи путемъ долгой эволюціи и только спорадически появлялись на сценѣ государственной жизни. Признавать ихъ историческое существованіе не значитъ отрицать историческую роль другихъ факторовъ; съ другой стороны, отрицаніе ихъ историческаго роста, ихъ самостоятельной эволюціи не даетъ намъ возможности понять ни ихъ постепенно увеличивающейся роли въ исторіи, ни перехода къ ихъ непрерывному функціонированію.

Чѣмъ объясняется крушеніе стараго порядка во Франціи? Мы показали невозможность связать его съ экономическими интересами господствующихъ классовъ и съ развитіемъ производительныхъ силъ. Гораздо болѣе характеризуютъ критическое положеніе Франціи конца XVIII вѣка такія чудовищныя аномаліи, какъ сеньоральное право охоты, кролики и голуби, пожиравшіе жатвы крестьянъ, баналитеты, обратившіеся въ ничѣмъ неоправдываемое вымогательство, крайне неуравнительная система налоговъ, падавшихъ исключительно на бѣднѣйшихъ. Но и всѣ эти чудовищныя злоупотребленія сами по себѣ не составляли общественныхъ силъ и не обусловливали момента своего собственнаго отрицанія. Ими только опредѣлился характеръ общественнаго движенія во Франціи XVIII вѣка и его ближайшія задачи, а также его размѣры; но оно сдѣлалось возможнымъ только тогда, когда создалось извѣстное общественное настроеніе, когда образовался контингентъ людей, ставшихъ во главѣ общества, когда общественное мнѣніе стало открыто высказываться въ пользу государственныхъ реформъ и

когда, наконецъ, оно было поддержано явно выраженнымъ настроеніемъ народныхъ массъ. Но всѣ эти явленія находятся въ прямой причинной связи съ предшествовавшимъ имъ философскимъ движеніемъ; поэтому, мы думаемъ, что, разсматривая вопросъ о послѣдствіяхъ этого движенія, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что оно подготовило тѣ общественныя силы, появленіемъ которыхъ на исторической сценѣ было обусловлено паденіе стараго порядка и которыя играли извѣстную роль въ многочисленныхъ послѣдствіяхъ этого событія, выясненіе и оцѣнка которыхъ уже не входятъ въ рамки поставленнаго нами вопроса.

Мы полагаемъ, что на этомъ конкретномъ историческомъ событіи намъ удалось достаточно выяснить нашу точку зрѣнія, хотя, какъ всякій конкретный примѣръ, онъ безъ сомнѣнія вызываетъ тысячу новыхъ вопросовъ. Но намъ хотѣлось бы прежде всего твердо установить основную разницу между защищаемымъ нами взглядомъ и экономическимъ пониманіемъ исторіи. Эта разница заключается не въ отрицаніи съ нашей стороны исторической роли экономическихъ интересовъ, а только въ ограниченіи этой роли и въ полномъ отрицаніи ихъ непосредственнаго, такъ сказать, рефлективнаго отраженія на общественной жизни. Въ сущности, та универсальная истина, что человѣчество движется въ своей исторіи экономическими интересами,—безплодна съ точки зрѣнія пониманія историческихъ событій, если ею не выясняется самый механизмъ, съ помощью котораго эта элементарная движущая сила дѣйствуетъ на ходъ общественной жизни. Надо указать, какимъ путемъ экономическіе интересы превращаются въ единую и всемогущую общественную силу. Ссылаться на экономическія потребности, говорить о необходимости ихъ удовлетворенія для поддержанія человѣческой жизни—безполезно, когда рѣчь идетъ не объ индивидуумѣ, а объ обществѣ, о мотивахъ дѣйствія не отдѣльнаго организма, а общественнаго тѣла. Мы уже указывали на отсутствіе у послѣдняго природныхъ органовъ ощущенія своихъ матеріальныхъ нуждъ и путей передачи вытекающихъ отсюда стимуловъ центрамъ общественной жизни. Выработка этихъ органовъ и путей, установленіе извѣстнаго соотвѣтствія между настоятельнѣйшими матеріальными потребностями общества и тѣми конкретными цѣлями, на достиженіе которыхъ затрачивается его энергія, составляетъ величайшую задачу человѣчества, далеко еще не разрѣшенную его исторіей. Когда мы видимъ, что въ общественномъ производствѣ своихъ жизненныхъ средствъ люди, въ теченіе всей своей исторіи, становятся въ отношенія, прямо противорѣчащія этой цѣли, то мы, очевидно, не можемъ считать ее руководящимъ стимуломъ общественной жизни; мы должны признать, что производство, какъ *общественная*

функція, не смотря на ея, повидимому, первостепенную важность, фактически отодвигалось исторіей на задній планъ; на передній выступали другіе мотивы, причемъ нѣкоторые изъ нихъ отвѣчали чисто фантастическимъ представляніемъ человѣка о потребностяхъ своего существованія.

Мы не отрицаемъ также борьбы экономическихъ интересовъ, какъ могучаго фактора исторіи; но мы не видимъ возможности втиснуть послѣднюю въ эту дарвинистскую формулу въ виду многихъ эволюціонныхъ процессовъ, вызываемыхъ самымъ фактомъ общежитія, и въ виду той сложной исторической формы, которую приняла общественная жизнь. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, принять за научное объясненіе происхожденія государства эффектную фразу Энгельса:

„Не доставало только одного... учрежденія, которое увѣковѣчило бы возникшее раздѣленіе общества на классы, право имущаго класса эксплоатировать неимущій и преобладаніе перваго надъ вторымъ“.

„И такое учрежденіе явилось. Было изобрѣтено *государство* *)“.

Чтобы формула: борьба экономическихъ интересовъ, или борьба классовъ, получила опредѣленный историческій смыслъ, необходимо выяснить, какимъ путемъ велась эта борьба, на какой почвѣ и какими общественными силами; только при такомъ обращеніи къ конкретному содержанію исторіи мы получимъ реальное представленіе объ эволюціонныхъ процессахъ, совокупность которыхъ составляетъ процессъ общественной жизни.

Что касается развитія производительныхъ силъ, то оно само нуждается въ историческомъ объясненіи. Пока этотъ процессъ будетъ разсматриваться отдѣльно отъ другихъ эволюціонныхъ процессовъ общественной жизни или какъ ихъ *причина*, до тѣхъ поръ законъ совпаденія общественныхъ перемѣнъ съ развитіемъ производства останется пустымъ эмпирическимъ обобщеніемъ, быть можетъ пригоднымъ для практическихъ выводовъ, но мало содѣйствующимъ научному пониманію исторіи.

П. Б.

---

*) *L'origine de la famille, de la propriété privee et de l'Etat,* стр. 156, 157.

WARUM.

Въ 188... году вблизи города Z. производились обширныя работы по урегулированію днѣпровскаго русла. Въ качествѣ руководителя рѣчныхъ работъ былъ командированъ молодой инженеръ, Павелъ Александровичъ Голубинъ. За нѣсколько недѣль передъ этимъ Павелъ Александровичъ неожиданно разошелся со своей хорошенькой, кокетливой женой. Молодая женщина влюбилась въ школьнаго товарища мужа, тоже инженера, и уѣхала съ этимъ новымъ избранникомъ въ Закаспійскую область. Нервный, чуткій и болѣзненно-впечатлительный Голубинъ сильно хандрилъ, невыразимо страдая отъ ревности и самолюбія. Престарѣлый начальникъ округа, человѣкъ необыкновенно добродушный, всегда входившій въ положеніе подчиненныхъ, рѣшилъ, что молодому инженеру нужно освѣжиться, перемѣнить образъ жизни, перенесть острый періодъ своей печали гдѣ нибудь въ новомъ мѣстѣ, вдали отъ друзей и знакомыхъ.

Голубинъ пріѣхалъ въ Z. утромъ, въ началѣ мая. Пыльный уѣздный городокъ еще спалъ. Колоколъ соборной церкви равномѣрно и протяжно созывалъ молящихся. На площади сновали учащіяся дѣти, направляясь къ зданію реальнаго училища, или къ женской гимназіи. Въ населеніи города замѣтно преобладалъ еврейскій элементъ. Подъѣзжая къ гостиницѣ, Павелъ Александровичъ подумалъ, что, пожалуй, ему будетъ трудно пріискать въ русскомъ семействѣ квартиру со столомъ на все лѣто.

Онъ не могъ спать на пароходѣ и потому сейчасъ по пріѣздѣ легъ въ постель. Когда Голубинъ проснулся, номерной лакей, Яковъ, съ лицомъ, носившимъ несомнѣнные признаки семитскаго происхожденія, услужливо помогъ ему умыться, вычистилъ платье и подалъ самоваръ.

Павелъ Александровичъ просматривалъ газету, купленную утромъ на пароходѣ. Яковъ осторожно вошелъ въ комнату и доложилъ:

— Пока вы спали, тутъ приходилъ Кантель: хотѣлъ васъ видѣть.

— Какой Кантель?—изумленно спросилъ Голубинъ.

— Кантель? Вы не знаете Кантеля? Его весь городъ знаетъ!— наивно удивился лакей.

— Я нездѣшній и не знаю его. Кто же это? Полиціймейстеръ, быть можетъ?

Яковъ шутливо разсмѣялся.

— Нѣтъ! зачѣмъ? Кантель не полиціймейстеръ, но онъ и у полиціймейстера свой человѣкъ. Онъ вездѣ свой... Развѣ я знаю, какъ сказать, кто онъ? Ну, еврей, факторъ... онъ даетъ деньги на процентъ... Но это не то... Кантель въ городѣ все можетъ, со всѣми знакомъ...

— Что жъ ему нужно отъ меня?

— Онъ хочетъ предложить вамъ хорошую квартиру. Говоритъ, настоящая квартира для такого образованнаго господина и при ней обѣдъ... поварской обѣдъ...

— Откуда жъ онъ узналъ, что мнѣ нужна квартира?

— Кантель все знаетъ!—произнесъ лакей, убѣжденно помотывая головой.

Голубинъ допивалъ чай, когда Яковъ снова появился въ комнатѣ и таинственно шепнулъ:

— Къ вамъ Кантель!

— Ну, попроси его войти...

На порогѣ показался невысокій еврей, съ огненно-красной бородой и значительно облысѣвшей головою. На видъ ему казалось лѣтъ за сорокъ. Одѣтъ онъ былъ довольно прилично и опрятно, въ длиннополый черный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Держалъ себя съ достоинствомъ, но безъ нахальства. Онъ почтительно поклонился, открыто глядя на Голубина своими узенькими, зеленоватыми глазками, и заговорилъ, стараясь скрадывать букву р:

— Извините, пожалуйста, господинъ инженеръ! Я—Кантель, здѣшній коммиссіонеръ... Полагаю, вамъ нужна на нѣсколько мѣсяцевъ хорошая квартира, въ русскомъ домѣ, съ вкуснымъ обѣдомъ. У меня есть такая квартира...

— Откуда вы узнали? Я еще никому не успѣлъ сказать...

— Я догадался самъ по себѣ, г. инженеръ. Развѣ трудно догадаться? Такъ вамъ угодно будетъ посмотрѣть мою квартиру?

— Удивительная догадливость! Хорошо, я пойду посмотрѣть... А пока, присядьте, Кантель: мнѣ еще нужно составить нѣсколько телеграммъ. Хотите чаю стаканчикъ?

— Если господинъ инженеръ позволитъ...

Кантель пилъ въ прикуску, внимательно разсматривая Голубина. Видя, что Павелъ Александровичъ уже кончилъ писать, комиссіонеръ сказалъ:

— Господинъ инженеръ такой молодой и уже такой высокій постъ занимаетъ... ай, ай! Богъ дастъ, и мой сынъ скоро кон-

читъ ученье и станетъ тоже человѣкомъ... Хоть не такимъ большимъ, но всетаки настоящимъ человѣкомъ.

— А вашъ сынъ учится гдѣ нибудь?

— Какъ же! въ технологическомъ... Такой умный, такой ученый, дай Богъ ему здоровья!

Въ голосѣ Кантеля прозвучала родительская гордость.

Они вышли изъ гостиницы.

— Далеко эта квартира?—спросилъ Голубинъ.

— Отсюда далеко. Но для васъ нельзя найти удобнѣе... Какъ разъ за скверомъ, на берегу Днѣпра... Вамъ будетъ совсѣмъ близко на работы и въ дистанцію,—объяснялъ предусмотрительный Кантель.

— Кто же хозяева квартиры?

— Охъ, это важная барыня! Настоящая барыня, помѣщица, генеральша... Вдова покойнаго предводителя, Варвара Ипполитовна Звонищева... На Екатерину Великую похожа, аристократка настоящая...

Голубинъ подмѣтилъ, что Кантель, желая что нибудь похвалить, непремѣнно употребляетъ слово «настоящій».

— Что жъ, у нея меблированныя комнаты отдаются въ наемъ, что ли?

Кантель даже какъ будто обидѣлся.

— Сохрани Боже! Зачѣмъ ей это?.. Ну, Варварѣ Ипполитовнѣ теперь нужны деньги... Она хочетъ сдать вамъ на лѣто свою гостиную и кабинетъ предводителя. Хорошая обстановка, чистота, балконъ въ садъ... Вамъ тамъ отлично будетъ. Обѣдъ поваръ готовитъ... Одно слово, на-сто-ящіе аристократы.

Кантель помолчалъ, ожидая дальнѣйшихъ разспросовъ, но Голубинъ не проявлялъ любопытства. Тѣмъ не менѣе коммиссіонеръ началъ разсказывать, что отецъ его, Ицко Кантель, былъ постояннымъ факторомъ у предводителя, Звонищева. Предводитель называлъ фактора прямо: «ты, жидъ!», но за то давалъ много заработывать. Большая, важная была семья Звонищевыхъ. Теперь всѣ почти вымерли, на глазахъ Кантеля перевелись на нѣтъ. Кантель помнитъ (когда онъ еще мальчикомъ былъ), какъ у Звонищевыхъ садилось обѣдать за столъ двадцать человѣкъ. И все свои, никого чужого, кромѣ учителя и гувернантки. Однихъ сыновей было восемь душъ... А теперь никого не осталось, только старая барыня и сынъ, Петя Штукаренко. Ну, ужъ лучше бы и онъ померъ! «Эгіистъ» и «ширлатанъ» этотъ Петя!

— Вы, Кантель, раньше другую фамилію называли, не Штукаренко...

— Ну, да! Ихъ фамилія—Звонищевы. У насъ это извѣстная фамилія, въ нашихъ сторонахъ... Только Петю прозвали Штукаренкой за разныя штуки. Онъ все себѣ штуки выкамариваетъ... Гдѣ обернется, смотришь, штуку выкинулъ...

— Какія штуки?—поинтересовался Голубинъ.

— Мало какія! Жидовъ ловитъ въ капканы, надъ мужиками «знущается», дьячка въ проруби выкупалъ, на лошадяхъ по огородамъ черезъ заборы скачетъ, морды бьетъ, разныя штуки! Всего и на воловьей шкурѣ не выпишешь. Онъ немножко... того...

Кантель повертѣлъ пальцами около лба и продолжалъ:

— Ну, такъ онъ ничего себѣ, добрый... Его всѣ любятъ. Даже и тѣ любятъ, кому онъ штуку устроитъ. Сколько онъ на мнѣ этихъ штукъ выкинулъ! Боже ты мой, Боже! Дай моему сыну столько здоровя и денегъ!

— Какія жъ, напримѣръ, онъ вамъ штуки устраивалъ?

— Да много!—уклончиво отвѣтилъ Кантель.—Теперь уже не такъ. Онъ себѣ присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ у мамаши въ мезонинѣ поселился... А раньше, пока не промоталъ свою часть деревни, ой, ой! Что онъ дѣлалъ! По всей губерніи знаютъ. Мнѣ разъ двѣсти рублей далъ, чтобъ я его посадилъ себѣ на шею и покаталъ. Ну, мнѣ что такое? Я покаталъ! Двѣсти рублей на дорогѣ не валяются. Это деньги! Ой, бѣдная Варвара Ипполитовна! всѣхъ настоящихъ дѣтей похоронила, одинъ Петя Штукаренко остался. И какъ она это перенесла! Я бы не выдержалъ, Боже борони всякого, но не выдержалъ бы! А она ничего! перенесла! Только голова побѣлѣла, будто молоко. И какъ ей перенесть, что отъ такого богатства мало что осталось? Охъ, мало осталось!

— Отчего жъ они всѣ такъ вдругъ вымерли?

— Кто его знаетъ! Это какъ проклятье какое... Сначала всѣ такіе здоровенькіе были, орлы настоящіе, а потомъ пошло, пошло, и всѣ пропали. Дочки, кто отъ чахотки, кто отъ родовъ... Сыновья попроживали имѣнія, двое застрѣлилось, одинъ сапомъ отъ лошади заразился... Остальные, говорятъ, отъ сердца поумирали. Старшій сынъ, Аркадій Аполлоновичъ, въ позапрошломъ году въ Харьковѣ застрѣлился. Въ карты игралъ, запутался сильно и не перенесъ. Отъ него только и осталась одна дочка, при бабушкѣ теперь живетъ. Молодая барышня, образованная и тоже... того... крѣпко того...

Коммиссіонеръ опять повертѣлъ пальцами у лба.

— Но, Кантель, вѣдь эдакъ вы меня ведете въ сумасшедшій домъ?

Кантель разразился добродушнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, чтобъ васъ Богъ любилъ, г. инженеръ! Я веду васъ въ хорошій домъ. Барыня, Варвара Ипполитовна—настоящая дама... воспитанная очень. Ну, молодые, они немножко... того... тронуты, но не сумасшедшіе! Какъ можно! Петя Штукаренко—онъ себѣ самодурщикъ. Это мой сынъ его такъ назвалъ. А барышня... она перечиталась...

— То есть, какъ это: перечиталась?

— А такъ! Образованная ужъ очень. Не можетъ говорить просто, все по книгамъ, все по книгамъ! И гдѣ она столько всего нахваталась? Что ни начнетъ говорить, сейчасъ по книгамъ, или запоетъ... Мишигене! Но вамъ что такое изъ этого? Вы себѣ отдѣльно жить будете. Ой, бѣдная Варвара Ипполитовна! Есть ей утѣшеніе на старость! Не дай Богъ никому! Ну, мы уже пришли. Вонъ, ихъ домъ! Обратите вниманіе, г. инженеръ: это что нибудь особенное. Такой домъ два вѣка простоитъ. Еще крѣпостные рабочіе строили. У старика свой кирпичный заводъ былъ, для себя ничего не жалѣли... Одинъ садъ полторы десятины. Теперь уже никто не строитъ такихъ домовъ, г. инженеръ!

Голубинъ и Кантель подходили къ старинной усадьбѣ, съ обширнымъ, густоразросшимся садомъ. Вся усадьба была обнесена толстой кирпичной стѣной. По сторонамъ высокихъ воротъ съ аркой стояли фонарные столбы. Длинный домъ съ мезониномъ и со множествомъ оконъ, казалось, въ самомъ дѣлѣ строился на вѣчныя времена. Онъ былъ выкрашенъ масляной краской дикаго цвѣта. Желѣзная зеленая крыша уже нѣсколько вылиняла отъ непогодъ.

— Половину дома занимаетъ зимой новый предводитель, Ястребовъ. Лѣтомъ онъ съ семействомъ въ деревнѣ, но квартира за ними. Это ихъ парадный ходъ съ улицы, а тамъ, отъ сада, живетъ барыня,—пояснялъ Кантель, отворяя калитку.

Огромный дворъ, симметрично обсаженный тополями, былъ вымощенъ кирпичемъ. Всѣ служебныя постройки были каменныя, подъ желѣзными кровлями. Въ каждой мелочи проглядывала прочная зажиточность хозяевъ, привычка къ полному комфорту. Кантель перешелъ часть двора, направляясь къ саду.

Откуда-то вынырнулъ худощавый, длинный хохолъ, въ «демикитоновыхъ» шароварахъ и несовсѣмъ чистой, вышитой рубахѣ.

— Хоменко!—окликнулъ его Кантель,—доложите барынѣ: г. инженеръ пришелъ, квартиру смотрѣть.

— Слушаю!—по военному отвѣтилъ Хоменко и проворно побѣжалъ впередъ, оставляя пришедшихъ позади себя.

Голубину понравился старый, красивый садъ, весь обнесенный густымъ рядомъ акацій, съ аллеями изъ кленовъ и липъ, съ массой расцвѣтающей сирени. Фруктовыя деревья почти отсутствовали. Кругомъ пестрѣли причудливыя клумбы, вездѣ цвѣли тюльпаны, гіацинты, нарцисы и другіе весенніе цвѣты. На верандѣ, вымощенной каменными плитами, сидѣла за обѣденнымъ столомъ Варвара Ипполитовна Звонищева.

Она, дѣйствительно, имѣла патріархальный видъ прежней, дореформенной барыни. Очень полная, при небольшомъ ростѣ,

она была и представительна. Свѣжій цвѣтъ лица и живые черные глаза мало подходили къ совершенно сѣдымъ волосамъ. На Звонищевой было надѣто безукоризненно-бѣлое батистовое платье съ оборками изъ старинной вышивки. Выраженіе рта казалось скорбнымъ, какъ у человѣка, сраженнаго несчастьями и печалью. Въ общемъ, ея наружность, дѣйствительно, слегка напоминала портреты Екатерины Великой въ старости.

Варвара Ипполитовна любезно привѣтствовала Голубина. Старуха повела его смотрѣть комнаты съ паркетнымъ поломъ, съ дубовыми рамами въ окнахъ и такими же подоконниками, съ старомодной, но хорошо сохранившейся, мебелью.

Въ большой залѣ стоялъ беккеровскій рояль. Подлѣ него нѣсколько этажерокъ, переполненныхъ нотами.

— Боюсь, чтобы васъ не безпокоила музыка. Моя внучка часто и по долгу играетъ. Конечно, мы изолируемъ вашу половину, но все же...

— Помилуйте, я очень радъ, мнѣ такъ пріятно послушать,—отвѣтилъ изъ любезности Голубинъ, на самомъ дѣлѣ неособенно въ душѣ довольный этимъ открытіемъ.

Онъ сразу обратилъ вниманіе, что у Звонищевой стѣны комнатъ въ изобиліи украшены масляными картинами и этюдами въ рамахъ и безъ рамъ. Среди нихъ встрѣчались очень оригинальныя, но какъ бы недоконченныя произведенія. Павелъ Александровичъ недурно рисовалъ и любилъ живопись. Теперь онъ не безъ интереса разсматривалъ этюды на стѣнахъ. Особенно ему понравилась картинка, изображавшая сельское кладбище. Въ ней чувствовалось настроеніе и несомнѣнный талантъ. Жаркій лѣтній день. Солнце накалило песчаную почву. Старые кресты покосились въ разныя стороны. Нѣсколько могилъ безъ крестовъ, сплошь покрытыхъ полевыми цвѣтами. Ромашка, чебрецъ, розовыя гвоздики, львиный зѣвъ, «смолка» и вдовушка ярко пестрѣютъ кругомъ. Тишина и зной. На свѣжей могилѣ, которая еще только начинаетъ обростать молодымъ «чебрецомъ», нѣжатся противъ солнца двѣ зеленовато-сѣрыя ящерицы. И больше ничего! Но Голубинъ не могъ отвесть глазъ отъ этого заброшеннаго деревенскаго кладбища.

— Вамъ, кажется, понравилась это бездѣлушка?—работа моей внучки! Она недурно пишетъ, не правда ли?—спросила Звонищева.

— Прелестно! у нея большой талантъ!—искренно заявилъ Голубинъ, продолжая всматриваться въ картину.

— Да! Жаль, что техника невполнѣ выработана. Раньше моя внучка три года жила въ Петербургѣ, училась у лучшихъ профессоровъ живописи. А теперь охладѣла... Вотъ, и съ музыкой то же самое...

Голубинъ возразилъ:

— Я, по крайней мѣрѣ, не вижу крупныхъ промаховъ. Здѣсь талантливость, заставляетъ забывать о мелкихъ техническихъ погрѣшностяхъ.

— А всетаки, онѣ есть... Ихъ ничѣмъ не затушуешь...

Варвара Ипполитовна вышла на крыльцо. Они безъ торга сошлись въ цѣнѣ. Голубинъ уплатилъ деньги впередъ и сказалъ, что черезъ часъ перевезетъ свои вещи.

— Хоменко!—приказала Звонищева, обращаясь къ длинному хохлу;—сейчасъ принеси шелевокъ и перегороди веранду. Да не забудь оклеить обоями... тамъ оставались...

— Слушаю, ваше превосходительство!—рявкнулъ Хоменко съ сильнымъ малорусскимъ акцентомъ. Онъ все время стоялъ вмѣстѣ съ Кантелемъ, немного поодаль отъ веранды.

— Вотъ, онъ вамъ и прислуживать будетъ. Это Лепорелло моего младшаго сына, Петра. Очень преданный человѣкъ, только большой комикъ. Хоменко, ты хорошо служи паничу, старайся!

— Слушаю, ваше превосходительство!—еще разъ крикнулъ онъ и, обращаясь къ Голубину, добавилъ: — радъ стараться, ваше благородіе!

— Это сынъ мой такъ его вышколилъ, на военный ладъ,—пояснила Варвара Ипполитовна, сдерживая снисходительную улыбку.

Въ тотъ же день Павелъ Александровичъ водворился въ домѣ Звонищевыхъ. Обѣдъ ему прислали весьма обильный и гастрономически-вкусный. Послѣ обѣда онъ принялся разбирать свои вещи и бумаги, укладывая ихъ на письменн мъ столѣ. И вдругъ Голубинъ замеръ на одномъ мѣстѣ, взволнованный, пораженный. Изъ комнатъ хозяйки къ нему донеслись чудные звуки рояля. Играли Warum Шумана. Никогда не слышалъ Павелъ Александровичъ такого исполненія, хотя жена его неоднократно разыгрывала эту коротенькую пьесу. Внучка Звонищевой передавала чувствительную мелодію Шумана какъ то особенно, по своему. Вся ея игра была сплошной вопросъ, тревога передъ загадкой. Она оборвала пьесу мастерски, почти трагически...

— Warum?—невольно прошепталъ Голубинъ и вспомнилъ, что Кантель называлъ эту талантливую барышню «тронутой, мишигене».

Она начала играть «Вечернюю Звѣзду», но Голубинъ оставался подъ впечатлѣніемъ шумановской мелодіи, и ему не хотѣлось вслушиваться въ другія пьесы. Онъ замѣтилъ только, что вообще «тронутая барышня» играетъ безупречно и глубоко понимаетъ композиторовъ.

Спальную Павла Александровича устроили въ бывшемъ

кабинетѣ предводителя. Густые кусты сирени расцвѣтали передъ окнами. Вечеромъ въ саду сладко щелкалъ соловей. Голубинъ такъ и уснулъ подъ нѣжныя соловьиныя трели.

Было еще раннее утро, но солнце уже ярко свѣтило, когда его разбудилъ чей-то голосъ, доносившійся изъ сада. Красивымъ и звучнымъ контральто въ саду кто-то съ чувствомъ, но немного отрывисто, декламировалъ изъ Некрасова:

Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
Хорошо умереть молодымъ!
Безпощадная пошлость ни тѣни
Положить не успѣла на немъ.
Становись передъ нимъ на колѣни,
Украшай его кудри вѣнкомъ!

Забывая о своей досадѣ, недоспавшій Голубинъ прислушивался къ выразительному чтенію и старался вспомнить, гдѣ онъ слышалъ этотъ мелодичный голосъ? Наконецъ, припомнилъ: тембръ голоса очень напоминалъ Марью Гавриловну Равину. Звучное контральто постепенно замирало, удаляясь въ глубь сада.

На смѣну ему принялась куковать кукушка безсчетное число разъ. А потомъ, въ концѣ сада, тотъ же контральтовый голосокъ началъ пѣть: «По небу полуночи ангелъ летѣлъ». Мотивъ былъ оригинальный, совершенно новый для Голубина. До его слуха ясно доносилось:

И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна.
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли...

Спать не было никакой возможности. Павелъ Александровичъ всталъ съ постели и началъ одѣваться. Хоменко ожидалъ на крыльцѣ пробужденія квартиранта. Онъ сейчасъ же подалъ отлично вычищенный самоваръ, заварилъ чай, принесъ сливокъ, масла, домашняго хлѣба, коржиковъ и кренделей.

— Это что такое?—спросилъ Голубинъ, указывая на столъ.

— Барыня прислали: вы-жъ нашъ столовникъ! Кушайте на здоровье, ваше благородіе!

По условію, Звонищева обязалась давать Павлу Александровичу только одинъ обѣдъ. Но гостепріимная старуха не выдержала роли экономной квартирной хозяйки. Хоменко, помолчавъ, сказалъ Павлу Александровичу:

— Вы пожалуйста, идите на крылечко. Я сейчасъ приберу у васъ въ комнатахъ и пойду... А то потомъ мнѣ некогда: нужно звѣринецъ кормить...

— Звѣринецъ? Какой звѣринецъ?—переспросилъ Голубинъ.

— А нашъ. У панича, у моего панича, Петра Аполлоновича, есть звѣринецъ, здѣсь, на мезонинѣ... Паничъ теперь поѣхали въ Р. на ярмарку, а я съ этой нечистью остался... Надо кормить ихъ всѣхъ, дѣлать нечего... Потому, если «повыздыхаютъ», то это хуже «гадюки» будетъ.

Павелъ Александровичъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на говорившаго. Хоменко пояснилъ:

— Видите, ваше благородіе, я при паничѣ съ дѣтства. Ну, вотъ, когда банкъ продалъ хуторъ, паничъ задумалъ разбогатѣть... Осталось у нихъ еще три тысячи, они взяли меня и поѣхали въ Харьковъ, наживать «гроши». Первымъ дѣломъ органъ выписали и научили меня пѣть французскую пѣсню: «ту кассъ, ту лассъ, ту пассъ э тре пассъ», а потомъ пошли и, на мое горе, гадюку гдѣ-то въ звѣринцѣ купили, здоровую такую, толстую и какъ будто дохлую... Привозятъ ее паничъ домой, я даже испугался. Говорю: и на что вамъ эта гадина? Паничъ, какъ разсердятся, какъ закричатъ: «не твое дѣло, мазепа! Что ты разсуждаешь? Вотъ тебѣ змѣй, чтобъ ты мнѣ его досматривалъ! Тутъ все мое богатство!.. Я его на барышъ за пять тысячъ продамъ!» Ну, и повозился-жъ я съ тѣмъ проклятымъ богатствомъ, пока оно не издохло. Хотѣлъ, было, уже отъ панича убѣжать, такъ оно мнѣ надоѣло... А когда пропала та гадина, паничъ чуть не плачетъ: «все мое состояніе погибло!» Я уже утѣшаю ихъ, утѣшаю, говорю: ну, гдѣ-жъ, вы нашли такого дурня, чтобъ польстился на гадюку, да еще за нее вамъ пять тысячъ далъ? Не найдется такого до самой смерти. Паничъ меня выбранилъ, поѣхалъ и—хлопъ!—привезъ четыре ученыхъ собаки, филина и обезьяну... За послѣднія деньги купилъ! И вотъ—теперь по цѣлымъ днямъ паничъ съ филиномъ на плечѣ играютъ на органѣ, я пою по французски, собаки воютъ подъ музыку, а обезьяна танцуетъ. Паничъ говоритъ, что за такое представленіе мы большія деньги брать будемъ. Кто его знаетъ, можетъ и правда, что на нашу комедію найдется много охотниковъ... А пока что, живемъ тутъ у барыни въ мезонинѣ... Живемъ и бѣдуемъ... И что имъ вздумалось разживаться на такой нечисти? Я и то говорю: сохрани, Господи, всякаго крещенаго человѣка отъ такой напасти, какъ этотъ звѣринецъ...

Павелъ Александровичъ вышелъ на крыльцо, допивать чай. Былъ праздникъ, 9 мая, и колокольный звонъ торжественно разливался по городу, замирая надъ блестящей поверхностью Днѣпра. Черезъ досчатую перегородку, оклеенную золотистыми обоями, явственно долетало все, что говорилось и дѣлалось на верандѣ у Звонищевыхъ. Пришелъ Кантель и заговорилъ съ дѣловитой почтительностью въ тонѣ:

— Здравствуйте, барышня, Лизавета Аркадьевна! Будьте добры, явите милость, барышня! Побезпокойтесь попросить бабушку. Скажите: Кантель здѣсь, важное дѣло...

— «Небось, опять съ недобрыми вѣстями ты явился»?— шутливо продекламировала барышня. Потомъ звонкій контральтовый голосокъ запѣлъ въ комнатахъ: «Бабушка! бабушка! бабушка! Кантель стоитъ у дверей, проситъ васъ въ садъ поскорѣй»...

— Добраго утра, ваше превосходительство! Я вамъ безъ оговорокъ, прямо скажу: такая непріятная исторія! Ну, что же я долженъ былъ дѣлать?

— Что тамъ еще такое?

— Петро Аполлоновичъ...

— Слава Богу! такъ я и знала... Ну?

— И за чего же вы сердитесь? Я старался, какъ лучше...

— Скорѣй, скорѣй, не тяни!

— Сегодня приходитъ ко мнѣ Лейба Шнейдель и говоритъ: «Кантель! выкупи, а то отвезу въ Полтаву!» Ну, я выкупилъ! Думаю, развѣ можно не выкупить, когда это Звонищевыхъ фамильное? Я себѣ подумалъ...

— Опять, вѣрно, ризы съ образовъ содралъ и продалъ?

— Ну да! Родительское благословеніе... Имъ нужно было въ Р. на ярмарку ѣхать... И шубу у Лейбы заложили, все позакладывали...

— То-то я смотрю, откуда у него деньги взялись? Господи! который уже разъ я у тебя, Кантель, эти ризы выкупаю? Начнетъ просить, не выдержу и отдамъ ему назадъ... Теперь ужъ въ послѣдній разъ...

— Они знаютъ, что я отъ нихъ ничего не куплю и не возьму въ залогъ! Они мнѣ и не приносили... Но Лейба—ему все равно, они и пошли къ Лейбѣ...

— Сколько же ты далъ Лейбѣ?.. Да только не ври!

— Пятьдесятъ рублей, какъ Богъ на небѣ...

— Кантель! говори правду, какъ сыну счастья желаешь. Знаю я тебя не первый день...

— Ай, ваше превосходительство! И за что вы обижаете бѣднаго человѣка? Вы не вѣрите мнѣ? Я стараюсь для васъ, какъ для себя!.. Ну, я далъ Лейбѣ пятьдесятъ рублей, что я виноватъ въ этомъ?

— Неправда! по глазамъ вижу, что неправда! Кантель! Ты же знаешь, что у меня нѣтъ лишнихъ денегъ...

— Нехай мнѣ очи повылазятъ, провалиться на мѣстѣ!..

— Какъ сыну счастья желаешь?

— И причемъ тутъ мой сынъ? Ризы старинныя съ жемчугомъ... Это еще и дешево я далъ, пятьдесятъ рублей...

Они такъ и покончили на этой цѣнѣ. Отходя отъ дома, Кантель что-то бормоталъ о счастьи сына.

— Лиза-а-нька! Лиза! Кофе пить!—позвала старуха.

— «На зовъ твой лечу ураганомъ, любовь и надежда моя»! напѣвала Лиза, появляясь изъ комнатъ.

Голубину очень нравился ея контральтовый голосъ. Ему хотѣлось поскорѣй увидѣть дѣвушку.

— Ужъ и крестъ мой этотъ Петя! Опять все перезаложилъ, иконы распродалъ евреямъ!—начала Звонищева.

— Какъ вамъ, бабушка, не надоѣстъ постоянно толковать объ одномъ и томъ же? Это вѣчно старая и всегда новая тема! Дядя Пепа и я—крестъ вашей жизни. Выяснено, рѣшено и подписано! Что дѣлать, моя родная? Насъ, къ сожалѣнію, не переиначите! Исправленіе невозможно. «Терпи, любя, терпи, страдая, и лучшей участи не жди»!

— Я ли не терплю? Кажется, трудно...

Голубинъ кашлянулъ, давая понять сосѣдкамъ, что онъ тоже сидитъ на верандѣ и невольно подслушиваетъ чужіе разговоры. Нѣсколько вычурная манера Лизы говорить цитатами, какъ бы декламируя, не показалась Павлу Александровичу вымученной и ненатуральной. У нея это выходило вполнѣ непринужденно, чувствовалось, что она не можетъ говорить иначе.

Варвара Ипполитовна окликнула Голубина, приглашая пить кофе. Онъ познакомился съ Лизой и черезъ столъ началъ разсматривать дѣвушку. Передъ нимъ сидѣла молоденькая барышня, лѣтъ семнадцати, съ личикомъ скорѣе оригинальнымъ, чѣмъ красивымъ. Ея довольно высокая, хорошо сложенная фигура терялась въ складкахъ сиреневой блузы. Свѣтлые волосы, цвѣта спѣлыхъ колосьевъ, были распущены по плечамъ локонами. Правильныя, далеко не крупныя черты лица выражали утомленіе. Только глаза возбужденно и рѣзко сверкали на этомъ блѣдноватомъ, безжизненномъ личикѣ. Улыбаясь, Лиза обнаруживала несовсѣмъ ровные зубы съ особеннымъ, голубовато-синимъ оттѣнкомъ. Улыбка скрашивала ея лицо, придавая ему выраженіе невиннаго лукавства.

Голубинъ похвалилъ этюды Лизы, видѣнные имъ наканунѣ, и чудную игру дѣвушки на роялѣ.

— Вашъ Warum такъ и звучитъ у меня въ ушахъ...

Лиза придвинула къ себѣ большую вазу съ вѣтками бѣлой и лиловой сирени. Она искала «счастье».

— О, ради Бога, только не о моихъ талантахъ. Они у меня ужъ вотъ гдѣ сидятъ! Всѣ, словно по обязанности, хвалятъ меня, а я, тоже по обязанности, должна краснѣть и говорить, «merçi! какъ вы снисходительны»! Вотъ гдѣ, вотъ гдѣ у меня сидятъ мои таланты!—вторично повторила Лиза, указывая на свой затылокъ: —это ужасно, наконецъ!

— Простите! Но я выразилъ свое искреннее мнѣніе. Музыка, дѣйствительно, очаровала меня. А живопись—мое любимое искусство. Немножко и я тоже художникъ. Кромѣ того, у меня есть маленькая коллекція картинъ... Вообще, я интересуюсь живописью...

Лиза пристально и со вниманіемъ посмотрѣла на него, а Варвара Ипполитовна спросила:

— А вы сами изъ какихъ сторонъ? Малороссъ, или сѣверянинъ?

Лиза перебила ее и, глядя на Голубина лукавыми глазами заговорила:

— Я напередъ знаю весь маршрутъ бабушки. Могу по пальцамъ перечесть всѣ вопросы: кто ваши родные? откуда вы родомъ? Сколько вамъ лѣтъ? Какое получаете жалованье, а, главное, женаты ли?.. Это послѣднее чрезвычайно важно...

— Лиза!—съ ужасомъ остановила ее старуха:—что о тебѣ можетъ подумать m-r Голубинъ?

— А что хочетъ! Что ему заблагоразсудится, то пусть и думаетъ! Людской судъ не страшитъ меня нисколечко. Помните, бабушка, еще Пушкинъ въ ваши времена (или немножко раньше?) сказалъ въ поученіе трусливому потомству: «Что люди? жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха! Жрецы минутнаго, поклонники успѣха»... Но мы уклонились въ сторону. Продолжаю: если на вопросъ, состоите ль вы въ законномъ бракѣ, послѣдуетъ отрицательный отвѣтъ, бабушка, украдкой отъ васъ, выразительно взглянетъ на меня. Это будетъ означать: «Лиза! не зѣвай! У тебя нѣтъ ни сантима приданаго, а по нынѣшнимъ временамъ инженеръ вполнѣ приличная партія»! И тогда я стану отъ васъ убѣгать за тридевять земель, при васъ буду чувствовать себя связанной по рукамъ и ногамъ... А жаль! Вы мнѣ сразу понравились! въ васъ незамѣтно ничего банальнаго. Вы, вотъ, и Warum похвалили не такъ, какъ всѣ... Въ вашемъ обществѣ, кажется, можно съ удовольствіемъ проводить время... И собой вы такой...

Лиза остановилась, подыскивая выраженіе, и наконецъ нашла:

— Такой миленькій... именно, миленькій!...

Голубинъ немного смутился. Въ искренности ея полунасмѣшливаго тона нельзя было сомнѣваться. Варвара Ипполитовна умоляюще смотрѣла на Голубина, какъ бы въ чемъ-то извиняясь. Онъ перевелъ духъ и заговорилъ:

— Вы, конечно, шутите, Лизавета Аркадьевна, но если бъ говорили серьезно, то мнѣ оставалось бы только благодарить судьбу. Вамъ не придется убѣгать отъ меня: я женатъ почти уже четыре года...

— «Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ!»—пропѣла Лиза на церковный мотивъ.—Поглядите! Двѣ удачи сразу: я нашла цвѣтокъ бѣлой сирени о двѣнадцати лепесткахъ и узнала, что вы

женаты. Теперь мы познакомимся поближе, если вы ничего не имѣете противъ этого. Я такъ скучаю безъ общества и никакъ не могу пріискать болѣе или менѣе подходящаго. Позвольте вамъ поднесть, въ честь перваго знакомства, эту сирень! пусть она принесетъ вамъ счастье!

Лиза бросила черезъ столъ вѣтку бѣлой сирени. Голубинъ съ поклономъ принялъ душистый цвѣтокъ и продѣлъ его въ петлицу.

— Ваша супруга осталась въ Х.?—спросила Звонищева.

Павелъ Александровичъ предпочелъ солгать:

— Нѣтъ, она уѣхала гостить къ своимъ роднымъ, на Кавказъ.

— Ужъ вы не взыщите!—начала говорить Варвара Ипполитовна,—Лиза у насъ такая оригиналка... Вотъ особа, къ которой не прививается никакое воспитаніе. Она—«сама по себѣ», какъ выражается Кантель.

— Бабушка! Зачѣмъ вы просите о снисхожденіи? Тотъ же самый Кантель, навѣрное, предупредилъ Павла Александровича, что я «мишигене»... Такъ что поразить его я ничѣмъ не могу. Кантель честный коммиссіонеръ и всегда дѣйствуетъ на чистоту.

Голубинъ разсмѣялся, а за нимъ сдержанно улыбнулась и Варвара Ипполитовна, говоря:

— Нѣтъ, вѣрно правда, что для даровитыхъ людей нужны особыя мѣрки и рамки... Къ нимъ нельзя предъявлять общежитейскихъ требованій. Не потому, что Лиза моя внучка, но скажу по истинѣ: она очень талантлива. Недюжинная художница и музыкантша, обладаетъ колоссальной памятью и притомъ она даже...

— Даже немного композиторша. Правда, очень плохая, но все же!..—докончила Лиза похвалы Звонищевой:—право, бабушка превозноситъ меня, какъ евреи своихъ дѣтей: «такой вумный! Ой, какого вумнаго, что нибудь особеннаго!» Композиторъ! Подумаешь, что за громкое слово! А между тѣмъ, теперь за композиторство принимается всякій, кто только мало-мальски сносно бренчитъ на роялѣ. Все равно, какъ почти всѣ полуграмотные люди обязательно поэты. Я не знаю, кто не пишетъ стиховъ? Всѣ пишутъ...

— Положимъ, не всѣ,—сказалъ Голубинъ:—я, кажется, знаю грамоту, а въ жизни своей не сложилъ двухъ строкъ въ рифму...

— Ну, вы инженеръ! У васъ, должно быть, и складъ ума иной... математическій...

Лиза поглядѣла на него ласково и въ то же время чуть чуть насмѣшливо. Она, допивая кофе, сказала съ комической важностью въ тонѣ:

— Талантливая особа сейчасъ уходитъ къ себѣ, чтобъ приступить къ исполненію своихъ священныхъ обязанностей...

— Вы будете играть?—спросилъ Голубинъ.

— Нѣтъ, по утрамъ мы рисуемъ... Я теперь занята одной идеей...

Она перемѣнила свой шутливый тонъ на болѣе серьезный, почти мечтательный:

— Мнѣ хотѣлось бы изобразить осень... Знаете, такую скверную, тоскливую осень... У меня много этюдовъ, но я страшусь, сумѣю ли довести до конца... Да!.. Такъ осень! Идетъ мелкій, мелкій дождь. Садъ умираетъ. Кругомъ желтые и красные листья, оголенные кусты, опустѣвшія клумбы. Только въ одной грядкѣ доцвѣтаютъ пышныя ремонтантныя розы палеваго цвѣта. Но и онѣ уже прибиты дождемъ, выпачканы грязью. И во всемъ чувствуется энергичный, яростный, но глухой и безсильный протестъ природы противъ смерти... Кто его разберетъ: утро ли это, полдень, или вечеръ... Небо безнадежно сѣрое... Сыро, пусто, тоскливо, одиноко... Въ эти ненастные дни люди ищутъ счастья... Но счастья нѣтъ! И надъ кустомъ желтыхъ розъ, не замѣчая пронизывающаго дождя, заломивъ античныя руки, неподвижно стоитъ женская фигура въ сѣромъ одѣяніи... У нея въ глазахъ—холодное отчаянье безъ просвѣта, безъ упованія на возрожденье и весну... «Тише! О жизни поконченъ вопросъ! Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ»...

Голубинъ увлекся этимъ несвязнымъ разсказомъ. Онъ смотрѣлъ на Лизу, невольно поддаваясь ея настроенію.

— Покажите мнѣ вашу картину,—сказалъ онъ.

— Хорошо! Пойдемъ ко мнѣ. Взгляните и откровенно изложите ваше мнѣніе... Въ сѣрой женщинѣ я хотѣла бы изобразить себя... Но это очень трудно... какъ-то, помимо воли, идеализируешь наружность, а выраженіе отчаянья никакъ не удается... Иногда кажется такъ трудно, что опускаются руки, пропадаетъ охота работать... Потомъ опять принимаешься и снова тѣ же мученья... Пойдемъ, я покажу вамъ...

— Лизанька! Не лучше ли сюда принести картину: у тебя тамъ такой безпорядокъ?—остановила внучку Варвара Ипполитовна.

Лиза посмотрѣла на нее, какъ бы пробуждаясь отъ сна... Потомъ она улыбнулась и, возвращаясь къ обычному шутливому тону, насмѣшливо произнесла, указывая на Голубина:

— Но, вѣдь, онъ женатый, бабушка! Ему все можно!

Комната Лизы была обращена окнами на сѣверъ. Наброски карандашемъ, этюды и картины почти сплошь покрывали стѣны. Въ углу, за альковомъ виднѣлась кровать съ наброшеннымъ на нее яркорозовымъ покрываломъ. Мужской письменный столъ,

одной стороною придвинутый къ окну, врѣзывался въ середину комнаты. Онъ былъ загроможденъ книгами и листками исписанной нотной бумаги. Противъ стола помѣщалось маленькое пьянино, съ круглымъ табуретомъ передъ нимъ. Въ двухъ шкафахъ, съ толстыми зеркальными стеклами, была уставлена обширная библіотека,—почти всѣ болѣе извѣстные поэты и беллетристы. На столикѣ, подлѣ старинной кушетки, валялись книжки журналовъ и ножъ, въ видѣ стилета, для разрѣзыванія книгъ. Вся комната была изящно декорирована макартовскими букетами и огромными филодендронами въ кадкахъ и фарфоровыхъ вазонахъ. Надъ пьянино висѣли портреты знаменитыхъ композиторовъ, обвитые засушенными листьями папоротника и дуба. Разбросанные здѣсь и тамъ букетики свѣжихъ ландышей разливали въ воздухѣ свой нѣжный ароматъ.

— Здѣсь у меня хаосъ, какъ въ первый день творенья... Но вы не обращайте вниманія. Да не смущается сердце ваше! Вѣдь вы человѣкъ женатый... Идите сюда!

Голубинъ подошелъ и остановился, какъ вкопанный.

— Господи! Какой у васъ талантъ!—только и могъ прошептать онъ.

Лиза смотрѣла на Павла Александровича блестящими, довѣрчивыми глазами. Ея блѣдное лицо даже порозовѣло отъ волненія.

— Вы не увлекайтесь! Видите, сѣрая фигура слабѣе всего. Я писала ее по собственной фотографіи: нарочно снималась въ такой позѣ. Но это натяжка... это не натура... Я сдѣлала себя хорошенькой, а, между тѣмъ, выраженіе лица не то, т. е. не вполнѣ то, какое мнѣ хочется изобразить. Эта женщина еще можетъ утѣшиться, для нея возможна и весна, и обновленье... А мнѣ нужно отчаянье... отчаянье безъ надежды... Скажите, правда: фигура слабовата?

— Не знаю... Сейчасъ не могу вдаваться въ подробности. Это восхитительно и въ то же время драматично...

— Какой вы впечатлительный!—ласково замѣтила Лиза:—ну, присядьте вотъ здѣсь, на кушеткѣ... Я покажу вамъ еще кое что...

Рисунки были одинъ лучше другого.

Что-то зашевелилось на кушеткѣ, вблизи Голубина. Изъ подъ пуховой покрышки вылѣзла граціозная собачка—левретка на высокихъ, худыхъ ножкахъ. Она, усердно зѣвая, потягивалась послѣ сна и дрожала отъ холода, не смотря на теплый майскій день.

— «Шарлатанъ мой, Шарлатанъ!»—запѣла Лиза на мотивъ алябьевскаго «Соловья».

Собачка прыгнула къ ней на руки, лизнула шею и ухо дѣвушки.

— Поглядите на это чудище, на нашего апокалипсическаго звѣря... Я нахожу, что онъ похожъ на всѣхъ звѣрей сразу! на ихтіозавра, верблюда, ящерицу, поросенка и дикую козу... Словомъ, походитъ на кого угодно, только не на собаку. Это дядя Пепа мнѣ подарилъ и просилъ, въ честь его, назвать Шарлатаномъ... Вѣчно спитъ и дрожитъ, вотъ его единственное занятіе... Шарлатанъ! гопъ къ новому дядѣ!

Шарлатанъ вскочилъ на колѣни Голубина, сосредоточенно обнюхалъ новаго знакомаго, лизнулъ его въ бороду и завилялъ хвостомъ.

— Одобряетъ! Онъ васъ одобряетъ! У него со мной одинаковые вкусы относительно людей: кто мнѣ не понравится, на того и Шарлатанъ ворчитъ...

— Если такъ, то позволь, дорогой песъ, пожать твою благородную лапу за то, что ты одобрилъ меня! — шутливо сказалъ Голубинъ.

Шарлатанъ важно протянулъ ему похолодѣвшую лапку и затѣмъ снова зарылся въ пуховую перину.

Павелъ Александровичъ продолжалъ разсматривать этюды.

— Когда вы успѣли написать все это? Такъ молоды и такъ трудолюбивы...

— О, я пишу запоемъ... Иногда не берусь за кисти по нѣсколько мѣсяцевъ, а какъ возьмусь, такъ только подавай полотна и красокъ! «Коли ѣхать,—катай! Головы не жалко! Намъ безъ свѣта тепло, безъ дороги гладко»!..

Лиза затихла и, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, произнесла, указывая на свою излюбленную картину:

— У меня, какъ поясненіе къ этой осени, сложился рядъ музыкальныхъ фразъ... Когда нибудь я вамъ сыграю, но не теперь... А то сразу такая демонстрація доморощенныхъ талантовъ можетъ устрашить васъ... Постороннему зрителю, вѣроятно, очень надоѣдаетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!—горячо перебилъ ее Голубинъ: — увѣряю васъ, что нѣтъ! Сыграйте, Лизавета Аркадьевна! Вы не можете себѣ представить, какъ ваша картина близка мнѣ по настроенію...

— Да? Въ такомъ случаѣ я сыграю... Мнѣ самой пріятно высказаться передъ кѣмъ нибудь такимъ, кто понимаетъ... Вѣдь я всегда одна...

Подойдя къ письменному столу, она разыскивала что-то среди тетрадокъ и листовъ, исписанныхъ нотными знаками.

— Удивительно! Чужія серьезныя творенія безошибочно играю на память... А своихъ пустячковъ, хоть убей, не помню...

Наконецъ, она нашла, что было нужно, и сѣла за раскрытое пьянино. Полились томительно-унылые звуки, напоминавшіе шумъ осенняго дождя, который зарядилъ надолго, надолго...

Среди нихъ прорывался погребальный мотивъ, заглушаемый возгласами протеста, но потомъ все болѣе и болѣе торжествующій... Звучали прощальныя рыданія и холодное, безутѣшное отчаяніе передъ мукой смерти и жизни, передъ всепоглощающимъ небытіемъ... И тутъ же слышался тревожный вопросъ: зачѣмъ? зачѣмъ? къ чему?..

Рыданія подступали къ горлу Голубина, но онъ старался владѣть собою... Старался и не могъ... Ему было мучительно жаль прошлаго, оставленнаго позади... Жаль молодости, юношески-довѣрчивой и обманутой любви, жаль прожитой жизни и самого себя.... Образъ жены всплывалъ передъ глазами и говорилъ: «пожалѣй и меня!»

Павелъ Александровичъ неожиданно уронилъ голову на столикъ съ журналами и глухо зарыдалъ.

Лиза оборвала игру.

— Боже мой! Что съ вами? Неужели это дѣйствуетъ такъ сильно?—Подойдя къ Голубину, она старалась отвести его руки отъ лица.

— Ну, полно! перестаньте... Вотъ, вы плачете, а мнѣ пріятно, что такое сильное впечатлѣніе... Какіе люди эгоисты! Полно же...

Онъ успокаивался.

— Простите... Такъ вышло нежданно... У меня послѣднее время было столько непріятностей... Я ужасно разстроенъ, измученъ и душевно, и физически...

И онъ вдругъ разсказалъ Лизѣ всю исторію своей жизни. Эта обыкновенная исторія повторяется на каждомъ шагу, но у тѣхъ, съ кѣмъ она происходитъ, разрывается сердце отъ муки... И тѣ люди уже рѣдко бываютъ жизнерадостны, теряютъ вкусъ къ жизни и вѣру въ другихъ... Они не умираютъ, но и не живутъ...

Лиза слушала Голубина, сидя рядомъ съ нимъ, на кушеткѣ. Теплое сочувствіе свѣтилось въ ея выразительныхъ глазахъ. Когда онъ кончилъ, дѣвушка задумчиво произнесла:

— Я вижу, это большое горе... Тѣмъ болѣе чувствительное, что съ нимъ нужно прятаться, нельзя открыто выражать его... Но... развѣ это уже все въ жизни?.. Неужели смыслъ нашей сѣренькой жизни только въ любви и страсти? Значитъ, безъ этого нѣтъ довольства, нѣтъ вкуса къ жизни? Любибимое существо... свой уголокъ... картинная галлерейка... жена, наигрывающая Шопена... И только?.. Свой насѣстъ, свое собственное гнѣздышко, потомъ дѣти, повтореніе насъ самихъ... Какъ будто мы такіе цѣнные экземпляры, что ихъ непремѣнно нужно сохранять, выпускать все въ новыхъ и новыхъ изданіяхъ? И для этого люди родятся на свѣтъ? Только для этого?..

Голубинъ ничего не отвѣтилъ.

— Что-жъ ты, Лизанька, не доиграла своей «Осени»?—спросила Варвара Ипполитовна, появляясь на порогѣ комнаты.

— Довольно! пусть она останется оборванной, какъ Warum Шумана!—сказала Лиза.

Всѣ перешли въ залъ. Старуха спросила у Голубина:

— Вѣдь, правда, я была далека отъ присущаго бабушкамъ хвастовства, когда говорила, что Лиза хорошая художница и композиторша?

— Вы были черезчуръ скромны... У Лизаветы Аркадьевны громадный талантъ... громадный! — пылко возразилъ Павелъ Александровичъ.

— И какъ жаль,—продолжала Звонищева,—что она закапываетъ въ землю свои дарованія! Не хочетъ учиться, работать, или работаетъ порывами, часто не доводя начатое до конца. Даже мечты о славѣ, объ извѣстности нисколько не соблазняютъ ее. Обыкновенно молодые люди падки на подобныя мечтанія...

Лиза засмѣялась.

— Ахъ, моя бѣдненькая бабушка! Она хочетъ увидѣть меня съ ногъ сшибательной знаменитостью, хочетъ, «чтобъ стала я мечтой поэта и слава мнѣ вѣнокъ сплела»... Въ сопровожденіи корректной бабушки я совершаю блестящее турне по всей Европѣ... И, наконецъ, выхожу замужъ за богатѣйшаго въ мірѣ принца крови... Изъ за меня онъ можетъ отказаться отъ престола, или не отказываться, для бабушки это все равно... И вотъ я немедленно выкупаю всѣ былыя владѣнія Звонищевыхъ, возстановляю славу угасшаго рода... «Мечты! Мечты! гдѣ ваша сладость?».. Здѣсь не всегда умѣстна рифма: младость! Увы! сдѣлаться такой знаменитостью, ой! какъ не легко! и для меня, я думаю, невозможно... Да и къ тому-жъ...

Улыбаясь, Лиза мелодраматически воскликнула:

Что въ тщетной славѣ? Славы мало,
Чтобъ человѣкъ счастливымъ былъ!
Въ больницѣ Тасса смерть застала,
Дантъ жизнь въ изгнаніи влачилъ!

Варвара Ипполитовна улыбалась, добродушно покачивая головой. Лиза добавила:

— Право, стремленіе къ извѣстности—это нѣчто врожденное, частица нашей души, все равно какъ потребность молиться... Виновата ли я, что у меня нѣтъ ни того, ни другого? Въ Бога вѣрю, а молиться не умѣю и нѣтъ въ душѣ желанія молитвы... Имѣю, говорятъ, способности, но не стремлюсь проявлять ихъ передъ безчувственной толпой... Находятъ, что «свойство русской широкой натуры—

жажда выдвинуть личность свою...» Вѣроятно, моя натура очень узенькая... совсѣмъ, совсѣмъ узенькая...

Варвара Ипполитовна только теперь замѣтила, что Лиза до сихъ поръ не одѣта...

— Послушай, дѣвица съ узенькой натурой! Ты цѣлый день намѣрена ходить въ этой широкой блузѣ? Что за распущенность! Молодая дѣвушка и вдругъ...

— «О, времена! О, нравы! Какой позоръ! Какой скандалъ!» Молодая дѣвушка въ распашной блузѣ и безъ корсета въ присутствіи молодого же мужчины... хоть и женатаго, а все-таки мужчины... Иду, иду переодѣться... Мой долгъ—повиноваться вамъ!..

Она удалялась, вытянувъ руки по швамъ, и равномѣрно шагала, напѣвая маршъ изъ Фауста. Голубинъ смотрѣлъ ей вслѣдъ. Ему казалось, что онъ давно, давно знаетъ эту порывистую, оригинальную дѣвушку, будто онъ сжился, сроднился съ нею еще въ незапамятныя времена дѣтства... Онъ прошелъ къ себѣ.

Увядшая вѣточка бѣлой сирени выпала изъ петлицы. Павелъ Александровичъ нагнулся, поднялъ ее и спряталъ въ записную книжку. Обѣдалъ онъ на своей половинѣ. Передъ вечеромъ, когда солнце садилось гдѣ-то далеко за рѣкой, освѣщая прощальными лучами верхушки тополей и акацій, Голубинъ сошелъ въ садъ.

Лиза вышла изъ за кустовъ и приблизилась къ нему. На дѣвушкѣ было блѣдно-розовое платье, съ чернымъ кушакомъ вокругъ перетянутой таліи. Она не носила турнюровъ, которые тогда еще считались модными. Эта оригинальность костюма понравилась Голубину.

— Я здѣсь набрасывала маленькій этюдикъ: кусты расцвѣтающей сирени при закатѣ солнца. Да надоѣло! Пойдемъ, покажу вамъ нашъ садъ. Онъ имѣетъ своеобразную прелесть деревенскаго парка...

Въ это время на дворѣ, отдѣленномъ отъ сада сквозной металлической рѣшеткой, раздался шумъ и крики, поднялась тревога... Лиза съ безпокойствомъ взглянула туда и побѣжала къ калиткѣ. Голубинъ пошелъ за нею.

Нѣсколько оборванныхъ еврейскихъ мальчиковъ, въ возрастѣ отъ пяти до двѣнадцати лѣтъ, суетливо бѣгали по двору, крича во все горло:

— Хоменко! Хоменко! Встрѣчу! поскорѣй встрѣчу! Петро Аполлоновичъ ѣдетъ! Сами остановилися съ Кантелемъ, а насъ впередъ послали... Встрѣчу! Встрѣчу!

— А-а, это дядя Пепа пріѣхалъ! — спокойно пояснила Лиза:—если хотите, посмотримъ встрѣчу...

Хоменко со всѣхъ ногъ летѣлъ въ мезонинъ по желѣзной

витой лѣстницѣ. Онъ поспѣшно возвратился оттуда, облаченный въ какой-то странный, полуфантастическій костюмъ не то клоуна, не то древняго алхимика. Его босыя ноги и широкіе шаровары комически выглядывали изъ подъ чернаго въ звѣздахъ халата. На ленточкѣ онъ тащилъ за собой упиравшуюся обезьяну, въ розовой юбкѣ съ золотымъ позументомъ. На плечѣ у него сидѣлъ ручной филинъ, а вслѣдъ за нимъ бѣжали ученыя собаки. Черезъ плечо Хоменки былъ перекинутъ барабанъ. Прислуга высыпала изъ разныхъ концовъ двора, какъ изъ щелей. Слышался чей-то властный голосъ:

— Отоприте голубятню! Выпускайте чубатыхъ голубей!.. Встрѣча!..

Флегматичный кучеръ, Ермолай, отворялъ тяжелыя ворота. Жиденята, число которыхъ все увеличивалось, чинно размѣщались шеренгой по сторонамъ въѣзда во дворъ. Всѣ повторяли: встрѣча, встрѣча!

И вдругъ Хоменко, выпустивъ обезьяну, энергично заколотилъ въ барабанъ и запѣлъ:

Ужъ какъ слава на небѣ солнцу высокому!
Слава!
Ужъ какъ слава у насъ Петру Аполлонычу!
Слава!

Оживленные, гортанные голоски жиденятъ стройно подхватывали: «Слава! Слава!»

Барабанъ выбивалъ трель. Подъ привычные звуки танцовала обезьяна, кувыркаясь черезъ голову. Собаки подвывали въ тактъ, стоя на заднихъ лапахъ. Филинъ радостно хлопалъ крыльями. Стая взлетѣвшихъ высоко вверхъ голубей порхала въ воздухѣ, а Ермолай мрачно выводилъ:

Петру Аполлонычу слава!

Павелъ Александровичъ не могъ не смѣяться при взглядѣ на такую картину. Улыбнулась и Лиза, говоря:

— Это еще ничего! подождите! То ли у насъ увидите!

Между тѣмъ, во дворъ въѣзжалъ Петръ Аполлоновичъ. Онъ важно возсѣдалъ на высокомъ, старомодномъ шарабанѣ, запряженномъ тройкой буланыхъ лошадей.

Огромный колокольчикъ, почти колоколъ, производилъ оглушительный звонъ, качаясь во всѣ стороны подъ дугою. Типичный мальчишка-цыганенокъ, съ большой серебряной серьгой въ лѣвомъ ухѣ, лихо правилъ тройкой. Петръ Аполлоновичъ, смѣясь, кланялся на обѣ стороны и бросалъ жиденятамъ пригоршни блестящихъ, новенькихъ копѣечекъ.

Полунагой цыганенокъ ухарски осадилъ тройку. Колокольчикъ и барабанъ затихли. Славословіе прекратилось. Хоменко помогалъ паничу высаживаться изъ шарабана. Цыганенокъ

разогнался, чтобы тоже прислужиться при этомъ, но Хоменко ревниво оттолкнулъ его.

Петръ Аполлоновичъ стоялъ на землѣ, стряхивая пыль съ парусиноваго балахона. Это былъ невысокій, плечистый блондинъ, съ густой растительностью на головѣ и на лицѣ. Сѣровато-зеленые, смѣющіеся глаза немного щурились, какъ бы отъ близорукости; ихъ окружали пушистыя рѣсницы. Въ общемъ, лицо казалось довольно красивымъ: слегка вздернутый, но породистый носъ, высокій лобъ, замѣтно покатый къ затылку, и полныя, свѣжія губы. Онъ сильно загорѣлъ, казался даже смуглымъ при своихъ рыжевато-золотистыхъ бакенбардахъ. Ему было лѣтъ подъ сорокъ и его когда-то стройная фигура уже начинала расплываться.

Ученыя собаки бурно ласкались къ Петру Аполлоновичу. Онъ говорилъ пріятнымъ баритономъ, съ оттѣнкомъ фатовской самоувѣренности:

— Здравствуй, Хоменко! Звѣри, здравствуйте!

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!—рявкнулъ Хоменко, а за нимъ жиденята, моментально и безъ ссоръ раздѣлившіе между собою блестящія копѣечки.

— Вынимай, Хоменко, изъ шарабана покупки... Осторожнѣй, не раздави: тамъ крысы и обезьяна...

— Слушаю, ваше благородіе!

Хоменко, подобравъ полы своего маскараднаго халата, взобрался на шарабанъ. Онъ передалъ Петру Аполлоновичу сѣрую обезьянку, которая злилась и выражала желаніе кусаться, далѣе вынулъ клѣтку съ учеными крысами и другую, съ бѣлыми мышами, затѣмъ какое-то рѣдкостное ружье, коллекцію нагаекъ и чубуковъ и еще массу мелкихъ предметовъ, тщательно завернутыхъ въ сѣрую бумагу.

— Эй, вы, жидова! Стройся!—скомандовалъ Петръ Аполлоновичъ. Обрадованные жиденята, съ неимовѣрной быстротой, выстроились попарно.

— Барабанщикъ впередъ!

Хоменко бросилъ покупки на руки Ермолаю, схватилъ свой барабанъ и остановился впереди жиденятъ, держа за ленточку обезьяну въ розовой юбкѣ.

— Псы! на свое мѣсто!—распорядился Звонищевъ, и четыре собаки размѣстились гуськомъ вслѣдъ за ратью.

— На-чи-най!

Опять грянулъ барабанъ. Всѣ двинулись по направленію къ мезонину.

Маршъ! маршъ! маршъ!
Петро Аполлонычъ нашъ!
Разъ, два, три,
Всѣ мы—молодцы!

Виновникъ торжества, съ филиномъ на плечѣ и новой обезьяной въ рукахъ, замыкалъ шествіе.

— Какова встрѣча?—обратилась Лиза къ Голубину.

— Интересный субъектъ вашъ дядя... Я думалъ, что подобные люди уже давно не встрѣчаются въ нашей жизни... Мнѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не приходилось видѣть такихъ людей.

— Всѣ говорятъ, что онъ сумасшедшій... Быть можетъ, люди недалеки отъ истины въ этомъ случаѣ... Бѣдный дядя! Мнѣ всегда становится страшно, когда я гляжу на него. Вѣдь и меня тоже считаютъ тронутой.—Лиза задумалась, замолчала, обрывая бѣлые, словно восковые, лепестки нарциса.

— Па-велъ А-лек-сан-дро-вичъ! Ли-зань-ка-а! Идите пить ча-а-й!—пронеслось въ вечернемъ воздухѣ приглашеніе Варвары Ипполитовны.

За чаемъ разговорились на общія темы. Потолковали и о политикѣ: объ Александрѣ Баттенбергскомъ, о притязаніяхъ Австріи, козняхъ Бисмарка и проч.

Вечеромъ Павелъ Александровичъ долго не могъ уснуть. Онъ перебиралъ мысленно впечатлѣнія минувшаго дня, вспоминалъ свои слезы передъ Лизой и не стыдился ихъ: послѣ этого дружески-задушевнаго разговора ему сдѣлалось какъ-то легче.

Надъ верхушками высокихъ деревьевъ прошумѣлъ легкій весенній вѣтерокъ. Въ раскрытыя окна влетали ночныя бабочки и кружились надъ лампой. Запахъ сирени наполнялъ комнату. Изъ глубины дома доносились звуки піанино. Лиза играла у себя, играла что-то шумное, бравурно-презрительное и въ то же время печальное... Хотѣлось задержать полетъ времени, остановить цвѣтущую весну, остановить самую жизнь, которая лишь дразнитъ довѣрчивыя людскія души! Почему несетъ съ собой только обманъ, разочарованія, тоску и ни капли счастья? Неужели же его нѣтъ въ дѣйствительности? Тогда, къ чему эта жажда жизни? Зачѣмъ такія чудныя ночи? Для кого же цвѣтетъ сирень и поютъ соловьи?

Голубинъ плохо спалъ въ эту ночь.

. . . .

Работы по урегулированію днѣпровскаго русла приближались къ окончанію. Наступала осень. Давно отцвѣли акаціи и липы. Яркія георгины постепенно смѣняли нѣжные лѣтніе цвѣты. За послѣднее время Голубинъ поздоровѣлъ, загорѣлъ, окрѣпъ душевно и физически. Онъ ежедневно вставалъ съ разсвѣтомъ, наскоро пилъ чай и ѣхалъ на рѣку. Потомъ возвращался домой къ завтраку, часовъ въ десять или одиннадцать утра, послѣ пріятнаго, освѣжающаго купанья. Съ семействомъ Звонищевыхъ Павелъ Александровичъ состоялъ въ самыхъ

дружескихъ отношеніяхъ. Онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, за общимъ столомъ, терпѣливо выслушивалъ воспоминанія Варвары Ипполитовны о былыхъ, несравненно лучшихъ, временахъ, наслаждался талантливой игрой Лизы, обсуждалъ съ нею идеи новыхъ музыкальныхъ композицій, серьезно задумывался надъ ея художественными работами. Онъ привыкъ переносить надоѣдливый шумъ и гамъ послѣ завтрака, когда Петръ Аполлоновичъ принимался за дрессировку своего «звѣрья». Въ эти часы весь дворъ оглашался звуками органа, шарманки и нѣсколькихъ барабановъ. Петръ Аполлоновичъ, волнуясь и раздражаясь, начиналъ ожесточенно браниться, крича на Хоменко и на звѣрей до усталости, до полнаго изнеможенія. Подъ акомпаниментъ шарманки заунывно выли собаки, а Хоменко патетически исполнялъ: «ту кассъ, ту лассъ, ту пассъ», или же вальсъ: «Невозвратное время». Съ неустаннымъ усердіемъ онъ выводилъ на своимъ полурусскимъ говоромъ:

Потерявъ я тебя,
Потерявъ навсегда
И не встрѣтимся вновь
Никогда, никогда...

Петръ Аполлоновичъ рѣдко появлялся у матери и почти не выходилъ изъ мезонина. Отъ Голубина онъ явно сторонился. Павелъ Александровичъ подмѣтилъ, что старуха Звонищева не любила, если въ ея присутствіи вспоминаютъ о проказахъ и нелѣпыхъ выходкахъ сорокалѣтяго «Пети Штукаренки». Вѣроятно, ея материнское самолюбіе сильно страдало при этомъ, и потому Голубинъ избѣгалъ всякихъ разговоровъ о Петѣ, дѣлая видъ, будто забываетъ о существованіи Штукаренки.

Время шло впередъ.

Павелъ Александровичъ боялся вспомнить о томъ моментѣ, когда ему придется возвратиться домой, въ Х., въ свою большую, пустынную квартиру молодого инженера, живущаго на холостую ногу. Думать объ этомъ было жутко и холодно. Довольствуясь настоящимъ, онъ отгонялъ всѣ мысли о будущемъ.

А настоящее цѣликомъ наполняла собою Лиза.

— Лиза!—повторялъ Голубинъ каждый день, засыпая.

— Лиза!—вспоминалъ онъ, просыпаясь, и, тѣмъ не менѣе, ни разу не задумался надъ вопросомъ, какое чувство развивается въ немъ по отношенію къ молодой дѣвушкѣ.

Просто, ему было такъ хорошо съ Лизой, какъ ни съ кѣмъ. Голубинъ искалъ общества Лизы, скучалъ безъ нея. Чтобы чувствовать себя уравновѣшеннымъ и спокойнымъ, онъ долженъ былъ знать съ утра, что днемъ увидитъ Лизу. Въ теченіе дня онъ раза два или три перекидывался съ дѣвушкой бѣглыми, ничего не значащими, фразами. За то вечера неизмѣнно про-

водилъ наединѣ съ Лизой, гуляя съ нею въ саду или слушая ея дивную музыку. Случалось, своевольная барышня крикнетъ, приближаясь къ раскрытымъ окнамъ Голубина:

— Мистеръ Поль! Не желаете ли ѣхать со мною на лодкѣ?

— Сейчасъ, сейчасъ!—торопливо отвѣтитъ онъ и, оставляя работу, бѣжитъ навстрѣчу Лизѣ, опасаясь, чтобы ея капризъ не прошелъ, какъ бы она не передумала ѣхать... Съ Лизой это часто бывало: вдругъ явится мимолетное желаніе, а потомъ исчезнетъ такъ же быстро, какъ и возникло. Павелъ Александровичъ никакъ не могъ разрѣшить одного вопроса: что станется съ его душой, когда онъ уѣдетъ отъ Лизы, когда ея блестящіе глаза перестанутъ смотрѣть на него, Голубина, съ ласковымъ, чуть-чуть насмѣшливымъ, выраженіемъ.

Ни съ кѣмъ онъ не былъ въ состояніи говорить такъ откровенно и чистосердечно, какъ съ нею. Кромѣ Лизы, въ домѣ Звонищевыхъ никто не зналъ о семейныхъ неурядицахъ Павла Александровича. Но съ нею Голубинъ много разъ обсуждалъ свою прошлую жизнь: вначалѣ ему такъ необходимъ былъ наперсникъ, снисходительно-терпѣливый слушатель и другъ. И Лиза, какъ нельзя лучше, пригодилась для этой роли. Она внимательно выслушивала разсказы Голубина, гуляя съ нимъ по вечерамъ подъ цвѣтущими акаціями. Они вдыхали сладкій, наркотическій запахъ акацій, смѣшанный съ ароматомъ розъ и ранней резеды. Павелъ Александровичъ нисколько не стыдился выплакивать свое горе передъ этой задумчивой, ласковой дѣвушкой.

Порой на него вдругъ находило желаніе слушать музыку, и онъ обращался къ Лизѣ съ просьбой сыграть что нибудь. Она никогда не отказывала, и Голубинъ съ наслажденіемъ слушалъ ея игру, отвернувшись къ окну, глядя на лунное майское небо съ его блѣдными, мигающими звѣздами. Лиза, увлекаясь, играла Шопена, Бетховена, Мендельсона, подчасъ Вагнера.

— Хоменко! Иди сюда, мазепа! Гдѣ ты шляешься? Маркиза пить хочетъ!—доносился съ мезонина зычный баритонъ Петра Аполлоновича.

— Я здѣсь, ваше благородіе! Гдѣ мнѣ шляться? Я всегда тутечка,—укоризненно отзывался Хоменко.

Та нихто жъ не пригорне
При лыхій годыни...
Та не пригорне батько,
Не пригорне маты...

выводила пронзительнымъ голосомъ коровница Марина, на отдаленномъ черномъ дворѣ.

— Павелъ Александровичъ! Лизанька! Лиза! Чай пить!—съ обычной интонаціей, растягивая слова, приглашала Варвара Ипполитовна къ себѣ, на крылечко.

И такъ день за днемъ...

Лизавета Аркадьевна сидѣла на рулѣ, Голубинъ на веслахъ. Они ѣхали противъ теченія. Солнце склонялось къ западу. Днѣпръ сильно обмелѣлъ: изъ воды повсюду выступали желтые песчаные острова, и весла часто ударялись о песокъ.

— Вонъ, мой любимый островокъ, причалимъ къ нему?— предложилъ Павелъ Александровичъ.

— Что вамъ тамъ понравилось? Песокъ и лоза, лоза и песокъ? Или надоѣло грести? Ну, ладно, причалимъ: для меня все равно...

Голубинъ первымъ вышелъ изъ лодки и протянулъ руки Лизѣ. Она легко выпрыгнула на берегъ, для вида лишь воспользовавшись предложенной опорой. Прошли песчаную часть острова, среди густыхъ кустовъ лозы. Дальше началась полянка, поросшая цвѣтами, травой и вербами.

— Отдохнемъ!—сказала Лиза, опускаясь на траву,—кажется, здѣсь нѣтъ муравьевъ: я не выношу суеты этихъ «примѣрныхъ и трудолюбивѣйшихъ» насѣкомыхъ эгоистовъ. Они мнѣ противны...

Оба сидѣли подъ развѣсистой вербой и долго молчали.

Волосы Лизы отливали золотомъ при заходящемъ солнцѣ. Она была безъ шляпы, въ ярко расшитомъ мордовскомъ костюмѣ, съ прошвами суроваго цвѣта. Эти костюмы тогда считались модными. Голубыя, бѣлыя и желтыя бусы обвивали шею Лизы.

— Какая вы хорошенькая!—промолвилъ, наконецъ, Голубинъ замирающимъ голосомъ.

— Это вы только теперь замѣтили?

Лиза сдѣлала забавную гримаску и насмѣшливо разсмѣялась.

Голубинъ говорилъ серьезно и задушевно:

— Не смѣйтесь, не дурачьтесь... Я съ каждымъ днемъ все больше и больше боюсь васъ... боюсь увлечься вами, привязаться къ вамъ не такъ, какъ добрый пріятель, а нѣсколько иначе... Вотъ было бы новое горе, пожалуй, сильнѣе перваго...

Лиза съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣла на него.

— Полноте! Вы собираетесь разжаловать меня изъ наперсницъ... Зачѣмъ? Намъ и такъ хорошо было... Боитесь увлечься мною? — съ какихъ это поръ? А ваша безконечная любовь къ женѣ? Неужели вы столь непостоянны?

— Лизавета Акрадьевна!

— Ну, что? То-то! замотали головой и ни звука? Мистеръ Поль! голубчикъ! объяснитесь мнѣ въ любви. Мнѣ до сихъ поръ никогда никто не объяснялся... Пусть вы будете первымъ! Какъ знать, быть можетъ, у васъ легкая рука? Объяснитесь, дорогой мистеръ Поль! Только по всѣмъ правиламъ искусства: съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой! Посмотримъ, какъ это продѣлывается?

— Лиза! дорогая Лиза! милая!

— Ого! уже и «Лиза»? И такъ прямо: безъ всякаго преди-

словія? Нѣтъ! мнѣ это не нравится... Что жъ это? Сразу финалъ оперы, безъ увертюры, безъ самаго интереснаго второго акта? Нѣтъ, я такъ не хочу...

— До сихъ поръ я не замѣчалъ за вами одной черты: вы кокетка! холодная, язвительная кокетка...

— И я не подозрѣвала, что у насъ имѣется въ запасѣ кокетство, да еще холодное... А всетаки вы не объяснились мнѣ въ любви, мистеръ Поль! Нужно упасть на колѣни или стать въ соотвѣтствующую позу и воскликнуть: «Люблю тебя нездѣшней страстью, какъ не полюбитъ ужъ другой! Тебѣ принесъ я въ умиленьи молитву тихую любви, земныя первыя мученья и слезы первыя мои! Ты для меня, что солнце юга, тепло и свѣтъ въ тебѣ одной»! Ну, и такъ далѣе. Вотъ это объясненіе! А то, что? Ли-за! и конецъ!.. Я должна отвѣтить: По-о-ль! и тоже конецъ? Выходитъ пародія... Нѣтъ! если бъ вы объяснились по настоящему, я бы вамъ, можетъ быть, позволила поцѣловать меня... А, быть можетъ, и въ свою очередь, поцѣловала васъ... Говорятъ: «всѣ предразсудки—чепуха и въ поцѣлуѣ нѣтъ грѣха», а вы—такой... миленькій... право, миленькій...

— Пощадите, Лиза! что вы дѣлаете со мною?

Взволнованный Голубинъ съ укоромъ смотрѣлъ на нее.

— Полно, полно, мистеръ Поль, «къ лицу ль вамъ эти лица?» Я пошутила... Хоть я и «мишигене», но все же провинціальная барышня изъ порядочной семьи, и мнѣ нельзя цѣловаться съ женатыми мужчинами... Поѣдемъ домой, а то мы съ вами Богъ знаетъ, до чего договоримся...

— Вы хотѣли формальнаго объясненія? Извольте: Лизавета Акркадьевна! Я васъ люблю, къ несчастью...

— И любите на здоровье! Всѣ должны любить другъ друга!.. А теперь: домой! домой!..

Лиза поспѣшно шла къ берегу, Павелъ Александровичъ молча слѣдовалъ за нею.

— Гдѣ же наша лодка? А вонъ гдѣ!—мы вышли съ противоположной стороны, идемъ обратно...—говорила Лиза.

— Подождите! постойте! этотъ разговоръ нельзя оставить неоконченнымъ... Что жъ я буду дѣлать? Какъ мнѣ уѣхать отъ васъ?—съ тоской спросилъ Голубинъ.

— Что дѣлать? Вотъ вопросъ! Развѣ я знаю? Рѣшите сами, вы опытнѣй меня... Уѣзжайте, постарайтесь забыть поскорѣе, если это такъ мучитъ васъ...

— Забыть трудно... невозможно...

— «Все забудется, все разлюбится;—говорили мнѣ люди старые»...

— Какъ я жестоко заблуждался, какъ ошибался! Иногда я воображалъ, что вы симпатизируете мнѣ...

— Очень... очень симпатизирую, милый мистеръ Поль! Но... зачѣмъ вы затѣяли это... это неумѣстное объясненіе? Вѣдь намъ и безъ него было отлично... Мнѣ такъ нравилась наша милая дружба, съ легкимъ оттѣнкомъ взаимнаго обожанія... А теперь что? Вы разрушили ее и ничего не осталось... Страсть, любовь! «Пустыя, звучныя слова, обширный храмъ безъ Божества!» Я не создана для нихъ, я боюсь страсти, не хочу ея... Мнѣ противно подумать объ этомъ... У меня въ душѣ «царитъ какой-то холодъ тайный, и нѣтъ огня въ моей крови»... Кстати, я немножко малокровна... Оставимъ шутки: если бы я была способна на такое увлеченіе, о которомъ вы думаете, я не посмотрѣла бы на то, что вы женаты, несвободны... пошла бы за вами, куда угодно, смѣло глядя на всѣхъ... Но у меня этого нѣтъ, я не могу... И не потому, что передо мною вы, нѣтъ! Вы еще скорѣй, чѣмъ кто либо другой... но такъ, какъ вы хотите, я не могу любить и васъ. И въ этомъ ваше спасенье: со мной всякій былъ бы страшно несчастливъ... конечно, тотъ, кто любилъ бы меня... А съ тѣмъ, кто ко мнѣ равнодушенъ, я невыносимо скучала бы... И то, и другое—плохо... Если я когда нибудь выйду замужъ (а я сдѣлаю это только въ случаѣ крайней необходимости),— я поступлю недобросовѣстно... Это будетъ обманъ, преступленіе съ моей стороны. Я не въ состояніи никого любить, и во мнѣ нѣтъ никакого желанія любви... Любовь! Вотъ предметъ, о которомъ я никогда не мечтаю... А между тѣмъ— говорятъ: женщины созданы для любви... Даже страшно: неужели бабушка права и я, дѣйствительно, выродокъ?

Они сѣли въ лодку и всю дорогу молчали. Приближаясь къ городскимъ купальнямъ, гдѣ нужно было причаливать, Лиза заговорила:

— Не сердитесь на меня, Павелъ Александровичъ! Не сердитесь, мой добрый мистеръ Поль!

Вмѣсто отвѣта Голубинъ спросилъ:

— Вы больше не поѣдете со мной кататься? Вѣдь не поѣдете? Правда?

— Нѣтъ, почему же? Это—пустое... и мы забудемъ объ этомъ... Но вы уже никогда не возобновляйте неумѣстнаго... разговора... зачѣмъ?

— Warum?—грустно сказалъ Павелъ Александровичъ.

— Вотъ именно: warum?—засмѣялась Лиза. За чаемъ она была лихорадочно оживлена, а Павелъ Александровичъ казался необыкновенно печальнымъ и обезкураженнымъ. Лиза опускала въ стаканъ со сливками куски сладкой булки и кормила ими прожорливаго Шарлатана, повторяя:

— Я заранѣе вхожу въ роль старой дѣвы: начинаю любить вотъ этого уродца, Шарлатана... Онъ такой некрасивый,

беззащитный и никому ненужный, что его нельзя не пожалѣть.

И вслѣдъ за этимъ она почему-то принялась разсказывать:

— У насъ, въ деревняхъ, поповны такъ занимаютъ своихъ кавалеровъ. Возьметъ хлѣбный шарикъ и спроситъ: что вы желаете этому шарику? А кавалеръ въ отвѣтъ: любить и быть любимымъ!

Варвара Ипполитовна сошла съ крылечка въ садъ. Лиза сдѣлала нѣсколько шариковъ изъ свѣжей булки и съ шутливымъ жеманствомъ спросила у Голубина:

— Что вы желаете этому шарику?

— Никогда не страдать отъ недостатка взаимности!—отвѣтилъ онъ, нервно посмѣиваясь.

— Ваше пожеланіе запоздало! Однимъ нужна взаимность въ пылкой любви, другимъ—въ теплой дружбѣ... Каждый страдаетъ по своему... Бѣдный мой шарикъ!

И Лиза бросила крошки хлѣба въ раскрытую пасть Шарлатана. За стѣной сада, на улицѣ проѣзжій водовозъ еврей громко и немного фальшиво напѣвалъ, удаляясь по направленію отъ Днѣпра:

Вда-ли те-бя я о-без-до-ленъ,
Мо-сква, Мо-сква, ро-ди-мый край!

Звѣзды падали одна за другою на темно-синемъ осеннемъ небѣ.

Наступилъ день отъѣзда Голубина.

Онъ простился съ Лизой сдержанно и оффиціально, въ присутствіи Варвары Ипполитовны.

— Я съиграю вамъ на прощанье вашъ любимый Warum!—крикнула ему Лиза, когда онъ сходилъ съ крыльца.

Какъ она играла! Никогда не забыть Павлу Александровичу, какъ она играла въ тотъ мигъ! Остановившись въ саду, онъ прослушалъ недоконченную пьесу.

Желтые листья кленовъ пестрѣли по дорожкамъ. На клумбахъ цвѣли иммортели, георгины и астры. Въ воздухѣ пахло осенью, рѣяли напоминанія о смерти.

Подошелъ Шарлатанъ, дрожащій, съежившійся, комически несчастный. Поднявшись на заднихъ лапкахъ, онъ сочувственно лизнулъ руку Голубина, какъ бы желая утѣшить его.

Непрошенныя слезы душили Павла Александровича. Тяжело и горько было у него на душѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло больше десяти лѣтъ.

Голубинъ давно потерялъ изъ вида Лизавету Аркадьевну, но съ представленіемъ о городѣ Z. въ памяти его всегда про-

буждалось воспоминаніе о чемъ-то поэтическомъ и невозвратномъ.

Изрѣдка, особенно слушая хорошую музыку, Павелъ Александровичъ невольно вспоминалъ о Лизѣ. Потомъ опять жизнь съ ея повседневными интересами и заботами затушевывала образъ молодой дѣвушки.

Какъ-то разъ, уже въ началѣ девяностыхъ годовъ, Голубина посѣтилъ Кантель. Z-ій коммиссіонеръ пріѣхалъ въ X. хлопотать о полученіи одного, весьма прибыльнаго подряда. Онъ осмѣлился «побезпокоить господина инженера» и явился просить объ оказаніи содѣйствія. Кантель почти не измѣнился: немного лишь располнѣлъ, да сѣдина начала пробиваться въ его огненно-рыжей бородѣ. Избѣгая лишнихъ фразъ и предисловій, онъ обстоятельно изложилъ, въ чемъ заключается суть ходатайства. Павелъ Александровичъ пообѣщалъ сдѣлать все, что отъ него зависитъ, и спросилъ:

— Какъ же вы поживаете, Кантель? Что подѣлывается у Звонищевыхъ?

Лицо Кантеля приняло грустное выраженіе.

— Охъ! я вижу, господинъ инженеръ ничего не знаетъ о нихъ. Тамъ одно несчастье, одно несчастье и больше ничего. Прямо проклятье...

— Что-жъ такое? Должно быть, Варвара Ипполитовна...

Кантель махнулъ рукой.

— Варвары Ипполитовны уже давно нѣтъ на свѣтѣ, четвертый годъ, какъ умерла... Бѣдная барыня! Хорошая была женщина, охъ, какая хорошая дама! А еще раньше похоронили Петра Аполлоновича... Онъ тоже, какъ всѣ братья, терпѣлъ на сердце... Что такое: у нихъ у всѣхъ сердце? Вечеромъ былъ веселый, дикую козу приручалъ, комедію въ саду устраивалъ... На другой день я прихожу къ Варварѣ Ипполитовнѣ, Хоменко лежитъ на крыльцѣ и воетъ... воетъ, ну какъ собака... Что такое? что такое? Петро Аполлоновичъ померъ! Какъ стоялъ передъ зеркаломъ съ гребешкомъ въ рукѣ, такъ упалъ и капутъ!

— Ой, что тогда было! Борони, Боже, всякаго! Старая, какъ схватила себя за волосы, насилу руки отняли... И совсѣмъ не плакала, только стонала... ходитъ и стонетъ, какъ вѣтеръ... Вернулись съ похоронъ, она—туда, сюда,—легла въ постель и больше не встала... Все спитъ и спитъ, а на десятый день умерла, не могла перенесть! Жалко ее было, за нею весь городъ шелъ на кладбище... Ну, и за Петей тоже убивались, его любили наши... евреи... Знаете, мальчишки — жиденята провожали Петинъ похоронъ и такъ плакали, такъ плакали... Гевултъ! Да что жиденята? Я самъ плакалъ за Петей... тогда первый разъ на русскомъ кладбищѣ былъ... А Хоменко! ой

ой! думали онъ тоже окочурится! Упалъ въ яму за своимъ паничемъ.

Кантель пощелкалъ языкомъ, словно нѣсколько разъ произнося букву ц.

— Куда же дѣвалась Лиза... Лизавета Аркадьевна?

— Слава Богу, замужъ вышла...

— За-мужъ?

— Ну, да! Осталась, знаете господинъ инженеръ, какъ бы выморочная, совсѣмъ одна... Тутъ сейчасъ пошло на все запрещеніе: на домъ запрещеніе, на хуторъ Варвары Ипполитовны тоже... на лошадей, на мебель, на все... Долговъ очень много было... Мы съ старухой, какъ никакъ, изворачивались... Тамъ возьметъ, здѣсь отдастъ, здѣсь достанетъ, тамъ заплатитъ... Ну, и жила, барыней жила: вы сами изволили видѣть... А послѣ нея все разсыпалось...

— За кого-жъ вышла замужъ...

— Барышня? Это уже самъ Богъ послалъ. Вѣрно Варвара Ипполитовна вымолила! Молодой, ученый человѣкъ—сынъ попа изъ Слободки. Помните, за вокзаломъ, на горѣ Слободку? такъ оттуда. Тогда онъ только что университетъ кончилъ въ Харьковѣ, на юриста учился... Онъ бывалъ у Варвары Ипполитовны еще студентомъ, славный такой, бравый... Бывало, какъ надѣнетъ малороссійскую рубаху, «сиву шапку», — настоящій казакъ! запорожецъ и только! Ну, онъ тоже все гулялъ въ саду съ Лизой... На лодкѣ она съ нимъ каталась, какъ и съ вами, г. инженеръ... Онъ, бывало, смотритъ на нее, какъ на икону...

Кантель запнулся, припоминая, не обмолвился ли онъ вторично словомъ «тоже»... Голубинъ, не замѣчая этого, съ интересомъ слушалъ его и повторялъ: «ну! ну! и что-жъ?»

Кантель продолжалъ:

— Ну, и женился... Попъ, отецъ его, не хотѣлъ, ой, какъ не хотѣлъ! Конечно, каждому свое дитя жалко! одинъ сынъ у отца, а барышня—мишигене... немножко мишигене... И притомъ: средствъ нѣтъ, она ни на что не способна, ничего не умѣетъ дѣлать... Ну, что-жъ, когда онъ, какъ на икону? Нельзя было отговорить, такъ и женился! Старый батюшка даже на свадьбѣ не былъ... Попъ говоритъ: «занапастывъ себе мій Устымко! Ой, Устымко! що ты зробывъ зъ собою?» А онъ таки свое, свое... Мнѣ,—говоритъ,—никого не надо, только она!.. Но, ничего! теперь живутъ себѣ... Уже большой человѣкъ сталъ Устымко, настоящій человѣкъ: податного инспектора получилъ въ N-ой губерніи.

— Значитъ, домъ Варвары Ипполитовны проданъ?

— А какъ же! сейчасъ продали... Купило акціонерное товарищество. Теперь тамъ махорочная фабрика... Большое

дѣло, вѣрное! Отъ фронта садъ вырубили и построили складъ. Скоро другой начнутъ строить. Нельзя узнать усадьбу...

— А Хоменко?

— Можете себѣ представить, г. инженеръ: Хоменко сдѣлался артистъ... Петро Аполлоновичъ отписалъ ему свой звѣринецъ, органъ, шарманку, обезьянъ и все... Хоменко ѣздитъ по ярмаркамъ, представляетъ комедію и имѣетъ себѣ кусокъ хлѣба. Такой сталъ приличный: въ пиджакѣ, въ шляпѣ... Считался дурный, дурный, а онъ сразу заработалъ на всю жизнь... Это уманьскій дурень...

Кантель ушелъ. Павелъ Александровичъ печально задумался.

Лиза, талантливая, оригинальная, восторженная Лиза—жена поповича Устымка, «податная инспекторша» въ захолустномъ уѣздномъ городкѣ! Она, вѣроятно, рожаетъ дѣтей, ждетъ не дождется двадцатаго числа, приготовляетъ на зиму соленья и, не въ примѣръ прочимъ уѣзднымъ дамамъ, иногда играетъ Шопена или Мендельсона. А онъ, Голубинъ, изрѣдка вспоминая о Лизѣ, иначе не представлялъ ее себѣ, какъ окруженную букетами душистыхъ цвѣтовъ, облаченную въ фантастическій нарядъ греческаго покроя, наигрывающую свою меланхолическую «Осень»... Вотъ она, холодная, неприкрашенная дѣйствительность! Лиза—податная инспекторша, а въ старинномъ, поэтическомъ домѣ Варвары Ипполитовны—махорочная фабрика! Кусты сирени, жасмина и розъ вырваны съ корнями... Пирамидальные тополи, акаціи и липы медленно умираютъ, отравляемые ѣдкой табачной пылью. А пыль летитъ изъ громадныхъ, задѣланныхъ сѣтками, оконъ, назойливо проникаетъ повсюду. Кругомъ шумъ, стукъ, суета, торопливость и характерный говоръ на особомъ, малорусско-еврейскомъ, жаргонѣ. На дворѣ грязь и вонь, безчисленныя подводы съ листами табаку, брань и грубыя шутки полупьяныхъ носильщиковъ. Только сверху надъ этимъ уголкомъ, по прежнему и безъ перемѣны, раскинулось южное небо, голубое, спокойное, безучастное. Да ночью, когда все смолкнетъ и затихнетъ на фабрикѣ, луна, какъ и раньше, выплываетъ на середину неба. Выплыветъ и броситъ блѣдные лучи на старыя деревья, на полуразрушенныя, осыпанныя табачной пылью, бесѣдки... И тогда умирающій, искалѣченный садъ немного очнется отъ предсмертной тоски, отъ молчаливой агоніи... Очнется и заговоритъ... Но уже подъ липами не мелькнетъ тѣнь стройной, златокудрой Лизы! Ея насмѣшливые глаза не взглянутъ на Голубина... губы не промолвятъ: «милый мистеръ Поль». Изъ дома не польются тревожные звуки пытливаго «Warum»... На крылечкѣ не видно величавой Варвары Ипполитовны. Тамъ не блеститъ серебряный старинный самоваръ, освѣщенный высокими свѣчами въ стекляныхъ абажурахъ. И соловьи умолкли,

отпѣли свои пѣсни... Пусто... безлюдно... Въ ночномъ затишьи еще рѣютъ воспоминанія о прошломъ, но и они скоро улетучатся, разсѣются безъ слѣда, безъ возврата. Липы еще шепчутъ другъ другу о быломъ, высокіе тополи помнятъ о Звонищевыхъ... Но и тополи уже умираютъ... А къ утру неприкрашенная дѣйствительность снова возьметъ свое, начнется опять фабричная жизнь и неутомимая дѣятельность... Новымъ рабочимъ людямъ нѣтъ дѣла до прежнихъ хозяевъ фабричной усадьбы... У нихъ нѣтъ воспоминаній, имъ чужды праздныя сантиментальности, ихъ цѣликомъ поглощаетъ одна неотложная, насущая потребность: хлѣба, заработка!

Жизнь, мѣняя свои формы, неудержимо несется впередъ. Все проходитъ и ничему нѣтъ возврата...

Минувшимъ лѣтомъ пароходъ медленно двигался по обмелѣвшему Днѣпру, направляясь къ Екатеринославу. Голубинъ вышелъ изъ отдѣльной каюты въ павильонъ перваго класса. Онъ ѣхалъ въ Екатеринославъ по дѣламъ службы. Было жарко и скучно. Пассажиры изнемогали отъ однообразія и духоты. Давно всѣмъ надоѣли обычные разговоры о томъ, что вотъ де мы ѣдемъ, а неизвѣстно, когда прибудемъ домой, что вчера вечеромъ пароходъ стоялъ на мели шесть часовъ, а сегодня, на разсвѣтѣ, два часа и т. д. Отставной полковникъ, который въ началѣ пути восторгался и распорядительностью капитана, и роскошной отдѣлкой новаго парохода, теперь меланхолически сидѣлъ на одномъ мѣстѣ. Отбросивъ шелковую занавѣску, онъ тупо смотрѣлъ на палубу черезъ окно павильона. На палубѣ была страшная давка: великороссы, колонисты-нѣмцы, хохлы, литвины, евреи съ множествомъ дѣтей, дьячекъ съ дьячихой — все смѣшалось въ одну толпу. Тамъ стоялъ удушливый запахъ человѣческихъ испареній, тарани, дешевыхъ сельдей и «цыбули». На всѣхъ лицахъ и здѣсь виднѣлось изнеможеніе, томительное ожиданіе,—когда же, наконецъ, кончится путешествіе. Сквозь окна павильона долетали протяжные, однотонные возгласы матросовъ, измѣрявшихъ глубину рѣки:

— Ше-е-е-сть! Ше-е-е-сть! Пя-а-а-ть! Ше-е-е-сть!

Вдругъ все покачнулось. Раздался характерный шумъ отъ движенія парохода по песку. Пассажиры взволновались, но тотчасъ успокоились: опять сѣли на мель!

Снизу, изъ каютъ, неспѣша поднималась по лѣстницѣ высокая блондинка въ модномъ платьѣ, изъ англійской бѣлой фланели въ полоску. Повидимому, она направлялась «на вышку».

— Лизавета Аркадьевна!—крикнулъ Голубинъ.

Дама пріостановилась и съ изумленіемъ обернулась въ его сторону.

— Вы? Это вы?—обрадованно сказала она.

Павелъ Александровичъ очутился подлѣ Лизы. Онъ сжималъ ея руку, пристально всматриваясь въ лицо.

— Я сразу васъ узналъ... Вотъ гора съ горой...

— Да! бываютъ же такія пріятныя неожиданности...

Они поднялись наверхъ и сѣли на крайней скамьѣ. Вечерѣло. Капитанъ кричалъ и бранился. Матросы отплывали на лодкѣ къ ближайшей пристани, чтобы призвать оттуда на помощь буксирный пароходъ.

— Какъ вы мало измѣнились!—сказалъ Голубинъ.

— Гдѣ ужъ мало! Это лишь на первый взглядъ... Я очень постарѣла и душой, и тѣломъ... А вы все такой же... миленькій...

Въ глазахъ Лизы вспыхнуло прежнее, насмѣшливо-ласковое выраженіе.

Ея наружность перемѣнилась немного, но въ то же время она являлась совершенно иной. Отъ прежней Лизы, восторженной, порывистой, немножко угловатой и всегда торопливой, почти не осталось слѣдовъ. Передъ Голубинымъ сидѣла тридцатилѣтняя, довольно моложавая блондинка, съ красивой фигурой и равнодушно-тоскующимъ взоромъ. Въ ея глазахъ и въ лицѣ свѣтилось выраженіе не то упорнаго вопроса, не то покорности. Это выраженіе часто встрѣчается у людей, которые пошли не по своей дорогѣ, не выполнили своего непосредственнаго назначенія и потому чувствуютъ себя неудовлетворенными. Золотистые волосы Лизы потемнѣли, стали рыжеватыми. Отсутствовали и шелковистые локоны, когда-то въ безпорядкѣ разбросанные по плечамъ. Ея волосы были искусно уложены въ модную прическу, съ черепаховымъ гребнемъ по серединѣ. Звонкій голосокъ сталъ какъ будто глуше, но сохранилъ свой красивый, контральтовый тембръ.

— Знаю, все знаю... Варвары Ипполитовны нѣтъ... Петра Аполлоновича тоже, а вы замужемъ... У меня какъ то былъ Кантель и разсказалъ обо всемъ... Господи! Столько вопросовъ хочется предложить вамъ, что не знаю, съ чего начать? Какъ же вы живете? Играете? Рисуете?

Лиза отрицательно покачала головой. Она какъ будто была недовольна, что Голубинъ спросилъ именно объ этомъ.

— Нѣтъ, я все забросила... Зачѣмъ? Кому это нужно?

— Вамъ... прежде всего вамъ самой, вашей душѣ... Вѣдь это преступленіе—закопать въ землю такіе таланты...

— Какіе тамъ таланты?—искренно и грустно начала говорить Лиза:—моя талантливость, дарованіе, творчество, все это кажущееся, поверхностное... У меня были большія способности, но не было главнаго: содержательности, желанія работать... Одна мысль, что я должна къ сроку что нибудь окончить, — и кисти выпадали изъ моихъ рукъ... Я могла творить только отъ нечего дѣлать... Я никого и ничего не лю-

била, ни къ чему не стремилась, боялась жизни, страшилась труда... При такихъ условіяхъ всякій талантъ безплоденъ. Я пустоцвѣтъ... Оригинальный, быть можетъ, хорошенькій цвѣтокъ отцвѣлъ... Постепенно осыпаются его лепестки, давно улетучился его ароматъ... Не ждите плодовъ отъ его цвѣтенія: пустоцвѣты безплодны! И не говорите больше о моихъ былыхъ талантахъ, не напоминайте о нихъ... Зачѣмъ безъ нужды бередить маленькія душевныя ранки увядшаго пустоцвѣта? Людямъ, тщеславное самолюбіе которыхъ съ дѣтства избаловано похвалами и поклоненіемъ, такимъ людямъ тяжело свыкаться съ мыслью, что они ничто, а не нѣчто... Но я уже свыклась съ этимъ...

— Такъ какъ же вы проводите время, Лизавета Аркадьевна? Что вы дѣлаете?

— Не дѣлаю ничего! Дышу воздухомъ, одѣваюсь, читаю (преимущественно поэтовъ и беллетристику), изрѣдка играю на роялѣ, почти всегда тоскую, подчасъ сильно хандрю и... «жизнь, наполненную скукой, стараюсь счастьемъ называть...» Я расходую много энергіи на то, чтобы казаться и быть такою, какъ всѣ... Моего мужа, вѣроятно, удручаютъ пресловутые толки о томъ, что его жена «мишигене...» Я хотѣла бы уничтожить это мнѣніе, но мнѣ не удается... или, по крайней мѣрѣ, плохо удается. Отдѣльныя личности еще кое какъ примиряются со мною, но общая молва гласитъ: «податная инспекторша немножко того... юмъ-юмъ...» И, говоря это, всякій вертитъ пальцами надъ головой...

— У васъ нѣтъ дѣтей?

— Были, да къ счастью умерли!—рѣзко отвѣтила Лиза съ выраженіемъ непонятной жесткости въ голосѣ.

Голубинъ вздрогнулъ отъ этого тона.

— Почему-жъ: къ счастью?—тоскливо спросилъ онъ, сознавая, что этотъ вопросъ непріятенъ Лизѣ, и не имѣя силъ перемѣнить тему разговора.

— А къ чему жить такимъ несчастнымъ заморышамъ, почти калѣкамъ? Зачѣмъ имъ жизнь? Ни себѣ, ни людямъ... У меня былъ мальчикъ, такой невзрачный, рахитичный, съ большой головой и тонкой шейкой, не по лѣтамъ серьезный, болѣзненно-развитой. Я боготворила его, но и я въ глубинѣ души признавала, что онъ напоминаетъ своей худобой моего Шарлатана. Вы помните этого уродца?.. Три года пичкала я своего сына фосфоромъ, обливала соленой водой, закапывала въ песокъ... Чѣмъ только не старалась я оживить бѣднаго крошку! Не доѣдала, не досыпала, дрожала надъ каждымъ его вздохомъ, надъ каждымъ движеніемъ... Онъ умеръ отъ воспаленія мозга... Еще у меня родилась дочь, хорошенькая и на видъ вполнѣ здоровая дѣвочка, но она страдала эпилепсіей и погибла во время одного

изъ припадковъ... Посудите сами, развѣ я не права, говоря: «къ счастью, они умерли»? Какое для нихъ было бы мученіе жить! О себѣ ужъ я не говорю, какъ я страдала, глядя на нихъ...

Голубинъ смотрѣлъ на Лизу, и глубокое сочувствіе, сожалѣніе охватывало его. И Лизу нисколько не обижало это состраданіе посторонняго человѣка: ей хотѣлось высказаться въ разговорѣ съ полузабытымъ другомъ юности, такъ случайно встрѣченнымъ въ пути. Она продолжала:

— Вѣроятно, Звонищевы окончательно выродились... Даже здоровая, плебейская кровь мужа не спасла моихъ дѣтей отъ гибели... Я навсегда отказалась отъ мысли еще разъ сдѣлаться матерью... Пусть я останусь послѣдней въ родѣ... Впрочемъ, чтожъ это мы все обо мнѣ, да обо мнѣ? Разскажите, какъ вы поживаете? Я еще ничего не узнала о васъ!

— Нечего разсказывать, Лизавета Аркадьевна...

Лиза немного понизила голосъ:

— Вы, по прежнему, одиноки? Не примирились съ женой?

— Нѣтъ! Хотя нѣсколько разъ имѣлъ возможность сдѣлать это... Тотъ... мой пріятель... умеръ. Жена, послѣ его смерти, возвратилась въ Х. Она хотѣла примиренья, даже добивалась, искала его...

— Почему же вы?..

— Зачѣмъ? И я повторю за вами: зачѣмъ? Что умерло, то исчезло и его нельзя воскресить... Чувство прошло, довѣрія нѣтъ... Къ тому же: и отвыкъ я... Теперь трудно начинать жизнь съизнова... А, главное, нѣтъ чувства привязанности...

Лиза вздохнула.

— Да, чувства проходятъ... Я всегда это думала, и вы подтвердили мою мысль: чувства проходятъ!

— Не всякія и не у всѣхъ! Иногда они замираютъ, переходятъ въ хроническую форму... Особенно, если въ самомъ началѣ своего развитія остались безъ отвѣта... Но достаточно легкаго толчка, случайной встрѣчи, задушевнаго слова, и чувство оживаетъ, возрождается изъ пепла, жаждетъ отвѣта...

— Я не знаю такихъ чувствъ, не могу ихъ понять, а тѣмъ болѣе пережить... У меня въ этой области какая-то странная притупленность...

Голубинъ задумался и вдругъ горячо заговорилъ:

— Нѣтъ! Такъ жить нельзя! Это не жизнь, а медленное умираніе! Вы должны встряхнуться, должны работать... Пишите картины, ради всего святого, пишите ихъ! Если вамъ не нужна слава, возьмитесь за кисть ради заработка.. Вашъ мужъ не настолько богатъ, чтобы это оказалось излишнимъ...

Лиза опять отрицательно покачала головой.

— Съ насъ вполнѣ довольно того, что онъ зарабатываетъ.

Мужъ скроменъ во всѣхъ потребностяхъ и привычкахъ, а мнѣ—ничего не нужно... Чтобы энергично работать изъ за денегъ, ради заработка, нужно любить блага жизни, стремиться къ роскоши и комфорту... Въ моихъ глазахъ все это не имѣетъ цѣны. Для меня рубль—недостаточно сильная приманка, плохой двигатель энергіи... Помните слова: «И жизнь томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли, какъ пиръ на праздникѣ чужомъ»? Вотъ хорошо подмѣчено и схвачено настроеніе пустоцвѣта! Это именно мое настроеніе... Писать? зачѣмъ писать? Да и помимо того, я отстала, опустилась... И кому нужны мои картины? Кто бы вздумалъ платить за нихъ деньги?

— Я—первый! Появись на выставкѣ ваше произведеніе съ этимъ, свойственнымъ только вамъ, безнадежно-грустнымъ настроеніемъ и я бросился бы за нимъ, пріобрѣлъ бы его, даже не зная, кто художникъ, не вѣдая, что это вы...

— Спасибо! Хоть одинъ человѣкъ оцѣнилъ... Но все же я не стану торговать своими картинками... Дайте мнѣ вашъ адресъ: я пришлю вамъ въ X. одну бездѣлушку... Такъ и быть, тряхну стариной спеціально для васъ, для моего единственнаго безкорыстнаго друга... У меня въ головѣ, или въ душѣ (я не знаю, какъ вѣрнѣе), давно засѣло желаніе написать пейзажикъ... Если онъ и не понравится вамъ, то все же будетъ напоминать о далекомъ прошломъ, а это всегда пріятно... Мнѣ хочется изобразить забытую усадьбу и взять для этого нашъ старый домъ въ Z. У меня сохранились этюды, я помню каждый отдѣльный кустикъ, каждое углубленіе на дорожкахъ... Усадьбу не трудно реставрировать на полотнѣ... Теперь тамъ махорочная фабрика, но я постараюсь позабыть о ней. Возьму весну. Расцвѣтаетъ сирень. Прошелъ дождь. Прозрачныя капли блестятъ на травѣ, на листахъ и на гроздьяхъ лиловой сирени. Окна дома заколочены, крыльцо покосились, обветшало, дорожки заростаютъ травой, цвѣты вырождаются... Повсюду много крапивы и сорныхъ травъ... Разрушенье! забвенье! А между тѣмъ, еще сравнительно недавно здѣсь жили люди большою и шумной семьей. Они волновались, страдали, наслаждались, любили, чванились, оригинальничали, творили несправедливости и добрыя дѣла, собирали богатства и безумно расточали ихъ... Но они отжили свое, исчезли съ лица земли...

И крѣпокъ ихъ могильный сонъ,
Не слышенъ имъ вечерній звонъ...

И вотъ ихъ гнѣздо одиноко! Въ немъ разрушенье, забвенье! Зачѣмъ же они жили, зачѣмъ приходили на свѣтъ? Только, чтобъ умереть? неужели за этимъ? А потомъ? что потомъ? Вы понимаете, что мнѣ хочется сказать?

— Да, Лиз... Лизавета Аркадьевна!

Взволнованный Голубинъ чуть-чуть не назвалъ ее Лизой. Онъ

позабылъ о безвозвратно пролетѣвшихъ годахъ, онъ не видѣлъ передъ собою податной инспекторши въ фланелѣвомъ платьѣ... Прежняя, прежняя мечтательная Лиза была передъ нимъ!

— О, пришлите мнѣ эту картину! Если бъ вы знали!.. Я иногда вдругъ припомню вашъ домъ, Варвару Ипполитовну, васъ и свою... свою былую глупость... И тогда мнѣ становится такъ грустно и въ тоже время такъ хорошо! Это самое поэтическое воспоминаніе изъ всей моей жизни... Я сохранилъ засушенную вѣтку бѣлой сирени... Помните, вы подарили мнѣ, на счастье? Мнѣ и сейчасъ слышится ея тонкій, нѣжный ароматъ... До сихъ поръ меня жгутъ слезы, которыя тогда я выплакивалъ передъ вами... Помните, какъ я плакалъ, когда вы играли «Осень»? и потомъ, когда расцвѣтали акаціи? Какъ чудно онѣ цвѣли въ ту весну!»

— «Та весна далеко, тѣ завяли цвѣты!» — задумчиво сказала Лиза:—вы все такой же впечатлительный, мечтательный... Ну, право, вы не походите на инженера! какой вы инженеръ? У нихъ, обыкновенно, у всѣхъ сухой и практическій умъ, разумный и трезвый взглядъ на жизнь... А у васъ нѣтъ умѣнья взвѣшивать и вычислять, вы неспособны дѣлать карьеру, богатѣть и веселиться... Вы—мечтатель: вамъ бы любоваться луной и цвѣтами, писать стихи... въ любви объясняться... да и то лишь полусловами... взглядами...

Слышишь, въ рощѣ зазвучали
Трели соловья...
Звуки ихъ полны печали,
Молятъ за меня...

— Вотъ вашъ жанръ...—Лиза улыбалась иронически-добродушной улыбкой.

Солнце погасало. Съ Днѣпра тянуло пріятной свѣжестью.

Приближался буксирный пароходъ, поспѣшая на помощь застрявшимъ на мели путешественникамъ. Опять началась суета, возня, ругань капитана, крики матросовъ... Наконецъ, съѣхали съ мели, зашумѣло пароходное колесо. Пассажиры облегченно вздохнули и продолжали свое странствіе дальше впередъ, до слѣдующей мели.

Лиза и Голубинъ не замѣтили, какъ проѣхали мимо нѣсколькихъ пристаней. Они разговаривали и не могли наговориться...

— Днѣпровскъ! Кому въ Днѣпровскъ?—спрашивалъ во всеуслышанье помощникъ капитана у пассажировъ третьяго класса.

— Вотъ я и пріѣхала! Сейчасъ домой!—замѣтила Лиза, мгновенно переходя отъ воспоминаній и грезъ къ дѣйствительной жизни.

Они подъѣзжали къ небольшой деревянной пристани, переполненной народомъ. Вокругъ мелькали, неизбѣжныя въ этомъ районѣ, еврейскія лица и флегматичные хохлы, въ широкопо-

лыхъ «брыляхъ». Въ суетливой толпѣ рѣзко выдѣлялся высокій, немного мѣшковатый господинъ съ типичнымъ малорусскимъ лицомъ въ чесунчевой фуражкѣ и въ такомъ же, безукоризненно свѣжемъ, пиджакѣ. Голубинъ чутьемъ угадалъ, что это мужъ Лизы, «настоящій запорожскій козакъ», какъ опредѣлялъ Кантель. Онъ угадалъ это раньше, чѣмъ высокій господинъ завидѣлъ Лизу и принялся размахивать своей фуражкой, привѣтствуя жену.

Лиза отвѣтила на поклонъ и направилась внизъ, приглашая за собой Голубина. Матросъ уже снесъ ея вещи изъ каюты въ верхній павильонъ. Она приколола къ волосамъ маленькую шляпку, сплошь покрытую геліотропами..

— Прощайте, прощайте, Павелъ Александровичъ! Спасибо вамъ! Не поминайте лихомъ... Какъ я рада, что встрѣтила васъ, поговорила съ вами... Къ себѣ васъ не зову: зачѣмъ? И вамъ, и мнѣ будетъ больно... Прощайте!

Слезы блестѣли на глазахъ Лизы.

Голубинъ такъ порывисто припалъ къ ея рукамъ, что Лизавета Аркадьевна, вдругъ успокоившись, поспѣшно отстранила его. Всетаки, она податная инспекторша, ее всѣ здѣсь знаютъ: неловко!

— Прощайте!

И она ушла. Павелъ Александровичъ опять взбѣжалъ на вышку. Онъ видѣлъ, какъ высокій запорожецъ устремился навстрѣчу Лизѣ и поцѣловалъ ея руку, ту самую, которую только что покрывалъ поцѣлуями Голубинъ. Потомъ оба исчезли въ толпѣ.

Пароходъ долго стоялъ у пристани, принимая все новыхъ и новыхъ пассажировъ. Не смолкая, раздавался рѣзкій стукъ отъ сбрасываемой на палубу клади. Носильщики гнулись подъ бременемъ тяжестей. Предусмотрительные путешественники возвращались съ пристани, накупивъ по близости ея черствыхъ булокъ, огурцовъ, арбузовъ и грушъ. Пароходъ оглушительно посвистывалъ...

Когда отъѣхали отъ Днѣпровска, сумерки спустились надъ рѣкой. На вышку парохода сѣлъ до слѣдующей пристани слѣпой еврей-музыкантъ. Онъ съ чувствомъ игралъ на скрипкѣ вальсъ: «Невозвратное время» и собиралъ обильную дань съ пассажировъ.

«И не встрѣтимся вновь никогда, никогда!»

Сердце тосковало и сжималось въ груди у Голубина. Что бы онъ далъ теперь за возможность услышать въ исполненіи Лизы незабвенный Warum!

— Лиза! прощай!—Этотъ вопль наполнялъ его душу.

И мучительно горько было у него на душѣ...

О. Н. Ольнемъ.

МИЦКЕВИЧЪ

ЧЕЛОВѢКЪ И ПОЭТЪ.

(Очеркъ).

„Нѣтъ, я не Байронъ, я другой...—писалъ Лермонтовъ,—какъ онъ, гонимый міромъ *странникъ*, но только съ русскою душой...“— „*Путешественниками* были мы оба на земномъ шарѣ—говорилъ Гейне князю Пюклеръ-Мюскау, посвящая ему свою „Лютецію“,— это была наша земная спеціальность....“ — „Да, я *странникъ!*— восклицалъ Гетевскій Вертеръ—а вы всѣ (т. е. такіе же, какъ я) развѣ не то же самое?“ И тотъ самый поэтъ, столѣтней памяти котораго мы посвящаемъ эти страницы, съ глубокою грустью говорилъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній: „Назначенье скалъ— стоять и грозить; облаковъ—пускать на землю дожди, молній— блестѣть и исчезать, а мое—*плыть, плыть* и *плыть*....“

Эта мысль о вѣчномъ „странничествѣ“, неустанномъ „плаваніи“ по морю житейскому, своего рода повтореніи судьбы вѣчнаго жида, выпадающемъ на долю столь многихъ, больныхъ внутреннею разорванностью, дѣтей нашего вѣка—эта мысль настоятельно напрашивается на умъ, когда знакомишься съ жизнью Адама Мицкевича. Правда, въ его странничествѣ, болѣе чѣмъ у всякаго другого, сыграли важную, почти исключительную роль обстоятельства внѣшняго свойства; но какъ Чайльдъ-Гарольдъ-Байронъ не сидѣлъ бы покойно на мѣстѣ, если бы не погналъ его съ родины лицемѣрный „кантъ“ его знатныхъ соотечественниковъ, — какъ Вертеръ застрѣлился бы во всякомъ случаѣ, не влюбись онъ въ свою Шарлотту и даже безъ всякой *внѣшней* причины,—такъ и творецъ „Конрада Валенрода“, думается намъ, не переставалъ бы „плыть, плыть и плыть“, хоть бы и не кидали его по свѣту волны этого внѣшняго свойства... Таково ужъ было его внутреннее назначеніе; съ маленькою вѣрой въ фатализмъ мы готовы были бы даже сказать, что именно этою внутреннею жизнью обусловливалась у него—какъ и у родственныхъ ему натуръ—его жизнь внѣшняя...

14*

Не въ большомъ городѣ, не среди шумныхъ и душныхъ улицъ увидѣлъ 24 декабря 1798 года свѣтъ будущій изобразитель сельской природы своего края, такъ любившій ее, съ такою отрадой погружавшійся въ воспоминанія о ней въ мучительныя минуты своего существованія. Родина его — одна изъ самыхъ скромныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Литвы; это деревня Заосье, подъ городкомъ Новогрудкомъ. Тутъ, въ мирной и небогатой, поддерживаемой трудами адвоката-отца, семьѣ, среди людей, которые, по позднѣйшему свидѣтельству одного изъ нихъ, были проникнуты „любовью къ ближнимъ, состраданіемъ къ бѣднымъ, а главное—задушевною привязанностью къ дорогой родинѣ—Литвѣ“, тутъ протекло самое первое младенчество нашего поэта, и къ этимъ впечатлѣніямъ присоединились тѣ, которыя должны были дѣйствовать на его врожденное поэтическое чувство. Онъ видитъ себя окруженнымъ историческими воспоминаніями, живущими въ развалинахъ старыхъ замковъ, въ мѣстахъ, гдѣ совершались нѣкогда событія, дорогія сердцу патріота; онъ слышитъ разсказы объ этихъ событіяхъ, которые запечатлѣваются въ его душѣ, чтобы много лѣтъ спустя извлекать изъ его пера чудные звуки скорби; старая служанка его матери поетъ ему, какъ няня Пушкину, народныя пѣсни, разсказываетъ чудесныя сказки, знакомитъ съ сокровищами народной поэзіи... Впечатлѣнія этого рода не прекращаются и по переселеніи изъ деревни въ Новогрудокъ, куда Адама Мицкевича, въ ту пору девятилѣтняго мальчика, перевозятъ вмѣстѣ съ братомъ для помѣщенія въ школу,—и между ними одно изъ самыхъ главныхъ, укореняющееся въ немъ на всю жизнь — зрѣлище побѣдоноснаго шествія Наполеона по всему міру. То обаяніе, которое производилъ этотъ человѣкъ своею геніальною личностью, которое, напримѣръ, у Гейне выразилось въ нѣсколькихъ вдохновенныхъ страницахъ воспоминанія,—проникло и сюда, въ стѣны убогаго литовскаго городка; но тутъ (какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ Европы) оно имѣло еще спеціальныя, чисто политическія причины. Для польскихъ „патріотовъ“, убаюкивавшихъ себя несбыточными мечтаніями,—въ томъ числѣ и для отца нашего поэта — Наполеонъ представлялся освободителемъ народа, будущимъ возстановителемъ польской Рѣчи Посполитой. Старикъ Мицкевичъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ мечтателей въ этомъ направленіи, и его фантастическое увлеченіе перешло на сына. Незадолго до вступленія Наполеона въ предѣлы Россіи отецъ нашего поэта умеръ; но четырнадцатилѣтнему Адаму суждено было пережить потрясающія впечатлѣнія 1812 года. Ему не удалось, какъ Генриху Гейне, лично увидѣть великаго героя, не могъ онъ воскликнуть, подобно нѣмецкому поэту: „что сталось со мною, когда я увидѣлъ въ первый разъ, увидѣлъ своими собственными, высокоблаженными глазами — его самого, осанна!

императора!“ — но онъ видѣлъ, спрятавшись за заборомъ, прохожденіе по бѣднымъ улицамъ городка блестящей арміи подъ начальствомъ короля вестфальскаго; видѣлъ, какъ за золотыми орлами первой имперіи шли и его родные орлы, бѣлые, орлы польскаго легіона. „Только въ этомъ, только въ этомъ году за всю свою жизнь (говоритъ его новѣйшій и прекрасный біографъ Каленбахъ) почувствовалъ онъ себя свободнымъ, не ставилъ предѣла надеждамъ... Мечтанія его отца, казалось, должны были осуществиться, побѣдоносный „богъ войны“ пролеталъ надъ Литвой огненнымъ метеоромъ, суля освобожденіе... И сердце юноши, потрясенное недавнею утратою отца, наполнила, какъ цѣлительный бальзамъ, крѣпкая вѣра въ „посланничество“ Наполеона...“ Этой вѣрѣ суждено было уже много лѣтъ спустя принять широкіе и знаменательные размѣры.

Въ 1815 г. мы видимъ Мицкевича студентомъ виленскаго университета, оставившимъ ту мирную, тѣсную среду, въ которой, по его словамъ, онъ „рѣдко плакалъ и никогда не имѣлъ скрежета зубовнаго“, но гдѣ уже начинали сильно шевелиться и умъ, и сердце его. „Молодая кровь рвалась къ жизни, молодая душа жадно искала около себя другой, родственной по единомыслію, души, а вѣра, еще не подкопанная разрушеніемъ надеждъ, провожала юношу въ свѣтъ, къ которому онъ довѣрчиво, какъ дитя къ нянѣ, простиралъ объятья...“

Виленскій университетъ, въ которомъ Мицкевичъ пробылъ съ 1815 по 1819 годъ, и который, при схоластичности преподаванія вообще, при множествѣ предметовъ, какими набивали головы юношей, насчитывалъ въ своей средѣ нѣсколько выдающихся преподавателей, этотъ университетъ врядъ-ли оказалъ значительное вліяніе собственно на поэтическое развитіе будущаго автора „Пана Тадеуша“. Правда, лекціи Гродека, читавшаго греческую и римскую словесность, „не были только (какъ свидѣтельствуетъ о нихъ одинъ изъ его слушателей, товарищъ Мицкевича) наукой древней филологіи, но въ нихъ находила себѣ выраженіе истинная философія жизни; тутъ онъ не разъ касался самой чуткой струны въ сердцѣ юноши, умѣлъ духовно подымать его въ его собственныхъ глазахъ, отрывать отъ низменныхъ матеріальныхъ стремленій, чтобы тѣмъ сильнѣе привязывать къ интересамъ высшимъ и зажигать въ немъ невидимый огонь...“ Правда, слушалъ Адамъ и знаменитаго Лелевеля, основателя цѣлой исторической школы, хотя (и это обстоятельство, думаемъ, очень важно по отношенію къ Мицкевичу), совершенно лишеннаго художественности, совершенно „неспособнаго къ историческому живописанію угадываемыхъ и превосходно понимаемыхъ событій...“ Но поэтъ-студентъ, какъ поэты-студенты Гете, Байронъ, Гейне,

не былъ созданъ для университетской скамьи, для облеченной въ строгую систему науки; „Мицкевичъ—говоритъ намъ его товарищъ Домейко — хоть и былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Гродека, но не любилъ университетскихъ каѳедръ, онѣ наводили на него скуку и умственную тяжесть, онъ самъ себѣ былъ профессоромъ". И профессоромъ—прибавимъ—очень удачнымъ, который притомъ черпалъ свои свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, хотя (покамѣсть) въ ограниченномъ кругѣ, въ одномъ опредѣленномъ направленіи; двадцати лѣтъ отъ роду онъ уже выступаетъ критикомъ, и въ этой первой своей работѣ въ этомъ родѣ обнаруживаетъ полное знакомство съ Гомеромъ, Виргиліемъ, Тассо, Камоэнсомъ, Мильтономъ, Вольтеромъ, Фенелономъ, Флоріаномъ, не говоря уже о писателяхъ польскихъ, изъ которыхъ, однако, въ эту пору ему особенно близокъ, въ качествѣ поэтическаго руководителя, Трембецкій (1723—1812), хорошій стилистъ во французскомъ „академическомъ" духѣ, но ничтожный относительно духа и содержанія своихъ произведеній.

Но не по книгамъ только совершалось самообразованіе будущаго поэта; въ жизни черпалъ онъ для этого драгоцѣнные матеріалы. Покамѣсть эта жизнь еще не выходила за предѣлы университетскихъ стѣнъ, и средоточіемъ ея былъ тотъ студенческій кружокъ, въ которомъ соединились Мицкевичъ, его ближайшій пріятель Занъ, Малевскій, Домейко, Чечотъ и др. и который они назвали союзомъ „филоматовъ". Умственное и нравственное существованіе членовъ кружка и воздѣйствіе впослѣдствіи на общество въ томъ же духѣ и направленіи — вотъ что легло въ основаніе этого маленькаго кружка; „филоматы (такое свидѣтельство оставилъ одинъ изъ нихъ) подъ присягой принимали на себя обязательство всю жизнь работать для блага отечества, науки и добродѣтели, вліять примѣромъ и совѣтомъ на учащуюся молодежь, сперва университетскую, а впослѣдствіи и другихъ учебныхъ заведеній; по окончаніи курса, сообщать другъ другу о своихъ занятіяхъ и требовать такихъ же отчетовъ отъ товарищей, чтобы не дозволять имъ коснѣть въ праздности". Средства для этого въ кружкѣ были чисто литературныя: въ собраніяхъ его читались статьи членовъ по вопросамъ или строго эстетическимъ, или научнымъ, или моральнымъ, происходили оживленныя пренія, ставились „резолюціи" и т. п. Политическій элементъ, въ собственномъ значеніи этого слова, такимъ образомъ не входилъ въ установленную образовательно-этическую программу молодого общества; но что онъ, или по крайней мѣрѣ элементъ соціальный, такъ сказать, невидимо присутствовалъ въ ней, что онъ даже давалъ собственно настоящую жизнь и силу этому движенію—въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Только что приведенныя слова программы—„работать для блага отечества", отнюдь не заключали въ себѣ исключительно образовательнаго

и моральнаго смысла; тотъ „патріотизмъ", который явился фундаментомъ кружка, былъ патріотизмомъ именно политическаго—въ широкомъ значеніи—и соціальнаго характера; въ сердцахъ этихъ молодыхъ людей, по словамъ одного изъ новѣйшихъ историковъ, „горѣлъ яркимъ пламенемъ идеалъ той Польши, для которой не жаль выносить научный трудъ и житейскія невзгоды, терпѣливо выжидать, стремиться къ достиженію лучшей доли". Очень знаменательно въ этомъ отношеніи то пылкое увлеченіе, которое охватило молодыхъ филоматовъ, когда послѣ смерти Костюшки (въ 1817 г.) начались въ Литвѣ, съ разрѣшенія русскаго правительства, торжественныя чествованія его памяти; когда въ благодарность за это разрѣшеніе, въ публичныхъ рѣчахъ выхваляли Александра I за то, что онъ „возстановилъ упавшее имя поляковъ" „и ввѣрилъ братьямъ кормило управленія братьями"; когда, для исполненія одной изъ главныхъ мыслей Костюшки, на виленскомъ сеймикѣ 1818 г. было постановлено ходатайствовать передъ императоромъ объ освобожденіи крестьянъ и улучшеніи ихъ участи... Это увлеченіе, какъ и другое въ томъ же родѣ, не выходило за предѣлы тѣхъ стѣнъ, въ которыхъ собиралась эта молодежь, характеръ движенія былъ отвлеченный, теоретическій; но все это были сѣмена, кидавшіяся въ очень благодарную почву для того, чтобы впослѣдствіи выйти растеніемъ очень практическаго свойства. Въ душу Мицкевича они западали глубже, чѣмъ въ чью бы то ни было; народолюбецъ-человѣкъ, какимъ онъ оставался не на словахъ только, а на дѣлѣ, до послѣдней минуты своей жизни, и народный поэтъ, въ безусловнѣйшемъ значеніи этого понятія, какимъ мы должны прежде всего и почти исключительно признавать Мицкевича, не смотря на смѣну въ его поэзіи многихъ литературныхъ „теченій"—оба они рождались и постепенно развивались въ немъ именно теперь, въ этомъ товарищескомъ кружкѣ. *Первое* стихотвореніе его (написанное на университетской скамьѣ и найденное уже по смерти поэта) есть призывной кличъ къ товарищамъ-филоматамъ на энергическую совмѣстную дѣятельность, — и въ словахъ этого стихотворенія, которое, по замѣчанію Каленбаха, было „программою и побужденіемъ для филоматовъ", въ словахъ: „мы строимъ новыя зданія на новомъ фундаментѣ!" ясно читается мысль поэта, еще, можетъ быть, смутно формулированная въ его головѣ касательно подробностей практическаго свойства, но, надо думать, вполнѣ сложившаяся въ своей основной сущности. „Его соколиное око видѣло хорошо и далеко", говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ товарищей его, и потому всѣ они, подъ обаяніемъ притомъ его поэтической личности, совѣтовались съ нимъ въ важнѣйшихъ вопросахъ, чуяли въ немъ своего главу, своего духовнаго вождя, какъ было съ молодыми сверстниками Гете и Байрона, согрѣвались тѣмъ огнемъ, который исходилъ изъ него. Пороху было много, нужны были

искры—и сильнѣйшими изъ такихъ искръ служили относящіяся къ этой порѣ поэтическія произведенія Мицкевича: только что упомянутое стихотвореніе, начинавшееся радостно идеалистическими словами: „съ свѣтлаго неба уже сошла печальная темнота“; небольшая, написанная въ духѣ академическихъ французскихъ трагедій, поэма „Живила“, гдѣ любовь къ отечеству торжествуетъ надъ любовью къ женщинѣ; наконецъ, знаменитая „Ода къ молодости“, сдѣлавшаяся (по словамъ В. Д. Спасовича) „марсельезой молодого поколѣнія“ (хотя въ ней не было ни одного собственно „марсельезнаго“ звука), — пѣсня, полная самонадѣянно юношеской отваги, призывающая друзей соединиться рука въ руку такъ, чтобы „опоясать земной шаръ“, и толкающая этотъ шаръ на „новые пути“, для того, чтобы онъ, „сбросилъ съ себя лежащую на немъ кору плѣсени“, вспомнилъ прежніе годы, когда его покрывала могучая свѣжая зелень...

Этою одой, однако, мы нѣсколько забѣжали впередъ: она была написана уже по выходѣ Мицкевича изъ университета, уже въ то время, когда онъ, какъ казенный стипендіатъ, несъ обязанности учителя ковенской гимназіи. И обращался онъ съ нею уже не къ однимъ только филоматамъ; къ этому кружку, въ бытность Мицкевича въ университетѣ, присоединились еще два, бывшіе какъ бы развѣтвленіями перваго, дѣйствовавшіе подъ его руководствомъ и въ томъ же направленіи, — „лучистыхъ“ (Promienistych) и „филаретовъ“ (любителей добродѣтели). Всѣхъ ихъ имѣлъ поэтъ въ виду въ своемъ вдохновенномъ призывѣ, который явился результатомъ все болѣе и болѣе крѣпнувшаго въ немъ убѣжденія, что польской молодежи предстоитъ великая миссія и что она обязана ее исполнить. Если, въ отношеніи собственно литературномъ, образцомъ для нашего поэта послужилъ вліявшій на него въ ту пору Шиллеръ съ его знаменитою пѣснью „Къ радости“, то—какъ справедливо было замѣчено польскимъ критикомъ (и для насъ важно, что именно польскимъ)—между этими двумя юношами идеалистами здѣсь обнаруживалась значительная и очень характеристическая разница: въ противоположность нѣмецкому поэту, стоявшему въ своемъ призывѣ къ братской любви и дружбѣ на отвлеченной, такъ сказать, теоретической почвѣ, поэтъ польскій, имѣвшій, повторяемъ, прежде всего въ виду свой собственный народъ и уже потомъ обобщавшій съ нимъ человѣчество, шелъ путемъ практическимъ; между тѣмъ какъ Шиллеръ уносился и уносилъ другихъ въ высшія, заоблачныя сферы, убѣждалъ „бѣжать изъ тѣсной, душной жизни въ царство идеала“, Мицкевичъ зоветъ своихъ товарищей держаться „*земного* шара“, „опоясать“ *его*; и словами этой оды: „соединимъ наши мысли и нашъ духъ въ одинъ фокусъ“, онъ „какъ бы напоминалъ филоматамъ и филаретамъ, что причиною гибели ихъ отцовъ была именно полная раздробленность политической идеи, отсутствіе

нераздѣльныхъ стремленій къ одному фокусу". Въ такомъ же духѣ и съ тѣми же основными мыслями писалъ онъ въ это время другія обращенія къ товарищамъ; но молодость—и особенно молодость поэта—должна была взять свое; къ тѣмъ соціальнымъ и политическимъ струнамъ, которыя звучали все громче и громче въ сердцѣ автора „Оды къ молодости" и „Пѣсни филаретовъ", неминуемо должны были присоединиться струны чисто сердечныя, приводимыя въ движеніе любовью къ женщинѣ. Уже студентомъ, на каникулахъ, которыя Мицкевичъ проводилъ въ 1818 г. у своихъ родныхъ въ Заосьѣ, встрѣтилъ онъ молодую дѣвушку, Марилю, дочь помѣщика Верещака, бывшую въ это время невѣстою молодого сосѣда-помѣщика Путкаммера, и если не влюбился въ нее съ пылкостью, которой можно было ожидать отъ него, то во всякомъ случаѣ она произвела не него значительное впечатлѣніе своими физическими и нравственными качествами. Любовь къ отечеству, долгъ безусловнаго и безраздѣльнаго служенія ему нашъ поэтъ ставилъ, однако, въ это время въ своихъ воззрѣніяхъ выше любви къ женщинѣ. Любопытнымъ свидѣтельствомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить не только то обстоятельство, что *первое* стихотвореніе полувлюбленнаго поэта было, какъ мы видѣли, не любовное, но и вышеупомянутая поэма „Живила": въ ея героѣ—на почвѣ старой литовской легенды или хроники—авторъ рисовалъ самого себя, свое воззрѣніе на любовь; этотъ герой, Порай по имени (а Порай гербъ Мицкевичей), измѣняетъ отечеству, чтобъ завладѣть любимой женщиной, и она, эта возлюбленная, истинная патріотка, подавляетъ свое чувство любви и поражаетъ измѣнника кинжаломъ. Но теорія и практика—двѣ вещи разныя; патріотизмъ патріотизмомъ, любовь любовью. Черезъ годъ послѣ первой встрѣчи, на новыхъ каникулахъ, Мицкевичъ, уже не студентъ, а ковенскій учитель, снова проводитъ лѣто съ Марилею—и тутъ начинается драма, напоминающая съ нѣкоторыми видоизмѣненіями исторію Гете, Шарлотты Буффъ и Кестнера, т. е. исторію Гетевскаго „Вертера". Мариля горячо полюбила автора „Оды къ молодости", онъ тоже совершенно увлекается ею, и чисто юношеская, не нарушаемая даже тѣнью чувственности, идиллія разыгрывается молодыми людьми въ обстановкѣ чудесной природы, среди патріархальной простоты нравовъ, которая позволяетъ влюбленному поэту проводить цѣлые часы наединѣ съ невѣстою другого, даже въ его присутствіи. Но роковой часъ наступаетъ; невѣста становится женою—и вотъ разлука, слезы, отчаяніе, мысль о самоубійствѣ, тайная переписка съ возлюбленной, всѣ, однимъ словомъ, атрибуты несчастной любовной драмы. Станемъ ли мы однако придавать ей серьезное *житейское* значеніе, станемъ ли, какъ дѣлаютъ иные біографы (относительно, впрочемъ, не только Мицкевича, но и многихъ другихъ поэтовъ) видѣть въ этой исторіи событіе, оказавшее сильное вліяніе на

жизнь Мицкевича, какъ человѣка? Конечно, нѣтъ; потому, во первыхъ, что это исторія хотя и поэтично-романичная, но обыденная, случающаяся тысячи и тысячи разъ, а затѣмъ—через нѣсколько лѣтъ мы увидимъ того же Мицкевича влюбленнымъ въ другую, а подождемъ еще немного, и онъ явится передъ нами забывшимъ и эту „другую" и любящимъ мужемъ, нѣжнымъ и добродѣтельнымъ отцомъ семейства. Съ такимъ же чувствомъ проходимъ мы мимо первыхъ любовныхъ увлеченій Гете, Байрона Гейне; но это только въ житейскомъ отношеніи; въ отношеніи же литературнаго развитія этихъ поэтовъ—дѣло иное. Эти увлеченія могущественный стимулъ къ пробужденію и развитію поэтическихъ задатковъ, и то, что было съ другими поэтами, повторилось и съ Мицкевичемъ. Марыля была для него тѣмъ, чѣмъ были для Гете Шарлотта Буффъ, Фредерика Бріонъ, для Байрона—Мери Чевортъ, для Гейне—Амалія; ей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и той очаровательной обстановкѣ, среди которой разыгрывалась эта идиллія-драма, былъ обязанъ поэтъ тѣми первыми и послѣдующими произведеніями, въ которыхъ выразились главныя стороны его чисто поэтическаго творчества—жизнь сердца, одухотвореніе природы родного края, народность въ ея поэтическихъ проявленіяхъ. „Нѣтъ на землѣ—писалъ онъ уже гораздо позже, вспоминая эту пору, когда идиллія еще не смѣнилась трагедіею — нѣтъ на землѣ жизни такой отрадной, какую проводятъ въ литовскихъ деревняхъ и селахъ; столько тамъ радости, любви, счастья полного, безграничнаго... Такою жизнью жилъ я между 1815—1820 г. въ домѣ Верещаковъ... Цѣлыя ночи въ лѣсахъ, надъ озерами... Выслушавши разъ чудесную сказку, разсказанную рыбакомъ, Марія сказала мнѣ: „вотъ это поэзія! напишите что нибудь подобное"! Эти слова глубоко напечатлѣлись въ моей душѣ, и тутъ я ступилъ на мою поэтическую дорогу"! Первыя баллады, слѣдующія затѣмъ лирическія стихотворенія, четвертая часть „Дѣдовъ", даже самое позднее и самое геніальное произведеніе Мицкевича, „Панъ Тадеушъ"—все это является въ большей или меньшей степени и откликомъ впечатлѣній той поры, и автобіографическимъ матеріаломъ для исторіи жизни поэта въ эти блаженные и мучительные дни ея; тутъ же впервые—въ гимнѣ во хвалу Богородицы—видимъ мы проявленіе того глубоко религіознаго, католически религіознаго чувства, которому нашъ поэтъ оставался непоколебимо вѣренъ съ первыхъ дней своего младенчества до могилы и которое наложило свою печать не столько на его поэтическую производительность, сколько на ходъ его жизни.

Но не такова была натура Мицкевича, чтобы пасть подъ бременемъ этихъ сердечныхъ испытаній и потрясеній. Если въ написанномъ въ 1821 году стихотвореніи „Пловецъ" проглядываетъ мысль о самоубійствѣ, Гамлетовское „быть или не быть", выражаемое въ вопросахъ пловца: „не бросить ли корабль жизни?"

вмѣсто того, чтобы бороться съ волнами,—то въ концѣ этой же пьесы—мужественное ободреніе себя и успокоеніе боящихся за него товарищей, твердое рѣшеніе „не бросать этого корабля жизни“, и „плыть все дальше и дальше“... Рулями въ этомъ плаваніи, направляющими его къ цѣли, все явственнѣе обозначающейся для него, служатъ усиленное занятіе наукой и литературой, сильно обогащающее запасъ его знаній и направляющее его на новые литературные пути, и все та же мысль объ „отечествѣ“, о его судьбахъ, его будущей миссіи. И до какой степени эта мысль все больше и больше крѣпла въ немъ, до какой степени она господствовала надъ всѣми его мыслями и чувствами—это видно, между прочимъ, изъ того любопытнаго обстоятельства, что одновременно съ его сердечными мученіями любви—въ ту пору дѣйствительно очень сильными — одновременно съ воспроизведеніемъ ихъ въ элегическихъ и т. п. стихотвореніяхъ, онъ пишетъ посланіе къ Лелевелю, заключающее въ себѣ не только явно политическіе намеки, но и опредѣленную мысль о миссіи Наполеона относительно Польши,т. е. ту мысль, которая впослѣдствіи, какъ увидимъ, играла такую важную роль въ его дѣятельности. „Вылетѣла—восклицалъ онъ въ этомъ посланіи—царственная птица (т. е. Наполеонъ) изъ своего гнѣзда, и заблестѣла кровавая звѣзда его легіоновъ; но хотя въ настоящую минуту сокрушены западные исполины, кровь ихъ можетъ еще принести плоды на землѣ...“ Но изъ вышесказаннаго не слѣдуетъ, что душевное настроеніе нашего поэта сдѣлалось покойнымъ. Съ одной стороны, любовь всетаки продолжала свое дѣло, то бушуя въ сердцѣ, то вызывая мрачную апатію. „Сердце Адама—писалъ Малевскому ближайшій другъ Мицкевича и повѣренный его любовныхъ тайнъ, Занъ—и все его душевное настроеніе походитъ, кажется, на лѣсъ, въ которомъ былъ пожаръ“. А самъ онъ говорилъ въ письмѣ къ тому же Малевскому: „Дневникъ моей жизни и работъ очень однообразенъ и кратокъ; сплю и еще чаще не сплю, хожу много, пишу стихи, или, вѣрнѣе говоря, писалъ, потому что теперь пишу все меньше и меньше... Я видѣлся нѣсколько разъ съ Маріею и прожилъ съ нею двѣ недѣли; ея видъ и бесѣды успокаиваютъ меня болѣе всего; что́ будетъ дальше, я не знаю!..“ Эти свиданія происходили уже послѣ свадьбы Маріи, когда она изъ деревни пріѣзжала въ Вильно, куда Мицкевичъ переселился изъ Ковно, получивъ годовой отпускъ по своей должности; о душевномъ состояніи ихъ обоихъ можно судить по слѣдующимъ словамъ изъ письма Зана къ Малевскому: „Я старался и стараюсь придать чувствамъ Адама и Маріи болѣе спокойствія; я не увѣренъ въ полномъ успѣхѣ, но мнѣ кажется, что ихъ страданія менѣе сильны; въ этихъ видахъ я состою въ перепискѣ и съ нею, и съ нимъ; они меня называютъ „дорогимъ“ и „благодѣтелемъ...“ Во время праздниковъ они были въ Вильнѣ почти двѣ недѣли; мои

усилія успокоить ихъ остались тщетными; не знаю, что будетъ дальше. Дѣло зашло такъ далеко и приняло такой несчастный оборотъ, что я, бывъ нѣкогда защитникомъ любви, теперь объявляю ей войну...“ Съ другой стороны, изнуряло и по временамъ притупляло поэта учительство, вбиваніе латыни въ „жмудскіе лбы“, какъ онъ выражался: „двадцать уроковъ въ недѣлю—писалъ одинъ изъ его пріятелей другому—страшно его изнуряютъ, онъ постоянно страдаетъ безсонницей...“—„и живетъ только трубкою да кофе“—читаемъ въ другомъ письмѣ. Вышеупомянутый годовой отпускъ принесъ, конечно, отдыхъ, но для возстановленія физическихъ и душевныхъ силъ нужно было какое нибудь особенное средство, и его доктора и друзья поэта видѣли въ заграничномъ путешествіи, котораго онъ и самъ жаждалъ. Осуществленіе этого плана представлялось возможнымъ: часть денегъ собрали бы друзья, часть доставила бы продажа выпущенныхъ какъ разъ въ это время, одинъ за другимъ, двухъ томовъ (вѣрнѣе томиковъ) его произведеній (баллады и романсы, лирическія стихотворенія, „Гражина“, 2-я и 4-я части „Дѣдовъ“); полученъ былъ, послѣ довольно долгихъ хлопотъ, и заграничный отпускъ на два года. Но изъ безоблачнаго, повидимому, неба грянулъ громъ—и все рухнуло.

Громъ обрушился на общество филаретовъ. Собственно политической дѣятельности въ смыслѣ агитацій, организацій, заговоровъ, возстаній и т. п. въ этой компаніи по прежнему не было, вѣрнѣе говоря, такіе планы роились, быть можетъ, только въ головахъ двухъ-трехъ вожаковъ (главнымъ образомъ Зана), которые довольно неопредѣленно объясняли новопоступающимъ членамъ въ видѣ программы, что „когда наступитъ благопріятная минута, то можно будетъ подумать о возстановленіи Польши“. Тѣмъ не менѣе существованіе этого общества было окружено тайной, особенно въ виду тѣхъ преслѣдованій, которымъ все сильнѣе подвергались во всей Европѣ всякіе „союзы“, особенно учащейся молодежи. Императорскій коммисаръ въ Вильнѣ, Новосильцевъ, давно уже чуялъ присутствіе вблизи отъ него чего-то „подозрительнаго“, и попечитель виленскаго учебнаго округа, князь Адамъ Чарторійскій, дружески предупреждалъ ректора университета, Малевскаго, о грозящей, повидимому, опасности. Малевскій уговорилъ Зана и другихъ двухъ главныхъ вожаковъ, Петрашкевича и Езовскаго, сжечь всѣ филаретскіе уставы, протоколы, документы, чтобы уничтожить всякіе слѣды существованія общества. Школьническая выходка виленскихъ гимназистовъ, написавшихъ на классной доскѣ „да здравствуетъ конституція!“ заставила Новосильцева усиленно забить тревогу; начались слѣдствія и обыски всякаго рода, не приводившіе, однако, по отсутствію документальныхъ уликъ, ни къ какому результату, пока не пришла на помощь обычная въ этихъ случаяхъ исторія—измѣна.

Молодой филаретъ Янковскій, своего рода Репетиловъ, которому въ послѣднее время совѣтъ филаретскаго общества даже запретилъ выступать въ засѣданіяхъ съ его крикливо-фразерскими, искуственно-патріотическими изліяніями, былъ арестованъ прежде всѣхъ, такъ какъ въ его бумагахъ нашлись компрометирующія бумаги и стихи; но онъ скоро и легко поддался на угрозы и заманчивыя обѣщанія слѣдственной коммисіи, и выдалъ имена тѣхъ филаретовъ и филоматовъ, которые ему представлялись главными измѣнниками и революціонерами. Аресты посыпались одинъ за другимъ; въ числѣ арестованныхъ оказался и Мицкевичъ, котораго посадили въ базиліанскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ его близкихъ пріятелей. Такой внезапный переходъ отъ мечтаній о заграничной поѣздкѣ къ печальной дѣйствительности въ кельѣ базильянскаго монастыря, конечно, долженъ былъ произвести глубокое впечатлѣніе на воспріимчивую натуру нашего поэта. „Въ его душѣ все больше и больше накоплялось горечи, но вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣплялось мужество и непоколебимое рѣшеніе стойко и неизмѣнно служить филаретскимъ идеаламъ“. Отрезвляюще подѣйствовало это тюремное заключеніе и на его любовный пылъ, на ѣдкую тоску по возлюбленной Марилѣ. „Вся эта исторія ареста заставила Мицкевича окончательно сойти съ высотъ грезъ и воспоминаній любви на арену борьбы филаретской молодежи съ возникавшими для ея идеальныхъ стремленій препятствіями. Поэтъ открылъ глаза на сѣрую, голую дѣйствительность и вступилъ въ борьбу съ нею. Въ этой борьбѣ онъ закалилъ свои силы, и уже много лѣтъ спустя говорилъ, что съ этого заключенія въ монастырской кельѣ-тюрьмѣ началась новая его жизнь, родился новый человѣкъ“...

Арестъ Мицкевича продолжался шесть мѣсяцевъ. Его выпустили въ виду отсутствія всякихъ вѣскихъ уликъ и благодаря особому поручительству Лелевеля; но пришлось ждать еще шесть мѣсяцевъ рѣшенія императора—рѣшенія, которымъ Мицкевичу, вмѣстѣ съ восьмнадцатью товарищами, предписывалось ѣхать служить въ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи, предварительно прибывъ въ Петербургъ для полученія болѣе точныхъ указаній. И 24 октября 1823 г. поэтъ навсегда разстался со своею милою родиной, своей Литвою, простившись съ нею вдохновеннымъ стихотвореніемъ, которое оканчивалось словами: „Будущее не страшитъ меня. Кормчій, подымай паруса! Ѣдемъ! Не пропадетъ наша родина, въ которой такія матери и такія дочери!“

Въ трехъ русскихъ городахъ прошло пятилѣтнее пребываніе Мицкевича въ Россіи послѣ выѣзда изъ Вильно: въ Одессѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Судя по всѣмъ внѣшнимъ подробностямъ этого періода его жизни, по сообщеніямъ близкихъ ему людей, по его собственнымъ письмамъ, не было тутъ ничего темнаго, печальнаго; напротивъ того, картина этихъ пяти лѣтъ имѣетъ

въ себѣ много свѣтлыхъ красокъ; повидимому, много новыхъ хорошихъ впечатлѣній — иногда даже чисто свѣтскихъ, въ видѣ знакомствъ, развлеченій и т. п. — ослабляютъ для него тяготу невольнаго изгнанія, невольной разлуки съ милой родиной. Уже въ Одессѣ, городѣ, гдѣ всегда былъ силенъ польскій, какъ и вообще иностранный, элементъ, онъ увидѣлъ себя окруженнымъ соплеменниками, окруженнымъ самыми живыми симпатіями, и увлекся до того, что, продолжая носить въ сердцѣ незабвенную Марылю, завелъ, однако (тоже своего рода alte Geschichte!), нѣчто въ родѣ недолговременной интрижки съ красавицей Сабанской, вдохновившей его на цѣлый рядъ сонетовъ въ эротическомъ родѣ. Гораздо сильнѣе и поэтичнѣе этихъ впечатлѣній—дѣйствіе, произведенное на Мицкевича посѣщеніемъ Крыма, развившимъ въ немъ то чувство природы, которымъ онъ обладалъ въ такой удивительной степени, и такъ чудесно отразившимся на его поэтическомъ творчествѣ въ „Крымскихъ Сонетахъ". Но одесская жизнь была все таки слишкомъ пуста, слишкомъ поверхностно свѣтская, чтобы долго удовлетворять поэта, кинутаго въ эту шумную среду изъ своей виленской тиши; и если послѣдующее пребываніе его то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, тоже достаточно изобиловало такимъ же свѣтскимъ препровожденіемъ времени, то оказалось тутъ не мало и такихъ духовныхъ интересовъ, которые, давая пищу сердечнымъ влеченіямъ и наклонностямъ Мицкевича, вмѣстѣ съ тѣмъ расширяли его умственный и нравственный кругозоръ, дѣлали его во многихъ отношеніяхъ новымъ человѣкомъ, давали ему полное основаніе сказать (въ одномъ изъ писемъ къ Чечоту и Зану): „Я сталъ веселымъ у отцовъ базиліановъ (т. е. во время ареста въ базильянскомъ монастырѣ), и спокойнымъ и почти разумнымъ въ Москвѣ". Въ обществѣ, т. е. собственно „въ свѣтѣ", въ самыхъ аристократическихъ гостиныхъ (напримѣръ, княгини Зинаиды Волконской), его принимаютъ, какъ самаго желаннаго гостя. „Пріѣздъ его въ Петербургъ—писалъ Малевскій Лелевелю—вызвалъ небывалую сенсацію; русскіе и поляки наперерывъ спѣшатъ проявить ему свое уваженіе; у насъ здѣсь постоянная масляница: обѣды, продолжающіеся за полночь, слѣдуютъ одинъ за другимъ, и принимать всѣ приглашенія Мицкевичъ не успѣваетъ..." Тоже и въ Москвѣ. „Слава моя—пишетъ уже онъ самъ оттуда—распространяется въ Москвѣ и доставляетъ мнѣ много друзей. Земляки, живущіе въ столицѣ, и пріѣзжіе устроили мнѣ роскошную *кутью*... Затѣмъ, посыпались ежедневныя приглашенія то туда, то сюда... Жизнь моя — говорится дальше въ томъ же письмѣ — течетъ однообразно и почти, могу сказать, счастливо, — такъ счастливо, что боюсь, какъ бы завистливая Немезида не наградила меня какими нибудь новыми бѣдствіями. Спокойствіе духа (по крайней мѣрѣ индивидуальное) иногда пріятныя развлеченія, полное отсутствіе страстныхъ по-

трясеній (понятно, тоже индивидуальныхъ). Надѣюсь, что лѣтомъ появится и больше охоты къ труду; теперь я лѣнюсь, хотя читаю и думаю много. Дни мои проходятъ однообразно: утромъ читаю; иногда, но рѣдко, пишу; въ третьемъ часу обѣдаю или одѣваюсь, чтобы отправиться куда нибудь на обѣдъ; вечеромъ предстоитъ концертъ или другое увеселеніе; возвращаюсь домой, по большей части, поздно; учу нѣсколькихъ дамъ польскому языку..." Иногда встрѣчаются въ этихъ письмахъ и забавныя по своей наивности вещи: занятый очень важными вопросами и интересами, проходя очень серьезную житейскую школу, задумывая такое произведеніе, какъ „Конрадъ Валенродъ"—нашъ поэтъ, однако, въ то же самое время пишетъ своимъ друзьямъ: „Очень мнѣ иногда хочется хорошо танцовать, или вообще танцовать, еще болѣе—играть на флейтѣ, гитарѣ или пѣть; отпускать комплименты мнѣ подчасъ удается, и я не упускаю случая совершенствоваться въ этомъ дѣлѣ". Его друзья изъ „непримиримыхъ" (между ними главный — Чечотъ) обращаются къ нему съ рѣзкими упреками за такое близкое общеніе съ „врагами", за приниманіе всѣхъ этихъ приглашеній на обѣды, балы и т. п.,—общеніе, въ которыхъ они видятъ почти измѣну отечеству; Мицкевичъ на эти укоры отвѣчаетъ и серьезно, и юмористически. „Нашу любовь къ родинѣ—говоритъ онъ этимъ друзьямъ—мы будемъ проявлять не какъ донъ-Кихотъ, стоящій на большой дорогѣ и безъ всякой надобности вызывающій всѣхъ на бой; но такъ, какъ училъ король Карлъ Великій снискивать любовь Анжелики. Милый другъ! можно ли съ этимъ высокимъ и благороднымъ чувствомъ соединять и связывать вещи совершенно ничтожныя? Неужели обѣды, танцы, пѣсни могутъ оскорблять эту божественную возлюбленную нашу!.. По истинѣ говорю, что я готовъ ѣсть не только трефной бифштексъ Моавитовъ, но даже мясо съ алтаря Дагона и Ваала, когда голоденъ—и всетаки останусь, какъ былъ до сихъ поръ, добрымъ христіаниномъ..." А юмористически (хотя Каленбахъ почему-то видитъ тутъ теорію самосохраненія, повидимому, нѣсколько прозаическую, но, въ сущности, единственно разумную для людей въ такомъ положеніи, въ какомъ находились въ ту пору филареты), съ юморомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, т. е. тоже съ очень серьезною „подкладкою", отвѣчаетъ онъ тѣмъ же „непримиримымъ" такъ: „Если тебя приглашаютъ на обѣдъ, или ты можешь, безъ нарушенія приличія, идти неприглашенный, то иди и ѣшь съ апетитомъ. Ибо хорошій обѣдъ подкрѣпляетъ силы, а деньги лучше отдать другому, которому приходится пообѣдать на свой собственный счетъ,—или купить на нихъ табаку или книжку. Если играешь въ бостонъ, то это — самое лучшее дѣло. Я самъ убѣдился, что при игрѣ въ бостонъ математическое исчисленіе занимаетъ мысль и охлаждаетъ сердце, а коли играешь долго, то ночью снятся

трефы, и пики, и бубны, что̀ лучше, чѣмъ тѣ сны, послѣ которыхъ льются изъ глазъ слезы... Ибо по истинѣ говорю тебѣ, что можно танцовать, играть, пѣть и быть любезнымъ, не становясь тупеядцемъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ быть полезнымъ для другихъ. Правда, что если бы мнѣ вернуться въ нашу Литву, я, можетъ быть, какъ спущенная пружина, опять упалъ бы въ прежнее настроеніе, и не надоѣдай мнѣ никто другой, самъ бы выискалъ себѣ какое нибудь горе и снова сталъ бы тревожить и грызть себя...“

Но если въ такихъ интеллигентныхъ и, можно сказать, художественныхъ салонахъ высшаго свѣта, какимъ былъ, напримѣръ, вышеупомянутый салонъ кн. Волконской, да и вообще въ лучшемъ свѣтскомъ обществѣ Мицкевичу дѣйствительно жилось хорошо; если онъ въ самомъ дѣлѣ (чему мы охотно вѣримъ) иногда даже искренно желалъ выучиться танцовать, играть на инструментѣ и т. п., чтобы быть болѣе дѣятельнымъ участникомъ этой веселой жизни,—то нѣтъ никакого сомнѣнія, что самую главную роль не только въ пріятномъ чувствѣ, которое онъ испытывалъ, но и въ томъ внутреннемъ и житейскомъ совершенствованіи, которое, по его собственному сознанію, происходило здѣсь, играли его связи съ тогдашними литературными кружками Петербурга и Москвы. Рылѣевъ и Бестужевъ (до декабрьской катастрофы 24 декабря), Полевой, Кирѣевскіе, Вяземскій, Жуковскій, Баратынскій, Козловъ, наконецъ, главнымъ образомъ Пушкинъ—вотъ та литературная семья нашихъ обѣихъ столицъ, въ которую сразу входитъ авторъ уже извѣстныхъ ей „Дѣдовъ“, „Гражины“, „Крымскихъ Сонетовъ“, и которая принимаетъ его съ распростертыми объятіями. Каждый, узнававшій Мицкевича поближе (по свидѣтельству Полевого), начиналъ любить его—и любилъ не какъ поэта (потому что не многіе, знавшіе по польски, могли читать его произведенія), но какъ человѣка съ выходившими изъ ряда духовными качествами, человѣка, который привлекалъ къ себѣ благородствомъ и широтою взглядовъ, громадною разносторонностью свѣдѣній и какимъ-то особеннымъ, ему одному присущимъ добродушіемъ. Жуковскій, хлопая по плечу Пушкина, замѣчалъ ему, что „вѣдь, пожалуй, Мицкевичъ можетъ его со временемъ въ рогъ согнуть“, и получалъ на это возраженіе Пушкина, что это уже теперь сдѣлано, что при Мицкевичѣ онъ совершенно стушевывается. Нашъ великій поэтъ чувствуетъ своего равноправнаго собрата въ поэтѣ польскомъ, еще не совершившемъ своихъ главныхъ литературныхъ подвиговъ, тѣхъ, которые дадутъ ему мѣсто въ ряду великихъ творцовъ; онъ видитъ въ немъ человѣка, „вдохновеннаго свыше и съ высоты взирающаго на жизнь“; онъ любитъ его, онъ съ нимъ „дѣлится и чистыми мечтами, и пѣснями“. Баратынскій приходитъ чуть не въ негодованіе, „заставая вдохновеннаго Мицкевича у Байроновыхъ

ногъ", т. е. видя, что и самъ Мицкевичъ считаетъ себя байронистомъ и другіе держатся того же мнѣнія (послѣ появленія „Конрада Валенрода")—и обращается къ этому „униженному поклоннику" съ воззваніемъ: „возстань, возстань и вспомни: самъ ты богъ"! Съ глубокимъ сочувствіемъ вспоминалъ впослѣдствіи о своемъ другѣ Вяземскій,—съ уваженіемъ и любовью говорилъ онъ о притягательной силѣ, которою обладалъ этотъ человѣкъ, о естественности, т. е. благородствѣ и разумности его образа дѣйствій, его манеры держать себя, о томъ, что онъ никогда не разыгрывалъ роли политической жертвы, что всюду былъ онъ на своемъ мѣстѣ—и въ кабинетѣ ученаго и писателя, и въ гостиной свѣтской дамы, и за столомъ въ веселой компаніи... Въ этихъ кружкахъ Мицкевичъ чувствовалъ себя какъ дома, какъ среди родныхъ, и, въ свою очередь, за ихъ пріязнь платилъ тѣмъ же; не даромъ имъ, этимъ друзьямъ-москалямъ, „которыхъ знакомыя лица имѣютъ право гражданства въ его мечтаніяхъ", посвятилъ онъ третью часть своихъ „Дѣдовъ"... Но если не мало пріобрѣтали они отъ него, если, напримѣръ, для Пушкина имѣли большую важность его совѣты и воззрѣнія, то очень крупный результатъ имѣли эти отношенія и для него. Къ тому житейскому запасу, который пріобрѣтался польскимъ поэтомъ въ тѣсныхъ связяхъ съ нашими литературными величинами, присоединилась и большая доля его литературнаго развитія, расширенія его художественнаго кругозора. Не говоря уже о такихъ частностяхъ, какъ обращеніе Мицкевича (впрочемъ, неудачное) къ исторической драмѣ исключительно подъ вліяніемъ Пушкинскаго „Бориса Годунова" (кстати припомнить здѣсь, что еще на студенческой скамьѣ первый толчокъ къ творчеству Мицкевича въ романтическомъ родѣ дала „Людмила" Жуковскаго), не говоря о нѣсколькихъ другихъ подобныхъ примѣрахъ,—интересно отмѣтить слѣдующую подробность болѣе общаго свойства. Извѣстно, какое оживленіе господствовало въ нашей литературѣ въ ту пору, и какъ, между прочимъ, по иниціативѣ Жуковскаго и съ легкой руки его, русскую публику усердно знакомили съ такими поэтами, какъ Гете, Шиллеръ, Байронъ. Въ польской литературѣ продолжало господствовать въ это же время прежнее схоластическое и сухое направленіе, и Мицкевичъ, глядя на эту безотрадную для него параллель, писалъ въ Варшаву своему другу, извѣстному поэту Одынцу: „Бога ради, оставьте эти переводы поэтовъ другой категоріи. Гдѣ, кромѣ Варшавы, въ настоящее время переводятъ Легуве и Делиля, и что́ еще печальнѣе—Мильвуа? Русскіе качаютъ головами отъ состраданія и удивленія. Мы, поляки, отстали въ литературѣ на цѣлое полустолѣтіе отъ русскихъ. Здѣсь каждый новый стихъ Гете вызываетъ общій энтузіазмъ, тотчасъ же переводится и коментируется. Каждый романъ В. Скотта немедленно пускается въ обращеніе, каждое новое философское сочиненіе уже въ книж-

ной лавкѣ. А у насъ! Почтенный Дмоховскій (тогдашній вліятельный критикъ) выставляетъ „Георгики", Козьмяна (писателя въ сухо-дидактическомъ родѣ) за идеалъ польской поэзіи"!—На собственной производительности Мицкевича пребываніе въ Петербургѣ и Москвѣ тоже не отразилось неблагопріятно; уже то обстоятельство, что онъ въ это время написалъ своего „Валенрода", служитъ достаточнымъ тому свидѣтельствомъ; а вѣдь кромѣ этой поэмы, создалъ онъ еще, не считая нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній, въ числѣ которыхъ, однако, были баллады „Воевода" и „Будрысъ съ сыновьями", небольшую поэму „Фарисъ"— плодъ тогдашняго общаго увлеченія востокомъ, и началъ писать по французски „Исторію будущаго времени"—сочиненіе, рукопись котораго пропала, но которое обѣщало сдѣлаться очень интереснымъ, судя по тому, что разсказываетъ о немъ Одынецъ, единственный человѣкъ, видѣвшій готовую часть этой рукописи. „Это весьма замѣчательная вещь—писалъ Одынецъ;—когда нибудь она, быть можетъ, сдѣлается „Донъ Кихотомъ" своего времени. Ибо какъ Сервантесъ представилъ въ этомъ романѣ въ комичномъ видѣ послѣдствія ничѣмъ несдерживаемой чувствительности и фантазіи прошедшихъ вѣковъ, такъ нашъ Адамъ хочетъ серьезнымъ историческимъ тономъ представить предвидимыя имъ послѣдствія того матеріальнаго эгоизма и эгоистичнаго раціонализма, которому поклоняется свѣтъ въ настоящее время. Но Сервантесъ соединилъ все это въ одномъ лицѣ своего героя; Адамъ же хочетъ сопоставить въ судьбхъ цѣлыхъ народовъ высшее процвѣтаніе цивилизаціи матеріальной и глубочайшій упадокъ духа и вѣры"...

Картина этихъ пяти лѣтъ жизни Мицкевича такимъ образомъ довольно свѣтлая; но на фонѣ ея внимательный наблюдатель легко замѣтитъ нѣсколько темныхъ, печальныхъ пятенъ. Не могла оставаться покойною и удовлетворенною душа человѣка, который какъ разъ въ это время написалъ „Конрада Валенрода" и—какъ онъ самъ писалъ—занимался внимательнымъ чтеніемъ Макіавелли и Шиллеровскаго „Заговора Фіеско";—не могла пройти въ этой душѣ, не оставивъ въ ней глубокихъ слѣдовъ, совершившаяся на глазахъ автора „Валенрода" декабрьская катастрофа 24-го года; не могли и не томить его неопредѣленность, его житейскаго положенія, какая-то безпріютность, пребываніе все таки въ гостяхъ, а не дома, перспектива разныхъ непредвидѣнныхъ и непріятныхъ „случайностей", которымъ каждую минуту могъ въ ту пору подвергнуться человѣкъ, находившійся подъ административнымъ надзоромъ, хотя и считавшійся причисленнымъ къ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора; достаточно было въ этомъ отношеніи хотя бы такихъ вещей, какъ докладъ (оставленный, впрочемъ, безъ послѣдствій) все того-же Новосильцева великому князю Константину Павловичу по поводу

изданія „Конрада Валенрода“, докладъ, гдѣ эта поэма представлена сочиненіемъ, которое „учитъ самой коварной измѣнѣ, непримиримой ненависти, выставляя ихъ какъ благороднѣйшія проявленія великодушнаго патріотизма“; мало того—авторъ доклада обращаетъ вниманіе на то, что Мицкевичъ, вѣроятно, ожидаетъ отъ поэтическаго, повидимому, вымысла результатовъ чисто-практическихъ: „прославляя несуществующаго, выдуманнаго Валенрода, онъ надѣется, что этимъ вызоветъ дѣйствительнаго и дастъ въ будущей исторіи жизнь герою, котораго создало его воображеніе....“ — Къ этимъ обстоятельствамъ, омрачавшимъ свѣтлыя краски картины, прибавимъ то чувство „странника“, съ указанія на которое мы начали этотъ очеркъ. „На лѣто—писалъ онъ въ 1828 г. Зану — у меня складываются разные проекты; можетъ быть, выберусь на Кавказъ или въ Крымъ... иногда меня прельщаетъ и Оренбургъ... подчасъ снится Италія...“ И намъ станетъ вполнѣ понятно, почему изъ окружавшей его среды его тянуло куда-то, онъ самъ еще не зналъ куда, почему его такъ обрадовало, когда друзьямъ удалось выхлопотать ему заграничный паспортъ, и 15 мая 1829 г. онъ отплылъ изъ Кронштадта на англійскомъ кораблѣ.

Мы привели выше слова Мицкевича, что въ Москвѣ онъ сталъ „спокоенъ и почти разуменъ“. Гораздо вѣрнѣе охарактеризованъ происшедшій въ немъ переворотъ поэтомъ Козловымъ, когда онъ сказалъ Одынцу: „Vous nous l'avez donné fort, nous vous le rendons puissant (т. е. „вы дали намъ его сильнымъ, мы возвращаемъ вамъ его могущественнымъ“). Да, именно могущественнымъ вышелъ онъ изъ этой школы — могущественнымъ относительно расширенія своего соціальнаго и политическаго кругозора, углубленія въ самую сущность вещей. „Прежде — говоритъ его біографъ Хмѣлевскій, мнѣніе котораго особенно интересно для насъ какъ мнѣніе соотечественника поэта въ дѣлѣ, касавшемся русскаго вліянія—прежде Мицкевичъ замыкался въ своей тѣсной сферѣ, говорилъ о чувствахъ своихъ собственныхъ или ближайшей своей обстановкѣ, или о вопросахъ чисто артистическихъ; а если уносился мыслью въ сферы болѣе далекія, то дѣлалъ это очень общими мѣстами, призывая молодежь въ туманной, неопредѣленной формѣ къ перестройкѣ обветшалаго общественнаго зданія. Теперь онъ уже спеціально занялся обсужденіемъ положенія народовъ европейскихъ, а среди ихъ еще спеціальнѣе — своего народа, выработалъ себѣ извѣстные опредѣленные взгляды въ самыхъ разнообразныхъ вопросахъ политической, общественной и литературной области...“ Но Хмѣлевскій справедливо отмѣчаетъ сохранившееся въ немъ при этомъ преобладаніе чувства и воображенія надъ анализирующимъ, холодно взвѣшивающимъ вещи разумомъ. Изъ Россіи Мицкевичъ дѣйствительно уѣхалъ такимъ же мечтательнымъ, поэтическимъ идеали-

стомъ, какимъ пріѣхалъ туда,—даже въ гораздо большей степени: „спокойствіе“ и „разумность“, которыя онъ находилъ въ себѣ, были только видимыя, такъ сказать, теретическія. И съ этимъ прирожденнымъ идеализмомъ, съ этою пылкостью поэта, къ которымъ скоро присоединилось еще крайнее развитіе уже давно покоившагося въ немъ мистицизма—пустился онъ въ свое новое „плаваніе“ по житейскому морю, плаваніе, которому суждено было окончиться такъ плачевно, такъ трагически...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Петръ Вейнбергъ.

БѢДНЯКЪ ДЖЕРОМЪ.

Исторія одного американскаго гражданина.

Романъ Мэри Э. Уилкинсъ.

Переводъ съ англійскаго С. А. Гулишамбаровой.

I.

Въ началѣ мая, утромъ, когда въ воздухѣ вѣяло еще холодомъ, а весеннее солнышко уже обдавало тепломъ, Джеромъ, двѣнадцатилѣтній мальчуганъ, сидѣлъ въ своемъ любимомъ завѣтномъ уголкѣ, о которомъ зналъ только онъ одинъ.

Къ сѣверу отъ дома Эдвардса возвышался большой скалистый утесъ, а съ южной стороны послѣдняго находилось славное теплое мѣстечко, гдѣ мальчику можно было укрыться отъ весенняго вѣтра; въ скалѣ было углубленіе, какъ разъ соотвѣтствовавшее росту Джерома; а надъ этимъ углубленіемъ, словно гранитная кровля, нависъ каменный утесъ.

Здѣсь мальчикъ былъ защищенъ отъ порывовъ холоднаго сѣверо-западнаго вѣтра и могъ вполнѣ насладиться тепломъ, между тѣмъ какъ солнце незамѣтно поворачивалось съ востока къ югу. Джеромъ сидѣлъ, отогрѣваясь въ его лучахъ, словно какой нибудь маленькій звѣрекъ, вылѣзшій изъ своей зимней норки. А передъ нимъ разстилались поля, пышно сіяя молодой зеленью. Слѣва, на склонѣ покатаго холма, красовался стройный рядъ персиковыхъ деревьевъ въ цвѣту; они колыхались, словно увлекаемыя мощными звуками весенней мелодіи.

Вдали работалъ пахарь. Его понуканія слабо разносились по полю, словно трудовая пѣсня, которая является постояннымъ дополненіемъ всей гармоніи жизни. Изъ жилыхъ строеній виднѣлся только домъ землевладѣльца Ибна Меррита. Видны были лишь широкіе откосы тесовой крыши да конецъ сѣрой стѣны хлѣбнаго амбара. Передъ домомъ густо разрослись персиковыя деревья, усыпанныя розовыми цвѣтами.

Джеромъ смотрѣлъ на всю эту картину безъ всякой опре-

дѣленной мысли. Онъ ясно сознавалъ только свое собственное существованіе и въ эту минуту испытывалъ чудное наслажденіе жизнію. Ему казалось, что всѣ жилки его маленькаго тѣла весело трепещутъ отъ нѣжно проникавшаго въ нихъ огня. Его убаюкивала легкая дремота, и однако онъ чувствовалъ себя гораздо бодрѣе, чѣмъ зимою. Жизнь кипѣла въ немъ ключомъ и мысли его тонули въ какомъ-то восторженномъ забытьи. Джерому съ прошлой зимы едва-ли бывало когда нибудь тепло. Всю зиму онъ носилъ одну и ту же узкую, обтрепанную курточку и у него не было болѣе теплой одежды. Печка топилась дома мало, постель его была жесткая и не было у него хорошаго теплаго одѣяла. Но теперь ему сполна принадлежало все тепло весенняго солнышка, и кровь въ его худенькомъ тѣлѣ, застоявшаяся отъ зимней стужи, пришла въ дѣятельное обращеніе. Какъ знать, быть можетъ, отдыхая въ своемъ уютномъ гротѣ, мальчикъ испытывалъ блаженство отъ прилива свѣжихъ жизненныхъ силъ точь въ точь, какъ пробуждающаяся весенняя травка и расцвѣтающія персиковыя деревья. Въ эти минуты онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ похожъ на молодой побѣгъ жимолости, которая открывала лепестки своихъ красныхъ чашечекъ прямо надъ его головой. Въ душѣ его не было ни воспоминаній о прошломъ, ни заботъ о будущемъ.

Онъ закрылъ глаза, и сквозь его сомкнутыя вѣки проникалъ мягкій розовый свѣтъ солнечныхъ лучей. А въ это самое время по полю шла маленькая дѣвочка, осторожно карабкаясь по каменнымъ уступамъ, чтобы не разорвать своего платьица, нѣжно ступая по зеленой травѣ своими крошечными сафьянными башмачками. Она остановилась какъ вкопанная передъ мальчикомъ съ закрытыми глазами, пріютившимся въ углубленіи скалы. Два раза она напрасно открывала ротъ, чтобы заговорить съ нимъ. Наконецъ, ей удалось набраться смѣлости.

— Ты боленъ, мальчикъ?—спросила она нѣжнымъ робкимъ голосомъ.

Джеромъ, вздрогнувъ, открылъ глаза и уставился пристальнымъ взглядомъ на маленькую граціозную фигурку, стоявшую передъ нимъ. Люцина была въ короткомъ шерстяномъ платьицѣ голубого цвѣта; бѣлые накрахмаленные панталончики слегка спускались на ея сафьянные башмаки. На ней былъ также бѣлый передничекъ, поверхъ его небольшая курточка, а поверхъ курточки небольшой шерстяной платокъ зеленаго цвѣта съ разводами въ видѣ пальмовыхъ листьевъ, которымъ заботливая мать, ради теплоты, укутала дѣвочку, скрестивъ концы платка на груди ея и завязавъ ихъ узломъ назади. На головѣ Люцины была голубая шелковая шапочка, подбитая ватою, а изъ подъ шапочки падали до пояса блестящія волны ея золо-

тистыхъ кудрей. У Люцины было прелестное кроткое личико,—личико доброй и хорошо воспитанной дѣвочки.

Изъ подъ дѣтски нахмуренныхъ бровей ея глубокіе темно-голубые глаза смотрѣли на Джерома съ невиннымъ удивленіемъ; углы ея хорошенькаго ротика опустились съ выраженіемъ тоскливаго безпокойства. Это была крошка Люцина Меррить. Отецъ ея былъ богатъ и покупалъ своей дочкѣ все, чего бы ни пожелала она, а мать наряжала Люцину какъ куклу,—Джеромъ слышалъ это отъ своей матери.

— Нѣтъ, я вовсе не болёнъ,—отвѣчалъ онъ ворчливымъ полувнятнымъ шопотомъ. Такъ могъ бы отвѣтить маленькій звѣрекъ, котораго оторвали отъ его сладкой дремоты на солнышкѣ. Джерому были еще чужды любезность и вѣжливость. Въ этой хорошенькой маленькой дѣвочкѣ онъ видѣлъ только такого же ребенка, какимъ былъ самъ, да къ тому же ребенка обутаго и одѣтаго, между тѣмъ какъ онъ былъ босъ и обтрепанъ. Онъ угрюмо покосился на ея голубую шелковую шапочку, быстрымъ взмахомъ руки нахлобучилъ свою старую шляпенку себѣ по самыя черныя брови и плотнѣе прижался плечомъ къ нагрѣтому солнышкомъ утесу.

Малютка продолжала смотрѣть на его босыя ноги.

— Тебѣ холодно?—отважилась она спросить у него.

— Нѣтъ, вовсе мнѣ не холодно,—пробурчалъ Джеромъ. Тутъ онъ увидалъ въ ея рукѣ большой кусокъ сахарнаго пряника, отъ котораго она, дорогою, откусила только три крохотныхъ кусочка. Помимо воли мальчика, въ его черныхъ глазахъ сверкнулъ жадный огонекъ.

Люцина протянула ему пряникъ.

— Меня не убудетъ, коли ты возьмешь его,—робко сказала она.—Онъ почти цѣлый. Я только чуть-чуть надкусила.

Джеромъ яростно набросился на нее:—Не надо мнѣ твоего заскорузлаго пряника!—закричалъ онъ.—Я не голоденъ... у меня есть все, что мнѣ нужно!

Крошка Люцина отскочила отъ него въ сторону. Ея голубые глаза наполнились слезами. Она пошла прочь, не говоря ни слова, и побѣжала, спотыкаясь, словно слезы мѣшали ей видѣть дорогу. А за нею бѣжалъ рысцою бѣлый ягненокъ. Онъ словно изъ подъ земли выросъ и Джеромъ не замѣтилъ его приближенія. Мальчику вспомнились разсказы о томъ, что у Люцины Меррить былъ ручной ягненокъ, который слѣдовалъ за нею повсюду.

— У нея все есть,—бормоталъ онъ про себя,—и ягнята, и все, чего только ей захочется. Не надо мнѣ твоего заскорузлаго пряника!

Вдругъ онъ вскочилъ на ноги и принялся шарить у себя въ карманѣ, а затѣмъ, словно угорѣлый, пустился въ догонку

за дѣвочкой. Она обратила на него черезъ плечо свои испуганные, заплаканные глаза и также побѣжала впередъ, а за нею легкимъ галопомъ помчался ея ручной ягненокъ. Но Джеромъ скоро догналъ ихъ.

— Постой, чего ты бѣжишь?—закричалъ онъ изъ всей мочи.— Я не сдѣлаю тебѣ ничего дурного. Чего ты испугалась?

Онъ опустилъ свою руку на ея плечики, укутанныя зеленой шалью. Она стояла передъ нимъ, тяжело дыша, еще не вполнѣ оправившись отъ испуга, и глядѣла на него, поднявъ изъ подъ оборки шапочки свое маленькое личико, обрамленное кудрями.

— Любишь сассафрасъ?—спросилъ Джеромъ. Любой царь, желая излить свои щедроты на своего вѣрноподданнаго, не могъ бы выказать въ обращеніи съ нимъ большаго величія и большей благосклонности.

Люцина кротко наклонила головку въ утвердительномъ смыслѣ.

Джеромъ вытащилъ изъ кармана цѣлую горсть диковинныхъ предметовъ, и по тому, какъ онъ съ ними обращался, можно было подумать, что то были безцѣнныя сокровища. Тутъ были старыя пуговицы, кусокъ мѣла, сломавный грифель. Тутъ были каштанъ, зерна кукурузы и сушенное яблоко, которые отъ продолжительнаго пребыванія въ его карманѣ утратили всѣ свои отличительные признаки, такъ что невозможно было опредѣлить ихъ сущность. Изо всего этого обилія богатствъ Джеромъ выбралъ одно несомнѣнное сокровище — большой кусокъ сассафрасоваго корня. Онъ былъ тщательно выскобленъ—бѣлый и чистый.

— На,—сказалъ Джеромъ.

— А тебѣ онъ не нуженъ?—робко спросила Люцина.

— Нѣтъ... Вчера у меня былъ кусокъ въ два раза больше этого. Я знаю мѣсто, гдѣ этого добра много. На, возьми себѣ.

— Спасибо,—отвѣчала Люцина и, взявъ предложенный гостинецъ, принялась дрожащей рученкой отыскивать свой карманъ.

— Не хочешь-ли попробовать его?— спросилъ Джеромъ, и малютка покорно откусила маленькій кусочекъ.

— Каково? Не правда ли, вкусно и сытно?

— Очень вкусно, — согласилась Люцина съ милой улыбкой.

— Можетъ, я какъ нибудь выкопаю для тебя еще,—посулилъ Джеромъ, словно то мѣсто, гдѣ водился сассафрасъ, было хранилищемъ драгоцѣннаго клада.

— Спасибо,—повторила дѣвочка. Затѣмъ она снова застѣнчиво протянула ему свой пряникъ.

— Я откусила только три крохотныхъ кусочка, онъ, право, вкусный, хорошій,—сказала она умоляющимъ тономъ.

Но ей пришлось снова отскочить, такъ гнѣвно сверкнули черные глаза Джерома.

— Не надо мнѣ твоего заскорузлаго пряника!—закричалъ онъ.—Я не голоденъ; дома у меня ѣды по горло. Знай, что у моихъ родныхъ есть и пряники. Чего это тебѣ вздумалось пичкать меня съѣстнымъ! Не хочу я твоихъ завалящихся пряниковъ!

— Онъ не завалящійся, а совсѣмъ свѣжій,—увѣряла со слезами Люцина.—Онъ не завалящійся... Ганна испекла его сегодня утромъ.

Но мальчикъ удалился отъ нея, сердито шагая по полю. Дѣвочкѣ оставалось одно — идти домой и разсказать обо всемъ своей матери. Въ карманѣ у нея лежалъ сассафрасъ, а въ рукѣ былъ пряникъ. Во рту у нея сохранилось ощущеніе душистаго запаха, а сердечко ея ныло, потому что дружбу ея отвергли. За нею по пятамъ несся ея любимецъ-ягненокъ. Приближаясь къ своему укромному уголку въ скалѣ, Джеромъ услыхалъ звуки рога съ сѣверо-западной стороны.

— Должно быть, мама уже кличетъ меня, — прошепталъ онъ и перелѣзъ за каменную ограду перваго изъ трехъ полей, за которыми находился его домъ. Джеромъ, стройный, гибкій мальчуганъ, пробирался по молодой травѣ крупнымъ неуклюжимъ мужицкимъ шагомъ. Его юныя мышцы уловили походку простого деревенскаго трудового люда, словно онѣ сами по себѣ обладали спосообностью наблюденія и усвоенія. Двѣнадцатилѣтній Джеромъ ступалъ такъ, какъ бы онъ уже около полувѣка ходилъ за сохою, склонялся надъ грядами картофеля и рубилъ дрова въ кедровыхъ топяхъ. Ноги Джерома были босы, его красныя исцарапанныя лодыжки то и дѣло высовывались изъ подъ штанишекъ. Уже нѣсколько недѣль какъ его плохенькіе зимніе башмаки совершенно отказались служить ему; синіе чулки выглядывали изъ дырявыхъ боковъ, подошвы отскочили, и его дядя, Озіасъ Ламбъ, чеботарь по ремеслу, какъ ни раскидывалъ умомъ, не могъ приставить къ этимъ башмакамъ новыя подошвы, потому что передки никуда не годились. «Къ башмакамъ не придѣлаешь подошвъ, коли головки подгуляли»,—говорилъ Озіасъ Ламбъ. Кажись бы, Озіасу слѣдовало сшить и подарить своему бѣдному племяннику новые башмаки, но самъ Озіасъ былъ очень бѣденъ, да притомъ старъ и ему тяжело доставался каждый трудовой грошъ. Поэтому Джеромъ разгуливалъ босикомъ, когда подошвы отскочили отъ башмаковъ совсѣмъ. Но онъ не горевалъ объ этомъ, — вѣдь была весна и снѣгъ растаялъ. Притомъ Джеромъ питалъ

къ житейскимъ неудобствамъ равнодушіе, удивительное въ мальчикѣ, который могъ находить такое громадное наслажденіе въ каменномъ гротѣ, согрѣтомъ солнечнымъ тепломъ. Онъ постоянно отмораживалъ себѣ ноги зимою, такъ какъ его дырявые башмаки промокали насквозь на снѣгу; у него еще и теперь пятки не вполнѣ зажили, но онъ велъ себя молодцомъ и ни одного стона не вырвалось у него. Онъ упорно посыпалъ свои ознобы золою, слѣдуя старому деревенскому рецепту, а когда мать спрашивала, что онъ дѣлаетъ, коротко отвѣчалъ: «Лѣчу ознобы».

Джеромъ также зачастую ходилъ впроголодь. Онъ былъ голоденъ и теперь. Волченокъ, прорыскавшій всю зиму по голому снѣжному полю, едва-ли чувствовалъ бы сильнѣе Джерома потребность въ сытномъ обѣдѣ, но положеніе нашего мальчика было куда хуже положенія волченка: вѣдь для Джерома не существовало добычи въ окружавшей его природѣ. Но онъ никогда не жаловался.

Если бы кто спросилъ у него, голоденъ-ли онъ, онъ отвѣтилъ бы также надменно, какъ отвѣтилъ малюткѣ Люцинѣ Мэрритъ, когда она предложила ему свой пряникъ. Онъ зналъ, да и всѣ его родные знали, что сосѣди думали, будто имъ, Эдвардсамъ, нечего ѣсть; это такъ больно уязвляло ихъ гордость, что они готовы были отрицать самый фактъ. Они не признались бы даже другъ другу, что ихъ мучитъ голодъ.

Джеромъ ничего не ѣлъ съ утра, кромѣ нѣсколькихъ ложекъ похлебки изъ кукурузной муки, но онъ готовъ былъ энергично утверждать, что хорошо позавтракалъ. Онъ вынулъ изъ кармана другой кусокъ сассафраса и сталъ его жевать, продолжая свой путь. Что жъ, теперь кладовая природы открылась настежъ, и мальчику предстояло не такое ужъ плохое житье, съ голоду, авось, не помретъ! Въ топяхъ было сассафрасоваго корня — сколько душѣ угодно! Зеленый душистый сокъ молодыхъ листьевъ грушицы такъ пріятно щекоталъ его небо,—а позднѣе пойдетъ малина, ежевика, черная смородина, брусника, черника... Иногда въ топяхъ, на кустахъ попадались кислосладкіе плоды; то были рѣдкія диковинки стола природы, и мальчикъ, которому посчастливилось найти ихъ, срывалъ ихъ, наслаждаясь нежданною находкою. Плоды эти говорили его воображенію и вкусу, такъ какъ онъ не находилъ ихъ названій въ своемъ учебникѣ и въ словарѣ. А еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разрастется садъ, поспѣютъ кукуруза, бобы, картошка... Исхудалая рожица Джерома округлится, онъ перестанетъ смотрѣть заморышемъ...

Джеромъ былъ красивый мальчикъ, съ черными глазами, которые свѣтились отвагою, съ тонкими чертами худощаваго лица, съ густыми, коротко остриженными, вьющимися бѣлоку-

рыми волосами, которые солнце выбѣлило, словно солому. Волосы Джерома потемнѣли бы, будь они постоянно защищены отъ непогоды; но въ шапкахъ у него былъ такой же недостатокъ, какъ въ башмакахъ, и въ лѣтнюю пору онъ зачастую ходилъ съ непокрытой головою. Однако, мать чинила его шапки до послѣдней возможности. Она была домовитая, бережливая женщина, хотя почти неспособная къ работѣ и день деньской просиживала въ качалкѣ съ высокою спинкою. Она была уже стара. Немолодою вышла она и замужъ, но въ ея натурѣ была какая-то удивительная упругость, которая поддерживала ее.

Прежде чѣмъ Джеромъ успѣлъ войти въ домъ, голосъ матери привѣтствовалъ его:

— Гдѣ ты пропадалъ, Джеромъ?

У нея былъ жалобный, но чрезвычайно рѣзкій голосъ, пронизывавшій стѣны и двери. Эннъ Эдвардсъ, сидя въ качалкѣ, возвышала свой голосъ и онъ раздавался по всему дому, словно призывная труба. Всѣ ея домочадцы стекались на эти звуки.

— Былъ тамъ, на пастбищѣ,—отвѣчалъ Джеромъ съ покорнымъ, но смѣлымъ видомъ, отворяя дверь.

Лицо его матери, треугольное, какъ у кошки, съ огромными черными глазами, въ рамкѣ черныхъ фальшивыхъ волосъ, раздѣленныхъ тонкимъ проборомъ, пристально смотрѣло на него, когда онъ входилъ въ комнату. Эннъ Эдвардсъ всегда сидѣла лицомъ къ двери или къ окну, и ни одна живая душа не ускользала отъ ея взгляда.

— А что ты дѣлалъ на пастбищѣ?—спросила она.

— Сидѣлъ.

— Сидѣлъ?

— Я посидѣлъ минуточку на солнечной сторонѣ большого утеса,—сказалъ Джеромъ. Онъ выдержалъ взглядъ матери покорно, но безъ смущенія. Она всегда чувствовала въ Джеромѣ тайное присутствіе какого-то возмущенія; какъ она ни принуждала его къ послушанію, но не могла никогда подчинить его своей волѣ, какъ подчиняла свою дочь, Эльмиру, которая стояла у кухоннаго стола и мыла посуду. Но Эннъ любила Джерома больше Эльмиры, хотя не призналась бы себѣ въ этомъ.

— А знаешь-ли, который теперь часъ?

Джеромъ взглянулъ на большіе часы въ углу комнаты. Было почти десять. Онъ взглянулъ и не отвѣтилъ ни слова. Не любилъ онъ тратить слова по пусту. Онъ зналъ, что мать заговоритъ сейчасъ, не дожидаясь его отвѣта.

— Десять часовъ,—сказала она,—а большой двѣнадцатилѣтній мальчишка слоняется безъ дѣла на скалѣ, когда вся его семья работаетъ. Вотъ я, твоя мать, какъ ни слаба,

а работаю словно каторжная, а ты цѣлое утро пробаклушничалъ. Мнѣ кажется, тебѣ должно быть стыдно за самого себя. Возьми-ка заступъ, да пойди, поработай въ саду. Пора бобамъ взойти, коли только они взойдутъ. Твой отецъ пошелъ нарубить дровъ для доктора Прескотта. Уже май на дворѣ, а въ саду ничего не посажено. Принимайся-ка поживѣе за дѣло!

Все время, пока мать Джерома говорила, ея худые, но крѣпкіе пальцы вертѣли разноцвѣтные лоскутки, изъ которыхъ она плела мохнатый коверъ для жены упомянутаго доктора Прескотта. Яркія полосы разсыпались и извивались, словно змѣи, а клубки, въ которые были свернуты лоскутья, катились по полу. Обыкновенно такіе клубки кладутъ въ рабочую корзинку, но Эннъ Эдвардсъ всегда работала съ какимъ-то небрежнымъ остервенѣніемъ.

Джеромъ вышелъ вонъ изъ комнаты — голодный мальчикъ снова почувствовалъ въ своихъ жилахъ замораживающій зимній холодъ,—отыскалъ заступъ и принялся за работу въ саду. Послѣдній былъ расположенъ на солнечномъ склонѣ холма, возвышавшагося прямо позади дома. Попадавшіеся подъ заступъ камни Джеромъ отбрасывалъ, и они катились къ подножію холма, что забавляло мальчика, и работа скоро согрѣла его.

Отовсюду звенѣло пѣніе реполововъ. Отъ времени до времени одна изъ этихъ птичекъ проносилась издалека, безмолвно подымая свою красную грудку надъ вспаханной полосою. Ниже и налѣво отъ того мѣста, гдѣ Джеромъ рылъ землю заступомъ, отецъ его распахалъ плугомъ длинныя волнообразныя борозды подъ кукурузную плантацію. Старая бѣлая лошадь, ходившая въ плугѣ, была сегодня занята подъ перевозку дровъ, и садъ приходилось распахивать заступомъ, а не плугомъ.

Джерому вѣяло въ лицо запахомъ свѣже-разрытой земли. По временамъ сильный порывъ холоднаго вѣтра, полный благоуханія невидимыхъ цвѣтовъ, сшибалъ его съ ногъ, и его тонкое тѣльце гнулось, словно молодое деревцо. Мимо его пролетѣла птичка, сверкнувъ ярко-голубыми крыльями; Джеромъ остановился и посмотрѣлъ ей въ слѣдъ. Она опустилась на ограду передъ домомъ, а перья ея засіяли въ лучахъ солнца, словно сапфиры. Мальчикъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза, опершись на свою лопату. Джеромъ былъ любознателенъ и наблюдателенъ. Онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что ему встрѣчалось на пути, и подмѣчалъ все, что выходило изъ круга ежедневныхъ заботъ его суроваго, трудового дѣтства.

Птица улетѣла, и Джеромъ снова принялся копать землю. Онъ зналъ, какой «урокъ» ему надо было кончить до обѣда, не то мать станетъ бранить его. Онъ не боялся ея воркотни, но старался не раздражать ее, подражая въ этомъ снисходи-

тельному обращенію съ нею своего отца:—«Вѣдь ты знаешь, мать твоя женщина хворая, вспыльчивая, мы всячески должны угождать ей»,—вотъ что говорилъ Эбель Эдвардсъ по секрету, много разъ, своему сыну. Тотъ слушалъ съ важнымъ видомъ и сочувственно кивалъ головою.

Джеромъ слушался своей матери съ терпѣливою покорностью старшаго, который уступаетъ своему противнику ради его слабости; вѣдь въ этомъ случаѣ борьба явилась бы униженіемъ собственнаго достоинства, и въ такомъ послушаніи не было принужденія. Ни онъ, ни отецъ его никогда съ нею не спорили. Когда ея пронзительный окрикъ раздавался громче обыкновеннаго, а отъ ея брани у нихъ начинало порядкомъ звенѣть въ ушахъ, они, бывало, только переглянутся между собою и степенно подмигнутъ другъ другу въ знакъ пониманія и терпѣнія. Ни одинъ изъ нихъ никогда не возражалъ ей.

Джеромъ работалъ молодцомъ, великодушно уступая желанію своей матери. Онъ сдѣлалъ не мало, когда сестра его отворила кухонное окно, высунувъ изъ него свою темноволосую головку, и крикнула ему звонкимъ голосомъ, напоминавшимъ голосъ матери,—только голосъ Эльмиры былъ нѣженъ, и въ немъ не было ни одного рѣзкаго звука:—Джеромъ! Джеромъ! Обѣдъ готовъ!

Джеромъ весело гикнулъ въ отвѣтъ, бросилъ заступъ и въ припрыжку спустился съ холма. Онъ вошелъ въ кухню и засталъ свою мать уже за столомъ. Эльмира возилась съ обѣдомъ. Эльмира была миловидная дѣвочка небольшого роста, съ крошечными сильными ручками и ножками и съ огненными черными глазами, какъ у матери. Чтобы достать до очага, она приподнялась на цыпочки и принялась разливать суповою ложкою дымящуюся смѣсь изъ котла, усиленно взмахивая при этомъ острымъ локтемъ. Рукава ея лифа были засучены, обнажая ея тонкія, костлявыя ручки.

— Неужели тебѣ самому не догадаться отставить котелъ для Эльмиры?—обратилась миссисъ Эдвардсъ къ Джерому.

Джеромъ, не сказавъ ни словечка, отставилъ котелъ съ огня.

— Пора бы, кажется, знать свое дѣло безъ напоминаній,— журила его мать. — Точно слѣпой, не видишь, что у сестры твоей не хватаетъ силенки приподнять котелъ; она его такъ глубоко опустила на огонь, что, пожалуй, все кушанье пригорѣло.

Джеромъ жадно втягивалъ въ себя вкусный паръ, выходившій изъ котла.

— Что это?—спросилъ онъ у сестры. Она опять погрузила въ котелъ оловянную чумичку съ длинной ручкой.

— Пареный пастернакъ,—рѣзко объявила миссисъ Эдварсъ, не допускавшая, чтобы кто либо другой отвѣчалъ на вопросъ въ ея присутствіи. — Эльмира накопала его въ саду, на старомъ мѣстѣ, а мы-то думали, что онъ совсѣмъ заглохъ. Я положила туда кусокъ свинины, хотя я должна бы соблюдать больше экономіи. И безъ свинины пастернакъ—кушанье знатное, кому угодно можно предложить, будь то мистеръ Прескоттъ, сквайръ Мэрритъ, или самъ министръ. Вамъ-то обоимъ не мѣшаетъ быть благодарными за такой обѣдъ.

— Гдѣ отецъ?—освѣдомился Джеромъ.

— Онъ еще не вернулся домой. Не знаю, гдѣ онъ. Ушелъ онъ не вѣсть съ какого времени. Впору бы отвезти десять саженъ дровъ. Навѣрно гдѣ нибудь сидитъ себѣ — прохлаждается... заболтался съ кѣмъ нибудь, и все тутъ. Не стану я ждать его болѣе. Пусть себѣ ѣстъ холодное кушанье, коли не можетъ домой поспѣть во время.

Эльмира поставила кушанье на столъ. Джеромъ придвинулъ себѣ стулъ. Миссисъ Эдвардсъ взялась за чумичку съ длинной ручкой, приготовляясь одѣлить дѣтей вкуснымъ обѣдомъ. Вдругъ она остановилась.

— Эльмира, — обратилась она къ дѣвочкѣ, — сходи-ка въ гостиную, возьми тамъ фарфоровую чашку съ розовыми цвѣточками, а затѣмъ пройди въ незанятую спальную и вынь изъ комода одно изъ лучшихъ полотенецъ.

— Зачѣмъ?—удивилась Эльмира.

— Не твое дѣло. Дѣлай, что я тебѣ приказываю.

Эльмира вышла и скоро вернулась съ фарфоровой чашкой и полотенцемъ. Джеромъ сидѣлъ, выжидая, съ какой-то свирѣпой покорностью судьбѣ. Онъ умиралъ отъ голоду, и запахъ тушеной свинины возбуждалъ въ немъ волчій аппетитъ.

— Давай-ка ее сюда,—сказала миссисъ Эдвардсъ. Эльмира поставила чашку передъ матерью. То была большая великолѣпная старинная чашка, принадлежавшая когда-то матери миссисъ Эдвардсъ. Дѣти внимательно наблюдали, какъ мать стала накладывать кушанья въ фарфоровую чашку. Эльмира, обыкновенно смирявшаяся передъ матерью, теперь открыто выразила свое возмущеніе.

— Для насъ ничего не останется,—пылко заявила она.

— Не безпокойся, вамъ хватитъ вдоволь.

— Отцу нечего будетъ поѣсть, какъ онъ придетъ домой.

— Я и не думаю объ отцѣ. Ужъ онъ-то навѣрно не помретъ съ голоду.

Миссисъ Эдвардсъ продолжала наполнять чашку, а дѣти продолжали свои наблюденія. Она наполнила ее почти до двухъ третей, затѣмъ остановилась и окинула зоркимъ испытующимъ взглядомъ дѣвочку и мальчика.

— Иди лучше ты, Эльмира, — молвила она. — Джерому нельзя, его пришлось бы вычистить съ головы до ногъ. Принеси мой красный кашмировый платокъ, да, пожалуй, надѣнь мой зеленый шелковый капоръ. Въ твоей шляпенкѣ не годится идти туда.

— Развѣ нельзя мнѣ сперва пообѣдать, мама? — жалобно попросила Эльмира.

— Нѣтъ, нельзя. Полагаю, не умрешь, подождавъ маленько съ обѣдомъ. Не могу я посылать людямъ перестывшее кушанье. Ну же, надѣвай поскорѣе платокъ и капоръ. Чего уставилась на меня?

Эльмира уныло пошла исполнять приказаніе матери.

Миссисъ Эдвардсъ тщательно обернула чашку полотенцемъ.

— Пусть Эльмира останется и обѣдаетъ. Ужъ лучше я пойду. Не велика бѣда, коли я въ кои-то вѣки останусь безъ обѣда,— сказалъ Джеромъ.

Мать сверкнула на него своими черными глазами.

— Перестань мнѣ перечить, Джеромъ,—сказала она,—не то пойдешь копать землю, не солоно хлебавши! Я сказала, что пойдетъ твоя сестра, и не хочу слушать ни одного слова наперекоръ ни отъ тебя, ни отъ нея.

— Вотъ,—обратилась она къ Эльмирѣ, вернувшейся въ красномъ платкѣ своей матери и огромномъ зеленомъ капорѣ, изъ котораго кротко выглядывало ея прелестное, утомленное личико, — возьми эту чашку, да смотри, не поскользнись, не разбей ея, да не пролей кушанья на мой лучшій платокъ. Отнеси это къ д-ру Прескотту. Кого бы ты ни встрѣтила у воротъ,—служанку, Лоренса, или работника, — попроси, чтобы о тебѣ доложили миссисъ Прескоттъ. Отдай эту чашку ей въ руки, слышишь? А когда миссисъ Прескоттъ выйдетъ къ тебѣ, ты ей вѣжливо скажешь: «Здравствуйте, миссисъ Прескоттъ. Миссисъ Эбель Эдвардсъ кланяется вамъ и надѣется, что вы въ добромъ здоровьи, и проситъ васъ принять эту чашку пареннаго пастернака. Она думала, что, можетъ быть, въ это время года вы еще не кушали пастернака».

Миссисъ Эдвардсъ повторила эту рѣчь слабымъ, тонкимъ, жеманнымъ голоскомъ, какъ, вѣроятно, обыкновенно говорила Эльмира въ такихъ случаяхъ. А затѣмъ рѣзко спросила своимъ привычнымъ тономъ:—Можешь ты это запомнить?

— Да, мама.

— А ну-ка, повтори.

Бѣдняжка Эльмира повторила слово въ слово, какъ попугай, въ совершенствѣ подражая витіеватому слогу своей матери. На самомъ дѣлѣ дѣвочкѣ нерѣдко приходилось употреблять эту привѣтственную формулу.

— Не забудь сказать «кланяется вамъ» и «она думала, что вы еще не кушали пaренаго пастернака въ это время года».

— Нѣтъ, мама.

— Бери чашку поосторожнѣй, да держи покрѣпче, чтобы не пролить, когда понесешь.

Эльмира откинула конецъ платка назадъ, взяла чашку со стола обѣими рученками и вышла изъ дома, неся ее передъ собою. Джеромъ затворилъ за нею дверь.

— Ну, ужъ теперь, надѣюсь, миссисъ Прескоттъ не станетъ думать, что намъ нечего ѣсть, коли мужъ ея наложилъ запрещенiе на нашъ домъ,—сказала миссисъ Эдвардсъ.—Я рѣшила про себя непремѣнно послать ей что нибудь послѣ того, какъ она вздумала прислать намъ телячьяго студня. Я бы ни за что его не взяла, не будь у меня васъ, дѣтей. Теперь люди узнаютъ, что мы еще не совсѣмъ обнищали.

Глаза Джерома выразили полное сочувствiе словамъ матери.—Я тоже такъ думаю,—сказалъ онъ.

Миссисъ Эдвардсъ откинула свою голову съ непоколебимою гордостью, словно королева. — До сихъ поръ, — сказала она, — никто въ мiрѣ не далъ мнѣ ничего такого, за что я не была бы въ состоянiи отблагодарить такъ или иначе. Много богатыхъ людей, которые не могутъ этимъ похвалиться.

— Я тоже такъ думаю,—сказалъ Джеромъ.

— Передай-ка мнѣ свою тарелку; ты проголодался за это время.—Она положила ему кушанья на тарелку.—На,—прибавила она, — будетъ тебѣ ждать. Не поставить ли блюдо на плиту, чтобы кушанье не остыло до прихода Эльмиры и твоего отца?

— А ты развѣ не будешь ѣсть?—спросилъ Джеромъ.

— Ни за какiя коврижки я не возьму въ ротъ этого блюда. Да я никогда не была охотницей до пастернака.

Джеромъ степенно посмотрѣлъ на свою мать.—Будетъ,—сказалъ онъ.—Мнѣ за глаза довольно.

— Говорю тебѣ, я не стану ѣсть этого блюда. Мало тутъ, что ли наварено? И на мою долю хватило бы, да мнѣ не хочется ѣсть. И никогда-то я его не любила, а сегодня мнѣ какъ-то особенно претитъ это блюдо. Поставь его на плиту и принимайся за ѣду, пока не простылъ твой обѣдъ.

Мать заставила Джерома съѣсть и другую тарелку. Эльмира, вернувшись, наѣлась до-сыта, для Эбеля Эдвардса тоже осталось довольно.

Джеромъ, насытившись, почувствовалъ себя совершенно другимъ мальчикомъ, когда вернулся въ садъ къ своему заступу. Онъ энергично принялся копать землю, черные комья ея летали вокругъ него, онъ работалъ насвистывая пѣсню.

Ему стало казаться, что онъ покончитъ съ садомъ до прихода отца. «Вотъ-то порадуется отецъ, какъ увидитъ, что я справился съ садомъ»,—сказалъ про себя Джеромъ. Онъ пересталъ насвистывать и отдался работѣ всей своей юной душой, всей силою своихъ мышцъ. Его ни на минуту не потревожила даже мысль о долгомъ отсутствіи отца.

Въ пять часовъ отворилась дверь съ чернаго хода. Эльмира вышла изъ нея, накинувъ платокъ на голову, и взбѣжала на пригорокъ.

— Охъ, Джеромъ,—заговорила она, едва переводя духъ.— Мама говоритъ, чтобы ты оставилъ работу и пошелъ бы поскорѣе къ лѣсному участку. Отецъ все еще не вернулся, и мы страшно безпокоимся. Она боится, какъ бы надъ нимъ не стряслась какая бѣда.

Джеромъ воткнулъ лопату въ землю и испуганно взглянулъ на дѣвочку.

— Что, по ея мнѣнію, могло съ нимъ случиться?—медленно соображалъ мальчикъ. Онъ не умѣлъ воображать себѣ внезапныхъ несчастій.

— Она думаетъ, что онъ погибъ, либо его придавило бревномъ. А можетъ, Петеръ убѣжалъ отъ него.

— Ну, Петеру не убѣжать. Просто онъ запоздалъ. Отчегобы отцу погибнуть.

Эльмира прыгала вверхъ и внизъ по свѣже-взрытому чернозему. Она схватила брата за руку, тормошила его и толкала.

— Иди, иди!—вскричала она.—Иди скорѣе, Джеромъ! Говорятъ тебѣ, съ отцомъ приключилась какая-то ужасная бѣда. Мама говоритъ. Иди сейчасъ же!

Джеромъ вырвался изъ ея цѣпкихъ ручекъ и собрался бѣжать.

— Онъ пошелъ за дровами для доктора Прескотта,—разсуждалъ мальчикъ.—Глупо идти прямо на участокъ, сперва надо узнать, былъ ли онъ у доктора.

— Это тебѣ по дорогѣ,—крикнула Эльмира, какъ сумасшедшая.—Поторопись, охъ, поторопись Джеромъ, прошу тебя! Бѣдный папа! мама говоритъ,—что онъ... погибъ...

Эльмира поднесла руку къ лицу и разразилась протяжнымъ воплемъ. «Бѣдный... папа... охъ!.. охъ... бѣдный... папа»!.. неслись жалобныя причитанія дѣвочки, спускавшейся съ пригорка.

II.

Джеромъ бросился впередъ и побѣжалъ во весь духъ. Длинныя ноги, «поджарое» тѣло, крѣпкія легкія и почти пустой

желудокъ позволяли ему бѣжать со скоростью небольшой скаковой лошади. Джеромъ Эдвардсъ славился на деревнѣ удалью своего бѣга. Въ этомъ спортѣ не было ему равнаго между сверстниками. «Нашъ Джеромъ Эдвардсъ гораздъ пробѣжать полмили въ пять минутъ каждый день, право слово, сударь»,—похвалялись деревенскіе ребята, если случайно какой нибудь родственникъ изъ другого города пріѣзжалъ въ ихъ край погостить и начиналъ кичиться передъ ними своими подвигами и подвигами своихъ товарищей. Какимъ-то страннымъ образомъ побѣды Джерома, обгонявшаго всѣхъ другихъ мальчиковъ, служили для нихъ предметомъ хвастовства. Величаясь славою своего земляка, они, казалось, забывали, что слава эта лишь оттѣняла ихъ пораженія. То было чувство національной гордости въ очень миніатюрныхъ дѣтскихъ размѣрахъ.

Но въ этотъ день Джеромъ бѣжалъ такъ быстро, какъ еще никогда прежде не бѣгалъ. Повстрѣчавшіеся ему мальчики торопливо отхлынули въ сторону и вытаращили глаза на дорогу, ожидая увидѣть другого «бѣгуна», далеко отставшаго позади. Но такъ какъ никто не показывался, они снова уставились на быстро мелькавшія пятки Джерома.

— Чего это его угораздило такъ бѣжать?—удивлялся одинъ изъ мальчугановъ.

— Кажись, никто не пробуетъ перегнать его, — не видать что-то никого,—замѣтилъ другой.

— А можетъ его матери стало хуже, вотъ онъ и бѣжитъ за докторомъ,—сказалъ третій.

Мальчики все еще продолжали стоять и пялить глаза, когда Джеромъ совсѣмъ скрылся у нихъ изъ виду. До дома доктора Прескотта было около трехъ четвертей мили. Джеромъ почти добѣжалъ туда, какъ вдругъ увидалъ ѣхавшую на встрѣчу телѣгу. «Вотъ и отецъ» — подумалъ онъ и остановился, тяжело дыша. Скудная пища сдѣлала Джерома легкимъ на ногу, но отнюдь не сильнымъ.

Телѣга медленно приближалась, скрипя и громыхая. Старая бѣлая лошадь, тащившая телѣгу, тяжело ступала своими большими копытами въ выбоины проселочной дороги, на каждомъ шагу наклоняя голову.

Когда телѣга была уже близко, у Джерома, слѣдившаго за ея движеніемъ, занялся духъ: на повозкѣ лежали аккуратно увязанныя дрова; возжи были тщательно обмотаны кругомъ одного изъ ея кольевъ, а возчикъ отсутствовалъ. Джеромъ пытался закричать, рванулся впередъ, но силы измѣнили ему. Онъ стоялъ неподвижно, словно приросъ къ землѣ, его дѣтское лицо покрылось смертельною блѣдностью, а расширенные зрачки уставились на телѣгу. Старая бѣлая лошадь подвигалась впередъ, волоча свой грузъ вѣрнымъ и твердымъ

шагомъ къ себѣ домой. Она шла прямой дорогой, не сворачивая въ сторону, и только разъ осторожно обошла то мѣсто, гдѣ, повидимому, образовался ухабъ; Эбель Эдвардсъ всегда избѣгалъ проѣзжать по немъ съ нагруженной телѣгой. Было что-то наводившее ужасъ въ этомъ старомъ животномъ. Съ тупымъ терпѣніемъ, выражавшимся въ каждой черточкѣ его неустанно работающаго тѣла, оно все еще продолжало повиноваться той высшей силѣ разума, которая не управляла болѣе возжами и, быть можетъ, навсегда исчезла изъ міра живыхъ. Телѣга эта имѣла видъ сверхъестественно ужаснаго безголоваго призрака, подвигавшагося по дорогѣ.

Джеромъ пришелъ въ себя, когда лошадь поравнялась съ нимъ. «Стой! Пррр, Петеръ!» вырвалось у него вздохомъ. Лошадь остановилась. Ея большія переднія ноги, какъ одеревянѣлыя, метнулись впередъ; голова, уши и шея безсильно повисли, напоминая большой сукъ сломаннаго дерева съ поникшими листьями.

Мальчикъ, спотыкаясь, подошелъ къ повозкѣ и заглянулъ въ нее, поднявшись высоко на цыпочки. Тамъ не было ничего, кромѣ дровъ. Онъ постоялъ минуту въ раздумьи. Затѣмъ принялся искать веревку, которая подвязывалась къ передку повозки, но не находилъ ея. Наконецъ, онъ отвелъ лошадь въ сторону, распуталъ возжи и привязалъ ими лошадь, насколько могъ, крѣпко къ дереву.

Затѣмъ онъ пошелъ далѣе по дорогѣ. Колѣни его подкашивались, но онъ продолжалъ идти скорымъ шагомъ. Дойдя до усадьбы Прескотта, онъ на минуту пріостановился, нерѣшительно поглядѣлъ сквозь деревья на большой четыреугольный богато обстроенный домъ съ зелеными оконными рамами и блестящими стеклами.

Но онъ тотчасъ же побѣжалъ дальше. Десятиакровый лѣсной участокъ его отца находился въ полумилѣ отъ дома доктора Прескотта. Лѣсъ былъ березовый и каштановый, онъ весь такъ и свѣтился зеленью молодыхъ листьевъ и серебристымъ блескомъ бѣлыхъ сучьевъ, тонкихъ и нѣжныхъ, словно дѣвичьи руки. Въ лѣсу пролегала широкая колесная дорога. Джеромъ, очутившись возлѣ лѣса, прямо пошелъ по ней и принялся громко звать отца. «Отецъ! отецъ!»—выкликалъ онъ снова и снова, по временамъ останавливаясь и прислушиваясь. Ни одного звука не доносилось въ отвѣтъ. Въ лѣсу было тихо-тихо, и ухо могло уловить только мягкій обманчивый шелестъ молодой листвы, словно шелестъ шелковаго платья какого-то притаившагося или незамѣтно пробѣжавшаго существа. Въ эту раннюю весеннюю пору являлось странное ощущеніе присутствія жизни въ лѣсу. Джеромъ испытывалъ это ощущеніе и

безъ устали, настойчиво выкликалъ: «Отецъ, отецъ! отецъ! да гдѣ же ты, отецъ?»

Джеромъ казался очень маленькимъ посреди деревьевъ,—совсѣмъ малымъ блѣднолицымъ ребенкомъ. Голосъ его звучалъ надрывающей жалобою и казался такимъ же естественнымъ лѣснымъ звукомъ, какъ голосъ птицъ; въ самомъ дѣлѣ, это обращеніе безпомощнаго человѣческаго птенца къ своему родителю и защитнику было однимъ изъ первичныхъ звуковъ природы.

Джеромъ шелъ по лѣсу все дальше и дальше, продолжая звать отца, и, наконецъ, очутился на открытой прогалинѣ, гдѣ отецъ его всю зиму надсаживался за рубкою дровъ. Тутъ были веревки, чистенько сложенныя въ кучу и смотанныя въ клѣтку. А между ними древесные пни зеленѣли нѣжными молодыми побѣгами. «Отецъ! отецъ!» звалъ Джеромъ, только теперь голосъ его звучалъ сдержаннѣе и тише. Онъ думалъ, что отецъ его лежитъ здѣсь, посреди этихъ пней, ушибленный какъ нибудь нечаянно. Припомнилось ему, какъ Самуэлю Лафаму разъ придавило бревномъ и переломило ногу, когда онъ былъ одинъ въ лѣсу, и бѣдняга пролежалъ тамъ цѣлый день, прежде чѣмъ его хватились. Онъ подумалъ, что нѣчто подобное могло приключиться и съ его отцомъ. Онъ принялся искать его повсюду, осматривая своими зоркими молодыми глазами каждый уголокъ между пнями и грудами срубленнаго лѣса. «Можетъ, отецъ свалился безъ чувствъ»—пробормоталъ онъ.

Но вотъ онъ окончательно убѣдился, что отца его не было нигдѣ на прогалинѣ, и снова онъ сталъ звать его громкимъ голосомъ, аукать и прислушиваться. Никто не откликнулся на его зовъ.

Вдругъ сердце Джерома похолодѣло отъ ужаса. Онъ вспомнялъ о прудѣ. Какъ ни мало былъ онъ расположенъ къ предчувствіямъ зловѣщаго характера,—когда внезапно такое предчувствіе овладѣло имъ, оно стало для него несомнѣннымъ фактомъ.

— Отецъ упалъ въ прудъ и потонулъ, — разразился онъ тяжкимъ рыданіемъ.—Что будетъ теперь съ мамою?

Мальчикъ пошелъ впередъ, спотыкаясь о пни, ничего не видя передъ собою. Разъ онъ упалъ, сильно зашибъ себѣ колѣно и поднялся, жалобно всхлипывая. Въ эту минуту проявилось все, что было дѣтскаго въ Джеромѣ.

За прогалиной находилась каменная ограда, служившая предѣльной чертой лѣсного участка, принадлежавшаго Эбелю Эдвардсу. А за ней находилась небольшая рощица изъ старыхъ сосенъ съ густо разросшимися вершинами, за этой рощицей и былъ небольшой прудъ. Мѣстами онъ былъ очень мелокъ, хотя никогда не высыхалъ совершенно, и люди гово-

рили, что въ немъ попадались глубокія ямы. Мальчики хвастливо разсказывали мрачныя небылицы про этотъ прудъ. Они стали вонъ на ту и на эту скалу, а въ рукахъ у нихъ были длинные-предлинные шесты; они опускали шесты въ стоячую воду пруда и «ни единаго разочка не достали до дна, сударь». Они кидали въ него камни изо-всей мочи, прислушивались, навостривъ уши, словно лисицы, но ни разу не слыхали, чтобы камни «ударились о дно, сударь».

Одно мѣсто этого пруда, проникавшее въ глубь между соснами, пользовалось самой дурной славой, и названіе его дѣйствительно имѣло въ себѣ что-то роковое — «Глухая яма». Всѣ деревенскіе ребятишки были вполнѣ убѣждены, что тамъ была бездонная пропасть. У нихъ было общее повѣрье, что еще до того, какъ они родились, въ этомъ мѣстѣ утонулъ человѣкъ, а тѣла его никогда не нашли.

Они любили стоять на краю этого пруда и глядѣть на эту воду, носившую такое злополучное имя, съ ужасомъ, который однако, такъ или иначе, пріятно щекоталъ ихъ юношескую отвагу. Старшимъ не приходилось предостерегать ихъ: даже самые смѣлые удальцы страшились «Глухой ямы» и не стали бы рисковать изъ любопытства.

Джеромъ перелѣзъ за каменную ограду. Земля по ту сторону принадлежала доктору Прескотту. Мальчикъ прошелъ черезъ сосновую рощу и очутился у того мѣста пруда, которое называлось «Глухой ямой». Здѣсь онъ остановился и сталъ прислушиваться. «Глухая яма» представляла небольшую полосу воды; другой берегъ ея, топкій, окаймленный кустарникомъ съ бѣлыми цвѣтами и молодыми деревцами, былъ совсѣмъ близко, какъ говорится, рукою подать. Оттуда доносился опьяняющій сладкій запахъ меда, и легкіе клубы серебристой мглы задымились, подымаясь съ ея поверхности. Лягушки громко квакали, и по временамъ рѣзко выдѣлялась басовая нота гигантской представительницы лягушечьей породы. Красное зарево солнца, клонившагося къ западу, проходило сквозь рѣдкую растительность на противоположной сторонѣ и ложилось яркою полосой на прудъ и берегъ. Мелкіе рои комаровъ прыгали и плясали въ его лучахъ.

Рой крошечныхъ насѣкомыхъ, до такой степени легкихъ и прозрачныхъ, что они казались скорѣе символомъ жизни, чѣмъ реальными существами, кружился передъ обезумѣвшими, полными слезъ глазами мальчика. Онъ отошелъ въ сторону и сталъ смотрѣть внизъ, а затѣмъ съ громкимъ воплемъ поднялъ что-то судорожнымъ движеніемъ у себя подъ ногами. То была шляпа Эбеля Эдвардса, въ которой онъ ушелъ утромъ изъ дому. Джеромъ стоялъ, держа въ рукѣ шляпу своего отца и вперивъ въ нее пристальный взглядъ стараго опытомъ чело-

вѣка. И въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту мальчика словно обуялъ внезапно духъ жизненнаго опыта. До этой минуты онъ могъ вообразить себѣ только несчастный случай, а тутъ вдругъ, сразу онъ ясно понялъ, что если отецъ его, Эбель Эдвардсъ, нашелъ себѣ смерть въ прудѣ, то это совершилось по его собственному выбору. «Онъ не могъ упасть туда»,—прошепталъ Джеромъ, сурово сжавъ свои губы, обозрѣвая мягкій изгибъ берега, и взглянулъ на шляпу.

Вдругъ онъ выпрямился, и лицо его приняло выраженіе отчаянной рѣшимости. Онъ плотно стиснулъ свои зубы. Такъ или иначе, путемъ ли наслѣдственной передачи побужденій или вслѣдствіе впечатлѣній, усвоенныхъ имъ отъ матери, у Джерома сложилось твердое убѣжденіе, что самоубійство было ужаснымъ позоромъ для самого умершаго и для его семейства.

— Никто никогда не узнаетъ объ этомъ,—подумалъ мальчикъ. Какъ бы для пущаго подтвержденія своей мысли, онъ яростно закивалъ головою и принялся собирать камни на берегу пруда. Онъ наполнилъ ими тулью шляпы, вынулъ изъ кармана веревку, крѣпко обвязалъ ею тулью, затянувъ веревку туго-на туго узломъ. Затѣмъ онъ вскинулъ руку на плечо и со всего размаху забросилъ шляпу въ «Глухую Яму».

— Туда ей дорога!—сказалъ Джеромъ.—Кажись, теперь никому про то не узнать. Въ «Глухой Ямѣ» дна не сыскать.

Мальчикъ поспѣшилъ вонъ изъ лѣсу и снова пошелъ по дорогѣ. У дома Прескотта ему на встрѣчу попался парень, выходившій со двора. Онъ пытливо посмотрѣлъ на Джерома и схватилъ его за плечо.

— Боленъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Джеромъ.

— Отчего у тебя такой растерянный видъ?

— Отецъ пропалъ.

— Пропалъ?.. Куда жъ онъ пропалъ? Что ты хочешь сказать?

— Пошелъ утромъ порубить дровъ для доктора Прескотта, да такъ и не вернулся домой.

— Вотъ такъ оказія! Да не его ли телѣгу видѣлъ я недавно, что ѣхала по дорогѣ?

Джеромъ утвердительно кивнулъ головою.

— Я повстрѣчалъ ее, а отца тамъ не было,—молвилъ онъ.

— Господи!—вскричалъ парень и уставился на мальчика. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, сухощавый, съ мальчишеской походкой. Его звали Джекъ Нойзъ и жилъ онъ у доктора работникомъ по найму. Онъ смотрѣлъ за докторской лошадью, ходилъ кучеромъ, и люди поговаривали, что онъ помогалъ также доктору въ приготовленіи лѣкарственныхъ сна-

добій. На деревнѣ Джекъ Нойзъ пользовался большимъ авторитетомъ. Онъ являлся до нѣкоторой степени отраженіемъ славы доктора и стяжалъ свою собственную.

Джеромъ высвободилъ свое плечо.—«Мнѣ надо идти».

— Постой,—сказалъ Джекъ Нойзъ.—Дѣло это нельзя такъ оставить. Его, должно быть, придавило. Онъ, должно, тамъ въ лѣсу, гдѣ работалъ.

— Нѣтъ его. Я уже тамъ былъ,—коротко отвѣчалъ Джеромъ и пошелъ прочь.

— Да гдѣ ты искалъ его?

— Вездѣ,—отозвался мальчикъ, не оборачиваясь, но Джекъ пошелъ за нимъ.

— Погоди минуточку, — сказалъ онъ.—Мнѣ надо что-то спросить у тебя. Ходилъ ли ты къ пруду?

— А съ какой стати пошелъ бы я къ пруду, хотѣлось бы мнѣ знать?—яростно обернулся къ нему Джеромъ.

— Могло статься, что онъ упалъ въ прудъ, почемъ я знаю; вѣдь прудъ рукой подать.

— А почему тебѣ вообразилось, что отецъ мой ни съ того, ни съ сего прыгнетъ въ прудъ?—спросилъ Джеромъ.

— Господи! вѣдь я не сказалъ, что онъ «прыгнулъ» туда. Я сказалъ—«упалъ въ прудъ».

— Ты знаешь, что онъ не могъ упасть. Ты знаешь, что онъ могъ очутиться тамъ только по своей охотѣ. Но я тебѣ покажу, что отецъ мой не такой человѣкъ, чтобы сдѣлать подобное, Джекъ Нойзъ!

И мальчикъ потрясъ своимъ слабымъ кулачонкомъ прямо подъ носомъ у работника.

— Повтори-ка еще разъ, коли смѣешь!—прикрикнулъ на него Джеромъ.

— Господи, твоя воля!—произнесъ Джекъ Нойзъ съ полукомическимъ ужасомъ. Онъ сощурилъ одинъ голубой глазъ особеннымъ образомъ—говорили, что онъ пріобрѣлъ эту манеру, разливая по каплямъ аптекарскія снадобья для доктора,—а другимъ посмотрѣлъ на мальчика.

— Повтори-ка еще разъ, и я убью тебя, увидишь, что убью!—закричалъ Джеромъ. Голосъ его оборвался въ хриплое рыданіе и онъ побѣжалъ прочь.

— Да ты съ ума что ли спятилъ?—крикнулъ ему въ догонку Джекъ Нойзъ.

Онъ постоялъ одну минуту, а затѣмъ бѣгомъ бросился домой.

Джеромъ добѣжалъ до того мѣста, гдѣ оставилъ отцовскую телѣгу, отвязалъ лошадь, вскарабкался на сидѣнье и поѣхалъ къ себѣ домой. Онъ не могъ ѣхать скоро; старая лошадь продолжала идти шагомъ. Когда показался домъ, Джеромъ увидалъ

у воротъ что-то голубое, развѣвавшееся по вѣтру. То былъ платокъ Эльмиры; она поджидала его здѣсь. Завидѣвъ телѣгу, она выбѣжала на дорогу, на встрѣчу.

— Гдѣ же отецъ?—закричала она. — Джеромъ, гдѣ отецъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ Джеромъ. Онъ сидѣлъ высоко надъ нею, съ возжами въ рукахъ. Его блѣдное, осунувшееся лицо смотрѣло поверхъ ея головы.

— Джеромъ... развѣ ты... не видалъ... отца?

— Нѣтъ.

Эльмира разразилась громкимъ воплемъ.

— Охъ, Джеромъ, гдѣ же отецъ? Джеромъ, гдѣ онъ? Его убили? Охъ, папа, папа!

— Замолчи,—сказалъ Джеромъ.—Не то услышитъ мать.

— Охъ, Джеромъ, гдѣ же отецъ?

— Говорятъ тебѣ, придержи свой языкъ. Или хочешь убить также мать?

Бѣдняжка Эльмира судорожно плакала, продолжая бѣжать за повозкой.

— Эльмира, говорю тебѣ, замолчи,—сказалъ Джеромъ такимъ голосомъ, что она сразу подавила свои рыданія.

Телѣга сильно загромыхала, когда Джеромъ подъѣзжалъ къ воротамъ.

— Постой-ка тутъ маленько возлѣ лошади, — приказалъ онъ Эльмирѣ.

Онъ самъ сбросилъ дрова и прошелъ къ дому. Подойдя къ дверямъ, онъ услыхалъ, какъ задвигалось кресло его матери. Эннъ Эдвардсъ, хотя и была калѣкой, успѣвала какими то своеобразными манипуляціями двигаться въ своей качалкѣ по всему дому. Качалка громко скрипѣла, скользя по голому полу. Когда Джеромъ отворилъ дверь, онъ увидалъ, что мать его быстро двигалась взадъ и впередъ. Это было у нея признакомъ сильнаго возбужденія, что хорошо зналъ Джеромъ.

Увидя Джерома, она сразу остановилась и лицо ея съежилось, словно въ ожиданіи удара. Она не задала ему ни одного вопроса.

— Я повстрѣчалъ телѣгу. Она возвращалась домой,—сказалъ Джеромъ.

Мать его по прежнему ничего не сказала, но ея лицо кривила та же судорога передъ приближающимся ударомъ.

— Отца на ней не было,—сказалъ Джеромъ.

Мать его все еще ждала.

— Я привязалъ лошадь, а затѣмъ пошелъ на десятиакровый участокъ и искалъ его вездѣ. Его нѣтъ тамъ.

Вдругъ Эннъ Эдвардсъ подалась назадъ. Голова ея безпомощно свѣсилась. Она тихо соскользнула съ кресла.

Джеромъ побѣжалъ къ ведру съ водою, зачерпнулъ не-

много воды и побрызгалъ ею въ лицо матери. Затѣмъ онъ потеръ ея маленькія худыя ручки своей жесткой дѣтской ладонью. Онъ и раньше видалъ свою мать въ обморокѣ. А теперь онъ былъ вполнѣ подготовленъ къ этому обмороку.

Скоро она стала слабо и тяжко дышать; онъ зналъ, что она приходитъ въ чувство.

— Тебѣ лучше?—спросилъ онъ такъ громко, словно она была за нѣсколько миль отъ него. И дѣйствительно, ему казалось, что это было такъ.—Тебѣ лучше, мама?

Миссисъ Эдвардсъ приподнялась.

— Отецъ твой свалился и умеръ,—сказала она.—Не надо, чтобы кто-нибудь говорилъ иное. Вытри эту воду съ моего лица. Принеси полотенце.

Джеромъ исполнилъ ея приказаніе.

— Но надо, чтобы люди говорили иное,—повторила его мать.

— Разумѣется, нечего имъ говорить,—согласился Джеромъ, возвращаясь съ полотенцемъ и осторожно вытирая лицо.—Пусть только посмѣетъ кто заикнуться,—пылко прибавилъ онъ.

— Онъ упалъ... и умеръ,—сказала мать. Слова выходили у нея рыдающими звуками, но глаза ея были сухи.

— Мнѣ кажется, я долженъ пойти и отвести лошадь въ сарай,—сказалъ Джеромъ.

— Хорошо.

— Я пошлю къ тебѣ Эльмиру. Она держитъ лошадь.

— Хорошо.

Джеромъ зажегъ сперва свѣчку, потому что становилось темно, а затѣмъ вышелъ вонъ.

— Иди домой и оставайся при матери,—приказалъ онъ Эльмирѣ.—Да не вздумай плакать и разстраивать ее... съ ней сдѣлался обморокъ. Чай есть дома?

— Нѣтъ,—отвѣчала дѣвочка, стараясь сдержать судорожное подергиваніе своего лица.

— Свари для нея горячаго супу, затѣмъ... ей бы надо дать чего нибудь. Можешь-ли ты это сдѣлать, а?

Эльмира утвердительно кивнула головой. Она не смѣла говорить, боясь, что расплачется.

— Ну, такъ иди скорѣе туда,—сказалъ Джеромъ. Она повиновалась, отвернувъ въ сторону свое лицо. Ея дѣтская спина согнулась по старушечьи, когда она входила въ домъ.

Джеромъ снялъ съ лошади сбрую, отвелъ ее въ сарай, задалъ ей корму и принесъ ей воды изъ колодца. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ вышелъ изъ сарая и увидалъ коляску доктора Прескотта, въѣзжавшую во дворъ. Въ экипажѣ сидѣли докторъ и Джекъ Нойзъ. Когда коляска остановилась, Джеромъ подошелъ къ ней, качнулъ головой и шаркнулъ ногой. Изъ коляски на него хмуро и пристально глядѣло красивое лицо.

Доктору Сэту Прескотту перевалило за пятый десятокъ. Гладко выбритое лицо съ тонкими чертами, какъ у женщины, голубые глаза, ярко сверкавшіе изъ подъ густыхъ бровей и рыжій жидкій парикъ—таковъ былъ внѣшній обликъ доктора. Прежде чѣмъ годы и ненастье, снѣга и буйные вѣтры сдѣлали его кожу смуглой и шероховатой, онъ былъ изящнымъ бѣлокурымъ красавцемъ.

— Что его, все еще нѣтъ?—спросилъ онъ рѣшительнымъ тономъ.

Джеромъ снова качнулъ головой и расшаркнулся.

— Нѣтъ, сэръ.

— Ты не нашелъ въ лѣсу никакихъ слѣдовъ его?

Джеромъ замѣтно медлилъ отвѣтомъ.

Глаза доктора сверкнули еще ярче.

— Ты не нашелъ ничего, э?

— Нѣтъ, сэръ.

— А мать твоя знаетъ объ этомъ?

— Да, сэръ.

— Какъ она себя чувствуетъ?

— Она упала въ обморокъ, а теперь ей лучше.

Докторъ чинно вышелъ изъ коляски, взялъ свой ящикъ съ лѣкарствами и направился къ дому.

— Оставайся здѣсь, пока я вернусь,—приказалъ онъ Джерому, не обернувшись.

— Докторъ сейчасъ пошлетъ понятыхъ съ фонарями на розыски,—объявилъ Джекъ Нойзъ Джерому.

Джеромъ въ отвѣтъ издалъ сердитый звукъ, выражавшій мрачную безнадежность. Онъ прислонился къ колесу экипажа; онъ чувствовалъ себя очень дурно.

— Можетъ, мы найдемъ его въ наилучшемъ видѣ,—утѣшалъ мальчика Джекъ.

— Нѣтъ, не найти вамъ его.

— Можетъ, никакой бѣды и не случилось; переломилъ себѣ какую ни на есть кость, ну докторъ ему живо ее починитъ.

Джеромъ отрицательно покачалъ головой.

— Ужъ докторъ-то все сдѣлаетъ, какъ надо быть,—убѣждалъ Джекъ.— Онъ послалъ Лауренса за веревками и за баграми.

Джеромъ вскочилъ, какъ ужаленный.—Это зачѣмъ?—спросилъ онъ сердитымъ голосомъ.

Джекъ замялся и покраснѣлъ.

— Можетъ, мнѣ не слѣдъ было говорить тебѣ объ этомъ,—промямлилъ онъ.—И впрямь они тутъ ни къ чему. Да вотъ доктору желательно все сдѣлать, какъ слѣдуетъ.

— Зачѣмъ?

— Ну... вѣдь тамъ есть прудъ... и...

— Да развѣ я не сказалъ тебѣ, что отецъ и близко-то не подходилъ къ пруду?

— Ну, да я не думаю, чтобы онъ подошелъ туда,— отвѣчалъ дипломатично Джекъ — Да вѣдь почистить прудъ не мѣшаетъ дѣлу. Притомъ всякъ тогда навѣрняка узнаетъ, что онъ не попалъ туда.

— Пусть себѣ чистятъ, коли охота,— и голосъ мальчика зазвучалъ какимъ-то страннымъ торжествомъ.— «Глухая Яма» бездонная пропасть.

Джекъ засмѣялся.

— Это глупѣйшая ложь,—сказалъ онъ.— Я самъ, лѣтъ сорокъ тому будетъ, помогалъ чистить ее. У насъ пропала дѣвушка. Звали ее Лизи Эннъ Гукъ и жила она съ милю отсюда, по дорогѣ къ рѣкѣ. Ея тамъ не было. А нашли ея косточки и соломенную шляпку въ болотѣ, два года спустя, но ужъ мы-то прочистили всю «Глухую Яму»... все ея дно чисто на чисто отскоблили.

Джеромъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза, опустивъ подбородокъ.

— Конечно, это дѣлается только для формы, его тамъ не найти намъ, какъ не нашли мы Лизи Эннъ, — прибавилъ Джекъ Нойзъ въ видѣ утѣшенія.

Докторъ Прескоттъ вышелъ изъ дому. Когда онъ отворялъ дверь, послышался пронзительный крикъ:—Пусть никто не говоритъ ничего другого!

— Ступай-ка лучше домой да побудь около матери,—приказалъ докторъ Прескоттъ.—Я далъ ей успокоительный порошокъ. Побереги ее и не говори съ ней объ отцѣ.

Докторъ Прескоттъ усѣлся въ коляску и уѣхалъ, а Джеромъ отправился къ матери. Нѣсколько времени она, не переставая, бѣшено двигала свою качалку по полу взадъ и впередъ; дико выкрикивала, что мужъ ея свалился и померъ, и никто не долженъ говорить объ этомъ иначе. Она молилась и повторяла тексты священнаго писанія. Затѣмъ ее осилило дѣйствіе доверова порошка, который далъ ей докторъ, и она заснула въ своемъ креслѣ.

Джеромъ и Эльмира не посмѣли разбудить ее, чтобы она легла въ кровать. Они сѣли, каждый у окошка, пристально всматриваясь въ темноту, поджидая своего отца, либо кого нибудь съ извѣстіемъ, что тѣло его найдено... Они сами не знали хорошенько, чего они ждали. По временамъ до нихъ доносились ружейные выстрѣлы, но они не знали ихъ значенія. Изрѣдка Эльмира всхлипывала, но потихоньку, чтобы не разбудить матери.

Было полнолуніе и на дворѣ почти такъ же свѣтло, какъ днемъ. Скоро послѣ полуночи они увидали приближавшійся экипажъ: это была докторская коляска, Джекъ Нойзъ правилъ ею. Мальчикъ и дѣвочка отошли отъ окошекъ и безшумно прокрались изъ дому. Джекъ подъѣхалъ къ воротамъ.

— Ложитесь-ка лучше спать,—сказалъ онъ имъ.—Завтра мы найдемъ его гдѣ нибудь здравымъ и невредимымъ. Его ищутъ, почитай, двѣсти человѣкъ, малыхъ и большихъ, съ фонарями да съ факелами и стрѣляютъ изъ ружей, чтобы подать ему сигналъ. Завтра найдемъ его здоровехонькимъ, развѣ какую косточку ему переломило. Мы прочистили весь прудъ острогой. Тамъ его нѣтъ, ужъ это вѣрно!

III.

Для обитателей этой маленькой деревушки въ Новой Англіи упомянутый прудъ заключалъ въ себѣ нѣчто общее съ миѳическими представленіями Востока. Онъ все еще дѣйствовалъ на ихъ воображеніе, хотя люди эти дали ему такое непосредственно выразительное и прозаическое названіе, которое сразу лишало его всякаго поэтическаго очарованія...

Деревенскіе ребятишки не видали ни одной лѣсной нимфы въ чащахъ Новой Англіи. Если тамъ и водились фавны,—а ребятишки принимали за листья ихъ остроконечныя уши, когда они спали развалясь въ кустахъ,—они никогда объ этомъ не догадывались. Никакихъ сверхъестественныхъ существъ у нихъ не водилось, но за то у нихъ былъ ихъ прудъ съ его бездонною глубиной. Въ существованіи этой бездны ихъ не могли разувѣрить никакія изслѣдованія канатомъ и баграми. Да развѣ они сами не опускали туда своихъ длинныхъ—предлинныхъ лесъ безъ всякаго толку?

Ни одинъ деревенскій мальчуганъ не вѣрилъ, чтобы кому-нибудь удалось достать до дна этой пресловутой Глухой Ямы. Разумѣется, не вѣрилъ этому и Джеромъ Эдвардсъ. Притомъ вѣдь не нашли же шляпы его отца...

Кое-кто изъ взрослыхъ, точно также, какъ и ребятишки, подумывали про себя, что прудъ всетаки не довольно тщательно обыскали—быть можетъ, на днѣ его продолжалъ лежать Эбель Эдвардсъ.

— Какъ я запомню себя, всегда слыхалъ, что въ этомъ мѣстѣ нѣту дна,—замѣчалъ кто нибудь изъ старожиловъ, а другой подхватывалъ съ торжествомъ въ видѣ заключенія:— Коли его нѣтъ тамъ, куда же онъ дѣлся?

Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ-то и заключался вопросъ. Всякія разрѣшенія представляются вѣроятными относительно загадочныхъ событій, за неимѣніемъ явнаго доказательства, какъ происходило дѣло. Никакихъ слѣдовъ Эбеля Эдвардса не было найдено въ лѣсной дачѣ, гдѣ онъ работалъ, никакихъ слѣдовъ его не оказалось за нѣсколько миль въ окружности. А розыски велись усерднѣйшимъ образомъ. Прочищены были и

другіе пруды, пользовавшіеся менѣе дурной славою, и рѣчка, протекавшая по деревнѣ, и два ручья, очень глубокіе во время весенняго половодія. Если Эбель Эдвардсъ лишилъ себя жизни, то являлось неизбѣжное заключеніе, что тѣло его лежало въ прудѣ, который испоконъ вѣку считался бездоннымъ, да, быть можетъ, и былъ такимъ.

— Вотъ, какъ я мыслю объ этомъ дѣлѣ,—молвилъ Симонъ Бассэтъ разъ вечеромъ въ деревенской лавочкѣ. Онъ приподнялъ указательный палецъ правой руки, устремивъ его на собравшихся и авторитетно потрясая имъ во время своей рѣчи, словно призывая слушателей внимать его словамъ также глазами.—Если Эбель Эдвардсъ самъ себя порѣшилъ какъ-либо иначе, а не кинулся въ прудъ, то что же сдѣлалъ онъ со своимъ тѣломъ? Вѣдь не могъ же онъ вдобавокъ похоронить себя.

Симонъ Бассэтъ захихикалъ сухимъ, отрывистымъ смѣхомъ и взглянулъ на присутствующихъ съ рѣшительнымъ торжествомъ неоспоримаго доказательства. Лицо его было испещрено морщинами, которыя отъ носа, подбородка и бровей сходились всѣ въ одной точкѣ, что придавало его физіономіи хитрое и лукавое выраженіе. Даже его сѣдѣющіе волосы спускались постепенно косогоромъ, образуя надъ лбомъ торчащій чубъ, а лицо его было обрамлено щетинистою сѣдою бородою клиномъ. Симонъ Бассэтъ былъ самый богатый собственникъ на деревнѣ. Казалось, будто пыль и жирная глина его собственной земли покрыли сѣрою копотью всю его неуклюжую, грубую одежду. Ни одна женщина при встрѣчѣ съ нимъ не могла не бросить боязливаго взгляда на его громадные, скрипучіе, запачканные грязью сапожищи.

У многихъ людей составилось мнѣніе, что Симонъ Бассэтъ никогда не снималъ съ себя платья, пока оно, въ буквальномъ смыслѣ, не падало съ него клочьями. Говорили также, что на упреки въ этой чрезвычайно неопрятной привычкѣ онъ возражалъ въ свое оправданіе, что птицы и другія животныя во всю жизнь не мѣняютъ своей одежды и людямъ подобаетъ какъ можно ближе слѣдовать ихъ простымъ и естественнымъ обычаямъ.

Симонъ Бассэтъ, возсѣдавшій на старомъ кожаномъ креслѣ, посреди стѣснившихся вокругъ него праздныхъ зѣвакъ, ожидалъ шумныхъ одобреній, высказавъ свое рѣшительное мнѣніе насчетъ исчезновенія Эбеля Эдвардса. Но ему поддакнуло лишь нѣсколько человѣкъ, пробормотавъ какія-то неясныя междометія. Большинство имѣло свои собственные взгляды.

— Мнѣ никакъ не взять въ толкъ, что Эбель убилъ самого себя,—молвилъ высокій мужчина съ неимовѣрно длинными баками, ниспадавшими ему на грудь. Онъ производилъ впечатлѣніе фигуры, тянувшейся въ неопредѣленную даль,

словно тѣнь, и, кромѣ того, обладалъ особою манерою стоять позади толпы, какъ ея отраженіе. Когда онъ заговорилъ, всѣ слушатели встрепенулись и, обернувшись, уставились на него.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, что же, по твоему, съ нимъ приключилось, Адонирамъ Джеддъ,—вскричалъ Симонъ Бассэтъ.

— Не вѣрится мнѣ, что Эбель Эдвардсъ убилъ самого себя,—торжественно повторилъ высокій мужчина. Слова его имѣли значеніе, потому что онъ былъ въ дальнемъ родствѣ съ пропавшимъ.

— Можетъ, ты знаешь какого нибудь врага его? — спросилъ Симонъ Бассэтъ.

— Нѣтъ, никакого врага его я не знаю, — заявилъ высокій мужчина.

— Такъ на кой шутъ понадобилось бы кому нибудь убивать его? Ужъ подлинно могу сказать—отъ Эбеля Эдвардса нечѣмъ было бы поживиться.

И Симонъ Бассэтъ захихикалъ съ ликующимъ видомъ. Въ отвѣтъ на это хихиканье послышался громкій и неизъяснимо горькій смѣхъ человѣка, сидѣвшаго неподалеку, на старой скамейкѣ. Всѣ возбужденно взглянули на него, потому что это былъ Озіасъ Ламбъ, зять Эбеля Эдвардса.

— Чего ты смѣешься? — вызывающимъ тономъ отозвался Симонъ Бассэтъ; но тутъ же отодвинулъ свое кресло въ сторону: Озіасъ Ламбъ слылъ за весьма вспыльчиваго человѣка.

— Можетъ, кто убилъ бѣднягу Эбеля, чтобы поживиться его заложеннымъ имуществомъ,—сказалъ Озіасъ Ламбъ.—Другого ничего у него, кажись, не было.

Озіасъ снова засмѣялся. Онъ былъ плотный, коренастый мужчина и, сидя, пригибалъ свое туловище къ колѣнамъ, причемъ всѣ его мышцы совершенно опадали, что служило признакомъ привычности такого положенія тѣла. Совершенно такимъ же манеромъ Озіасъ Ламбъ сидѣлъ и чинилъ башмаки на верстакѣ въ теченіе почти сорока лѣтъ. Онъ, такъ сказать, обратился въ статую, представлявшую наглядную иллюстрацію его трудового ремесла. Онъ никогда не стоялъ, если была возможность присѣсть. Въ самомъ дѣлѣ, колѣни безсильно подгибались подъ нимъ, какъ только онъ пробовалъ встать на ноги. Онъ опускался на первое попавшееся сидѣніе и уныло сгибался въ три погибели, принимая эту единственную позу, усвоенную имъ за всю жизнь.

Всѣ другіе смотрѣли на него съ выраженіемъ нѣкотораго страха. Все лицо его расплылось отъ сардоническаго смѣха, но голубые глаза его сверкали гнѣвомъ изъ подъ пушистой шапки русыхъ волосъ.

— Эбель Эдвардсъ надрывался изо всѣхъ силъ за послѣднія десять лѣтъ, какъ бы ему развязаться съ этимъ закладомъ,—началъ онъ.—Больше всего заботило его, какъ довести

ему до желаннаго конца это трудное дѣло. Оно было вмѣсто пищи для его желудка, оно было надеждой его сердца. Онъ не спалъ, не доѣдалъ, только бы ему въ срокъ уплачивать процентныя деньги; не о душѣ своей онъ заботился, а какъ бы ему начисто раздѣлаться съ закладомъ. Тутъ было все, что онъ имѣлъ; онъ извелся подъ этой заботой и тѣломъ, и духомъ, и она-то заставляла его работать, не покладая рукъ. Онъ жилъ въ этомъ благочестивомъ мѣстечкѣ и десять лѣтъ исправно платилъ эти деньги на виду у всѣхъ, и меня ни капельки не дивитъ, коли кого такъ и подмывало слѣдить за этимъ. Люди въ этомъ благочестивомъ мѣстечкѣ чертовски близко принимаютъ къ сердцу тяготы своихъ ближнихъ!

Симонъ Бассэтъ отодвинулся еще дальше, а затѣмъ спросилъ:

— Полагаю, ты не ждешь, что люди возьмутъ да и выплатятъ закладъ за него?

— Нѣтъ, я этого и не думалъ,—отвѣчалъ Озіасъ Ламбъ, и сардоническая улыбка еще рѣзче искривила углы его рта.

— И, полагаю, ты не ждешь, чтобы докторъ Прескоттъ подарилъ ему эти деньги,—заговорилъ внезапно Джэкъ Нойзъ. Онъ пришелъ сюда за почтой для доктора и слушалъ разговоры, держа въ рукѣ большой конвертъ съ красной печатью и газету духовнаго содержанія.

— Нѣтъ,—сказалъ Озіасъ Ламбъ,—я никогда не сталъ бы ожидать, чтобы докторъ подарилъ что нибудь кому либо, кромѣ самого себя или Бога, или церкви.

Среди собравшихся пронесся дружный смѣхъ. Въ деревнѣ доктора считали завзятымъ скаредомъ. Онъ раскошеливался только въ трехъ направленіяхъ, на которыя указалъ Озіасъ Ламбъ.

Джэкъ Нойзъ покраснѣлъ отъ гнѣва и выступилъ впередъ.

— Я не потерплю пустыхъ словъ насчетъ доктора Прескотта,—вскричалъ онъ.—Никому изъ васъ не спущу такихъ разговоровъ, зарубите себѣ это хорошенько на носу. Не стану я ѣсть хлѣбъ человѣка и слушать, какъ на его счетъ добрые люди будутъ точить языки. Кулаки-то у меня, слава Богу, здоровые.

Лавочникъ, онъ же и почтмейстеръ, Сайросъ Робинзонъ, стоялъ, перегнувшись за прилавкомъ, между вѣсами и грудою брусковъ желтаго мыла. Онъ улыбался и зорко наблюдалъ за говорившими. Теперь онъ заговорилъ, и рѣчь его была сладка, какъ медъ.

— Молодецъ ты, Джэкъ, что стоишь горой за доктора,—сказалъ онъ.—Мы всѣ, сколько насъ ни есть, крѣпко жалѣемъ бѣднягу Эбеля. Разумѣется, докторъ не станетъ тѣснить вдову его изъ за этого заклада. Иной разъ люди дѣлаютъ гораздо больше добра, чѣмъ про то вѣдаетъ молва. Меня не

удивитъ, коли лѣвая рука доктора Прескотта и сосѣди его не знаютъ всѣхъ его добрыхъ дѣлъ.

Озіасъ Ламбъ медленно обернулся и пристально посмотрѣлъ на лавочника.

— Докторъ Прескоттъ, кажись, отличный покупатель. Э?— освѣдомился онъ.

Послышалось сдержанное хихиканье. Сайросъ Робинзонъ покраснѣлъ, но предолжалъ пріятно улыбаться.—У насъ тутъ всѣ хорошіе покупатели,—отвѣчалъ онъ.—У меня плохихъ покупателей нѣтъ.

— Можетъ, потому, что ты имъ не вѣришь ни на грошъ въ долгъ,—возразилъ Озіасъ Ламбъ. Хихиканье на этотъ разъ стало явственнымъ. Всѣмъ было извѣстно, что Сайросъ Робинзонъ былъ прижимистъ въ торговомъ дѣлѣ.

Лавочникъ не сказалъ ни слова, круто отвернулся, вынулъ ключъ изъ кармана, подошелъ къ небольшой почтовой конторѣ въ углу и заперъ дверь на замокъ. Затѣмъ онъ принялся затворять ставни.

Народъ зашевелился, стулья и скамьи задвигались, началось тяжелое шлепанье ногъ, и гости неохотно вышли вонъ изъ лавки. Сайросъ Робинзонъ обыкновенно затворялъ свои ставни слишкомъ рано для своихъ посѣтителей. Лавка его была не простой лавкой, а, такъ сказать, «питомникомъ» города, мѣстомъ, гдѣ обсуждались и развивались потребности его небольшого республиканскаго населенія. Она была также мѣстомъ суда. Здѣсь простые граждане этого мѣстечка составляли свои простыя умозаключенія относительно деревенскаго управленія и должностныхъ лицъ, а затѣмъ на митингахъ поступали сообразно принятому рѣшенію. Здѣсь они судили и рядили обо всѣхъ людяхъ, которые, къ сожалѣнію, были такъ далеко, что не могли слышать ихъ рѣчей, и обо всѣхъ вопіющихъ злобахъ дня, съ которыми бороться имъ было не подъ силу. Эта большая деревенская лавка Сайроса Робинзона,—вся пропитанная крѣпкими запахами патоки и пряностей, китоваго жира и вестъ-индскаго рома, съ прилавками, поломъ и потолкомъ, вплотную загроможденными и увѣшанными всевозможными женскими нарядами, краснымъ товаромъ, съѣстными припасами и земледѣльческими орудіями,—была въ нѣкоторомъ смыслѣ центральнымъ пунктомъ деревни Энгамское Захолустье. Трактира здѣсь не имѣлось. Хотя названная деревня была самая большая въ маленькомъ Энгамскомъ поселеніи, трактиръ находился въ Западномъ Захолустьѣ, и тамъ былъ сборный пунктъ дилижансовъ и омнибусовъ. Однако, вся промышленная дѣятельность поселенія сосредоточивалась въ Энгамскомъ Захолустьѣ, благодаря большему обилію въ немъ воды; тутъ были и мукомольная мельница, и лѣсопильный за-

водъ. Мѣстные обыватели приходили отовсюду для торговыхъ операцій въ лавку Робинзона, которая была также въ узкомъ смыслѣ и купеческой конторой. Сайросъ Робинзонъ скупалъ кожи большими партіями, и въ обширномъ помѣщеніи наверху лавки у него работало много мастеровыхъ, занятыхъ выкраиваніемъ грубой обуви, которую носили въ деревнѣ. Заготовленную такимъ образомъ обувь онъ отдавалъ партіями мѣстнымъ обывателямъ для сшивки и окончательной отдѣлки. Онъ платилъ имъ за работу товаромъ, рѣдко наличными деньгами, а затѣмъ самъ продавалъ уже готовую обувь, наживая на этой аферѣ знатные барыши.

Кромѣ того, у Робинзона было много свободныхъ комнатъ въ его собственномъ домѣ, смежномъ съ лавкой. Онъ могъ сдавать ихъ заѣзжимъ людямъ, которые желали остаться въ Уфамѣ до вечера. И онъ, и жена его были не прочь увеличивать свои доходы этимъ путемъ. Многіе считали Сайроса Робинзона такимъ же богатымъ, какъ докторъ Прескоттъ и Симонъ Бассэтъ.

Когда въ этотъ вечеръ люди разошлись изъ лавки, Симонъ Бассэтъ, Джэкъ Нойзъ и Адонирамъ Джеддъ отправились вмѣстѣ,—имъ было по дорогѣ. Они продолжали толковать объ исчезновеніи бѣднаго Эбеля. Они говорили громко, не стѣсняясь, какъ вдругъ Джэкъ Нойзъ сильно подтолкнулъ локтемъ Симона Бассэта.

— Тшъ!—шепнулъ онъ ему,—за нами идетъ парнишка Эдвардса.

Въ самомъ дѣлѣ, въ ту минуту, какъ онъ произносилъ эти слова, маленькая легкая фигурка Джерома проходила бѣгомъ мимо нихъ. Очевидно, мальчикъ старался пройти незамѣченнымъ, но Симонъ Бассэтъ схватилъ его за руку и заставилъ его остановиться.

— Постой, какъ тебя! — сказалъ онъ. — Ты, никакъ, сынишка Эбеля Эдвардса, такъ что-ли?

— Мнѣ недосугъ стоять, — возразилъ Джеромъ, вырываясь,—мнѣ надо идти домой. Мать ждетъ меня.

— Должно, ты еще ничего не слыхалъ про своего отца?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Мнѣ домой надо.

— Куда ты ходилъ, Джеромъ? — спросилъ Адонирамъ Джеддъ.

— Къ дядѣ Озіасу за башмаками для Эльмиры.

У Джерома въ каждой рукѣ было по маленькому крѣпкому башмачку.

— Ты, должно, и придумать не можешь, что сталось съ твоимъ отцомъ,— сказалъ Симонъ Бассэтъ.

Джеромъ, пытавшійся вырваться изъ его цѣпкихъ рукъ,

внезапно остановился и повернулъ къ нему свое маленькое блѣдное лицо, смотрѣвшее сурово.

— Онъ умеръ,—сказалъ мальчикъ.

— Ну, разумѣется, умеръ. То есть, мы всѣ боимся, что оно такъ, хотя всѣ мы надѣемся на лучшее. Но не въ этомъ дѣло,—продолжалъ Симонъ Бассэтъ.—Дѣло въ томъ, какъ онъ умеръ?

Джеромъ взглянулъ прямо въ лицо Симону Бассэту.

— Онъ умеръ такъ точно, какъ умрете и вы когда нибудь,—отвѣчалъ онъ. При этихъ словахъ мальчика Симонъ Бассэтъ внезапно разжалъ свою руку, и Джеромъ ушелъ своей дорогой.

— Батюшки, вотъ такъ удружилъ!—прошепталъ про себя Джэкъ Нойзъ. Симонъ Бассэтъ не вымолвилъ больше ни словечка; его дѣдъ, дядя и одинъ изъ братьевъ всѣ трое покончили жизнь самоубійствомъ, онъ зналъ, что идущимъ пришла та же мысль. Всѣ они дивились,—неужели у мальчика хватило настолько остроумія, чтобы умышленно нанести Симону этотъ жестокій уколъ? Но тотъ и не думалъ наносить никакихъ уколовъ. Бѣдняжка Джеромъ ни разу еще не задумывался о законахъ наслѣдственности; онъ только хотѣлъ сказать, что отецъ его умеръ ничуть не болѣе позорною смертью, чѣмъ умираютъ вообще всѣ добрые люди. Онъ и не воображалъ себѣ, мчась во весь духъ домой съ башмаками сестры, что его словамъ придали совершенно иное значеніе. но онъ былъ сердитъ и чувствовалъ себя крѣпко обиженнымъ.

— Чего этотъ Симонъ Бассэтъ ухватилъ меня такимъ манеромъ?—думалъ онъ. Имъ овладѣла безумная ярость отъ сознанія своей дѣтской безпомощности.

— Хочется мнѣ вырости,—бормоталъ онъ,—хочется стать взрослымъ—показалъ бы я имъ, всѣмъ этимъ людямъ, что болтаютъ... говорятъ такія вещи... потому что я маленькій мальчикъ!

Неподалеку отъ дома Джерому попались на встрѣчу еще два человѣка, и онъ явственно услыхалъ имя своего отца. Одинъ изъ нихъ протянулъ руку, чтобы задержать мальчика, проходившаго мимо, и крикнулъ

— Эй, малышъ! Никакъ ты сынишка Эдвардса?

— Пустите меня, говорятъ вамъ!—яростно заоралъ Джеромъ и побѣжалъ отъ нихъ со всѣхъ ногъ, словно разбушевавшійся жеребенокъ.

— Что это съ мальчишкой, бѣлены онъ объѣлся, что-ли?—молвилъ одинъ, отскочивъ въ сторону. И тотъ, и другой пріостановились, удивленно смотря вслѣдъ Джерому.

Джеромъ, придя домой и отворивъ дверь въ кухню, остановился въ изумленіи на порогѣ. Было почти десять часовъ,

а его мать и Эльмира принялись стряпать пироги. Мать его пододвинулась къ столу и готовила тѣсто, а сестра его сбивала яйца.

Миссисъ Эдвардсъ обернулась къ сыну.

— Чего ты сталъ, разиня ротъ?—заговорила она своимъ рѣзкимъ нервнымъ голосомъ.—Поставь башмаки на полъ да принеси изъ чулана ту кварту съ молокомъ. Смотри, поосторожнѣе, не разлей его.

Джеромъ повиновался. Когда онъ ставилъ молоко на столъ, Эльмира бросила на него изъ подъ заплаканныхъ вѣкъ быстрый, жалобно-таинственный взглядъ. Въ плотно подвязанномъ у подбородка синемъ клѣтчатомъ передникѣ, она сидѣла на высокомъ деревянномъ стулѣ, обвивъ его своими маленькими голыми ножонками, и сбивала яйца деревянной ложкой въ большой чашкѣ.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ Джеромъ.

Ему отвѣтила за нее мать.

— Она мѣшаетъ желтки для пироговъ,—тебѣ не къ чему торчать здѣсь, словно ты никогда не видывалъ раньше, какъ ихъ дѣлаютъ.

— Никогда еще не видалъ, чтобы ты дѣлала пироги въ десять часовъ вечера,—отрѣзалъ Джеромъ.

— Неужели ты думаешь, что я такъ таки оставлю твоего отца пропасть и помереть совсѣмъ одного, а сама буду сидѣть какъ ни въ чемъ не бывало?

— Не понять мнѣ, что у тебя на мысли?

— Да развѣ ты не знаешь, что уже три дня, какъ онъ ушелъ изъ дому за этими дровами, да такъ и сгинулъ безъ вѣсти?

Джеромъ кивнулъ утвердительно головой.

— Неужели-жъ ты думаешь, что я оставлю это дѣло подъ спудомъ и дамъ людямъ забыть про покойника, и не будетъ по немъ ни похоронъ, ни поминокъ и ничего такого, что принято у добрыхъ людей? Я рѣшилась подождать до девяти часовъ вечера, а коли его не найдутъ, не сидѣть долѣе сложа руки... Я приготовила, что надо, для похоронъ. Я послала сказать Паулинѣ Маріи, твоей теткѣ Бэлиндѣ, чтобы онѣ пришли помочь мнѣ. Генри приходилъ сюда узнать, не слыхала ли я чего нибудь, и я наказала ему идти домой и сказать своей матери, чтобы она пришла сюда, и по дорогѣ сказать то же Паулинѣ Маріи. Тутъ завтра хлопотъ будетъ не мало до двухъ часовъ по полудни, а мнѣ самой не справиться, надо кого нибудь на подмогу. Утромъ ты запряжешь лошадь и отправишься въ Западное Захолустье, позовешь Амэлію и ея мать, и родныхъ Лидди Стоксъ. Извѣстить Гриновъ не будетъ времени, да притомъ они намъ десятая вода на киселѣ, ло-

шади у нихъ нѣтъ, а нанимать подводу имъ не по карману. Ну, а теперь возьми-ка вонъ ту вилку, приподыми крышку съ котла и попробуй вилкой, начинаютъ ли развариваться сушеныя яблоки.

За эти три дня маленькое треугольное лицо Эннъ Эвардсъ сильно похудѣло и постарѣло, но черные глаза ея по прежнему сверкали огнемъ. Голосъ ея надорвался и хрипѣлъ на высокихъ нотахъ отъ продолжительныхъ рыданій, но по прежнему звучалъ повелительно. Она держала на колѣняхъ деревянную чашку съ опарой и размѣшивала ее съ безнадежной рѣшимостью, скорбно сжавъ свои губы, словно то былъ осадокъ ея собственной чаши горестей.

Скоро по дорожкѣ къ дому послышались голоса и шаги. Дверь отворилась, и въ комнату вошли двѣ женщины—Паулина Марія, жена Адонирама Джедда, и Бэлинда, жена Озіаса Ламба.

Первая заговорила Бэлинда Ламбъ. Это была женщина среднихъ лѣтъ съ хорошенькимъ поблекшимъ личикомъ. Свѣтлые волосы вились кудрями вдоль ея нѣжныхъ худыхъ щекъ, а голубые глаза смотрѣли совершенно по дѣтски, хотя въ настоящую минуту они покраснѣли отъ тихихъ слезъ. Она казалась молодой дѣвушкой, которую, подобно цвѣтку, опалило черезчуръ сильное солнце, отчего вылиняли яркія краски, но она всетаки оставалась молодой дѣвушкой. Бэлинда постоянно улыбалась, словно наивная, глупая дѣвчонка, и вѣчная улыбка ея подчасъ такъ раздражала степенныхъ и строгихъ обитательницъ Новоанглійской деревни, что онѣ невольно хмурили брови за ея спиной. Паулина Марія Джеддъ и Эннъ Эдвардсъ безсознательно вытянули свои лица, когда она заговорила. Слова ея, повидимому, вовсе не нарушали спокойной усмѣшки, приподнимавшей углы ея губъ.

— Я торопилась поспѣть во время,—сказала она тихимъ голосомъ,—но вѣдь это неправда, что сказалъ Генри?

— Что неправда?—грозно спросила Эннъ.

— Неправда, что у тебя будутъ похороны?

Голубые глаза Бэлинды снова наполнились слезами, которыя медленно покатились по ея нѣжнымъ щекамъ, но ни одинъ мускулъ лица ея не шевельнулся и она продолжала улыбаться.

— А почему бы у меня не быть похоронамъ?

— Но вѣдь, Эннъ, какъ же могутъ у тебя быть похороны, коли нѣтъ... коли его не нашли?

— Хотѣлось бы мнѣ знать, почему имъ не быть!

Бэлинда глядѣла на нее во всѣ свои голубые плачущіе глаза съ безпомощнымъ удивленіемъ ребенка.

Попытка общей исторіи русской фабрики.

Въ Николаевскую эпоху, по словамъ г. Туганъ-Барановскаго, «окончательно сложилась въ руководящихъ классахъ нашего общества своеобразная теорія, которая заключаетъ въ зародышевомъ состояніи многія черты народничества нашего времени, осложненныя, правда, другими, крѣпостническими элементами. Теорія эта,—продолжаетъ онъ—имѣвшая вполнѣ націоналистическій характеръ, одинаково раздѣлялась какъ оффиціальными сферами, такъ и руководящими органами общественнаго мнѣнія. Въ особенности яркое выраженіе она получила у славянофиловъ» (279). Въ качествѣ основной черты этой, столь распространенной, теоріи авторъ указываетъ предпочтеніе, оказываемою ею мелкой промышленности передъ крупными фабриками. По взгляду славянофиловъ, какъ его формулируетъ авторъ, мануфактурная промышленность имѣетъ важное значеніе для народа, но «наиболѣе желательна мелкая сельская промышленность, которая является особенностью Россіи» (279). Это предпочтеніе мелкой промышленности, высказывавшееся въ «Москвитянинѣ», какъ въ недолгую эпоху редакторства И. В. Кирѣевскаго, такъ и въ пору безраздѣльнаго хозяйничанья въ немъ Погодина, раздѣлялось и другимъ журналомъ этой эпохи, «Библіотекой для Чтенія», служившей органомъ крайнихъ крѣпостническихъ мнѣній. Враждебные по отношенію къ крупному фабричному производству взгляды легли въ основу и извѣстной книги Гакстгаузена, авторъ которой видѣлъ въ организаціи кустарныхъ артелей подъ надзоромъ правительственныхъ чиновниковъ и въ сохраненіи земельной общины панацею для Россіи отъ соціальныхъ золъ Запада. Въ свою очередь, «взгляды прусскаго барона на общину, артель и многія другія особенности хозяйственнаго строя Россіи были восприняты Герценомъ и вообще той школой общественныхъ дѣятелей и публицистовъ, въ которой Герценъ и Чернышевскій являются самыми яркими именами» (285). Взгляды литературы раздѣлялись и дѣятелями правительства. Министръ финансовъ Канкринъ несочувственно смотрѣлъ на западную крупную фабрику и видѣлъ преимущество Россіи въ томъ, что русская фабричная система не разрывала связи работника съ землею. Эта связь

въ его глазахъ предохраняла самихъ фабричныхъ рабочихъ отъ крайней нищеты, а государство—отъ ихъ опасныхъ волненій, и благодаря ея существованію въ Россіи не могъ образоваться фабричный пролетаріатъ. «Взгляды на фабричный вопросъ другого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля Николаевской эпохи, графа Киселева, были вполнѣ сходны со взглядами Канкрина» (295). Въ концѣ 50-хъ годовъ адептомъ тѣхъ же самыхъ взглядовъ выступилъ руководимый Чернышевскимъ «Современникъ». Приведемъ цѣликомъ относящееся сюда заключеніе автора. «Современникъ» — говоритъ онъ — «не былъ безусловнымъ противникомъ фабрики, такъ какъ и фабрика даетъ заработокъ населенію, но онъ рѣшительно предпочиталъ ей кустарную промышленность. По данному вопросу «Современникъ» вполнѣ сходился во взглядахъ съ воззрѣніями крѣпостниковъ николаевской эпохи. Это совпаденіе въ высшей степени характерно. Политическій радикализмъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, по своей экономической программѣ, имѣлъ реакціонный характеръ. Само собою разумѣется, экономическіе идеалы Канкрина и Чернышевскаго были также различны, какъ и ихъ политическіе идеалы. Но при оцѣнкѣ современнной экономической дѣйствительности Чернышевскій по многимъ вопросамъ могъ подать руку Канкрину. Мелкое производство, патріархальный строй находили защитниковъ въ нихъ обоихъ» (478). Эти воззрѣнія были восприняты и развиты еще далѣе и рѣшительнѣе въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ. Въ этомъ журналѣ уже Елисеевъ «идетъ гораздо дальше Чернышевскаго въ осужденіи фабрикъ. Чернышевскій признавалъ извѣстную пользу за фабриками потому, что какъ ни какъ, а все же онѣ доставляютъ заработокъ населенію, Елисеевъ не признаетъ и этого. По его мнѣнію, если бы фабрики въ Россіи были закрыты, то питающееся отъ нихъ населеніе легко нашло бы себѣ другія занятія... Тѣмъ не менѣе Елисеевъ не дѣлаетъ отсюда вывода о желательности немедленнаго закрытія всѣхъ фабрикъ. Для этого онъ былъ слишкомъ практичный человѣкъ. Елисеевъ совѣтуетъ путемъ соотвѣтствующей торговопромышленной политики направить наше промышленное развитіе по болѣе «естественному» руслу» (490). Наконецъ, «въ наиболѣе категорической формѣ отрицательное отношеніе къ фабрикѣ и капиталу вообще проявилось въ статьяхъ г. Михайловскаго. Г. Михайловскій пошелъ гораздо дальше Елисеева, который, со своей практической сметкой, не рѣшался доходить до крайнихъ выводовъ исповѣдуемой имъ теоріи». Въ статьяхъ же г. Михайловскаго «мы имѣемъ передъ собой экономическую программу, въ которой «развитіе отечественной промышленности» прямо объявляется равносильнымъ «нищетѣ и гибели русскаго народа». Единственнымъ средствомъ спасенія русскаго народа отъ «гибели» является, слѣдовательно, прекращеніе промышленнаго развитія Россіи». «Если сравнить,— прибавляетъ еще авторъ—разсужденіе г. Михайловскаго о фабричномъ вопросѣ и крестьянинѣ съ таковыми же разсужденіями «Духа Журналовъ», то сходство окажется весьма значительнымъ. Я уже

отмѣчалъ, что Чернышевскій въ вопросѣ о крупномъ и мелкомъ производствѣ оказался въ полномъ согласіи съ господствующими воззрѣніями консервативныхъ экономистовъ крѣпостной эпохи... Передовые публицисты 70-хъ годовъ пошли еще дальше своихъ предшественниковъ, и г. Михайловскій прямо и открыто заявилъ себя противникомъ экономическаго прогресса страны» (492, 495). Внѣ этого длиннаго ряда противниковъ фабрики и защитниковъ мелкаго производства авторъ ставитъ лишь либеральные журналы 30-хъ и 40-хъ годовъ, которые не особенно интересовались фабричнымъ вопросомъ, но и не относились враждебно къ фабрикѣ, и группу либераловъ-фритредеровъ 60-хъ годовъ, которые «выражали собой не столько интересы аграрнаго класса, сколько интересы финансоваго и биржевого міра», и, преклоняясь передъ буржуазнымъ строемъ Западной Европы, «горячо сочувствовали всякой свободѣ, особенно же свободѣ въ области промышленности и торговли».

Итакъ, славянофилы, «Библіотека для Чтенія», Герценъ, консервативные министры Николая I, Чернышевскій и «Отечественныя Записки» 70-хъ годовъ—такова прямая линія, проведенная въ русской литературѣ г. Туганъ-Барановскимъ, или, если угодно, таковъ клубокъ, сплетенный имъ. Рядъ сопоставленій, произведенныхъ авторомъ, въ самомъ дѣлѣ болѣе напоминаетъ клубокъ, который необходимо предварительно распутать для того, чтобы оцѣнить по достоинству его составныя части. Раньше только одно замѣчаніе. Если бы г. Туганъ-Барановскій говорилъ о простомъ совпаденіи нѣкоторыхъ частныхъ мнѣній у различныхъ литературныхъ и общественныхъ группъ, его указанія могли бы быть любопытны, но не представляли бы собой еще ничего особеннаго. Исторія идей нерѣдко является сложнымъ переплетомъ весьма разнообразныхъ явленій. Часть крѣпостниковъ XVIII вѣка доказывала невозможность освобожденія крестьянъ тѣмъ соображеніемъ, что освобожденный безъ земли крестьянинъ все равно останется рабомъ помѣщика, а одна изъ группъ аболиціонистовъ XIX столѣтія этимъ же соображеніемъ доказывала необходимость освобожденія съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ. Дѣло, стало быть, не столько въ аргументахъ, сколько въ тѣхъ взглядахъ, для защиты которыхъ они приводятся. Но г. Туганъ-Барановскій и говоритъ не объ аргументахъ, а о «полномъ согласіи взглядовъ», о тождествѣ «экономической программы» названныхъ имъ группъ, исключая изъ этого тождества лишь конечный идеалъ. Итакъ, будемъ распутывать и для начала воспользуемся помощью самого г. Туганъ-Барановскаго.

Славянофилы въ своихъ взглядахъ на фабрику были, по его словамъ, предшественниками народничества нашего времени. Не совсѣмъ ясно при этомъ, что разумѣетъ онъ подъ послѣднимъ терминомъ, въ литературѣ ближайшихъ къ намъ лѣтъ получившимъ столь широкій и неопредѣленный смыслъ. Судя по общему характеру дѣлаемыхъ авторомъ сопоставленій, можно однакоже догадываться,

что онъ включаетъ въ составъ этого понятія направленіе, представлявшееся «Современникомъ» 60-хъ и «Отеч. Записками» 70-хъ годовъ, быть можетъ, присоединяя сюда еще и другія, не вполнѣ совпадавшія съ только что указаннымъ, теченія общественной мысли. Не будемъ уже останавливаться на томъ, что экономическія воззрѣнія славянофиловъ не отличались особенной ясностью и никогда не были приведены въ стройную и законченную систему. Послушаемъ лишь, какъ самъ авторъ опредѣляетъ, на основаніи статей «Москвитянина» эти воззрѣнія въ вопросѣ о фабричномъ производствѣ въ Россіи. «Признавая преимущества кустарной промышленности, по тому вліянію, которое сельская жизнь оказываетъ на нравственный складъ народа, славянофилы въ то же время признаютъ необходимость и фабрикъ—въ городахъ. Они отнюдь не враждебны и капиталистическому способу производства, но лишь съ тѣмъ условіемъ, правда, совершенно невыполнимымъ, чтобы оно сохраняло патріархальный характеръ. Въ городахъ . . . должны быть сосредоточены крупныя фабрики, выдѣлывающія предметы роскоши; въ селахъ же должна остаться мелкая крестьянская промышленность, изготовляющая предметы необходимости» (280). Фабрикѣ приписывалось, сверхъ того, важное назначеніе—распространять улучшенные пріемы производства и оказывать морализирующее вліяніе на рабочихъ. «Отношеніе фабриканта къ рабочимъ опредѣляется очень простой формулой: фабрикантъ—отецъ, рабочіе—его дѣти» (280 — 1). Наконецъ, на практической почвѣ, въ вопросѣ о тарифной политикѣ, «Москвитянинъ» «энергично высказывается въ пользу тарифа 1822 г.» (281), иначе говоря, въ пользу таможенной охраны интересовъ русскаго крупнаго производства, которыми и былъ вызванъ данный тарифъ. Ко всему этому г. Туганъ-Барановскій могъ бы еще прибавить, что нѣкоторые изъ наиболѣе видныхъ славянофиловъ сами являлись насадителями и распространителями фабричнаго производства въ деревняхъ, основаннаго притомъ какъ на вольнонаемномъ, такъ и на крѣпостномъ трудѣ. Хомяковъ, устроивъ въ своей данковской деревнѣ сахарный заводъ, на которомъ примѣнялся вольнонаемный трудъ, заявлялъ даже, будто «предпринялъ заводъ съ видами эмансипаціи». Въ сызранскомъ имѣніи Самариныхъ существовала фабрика, на которой работали дворовые какъ этого, такъ и самарскаго ихъ имѣнія *). Любопытная позднѣйшая эволюція славянофильскихъ взглядовъ, въ результатѣ которой И. С. Аксаковъ проводилъ въ своихъ органахъ подъ покровомъ народныхъ началъ необходимость поддержки отечественнаго капитализма и теорію достаточности крестьянскихъ надѣловъ, а такой маленькій эпигонъ славянофильства, какъ г. Шараповъ, ратовалъ изъ религіознаго уваженія къ постамъ за дозволеніе фабрикантамъ отпускать изъ фабричныхъ лавокъ въ кредитъ

*) Р. Архивъ, 1884, кн. 4, с. 319; В. И. Семевскій, Крестьянскій вопросъ въ Россіи, II, 401 и 415, прим. 2.

рабочимъ сардинки, эта эволюція совсѣмъ не затронута въ изложеніи г. Туганъ-Барановскаго.

«Библіотека для Чтенія», предпочитая кустарное производство фабричному, тѣмъ не менѣе, по словамъ опять-таки самого автора, «энергично защищала покровительственную систему и признавала необходимость развитія фабричной промышленности въ Россіи» (283). Къ этому слѣдуетъ еще прибавить развѣ, что данный журналъ устами одного изъ постоянныхъ своихъ сотрудниковъ, нѣкоего Шелехова, рекомендовалъ помѣщикамъ заводить въ имѣніяхъ фабрики, дѣлая рабочими на нихъ дворовыхъ *), и тогда будетъ ясно, что фразы о мелкой промышленности не мѣшали, въ сущности, «Библіотекѣ для Чтенія» отстаивать интересы крупной фабрики въ обѣихъ ея главныхъ формахъ—вотчинной и основанной на вольнонаемномъ трудѣ.

Минуя Герцена, который, по указанію самого г. Туганъ-Барановскаго, не высказывался вполнѣ опредѣленно по вопросу о фабрикѣ и мелкой промышленности и вліяніе на котораго Гакстгаузена значительно преувеличено авторомъ, перейдемъ къ администраціи николаевской эпохи. Насколько можно заключить изъ приведеннаго выше сравненія, проводимаго г. Туганъ-Барановскимъ между Чернышевскимъ и Канкринымъ, онъ именно къ этому послѣднему примѣняетъ названіе крѣпостника. Канкринъ, однакоже, при всѣхъ своихъ консервативныхъ убѣжденіяхъ, крѣпостникомъ всетаки не былъ. Съ другой стороны, чисто крѣпостническія симпатіи «Библіотеки для Чтенія» къ вотчинной фабрикѣ находили себѣ соотвѣтствующій отголосокъ и въ высшихъ административныхъ сферахъ николаевскаго времени, не отмѣченный у автора. Такъ, въ 1827 г. при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ вопроса о продажѣ людей порознь безъ земли Тутолминъ предлагалъ дозволить лицамъ, имѣющимъ право владѣть фабриками и заводами, покупать крестьянъ и дворовыхъ людей на вотчинномъ правѣ **). Возвращаясь къ Канкрину, слѣдуетъ сказать, что его симпатіи къ мелкому производству вытекали главнымъ образомъ изъ страха передъ возможностью образованія фабричнаго пролетаріата; но подобныя опасенія легко устранялись въ его глазахъ тѣмъ соображеніемъ, что въ тогдашней Россіи и фабричные рабочіе вербовались изъ крестьянъ, не порывавшихъ окончательно связи съ землею. Такимъ образомъ эти симпатіи не выходили изъ области теоріи, для которой самъ ея авторъ не находилъ никакого практическаго примѣненія. Во всякомъ случаѣ послѣднее обстоятельство не помогаетъ намъ понять, почему г. Туганъ-Барановскій счелъ возможнымъ рядомъ съ Канкринымъ поставить и Киселева, признавъ его взгляды

---

*) Библіотека для чтенія, 1842, статья Д. Шелехова: «О дворовыхъ людяхъ, ихъ содержаніи и средствахъ уменьшенія дворни».

**) Семевскій, Крестьянскій вопросъ въ Россіи, II, 11—12.

въ данномъ вопросѣ «вполнѣ сходными» со взглядами перваго. Въ доказательство такого сходства онъ цитируетъ, правда, одну фразу изъ приводимаго Заблоцкимъ-Десятовскимъ отрывка записки Киселева 28 ноября 1842 г., но эта фраза не даетъ еще права на подобное заключеніе, особенно, если привести ее цѣликомъ, а не оборвать на половинѣ, какъ дѣлаетъ г. Туганъ-Барановскій. «Я всегда полагалъ и полагаю,—писалъ Киселевъ,—что для Россіи вѣрнѣйшая фабричная промышленность та, которая, находясь въ связи съ произведеніемъ мѣстной почвы, процвѣтаетъ отъ земли и, въ то же время, поощряетъ внутреннее земледѣліе, и что по ходу торговыхъ дѣлъ и общественнаго мнѣнія запретительныя системы, въ покровительство туземныхъ мануфактурныхъ издѣлій установленныя, рано или поздно замѣнятся болѣе пространными торговыми оборотами, по видамъ и свойству каждаго края и народа». Единственно, что можно вывести изъ этой фразы,—это, что Киселевъ не былъ сторонникомъ протекціонизма, но о принципіальной враждѣ къ фабрикѣ здѣсь нѣтъ и рѣчи. Для такой вражды тѣмъ менѣе могло быть мѣста во взглядахъ Киселева, что въ фабрикѣ онъ видѣлъ одно изъ средствъ къ началу ослабленія крѣпостного права: еще въ 1816 г. онъ предлагалъ установить «нѣкоторую независимость» крѣпостныхъ крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ и къ той же мысли—опредѣленія закономъ повинностей такихъ крестьянъ—возвращался въ 1835 г. *).

Такимъ образомъ, литературныя и общественныя группы, взятыя нами вслѣдъ за г. Туганъ-Барановскимъ въ николаевской Россіи, врядъ-ли могутъ быть правильно охарактеризованы однимъ фактомъ общаго имъ всѣмъ нерасположенія къ крупной фабричной промышленности. У нѣкоторыхъ изъ нихъ такое нерасположеніе вовсе отсутствовало. У другихъ—и такихъ было большинство—оно не выходило изъ области общихъ фразъ, ни къ чему не обязывавшихъ ихъ авторовъ, которые на почвѣ практическихъ требованій являлись рьяными сторонниками этой самой крупной промышленности, даже въ крѣпостной ея формѣ, и защищали покровительство ей со стороны государства. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда симпатія къ мелкой промышленности была нѣсколько серьезнѣе, какъ это было у славянофиловъ, она сосредоточивалась по преимуществу не на экономической сторонѣ вопроса и не сопровождалась принципіальною враждой къ капиталистическому способу производства. Симпатія къ кустарю, соединенная съ возведеніемъ фабриканта въ отцы рабочаго, восхваленіе мелкой промышленности, сопровождаемое требованіемъ государственнаго покровительства для крупной фабрики,—таковы тѣ экономическія представленія и программы, которымъ, по-

*) Заблоцкій-Десятовскій, Графъ П. Д. Киселевъ и его время, II, 200 IV, 38.

мнѣнію г. Туганъ-Барановскаго, по многимъ вопросамъ могли подать руку Чернышевскій и дѣятели «От. Записокъ».

Обратимся еще къ «экономическимъ реакціонерамъ» этого послѣдняго лагеря въ изображеніи г. Туганъ-Барановскаго. Къ слову сказать, это опредѣленіе не такъ ужъ ново, только въ старые годы оно давалось упомянутому лагерю съ другой стороны, въ устахъ представителей которой оно было нѣсколько понятнѣе, хотя, конечно, степень его справедливости была та же самая. Еще Молинари писалъ въ своемъ «Курсѣ политической экономіи» о новомъ анти-либеральномъ направленіи и еще Чернышевскій, въ своемъ разборѣ этого курса, отвѣчалъ: «мы видимъ, что соціализмъ анти-либераленъ; если такъ, мы не понимаемъ, почему же онъ не въ милости у консерваторовъ» *). На русской почвѣ опредѣленіе, данное Молинари, тоже повторялось не разъ, если не съ большею убѣдительностью, то пожалуй, съ еще бо̀льшимъ пыломъ. Г. Головачовъ, напримѣръ, въ книжкѣ, изданной въ 1873 г., людей, которые «полагаютъ, что современное развитіе цивилизаціи противоположно интересамъ большинства», называлъ «умственными кастратами», «нравственными недоносками», «близорукими, ограниченными и односторонними умами», которые, вооружаясь противъ современной цивилизаціи, противъ свободнаго промышленнаго прогресса», уподобляются ретроградамъ: «съ точки зрѣнія ретроградовъ надо регулировать свободу слова, съ точки зрѣнія радикаловъ—свободу экономическую. **) Г. Туганъ-Барановскій, надо отдать ему честь, не употребляетъ столь сердитыхъ словъ, а, съ другой стороны, ему извѣстна и причина, въ силу которой упомянутые экономическіе реакціонеры не пользовались расположеніемъ консерваторовъ: виноватъ былъ въ этомъ ихъ политическій радикализмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Туганъ-Барановскій съ своей точки зрѣнія усматриваетъ реакціонность упомянутаго направленія не въ протестахъ его представителей противъ свободы промышленнаго прогресса, а въ ихъ симпатіи къ «отсталымъ экономическимъ формамъ крѣпостной Россіи». По степени этой симпатіи и сопровождающаго ее нерасположенія къ фабрикѣ онъ устанавливаетъ далѣе среди писателей этой группы извѣстную градацію: Чернышевскій признаетъ все же за фабриками нѣкоторую пользу, Елисеевъ не видитъ отъ нихъ никакой пользы и по смыслу своихъ взглядовъ долженъ бы требовать немедленнаго закрытія всѣхъ фабрикъ и заводовъ, но его останавливаетъ отъ такого требованія практическая сметка, наконецъ, г. Михайловскій объявляетъ себя рѣшительнымъ врагомъ экономическаго прогресса страны. Присмотримся поближе къ этой небезлюбопытной схемѣ.

Взгляды «Современника» на фабрику и мелкое производство

*) Современникъ, 1860, № 9. с. 91.

**) А. Головачовъ, Вопросы государственнаго хозяйства. Спб. 1873, с. 73—4.

переданы г. Туганъ-Барановскимъ, на основаніи помѣщенной въ этомъ журналѣ безъ подписи, но принадлежащей, по всей вѣроятности, перу Чернышевскаго рецензіи на книгу Шипова: «Хлопчатобумажная промышленность», довольно точно. Желаніе прямого покровительства со стороны государства мелкой домашней промышленности и допущеніе такого покровительства по отношенію къ фабрикамъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда его требуютъ интересы занятыхъ на нихъ рабочихъ и когда оно не противорѣчитъ интересамъ домашней промышленности — таковы были эти взгляды, въ основѣ которыхъ лежало рѣшительное предпочтеніе домашняго кустарнаго производства крупному фабричному. Но уже въ изложеніи г. Туганъ-Барановскимъ взглядовъ руководителей «Отеч. Записокъ» мы опять имѣемъ случай наблюдать столь характерныя для автора небрежность въ передачѣ фактовъ и неточность въ выводахъ изъ нихъ. Для характеристики Елисеева онъ беретъ статью: «Производительныя силы Россіи» и на основаніи ея утверждаетъ, что названный писатель не признавалъ никакой пользы за фабриками. Раскрываемъ указанную статью и читаемъ въ ней: «Мы не вдаемся здѣсь въ разсужденія г. Колюпанова о фритредерахъ, о необходимости у насъ фабричнаго дѣла, о скудости и бѣдствіи государствъ чисто земледѣльческихъ и т. п. Все, что говоритъ г. Колюпановъ о фритредерахъ, о необходимости размноженія у насъ фабрикъ, о скудости и бѣдствіи чисто-земледѣльческихъ государствъ и т. п., все это, безспорно, истинно. Но мы должны присовокупить къ этому, что у насъ нѣтъ и людей, которые старались бы поколебать или подвергнуть сомнѣнію сіи святыя истины» *). Очевидно, утвержденіе г. Туганъ-Барановскаго не совсѣмъ правильно или основано на какомъ-то недоразумѣніи. Въ чемъ же можетъ состоять послѣднее? Пусть намъ поможетъ объяснить это писатель, достаточно авторитетный въ глазахъ самого г. Туганъ-Барановскаго. «Когда,— говоритъ г. Вешняковъ,—у насъ въ 1867 г. приступлено было къ новому пересмотру тарифа, съ цѣлью притомъ болѣе фискальною, съ полною гласностью всѣхъ предположенныхъ измѣненій, съ широкимъ приглашеніемъ экспертовъ и депутатовъ изъ среды промышленнаго сословія для участія въ работахъ тарифной коммиссіи, то въ нашемъ обществѣ и литературѣ поднялась цѣлая буря, и отечество было почти объявлено въ опасности. Если бы исполнены были всѣ требованія многочисленныхъ экспертовъ и депутатовъ промышленности, то нашъ тарифъ шагнулъ бы, вѣроятно, лѣтъ на 20 назадъ. Не было почти статьи, въ которой бы не предлагалось повысить существовавшія съ 1857 годъ пошлины, причемъ нерѣдко требовалось повышеніе вдвое, втрое, вчетверо и даже болѣе противъ прежнихъ пошлинъ» **). Въ

---

*) Отеч. Записки, 1868, № 2, с. 492.

**) В. И. Вешняковъ, Русская промышленность и ея нужды. Вѣстникъ Европы, 1871, № 4, с. 671.

самый разгаръ этого-то «объявленія отечества въ опасности» фабрикантами и появилась статья Елисеева, въ значительной мѣрѣ служившая именно отвѣтомъ на вопли крайнихъ протекціонистовъ. Елисеевъ указывалъ въ ней, что подъ давленіемъ крѣпостного права, тяготѣвшаго надъ всею экономическою жизнью Россіи, ненормально развивалась и фабричная промышленность. Благодаря возможности легкаго прикрѣпленія къ фабрикамъ рабочей силы, онѣ часто возникали безъ всякаго соображенія съ естественными условіями мѣстности и дальнѣйшее развитіе производства становилось возможнымъ лишь подъ условіемъ убыточнаго для массы потребителей тарифнаго покровительства. Съ паденіемъ крѣпостного права невыгодныя условія такого фабричнаго производства, не основаннаго на правильномъ экономическомъ разсчетѣ, выступили явственнѣе, оттого и зависятъ усилія фабрикантовъ создать для своей поддержки высокій тарифъ. Но для государства уступать этимъ усиліямъ, поддерживать не имѣющія настоящей будущности производства, значило бы вступать на ложный путь, поддерживать и укрѣплять существующее зло, вмѣсто того, чтобы бороться съ нимъ. Сюда и относятся слова Елисеева о существующей еще въ данное время возможности для рабочаго населенія перенести паденіе старинныхъ крѣпостныхъ фабрикъ, возможности, которая, однако, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ уменьшаться. Насколько правильно, однако, поняты эти слова г. Туганъ-Барановскимъ, дѣлающимъ изъ нихъ выводъ, что Елисеевъ, подобно «какому-нибудь Бастіа», отрицаетъ бѣдствія промышленныхъ кризисовъ, можетъ показать слѣдующая цитата. «Что же, спросятъ насъ, дѣлать?—пишетъ Елисеевъ.—Вѣдь нельзя же закрыть всѣхъ фабрикъ, заведенныхъ искусственно въ мѣстахъ, по природнымъ условіямъ неблагопріятныхъ для производства, и существующихъ только при поддержкѣ тарифа? Конечно, нельзя, отвѣтимъ мы, но и поощрять ихъ возвышеніемъ тарифа, размножать, усиливать никакъ не слѣдуетъ. Разъ навсегда должно быть принято неизмѣннымъ правиломъ, что тарифъ въ цѣломъ своемъ составѣ пересматривается только въ виду несомнѣнныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ отечественною промышленностью, и не иначе, какъ только для своего пониженія, а никакъ не для возвышенія». Поддерживать тарифомъ производства, не могущія выдержать конкурренціи, по мнѣнію Елисеева, не стоитъ. «Но рядомъ съ этимъ могутъ и должны быть поощряемы преміями, разными мѣстными льготами всѣ тѣ начинающіяся производства въ широкихъ размѣрахъ, которыя обѣщаютъ будущность, которыя заводятся въ мѣстахъ, по природнымъ условіямъ благопріятныхъ для производства, которыя имѣютъ цѣлью обработку продуктовъ, обильныхъ въ странѣ». Въ качествѣ примѣра онъ совѣтуетъ далѣе вмѣсто покровительства бумажнымъ фабрикамъ «обратить вниманіе на фабричную обработку льна и холста» *). Можно держаться различныхъ мнѣній насчетъ

*) «Отеч. Записки», 1868, № 2, с. 462.

частныхъ взглядовъ Елисеева, можно, напримѣръ, соглашаться или спорить съ тѣмъ, что фабричная промышленность должна быть основана на туземномъ сырьѣ,—это будетъ зависѣть отъ воззрѣній критика. Этихъ взглядовъ г. Туганъ-Барановскій и не касается. Но когда онъ на основаніи статьи, направленной противъ крайностей протекціонизма, предлагающей замѣнить таможенное покровительство однимъ фабрикамъ иного рода поощреніями для другихъ, дѣлаетъ выводъ, что авторъ этой статьи не признаетъ за фабриками никакой пользы и готовъ бы немедленно закрыть ихъ всѣ, если бъ не практическая сметка, онъ, кажется, переступаетъ предѣлы обязанностей, налагаемыхъ на него принятой имъ ролью историка экономическихъ идей въ русской литературѣ.

Не менѣе, пожалуй, любопытенъ, хотя и въ иномъ нѣсколько смыслѣ, комментарій г. Туганъ-Барановскаго къ другой статьѣ «Отеч. Записокъ», помѣщенной въ этомъ журналѣ въ февралѣ 1870 года по поводу книги Флеровскаго: «Положеніе рабочаго класса въ Россіи». Въ статьѣ этой, озаглавленной: «Отчего трудно поправляться нашему рабочему?» изложенію данныхъ Флеровскаго предпослано небольшое введеніе. Въ немъ авторъ говоритъ, что вопросъ о рабочихъ совершенно игнорируется у насъ, а между тѣмъ онъ не можетъ получить для насъ вполнѣ правильнаго освѣщенія въ одной западно-европейской разработкѣ, благодаря различію положенія рабочаго на Западѣ, гдѣ онъ въ большинствѣ случаевъ безземельный батракъ, и въ Россіи, гдѣ онъ имѣетъ землю и хозяйство. Послѣднее обстоятельство заставляетъ нашихъ патріотовъ считать положеніе русскаго рабочаго завиднымъ въ сравненіи съ западнымъ пролетаріемъ. «Положеніе, продолжаетъ авторъ, если хотите, дѣйствительно завидное во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, намъ нѣтъ нужды такъ тяжело задумываться надъ устройствомъ нашего рабочаго класса, какъ задумываются на Западѣ; не нужно пріискивать точки опоры для развитія его матеріальнаго благосостоянія. Эта точка опоры—кусокъ земли и хозяйство, у него есть,—нужно только позаботиться о томъ, чтобы его не спихнули съ этого фундамента его состоянія разные его благожелатели. Во вторыхъ, какъ бы ни были неблагопріятны и тяжки условія его настоящаго существованія, мы, пока онъ твердо сидитъ на этомъ своемъ фундаментѣ, можемъ смотрѣть на нихъ какъ на временныя и поправимыя. Но... мы должны тщательно всматриваться въ условія, которыми обставленъ нашъ рабочій. Ибо условія эти могутъ быть такъ неблагопріятны и, день ото дня ухудшаясь все болѣе и болѣе, могутъ сложиться, наконецъ, такимъ роковымъ образомъ, что сорвутъ его и съ его фундамента. Вопросъ не въ томъ только: есть ли у рабочаго надѣлъ земли или нѣтъ, а и въ томъ, обезпечиваетъ ли его та земля, которою онъ владѣетъ, въ его существованіи или не обезпечиваетъ? Иначе сказать, можетъ ли нашъ рабочій, обрабатывая тотъ надѣлъ земли, который данъ ему... не нуждаться ни въ какихъ стороннихъ заработкахъ, или онъ не мо-

жетъ этого и непремѣнно долженъ искать заработковъ на сторонѣ, чтобы имѣть пропитаніе? Если допустимъ послѣднее, то очевидно, что онъ, хотя и временно, находится въ положеніи западнаго пролетарія, ибо также не обезпеченъ въ своемъ существованіи, какъ и послѣдній, также поставленъ въ зависимость отъ капитала, отъ случайныхъ требованій на личный трудъ. Но поземельнымъ надѣломъ, которымъ онъ владѣетъ, не рѣшается даже вопросъ о томъ, чье положеніе лучше—его ли, обладателя участка земли, или безземельнаго западнаго пролетарія. Ибо для этого нужно предварительно изслѣдовать, насколько поземельный участокъ въ дѣйствительности облегчаетъ зависимость нашего крестьянина отъ капитала, отъ случайныхъ заработковъ и всегда ли облегчаетъ? Затѣмъ, какимъ образомъ пріобрѣтается имъ остальное необходимое для жизни, и даже еще пріобѣтается ли? Есть ли необходимые для этого заработки? Обезпечены ли они для всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, для большаго количества нуждающихся рукъ? Какъ цѣнится и оплачивается у насъ трудъ рабочаго? Гарантированъ ли сколько-нибудь нашимъ правительствомъ этотъ трудъ въ своемъ свободномъ, вообще правильномъ употребленіи? Вотъ корни русскаго рабочаго вопроса, въ которые до сихъ поръ пристально никто не взглядывалъ» *). Приведя взятую нами цитату, съ опущеніемъ, правда, нѣсколькихъ характерныхъ фразъ, вродѣ указанія на тождество положенія ищущаго работы крестьянина съ положеніемъ пролетарія или на небходимость изслѣдованія обезпеченности заработковъ у крестьянъ и способа ихъ оплаты, г. Туганъ-Барановскій пишетъ затѣмъ всего четыре, но за то четыре крайне любопытныя строчки. «Итакъ,—говоритъ онъ—нашъ рабочій вопросъ заключется, главнымъ образомъ, въ сохраненіи полнаго земельнаго обезпеченія крестьянина. *Рабочій* (курсивъ, какъ и дальше, г. Туганъ-Барановскаго) вопросъ подмѣняется *крестьянскимъ* вопросомъ, какъ будто это одно и то же. *Рабочій* отождествляется съ мелкимъ собственникомъ» (492).

Вотъ по истинѣ наивное удивленіе. Признаться, мы, въ свою очередь, изумлены этимъ негодующимъ протестомъ ученаго изслѣдователя, протестомъ, въ которомъ можно видѣть развѣ блестящее доказательство того, какъ исключительно западная разработка рабочаго вопроса, по выраженію автора статьи «Отеч. Записокъ», «даетъ фальшивое освѣщеніе» тому же вопросу у насъ. Рабочій вопросъ сводится главнымъ образомъ къ аграрному,—удивляется г. Туганъ-Барановскій. Но вѣдь даже по разсчету самого г. Туганъ-Барановскаго, $^2/_3$ населенія Россіи и въ настоящее время занято земледѣліемъ. Въ дѣйствительности, земледѣльческое населеніе Россіи еще многочисленнѣе, а въ 1870 г., всего черезъ девять лѣтъ послѣ крестьянской реформы, трудящагося населенія, окончательно оторвавшагося отъ земли, было значительно

*) «Отеч. Записки», 1870, № 2 (у г. Туганъ-Барановскаго по ошибкѣ ссылка сдѣлана на январьскую книжку), с. 497—9.

меньше, нежели теперь. Не естественно ли интересы наиболѣе многочисленныхъ группъ трудящагося населенія ставить именно на первомъ планѣ, что, конечно, не должно вести къ забвенію интересовъ остальныхъ группъ? И не сводятся ли, далѣе, интересы земледѣльцевъ главнымъ образомъ именно къ аграрному вопросу? Но при этомъ рабочій отождествляется съ крестьяниномъ, съ мелкимъ собственникомъ, продолжаетъ изумляться г. Туганъ-Барановскій. На этомъ пунктѣ мы перестаемъ; однако, понимать ученаго автора. Мы знаемъ, правда, что за послѣднее время въ нашей литературѣ, или, вѣрнѣе, въ одной ея части, вошло въ моду называть крестьянъ мелкими собственниками и даже мелкими буржуа, но полагаемъ, что для такой моды нѣтъ серьезныхъ основаній и во всякомъ случаѣ нѣтъ причины вводить эту модную терминологію въ науку, требующую точности выраженій. Въ деревнѣ, несомнѣнно, имѣются элементы, подходящіе подъ понятіе буржуазныхъ, и, къ слову сказать, изображеніемъ возникновенія и роста этихъ элементовъ мы болѣе всего обязаны именно той литературѣ, которую теперь тоже въ модѣ именовать носительницей мелко-буржуазныхъ идеаловъ. Но эти элементы деревни — особь статья. Въ массѣ же нашъ крестьянинъ не можетъ быть, конечно, серьезно называемъ мелкимъ буржуа. Понятіе это совершенно неприложимо къ русскому крестьянину, который не можетъ извлечь достаточнаго для жизни дохода изъ своего земельнаго участка иначе, какъ вложивъ въ него свой личный трудъ. Въ лицѣ крестьянина соединены такимъ образомъ собственникъ и производитель, рабочій, и, нужно еще прибавить, послѣдній рѣшительно преобладаетъ надъ первымъ. Г. Туганъ-Барановскому, конечно, прекрасно извѣстенъ тотъ фактъ, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи крестьянская земля едва оплачиваетъ, а то даже и не оплачиваетъ лежащихъ на ней платежей, такъ что все необходимое для пропитанія себя и своей семьи крестьянинъ вынужденъ добывать путемъ стороннихъ заработковъ. Даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ доходность крестьянскихъ участковъ стоитъ на сравнительно высшей ступени, ихъ владѣльцы очень часто, если не въ большинствѣ случаевъ, не могутъ ограничиться доходомъ съ этихъ участковъ и должны въ той или иной формѣ выносить на рынокъ свой личный трудъ, о чемъ говоритъ и авторъ статьи «Отеч. Записокъ», цитируемой г. Туганъ-Барановскимъ. Небезызвѣстно послѣднему, разумѣется, и то обстоятельство, что значительная часть нашихъ фабричныхъ рабочихъ состоитъ изъ крестьянъ, часто не порвавшихъ окончательно своей связи съ землею. Въ виду этого странно, какъ можетъ ученый экономистъ характеризовать русскихъ крестьянъ однимъ признакомъ мелкой собственности, какъ бы упуская совершенно изъ виду элементъ труда. Авторъ статьи «От. Записокъ» поступалъ едва ли не правильнѣе своего суроваго критика, опредѣляя крестьянскій классъ, какъ классъ рабочій, и въ то же время не смѣшивая его съ фабричнымъ пролетаріатомъ.

Наконецъ, передъ нами г. Михайловскій — сторонникъ «прекра-

щенія промышленнаго развитія Россіи», «противникъ экономическаго прогресса страны»... Впрочемъ, внимательность г. Туганъ-Барановскаго къ изучаемымъ имъ писателямъ и его способность пониманія ихъ идей доходятъ до того, что, рекомендуя г. Михайловскаго своимъ читателямъ въ качествѣ врага экономическаго прогресса Россіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выписываетъ изъ его сочиненій слѣдующія строки: «Дѣло только въ томъ, чтобы сосредоточить орудія производства въ рукахъ представителей труда. Все, становящееся поперекъ дороги къ этой цѣли — будь это свобода, промышленность, желѣзная дорога, грандіозный финансовый планъ, самоуправленіе—подлежитъ уничтоженію, которое будетъ и выгодно, и справедливо. Истинная свобода, правильно организованная, полезная промышленность, не шулерская финансовая комбинація, нужная желѣзная дорога, истинное самоуправленіе не могутъ стоять въ противорѣчіи съ интересами народа, или, что то же, труда». И еще: «кредитъ, промышленность, эксплоатація природныхъ силъ страны—все это вещи сами по себѣ прекрасныя... Но тѣмъ не менѣе всѣ эти прекраснѣйшія сами по себѣ вещи, если они направлены не къ благу непосредственно трудящихся классовъ, а къ благу пирамидальнаго цѣлаго, даютъ прискорбнѣйшіе результаты». Дѣло, кажется, настолько ясно, настолько говоритъ само за себя, что особенно распространяться по его поводу не предстоитъ надобности. Лишь для того, чтобы не оставить мѣста никакимъ недоразумѣніямъ, мы позволимъ себѣ продолжить одну изъ выписокъ, дѣлаемыхъ г. Туганъ-Барановскимъ изъ сочиненій Н. К. Михайловскаго. «Представимъ себѣ,—писалъ послѣдній въ 1873 г., говоря о русской прессѣ и ея отношеніи къ вопросамъ «развитія отечественной промышленности,—представимъ себѣ, что публицисты наши завтра измѣнятъ свою точку зрѣнія и объявятъ себя служителями непосредственно народа, только народа. Представимъ себѣ, что они не только не провоцируютъ облегченія учрежденія акціонерныхъ компаній, развитія отечественной промышленности, кредита и пр., но постоянно обращаютъ вниманіе общества на оборотную сторону этихъ явленій. Представимъ себѣ далѣе, что публицисты вырабатываютъ широкую систему спеціально-народнаго кредита; что вмѣсто всевозможныхъ субсидій, гарантій и привилегій частнымъ предпринимателямъ и обществамъ они требуютъ государственной помощи для сохраненія въ народѣ имѣющихся уже у него орудій производства и пріобрѣтенія новыхъ; что нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерныя компаніи, а производительныя артели; что успѣховъ земледѣлія они не отдѣляютъ отъ условій благопріятнаго положенія земледѣльца, свободы труда—отъ самостоятельности рабочаго и пр., и пр. Что будетъ, если всѣ эти домогательства публицистовъ осуществятся или приблизятся къ осуществленію? Производство и потребленіе будутъ, конечно, расти, потому что наши гипотетическіе публицисты не думаютъ враждовать съ кредитомъ, съ машинами, съ принципомъ сочетанія эконо-

мическихъ силъ и со всѣми другими помощниками человѣка. Но такъ какъ машины, напримѣръ, они предполагаютъ состоящими въ рукахъ трудящихся классовъ, то машины эти не могутъ уже отнять у кого-нибудь заработокъ. Или, такъ какъ нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерную компанію, подрывающую и разоряющую въ извѣстной мѣстности мелкія хозяйства, а соединеніе самыхъ этихъ мелкихъ хозяйствъ, то понятно, что такому товариществу разорять некого. А между тѣмъ товарищество это, между членами котораго нѣтъ ни спекулянтовъ, ни незаинтересованныхъ въ производствѣ, повело бы свое дѣло лучше акціонерной компаніи. Итакъ, программа нашихъ гипотетическихъ публицистовъ, направленная единственно ко благу народа, попутно достигаетъ общихъ экономическихъ результатовъ, по крайней мѣрѣ не худшихъ, чѣмъ тѣ, которые радуютъ сердца теперешнихъ нашихъ публицистовъ. Добиваясь національнаго богатства, мы его получаемъ; но получаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ нищету народа; добиваясь благосостоянія народа, мы получаемъ и его, и національное богатство» *).

Читатель, надѣемся, не посѣтуетъ на насъ за эту длинную выписку изъ статьи, быть можетъ, хорошо ему знакомой. Изъ сопоставленія ея съ приведенными выше словами г. Туганъ-Барановскаго во всякомъ случаѣ окончательно выясняются два небезынтересные факта. Во-первыхъ. г. Туганъ-Барановскій, такъ рѣшительно объявляющій себя сторонникомъ теоріи классовыхъ интересовъ, какъ оказывается, недоволенъ именно разсмотрѣніемъ экономическихъ явленій съ точки зрѣнія интересовъ трудящихся классовъ и желаетъ признанія за этими явленіями безусловной, абсолютной цѣнности. Во вторыхъ, характеризуя г. Михайловскаго, какъ врага экономическаго прогресса, онъ совершенно не замѣтилъ того, что протестъ разбираемаго имъ писателя направлялся вовсе не противъ промышленнаго развитія Россіи, а лишь противъ водворенія въ ней тѣхъ формъ соціальнаго быта, съ которыми такое развитіе оказывалось сопряженнымъ въ практикѣ тогдашней жизни, но съ которыми оно вовсе не обязательно соединяется въ теоріи. Благодаря этому капитальному недосмотру, совершенно искажающему существо дѣла, задача историка русской публицистики и въ данномъ случаѣ врядъ ли можетъ считаться вполнѣ удачно выполненной со стороны автора «Русской фабрики».

Наши параллели къ изложенію г. Туганъ-Барановскимъ воззрѣній этой публицистики закончены и мы можемъ подвести теперь нѣкоторый общій итогъ. Совершенно справедливо, что та часть русской литературы 60-хъ и 70-хъ годовъ, которая была представлена сперва «Современникомъ», а затѣмъ «Отечественными Записками»,

---

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Т. I, Спб. 1895. Изъ литературныхъ журнальныхъ замѣтокъ 1873 года, с. 834—5.

не проявляла симпатій къ капитализму и фабрикѣ и несравненно сочувственнѣе, чѣмъ къ послѣдней, относилась къ мелкой домашней промышленности. Но совершенно невѣрно утвержденіе г. Туганъ-Барановскаго, будто эти воззрѣнія явились развитіемъ взглядовъ, высказанныхъ уже славянофильскими, крѣпостническими и вообще консервативными публицистами и дѣятелями николаевской эпохи. Точно такъ же совершенно невѣрно другое его утвержденіе, будто въ той литературѣ, о которой идетъ рѣчь, сторонники кустарной промышленности въ своей защитѣ ея постепенно обращались въ противниковъ экономическаго прогресса страны. Градація, установленная въ этомъ смыслѣ авторомъ между Чернышевскимъ, Елисеевымъ и г. Михайловскимъ, всецѣло относится къ области совершенно произвольныхъ и ничѣмъ неоправдываемыхъ построеній. Ошибка автора, какъ намъ кажется, въ обоихъ этихъ случаяхъ проистекала изъ одного и того же источника, заключаясь въ неправильномъ способѣ изслѣдованія изучаемыхъ литературныхъ явленій. Погнавшись за частными воззрѣніями и аргументами, которые легко могутъ оказаться сходными у самыхъ различныхъ партій, онъ увлекся въ однихъ случаяхъ этимъ случайнымъ сходствомъ, въ другихъ — рѣзкостью отдѣльныхъ выраженій, имѣющихъ вполнѣ опредѣленный смыслъ въ общей связи идей, но въ значительной мѣрѣ утрачивающихъ эту опредѣленность, когда ихъ выхватываютъ изъ такой связи,— и за тѣмъ и другимъ забылъ отчетливо выставить тотъ общій принципъ указанной литературы 60-хъ и 70-хъ годовъ, изъ котораго истекали всѣ взгляды ея дѣятелей въ экономическихъ вопросахъ. Подобный путь изслѣдованія, естественно, крайне опасенъ и, пародируя пріемы г. Туганъ-Барановскаго, нетрудно было бы съ такимъ же успѣхомъ доказать, что Чернышевскій, когда онъ защищалъ крестьянскій надѣлъ и земельную общину, являлся, въ сущности, преемникомъ и ученикомъ крѣпостника екатерининской эпохи, князя М. М. Щербатова. А впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ, скоро что-нибудь подобное будутъ и серьезно доказывать намъ. Не даромъ г. Туганъ-Барановскій говоритъ о реакціонномъ характерѣ вообще экономической программы «Современника», не оговариваясь даже, что такая ея «реакціонность» проявляясь только по отношенію къ вопросамъ промышленности. Во всякомъ случаѣ основной принципъ этой программы, равно какъ и программы «Отеч. Записокъ», найти было не трудно,—столько разъ онъ повторялся въ этихъ журналахъ. Онъ можетъ быть выраженъ въ немногихъ словахъ: продуктъ труда долженъ всецѣло принадлежать трудящимся, для достиженія чего необходимымъ условіемъ является прежде всего принадлежность работнику земли и орудій производства, которая, въ свою очередь, можетъ быть всего успѣшнѣе достигнута путемъ ассоціаціи работниковъ. Таковъ былъ основной принципъ, изъ котораго истекали затѣмъ всѣ остальные, частные взгляды дѣятелей названной литературной группы, съ высоты котораго они оцѣнивали всѣ представлявшіяся ихъ раз-

бору явленія экономической жизни, въ томъ числѣ и вопросъ о фабрикѣ и кустарной промышленности, дорожа въ послѣдней именно нахожденіемъ орудій производства въ рукахъ работника и видя въ этомъ обстоятельствѣ благопріятное условіе для настоящаго и возможную точку опоры для развитія въ будущемъ. Правиленъ или неправиленъ былъ этотъ взглядъ,—мы разбирать сейчасъ не будемъ. Но, конечно, совершенно напрасной тратой силъ было бы разыскивать его зачатки въ славянофильской либо консервативной — не говоримъ уже о крѣпостнической прессѣ николаевскаго періода. Его источники лежатъ совсѣмъ въ другой сторонѣ. Не менѣе безплодной является и попытка доказывать, что проведеніе этого взгляда въ литературѣ 70-хъ годовъ вело къ провозглашенію необходимости экономическаго застоя, къ отказу отъ промышленнаго развитія. По крайней мѣрѣ, устами того писателя, которому подобное провозглашеніе теперь приписывается, оно въ свое время было признано теоретически, правда, возможнымъ, но «неразумнымъ» *). Поводы къ зачисленію дѣятелей этого литературнаго лагеря въ ряды «экономическихъ реакціонеровъ» представляются такимъ образомъ не особенно серьезными, если не призрачными.

Но если по отношенію въ данному направленію г. Туганъ-Барановскій проявляетъ нѣкоторую, доходящую, пожалуй, до излишества, враждебность и несомнѣнную близорукость, въ результатѣ которыхъ въ его изложеніи создались серьезные пробѣлы и недоразумѣнія, то съ другой стороны, въ этомъ послѣднемъ имѣется и пробѣлъ иного рода, для котораго, быть можетъ, даже труднѣе найти объясненіе. Та точка зрѣнія, согласно которой процессъ, водворяющій крупную промышленность и отлучающій производителя отъ орудій производства, является вполнѣ необходимымъ и въ конечномъ итогѣ благотворнымъ, имѣла въ русской жизни и литературѣ представителей и защитниковъ, недостаточно полно характеризованныхъ или даже вовсе не отмѣченныхъ г. Туганъ-Барановскимъ. Въ виду того, что послѣднимъ эта точка зрѣнія въ ея наиболѣе общей формулировкѣ признается, повидимому, единственно справедливой и прогрессивной, такой пробѣлъ, имъ допущенный, можетъ показаться тѣмъ болѣе страннымъ. Мы не возьмемъ на себя задачи восполнить его, такъ какъ для этого потребовалось бы много мѣста, а наши замѣтки о книгѣ г. Туганъ-Барановскаго и такъ разрослись до размѣровъ могущихъ найти себѣ оправданіе развѣ въ важности поднимаемаго ею вопроса. Но, не принимая на себя подобной задачи во всемъ ея объемѣ, мы позволимъ себѣ напомнить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя характерныя черты явленій литературной и общественной жизни, опущенныхъ въ изложеніи автора «Русской фабрики». Послѣдній, говоря о русскихъ общественныхъ теченіяхъ XIX столѣтія, намѣ-

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Т. I. Спб. 1896. Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 года, с. 756.

чаетъ среди нихъ такія, послѣдовательно смѣнявшіяся, группы сторонниковъ крупнаго фабричнаго производства: фабриканты и промышленное дворянство александровской эпохи, западническій кружокъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, либералы-фритредеры эпохи реформъ, представлявшіе главнымъ образомъ интересы финансоваго и биржевого міра, и протекціонисты того же времени, на которыхъ онъ, впрочемъ вовсе не останавливается, «потому что ихъ общественная позиція, какъ защитниковъ интересовъ фабрикантовъ, была вполнѣ ясна» (475, прим. 2). Въ характеристику сгруппированныхъ такимъ образомъ явленій и даже въ самую ихъ группировку могутъ быть внесены немаловажныя порою дополненія. Въ качествѣ представителя промышленнаго дворянства первой четверти вѣка авторъ, какъ мы уже видѣли, разсматриваетъ Мордвинова, причемъ говоритъ лишь объ литературной его дѣятельности или, вѣрнѣе, объ одной его книгѣ: «Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи», въ которой Мордвиновъ выступилъ сторонникомъ русской крупной промышленности и установленія въ ея охрану запретительнаго тарифа. Практической дѣятельности Мордвинова, какъ члена государственнаго совѣта, г. Туганъ-Барановскій вовсе не касается, хотя эта дѣятельность нерѣдко имѣла даже публицистическій оттѣнокъ, такъ какъ мнѣнія Мордвинова въ государственномъ совѣтѣ и записки, подававшіяся имъ по разнымъ поводамъ правительству, часто въ рукописныхъ спискахъ расходились въ обществѣ. Между тѣмъ въ этихъ мнѣніяхъ и запискахъ взгляды ихъ автора на вопросы, относящіеся къ русской промышленности, сказались, въ сущности, полнѣе и отчетливѣе, чѣмъ въ упомянутой его книгѣ. Мордвиновъ не ограничивался по отношенію къ крупной промышленности однимъ желаніемъ таможеннаго покровительства, которое устраняло бы отъ нея опасность иностранной конкурренціи. Онъ шелъ дальше и предъявлялъ къ правительству требованіе еще болѣе рѣшительныхъ и непосредственныхъ мѣръ для развитія отечественнаго крупнаго производства. Еще въ 1801 г. онъ представилъ императору Александру проектъ особаго «трудопоощрительнаго банка», который долженъ былъ, между прочимъ, поощрять устройство фабрикъ и заводовъ, выдавая для этого деньги взаймы,—и послѣ того неоднократно возвращался къ этой идеѣ, проектируя, напр., въ 1811 г. создать особый капиталъ для устройства фабрикъ, чтобы устранить зависимость русскихъ предпринимателей отъ иностранныхъ промышленниковъ, или въ 1826 г.—основать спеціальный банкъ для заводчиковъ. Къ этой главной мысли—облегчить развитіе русской фабричной промышленности путемъ охраны ея отъ иностраннаго соперничества и снабженія ея со стороны правительства денежными средствами на льготныхъ условіяхъ,—у Мордвинова присоединялся еще рядъ второстепенныхъ проектовъ, ведшихъ къ той же самой цѣли. Такъ, въ особой запискѣ, представленной имъ правительству въ 1823 г., онъ для поднятія русскихъ финансовъ проектировалъ учрежденіе коммерческаго банка,

продажу казенныхъ оброчныхъ статей, устройство частныхъ банковъ въ городахъ, основаніе товариществъ, привлеченіе въ Россію англійскихъ капиталовъ и мастеровыхъ, распространеніе машиннаго производства, наконецъ, мѣры къ дальнѣйшему сокращенію иностраннаго ввоза. Тарифъ 1822 г. не удовлетворялъ его и онъ нѣсколько разъ настаивалъ на необходимости еще повысить пошлины и установить запретительный тарифъ на предметы, производившіеся въ Россіи *). Развитіе промышленности, для котораго требовалось столько усилій и жертвъ со стороны государства, въ умѣ Мордвинова неразрывно связывалось съ представленіемъ о дальнѣйшемъ гражданскомъ прогрессѣ страны. Рьяный крѣпостникъ, ревниво отстаивавшій самыя возмутительныя частности крѣпостного права, вродѣ продажи людей въ розницу на свозъ, и добивавшійся еще его распространенія путемъ раздачи дворянамъ казенныхъ крестьянъ и земель, онъ доказывалъ вредъ освобожденія, между прочимъ, и тѣмъ, что оно было бы гибельнымъ «въ странѣ, мало населенной и гдѣ денежные капиталы столь еще рѣдки, что едва безъ затрудненія могутъ быть оплачиваемы паханье и посѣвы прежде возвращенія жатвою издержекъ, употребленныхъ на нее». Въ эпоху либеральнаго настроенія правительства въ крестьянскомъ вопросѣ, при Александрѣ I, и онъ представилъ свой проектъ освобожденія крестьянъ. Но это былъ планъ такого освобожденія, которое совершилось бы «безъ насильственнаго расторженія связей, долгимъ временемъ укорененныхъ, безъ потрясенія правъ наслѣдственныхъ, какъ бы освященныхъ древностью и пріобрѣтенныхъ куплею», и не навлекло бы «никакому другому сословію непріятностей и потерь». Весь планъ сводился къ установленію правительствомъ размѣра личнаго выкупа отдѣльныхъ крестьянъ, который долженъ былъ достигать крайне высокихъ суммъ, вродѣ 2,000 за взрослаго работника или 100 р. за двухлѣтняго ребенка. При всемъ томъ Мордвиновъ не предполагалъ уже вѣчнаго существованія крѣпостного права, но моментъ его прекращенія онъ относилъ въ своихъ планахъ къ тому времени, когда благодаря развитію промышленности и успѣхамъ земледѣлія «возможемъ мы пріобрѣсти денежные капиталы, достаточные для предварительнаго найма рабочихъ рукъ, и когда продажа урожаевъ нашихъ будетъ съ избыткомъ вознаграждать насъ. Тогда никакой помѣщикъ не пожелаетъ имѣть на землѣ своей рабовъ и замѣнять трудъ ихъ уступкою имъ половины изъ угодьевъ земли, составляющей его собственность» **) Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ удобоисполнимости этихъ надеждъ на расцвѣтъ промышленности и земледѣлія при существованіи крѣпостного права, можно все таки сказать, что экономическій идеалъ

*) Иконниковъ, Графъ Н. С. Мордвиновъ. Спб. 1873, 44—5, 112—3, 455; 386—7; 396—7, 460.

**) Чтенія Моск. Общества Ист. и Древн., 1859, III, смѣсь, 51—8 и 1860, I, 1—60.

Мордвинова не ограничивался водвореніемъ фабричнаго производства въ крѣпостной Россіи, а захватывалъ и болѣе далекія перспективы: этотъ идеалъ составляли, съ одной стороны, помѣщики и промышленники, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались бы земля и денежные капиталы, съ другой—свободные лично сельскіе и фабричные рабочіе, равно лишенные земли и орудій производства.

То, что для Мордвинова представлялось скорѣе возможнымъ, чѣмъ желательнымъ, постепенно стало пріобрѣтать въ глазахъ значительной части русскаго дворянства все большую привлекательность. Идея беземельнаго освобожденія крестьянъ, сопровождаемаго обращеніемъ ихъ частью въ батраковъ крупныхъ землевладѣльцевъ, частью въ фабричныхъ рабочихъ, въ теченіе николаевской эпохи сдѣлала значительные успѣхи среди руководящихъ классовъ русскаго общества. Быть можетъ, наиболѣе откровеннымъ и рѣшительнымъ сторонникомъ этой идеи выступилъ кн. Меншиковъ, имѣвшій случай выразить свой взглядъ на данный вопросъ во время преній 1841 г. съ Киселевымъ по поводу проекта объ обязанныхъ крестьянахъ: «Неравенство владѣнія,—писалъ онъ, доказывая, что къ русскимъ крестьянамъ слѣдуетъ примѣнить эстляндскій способъ освобожденія,—неравенство владѣнія есть коренное начало всѣхъ обществъ, отъ котораго проистекаютъ ремесла, фабрики, мореходство, художества и науки. Вся масса народа не можетъ составлять хлѣбопашцевъ и для самаго совершенствованія хлѣбопашества нужны большіе участки и капиталы, слѣдовательно, нужны зажиточные крестьяне, фермеры и работники» *). Таковъ былъ настоящій реакціонный взглядъ этого періода, одинаково признававшій интересы крупнаго землевладѣльца и фабриканта, но не могшій примириться съ возможностью существованія самостоятельнаго сельскаго работника, являлся ли послѣдній въ сферѣ земледѣлія или промышленности. Въ изложеніи г. Туганъ-Барановскаго этотъ взглядъ остался однако, къ сожалѣнію, вовсе не отмѣченнымъ, и отчасти именно это обстоятельство, намъ кажется, и помѣшало автору достигнуть желательной точности въ сравнительной характеристикѣ различныхъ воззрѣній николаевскаго времени.

Переходя къ литературѣ по-реформеннаго періода въ ея отношеніяхъ къ фабрикѣ, мы и здѣсь можемъ найти въ изображеніи г. Туганъ-Барановскимъ взглядовъ этой литературы довольно серьезный пробѣлъ. Характеризуя отношеніе къ фабрикѣ и кустарю фритредеровъ 60-хъ годовъ, авторъ говоритъ: «писатели, начавшіе свою литературную дѣятельность въ николаевскую эпоху, еще не могутъ вполнѣ освободиться отъ недовѣрія къ фабрикѣ... Напротивъ, болѣе молодые и болѣе передовые писатели совершенно чужды антипатіи къ фабрикѣ и капиталистическому производству вообще» (470). Затѣмъ въ примѣръ первыхъ онъ приводитъ Горлова, вторыхъ—Вернадскаго, и

*) **Заблоцкій-Десятовскій, Графъ П. Д. Киселевъ и его время, IV 208.**

этимъ ограничивается. Но въ предѣлахъ, установленныхъ авторомъ для своего изслѣдованія, и за 60-ми годами, и внѣ собственно фритредерской литературы можно было найти довольно поучительные взгляды по вопросу объ отношеніяхъ фабрики и кустарнаго производства. Ограничимся лишь двумя примѣрами, которые, надѣемся, достаточно пояснять нашу мысль. Въ 1872 г. небезъизвѣстный газетный публицистъ г. Скальковскій, давая въ „Спб. Вѣдомостяхъ", тогдашней либеральной газетѣ, отчетъ о московской политехнической выставкѣ, писалъ между прочимъ: «Въ послѣднее время очень много разсуждали о кустарной промышленности, собирали даже о ней коекакія свѣдѣнія и писали статейки съ проектами поставить кустарное производство на «раціональныя» основанія. Лучшимъ средствомъ для этого рекомендовалось начало ассоціаціи. Признавая пользу артельнаго начала, которое въ кустарномъ дѣлѣ отчасти и приложено, нельзя все таки не признать, что всѣ попеченія о благѣ кустарной промышленности—чистая блажь и происходятъ по большей части отъ незнанія условій промышленнаго производства вообще и кустарнаго производства въ особенности... Невѣжество и неприхотливость потребителей, крѣпостное право, неумѣнье расцѣнить свой трудъ, недостатокъ фабрикъ и заводовъ и прикрѣпленіе людей къ землѣ, болѣе всего по отсутствію удобныхъ средствъ къ передвиженію, поддерживали временно существованіе подобнаго способа производства; но при устройствѣ настоящихъ фабрикъ и заводовъ онъ теряетъ свой **raison d'être** и долженъ исчезнуть, какъ исчезъ въ государствахъ даже менѣе развитыхъ, нежели Россія... Если мы нашу промышленность, взамѣнъ силы пара, техническаго и денежнаго капитала, будемъ угощать экономическими теоріями и проектами, то польза будетъ не очень велика, а къ тому, кажется, и клонятся предполагаемыя улучшенія кустарнаго производства» *). Два года спустя въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества» появилась, отчасти, кажется, вызванная тою же московскою выставкой, статья г. Пудовикова: «Кустарная промышленность». Авторъ этой статьи очень сурово относится къ кустарямъ. Кустарь, по его словамъ, плохой ремесленникъ, но плохой и земледѣлецъ; земледѣльческій трудъ кустаря г. Пудовиковъ даже прямо называетъ «глупымъ трудомъ». Единственной серьезной причиной возникновенія кустарныхъ промысловъ является хищническое земледѣльческое хозяйство крестьянина, истощающее почву, и его нежеланіе перейти къ болѣе совершеннымъ системамъ хозяйства. Но «кустарный трудъ по природѣ своей противоположенъ началу раздѣленія труда, которое одно и даетъ труду способность постепенно увеличивать его производительную силу». Не имѣя возможности повышать производительность своего труда, кустарь принужденъ увеличивать его количество: его рабочій день «фабричнымъ рабочимъ, конечно, показался бы слишкомъ длиннымъ, но на

*) «Спб. Вѣдомости», 1872 г., № 177.

то они и фабричные, народъ, слѣдовательно, избалованный». Но какъ ни великъ трудъ кустаря, заработокъ его остается ничтожнымъ и фабричный и въ этомъ отношеніи передъ нимъ счастливецъ. «Итакъ,—заключалъ свои выводы г. Пудовиковъ,—кустарная промышленность въ качествѣ подспорья земледѣлію оказываетъ гибельное вліяніе на земледѣльческій трудъ и подрываетъ хозяйство. Кустарная же промышленность, какъ форма промышленности, не имѣетъ никакого будущаго. Ни кредитъ, ни артели, ни устраненіе міроѣдства не спасутъ ее отъ постепеннаго вымиранія. Этими средствами можно лишь продлить агонію 10 милліоновъ кустарей и больше ничего. Если они не могутъ возвратиться къ земледѣлію и только въ немъ искать себѣ средствъ существованія, то пусть превращаются въ фабричныхъ рабочихъ. Единственное средство помочь кустарямъ, какъ рабочимъ,—это измѣнить самые способы производства, внести въ ихъ трудъ правильное распредѣленіе, словомъ—сдѣлать изъ нихъ фабричныхъ рабочихъ» *).

Такимъ образомъ и въ литературѣ 70-хъ годовъ торжество капиталистической фабрики и гибель кустаря провозглашались необходимыми въ интересахъ промышленности и земледѣлія,—фактъ опять-таки недостаточно полно отмѣченный г. Туганъ-Барановскимъ, сосредоточившимъ свое вниманіе исключительно на первомъ мотивѣ. Было-бы нетрудно показать, что за этими черезчуръ общими формулами и въ данномъ случаѣ стояли болѣе конкретные интересы крупнаго промышленника и землевладѣльца. Въ настоящее время та же необходимость и въ значительной мѣрѣ при помощи тѣхъ же аргументовъ утверждается г. Туганъ-Барановскимъ въ интересахъ самого трудящагося населенія. Дѣлая это сопоставленіе, мы, конечно, не хотимъ сказать имъ ни того, что идеалъ г. Туганъ-Барановскаго одинаковъ съ идеаломъ только что упомянутой части литературы, ни того даже, что пути ихъ къ достиженію этихъ идеаловъ безусловно одинаковы. Мы хорошо знаемъ, что и въ своемъ конечномъ идеалѣ и въ пути, къ нему выбираемомъ, г. Туганъ-Барановскій далеко не всецѣло сходится съ прежними поклонниками фабрики на русской почвѣ. Но уже одинъ фактъ значительнаго совпаденія ихъ взглядовъ и выводовъ долженъ бы былъ, намъ кажется, побудить автора внимательнѣе отнестись къ прежней литературѣ и точнѣе выяснить и разграничить тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ въ разное время доказывалась необходимость и благотворность окончательнаго водворенія капиталистическаго производства въ Россіи. Нѣкоторую черту сходства съ старой литературой, восхвалявшей капитализмъ, представляетъ, пожалуй, у г. Туганъ-Барановскаго и тотъ крайній оптимизмъ, съ которымъ онъ относится къ данному процессу. Одного сравненія заработной платы рабочихъ на фабрикахъ Московской и Владимірской губерній за 1883 и 1896 гг., приводящаго его къ выводу, что

*) Труды В. Э. Общ. 1874. т. III, сс. 70, 81, 78, 80, 84.

реальная заработная плата рабочихъ въ этотъ періодъ времени, *повидимому*, возросла, оказывается для него достаточнымъ, чтобы перейти къ утвержденію, что Россія, по всей вѣроятности, пережила уже всѣ худшія фазы переходнаго къ окончательному господству капитализма періода (411—12). Признаемся, когда мы оглядываемся вокругъ, на рядъ бѣдствій, постигшихъ крестьянское населеніе Россіи въ послѣднія десятилѣтія, и припоминаемъ ту связь, въ какой стояли эти бѣдствія съ водвореніемъ капиталистическаго хозяйства, утѣшеніе г. Туганъ-Барановскаго звучитъ для насъ горькой ироніей. Но — блаженъ, кто вѣруетъ...

Читатель въ правѣ ждать отъ насъ общаго заключенія о книгѣ г. Туганъ-Барановскаго. Имѣя въ виду все сказанное, мы будемъ кратки въ этомъ заключеніи. Неполнота фактическаго матеріала и не всегда удачные пріемы автора въ обращеніи съ нимъ, проистекающая отсюда чрезмѣрная смѣлость заключеній и вмѣстѣ недостаточная ясность ихъ, наконецъ, неустойчивость основныхъ выводовъ составляютъ замѣтные недостатки въ книгѣ г. Туганъ-Барановскаго. Благодаря имъ, если видѣть въ ней, какъ этого хотѣлъ самъ авторъ, попытку общей исторіи русской фабрики, придется, кажется, признать, что эта попытка осталась во многомъ неуспѣшной. Само собою, однако, это не лишаетъ еще книгу г. Туганъ-Барановскаго значенія спеціальнаго изслѣдованія по исторіи русской промышленности, которое для лицъ, интересующихся послѣдней, можетъ оказаться полезнымъ частными выводами автора и, особенно, сообщаемымъ имъ новымъ матеріаломъ.

В. Мякотинъ.

Къ вопросу о призрѣніи прокаженныхъ на Дону.

Въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за текущій годъ помѣщена статья г. Ганейзера „У прокаженныхъ (въ Терской области)“. Не безъ удовольствія пришлось намъ констатировать, что высказанныя почтеннымъ авторомъ соображенія о томъ, на чьей обязанности должна лежать забота о призрѣніи несчастныхъ лепрозныхъ, выброшенныхъ изъ своей среды, совершенно сходятся съ тѣми, которыя мы имѣли случай высказать въ № 223 „Донской Рѣчи“ отъ 28 октября этого года въ замѣткѣ: „Къ вопросу объ устройствѣ лепрозоріи въ Ростовскомъ на Дону округѣ“.

Проказа на Дону существуетъ десятки лѣтъ. Профессоръ

Минкъ (извѣстный нашъ лепрологъ) лѣтъ 15 тому назадъ демонстрировалъ больныхъ проказой Обществу донскихъ врачей въ Новочеркаскѣ. Въ Донской области была даже сооружена лепрозорія, которая вскорѣ оказалась упраздненной — за отсутствіемъ больныхъ; исчезли-ли таковые, или условія и режимъ пріюта мало манили ихъ,—объ этомъ опредѣленно высказаться трудно; можно скорѣй предположить второе, такъ какъ извѣстно, что прокаженные въ Донской области не перевелись и понынѣ. Была-ли донская лепрозорія сооружена на частныя или войсковыя средства, намъ также неизвѣстно. Фактъ тотъ, что пріютъ закрылся, и винить въ томъ едва-ли можно то обстоятельство, что казачье сословіе отличается якобы такимъ матеріальнымъ достаткомъ и такой обезпеченностью, что безпризорные и неимущіе здѣсь совершенно отсутствуютъ. Очевидно, изъянъ лежалъ въ организаціи самаго убѣжища, если больные разбрелись изъ него по своимъ домамъ и угламъ. Въ Ростовскомъ округѣ, составлявшемъ недавно почти всецѣло часть Екатеринославской губ., случаи проказы попадались то тамъ, то сямъ, и нашимъ земскимъ и городскимъ врачамъ таковые были небезызвѣстны: лепрозные искали исцѣленія и въ нашей городской больницѣ, и въ нашихъ земскихъ больничкахъ и амбулаторіяхъ. О нихъ никто не писалъ; ихъ не приходилось розыскивать. Они сами заботились о себѣ, снискивая пропитаніе: одни, способные еще къ труду—своимъ обычнымъ земледѣльческимъ и рыболовнымъ промысломъ; другіе—калѣки—подаяніемъ, нищенствуя на церковныхъ папертяхъ и ярмарочныхъ базарахъ.

Общественная медицина въ городѣ Ростовѣ-на-Дону и въ уѣздѣ, съ ея широкими запросами и неотложными требованіями, какъ борьба съ эпидеміями, организація оспопрививанія и проч., еще только формировалась, и столько было насущнаго дѣла, что о кучкѣ прокаженныхъ некогда и некому было думать. До нихъ-ли было, когда кругомъ дѣтишки гибли, какъ мухи, отъ разныхъ сезонныхъ и не сезонныхъ болѣзней, какъ дѣтскій поносъ, дизентерія, натуральная оспа, скарлатина, дифтеритъ, корь? О комъ нужно было позаботиться: о десяткѣ-ли калѣкъ-лепрозныхъ, въ ограниченной степени опасныхъ, или о сотняхъ жизней, которымъ каждодневно угрожала такая страшная болѣзнь, какъ сыпной тифъ? Вѣдь въ одной кагальницкой земской больницѣ, вскорѣ по ея открытіи, погибло нѣсколько душъ медицинскаго персонала отъ сыпного тифа; одинъ врачъ отъ непосильной работы получилъ неизлѣчимый психическій недугъ; имена всѣхъ этихъ честныхъ тружениковъ, піонеровъ ростовской земской медицины, памятны и теперь въ нашей сѣрой деревенской массѣ, хотя никто и не позаботился увѣковѣчить ихъ хотя бы скромными портретами, вывѣшенными въ той самой больницѣ, гдѣ ихъ застигла ранняя гибель.

Не прокаженные были страшны намъ, а сифилитики;—вотъ кто требовалъ заботы и кого приходилось регистрировать! Послѣ присоединенія къ Донской области Ростовскій-на-Дону уѣздъ, переименованный въ округъ, нѣсколько измѣнилъ свои территоріальныя границы: въ него вошли нѣкоторыя казачьи станицы, какъ сосѣдняя съ Ростовомъ Гниловская, Елизаветинская съ „хуторами", и такъ какъ тутъ лепрозныхъ было нѣсколько больше, то въ Ростовскомъ округѣ ихъ насчитывается теперь нѣсколько десятковъ. Если принять во вниманіе, что наша *окружная* медицина и по нынѣ, т. е. больше 10 лѣтъ со времени присоединенія, осталась съ тѣмъ наслѣдіемъ, какое получила отъ *уѣзднаго земства*; что къ бывшимъ на весь уѣздъ 2 небольшимъ больничкамъ, въ общемъ на 30 кроватей (въ с. Кагальникѣ и с. Александровкѣ) и къ нѣсколькимъ фельдшерскимъ амбулаторіямъ не прибавилось ни одной новой, а съ другой стороны — народонаселеніе за этотъ періодъ времени увеличилось,—то станетъ понятнымъ, какой непосильный трудъ лежитъ на нашихъ 2-хъ такъ называемыхъ „земскихъ" врачахъ, которымъ нерѣдко приходится фигурировать еще въ качествѣ судебныхъ врачей на вскрытіяхъ, экспертизахъ и проч.

Холерная эпидемія 92—94 годовъ, потребовавшая усиленія медицинскаго персонала въ деревняхъ, *временно* увеличила контингентъ врачей и фельдшеровъ въ нашемъ округѣ. Сильные взрывы эпидеміи, какъ дифтеритъ или оспа, заставляли донское врачебное отдѣленіе время отъ времени командировать сюда врача, такъ называемаго „эпидемическаго".

Пишущему эти строки пришлось въ 1893 и 1894 годахъ занимать подобную должность подъ титуломъ окружнаго санитарнаго врача. Это только кличка; но сколько разностороннихъ обязанностей таится подъ ней! сколько огорченій, хлопотъ и заботъ, горя, крупныхъ и мелкихъ дрязгъ приходится извѣдать ея носителю за періодъ дѣятельности въ деревнѣ: тутъ „борьба" не только съ эпидеміями—приходится лѣчить вообще отъ всѣхъ болѣзней, оказывать пособіе при трудныхъ родахъ,—и быть постоянно на сторожѣ въ ожиданіи какой-нибудь продѣлки темнаго сельскаго начальства или пакости со стороны въ видѣ анонимныхъ доносовъ и наущенія... Слово: „санитарія" въ примѣненіи къ деревнямъ нашего округа звучало и звучитъ горькой ироніей. Мерзость запустѣнія, царящая тамъ, нисколько не скрасилась даже усиленной „чисткой" въ ожиданіи и во время взрыва холеры, и всякія санитарныя мѣропріятія, даже при самыхъ энергичныхъ и настойчивыхъ попыткахъ ихъ примѣненія, превращались и превращаются на дѣлѣ въ жалкую пародію, въ печальную каррикатуру. Да иначе и быть не можетъ! Съ одной стороны—соціально-экономическій бытъ нашей деревни, съ ея нищетой, темнотой и примитивной культурой; съ другой—скудныя крохи,

ассигнуемыя на данную цѣль. И не удивительно, что, садясь за медико-топографическое описаніе своего участка, или, принимаясь за отчетъ о его санитарномъ состояніи, каждый разъ съ тоской въ груди задавалъ себѣ вопросъ: къ чему весь этотъ трудъ? „Зеленому сукну" на подстилку—и больше ни на что!

При такихъ обстоятельствахъ вопросъ о кучкѣ нашихъ прокаженныхъ незамѣтно растворяется въ массѣ другихъ, болѣе назойливыхъ и болѣе неотложныхъ, такъ сказать, основныхъ медико-санитарныхъ вопросовъ и до того *тѣсно* съ ними связанъ, что приступать къ его разрѣшенію, по нашему убѣжденію, можно не иначе, какъ предварительно хотя бы подготовивъ путь для разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ. И въ самомъ дѣлѣ, коснемся хоть бѣгло главныхъ сторонъ интересующаго насъ страданія: оно хроническое, въ настоящее время пока неизлѣчимое, въ извѣстной мѣрѣ переходчивое, и возбудителемъ его является весьма мало еще изученный въ біологическомъ отношеніи микроорганизмъ, единственнымъ носителемъ котораго является человѣкъ. Это страданіе, бывшее предметомъ законодательныхъ заботъ еще библейскаго Моисея, занесенное въ средніе вѣка крестоносцами въ Европу, гдѣ оно, благодаря господствовавшей нечистотѣ, плохому питанію и противогигіеническимъ условіямъ превратилось въ истый народный бичъ, — съ распространеніемъ цивилизаціи и культуры почти совершенно исчезло. Но, можно сказать, habent sua fata morbi — и болѣзни имѣютъ свою судьбу! Почти находившаяся столь долгое время въ забвеніи, проказа послѣдніе годы особенно шумно вынырнула на поверхность и въ данную минуту сдѣлалось почти модной. Ею занялись и бактеріологи, и дерматологи, и паталого-анатомы, и клиницисты и политики, и публицисты, и фотографы-любители и просто любители модныхъ вопросовъ, на которыхъ порой, подъ газетный трезвонъ, можно легко и выгодно себя прорекламировать.

Но какъ мало еще ушли мы отъ временъ Моисея, какъ близки еще къ крестоносцамъ, которые, какъ извѣстно, ничего другого не могли придумать для несчастныхъ прокаженныхъ, какъ тюрьмы-лазареты (лепрозоріи), куда носители тяжелаго недуга пожизненно водворялись, послѣ предварительнаго отпѣванія въ церкви и коимъ „гуманные послѣдователи Христа" не находили ничего лучшаго дать въ утѣшеніе, какъ *трещетки* для предупрежденія здоровыхъ отъ соприкосновеніями съ больными! Много есть у насъ хроническихъ болѣзней, мало или трудно-излѣчимыхъ въ деревенской средѣ, и весьма прилипчивыхъ, и переходчивыхъ лишь въ извѣстной мѣрѣ (сифилисъ, волчанка, туберкулезныя страданія железокъ, легкихъ и костей), однако, никому еще не приходило въ голову навсегда изолировать ихъ носителей—въ особые пріюты-лазареты. Наши лучшіе труженики на полѣ народной медицины всѣ одного мнѣнія, что необходимо дать крестьянину *широкій доступъ къ ра-*

зумному и *продуктивному лѣченію, не связанному никакими принудительными мѣрами*, и что для этого необходимо, съ одной стороны, *поднять его въ экономическомъ, культурномъ* и *просвѣтительномъ* отношеніяхъ; съ другой—дать ему побольше *постоянныхъ* (а не „*летучихъ*") врачей, больницъ, пріютовъ для безпризорныхъ;—тогда и *санитарная медицина* пойдетъ на благо нашего „сѣраго" собрата, и исчезнутъ изъ его среды разные цѣлители, въ родѣ *Комара*, лѣчившаго прокаженныхъ Александрійской станицы, или разныхъ *бабокъ Спицкихъ, Баштанокъ* и т. п., бывшихъ моихъ коллегъ-женщинъ во время моей врачебной дѣятельности въ деревнѣ. Наши лучшіе земскіе врачи, высказавшіеся противъ „*летучаго*" направленія, внесеннаго въ послѣднее время въ деревенскую медицину, навѣрно выскажутся противъ одного лишь устройства лепрозоріи тамъ, гдѣ прежде всего или, по крайней мѣрѣ, на ряду съ ними, нужно строить земскія больницы и амбулаторіи...

Но вернемся къ нашимъ донскимъ прокаженнымъ и посмотримъ, что для нихъ хотятъ сдѣлать. Три года тому назадъ прокаженные и у насъ стали героями дня. Ихъ начали собирать съ церковныхъ папертей и въ Ростовѣ, и въ Азовѣ, розыскивать по избамъ и шалашамъ и немедленно фотографировать. Это было весьма легко, такъ какъ всѣ больные „крымкой", какъ здѣсь называютъ проказу, у жителей каждой деревни или станицы съ подобными больными находятся въ точной извѣстности.

Замѣтимъ, кстати, что наши крестьяне и казаки не считаютъ „крымку" прилипчивой и не избѣгаютъ своихъ больныхъ земляковъ.

Почти годъ спустя здѣсь учредилось частное „Общество для борьбы съ проказой въ Ростовскомъ округѣ области Войска Донского и въ городахъ: Ростовѣ на Дону, Нахичевани и посадѣ Азовѣ". Уставъ этого общества утвержденъ военнымъ министромъ 13 марта 1898 года.

Оставляя положеніе „земской" медицины въ нашемъ округѣ in statu quo, названное общество задается слѣдующее цѣлью: „препятствовать распространенію проказы въ Ростовскомъ округѣ, а также въ городахъ: Ростовѣ на Дону, Нахичевани и пос. Азовѣ, посредствомъ учрежденія *лепрозорій* *) (*пріютовъ* для прокаженныхъ), въ которыхъ больные проказою найдутъ безвозмездно убѣжище, надлежащій уходъ и будутъ пользоваться указываемыми наукой лѣчебными средствами (§ 1). Средства общества составляются изъ: а) членскихъ взносовъ; б) пожертвованій, какъ деньгами, такъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, а также единовременныхъ и постоянныхъ пособій отъ членовъ общества, постороннихъ лицъ и разныхъ учрежденій; в) кружечныхъ и таре-

---

*) Курсивъ въ цитируемомъ нами уставѣ вездѣ нашъ.

Авт.

лочныхъ сборовъ по городскимъ и другимъ церквамъ въ Ростовскомъ округѣ и городахъ Ростовѣ на Дону, Нахичевани и пос. Азовѣ, собираемыхъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія подлежащаго духовнаго начальства; г) сбора съ кружекъ, выставленныхъ въ промышленныхъ, торговыхъ и другихъ учрежденіяхъ; д) сбора по книжкамъ и листамъ (§ 4). Для обезпеченія и развитія своихъ средствъ общество можетъ устраивать спектакли, балы и т. п. (§ 5). Общество имѣетъ право пріобрѣтать необходимую для его цѣлей движимую и недвижимую собственность, владѣть ею и отчуждать и проч. (§ 6). Дѣйствительные члены вносятъ единовременно 100 или ежегодно не менѣе 5 руб. (§ 11). Управленіе дѣлами общества распредѣляется между: а) Совѣтомъ, б) Правленіемъ и в) Общимъ Собраніемъ (15). Совѣтъ общества состоитъ изъ 17 членовъ, въ числѣ которыхъ должно быть 6 врачей (§ 17). Кромѣ 17 лицъ, избирается общимъ собраніемъ 9 кандидатовъ къ нимъ, въ томъ числѣ 3 врача (§ 19). На обязанности совѣта общества лежитъ, между прочимъ, учрежденіе и организація *лепрозорій* соразмѣрно имѣющимся средствамъ и высшій надзоръ за ними; забота о возможно большемъ увеличеніи денежныхъ средствъ общества; опредѣленіе *завѣдующаго врача для каждой изъ учреждаемыхъ лепрозорій*; командированіе *врачей* изъ состава членовъ для осмотра и пользованія больныхъ проказою въ мѣстахъ ихъ жительства (§ 25 пп. в, г, д, е.). Правленіе общества состоитъ изъ 5 членовъ, изъ коихъ по выбору совѣта одинъ предсѣдательствуетъ, а изъ остальныхъ 4 выбирается секретарь (врачъ) и казначей. Кромѣ секретаря—врача изъ членовъ правленія, долженъ быть еще 1 врачъ (§ 26). Въ предметы занятій очередныхъ общихъ собраніи входитъ, между прочимъ, „разрѣшеніе совѣту пріобрѣтать недвижи*мыя* имущ*ества* въ собственность общества, съ благотворительной цѣлью, отдавать имущества въ аренду и вообще управлять и завѣдывать ими; утвержденіе предположеній совѣта о постройкѣ *зданій* для лепрозо*рій*; обсужденіе и утвержденіе предложеній совѣта объ отчужденіи недвижи*мыхъ* имущ*ествъ* общества; *командированіе врачей изъ состава членовъ для изученія новѣйшихъ способовъ лѣченія въ спеціальныхъ научныхъ учрежденіяхъ подъ руководствомъ извѣстныхъ ученыхъ* (§ 38 д, е, ж, з). Капиталы общества раздѣляются на неприкосновенный, запасный, спеціальные и расходный (46)“.

Изъ приведенныхъ выдержекъ устава читатель видитъ, что тутъ все задумано и распланировано на широкую ногу, en graud... Здѣсь обо всемъ говорится во *множественномъ* числѣ: „лепрозо*ріи*, недвижи*мыя* имущ*ества*; командированіе вра*чей* для осмотра и пользованія больныхъ проказой въ мѣст*ахъ* ихъ жительства“; тутъ нашла себѣ мѣсто даже такая роскошь, какъ командированіе врачей въ спеціально-научныя учрежденія для изученія новѣйшихъ способовъ лѣченія проказы.

Очевидно, подумаетъ читатель: Ростовское общество борьбы съ проказой обладаетъ солидными капиталами, получило весьма крупныя пожертвованія, или насчитываетъ нѣсколько тысячъ членовъ-учредителей, или получило, наконецъ, обѣщаніе постоянной и щедрой правительственной субсидіи? Иначе, на что надѣялось оно, ставя себѣ такую широкую цѣль съ такой широкой программой?! Но въ такомъ случаѣ, самъ же усомнится далѣе читатель, зачѣмъ обществу понадобилось кружечное и тарелочное *подаянія* по деревенскимъ и городскимъ церквамъ Ростовскаго округа *)? Зачѣмъ этотъ *благотворительный налогъ* на крестьянина, и безъ того несущаго на своихъ плечахъ массу прямыхъ и косвенныхъ повинностей, когда общество борьбы поставлено, повидимому, съ самаго начала въ блестящія матеріальныя условія? И, кромѣ того, недоумѣваетъ читатель, гдѣ же *„борьба“* со зломъ, т. е. съ *причинами*, порождающими данную болѣзнь? О ней что-то въ уставѣ общества ничего не говорится: тамъ все касается лишь одного призрѣнія уже заболѣвшихъ проказой! Или мѣрами изоляціи больныхъ и исчерпывается вся борьба?

Къ сожалѣнію, сомнѣнія и недоумѣнія читателя, при ближайшемъ знакомствѣ съ фактическимъ положеніемъ дѣла, оказываются совершенно основательными. Вотъ что откровенно сообщаетъ секретарь общества борьбы, докторъ Гринфельдъ въ № 206 „Приазовск. Края“ отъ 9-го октября 1898 г. „поступившія пока средства слишкомъ малы для того, чтобы можно было взяться за устройство пріюта. Число жертвователей составляетъ въ настоящее время 411 душъ. *А вѣдь надо согласиться*, что для такого дѣла въ Ростовѣ и сосѣднемъ городѣ Нахичевани, а также посадѣ Азовѣ **) и въ прочихъ населенныхъ пунктахъ округа, *эта цифра болѣе чѣмъ ничтожна*“ (курс. нашъ). „За кѣмъ же дѣло стало“? спрашиваетъ докторъ Гринфельдъ:—„За вами, граждане, за вами и больше ни за кѣмъ! Разъ только мы собственными средствами приступимъ къ дѣлу и соорудимъ *первую хатку* (курс. нашъ) для самыхъ несчастныхъ страдальцевъ въ мірѣ, то и правительство, и войско, можно быть увѣренными, придутъ намъ на помощь“... Изъ отчетовъ общества борьбы, печатавшихся въ послѣдующихъ номерахъ того же „Приазов. Края“, о поступившихъ взносахъ и пожертвованіяхъ видно, что капиталъ общества не превышаетъ 6,000 руб. Не смотря на это, правленіе названнаго общества нашло уже возможнымъ выступить съ

---

*) Не безъинтереснымъ является тотъ фактъ, что екатеринославская консисторія разрѣшила обществу борьбы сборъ по церквамъ только въ „недѣлю о прокаженномъ“.

**) Откуда посаду Азову жертвовать на прокаженныхъ, когда ему нечѣмъ достроить больницу, на которую потрачено уже 45 т. руб. и которая теперь, неоконченная, стоитъ заколоченная и неизвѣстно когда окончится и начнетъ функціонировать.

ходатайствомъ предъ станичнымъ правленіемъ Гниловской станицы (близь Ростова на Дону) объ отводѣ ему въ аренду 10 десятинъ портовой земли для устройства лепрозоріи *). Такая, ничѣмъ не мотивированная поспѣшность правленія послѣ откровеннаго признанія одного изъ его членовъ (секретаря) о скудости имѣющихся средствъ, побудила меня, какъ исполнявшаго еще сравнительно недавно должность санитарнаго врача въ Ростовскомъ округѣ и близко знакомаго съ нуждами земской медицины нашего района и его санитарными недугами, высказать въ № 223 „Донской Рѣчи“ за 1898 г., по поводу поднятаго у насъ вопроса о борьбѣ съ проказой, свои соображенія. Указавъ на то, что въ нашемъ округѣ проказа составляетъ „зло еще не столь большой руки“, чтобы по поводу нея нужно было подымать такой шумъ и такъ пугать общество ея якобы чрезвычайной заразительностью, какъ это дѣлалось на страницахъ „Приазовскаго Края“, мы привели много примѣровъ болѣе губительнаго зла, болѣе опасныхъ медико-санитарныхъ недуговъ, борьба съ которыми и ближе стоитъ на очереди, и въ значительной степени совпадаетъ и съ борьбой съ проказой въ нашемъ округѣ. Но кому по плечу эта задача, и на чей обязанности лежитъ ея выполненіе?—„Конечно, земству, правительству, которыя одни *могутъ* и *должны* организовать правильныя, строго выработанныя мѣропріятія; но не обществу и не частной иниціативѣ брать на себя эту многотрудную борьбу съ проказой. Нужно нѣсколько и впередъ смотрѣть. Наше общество, не обнаружившее особенной горячности и въ первые моменты своего существованія, съ теченіемъ времени совсѣмъ поостынетъ, порѣдѣетъ и должно будетъ „сократить“ свои дѣйствія, какъ это часто повторяется со многими филантропическими обществами на нашей родинѣ. Много другихъ осложненій и затрудненій ожидаетъ въ будущемъ это общество борьбы съ проказой какъ со стороны средствъ, такъ и со многихъ другихъ сторонъ. Разсчитывать на церковныя кружки, спеціально вывѣшенныя для собиранія подаяній для усиленія средствъ нашего общества, особенно нельзя. „Мірской ниткой“ болѣе одного „голаго“ не одѣнешь. Нужно также имѣть въ виду и то, что-же будетъ съ нашими лепрозными калѣками, собранными въ „хатку“ д-ра Гринфельда, построенную на 10 десят. земли, когда гниловской станичный сходъ вдругъ заявитъ: „не хотимъ больше отдавать въ аренду землю подъ убѣжище! Перенесите-ка отъ насъ свой пріютъ въ другое мѣсто“! Кому знакомы прихотливость и неустойчивость рѣшеній нашихъ сельскихъ и станичныхъ сходовъ, тому такая перспектива покажется далеко ужъ не такой невѣроятной. Куда общество борьбы съ проказой дѣнетъ тогда свою „хатку“ съ больными, которую такъ лирически-идиллически живо-

*) „Приазов. Край“ № 275 отъ 18-го Окт. 1898 г. „Мѣстная хроника“.

писуетъ намъ д-ръ Гринфельдъ“? Хорошей иллюстраціей къ только-что приведенной выдержкѣ изъ нашего письма служитъ описаніе г. Ганейзеромъ положенія прокаженной колоніи близь Александрійской станицы. И тысячу разъ правъ почтенный авторъ, говоря, что для призрѣнія прокаженныхъ „сдѣлать нужно такъ много, необходимы средства настолько значительныя, что частныя лица не могутъ справиться съ такой задачей.—Ее должно взять на себя государство, потому что въ правильномъ ея разрѣшеніи заинтересована вся страна“ *).

Допустимъ, что ростовское общество для борьбы съ проказой, сколотивъ, наконецъ, необходимую сумму, послѣдуетъ совѣту д-ра Гринфельда и построитъ „первую хатку“ для нѣсколькихъ прокаженныхъ нашего округа. Что изъ этого выйдетъ? Вѣроятно то же, что, по разсказу г. Ганейзера, вышло съ такими же „хатками“ въ Александрійской колоніи, откуда больные позажиточнѣй стали убѣгать къ себѣ домой. „Это бѣгство изъ пріюта, говоритъ г. Ганейзеръ, является прямымъ показателемъ того, что онъ неудовлетворяетъ своему назначенію: нужно, чтобы больные бѣжали въ колонію, а не изъ нея“. А для этого, прибавимъ мы отъ себя, необходимо строить не „хатки“, а дворцы, какъ совершенно справедливо рекомендуетъ нашему обществу одинъ изъ его членовъ. Говоря о борьбѣ съ проказой, филантропы наши и врачи до сихъ поръ упускали изъ виду два важныхъ фактора, являющихся, по нашему убѣжденію, доминирующими въ данномъ вопросѣ: *условія,* которыя *порождаютъ* эту болѣзнь, и *живую душу* носителей этого недуга. Вѣдь до сихъ поръ вся борьба направляется лишь на прокаженнаго, а не противъ причинъ самой болѣзни! Полагаютъ, что, изолировавъ лепрознаго въ пріютъ, удовлетворяютъ сущности дѣла! Но чѣмъ это доказано? Откуда доказано, что болѣзнь эта исключительно *заносная*, а не домашняя, порождаемая мало извѣстными еще намъ климатически-территоріальными и теллурическими причинами на почвѣ особенныхъ соціально-бытовыхъ условій? Почему въ нашемъ округѣ очаги и гнѣзда проказы имѣютъ, большей частью, опредѣленное географическое положеніе, держась преимущественно прирѣчныхъ и приморскихъ станицъ, селъ и хуторовъ? Почему болѣзнью этой преимущественно страдаютъ здѣсь крестьяне и казаки, занимающіеся главнымъ образомъ рыболовнымъ промысломъ? Не играютъ-ли въ данной болѣзни роли предрасполагающаго момента частыя обмораживанія, обвѣтриванія на стужѣ и мелкія пораненія, съ которыми сопряженъ названный промыселъ? И какое значеніе въ распространеніи этой болѣзни имѣетъ недостаточная врачебная помощь или полнѣйшее ея отсутствіе во многихъ и многихъ селахъ и деревняхъ нашего округа? Мнѣ,

*) „Русск. Богат.“ кн. 10 стр. 122—123.

напр., часто приходилось бывать свидѣтелемъ гибели „рыбалокъ“ отъ мучительнѣйшей изъ всѣхъ болѣзней—tetanus'а (столбняка), присоединявшейся къ обмороживанію пальцевъ на ногахъ или рукахъ—и все это всегда благодаря отсутствію своевременной медицинской помощи. Возбудитель проказы лепрозная палочка Hansen'а и микроорганизмъ tetanus'а требуютъ для своего проникновенія въ человѣческій организмъ входнаго отверстія въ видѣ какого-нибудь, хотя бы и незначительнаго пораненія кожныхъ покрововъ или слизистыхъ оболочекъ. Нечего и говорить, что у нашего крестьянина-рыболова, работающаго значительную часть года изо-дня-въ день на стужѣ, въ плохой и обледѣнѣлой одеждѣ и обуви, съ грубыми рыболовными снастями, такихъ „входныхъ отверстій“ для внѣдренія всякихъ заразныхъ началъ и, между ними, и бациллы проказы, найдется не мало, и приходится только удивляться, что при такихъ условіяхъ распространеніе этой болѣзни у насъ сравнительно ничтожно.

„Не съ прокаженными прежде всего нужно намъ бороться, а съ причинами ихъ создающими; съ анти-санитарными, анти-гигіеническими и климатически-территоріальными условіями, на почвѣ которыхъ появляются подобные больные. Одной изъ такихъ причинъ несомнѣнно является экономически-соціальный бытъ нашего крестьянина-рыболова. Далѣе—условія его труднаго и примитивно организованнаго рыбнаго промысла; его плохая одежда, его скверное жилье среди болотъ; отсутствіе своевременной и достаточной медицинской помощи. Увеличьте врачебные пункты, умножьте число больницъ и земскихъ пріемныхъ покоевъ въ округѣ, организуйте рыболовный промыселъ на раціональныхъ началахъ—и количество прокаженныхъ уменьшится само собой“. Таково мое убѣжденіе, высказанное въ вышеупомянутомъ письмѣ въ „Донской Рѣчи“.

Параллельно съ устройствомъ пріютовъ для прокаженныхъ нашей области необходимо поднять уровень нашей окружной „земской“ медицины и, прежде чѣмъ заботиться о какомъ-то особомъ штатѣ врачей для прокаженныхъ, позаботиться, чтобы нашъ крестьянинъ, нашъ „вольный казакъ“, имѣлъ побольше врачей вообще. Тогда будетъ дѣйствительная борьба съ даннымъ зломъ, борьба, отъ которой мы въ правѣ будемъ ждать результатовъ. Иначе получится лишь изоляція немногихъ прокаженныхъ калѣкъ. Большинство же, которое не найдетъ мѣста въ пріютахъ, и особенно больные съ зачатками болѣзни по прежнему останутся и безъ врачебной помощи, и безъ надзора. Если въ Норвегіи и остзейскихъ провинціяхъ лепрозоріи имѣютъ успѣхъ, ограничивая распространеніе болѣзни, то это потому, что тамъ пріюты содержатся на счетъ дворянства или общинъ, что прокаженные находятъ тамъ раціональный уходъ и надзоръ у себя на дому на ряду съ пріютами для лепрозныхъ; тамъ широко развивается врачебная по-

мощь населенію вообще; тамъ культура прививается быстрѣе, ибо трудящаяся масса тамъ развитѣе нашей. Тамъ и школъ, и грамотныхъ побольше, чѣмъ у насъ; а это, какъ хотите, также не маловажные факторы для успѣшной борьбы съ такой болѣзнью, какъ проказа. Не надо, кромѣ того, забывать, что закона для принудительнаго водворенія прокаженныхъ въ пріюты не издала еще ни одна страна и, надѣемся, не издадутъ его и у насъ. Даже въ Норвегіи, гдѣ пріюты дали, повидимому, хорошій результатъ, нѣтъ вполнѣ обязательной изоляціи. Тамошній законъ 1885 года далъ общинамъ право водворять прокаженныхъ въ убѣжище только въ тѣхъ случаяхъ, если послѣдніе у себя на дому не могутъ или не хотятъ уединяться по мѣрѣ возможности. *Не намъ, врачамъ, являться сторонниками принудительныхъ мѣропріятій, и не намъ подобаетъ сѣять въ обществѣ преувеличенные страхи по поводу заразительности проказы.* Наша святая обязанность быть гуманными, и это въ то же время наше право, которое главнымъ образомъ и даетъ врачу всю присущую его профессіи нравственную силу. Намъ не слѣдуетъ забывать, что больной проказой, насколько-бы онъ ни былъ опасенъ для окружающихъ, тотъ же человѣкъ, съ той-же *живой душой*, что у каждаго изъ насъ; и эту-то живую душу нужно щадить въ больномъ! Вспомнимъ, сколько зла натворила въ массѣ въ предыдущее десятилѣтіе вызванная въ публикѣ паника по поводу заразительности чахотки! Предъ бѣдными чахоточными всюду стали закрываться двери; имъ отказывали отъ мѣстъ; ихъ перестали принимать на службу; для устройства санаторій для нихъ съ трудомъ находили усадьбы у частныхъ владѣльцевъ. Но если чахоточный еще нѣкоторое время могъ скрывать свой недугъ и продолжать вести борьбу за существованіе, такъ сказать, инкогнито, лепрозному трудно будетъ спрятаться: регистрація—вотъ чѣмъ современная гуманность надѣляетъ его вмѣсто средневѣковой трещетки. Но мало того—объ отверженномъ можно еще протрубить въ мѣстной прессѣ, какъ это имѣло мѣсто въ Роставѣ на Дону и недавно въ Петербургѣ. Представьте себѣ, читатель, весь ужасъ подобнаго больнаго, всѣ его душевныя пытки, когда надъ нимъ произносятъ приговоръ: „ты отверженный, ты живой мертвецъ, сторонись отъ насъ, ибо всякое соприкосновеніе съ тобой несетъ намъ заразу и гибель“; представьте себѣ всю трагичность положенія подобнаго больнаго и его близкихъ, и невольная дрожь охватитъ васъ. Но представьте себѣ, что врачъ, „увлекающійся идеей разыскиванія прокаженныхъ“, дѣлаетъ ошибку по поводу кожнаго страданія, явившагося къ нему паціента и заноситъ его въ скорбную книгу прокаженныхъ. Этотъ человѣкъ имѣетъ семью, имѣетъ занятіе, которымъ уже много лѣтъ кормитъ себя и семью, и вдругъ ему говорятъ: „у тебя проказа—болѣзнь крайне опасная для окружающихъ тебя здоровыхъ людей; ты долженъ быть выброшеннымъ изъ ихъ среды,

изъ среды своей семьи, которая пусть себѣ существуетъ, какъ знаетъ". Какой ужасъ! Но, къ счастью, потомъ оказывается, что „увлекшійся" спеціалистъ ошибся (вѣдь какіе только діагнозы не бываютъ ошибочны) и зарегистрированный мнимо-прокаженный страдаетъ совсѣмъ иной кожной болѣзнью и притомъ излѣчимой. Подобный случай былъ въ нашемъ городѣ, весьма легко можетъ повториться. Кѣмъ и чѣмъ возмѣстится напуганному за нравственныя муки его и его семьи и за понесенныя имъ матеріальныя потери? Вѣдь наложенное на человѣка клеймо стало предметомъ гласности и не только въ провинціальномъ городѣ, но и въ столицѣ ему никуда не скрыться. Разъ ошибки въ діагнозѣ возможны, разъ нѣкоторые врачи считаютъ возможнымъ публично выдавать тайну своего больнаго, если это касается проказы, и черезъ посредство досужихъ репортеровъ выставлять своего паціента на всенародное торжище; разъ *абсолютная* заразительность проказы вполнѣ не доказана и лепрологамъ приходится еще объ этомъ дебатировать, надо быть крайне и крайне осторожнымъ и помнить, что, произнося приговоръ надъ личностью, при современной постановкѣ вопроса, обрекаешь ее на гражданскую смерть. Вспомнимъ, что когда улегся страхъ предъ туберкулезной палочкой и разсѣялся преувеличенный ужасъ предъ чахоточнымъ, пущенный среди публики общей прессой, когда поняли, что не чахотка страшна, а тѣ источники, которые порождаютъ эту болѣзнь: цѣлый рядъ профессіональныхъ занятій, анемія нашихъ дѣтей, чрезмѣрно обремененныхъ въ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, потребленіе въ пищу мало контролируемыхъ продуктовъ животнаго происхожденія, зараженныхъ туберкулезомъ; когда убѣдились, что безъ широкаго улучшенія медико-санитарнаго состоянія условій добывающей и обрабатывающей промышленности, городовъ и деревень, жилищъ фабричнаго рабочаго и земледѣльческаго батрака,—о раціональной борьбѣ съ самымъ страшнымъ бичемъ человѣчества, туберкулезомъ—не можетъ быть и рѣчи; тогда носитель этого недуга самъ по себѣ перересталъ быть какимъ-то пугаломъ. И если теперь врачами пропагандируются санаторіи для чахоточныхъ, то не съ точки зрѣнія ихъ изоляціи, а съ чисто филантропической, чтобы дать многимъ изъ нихъ необходимыя для исцѣленія или пріостановки недуга условія.

На такихъ началахъ нужно поставить и борьбу съ проказой въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она тлѣетъ эндемически. Не надо пугать лепрозныхъ ни регистраціей, ни фотографированіемъ; не слѣдуетъ загонять ихъ въ „хатки", а нужно заняться *серьезной ассенизаціей* почвы, которая порождаетъ этихъ больныхъ, нужно открыть этимъ больнымъ двери убѣжищъ, построенныхъ со всѣми удобствами и лишенныхъ всякаго намека на что либо тюремное. Не надо забывать, что какъ бы ни была позолочена клѣтка, сво-

бода для человѣка милѣй всего; не надо забывать, что первыми обитателями нашихъ лепрозорій являются тѣ бездомные калѣки, которые привыкли къ подаяніямъ и нищенству; а ихъ, сколько ни призрѣвай, все же будетъ тянуть къ паперти, какъ нашего бродягу тянетъ на вольный просторъ и пустынную тайгу изъ самаго теплаго и осѣдлаго угла.. Чтобы удержать этихъ калѣкъ на мѣстѣ, нужна извѣстная приманка, и самой лучшей будетъ— система нестѣсненія и возможный комфортъ.

Но на ряду съ убѣжищами для больныхъ, нужно строить пріюты для *осиротѣлыхъ здоровыхъ членовъ* прокаженныхъ семействъ, которые могутъ очутиться въ такомъ же положеніи, какъ Сеня Сушковъ въ очеркѣ г. Ганейзера. Кому же по плечу такая задача, какъ не государству или, по крайней мѣрѣ, органамъ городского или уѣзднаго общественнаго самоуправленія при щедрой помощи со стороны правительства? Частной же благотворительности здѣсь роль по стольку, по скольку ей отводится въ разныхъ попечительствахъ и комитетахъ, задача которыхъ ограничивается частичными улучшеніями и пополненіями нѣкоторыхъ сторонъ уже функціонирующаго и содержимаго на иждивеніи государства, города, уѣзда учрежденія. Въ подобное общество и можетъ превратиться ростовское общество для борьбы съ проказой, послѣ того какъ медицинскій департаментъ приступитъ къ реализаціи проекта объ устройствѣ убѣжищъ для прокаженныхъ въ областяхъ Донской, Кубанской и Терской; будемъ надѣяться, что воздвигнутыя министерствомъ учрежденія будутъ весьма далеки отъ типа „хатокъ" и будутъ построены не на арендуемой землѣ, а на усадьбахъ, отчужденныхъ въ вѣчное владѣніе. Но вмѣстѣ съ призрѣніемъ прокаженныхъ необходимо поднять и уровень общественной медицины и санитаріи; въ этомъ отношеніи названныя области много отстали отъ нашихъ земскихъ губерній. Необходимы другія, культурныя мѣры. Только въ широкомъ развитіи этихъ мѣръ, а не въ насильственной изоляціи больныхъ можно найти дѣйствительное средство для борьбы съ распространеніемъ проказы.

Мих. Ладыженскій

Роковое недоразумѣніе.

(Письмо изъ Тифлиса).

Вотъ уже почти полгода какъ общественное мнѣніе Тифлиса взволновано вопросомъ о выкупѣ конки городомъ отъ анонимнаго общества. Съ этимъ вопросомъ тѣсно связана еще неокончившаяся до сихъ поръ ревизія тифлисскаго городского общественнаго самоуправленія. Что обнаружила эта ревизія и къ чему она поведетъ, еще никому неизвѣстно, какъ неизвѣстно еще, останется ли конка за прежнимъ концессіонеромъ въ лицѣ представителя анонимнаго общества г. Роби, или надо еще ждать какихъ либо новыхъ, столь же неожиданныхъ, какъ до сихъ поръ, осложненій этого запутаннаго вопроса.

29 сентября 1897 года тифлисская дума впервые окончательно постановила, огромнымъ большинствомъ 57 противъ 2-хъ (причемъ трое воздержались отъ голосованія), выкупить конку у анонимнаго общества. Дѣлая такое постановленіе, дума руководствовалась какъ выгодою города и интересами дѣла, такъ и циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ „объ улучшеніи хозяйства городовъ путемъ выпуска займовъ", отъ 26 октября 1896 года за № 44. Въ этомъ циркулярѣ, между прочимъ, сказано: „частные капиталы, затраченные на городскія предпріятія (водоснабженіе, усовершенствованное освѣщеніе, конно-желѣзныя дороги, частныя скотобойни—словомъ всѣ городскія предпріятія, которыя имѣютъ коммерческое значеніе и способны возмѣстить затраченные въ нихъ капиталы) не только вырабатываютъ значительные проценты, но, развиваясь съ теченіемъ времени, въ силу естественнаго прироста населенія въ городахъ и усиленія потребленія, весьма часто въ нѣсколько разъ увеличиваются въ капитальной своей стоимости. Хотя обыкновенно города оставляютъ за собою право выкупа предпріятія на извѣстныхъ условіяхъ, но большинство концессій устанавливаетъ выкупъ на началахъ доходности за послѣднее передъ выкупомъ время, а, слѣдовательно, по цѣнѣ много повышенной противъ дѣйствительной затраты на предпріятіе". „Владѣльцы частныхъ капиталовъ, преслѣдуя въ городскихъ сооруженіяхъ исключительно свои выгоды, весьма нерѣдко направляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы, пользуясь своей монополіей, эксплоатировать, насколько это возможно, городское населеніе, не заботясь объ его интересахъ". Въ виду чего „*представляется крайне желательнымъ*, чтобы города отказались отъ концессіоннаго способа и приложили бы усилія къ осуществленію предпріятій, направленныхъ къ улучшенію быта

городского населенія и могущихъ приносить доходъ, непосредственно за свой счетъ". „Въ случаѣ возникновенія предположеній означенныхъ управленій относительно сооруженія означенныхъ предпріятій за счетъ городовъ, *со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ оказано будетъ зависящее содѣйствіе къ осуществленію таковыхъ предпріятій, и главнѣйше къ разрѣшенію выпуска городами необходимыхъ для сего займовъ*" *).

Приступая къ выкупу конки, тифлисская дума не упустила изъ вида и недавнее рѣшеніе правительствующаго сената, отмѣнившее аналогичное опредѣленіе с.-петербургской думы на томъ основаніи, что оно не было представлено на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ. По поводу запроса гласн. Н. Тамамшева въ засѣданіи думы отъ 18 мая 1898 года, городской голова Г. Евангуловъ сообщилъ, что рѣшеніе сената принято управой къ свѣдѣнію, и что тифлисскій губернаторъ обѣщалъ дать опредѣленію думы надлежащее направленіе. Въ сентябрѣ 1898 года тотъ же запросъ былъ повторенъ гласнымъ А. Б. Евангуловымъ, причемъ полученъ былъ со стороны городского головы опять такой же успокоительный отвѣтъ. Постановленіе тифлисской думы отъ 29 сентября 1897 года было вручено представителю анонимнаго общества г. Роби 25 октября 1897 года, т. е. ровно за годъ до окончательнаго срока выкупа. Вмѣстѣ съ тѣмъ избрана была коммиссія для ознакомленія съ книгами анонимнаго общества и выясненія доходности предпріятія и объявленъ былъ конкурсъ желающимъ взять концессію послѣ перехода конки къ городу. Изъ числа контрагентовъ, выразившихъ желаніе взять концессію, заслуживаютъ быть отмѣченными трое: гг. Пти, Вейнштокъ и Роби. По вычисленіямъ коммиссіи, съ которой позже согласилась и вся дума, наиболѣе выгоднымъ для города предложеніемъ было предложеніе Пти, затѣмъ Вейнштока, а затѣмъ *наименѣе* выгоднымъ оказалось предложеніе Роби. Вычисленія дѣлались людьми, извѣстными своими солидными статистическими трудами: А. Б. Евангуловымъ, А. А. Калантаромъ и Х. Вермишевымъ (бывшій членъ управы). По вычисленіямъ гл. А. Б. Евангулова чистая прибыль за наибольшій срокъ концессіи въ 37 лѣтъ выражается суммою въ 13,200,000 р. По условіямъ, поставленнымъ каждымъ изъ 3 названныхъ контрагентовъ, это распредѣлялось бы такъ:

при	Роби	контрагенту	9,300,000	р., городу	4,000,000	руб.
„	Пти	„	5,200,000	„ „	7,900,000	„
„	Вейнштокѣ	„	6,900,000	„ „	6,300,000	„
„	веденіи дѣла непосредственно городомъ, безъ контрагента				11,100,000	„

*) Курсивъ нашъ.

Если разсчитать сумму прибыли до конца концессіоннаго срока, по системѣ сложныхъ процентовъ, принимая 4% въ годъ, получимъ такія цифры: а) при контрагентахъ:

Роби	контрагенту . .	16,169,000	р. городу	6,215,000	руб.
Пти	„ . .	10,498,000	„ „	12,100,000	„
Вейнштокѣ	„ .	11,975,000	„ „	10,647,000	„
в) при городскомъ хозяйствѣ			„	18,601,000	„

Такимъ образомъ, городское хозяйство является съ финансовой точки зрѣнія несомнѣнно самымъ выгоднымъ сравнительно съ предложеніями конкуррирующихъ фирмъ. Сравнивая же между собою финансовыя предложенія конкуррентовъ, при оставленіи трамвая въ ихъ распоряженіи до конца назначаемыхъ мии концессіонныхъ сроковъ, г. А. Евангуловъ, а также вся выбранная коммиссія,—позже и огромное большинство думы,—нашли предложеніе Пти наивыгоднѣйшимъ; за предложеніемъ Пти второе мѣсто занимало предложеиіе Вейнштока; *предложенія же Роби были найдены наихудшими.*

Тѣмъ не менѣе, благодаря настояніямъ городского головы Г. Евангулова, думѣ пришлось пять разъ перерѣшать свое постановленіе о выкупѣ конки отъ анонимнаго общества. Не представляя никакихъ фактическихъ указаній и *не пытаясь* даже опровергнуть вычисленія своего однофамильца, гласнаго А. Б. Евангулова, городской голова, ограничившись однимъ заявленіемъ, что эти вычисленія фантастичны, находилъ наиболѣе выгодными предложенія г. Роби. И это онъ утверждалъ при всѣхъ предложеніяхъ г. Роби, который подъ давленіемъ конкурренціи и въ виду цифровыхъ указаній думской коммиссіи сдѣлалъ счетомъ 5 предложеній, сокращая каждый разъ срокъ концессіи и повышая платежъ. Всѣ эти предложенія были отвергнуты думой, категорически постановившей: прекратить всѣ переговоры съ г. Роби.

Однако, думѣ пришлось обсуждать это дѣло еще разъ. Г. Роби, послѣ отклоненія думой всѣхъ 5 его предложеній, подалъ новое, шестое;. на этотъ разъ уже не въ управу, а лично городскому головѣ, который *частно* доложилъ объ этомъ въ губернскомъ по городскимъ дѣламъ присутствіи губернатору и заручился отъ него предложеніемъ созвать „чрезвычайное" собраніе думы для обсужденія „новаго" предложенія г. Роби. По послѣднему предложенію г. Роби уплачивалъ городу въ теченіе 15 лѣтъ 596 тыс. р., а по „новому" предложенію въ теченіе того же срока сумма платежа составлялась—599 тыс. рублей, т. е. болѣе всего на три тысячи рублей въ теченіе 15 лѣтъ! Въ „новомъ" заявленіи при этомъ просто были *исключены повагонный сборъ и лошадиный налогъ.*

По словамъ газеты „Кавказъ", засѣданіе 14-го октября, названное „чрезвычайнымъ" и созванное по предложенію г. губер-

натора исключительно для разсмотрѣнія новаго предложенія анонимнаго общества тифлисскаго трамвая, носило вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то необычайный и, можно даже сказать, театральный характеръ. На хорахъ размѣстилась небывалая масса публики, среди которой было много дамъ. Публики собралось такъ много, что съ 8 часовъ вечера уже былъ прекращенъ доступъ на хоры, переполненные до послѣдней степени. Рѣчи ораторовъ, стоявшихъ за выкупъ конки, то и дѣло покрывались аплодисментами, не смотря на угрозы городского головы очистить хоры. Гласные собрались также въ давно небываломъ числѣ (60 челов.). Публика, не помѣстившаяся на хорахъ, проникла даже въ думскую залу и наполняла собою корридоръ, ведущій въ эту залу. „Новое“ предложеніе г. Роби не было принято думой, произведена была обыкновенная открытая баллотировка, причемъ дума, большинствомъ 49 противъ 11 голосовъ, постановила, что хозяйственный способъ эксплоатаціи трамвая является для города болѣе выгоднымъ, а потому рѣшила предложеніе анонимнаго общества отклонить и поручить управѣ выкупить конку, *„не принимая до дня выкупа никакихъ новыхъ заявленій о концессіи“*. Такъ провалилось „новое“ предложеніе г. г. Евангулова и Роби въ думѣ. Не нашло оно поддержки и въ публикѣ и мѣстной прессѣ, за исключеніемъ одной лишь газеты „Кавказъ“.

Послѣ этого вопросъ о выкупѣ конки вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія. Газета „Кавказъ“, помѣстивши отчетъ о „чрезвычайномъ“ засѣданіи въ № 272, рядомъ съ нимъ помѣстила и передовую статью подъ заглавіемъ „Пирогъ или цивилизація“, за подписью псевдонима Ѣех, извѣстнаго своими фанатическими вылазками противъ армянъ. „Вчера дума *рѣшила выкупить конку,*—читаемъ мы въ этой статьѣ—причемъ г. городскому головѣ пришлось выслушать много непріятнаго. Любопытнѣе всего то, что вопросъ этотъ былъ *давно предрѣшенъ* наиболѣе „предпріимчивыми“ элементами думы, которые въ своемъ стремленіи зашли довольно далеко: заказали инвентарь *гласному* Карапетову, намѣтили вкусныя жалованья, позаключили контракты съ извозчиками, накупили какихъ-то клячъ и т. д. Представителемъ здраваго смысла въ думѣ явился осмѣянный нынѣ крикунами г. городской голова. Затѣмъ идетъ перечисленіе, словами г. Евангулова, тѣхъ благъ, которыя посыпались бы изъ рога изобилія г. Роби на обывателей въ томъ случаѣ, если бы было принято новое предложеніе г. Роби. „Людямъ, которые не собираются поживиться отъ „облапошиванья конки“, мудрено не согласиться съ доводами городского головы, заканчиваетъ г. Ѣех. Въ этой же статьѣ мы находимъ слѣдующія пророческія слова: „есть надежда, что вопросъ зависитъ *не отъ одной думы“*.

Прежде чѣмъ идти дальше, считаемъ необходимымъ упомянуть, что за нѣсколько мѣсяцевъ до срока выкупа конки г. Роби за-

явилъ, что, опираясь на 15-ю статью договора съ городомъ, онъ отказывается не только передавать, но и продать городу подвижной составъ трамвая. Эта статья гласитъ, что спустя 15 лѣтъ городъ имѣетъ право выкупить *сѣть* конно-желѣзной дороги. Комментируя слова „*сѣть* конно-желѣзной дороги“ въ прямомъ значеніи этого слова, т. е. въ смыслѣ дорогъ проложенныхъ рельсами, г. Роби отказывался передать городу вагоны, инструменты, упряжь, лошадей и магазины. Еще 18 мая 1898 года состоялось опредѣленіе думы о пріобрѣтеніи инвентаря, необходимаго для эксплоатаціи трамвая отъ анонимнаго общества. Дирекція трамвая до того времени высказала предположеніе о возможности уступки инвентаря трамвая городу, если отъ этого инвентаря откажутся другія общества, которымъ дирекція обязалась продать его. Послѣ постановленія думы, городская управа сообщила анонимному обществу, что въ виду краткости остающагося времени до выкупа и необходимости безотлагательнаго приступа къ заказу всѣхъ предметовъ для оборудованія трамвая, управа будетъ ждать отъ дирекціи отвѣта по вопросу о продажѣ городу инвентаря трамвая до 1 іюня 1898 года и затѣмъ, въ случаѣ не полученія отвѣта, немедленно закажетъ инвентарь на сторонѣ и будетъ лишена возможности принять таковой отъ общества. Въ отвѣтъ на это предложеніе управы, г. Роби увѣдомилъ управу, что общество согласно передать въ распоряженіе города при выкупѣ принадлежащее ему движимое имущество для эксплоатаціи тифлисскаго трамвая на слѣдующихъ условіяхъ: 1) городская управа обязуется принять означенное имущество въ томъ видѣ и количествѣ, въ каковомъ оно окажется въ моментъ выкупа. 2) Продажная цѣна, имѣющая быть внесена городомъ, будетъ опредѣлена согласно бухгалтерскимъ книгамъ общества и по инвентарю, составленному обществомъ при выкупѣ городомъ трамвая. При этомъ инвентарь общества оцѣнивался въ 241,411 р. 71 к. Самые малоцѣнные, открытые вагоны оцѣнены были г. Роби отъ 775 до 1000 руб., полуоктрытые въ 1407 руб. и крытые въ 1938 руб. 90 коп. Лошади (443) оцѣнивались въ среднемъ по 116 руб.

Въ постановленіи тифлисской городской управы 1 іюня 1898 г. было рѣшено „пріобрѣсти отъ анонимнаго общества весь инвентарь тифлисскаго трамвая на предложенныхъ обществомъ условіяхъ“, ассигновавъ на это пріобрѣтеніе 242,000 руб. Управа вынуждена была согласиться на условія анонимнаго общества, боясь остаться безъ инвентаря. Мы говоримъ „вынуждена была“, ибо позже, когда вслѣдствіе черезъ чуръ дорогой оцѣнки городъ отказался купить подвижной составъ у Роби, управа пріобрѣтала *значительно* дешевле всѣ предметы подвижного состава. Особая коммиссія, выбранная для освидѣтельствованія инвентаря анонимнаго общества, нашла, что вагоны были стары и попорчены отъ

долгаго употребленія, *больше половины* лошадей забраковала за негодностью и пр.

Сама же управа заказала новые вагоны по 1000 р. и покупала лошадей,—оказавшихся потомъ наилучшими между лошадьми анонимнаго общества, къ которому они перешли,—по 85 руб. въ среднемъ. Часть лошадей управа купила съ торговъ у драгунъ, для нуждъ обоза и верховой ѣзды кучеровъ, по крайне дешевымъ цѣнамъ отъ 18 до 32 рублей. Эта маленькая партія лошадей,—количествомъ не болѣе 10,—стала позже мишенью для всевозможныхъ нападокъ противниковъ общественнаго самоуправленія. Вагоны по указанной минимальной цѣнѣ не брался поставить *ни одинъ* подрядчикъ, вслѣдствіе чего поставку вагоновъ рѣшился взять на себя гласный Карапетовъ. Сбруя была поставлена фирмой Адельханова и К°, фирмой, которая поставляетъ кожаныя издѣлія всѣмъ войскамъ на Кавказѣ. Пріемомъ сбруи для городского трамвая завѣдывалъ экспертъ, смотритель артиллерійскаго вещевого склада, офицеръ, состоящій на дѣйствительной службѣ, князь Леонидзе.

Лошадей закупали двѣ коммиссіи изъ ветеринаровъ, гласныхъ, практиковъ-лошадниковъ и низшихъ служащихъ управы. Одна коммиссія поѣхала на сѣверный Кавказъ и въ другія губерніи Россіи, другая покупала въ Тифлисѣ. Ко дню срока выкупа съ лихорадочной поспѣшностью работавшая коммиссія, подъ непосредственнымъ руководствомъ члена управы Х. Вермишева, успѣла закупить почти весь нужный инвентарь за 140,000 рублей. Управа отобрала при этомъ подписку у всѣхъ контрагентовъ, что въ случаѣ перехода концессіи въ ихъ руки, контрагенты уплачиваютъ управѣ *всю* сумму, затраченную на пріобрѣтеніе инвентаря...

Прослѣдимъ теперь дальше злополучную исторію несостоявшагося выкупа конки городомъ.

Вслѣдъ за засѣданіемъ 14 октября была получена „весьма экстренно“ бумага отъ тифлисскаго губернатора, подписанная вице-губернаторомъ К. Стефановичемъ (за № 627). Въ этой бумагѣ объявлялось, что г. главноначальствующій не разрѣшилъ городу выкупъ конки.

Отказъ этотъ мотивировался долгами города (въ общей сложности не превышавшими годовой бюджетъ Тифлиса, простирающійся до 1,200,000 рублей); вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что увѣренность думы въ выгодности для города непосредственнаго веденія дѣла „не только не подтверждается, но и прямо опровергается опытомъ хозяйственнаго завѣдыванія городскою управою состоящими въ настоящее время городскими сооруженіями“.

По поводу послѣдняго указанія можно привести на справку такія цифровыя данныя о двухъ сооруженіяхъ, которыя въ настоящее время ведутся и эксплоатируются городомъ хозяйственнымъ способомъ. Городской водопроводъ съ 1889 до 1996 года

далъ увеличеніе валового дохода съ 84,864 руб. 17 коп. до 191,202 р., причемъ цифра прибыли возрасла съ 34,450 р. 8 к. до 119,142 р. 42 к. Огромная часть этой прибыли шла на покрытіе долга по займу на водопроводъ и на дальнѣйшее расширеніе этого дѣла. Черезъ 7 лѣтъ у города будетъ собственность, стоимостью больше чѣмъ въ милліонъ рублей, собственность, которая будетъ давать сотни тысячъ чистаго дохода. Городскія бойни, дававшія въ 1889 году 33,418 р. 3 к. валового дохода, даютъ теперь около 60,000 р., причемъ расходы увеличились съ 1,700 р. въ 1889 г. до 16,000 руб. въ текущемъ году.

Стоимость городскихъ боенъ въ 1889 году не превышала 3 тысячъ рублей; нынѣ бойни Тифлиса оцѣниваются въ 35,000—40,000 рублей, причемъ они признаются удовлетворяющими пока лишь своему „временному назначенію“: уже возбуждено ходатайство о займѣ въ 1/2 милліона рублей на устройство образцовой бойни перваго разряда, отчего доходы города съ боенъ, по примѣру другихъ городовъ, конечно, еще болѣе увеличатся.

Вслѣдъ за отказомъ въ выкупѣ конки послѣдовало—на основаніи 3-го пункта высочайше утвержденнаго положенія 1898 года—увольненіе членовъ управы: Х. Вермишева и А. Иваненко.

„Весьма экстренная“ бумага, помѣченная 19 октября, объ отказѣ въ выкупѣ конки была получена въ управѣ въ тотъ же или на слѣдующій день. 25 октября истекалъ годовой срокъ для выкупа конки отъ анонимнаго общества. 22 октября дума рѣшила поручить управѣ и выбранной коммиссіи изъ 10 человѣкъ заключить договоръ съ Роби, признавъ послѣднія предложенія анонимнаго общества „минимальными“. Въ составъ этой коммиссіи вошелъ, между прочимъ, и гл. Карапетовъ (выбранный 38 голосами противъ 8). Договоръ былъ заключенъ и отправленъ на утвержденіе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія и кн. главноначальствующаго. Губернское присутствіе утвердило договоръ и отправило на утвержденіе главноначальствующаго. 6 ноября 1898 году за № 12,487 отъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ получена бумага, которою предлагалось передать на разсмотрѣніе всей *думы* договоръ, составленный, по порученію думы, управой и коммиссіею изъ 10 человѣкъ.

Въ этой же бумагѣ указывалось на то, что тифлисскимъ губернаторомъ совершенно неподлежаще утвержденъ былъ выборъ въ коммиссію гл. Карапетова, заинтересованнаго въ дѣлѣ оборудованія конки“... За три дня до полученія въ управѣ этой бумаги въ газетѣ „Кавказъ“ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ порицались дѣйствія г. губернатора. По поводу изложеннаго замѣчанія относительно выбора гл. Карапетова, въ думѣ было выяснено, что по условіямъ со всѣми контрагентами (въ томъ числѣ и съ г. Роби) они должны были принять на себя *всѣ* расходы города по оборудованію конки. Этимъ устранялась всякая заинтересованность

въ дѣлѣ передачи конки тому или иному контрагенту лицъ, поставлявшихъ городу коночный инвентарь.

Тотчасъ за увольненіемъ членовъ управы въ „Новомъ Времени“ и въ другихъ столичныхъ газетахъ появилась телеграмма „Россійскаго телеграфнаго агентства“, помѣченная „Тифлисъ, 2-го (октября)“: „Ревизія нашего городского самоуправленія уже обнаружила значительныя злоупотребленія. По распоряженію главноначальствующаго, кн. Голицына, устранены отъ должности члены управы Вермишевъ и Иваненко“. По поводу этой телеграммы появилось „Вынужденное объясненіе“ г. Величко въ № 301 газеты „Кавказъ“, гдѣ онъ признаетъ себя авторомъ вышеупомянутой телеграммы. Повторивши въ болѣе *рѣзкой* формѣ смыслъ телеграммы („ревизіей обнаружены злоупотребленія, *вслѣдствіе* которыхъ устранены члены управы гг. Вермишевъ и Иваненко“), г. Величко заявляетъ: „*я, конечно, не знаю результатовъ неоконченной ревизіи*“, но „*я усмотрѣлъ* въ устраненіи членовъ управы законный результатъ допущенныхъ ими злоупотребленій“... На запросъ гласныхъ въ думѣ, послѣ полученія столичныхъ газетъ въ Тифлисѣ,—о какихъ „злоупотребленіяхъ“ говорится въ телеграмахъ „Россійскаго агентства“, г. городской голова дословно отвѣтилъ слѣдующее:

„Рѣшительно никакихъ свѣдѣній о злоупотребленіяхъ не имѣю. Напротивъ, косвеннымъ образомъ (изъ разспросовъ членовъ ревизіонной коммиссіи) я имѣю свѣдѣнія, что никакихъ злоупотребленій при ревизіи не обнаружено“.

Когда выяснилось на засѣданіи, что авторомъ тенденціозныхъ телеграммъ о „злоупотребленіяхъ“ и объ устраненіи членовъ управы, а также о мнимой радости народонаселенія, былъ г. Величко,—по думѣ раздался гулъ негодующихъ криковъ гласныхъ о привлеченіи къ суду автора систематическихъ „газетныхъ фальсификацій“.

Ревизія городского общественнаго самоуправленія началась подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора г. Стефановича. Обревизовавъ кассу, оказавшуюся въ надлежащемъ порядкѣ, начали ревизовать инвентарь городской конки. Здѣсь забраковали все: лошадей, сбрую, вагоны и пр. Лошадей браковали условно, ибо *спеціалисты* ревизоры призваны были отвѣтить на вопросъ—годны ли *въ данный моментъ* лошади *для конки*. По этой причинѣ браковались, напримѣръ, всѣ жеребцы и невыѣзженныя лошади. На сколько былъ примѣнимъ такой способъ браковки, можно заключить хотя бы по тому, что тотчасъ послѣ запрещенія выкупить конку эти лошади были переданы анонимному обществу и, за исключеніемъ нѣсколькихъ (около 10) лошадей, всѣ оказались вполнѣ пригодными.

Роби отобралъ около 70 лошадей, не подходившихъ, по его мнѣнію, вслѣдствіе малаго роста и др. причинъ для конки, и

просилъ разрѣшенія у управы—продать этихъ лошадей. Это разрѣшеніе требовалось потому, что *юридически* еще до сихъ поръ не выяснено перейдетъ ли трамвай къ анонимному обществу, не выяснено, не смотря на утвердительное постановленіе объ этомъ думы и губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія: до сихъ поръ договоръ съ г. Роби еще не утвержденъ кн. главноначальствующимъ. Управа не разрѣшила до окончательнаго выясненія вопроса—продавать городскихъ лошадей. Тогда анонимное общество пустило въ дѣло и этихъ лошадей, оказавшихся также пригодными для конки.

Экспертиза хомутовъ подробно изслѣдовала *лишь одинъ* хомутъ, который былъ распоротъ. Сотни остальныхъ хомутовъ были освидѣтельствованы только наружно. Въ „Кавказѣ" сообщалось, что хомуты признаны сдѣланными не изъ юфти, какъ требовалъ договоръ съ Адельхановымъ, а изъ бараньей кожи *).

Вагоны также были признаны негодными, какъ опять таки говоритъ газета „Кавказъ", не объясняя, впрочемъ, причины браковки. Послѣ ревизіи инвентаря конки началась ревизія всѣхъ отдѣловъ городского хозяйства. Къ ревизіи были привлечены, кромѣ чиновъ губернской администраціи, и десять чиновниковъ контрольной палаты вмѣстѣ съ старшимъ ревизоромъ г. Мокіевскимъ-Зубкомъ; чрезъ нѣсколько времени, однако, чиновники контрольной палаты отказались являться на ревизію, но затѣмъ ихъ ревизія опять было возобновлена. Эта заминка выяснилась сообщеніемъ управляющаго контрольной палатой г. Бутыркина. Въ „Тифлисскомъ Листкѣ" мы прочли приблизительно слѣдующее: въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что ревизія дѣлъ городской управы чинами контрольной палаты производится по иниціативѣ тифлисскаго вице-губернатора Стефановича. Сообщеніе это не вѣрно, такъ такъ иниціатива вице-губернатора не подлежала бы удовлетворенію; ревизія производится по распоряженію г. главноначальствующаго. Такимъ образомъ выдѣлились двѣ самостоятельныя группы ревизующихъ: одна подъ предсѣдательствомъ г. Стефановича, другая подъ предсѣдательствомъ г. Мокіевскаго-Зубка. Существенная разница между этими ревизующими коммиссіями заключается въ слѣдующемъ: первая изъ нихъ (г. Стефановича) работаетъ чрезвычайно быстро: они уже успѣли окончить свою ревизію и, какъ говорятъ, написали докладъ ревизіи на 150 листахъ. То, что разъ было внесено въ протоколъ, уже не измѣнялось, не смотря на выяснившіяся недоразумѣнія, ибо, какъ заявляли ревизоры, „протоколы обратнаго дѣйствія не имѣютъ". Вторая коммиссія (г. Мокіевскаго-Зубка) работаетъ и до сихъ поръ. Эта коммиссія

*) Адельхановъ съ своей стороны заявилъ, что если хоть одинъ хомутъ окажется изъ бараньей кожи, то онъ отказывается отъ какого бы то ни было вознагражденія.

по поводу каждаго недоразумѣнія, ревизующихъ запрашиваетъ объясненія у управы или у завѣдывающихъ ревизуемымъ отдѣломъ и только въ случаѣ неполученія достаточныхъ для дѣла разъясненій вноситъ въ протоколъ замѣченное упущеніе. Поэтому сплошь и рядомъ кажущіеся упущенія или безпорядки оказываются ошибками самихъ ревизующихъ. Нѣтъ сомнѣній поэтому, что въ выводахъ ревизующихъ коммиссій окажется не мало разногласій.

Кромѣ этихъ двухъ коммиссій, организованы были также двѣ санитарныя коммиссіи: одна подъ предсѣдательствомъ губернатора г. Быкова, другая—подъ предсѣдательствомъ адъютанта главноначальствующаго, полковника Свѣчина. Здѣсь также произошли недоразумѣнія, закончившіяся ревизіей канцеляріи г. губернатора, о чемъ въ свое время сообщалось въ мѣстныхъ газетахъ. Такимъ образомъ сплошь и рядомъ одно и то же учрежденіе города ревизовалась четырьмя коммиссіями порознь. Бывало и такъ, что одна и та же коммиссія ревизовала по четыре-пять разъ одно и то же учрежденіе съ его дѣлами.

Въ то время, какъ производилась ревизія, въ думѣ шло обсужденіе договора съ г. Роби. Гласные нехотя являлись въ думу, зная, что все уже предрѣшено помимо ихъ желанія. Запросы нѣкоторыхъ гласныхъ о томъ, можетъ ли дума высказаться противъ договора съ Роби съ тѣмъ, чтобы передать трамвай другимъ болѣе выгоднымъ концессіонерамъ, оставлялись городскимъ головой безъ всякаго вниманія.

Думой все время оттягивался также вопросъ о выборѣ новыхъ членовъ управы. И когда уже нельзя было дольше медлить, по запискамъ дума наибольшимъ количествомъ голосовъ вновь выдвинула кандидатуры гг. Вермишева и Иваненко.

Неудача съ конкой уже не первое неосуществившееся начинаніе города. Такой же участи подвергся съ годъ тому назадъ проектъ предположенія объ открытіи въ Тифлисѣ публичной библіотеки.

По поводу восшествія на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора тифлисская дума возбудила въ министерствѣ ходатайство объ открытіи на счетъ города публичной библіотеки имени Императора Николая II. Министерство отвѣтило, что по недавно вышедшему закону, въ случаяхъ открытія того или другого учрежденія имени государя, императрицы или великихъ князей, а также по поводу того или другого историческаго событія—требуется гарантировать это учрежденіе капиталомъ, процентами съ котораго открываемое учрежденіе могло бы существовать. Причемъ добавлялось, согласно примѣчанію вышедшаго закона, что для городовъ и земствъ не требуется непремѣнно основного капитала, а достаточно постановленія объ ежегодномъ внесеніи въ постоянную смѣту расходовъ нужной суммы. Согласно такому разъясненію министра внутреннихъ дѣлъ тифлисская дума сдѣ-

лала постановленіе объ ежегодномъ ассигнованіи 4,000 руб. по смѣтѣ постоянныхъ расходовъ города для нуждъ публичной библіотеки имени Императора Николая II. Въ это время подоспѣлъ законъ о чрезвычайныхъ полномочіяхъ главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ, на разсмотрѣніе котораго поступило это дѣло. Г. главноначальствующій не разрѣшилъ думѣ гарантировать ежегодно библіотекѣ по 4 тыс. руб., чѣмъ устранялось и наименованіе ея именемъ библіотеки въ память вступленія на престолъ Императора Николая II.

Сообщая объ этомъ городской управѣ, тифлисскій губернаторъ, въ свою очередь, отказалъ городу въ открытіи вообще публичной библіотеки, мотивируя это недостаточностью средствъ города на первыя, неотложныя нужды города, вродѣ мостовыхъ и пр. Такимъ образомъ публичная библіотека, какъ „потребность не первой необходимости для народонаселенія“ не была разрѣшена... Такую же участь испыталъ и проектъ лѣчебницы въ части города Куки. Городъ хлопоталъ объ открытіи этой лѣчебницы въ память бракосочетанія Государя Императора. Лѣчебница была разрѣшена къ открытію, но безъ посвященія ея „Памяти бракосочетанія Государя Императора“...

В. Южный.

Новыя книги.

С. Г. Фругъ. Стихотворенія. Томъ второй. Спб. 97 г.—Томъ третій. Спб. 98 г.

По поводу 3-го изданія перваго тома стихотвореній г. Фруга въ „Р. Б.“ была сдѣлана въ свое время подробная характеристика этой симпатичной поэзіи. Въ первомъ томѣ, — говорилось тогда у насъ, — помѣщается все лучшее, что далъ г. Фругъ еще въ то время, когда возбуждалъ большія надежды, заставляя думать, что изъ узкаго круга національно-еврейскихъ симпатій онъ сумѣетъ подняться до сочувствія всѣмъ страдающимъ, обиженнымъ и угнетеннымъ людямъ, безъ различія ихъ расовыхъ или религіозныхъ особенностей. Ожиданія эти, къ сожалѣнію, не сбылись. Мы, по крайней мѣрѣ, давно уже нигдѣ не встрѣчаемъ имени г. Фруга нигдѣ, кромѣ спеціально-еврейскаго журнала „Восходъ“, гдѣ печатаются безчисленныя „Легенды“ и „Поэмы“ г. Фруга, перелагающія въ малозвучные и довольно снотворные стихи разныя библейскія и талмудическія преданія. Пророчить, конечно, всегда рискованно, но можно серьезно опасаться, что пѣсня г. Фруга уже спѣта, что онъ въ состояніи написать еще сотни такихъ же „легендъ“, но къ славѣ своей уже ничего этимъ не прибавитъ, и вся она будетъ покоиться, главнымъ образомъ, на I томѣ стихотвореній. Этотъ томъ производитъ очень живое, мѣстами прямо чарующее впечатлѣніе по неподдѣльной искренности проникающаго его скорбнаго чувства, по свѣжести и силѣ разлитой въ немъ поэзіи. Длинныя поэмы и сказанія, по нашему мнѣнію, и въ этомъ сборникѣ составляютъ, сравнительно, слабую сторону. Нѣтъ въ г. Фругѣ эпическаго таланта, и сила его, какъ поэта, заключается въ чисто-лирическихъ пѣсняхъ, жалобахъ и признаніяхъ.

Передъ нами лежатъ теперь II и III томы стихотвореній г. Фруга, и, провѣряя на нихъ свое прежнее мнѣніе объ этомъ поэтѣ, мы видимъ, что въ общемъ оно совершенно справедливо. Немало есть въ новыхъ двухъ томахъ вещей, по искренности чувства и поэтичности ничуть не уступающихъ лучшимъ вещамъ перваго, однако никакихъ новыхъ струнъ на лирѣ нашего поэта не оказывается, и мотивы и тонъ его пѣснопѣній все тѣ же. Не видно шага впередъ, но нѣтъ и упадка таланта... Лучшія пьесы по прежнему лирическаго характера; эпосъ по прежнему является слабой стороной г. Фруга. Къ сожалѣнію, именно къ эпосу-то онъ и чувствуетъ наибольшую склонность, и второй, напр., томъ почти цѣликомъ заполненъ довольно прозаическими переложеніями въ стихи

разныхъ священныхъ сказаній. Есть, конечно, и среди нихъ недурныя вещицы, но это, главнымъ образомъ, тѣ, которыя не превышаютъ размѣромъ одной страницы (укажемъ, хотя бы, на II главу „Любви къ родинѣ"). Обыкновенно же г. Фругъ ужасно словообиленъ, это вообще крупнѣйшій изъ его недостатковъ. Ничего не стоитъ для него на цѣлый десятокъ страницъ размазать тему, которую истинный поэтъ (и самъ г. Фругъ въ свои счастливыя минуты) легко могъ бы использовать въ двухъ-трехъ десяткахъ стиховъ. Заговоривъ о недостаткахъ г. Фруга, упомянемъ еще нѣкоторую склонность его къ сантиментальничанью (всѣ эти „маленькій", „стройненькій", „свѣженькій", „плечико", „подросточекъ"); стихъ его въ общемъ вялъ и мѣстами прямо небреженъ: такія, напр., риѳмы, какъ „меня—дитя", „моя—тебя", „облака—берега", у него попадаются на каждомъ шагу. Попрежнему непріятно поражаютъ неправильныя ударенія (гу́бящій, сока̀ми, за̀суха, по̀сланникъ) и странныя слова вродѣ: каменникъ, плетеница, радоница... Много и прямо не русскихъ оборотовъ: „не внимая воплямъ, крикамъ *ни* проклятій, *ни* молитвъ"; „и долго *ждать-ли* намъ тѣхъ дней"; „о, тяжело сказать прости родному краю, въ край далекій *уйдя, больной и одинокій*"; „всѣ божки ты изрубилъ, а *крупнѣйшій* (вм. крупнѣйшаго) ты оставилъ, а *сильнѣйшій* пощадилъ".

Это относительно недостатковъ поэта. Но если отбросить тѣ высокія требованія, какія хотѣлось бы, по старой памяти, предъявить къ г. Фругу, и взять его такимъ, каковъ онъ есть, то нельзя не повторить, что передъ нами поэтъ истинный, глубоко искренній и симпатичный, поэтъ, которымъ вправѣ гордиться наше вообще бѣдное поэзіей, хотя и богатое поэтами, время. Даже въ его длинныхъ эпическихъ произведеніяхъ тамъ и сямъ мелькаютъ яркія вспышки таланта, за которыя охотно прощаешь скуку цѣлыхъ страницъ. Отмѣтимъ, хотя бы, такія двѣ строчки:

Въ грозу падетъ столѣтній лѣсъ,
Воскреснетъ тра́вка луговая.

Всего только двѣ строчки, а сколько въ нихъ глубокаго поэтическаго содержанія!

Не можемъ также удержаться, чтобы не сдѣлать изъ того же II тома и болѣе обширныхъ выписокъ. Поэтъ скорбитъ о забвеніи евреями родного, древне-еврейскаго языка:

О, нѣтъ нарѣчья, на которомъ
Онъ не молился-бъ, не рыдалъ
Надъ вѣковымъ своимъ позоромъ,
Надъ горькой долей не стоналъ.
И лишь одинъ, какъ средь пустыни
Цвѣтокъ долинъ въ полдневный зной,
Языкъ отцовъ, языкъ святыни,
О блудный сынъ, забытъ тобой!
Забытъ тобою кедръ единый,

Послѣдній стражъ ливанскихъ скалъ...
Чего не тронулъ вихрь пустынный,
Не затопилъ кипучій валъ
И не могли убить ни время,
Ни издѣвательства враговъ,
Ни вѣковыхъ запретовъ бремя,
Ни пламя грозное костровъ,—
Убило темное забвенье!..

И онъ съ горечью предвидитъ тотъ день,

Когда и надписи унылой
Мы не сумѣемъ прочитать
На ветхомъ камнѣ той могилы,
Гдѣ опочила наша мать.

Не менѣе жгучею болью звучатъ жалобы поэта на то, что, будучи русскимъ по воспитанію и умственнымъ привычкамъ, онъ принужденъ, сравнительно со своими русскими сверстниками, нести двойной крестъ скорби, въ силу своего происхожденія.

Я—русскій... Съ первыхъ дѣтскихъ дней
Я не видалъ иныхъ полей,
Иного не слыхалъ напѣва.
Мнѣ пѣсни русской дорогъ былъ
И грустный ладъ, и юный пылъ,
И вспышки сумрачнаго гнѣва.
Я—русскій. Общей съ вами я
Болѣлъ мучительною болью,
Мечта завѣтная моя
Неслась по милому раздолью
Родныхъ луговъ, родныхъ полей;
Но, скорбью гордые своей,
И вы скорбящіе, не знали,
Какъ жгучъ огонь моей печали,
Какъ тяжекъ гнетъ моихъ цѣпей!

Рѣдко посѣщаютъ г. Фруга отрадныя минуты душевнаго подъема, порывы надежды и вѣры, но тѣмъ трогательнѣе звучатъ такія пѣсни, когда онѣ выходятъ изъ вѣчно печальныхъ устъ.

О, да, Господь разсѣялъ ихъ!—

съ гордымъ паѳосомъ восклицаетъ поэтъ въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ и выдержанныхъ стихотвореній:

Взгляни: по каѳедрамъ, трибунамъ,
Въ горнилахъ духа, въ мастерскихъ
Безсмертной мысли—сколько ихъ
Науки плодъ святой лелѣютъ
И сколько истины святой
Они, разсѣянные, сѣютъ
На нивѣ жизни вѣковой!..
Господь повсюду ихъ разсѣялъ,
И нынѣ, гдѣ бы въ мракѣ тучъ
Ни загорѣлся правды лучъ
И геній свѣта ни повѣялъ,
Повсюду слышенъ голосъ ихъ,

Питомцевъ рабства и невзгоды,
Во славу дѣлъ и думъ благихъ,
Въ защиту правды и свободы!

Превосходны также во II томѣ стихотворенія: „Я ихъ не звалъ—онѣ пришли“, „Въ безуміи“, „Песокъ и звѣзды“ и особенно „Молитва“, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ велика, чтобы ее здѣсь выписать.

Третій томъ стихотвореній г. Фруга особенно любопытенъ тѣмъ, что, сохраняя и здѣсь обычное религіозное настроеніе, поэтъ, какъ будто, пытается выйти изъ тѣснаго круга чисто-еврейскихъ скорбей и несчастій и воспѣвать вообще „человѣческое горе“. Попытка въ высшей степени симпатичная, но, къ сожалѣнію, г. Фругъ нигдѣ не выставляетъ датъ подъ своими произведеніями, такъ что для читателя остается открытымъ вопросъ, есть-ли это позднѣйшій шагъ впередъ, или же, напротивъ, давно пройденная и уже забытая ступень... Если память не измѣняетъ намъ, нѣкоторымъ изъ этихъ пьесъ насчитывается уже около пятнадцати лѣтъ...

Наиболѣе поэтическія вещи этого тома, по нашему мнѣнію, слѣдующія: „Весною“, „Сонъ Прометея“, „Музыка“, „Пѣсня“, „Мечты“, „Fata Morgana“, „Два духа“, „Художникъ“, „Въ эрмитажѣ“, „Околдуй меня, очаруй меня“, „Вѣстники весны“, „Въ душѣ моей скорбной“ и „Три души“ (здѣсь, къ сожалѣнію, растянута рѣчь третьей души и есть такой неуклюжій стихъ: „*А твой путь чѣмъ былъ* озаренъ“, заключающій въ себѣ подъ-рядъ пять односложныхъ словъ).

Размѣры и безъ того уже разросшейся рецензіи не позволяютъ намъ приводить длинные образчики. Ограничимся поэтому слѣдующимъ. Нарисовавъ яркую картину весенняго возрожденія родныхъ полей, поэтъ припоминаетъ слова Божьяго обѣтованія послать землѣ миръ, перековать копья и мечи въ сошники и серпы и спрашиваетъ:

О, гдѣ-жъ онъ, свѣтлый путь къ покою и веселью?
Такой просторъ кругомъ—и мракъ такой надъ нимъ!..
Какія пѣсни мы поемъ надъ колыбелью?
Съ какой молитвою надъ гробомъ мы стоимъ?
Гдѣ юность вольная? Гдѣ золотые годы
Съ той звонкой пѣснею веселья и свободы,
Которой бы звучать, кипѣть и бить волной
Надъ этой сочною, упругой цѣлиной,
Надъ ширью этихъ рѣкъ, надъ этими лѣсами,
Гдѣ нынѣ мы стоимъ, поникнувъ головами,
Среди руинъ разбитыхъ грёзъ,
Съ душой запуганной, съ безсильными руками
И ѣдкой горечью невыплаканныхъ слезъ!..

Въ заключеніе мы хотѣли бы подать г. Фругу благой и искренній совѣтъ: изъ всѣхъ трехъ томовъ, состоящихъ изъ 300 или

даже 400 названій, выбрать лучшія вещи (попытавшись при этомъ и ихъ нѣсколько сократить) и напечатать всего одинъ только— небольшой сборникъ. Давно уже сказано, что не въ многоглаголаніи спасеніе... Въ настояшее время перлы поэзіи г. Фруга приходится съ значительнымъ трудомъ розыскивать на пространствѣ цѣлыхъ трехъ книжекъ, обильно залитыхъ водою прозы, и не у многихъ хватаетъ столько терпѣнія и любви къ стихамъ. Поэтому читаютъ г. Фруга, сравнительно, немногіе, а перечитываютъ еще рѣже... Но выпусти онъ небольшую книжку избранныхъ стихотвореній—и, мы глубоко увѣрены, она будетъ имѣть огромный успѣхъ, сразу широко раздвинувъ кругъ почитателей поэта.

Юрій Веселовскій. Стихотворные переводы. Вып. I. М. 1898.

Взявъ въ руки этотъ изящно изданный сборничекъ, мы прежде всего задались вопросомъ: какое отношеніе имѣетъ Ибсенъ къ Гейне, а Гейне къ Ованнисьяну и другимъ армянскимъ поэтамъ, и почему именно на этихъ и только на этихъ именахъ остановился переводчикъ? Начавъ затѣмъ перелистывать книжку г. Веселовскаго, мы опять испытали удивленіе: почему именно эти, а не какія-либо иныя пьесы попали въ каждый изъ трехъ отдѣловъ сборника? „Въ концѣ книжки, — говоритъ переводчикъ въ предисловіи, — помѣщенъ переводъ *большого* (въ четыре крошечныхъ странички!) стихотворнаго отрывка изъ драмы Ибсена „Сѣв. Богатыри", относящійся къ 92 году, когда эта эффектная пьеса была поставлена въ бенефисъ Г. Н. Ѳедотовой на сценѣ московскаго Малаго театра, причемъ роль Орнульфа прекрасно исполнялась артистомъ Рыбаковымъ". Рѣшительно ничего не понимаемъ! Причемъ тутъ г-жа Ѳедотова и артистъ Рыбаковъ? Во всякомъ случаѣ такіе стихи, какъ „мо̀и дѣти пали", „мо̀ю жизнь разбила", „въ сво̀ей пѣснѣ вольной", врядъ-ли могутъ быть названы достойными Ибсена...

Подборъ стихотвореній изъ Гейне отличается не только случайностью, но и большой смѣлостью. Такъ, г. Веселовскій берется переводить (послѣ Лермонтова!) знаменитую „Сосну":

Подъ сѣвернымъ небомъ, на склонѣ (?) суровомъ,
Тоскуя въ молчаньи нѣмомъ...

Очевидно, лермонтовскій переводъ ему не нравится, и онъ хочетъ его исправить. Кому неизвѣстенъ также прекрасный плещеевскій переводъ другой гейневской вещи:

Красавицу юноша любитъ,
Но ей полюбился другой;
Другой этотъ любитъ другую
И назвалъ своею женой.
За перваго встрѣчнаго замужъ
Красавица съ горя идетъ,

А бѣднаго юноши сердце
Тоска до могилы гнететъ.

Г. Веселовскій и этой передачи не можетъ одобрить и замѣняетъ ее собственной:

Нѣжно юноша дѣвушку любитъ...
Та иного себѣ избрала,
Но *тому* полюбилась *другая*
И къ вѣнцу съ нимъ *другая* пошла.
Потерявъ *его*, дѣвушка вскорѣ
Въ жизни встрѣтилась *съ кѣмъ-то другимъ*.
и т. д.

Здѣсь можно, какъ говорится, ногу сломать, прежде чѣмъ доберешься до смысла прелестнаго гейневскаго стихотворенія. Въ упомянутомъ уже предисловіи г. Веселовскій выражаетъ надежду, что переводы его изъ Гейне „быть можетъ, встрѣтятъ, сочувственный пріемъ со стороны тѣхъ, кто любитъ и цѣнитъ творчество автора *Книги пѣсенъ*, когда-то столь у насъ популярнаго“. Странная надежда! Смѣемъ увѣрить почтеннаго переводчика, что людямъ, дѣйствительно любящимъ поэзію Гейне, его перепѣвы покажутся только профанаціей любимаго имени. На что намъ, въ самомъ дѣлѣ, эти блѣдные и прѣсные перепѣвы послѣ тѣхъ образцовыхъ переводовъ, какіе даны уже такими несомнѣнными поэтами, какъ М. Л. Михайловъ, Плещеевъ, Майковъ, Вейнбергъ и др.?

Кромѣ Гейне, г. Веселовскій печатаетъ еще свои переводы изъ *пяти* армянскихъ поэтовъ, хотя мы предпочли бы имѣть *одного*, но переведеннаго съ талантомъ и любовью. Всѣ пятеро выходятъ у г. Веселовскаго, какъ пять капель дождевой воды, похожими одинъ на другого.

Одинъ изъ этихъ поэтовъ говоритъ:

Пройдетъ весна, какъ свѣтлый сонъ,
Фіалка нѣжная увянетъ...
И снова чистый небосклонъ
Порой скрываться въ дымкѣ станетъ.
Но не умретъ моя любовь!
Ее въ душѣ храню я страстно...
Ее изгнать изъ сердца вновь
Теперь ничто, ничто не властно!

Это все. Недурно. Однако чѣмъ же хуже изъясненіе въ любви другого армянскаго поэта:

Благословенъ тотъ день, когда впервые
Мы разъ одни вдвоемъ остались съ ней,
И я мечты открылъ ей дорогія,
Повѣдалъ тайны всѣ души моей!
Благословляю стрѣлы, что вонзила
Мнѣ въ грудь она своею красотой!

Забористо, нечего сказать; однако, чуть-ли не еще забористѣе

воспѣваютъ красоту своихъ возлюбленныхъ третій, четвертый и пятый армянскіе поэты... въ передачѣ г. Юрія Веселовскаго. Послѣдній „надѣется современемъ“ издать еще и второй выпускъ своихъ переводовъ изъ разныхъ поэтовъ. Не лишній-ли это будетъ трудъ?..

А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій). Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Книги I-я и II. Спб. 1899.

Заглавіе этой книги далеко не обнимаетъ ея содержанія. Судя по заглавію, можно подумать, что г. Навроцкій только перелагаетъ въ культурно-стихотворную форму „былины и преданія“, на самомъ же дѣлѣ мы имѣемъ здѣсь и самостоятельное творчество. У народа авторъ заимствуетъ только мотивы или, лучше сказать, только одинъ мотивъ о „вольной волюшкѣ“, который и является преобладающимъ въ его пѣсняхъ. Этотъ заимствованный изъ тьмы временъ мотивъ становится во истину „собственнымъ“,—до того крѣпко облюбовалъ его г. Навроцкій. Онъ неизмѣнно звучитъ въ каждомъ „преданіи“ и странное впечатлѣніе долженъ производить онъ на пришибленнаго человѣка,—пожалуй, то же, что и легендарный ударъ новгородскаго вѣчевого колокола въ мирно спящей Москвѣ книги III-й. Этотъ случайный „ударъ“ преобразуется у Навроцкаго въ поэтическую картину:

.. И качнувшись языкъ отъ руки старика,
Мѣрно къ мѣди родной прикоснулся слегка
И молчанье ея разбудилъ—
И раздался ударъ, и томительный звукъ,
Словно стонъ отъ годами скрываемыхъ мукъ,
Всю окрестность собой огласилъ.
Вздрогнулъ вершникъ у входныхъ дверей во дворцѣ
И дозорный стрѣлецъ на приказномъ крыльцѣ...
И понесся тотъ звонъ средь ночной тишины
По воздушнымъ волнамъ, полный грёзъ старины,
До Софіи святой долетѣлъ,
Гдѣ недавно еще полный мощи былой,
Какъ отъ предковъ свободныхъ завѣтъ вѣковой,
Вольный колоколъ гордо звенѣлъ...
...Мѣрный, звонкій ударъ разбудилъ горожанъ,
Еще полныхъ скорбей отъ испытанныхъ ранъ.
Озираясь со страхомъ кругомъ,
Напрягая свой слухъ, они ждали, крестясь,
Не вернулась ли снова былая напасть?
Не набатъ ли, не новый погромъ?...

То же, что вдохновляло Костомарова, когда онъ писалъ свои „Сѣверно-русскія народоправства“, вдохновляетъ и г. Навроцкаго. Конечно, тутъ много идеализаціи, но эта идеализація полна поэзіи и если не точной исторической правды, то правды художественной. Историкъ не станетъ, конечно, восхищаться ни Марфой

Борецкой, ни *вольной* новгородской республикой, ни Стенькой Разинымъ, но, что такіе факты, поставленные рядомъ съ московской политикой,—факты, окутанные дымкой легенды и почти сказочные въ своей вѣковой давности—могутъ будить поэтическія струны, несомнѣнно. Величавой и гордой вырисовывается у г. Навроцкаго фигура Борецкой. Полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства и неизмѣнной привязанностью къ вѣчевому укладу дышетъ ея рѣчь, обращенная къ Ивану передъ тѣмъ, какъ новгородской представительницѣ предстоитъ спуститься навсегда въ мрачное подземелье.

Тотъ же духъ вы чувствуете въ „великой книгинѣ Домникіи", которая бросается со своимъ крошечнымъ сыномъ-княжичемъ съ колокольни, лишь бы не попасть въ руки татаръ,—и въ „князѣ Пожарскомъ", плюнувшемъ въ лицо хану за предложеніе поступить къ нему на службу,—и въ боярынѣ Морозовой, отвѣтившей на всѣ льстивыя увѣщеванія гордою рѣчью:

...Ты не знаешь, чему мы такъ рады,
Чѣмъ намъ дороги иглы вѣнца;
Ты не знаешь высокой отрады
Въ томъ, что свято, стоять до конца!
То свобода души! Въ ней величье!
Въ ней и счастье, и жизнь, и восторгъ!
Закатилось-бы солнце на вѣки,
Если-бъ Богъ ее всюду исторгъ.
Тамъ на дыбѣ, палима огнями,
Среди мукъ я ее соблюла;
Тамъ одна, среди васъ кровожадныхъ
Палачей я свободна была!
Сила, власть, весь соблазнъ искушенья,
Все на вашей пришлось сторонѣ!
Только волю души во спасенье
Далъ Господь обороною мнѣ...
Я свободна и здѣсь! Я молюся,
Какъ хочу, какъ молилась всегда!
И за сладость подобной молитвы
Не возьму вашихъ благъ никогда!..

Г. Навроцкій не жалѣетъ красокъ и не боится упрековъ въ идеализаціи. „Простота" не принадлежитъ къ числу его достоинствъ, но и его „не простота", приподнятость тона вполнѣ соотвѣтствуютъ лирическому настроенію и драматизму разсказа. Онъ беретъ своихъ героевъ въ наиболѣе интенсивныя минуты ихъ существованія, минуты подведенія послѣднихъ итоговъ или жизненнаго перелома, когда обстоятельства заставляютъ человѣка обнаружить всю силу или все безсиліе своей души и дѣлаютъ изъ него или героя мученика, или лицемѣрнаго, трусливаго раба. Съ особенной любовью останавливается онъ на подвигахъ женщинъ. То гордая и свободолюбивая, какъ Марфа Борецкая, то непреклонная, какъ боярыня Морозова или царевна Софья, то нѣжная

и любящая и въ то же время вся проникнутая идеей долга, какъ Серафима—русская историческая женщина нашла въ г. Навроцкомъ своего восторженнаго пѣвца. И надо согласиться, что всѣ его фигуры дѣйствительно удачны, кромѣ развѣ одной—царевны Софіи, которой во II-ой книгѣ былинъ посвящена большая драматическая хроника. Но въ этой неудачѣ виноватъ, какъ кажется, только пріемъ, избранный авторомъ и совершенно несвойственный его таланту: онъ захотѣлъ написать не драматическую картину, а драму,—захотѣлъ изобразить характеръ не въ минуту его напряженнаго проявленія, а прослѣдить его образованіе и развитіе. Во всякомъ случаѣ, сравнительно небольшое стихотворное преданіе „Царевна Софія“ въ 1-ой книгѣ понравилось намъ гораздо больше драматической храники „Царевна Софія“ въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ во второй. Каждому свое.

И. Астаховъ. Романъ въ тюрьмѣ. Разсказы. Спб. 1899.

Не сомнѣваясь въ беллетристическомъ дарованіи г. Астахова, въ его умѣньи разсказывать и описывать, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что пока у него нѣтъ ни установившагося стиля, ни установившагося настроенія. Онъ пишетъ живо и интересно, но его разсказъ едва-ли можно отличить среди десятка, ему не принадлежащихъ: до того слабо отразился на немъ колоритъ индивидуальности. Поэтому и темы г. Астахова совершенно случайны: очевидно, онъ не ищетъ и не выбираетъ ихъ, а довольствуется тѣмъ въ большей или меньшей степени экстраординарнымъ, на что натолкнула жизнь. Тутъ и преступники, сидящіе въ каталажкѣ („Романъ въ тюрьмѣ“), и скучающая деревенская барышня („Въ деревнѣ“), и безпокойная дама („Въ дамскомъ купэ“), и дѣвица „fin de siècle“, поражающая безпардонной прямолинейностью своихъ мнѣній („Fin de siècle“), и уѣздный докторъ, къ которому даже въ гостяхъ всѣ надоѣдливо лѣзутъ со своими болѣзнями, и „типы латинскаго квартала“. Видимо, жизнь тормошила автора и бросала его съ одного конца свѣта на другой.

Самая большая вещь сборника „Романъ въ тюрьмѣ“, пожалуй, и самая лучшая. Типичныя фигуры арестантовъ, сидящихъ въ предварительномъ заключеніи въ ожиданіи участи и устроившихъ свой „клубъ“, пользуясь вольными порядками каталажки—прекрасно выдержаны отъ начала до конца. Тутъ же, въ этомъ смрадномъ мѣстѣ, завязавшійся любовный романъ разсказанъ очень живо, хотя нельзя не согласиться, что его герой и героиня—хорошенькая мѣщаночка, благополучно переходящая въ жизни своей изъ рукъ одного благодѣтеля въ руки другого—очень элементарны. Но все-же умѣніе разсказывать несомнѣнно, что подтверждается и другой эскизною вещью—„типами латинскаго квар-

тала", гдѣ не мало интересныхъ фигуръ парижскихъ студентовъ и общеизвѣстныхъ „студенческихъ женъ".

И. В. Ватсонъ. Ада Негри. Спб. 1899.

Эта изящная книжка съ хорошимъ портретомъ молодой итальянской поэтессы составляетъ первый выпускъ „Итальянской библіотеки". Это новое изданіе, задуманное нашей извѣстной переводчицей, должно хорошо служить ея всегдашней цѣли: знакомить русскаго читателя съ классической и новой литературой южныхъ романскихъ народовъ. Можно назвать цѣлый рядъ извѣстныхъ въ литературѣ именъ, которыя стали извѣстны нашей читающей публикѣ только благодаря работамъ г-жи Ватсонъ. Таковы Эспронседа, Кардуччи, Ларра; такова и Ада Негри, которой посвящена лежащая передъ нами книжка.

Громкая извѣстность Ады Негри весьма молода—ей всего лѣтъ пять, но уже достаточно основательна и, главное, широка. Это характерно для этого живого, искренняго и человѣколюбиваго таланта; онъ нашелъ повсюду—особенно въ Германіи—горячихъ почитателей, какихъ не найдутъ дарованія гораздо большихъ размѣровъ, но иного склада—вродѣ, напримѣръ, „послѣдняго парнассца" Эредіа, за одну книжку сонетовъ избраннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ членомъ французской академіи; такого поэта можно смаковать, но слѣдъ, оставленный имъ въ литературѣ—вѣрнѣе, въ языкѣ,—при всей своей несомнѣнности, весьма опредѣленныхъ и не большихъ размѣровъ. Не таковы судьбы поэзіи „соціальной", поэзіи любви къ людямъ, какова поэзія Ады Негри; въ моментъ появленія она, можетъ быть, незамѣтна собственно въ литературѣ; эстетически воспитанному современнику можетъ казаться, что на развитіи формъ мысли эта поэзія, не гонящаяся за чеканкой фразъ и оборотовъ, не отразится ничѣмъ. Но дѣйствіе ея на литературу иное—не непосредственное; она дѣйствуетъ на массы сердецъ, на жизнь—и волна ея благотворнаго вліянія когда нибудь докатится до литературы и окажетъ здѣсь свое вліяніе, когда слѣды скромныхъ заслугъ парнасскихъ „ciseleurs des mots" по справедливости поростутъ быльемъ.

Что особенно симпатично въ стихотвореніяхъ Ады Негри—ея бодрость. Вниманіе къ горькой судьбѣ всѣхъ обиженныхъ судьбою, составляющее жизненный нервъ ея поэзіи, не доводитъ ея до безсильной тоски; она часто скорбитъ, но никогда не ноетъ: характерный слѣдъ ея здоровой, дѣятельной жизни. Въ книжкѣ г-жи Ватсонъ читатель найдетъ живой разсказъ о судьбѣ труженицы-поэтессы и переводъ нѣкоторыхъ ея произведеній.

Валерій Брюсовъ. О искусствѣ. Москва. 1899.

Теоретическое произведеніе г. Брюсова невыгодно отличается отъ его поэзіи тѣмъ, что оно вполнѣ вразумительно; такимъ образомъ оно лишено главнаго интереса, какой внушали поэтическія творенія автора: интереса курьеза. Съ чрезвычайной скромностью авторъ отказывается настаивать на новизнѣ своихъ положеній—съ одной лишь оговоркой: „И Толстой, и я, мы считаемъ искусство средствомъ общенія. Позволяю себѣ напомнить, что я высказывалъ то же и раньше, въ своемъ предисловіи къ первому изданію Chefs d'oeuvre". Неожиданная и напрасная скромность, оправдываемая развѣ лишь тѣмъ, что банальностей въ книжкѣ г. Брюсова гораздо больше, чѣмъ открытій; это было бы еще не такъ страшно, но г. Брюсовъ склоненъ принимать свои банальности за новое слово, хотя и не принадлежащее ему лично; онъ считаетъ себя „выразителемъ того пониманія искусства, къ которому разными путями идетъ большинство нашего времени". А между тѣмъ, если бы онъ поучился прежде, чѣмъ учить другихъ, если бы онъ узналъ, какой старый хламъ это новое слово, до какой степени онъ со своими плоскими и крикливыми тирадами остается въ сторонѣ отъ большой дороги, которой идетъ наука объ искусствѣ, до какой степени его категоричность есть плодъ его невѣжества,—ему бы, навѣрно, стало стыдно. Онъ проходитъ мимо ряда большихъ вопросовъ, даже не подозрѣвая, что это вопросы, и съ смѣлостью, достойной „представителя большинства нашего времени", ставитъ на ихъ мѣсто кляксы. Въ этомъ всѣ „открытія" г. Брюсова; невѣжливые люди назовутъ, пожалуй, эти открытія какъ нибудь иначе, и, чего добраго, будутъ правы. Кардинальный вопросъ для современной теоріи искусства есть вопросъ о роли индивидуальности въ творчествѣ; что такое личный починъ, въ чемъ художникъ свободенъ, поскольку онъ связанъ готовыми формами и настроеніями, что онъ можетъ назвать по истинѣ *своимъ* въ своемъ произведеніи: вотъ рядъ задачъ, стоящихъ предъ теоретикомъ. А г. Брюсовъ порхаетъ вокругъ этихъ задачъ и щебечетъ съ позорной развязностью: „всѣ свои произведенія художникъ находитъ въ себѣ самомъ... вѣкъ даетъ только образы, только прикрасы" и т. п. Онъ дѣлаетъ также экскурсы въ область историческаго языкознанія и съ маху рѣшаетъ вопросъ о роли общества въ созданіи языка: съ своей обывательской точки зрѣнія онъ не видитъ и здѣсь вопроса, и просто изрекаетъ, что „слово создалось жаждой общенія"; нужно ли было общеніе для созданія слова, въ какой степени оно могло быть нужно, въ какой моментъ образованія слова—процесса въ высшей степени сложнаго—сыграло оно роль: таковы проблемы, далеко не рѣшенныя современной наукой; она приближается къ противоположному мнѣнію—беремъ первую попавшуюся цитату—„цѣли общенія не были ни причиной,

ни средствомъ при созданіи языка“: цитата изъ Лацаруса, одного изъ основателей „психологіи группъ“. По истинѣ—самое печальное въ невѣжественномъ человѣкѣ. не то, что онъ чего-то не знаетъ, а то, что онъ даже не понимаетъ, чего онъ, собственно, не знаетъ.

Поэтому грустное и комическое впечатлѣніе производятъ притязанія г. Брюсова на пріоритетъ въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, самая суть которыхъ безконечно далека отъ него. „И Толстой, и я, мы считаемъ... я высказывалъ то же раньше. Но Толстой углубилъ этотъ взглядъ... Полагаю, меня не сочтутъ послѣдователемъ Толстого...“ О, не бойтесь, не сочтутъ,—можно быть какого угодно мнѣнія объ эстетическихъ разсужденіяхъ Толстого, но навѣрное никому въ голову не придетъ дикая идея сопоставлять эти ошибки большого ума съ наборомъ крикливыхъ трюизмовъ, свидѣтельствующихъ еще разъ о томъ, что самомнѣніемъ нельзя замѣнить ни знанія, ни дарованія.

Н. Котляревскій. Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. Ея основные этическіе и соціальные мотивы и ихъ отраженіе въ художественномъ творчествѣ. Спб. 1898.

Въ сложномъ теченіи современной культурной жизни и у насъ и на западѣ не трудно замѣтить струйку, такъ сказать, антиобщественнаго настроенія. Оно заявляетъ себя тѣмъ сильнѣе, что выраженіемъ его служитъ по преимуществу столь мощный духовный дѣятель, какъ художественное творчество. Распространено мнѣніе, будто „новое“ искусство есть реакція реализму; на самомъ дѣлѣ оно есть лишь „инобытіе“ реализма и является развѣ реакціей натурализму — условному реализму французской школы, который, въ сущности, даже въ произведеніяхъ своего законодателя пересталъ быть реализмомъ. Но оно—несомнѣнная реакція соціальному искусству, и его теоретики не скрываютъ этого; они видятъ въ современномъ искусствѣ выраженіе „новой вѣры“, новой жизненной идеи, развитіемъ которой, по ихъ мнѣнію, былъ занятъ весь XIX вѣкъ и которая извѣстна подъ разнообразными названіями индивидуализма, эготизма, культа личности. Въ грядущихъ судьбахъ этой новой вѣры они не сомнѣваются; ея прошлое кажется имъ извѣстнымъ. Индивидуализмъ созданъ нашимъ вѣкомъ; найдя формулу, онъ сталъ непобѣдимъ: эволюція альтруизма закончена и мы присутствуемъ при расцвѣтѣ могучаго и жизнеспособнаго начала, которому суждено торжество и жизнь вѣчная.

Серьезнымъ отвѣтомъ на эти соображенія служитъ книга г. Котляревскаго—одно изъ наболѣе симпатичнѣйшихъ явленій нашей научной литературы за послѣднее время. Историческая по формѣ, она приводитъ къ интереснымъ и значительнымъ выво-

дамъ въ оцѣнкѣ современности, и мы желали-бы, чтобы она получила возможно болѣе широкое распространеніе среди русскихъ читателей. Въ противоположность многимъ современнымъ историкамъ литературы, которыхъ спеціализація загнала въ темные углы, гдѣ ничего, кромѣ мискроскопическаго предмета изслѣдованія, не видно, г. Котляревскій поставилъ себѣ широкую задачу, вполнѣ отвѣчающую запросамъ времени. Отъ обычнаго шаблона ученой диссертаціи его книга отличается также тѣмъ, что не блещетъ внѣшней эрудиціей; въ ней нѣтъ аппарата учености, нѣтъ многочисленныхъ цитатъ и намековъ, льстящихъ поверхностнымъ знаніямъ читателя, нѣтъ внушительныхъ колоннъ списка источниковъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ; но она свидѣльствуетъ о хорошемъ знакомствѣ съ предметомъ; за ея сжатыми формулами и образными характеристиками чувствуется серьезная работа, которая привела не только къ исчерпывающему знакомству съ подлежащимъ изслѣдованію матеріаломъ, но и къ достаточно опредѣленной точкѣ зрѣнія, безъ которой немыслимо изученіе столь сложныхъ и по существу близкихъ къ намъ явленій.

Заглавіе книги нѣсколько шире ея дѣйствительнаго содержанія. Автора интересуютъ не столько общіе пессимистическіе мотивы міровой скорби нашего вѣка, сколько одна ея особенность: онъ изслѣдуетъ главнымъ образомъ ея своеобразную черту, ея крайность: антигуманное настроеніе. „Человѣкъ и прежде бывалъ большимъ пессимистомъ, онъ и прежде скорбѣлъ о мірѣ и обезцѣнивалъ жизнь, но до принципіальной вражды къ ближнему, до яркихъ антисоціальныхъ тенденцій, до индифферентизма онъ поднимался рѣдко, въ видѣ исключенія“. Итакъ, это—страница изъ исторіи любви къ ближнему, одна изъ наиболѣе печальныхъ ея страницъ, такъ какъ посвящена разсказу о томъ, какъ даже лучшія сердца временно усомнились въ своей высшей цѣли; но заключительное слово этой краткой и бурной вспышки идейнаго человѣконенавистничества звучитъ ободреніемъ и примиреніемъ.

Для характеристики наиболѣе выдающихся моментовъ этой скорбной „болѣзни вѣка“ авторъ выбралъ рядъ крупныхъ и характерныхъ явленій въ исторіи литературы; это—Руссо, Гете и Шиллеръ, французскіе романтики въ эпоху имперіи, Байронъ; разрозненные на первый взглядъ, они на самомъ дѣлѣ связаны глубокимъ единствомъ внутренняго развитія.

Уже въ половинѣ блестящаго XVIII вѣка стройныя съ виду и трагически несправедливыя по своей сущности общественныя формы наталкиваются на протестъ—слабый, пассивный протестъ сантиментальнаго настроенія; наиболѣе выдающимся его симптомомъ была глубокая вѣра въ то, что силѣ автономнаго сердца дано водворить на землѣ его идеалъ—идеалъ евангельской любви и правды. Наиболѣе сильнымъ выразителемъ этого настроенія былъ Руссо; однако, въ его проповѣди мы находимъ уже намеки

на необходимость перехода пассивнаго прекраснодушія въ дѣятельность. Руссо, правда, многократно и энергично протестовалъ противъ насильственныхъ попытокъ осуществленія его программы, но эта умѣренность не могла быть принята его учениками. Сперва нѣмецкіе Stürmer und Dränger — оставаясь, правда, въ мирныхъ предѣлахъ чисто идейнаго возбужденія—сдѣлали на бумагѣ опытъ ниспроверженія существующаго строя; но сознаніе своего дѣйствительнаго безсилія, незрѣлости окружающаго міра для новой жизни, страданіе о несуществимости идеала сложились въ душѣ нѣмецкаго идеалиста въ острую тоску, которая нашла разрѣшеніе тамъ-же, гдѣ и зародилась: въ мечтѣ. „Религія, философія и эстетика исцѣлили его отъ скорби, примирили съ неизбѣжностью, обуздали его индивидуалистическія тенденціи и превратили его въ спокойнаго и увѣреннаго служителя той же гуманной идеи, которая сначала такъ разжигала его страсти". Напомнимъ исторію доктора Фауста, пришедшаго къ мирной соціальной работѣ.

Французскіе ученики Руссо, какъ извѣстно, не остались въ области идеологіи. Но опытъ оказался неудачнымъ. Пройдя черезъ ужасы крови и насилія, среди которыхъ его хранила неистребимая вѣра въ будущее, идеалистъ-реформаторъ не устоялъ въ своемъ высокомъ настроеніи, когда понялъ, что въ минувшей бурѣ разбиты основы, на которыхъ покоились всѣ его гуманныя надежды: вѣра въ вождя-реформатора и вѣра въ народъ. Гнетъ военной тиранніи, которой кончился праздникъ свободы, показалъ идеалисту, насколько міръ созрѣлъ для воплощенія общественной правды. Рядъ литературныхъ произведеній Имперіи— „Рене" Шатобріана, „Оберманъ" Сенанкура, „Сбогаръ" Нодье служитъ выраженіемъ этого тягостнаго настроенія: здѣсь не только скорбь о мірѣ; здѣсь ненависть къ черни вырождается въ настоящую ненависть къ людямъ — то вялую и индифферентную, какъ у Обермана, то бурную, какъ у безпринципнаго разбойника Сбогара. Противообщественная тенденція — въ полномъ расцвѣтѣ. Дойдя до крайняго, жестокаго и безнадежнаго воззрѣнія на человѣка, міровая скорбь находитъ новыя, яркія и рѣшительныя формы въ поэзіи Байрона. Самъ поэтъ былъ, конечно, далекъ отъ мизантропіи; но нѣкоторыя его симпатіи принадлежали тѣмъ его героямъ, которые такъ послѣдовательно, такъ открыто настаивали на отчужденіи отъ людей. Здѣсь мы имѣемъ „полную картину развитія міровой скорби въ душѣ обманутаго и негодующаго идеалиста. Сначала разочарованный носитель непонятной тоски, этотъ идеалистъ кончаетъ полнымъ отчужденіемъ отъ людей, полнымъ индифферентизмомъ, и является рѣзкимъ выразителемъ антигуманныхъ и антисоціальныхъ чувствъ и мыслей. Онъ остается неисправимымъ поклонникомъ своей гордой и сильной личности; онъ большой эгоистъ и его индивидуализмъ не допускаетъ между нимъ и людьми никакого соглашенія".

Таково настроеніе начала вѣка; острый періодъ его непродолжителенъ; сердце побѣждаетъ, и не только сердце, какъ было въ Франціи, но и мысль, какъ было въ Германіи. „Сознавая себя частью одного великаго цѣлаго, чувствуя свою неразрывную связь со всѣмъ окружающимъ міромъ, идеалистъ, послѣ долгой психической болѣзни, входилъ вновь въ общую колею жизни, являясь служителемъ той же гуманной идеи, въ которой онъ на время разочаровался. Онъ повысилъ требованія, которыя ставилъ себѣ, какъ вождю, и понизилъ тѣ, которыя предъявлялъ раньше своимъ окружающимъ. Отказавшись отъ надежды видѣть въ ближайшемъ будущемъ осуществленіе своего идеала, онъ сталъ скромнымъ работникомъ на различныхъ поприщахъ жизни, и главной своей задачей поставилъ умственную и нравственную эмансипацію массы, призванной осуществить на землѣ тотъ порядокъ жизни, который онъ считалъ и разумнымъ, и нравственнымъ. Индивидуалистъ и аристократъ превращался въ сознательнаго служителя и проводника демократической идеи“. Таково заключительное слово исторіи антигуманной тенденціи. Мы могли дать лишь грубую и поверхностную схему того, что въ книгѣ г. Котляревскаго исполнено живого содержанія.

Понятно, какъ онъ смотритъ на современный индивидуализмъ; онъ кажется ему не зарею иного будущаго, не „новой вѣрой“, а „послѣдней лебединой пѣсней умирающаго аристократическаго общества“; характерной чертой новаго проивообщественнаго настроенія онъ считаетъ его исключительно эстетическій характеръ, что служитъ въ то же время залогомъ его безопасности. Могутъ замѣтить, что авторъ слишкомъ легко раздѣлывается съ этимъ движеніемъ, представители котораго и болѣе многочислены, и разнообразны, и болѣе сильны, чѣмъ могло-бы, пожалуй, показаться читателямъ г. Котляревскаго. Но борьба съ отдѣльными положеніями индивидуализма и не должна лежать на изслѣдователѣ, которому удалось показать, какъ движется исторія не въ своихъ случайныхъ поворотахъ, но въ своихъ широкихъ, основныхъ линіяхъ. Мы отмѣтимъ только одно его замѣчаніе по адресу тѣхъ, кто, какъ, напримѣръ, Ренанъ, во имя высшей культурности не хочетъ грядущаго владычества массъ, замѣчаніе, прельстившее насъ, какъ и всякій афоризмъ, не столько новизной мысли, сколько удачной формой: „демократизація общества есть аристократизація массы“.

Мы не остановимся на томъ, что показалось намъ въ работѣ г. Котляревскаго неполнымъ или возбуждающимъ, съ нашей точки зрѣнія, сомнѣніе; но одна ея существенная черта не можетъ быть обойдена молчаніемъ.

Намъ пришлось слышать о ней недурное замѣчаніе: хорошая книга, но—безъ скелета. Не трудно видѣть, что могло и должно было стать скелетомъ этой „мягкотѣлой“ книги и чего ей недо-

стаетъ: это предварительное теоретическое изслѣдованіе предмета. Онъ имѣетъ лишь видимую ясность и опредѣленность; его исторія едва-ли возможна безъ его теоріи: его философскаго опредѣленія и оцѣнки; онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ глубокимъ и сложнымъ теченіемъ, чтобы писать его исторію, не отграничивъ его со всей возможной строгостью отъ сплетающихся съ нимъ струекъ. Эта сложность и неопредѣленность предмета заставляетъ изслѣдователя иногда говорить общими положеніями, въ которыя можно вложить разное содержаніе, иногда болѣе широкое, иногда болѣе узкое, глядя по читателю, и которыя не даютъ увѣренности, что авторъ хотѣлъ сказать именно то, что намъ кажется.

Но какъ бы ни казался намъ существеннымъ этотъ пробѣлъ, не будемъ настаивать на немъ; г. Котляревскій написалъ интересную и полезную книгу. По содержанію она должна стать общимъ достояніемъ, по формѣ—она можетъ стать имъ. Возможно глубже изслѣдовать проблемы, стоявшія предъ авторомъ, возможны болѣе рѣшительные выводы и болѣе опредѣленныя сужденія, но не легко формулировать результаты научной историко-философской работы въ формѣ болѣе простой, ясной и общедоступной.

Дѣло. Сборникъ литературно-научный, изданный Моск., отд. общества для усиленія средствъ Спб. женскаго медицинскаго института. М. 1899.

Изданіе сборниковъ съ благотворительными цѣлями сдѣлалось у насъ за послѣднее время обычнымъ дѣломъ. Обычной же отличительной чертой такихъ сборниковъ почти всегда было необходимое, конечно, разнообразіе содержанія и неизбѣжная несистематичность и случайность выбраннаго матеріала. При нашихъ скудныхъ литературныхъ силахъ избѣжать послѣдняго не представляется совсѣмъ возможности. Сборникъ „Дѣло“, къ счастію, въ этомъ отношеніи представляется однимъ изъ удачныхъ—своей внѣшностью, расположеніемъ и содержаніемъ статей онъ напоминаетъ обыкновенную нашу журнальную книжку, составленную всегда съ извѣстной систематичностью... Сборникъ содержитъ рядъ статей по „женскому вопросу“, въ числѣ которыхъ больше хорошихъ, чѣмъ плохихъ, и даже страницъ десять, посвященныхъ „хроникѣ женскаго движенія“; значительное число беллетристическихъ произведеній и нѣсколько литературно-критическихъ; статьи по исторіи и публицистикѣ. Сборникъ обильно наполненъ стихотворными произведеніями, среди которыхъ есть и „сонеты“, и „баллады и оды“ В. Гюго, и просто стихотворенія... Наибольшій интересъ имѣютъ статьи, такъ или иначе касающіяся „женскаго вопроса“ вообще, медицинскаго института въ частности. На первое мѣсто въ ряду такихъ работъ можно поставить „Матеріалы къ исторіи женскаго медицинскаго образованія въ Россіи“ док-

тора З. Н. Окуньковой-Гольдингеръ („Замѣтка“ ея же относится къ этой же работѣ).

Статья не представляетъ собою чего нибудь цѣльнаго и законченнаго, но сообщаемые факты интересны. Отмѣтимъ одну маленькую подробность. Когда было рѣшено основать вновь медицинскую школу (нынѣшній институтъ) для женщинъ, то, какъ это у насъ обыкновенно водится, пошли толки и препирательства насчетъ выбора мѣста для новаго учебнаго заведенія, причемъ выставили свои права Москва, какъ главная жертвовательница (замѣтимъ, что „Дѣло“ издано тоже Московскимъ отдѣленіемъ общества для усиленія средствъ Спб. ж. медиц. инст.), Петербургъ, Ярославль и даже Томскъ. Неизвѣстно, чѣмъ и когда кончились бы препирательства между этими претендентами, если бы, какъ читаемъ на стр. 28, „наконецъ, всѣ пререканія не разрѣшилъ департаментъ полиціи, заявившій прямо, что онъ считаетъ Петербургъ наиболѣе удобнымъ пунктомъ въ смыслѣ присмотра за порядкомъ“.

Большой интересъ представляетъ статья проф. Эрисмана. Она посвящена вопросу о „совмѣстномъ обученіи мужчинъ и женщинъ въ университетахъ“. Авторъ пользуется при рѣшеніи его мнѣніями нѣмецкихъ профессоровъ, напечатанными въ прошломъ году въ книгѣ Арт. Кирхгофа „Die academische Frau“, отвѣтами о совмѣстномъ обученіи обоихъ половъ, которые дали факультеты всѣхъ швейцарскихъ университетовъ по просьбѣ германскаго посольства въ Бернѣ и которые не появлялись еще въ печати, и наконецъ, отвѣтами 37 профессоровъ въ Швейцаріи, любезно доставленными проф. Эрисману его коллегами. Къ послѣднимъ г. Эрисманъ обратился съ просьбой сообщить ему, къ какому выводу они пришли по вопросу о „совмѣстномъ обученіи“, „на основаніи долголѣтнихъ личныхъ наблюденій и практическаго опыта“. Всѣ источники автора даютъ почти одинъ результатъ, сообщить который мы не считаемъ излишнимъ здѣсь словами самого проф. Эрисмана. На стр. 309 читаемъ: „ни одинъ изъ 37 профессоровъ не высказался противъ совмѣстнаго ученія, ни одинъ на находитъ болѣе цѣлесообразнымъ раздѣленіе половъ и учрежденіе высшихъ учебныхъ заведеній исключительно для женщинъ“... Относительно послѣдняго вопроса многіе профессора даже изъ числа не сочувствующихъ высшему женскому образованію полагаютъ, что „возникновеніе спеціальныхъ факультетовъ или университетовъ для женщинъ—это несчастіе для самихъ женщинъ“, ибо, по ихъ мнѣнію, „уровень преподаванія въ такихъ высшихъ женскихъ школахъ будетъ всегда ниже, чѣмъ въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ“. По мнѣнію другихъ профессоровъ, „основаніе высшихъ учебныхъ заведеній спеціально для женщинъ“ роскошь, которую можно позволить, если (какъ выражается проф. Серанвиль) „какой нибудь Ротшильдъ или другой владѣлецъ мил-

ліардовъ пожертвуетъ на это необходимыя суммы". Изъ остальныхъ статей по „женскому вопросу" можно указать на статью проф. Герье „Объ общественномъ призваніи женщинъ". Авторъ рѣшилъ, что „искать этого призванія слѣдуетъ въ области общественнаго призрѣнія", что намъ представляется слишкомъ уже скромнымъ. Намъ остается упомянуть еще о рядѣ статей безъ подписи, трактующихъ такъ или иначе о положеніи студентокъ и вообще женщинъ въ Европѣ и Америкѣ—каковы „Жизнь и бытъ студентокъ въ Англіи", „Лондонскіе и американскіе клубы для женщинъ", „Изъ хроники женскаго движенія" и пр.

Въ наши дни серьезнаго оскудѣнія беллетристическими талантами нѣсколько странно, но тѣмъ болѣе пріятно отмѣтить, что отдѣлъ изящной литературы въ сборникѣ положительно хорошъ. Гораздо слабѣе стоящій въ близкой связи съ беллетристикой рядъ статей литературно-критическихъ. Совершенно особнякомъ стоитъ въ сборникѣ нѣсколько писемъ изъ-за границы В. Г. Бѣлинскаго къ его женѣ, не дающихъ чего либо очень характернаго для личности нашего критика, и чрезвычайно интересныхъ писемъ М. Е. Салтыкова къ Н. А. Бѣлоголовому.

А. Г. Тимофѣевъ. Очерки по исторіи краснорѣчія. Спб. 1899.

Какъ справедливо замѣчаетъ г. Тимофеевъ, исторія краснорѣчія „является частью общей исторіи культуры человѣчества, такъ какъ развитіе ораторскаго искусства зависитъ отъ государственнаго и общественнаго строя и нравственныхъ и умственныхъ силъ каждой эпохи" (стр. 1). Какъ странно, однако, г. Тимофеевъ понимаетъ эту „общую культуру человѣчества", можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ примѣровъ. Говоря о Франціи XVIII вѣка и „наиболѣе выдающихся моментахъ, необходимыхъ для выясненія особенностей краснорѣчія этой эпохи", онъ замѣчаетъ: „перемѣна царствованія (смерть Людовика XIV) вызвала понятную реакцію, послужила толчкомъ къ быстрому развитію новыхъ общественныхъ взглядовъ и настроеній. Прежнія строгія и величественныя линіи въ искусствѣ, архитектурѣ, меблировкѣ измѣнились; стиль Людовика XIV смѣнился стилемъ рококо, болѣе соотвѣтствующимъ новымъ вкусамъ и потребностямъ. Большой переворотъ произошелъ и въ другихъ областяхъ. Появился цѣлый рядъ философовъ и писателей, преслѣ*дующихъ* (овавшихъ?) иныя, чѣмъ прежде, задачи, разбир*авшихъ* (ющихъ?) основныя положенія государственной и общественной жизни. Монтескье, Руссо, Вольтеръ и много другихъ"... (стр. 128). О царствованіи Людовика XIV г. Тимофеевъ говоритъ: „это былъ вѣкъ расшитыхъ кафтановъ, огромныхъ париковъ и высокихъ каблуковъ, посредствомъ которыхъ люди какъ бы стремились стать выше собственнаго роста, произвести впечатлѣніе своею внѣшностью. Вездѣ

заботились о правильности и симметріи: въ постройкахъ, въ разбивкѣ садовъ, въ которыхъ деревья тщательно подстригались"... и т. д. (стр. 92). Стиль рококо, „очарованные" сады Версаля, расшитые кафтаны, огромные парики, высокіе каблуки,—все это такъ поглощаетъ вниманіе почтеннаго изслѣдователя, что на долю „цѣлаго ряда философовъ и писателей" остается лишь скромное мѣстечко „въ другихъ областяхъ". Таковъ характеръ экскурсій г. Тимофеева въ область „общей исторіи". Но, кромѣ общеисторическаго значенія, исторія краснорѣчія, по мнѣнію г. Тимофеева, имѣетъ важное практическое значеніе. „Съ чисто технической точки зрѣнія она даетъ изучающему ораторское искусство понятіе о стилѣ и содержаніи рѣчей въ различныя эпохи, выясняетъ ихъ особенности, указываетъ ихъ хорошія и дурныя стороны, объясняетъ измѣненія, происходящія въ ихъ формѣ и содержаніи и, такимъ образомъ, доставляетъ возможность, сравнивая прошлое съ существующимъ, *сознательно отнестись къ достоинствамъ и недостаткамъ ораторскихъ пріемовъ, употребляемыхъ въ настоящее время*" (стр. 1). Не думаемъ, чтобы и въ этомъ отношеніи очерки г. Тимофеева имѣли значительную цѣнность. Они вовсе не даютъ читателю общей картины послѣдовательнаго развитія ораторскаго искусства, а представляютъ собою рядъ отрывочныхъ свѣдѣній изъ жизни ораторовъ и рядъ отрывочныхъ текстовъ изъ ихъ рѣчей. Связь между этими обрывками поддерживается сентенціями г. Тимофеева, по своей оригинальности и новизнѣ очень напоминающими... прописи. При этомъ характеристики отдѣльныхъ ораторовъ, вообще тусклыя и блѣдныя, носятъ особенный, спеціальный оттѣнокъ судебныхъ приговоровъ. Г. Тимофеевъ является не столько историкомъ ораторовъ, сколько ихъ судьею. Разсмотрѣніе обвиненій, опроверженіе ихъ, оправданіе „обвиняемыхъ", изысканіе смягчающихъ обстоятельствъ,—занимаютъ значительную часть „очерковъ". Вотъ образецъ судопроизводства г. Тимофеева.

Въ одномъ процессѣ Цицеронъ выступилъ противникомъ человѣка, котораго раньше самъ же защищалъ. Когда его упрекнули въ этомъ, онъ защищался слѣдующими „остроумными" доводами: „Мнѣ противопоставляютъ важный авторитетъ, постыдно забытый мною, мой собственный... Очень ошибаются, если думаютъ найти въ нашихъ рѣчахъ наши собственныя мысли. Мы говоримъ по обстоятельствамъ времени и дѣла... *если бы дѣла могли защищать сами себя, никто не обращался бы къ оратору*" (стр. 43). По этому поводу г. Тимофеевъ постановляетъ такую резолюцію: „Конечно, адвокатъ говоритъ „по обстоятельствамъ времени и мѣста", но это не значитъ, что онъ имѣетъ право защищать или обвинять не по убѣжденію, а по личнымъ соображеніямъ. *Оправданіе въ данномъ дѣлѣ Цицеронъ можетъ найти* въ нравахъ эпохи, особенностяхъ своего характера (!) и положенія среди враж-

дебныхъ другъ другу партій и въ своей обычной добросовѣстности (?) въ другихъ случаяхъ, но это только смягчаетъ вину" (стр. 44). Г. Тимофеевъ вообще такой мастеръ „смягчать вину", что среди его „обвиняемыхъ" вовсе не оказывается „виновныхъ". Разсматривая, напримѣръ, обвиненіе Цицерона въ трусости, г. Тимофеевъ находитъ, что „Цицеронъ не былъ солдатомъ, не участвовалъ въ открытой борьбѣ, и предстоящая возможность ея *могла подѣйствовать на его нервы*,—это еще не дѣлало его трусомъ" (стр. 47). О нѣкоемъ Пелиссонѣ, посаженномъ въ тюрьму за казнокрадство вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, министромъ Людовика XIV, Фуке, и написавшемъ въ защиту послѣдняго чрезвычайно льстивую оправдательную записку, г. Тимофеевъ замѣчаетъ: „Пелиссона упрекаютъ въ излишествѣ лести, но мы видѣли выше, по рѣчамъ Боссюэта, къ какой лести привыкъ король и его окружающіе, поэтому *нельзя относиться строго къ человѣку*, находившемуся въ положеніи Пелиссона и отстаивавшему, вдобавокъ, обвиняемаго, противъ котораго король былъ уже предубѣжденъ. Онъ слѣдовалъ общему теченію"... и т. д. (стр. 109) Въ концѣ концовъ, „Пелиссонъ является представителемъ лучшихъ традицій адвокатуры". Мы думаемъ, что очень многіе представители адвокатуры не согласятся съ такимъ пониманіемъ ея лучшихъ традицій. Такою снисходительною моралью пропитаны всѣ „очерки" г. Тимофеева, что, на нашъ взглядъ, отнюдь не увеличиваетъ достоинствъ этой книги.

Нищета философіи. Переводъ съ франц. Кіевъ 1898.

Подъ этимъ названіемъ переведена часть одного изъ раннихъ трудовъ Маркса, направленнаго противъ Прудона. Какъ извѣстно, живя въ Парижѣ, Марксъ съ 1844 года очень близко сошелся съ Прудономъ, усердно посвящая его въ тайны гегелевской діалектики и вообще знакомя его съ своимъ общественнымъ міровоззрѣніемъ. Попыткой дать научное обоснованіе этому новому міровоззрѣнію и явился трудъ французскаго экономиста „Система экономическихъ противорѣчій или философія нищеты" („Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère), изданный въ 1846 г.,—трудъ, приведшій, однако, къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. Онъ послужилъ однимъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ разрыву между его авторомъ и Марксомъ, который въ 1847 году и обрушился на Прудона своею полною ѣдкости и злого остроумія книжкою, написанною по французски и озаглавленною: „Нищета философіи, отвѣтъ на философію нищеты Прудона" (Misère de la philosophie, réponse à la philosophie de la misère de M. Prondhon"). Книжка эта впослѣдствіи была переведена по нѣмецки Бернштейномъ и Каутскимъ, подъ ред. и съ интересными предисловіемъ и примѣчаніями

Энгельса (Das Elend der Philosophie, Antvort auf Proudhon's „Philosophie des Elends“, 3-e Aufl., Stuttgart, 1895).

Работа эта очень важна для научной характеристики Маркса. Помимо ея непосредственной цѣли и темы—полемики съ Прудономъ, на почвѣ послѣдней Марксъ впервые обосновываетъ свой *историческій* взглядъ на природу экономическихъ явленій и понятій; затѣмъ здѣсь имѣются многочисленныя мѣста въ духѣ теоріи экономическаго матеріализма, здѣсь же мы находимъ интересную характеристику экономическихъ школъ и направленій, до сихъ поръ мало распространенную въ экономической литературѣ.

Къ сожалѣнію, въ русскомъ изданіи появилась только часть данной работы. Изъ двухъ составляющихъ ее главъ переведена только первая, занимающая немногимъ больше третьей части книжки и содержащая ученіе о цѣнности, деньгахъ и прибавочной цѣнности. Наиболѣе интересная глава—вторая, посвященная вопросамъ о методѣ политической экономіи, раздѣленіи труда и машинахъ, о конкурренціи и монополіи, о земельной собственности и рентѣ, о стачкахъ и рабочихъ организаціяхъ,—вся эта глава опущена. Быть можетъ, это произошло не по винѣ переводчика. Но ужъ, разумѣется, по винѣ послѣдняго переводъ грѣшитъ довольно часто. Напримѣръ, одинъ и тотъ же терминъ въ разныхъ мѣстахъ, иногда на одной и той же страницѣ и чуть ли не въ одной фразѣ, передается то словами „мѣновая *стоимость*“, то „мѣновая *цѣнность*“ (стр. 12, 13). Знаменитая фраза Прудона: „мѣновая цѣнность является краеугольнымъ камнемъ въ зданіи политической экономіи“ переведена: „*Стоимость* (*продажная*) есть *угловой* камень экономическаго зданія“ (19). Далѣе встрѣчаются такія неуклюжія выраженія, какъ: „невѣроятно, что столько умныхъ людей въ теченіе 40 лѣтъ не *нападаютъ* на эту простую идею“ (20) и т. д. Такихъ погрѣшностей имѣется не мало, хотя въ общемъ переводъ передаетъ довольно точно смыслъ подлинника.

Сидней Веббъ. Положеніе труда въ Англіи за послѣднія 60 лѣтъ. Перев. съ англ. Спб. 1899. Изд. Н. И. Березина и М. Н. Семенова.

Маленькая брошюра Вебба—одного изъ лучшихъ современныхъ англійскихъ экономистовъ, извѣстнаго спеціалиста по исторіи и статистикѣ труда, заслуживаетъ безспорно вниманія русскаго читателя. Послѣдній найдетъ здѣсь данныя по вопросу, обсужденіе котораго не сходитъ со страницъ нашей періодической печати,—вопросу о тѣхъ соціальныхъ послѣдствіяхъ, которыя принесъ съ собою достигшій уже грандіозныхъ размѣровъ современный техническій прогрессъ. Веббъ не ставитъ вопроса

теоретически. Онъ исходитъ изъ анализа фактовъ, рисующихъ положеніе рабочихъ классовъ Англіи, и выводы, имъ полученные, нельзя не признать столь же интересными, сколь и правильными. „Шестидесятилѣтіе царствованія королевы Викторіи (съ 1837 по 1897 г.) неизбѣжно приводитъ къ многочисленнымъ сопоставленіямъ между положеніемъ труда въ началѣ и въ концѣ указанной эпохи. Съ перваго взгляда кажется, что для самодовольства нѣтъ лучшей почвы“... (3). И дѣйствительно, въ маленькихъ главкахъ о заработной платѣ, рабочемъ днѣ, квартирномъ вопросѣ авторъ съ достовѣрными цифрами въ рукахъ доказываетъ, что „за послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ замѣчается большой прогрессъ въ условіяхъ существованія значительной части народа“ (10). Однако, всматриваясь глубже въ смыслъ совершившагося переворота, авторъ не видитъ основанія къ чрезмѣрному оптимизму, а тѣмъ болѣе къ „самодовольству“. „Необходимо отмѣтить, что этотъ прогрессъ и значительное повышеніе уровня жизненныхъ потребностей не были всеобщими. Въ настоящее время у насъ живетъ масса народу, который, съ экономической точки зрѣнія, находится не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ 1837 г.“ (10). Притомъ оказывается, что % лицъ, живущихъ въ состояніи „хронической нужды“, въ настоящее время не ниже, чѣмъ онъ былъ когда бы то ни было (10). Эта мысль о наличности въ современномъ обществѣ прогресса, но прогресса „незначительнаго“, „частичнаго“, проходитъ красною нитью черезъ всю брошюру, составляя и вообще основную и излюбленную идею автора, проводимую имъ и во всѣхъ другихъ произведеніяхъ. Въ заключительной главѣ брошюры эта мысль формулируется слѣдующимъ образомъ: „Тогда какъ положеніе большинства живущихъ на заработную плату улучшилось съ 1837 г., другая часть получила изъ общей доли увеличившагося богатства и плодовъ цивилизаціи немного или ничего. Если мы возьмемъ отдѣльныя стороны жизни и проведемъ опредѣленную черту, ниже которой, по нашему, рабочій не можетъ прилично существовать, то найдемъ, что по отношенію къ заработку, къ количеству рабочихъ часовъ, къ помѣщеніямъ и къ общему прогрессу цивилизаціи, *процентъ* тѣхъ, которые находятся подъ линіей, меньше, чѣмъ онъ былъ въ 1837 г. Но мы нашли бы также, что теперешній уровень почти столь же низокъ, какъ и тогда, и что *общее число* лицъ, находящихся подъ начертанною линіею, въ настоящее время, вѣроятно, больше, чѣмъ въ 1837 г. Едва ли когда существовала такая бѣдность; а распространенность ея та же, или еще болѣе обширна. Грязь 1837 г. не смыта съ нашихъ рукъ и сознанія“ (29). Впрочемъ, все это не приводитъ автора къ пессимистическому воззрѣнію. „Улучшеніе возможно“, — заявляетъ онъ (30) и, чуждый взгляда на современный прогрессъ, какъ на продуктъ механической, самопроизвольной экономической эво-

люціи, онъ отъ настоящаго строитъ предположенія къ будущему. „Фабричное законодательство, тредъ-юніонизмъ и организація, принявшая новѣйшую форму муниципальнаго управленія или потребительнаго товарищества были величайшими факторами прогресса, имѣвшаго мѣсто, начиная съ 1837 г. Вся наша надежда на поднятіе опустившейся массы заключается въ здраво обдуманномъ расширеніи сферы вліянія этихъ проявленій коллективизма“ (32). Этими словами заканчивается брошюра, представляющая, не смотря на малый объемъ, значительный интересъ.— Русскій переводъ, при общей удовлетворительности, страдаетъ мѣстами дефектами. Такихъ выраженій, какъ „страшно неудовлетворителенъ“ (17), „страшно немного“ (5), „неновизна“ (19),—слѣдовало бы избѣгать. Имѣется и совсѣмъ непонятная фраза: „Взявши предметомъ разсмотрѣнія подавленное положеніе отъ перемѣны въ модѣ или коммерческаго кризиса, мы найдемъ подтвержденіе очевидности столь же остраго кризиса, отъ какого страдаетъ въ настоящее время (?)“ (16). Тутъ, вѣроятно, дѣло въ опечаткѣ, которыхъ въ книжкѣ имѣется не мало.

Изъ экономической жизни Западной Европы. Сборникъ статей. Вып. I. Переводъ съ нѣм. А. Санина. Изданіе Н. Гарина. Спб. 1898.

Въ послѣднее время на нашемъ книжномъ рынкѣ стало появляться великое множество тощихъ книжекъ, обѣщающихъ легковѣрному читателю на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ со всеисчерпывающею полнотою и ясностью познакомить его съ самыми мудреными науками, съ самыми сложными вопросами. Среди всей этой массы „популярной“ литературы, наводнившей книжный рынокъ, едва ли найдется десятокъ-другой книгъ, дѣйствительно удовлетворяющихъ потребность въ этого рода литературѣ; объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что популяризацію науки или теоріи у насъ слишкомъ часто отождествляютъ съ сокращеніемъ изложенія ея до возможнаго minimum'а страницъ и подъ видомъ популярныхъ книжекъ переводятъ съ иностранныхъ языковъ статьи, не имѣющія ничего общаго съ популяризаціей того или иного вопроса, но... за то небольшія объемомъ. Къ такимъ книжкамъ принадлежитъ и сборникъ г. Санина. Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ статей съ весьма заманчивыми названіями, но... къ сожалѣнію, этихъ статей въ немъ цѣлыхъ тринадцать. Мы говоримъ „къ сожалѣнію“ потому, что думаемъ, какъ бы ни были талантливы авторы выбранныхъ г. Санинымъ статей для сборника (а изъ авторовъ этихъ далеко не всѣ могутъ быть названы талантливыми), на 122 страницахъ невозможно сколько нибудь добросовѣстно познакомить читателя и съ „Германской промышленностью“ и съ „Крупнымъ и мелкимъ производствомъ въ Германіи“, „Крупнымъ и мелкимъ производствомъ въ Швей-

царіи", „Экономическимъ строемъ Баваріи" и т. п. вещами. Этой задачи и не ставили себѣ авторы статей: статьи эти, занимающія иногда 30—40 строкъ текста и приблизительно столько же строкъ цифровыхъ данныхъ, были напечатаны въ еженедѣльномъ нѣмецкомъ журналѣ, гдѣ они являлись большею частью либо дополненіемъ къ другимъ статьямъ на тѣ же темы, либо возраженіемъ на статьи другихъ журналовъ, либо, наконецъ, просто мелкими замѣтками, напечатанными въ концѣ журнальной книжки петитомъ (таковы, напримѣръ, „статьи" Д. Циннера). Почему г. Санинъ выбралъ именно эти статьи, въ большинствѣ совершенно неподходящія для сборника, совершенно непонятно, такъ какъ въ нѣмецкой прессѣ, по тѣмъ же вопросамъ и съ тѣмъ же освѣщеніемъ ихъ, имѣется весьма обширная популярная литература, болѣе достойная перевода.

Но грѣхъ г. Санина былъ бы не великъ, если бы состоялъ только въ томъ, что читатель не получилъ бы, прочтя книжку, никакого или самое смутное представленіе о тѣхъ сторонахъ экономической жизни Западной Европы, о которыхъ трактуется въ сборникѣ: мало ли, въ самомъ дѣлѣ, совершенно нестоющихъ книжекъ прочитываетъ злосчастный русскій читатель. Но г. Санинъ, очевидно, поставилъ себѣ цѣлью не ознакомить читателя съ экономическою жизнью Западной Европы, а вселить ему извѣстный взглядъ на ходъ экономическаго развитія вообще. Этимъ послѣднимъ и объясняется, почему при выборѣ статей г. Санинъ не обращалъ часто вниманія ни на авторитетность или даже просто извѣстность автора, ни на время написанія статей, ни на время, къ которому относятся приводимыя въ нихъ статистическія и другія данныя. Помѣщена, напримѣръ, въ сборникѣ статья І. Шмидта „Экономическій строй Баваріи", написанная еще въ 1894 году, т. е. за два года до опубликованія результатовъ германской профессіональной народной переписи 1895 года. Это послѣднее обстоятельство, т. е. отсутствіе точныхъ данныхъ о положеніи землевладѣнія въ Германіи, даетъ право автору дѣлать ошибочное утвержденіе о гибели мелкаго крестьянскаго хозяйства Германіи, поглощеніи его крупнымъ капиталистическимъ, „какъ это признаютъ всѣ знакомые съ дѣломъ люди". Послѣдняя профессіональная перепись той же Германіи, о которой говоритъ І. Шмидтъ, въ томъ же сельскомъ хозяйствѣ обнаружила движеніе земельной собственности прямо противоположное утвержденію автора: за 13 лѣтъ, со времени предыдущей переписи 1882 года, число мелкихъ собственниковъ въ сельскомъ хозяйствѣ возросло съ 27,78% до 31,87% всего занятого въ немъ населенія, тогда какъ число наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ же хозяйствѣ упало съ 71,41% до 67,77%; площадь, занимаемая мелкими и средними хозяйствами, увеличилась съ 44,5% всей обрабатываемой площади до 45,6%, крупное же землевладѣніе за-

нимало въ 1882 г.—56,7%, въ 1895 г. 54,4% занятой земледѣліемъ площади. I. Шмидтъ имѣлъ, конечно, право не предвидѣть этого, страннаго на его взглядъ явленія, г. Санинъ же не могъ не знать этихъ данныхъ послѣдней переписи, хотя бы уже потому, что въ первой статьѣ сборника, принадлежащей О. Гэкку, правда, вскользь, но все же упоминается объ этомъ; а если г. Санинъ зналъ объ этомъ,—то, думается намъ, онъ не долженъ былъ бы помѣщать въ своемъ сборникѣ статью I. Шмидта, написанную на основаніи устарѣвшихъ данныхъ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что и переводъ сборника сдѣланъ неудовлетворительно. Встрѣчаются такіе, напримѣръ, перлы: „хотя и между прочимъ только, но тѣмъ не менѣе регулярно“ (стр. 13). „Такимъ образомъ, благодаря анализу данныхъ о подсобной промысловой дѣятельности, перемѣна въ распредѣленіи населенія между различными отраслями занятій, совершившаяся за тринадцатилѣтній періодъ 1882—1895 гг. въ ущербъ сельскому хозяйству, оказывается еще болѣе значительною“ (стр. 7); „*непосредственные города* по эту сторону Рейна“ (стр. 34); „Харлоттенбургъ“, вмѣсто Шарлоттенбургъ (Charlottenburg) и т. п.

Если г. Санинъ вздумаетъ издать второй выпускъ сборника, желательно было бы, чтобы онъ отнесся съ большимъ вниманіемъ и къ выбору статей, и къ своему переводу.

П. Кампфмейеръ. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Пер. съ нѣм. подъ редакціей П. Струве. Изд. журнала „Образованіе“. Спб. 1898.

Интересная участь, характерная для современной критики, постигла эту книжку.—Восемь лѣтъ тому назадъ въ изданіи „Berliner Arbeiter Bibliothek“ появилась книжка Кампфмейера подъ заглавіемъ: „Zur Entwickelungsgeschichte des Kapitalismus in Deutschland“. Книжка эта осталась совершенно незамѣченною критикой. Но вотъ спустя 6 лѣтъ Кампфмейеръ добавилъ къ ней 3—4 новыхъ главы, пополнилъ кое гдѣ, повысилъ въ 6 разъ стоимость ея и выпустилъ подъ другимъ заглавіемъ, „Geschichte der modernen Gesellschaftsklassen in Deutschland“, и книжка пріобрѣла значительный успѣхъ, въ большинствѣ журналовъ появились рецензіи о ней, и черезъ годъ она появилась въ русскомъ переводѣ сперва въ журналѣ „Образованіе“, а затѣмъ и въ отдѣльномъ изданіи (переводъ тотъ же).

Названіе книжки въ русскомъ переводѣ, на нашъ взглядъ, гораздо больше соотвѣтствуетъ содержанію, нежели ея нѣмецкое названіе. Читатель найдетъ въ книжкѣ именно очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры, имѣющіе между собою развѣ только хронологическую связь, до и то не всегда; въ нихъ авторъ, правда, знакомитъ съ положеніемъ крѣпостного крестьянства въ раз-

личныя эпохи, съ положеніемъ дворянства, буржуазіи и рабочаго класса, но болѣе или менѣе цѣльной исторіи какого либо изъ этихъ классовъ—читатель не найдетъ. За то Кампфмейеръ посвящаетъ отдѣльныя главы исторіи нравовъ, образованію, семейнымъ отношеніямъ германцевъ въ различныя историческія эпохи. Книжка написана очень интересно и популярно и единственными недостатками ея являются нѣсколько смѣлыя, мѣстами, выводы и гипотезы, и отсутствіе связи между отдѣльными главами. Но эти недостатки съ лихвою вознаграждаются указанными достоинствами и появленіе ея въ русскомъ переводѣ приходится привѣтствовать еще и потому, что у насъ почти нѣтъ книгъ, въ болѣе или менѣе популярной формѣ знакомящихъ читателя съ культурнымъ развитіемъ современныхъ европейскихъ народовъ.

Переводъ сдѣланъ съ многочисленными многоточіями, въ чемъ, конечно, переводчикъ не повиненъ; но вина за слѣпое слѣдованіе нѣмецкому оригиналу падаетъ всецѣло на переводчика и редактора. Благодаря этому языкъ перевода чрезвычайно тяжелъ и неуклюжъ, попадаются часто совершенно нерусскія выраженія.

Книга издана очень дешево, и нельзя не пожелать ей возможно широкаго распространенія.

Арнольдъ Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ 18-мъ столѣтіи. Переводъ съ англійскаго съ предисловіемъ профессора А. И. Чупрова. М. 1898.

Книга Тойнби даетъ историческую картину развитія капиталистическаго строя въ Англіи въ связи съ тѣми политико-экономическими ученіями, которыя выростали на почвѣ дѣйствительной жизни. Авторъ исходитъ изъ того вѣрнаго положенія, что всякій изгибъ жизни, всякое новое соотношеніе реальныхъ силъ отражается на идеологіи. Но онъ не останавливается на полъпути и утверждаетъ, что всякое ученіе, въ свою очередь, вліяетъ на жизнь. Прослѣживая „четыре этапныхъ пункта“, черезъ которые прошла политико-экономическая мысль, авторъ на такихъ конкретныхъ примѣрахъ, какъ Ад. Смитъ, Мальтусъ, Рикардо и Дж. Ст. Милль, устанавливаетъ двухстороннюю зависимость идеологіи и жизни.

Но этимъ не исчерпывается содержаніе интереснаго труда Тойнби. Авторъ рядомъ статистическихъ выкладокъ, свидѣтельствъ такихъ современниковъ, какъ Даніель Дефоэ, Артуръ Юнгъ, Грегори Кингъ, показаній парламентскихъ коммиссій, рисуетъ намъ мрачную сторону англійской исторіи, массовую экспропріацію общинныхъ земель, которая началась еще съ Мертонскаго (1235 г.) и Вестминстерскаго (1285 г.) статута. Правда, въ XIII ст. экспропріація крестьянскихъ земель практиковалась въ скромныхъ размѣрахъ. Огораживать дозволялось только пустоши и то въ томъ

случаѣ, если лордъ доказывалъ, что для общинниковъ оставалось довольно пастбища. Не такими порціями оттягивались крестьянскія земли въ слѣдующіе два момента: въ концѣ XIV вѣка, когда пало фактически крѣпостное право въ Великобританіи, и въ XVI в., когда произошла секуляризація церковныхъ земель. Цѣлыми массами крестьяне прогонялись съ насиженныхъ мѣстъ. Вмѣсто крестьянскихъ пашней на консолидировавшихся фермахъ стало процвѣтать овцеводство, что дало право Томасу Мору говорить объ „удивительной странѣ, гдѣ овцы пожираютъ людей". Оторванные отъ земли пролетаріи „безъ кола и двора" поглощались быстро растущими городами, гдѣ шерстяное производство требовало рабочихъ рукъ, а, съ другой стороны, пополняли кадры пауперовъ. Этому процессу Тойнби посвящаетъ первыя пять главъ. Но у него этотъ процессъ очерченъ блѣдно, нѣтъ той яркости, какую мы встрѣчаемъ у Маркса въ главѣ „первоначальное накопленіе" или у Эшли.

И это не случайность у Тойнби, а связано со взглядами автора на взаимоотношенія общественныхъ группъ. По мнѣнію Тойнби, въ наши дни „начинаетъ устанавливаться единеніе между предпринимателями и рабочими, основанное на независимости тѣхъ и другихъ, какъ гражданъ свободнаго государства" (ст. 265). „Пропасть между обоими классами не непроходима: черезъ нее перебросила мостъ демократія, которая сдѣлала возможнымъ единеніе, уравнявшее права рабочихъ и предпринимателей" (ст. 319). Такой взглядъ на эволюцію общественныхъ отношеній способствовалъ тому, что прошедшее у Тойнби приняло розоватый колоритъ. Этотъ же взглядъ не позволилъ Тойнби разобраться въ современныхъ экономическихъ отношеніяхъ.

Видную роль во взглядахъ Тойнби играетъ проповѣдь стремленія къ „соціальному воспитанію капитала", „къ пробужденію въ предпринимателяхъ горячаго сочувствія, къ улучшенію участи рабочихъ и къ живому общенію съ послѣдними на почвѣ гражданскихъ и духовныхъ интересовъ", и „привлеченіе интеллигенціи къ просвѣщенію трудящихся массъ". „Если они (т. е. интеллигенты) не хотятъ исполнить этого долга, то имъ грозитъ такая же опасность завянуть, которая постигаетъ всякій бездѣятельный органъ", говоритъ Тойнби. Можно думать, что „соціальное воспитаніе капитала" и „общеніе на почвѣ гражданскихъ и духовныхъ интересовъ" не привилось въ Англіи. За то Тойнби нашелъ горячихъ послѣдователей въ рядахъ интеллигентовъ, которые много сдѣлали для развитія самосознанія трудящагося населенія, осуществивъ идею университетскихъ поселковъ въ рабочихъ кварталахъ Лондона. Лично Тойнби былъ піонеромъ этого движенія. Рядъ его искреннихъ и талантливыхъ лекцій, читанныхъ въ Лондонѣ, Ньюкэстлѣ, Брэдфордѣ, привлекалъ массы рабочихъ. Эти же лекціи свели въ могилу Тойнби въ 1889 году.

Отъ нервнаго напряженія послѣ лекцій о Джорджѣ Генри, онъ заболѣлъ воспаленіемъ мозга и умеръ на 31-мъ году своей жизни, не успѣвъ изложить подробно свои взгляды на общество и его развитіе. Настоящая книга составлена (за исключеніемъ XV главы) по запискамъ студентовъ.

Въ книгѣ разбросано много цѣнныхъ замѣчаній о дедуктивномъ методѣ, историческомъ, о субъективномъ отношеніи къ общественнымъ явленіямъ, объ эгоизмѣ, положенномъ Ад. Смитомъ въ основаніе „Богатства Народовъ", о законѣ народонаселенія Мальтуса, о рентѣ Рикардо, о соціологическомъ міросозерцаніи Джорджа Генри. Замѣчанія эти, конечно, не рѣшаютъ затрагиваемыхъ вопросовъ. Но они могутъ послужить исходнымъ пунктомъ самостоятельной работы читателя. Переводъ сдѣланъ хорошо, но попадаются частыя опечатки. Придисловіе проф. Чупрова даетъ на нѣсколькихъ страницахъ представленіе о личности Тойнби и объ его ученіи.

Деморъ, Массаръ и Фандерфельде. Регрессивная эволюція въ біологіи и соціологіи. Переводъ съ франц. подъ ред. Д. Коропчевскаго и В. Фаусека. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1898.

Для научно-популярной книги трудно представить себѣ названіе болѣе заманчивое, чѣмъ вышеприведенное. Слѣдуетъ оговориться, впрочемъ, что, называя разбираемую работу научно-популярной, мы слѣдуемъ при этомъ своему собственному сужденію о ней. Сами авторы—спеціалисты по зоологіи, ботаникѣ и общественной наукѣ—смотрятъ на дѣло, очевидно, совершенно иначе, ибо, говоря о несостоятельности біосоціологическихъ работъ, произведенныхъ до сихъ поръ кѣмъ-либо однимъ біологомъ или соціологомъ, слѣдующими словами объясняютъ задачу своей коллективной работы: „чтобы избѣгнуть этой опасности (односторонности), мы соединили наши силы и объединили результаты нашихъ спеціальныхъ изслѣдованій по одному и тому же предмету въ соціальной и біологической областяхъ" (стр. 2). Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли изслѣдованія трехъ спеціалистовъ въ данномъ случаѣ были настолько самостоятельны, чтобы можно было говорить лишь объ ихъ объединеніи, посмотримъ сначала, какую, на самомъ дѣлѣ, *научную* цѣнность имѣютъ результаты, добытые авторами ихъ спеціальными и, слѣдовательно, казалось-бы, научными работами.

Вся книга распадается на три отдѣла. Въ первомъ и наиболѣе обширномъ изъ нихъ, озаглавленномъ „Всеобщность регрессивнаго развитія", высказывается и доказывается та элементарная мысль, что прогрессъ, какъ біологическій, такъ и соціологическій, всегда сопровождается извѣстнымъ регрессомъ; что возникновеніе того или иного органа, того или иного учрежденія

неизбѣжно влечетъ за собою и утрату, уничтоженіе или, по меньшей мѣрѣ, суженіе сферы дѣйствія извѣстнаго органа или учрежденія, существовавшихъ прежде. Второй отдѣлъ книги, посвященный разсмотрѣнію „Порядка регрессивной эволюціи“, заключаетъ въ себѣ не менѣе элементарную мысль, что въ общемъ „регрессивная эволюція не происходитъ въ опредѣленномъ порядкѣ“. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ разсматриваются „Причины регрессивной эволюціи“ и доказывается то, опять-таки азбучное, положеніе, что причинами этими „бываютъ безполезность функціи, недостаточность питанія или средствъ къ существованію и—только въ біологіи—недостатокъ мѣста“. Спрашивается, кому предназначается подобная книга, заключающая будто-бы какіе-то „результаты спеціальныхъ изслѣдованій“, на самомъ же дѣлѣ не содержащая ничего, кромѣ развѣ положеній въ томъ родѣ, что на мѣсто, занятое какимъ-либо предметомъ, нельзя уже положить что-либо другое, не убравъ или, по крайней мѣрѣ, не сдвинувъ нѣсколько въ сторону первый? Неужели же для людей науки? Думаемъ, нѣтъ, тѣмъ болѣе нѣтъ, что для всякаго спеціалиста факты, приводимые здѣсь въ подтвержденіе выставленныхъ положеній, слишкомъ недоказательны и малозначущи; и это такъ, хотя бы уже просто потому, что именно спеціалисту фактовъ подобнаго рода извѣстно значительно большее количество, нежели то, которое указано здѣсь. Впрочемъ, мы, быть можетъ, привели не всѣ выводы авторовъ и что-либо упустили изъ нихъ? Дѣйствительно, на стр. 198-й мы встрѣчаемъ слѣдующія характерныя слова, могущія служить, по нашему мнѣнію, въ качествѣ общаго вывода изъ всей книги: „Изъ всѣхъ фактовъ, изложенныхъ и разъясненыхъ выше, вытекаетъ общее заключеніе, что *регрессъ, противоположно своему этимологическому значенію, вовсе не представляетъ возврата къ первоначальному состоянію*“ (курсивъ подлинника). Тѣми же словами повторяется этотъ выводъ и въ другихъ мѣстахъ и даже въ „общихъ заключеніяхъ“ (стр. 260). Здѣсь уже невольно напрашивается вопросъ: неужели авторы были столь наивны, что, до своихъ „спеціальныхъ“ въ этомъ направленіи изслѣдованій, могли считать регрессъ возвратомъ къ первоначальному состоянію? Мы не вѣримъ въ подобную наивность людей науки и, напротивъ, думаемъ, что имъ всегда было извѣстно истинное значеніе регресса; то значеніе этого слова, въ которомъ оно всегда употребляется, въ смыслѣ (не возврата, а) упрощенія, которое въ частномъ случаѣ можетъ быть, конечно, возвратомъ до нѣкоторой степени. Чѣмъ же руководились въ такомъ случаѣ авторы, выпуская въ свѣтъ свою книгу? Объясненіе всего этого не трудно найти въ томъ обстоятельствѣ, что разбираемая работа должна представлять по мысли авторовъ объединенные результаты спеціальныхъ изслѣдованій. Врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что истиннымъ авторомъ разбираемой

книги можно назвать лишь одного Фандерфельде, желавшаго, ссылкою на біологовъ-спеціалистовъ, придать своимъ взглядамъ большую научность въ глазахъ публики. Что же касается прочихъ авторовъ книги, то они дѣйствовали въ данномъ случаѣ, по всей вѣроятности, почти безсознательно, просто доставляя извѣстное число примѣровъ изъ области біологіи на каждое выставляемое Фандерфельде положеніе. Иными словами, хотя біологическій матеріалъ и расположенъ здѣсь въ каждой главѣ впереди соціологическаго, именно соціологіи принадлежитъ общій планъ этого расположенія, а никакъ ужъ не біологіи. Этимъ только и можно объяснить такіе крупные недостатки данной работы, какъ, съ одной стороны, крайняя скудость ея общихъ выводовъ, съ другой же—крайняя сбивчивость, проскальзывающая то и дѣло въ выборѣ біологическихъ примѣровъ. Такъ, напр., на стр. 95-й говорится о рудиментарныхъ органахъ у животныхъ, а вмѣсто того приводятся примѣры рудиментарныхъ особей въ колоніяхъ (полипы). На стр. 177—180 въ качествѣ исключеній изъ „того общаго правила, по которому эволюція не можетъ возобновитсья въ томъ же направленіи", приводятся такіе примѣры, которые не могутъ быть на самомъ дѣлѣ приняты за таковые: примѣры, объясняющіеся или атавизмомъ, или тератологіей, или, наконецъ, простымъ приспособленіемъ въ личиночной жизни животнаго. Примѣры эти не подходятъ подъ вышеуказанную рубрику исключеній, къ тому же еще „болѣе или менѣе рѣзкихъ". Авторъ приводитъ ихъ просто потому, что Фандерфельде установилъ подобную рубрику для аналогичныхъ примѣровъ изъ соціологіи; для объединенія результатовъ спеціальныхъ изслѣдованій надо установить ее и здѣсь. Примѣровъ, аналогичныхъ только что приведеннымъ, можно было бы почерпнуть изъ данной книги значительно болѣе, чѣмъ сдѣлали это мы. Наконецъ, слѣдуетъ указать на то, что авторы почти вовсе оставляютъ въ сторонѣ тѣ области, гдѣ регрессъ можетъ быть играетъ наиболѣе видную роль во всей жизни животныхъ—области паразитизма и неподвижнаго образа жизни. Почтенное имя Фандерфельде не украшается этой работой.

Профессоръ П. Ферстеръ. Вивисекція съ естественно-исторической, медицинской и нравственной точекъ зрѣнія. Посвящается XII-му интернаціональному конгрессу покровительства животныхъ. Перев. съ нѣмец. Спб. 1898 г.

Полемика по поводу вивисекціи можетъ дать наглядный примѣръ той пользы, которая неизбѣжно вытекаетъ изъ всякаго свободнаго и непринужденнаго обсужденія вопросовъ, по поводу которыхъ могутъ возникнуть разногласія. Этотъ примѣръ особенно характеренъ тѣмъ, что противники вивисекціи по большей ча-

сти позволяютъ себѣ дѣлать неосновательныя утвержденія (вродѣ, наприм., того, будто вивисекція совершенно не нужна для рѣшенія научныхъ вопросовъ) и тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что ихъ нападки на вивисекторовъ принесли извѣстную пользу.

Нельзя не признать, что вивисекція есть одно изъ могущественныхъ орудій прогресса естествознанія и медицины и что, слѣдовательно, правы тѣ, которые утверждаютъ, что прекращеніе вивисекціи животныхъ равносильно увеличенію вивисекціи людей. Однако, нужно всегда помнить, что сама по себѣ вивисекція есть великое зло, къ которому приходится по неволѣ прибѣгать ради избѣжанія еще большаго зла. Всегда-ли это помнятъ наши ученые? Къ сожалѣнію, мы должны дать на это отрицательный отвѣтъ. И заслуга противниковъ вивисекціи (не смотря на всю несостоятельность ихъ положительныхъ утвержденій) заключается въ томъ, что они громко напоминали увлекающимся спеціалистамъ о необходимости давать передъ своей совѣстью отчетъ въ каждомъ шагѣ на томъ пути, гдѣ благоденствіе людей покупается цѣною страданій животныхъ.

Вивисекція необходима для прогресса науки. Вивисекція сама по себѣ есть великое зло. Изъ этихъ двухъ посылокъ слѣдуетъ, что къ вивисекціи можно прибѣгать лишь для *рѣшенія* научныхъ вопросовъ, и притомъ лишь въ томъ случаѣ, когда мы не можемъ придумать иныхъ способовъ рѣшенія. Затѣмъ при вивисекціи должно быть приняты возможныя мѣры для облегченія страданій изслѣдуемыхъ животныхъ. Такимъ образомъ, не только слѣдуетъ считать не дозволительными всѣ опыты надъ животными (хотя бы этими животными были только лягушки), производимые на какихъ-бы то ни было „публичныхъ" лекціяхъ, но слѣдуемъ еще признать не имѣющими оправданія и опыты, производимые на лекціяхъ для студентовъ. Здѣсь смѣло можно пожертвовать „наглядностью" изложенія, возложивши нѣсколько большую работу на воображеніе слушателей. Но противники вивисекціи идутъ гораздо дальше, требуя полнаго уничтоженія вивисекціи, причемъ они прибѣгаютъ къ доводамъ, несостоятельность которыхъ бросаются въ глаза всякому образованному человѣку. Разсматриваемая нами брошюра отъ начала до конца переполнена именно подобными несостоятельными доводами. Ограничимся немногими примѣрами. Прежде всего, почему производится вивисекція? Отвѣтъ нашего автора весьма простъ: „Праздные ученые, изъ тщеславія и скуки, заинтересовались вопросомъ, насколько температура правой стороны сердца разнится отъ t° лѣвой стороны" (стр. 24). Итакъ, по мнѣнію автора, вивисекторы, это *праздные* люди, мучающіе животныхъ скуки ради. Не удивительно послѣ этого, что авторъ характеризуетъ вивисекторовъ (стр. 3), какъ людей, которые „грубы отъ природы, безжалостны, готовы на самое возмутительное преступленіе по от-

ношенію къ животнымъ", что онъ называетъ ихъ нравственными уродами и призываетъ на ихъ головы кару закона. Затѣмъ авторъ смѣло утверждаетъ, что вивисекція никогда еще не способствовала прогрессу науки; отрицая полезность какихъ-бы то ни было опытовъ надъ животными, онъ смѣло утверждаетъ, будто пастеровскій методъ лѣченія собачьяго бѣшенства потерпѣлъ „полное крушеніе" (стр. 61), будто также провалилась и противодифтеритная сыворотка (стр. 63).

Впрочемъ, собственно говоря, и лѣчить-то людей, по мнѣнію автора, повидимому, совершенно незачѣмъ, и это по двумъ причинамъ: во первыхъ, „ложно, будто бы природа или творецъ отяготили людей болѣзнями и страданіями, какъ неизбѣжной необходимостью. За исключеніемъ отдѣльныхъ несчастныхъ случаевъ, человѣкъ является виновникомъ собственнаго счастія или несчастія; они являются логическимъ слѣдствіемъ его поступковъ и ошибокъ. Болѣзнь также является результатомъ нарушенія человѣкомъ законовъ природы или правилъ гигіены. Природа мститъ человѣку, посылая ему болѣзни" (стр. 43). А во вторыхъ, вѣдь, „земная жизнъ лишь краткій мигъ длиннаго вѣчнаго бытія, и ею надо пользоваться для выработки личности. Трусливо бояться конца, стонать и жаловаться на страданія, пугаться призраковъ смерти и болѣзни.... къ счастью и къ высшему бытію ведетъ не этотъ путь, а путь мученичества и самоотреченія" (стр. 73).

Послѣ всего этого не удивительно, что авторъ бросаетъ слѣдующій странный упрекъ членамъ общества покровительства животнымъ, которые не рѣшаются возстать противъ вивисекціи: „Подобнымъ людямъ, говоритъ онъ на стр. 7, слѣдовало-бы быть учредителями обществъ покровительства людей, а не животныхъ".

Д-ръ Людвигъ Конъ. Произвольное вліяніе на полъ потомства. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ мед. Н. Лейненбергъ. Одесса 1899.

Брошюра д-ра Кона носитъ нѣсколько своеобразный характеръ. Дѣло не въ томъ, что все ея значеніе исчерпывается чисто отрицательными утвержденіями, т. е. заявленіями автора, что *не доказано*, чтобы такой-то или такой-то факторъ вліялъ на полъ потомства. Своеобразность заключается главнымъ образомъ въ томъ, что, будучи вызвана заявленіемъ Шенка объ открытіи имъ способа регулировать полъ потомства, она, всетаки, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о сущности теоріи Шенка и не даетъ вовсе критическаго разбора этой теоріи.

Всякій, узнавшій о выходѣ въ концѣ 1898 г. брошюры (помѣченной, къ тому-же еще, 1899 годомъ), посвященной вопросу о вліяніи на полъ потомства, подумаетъ, что эти брошюры посвящены разбору теоріи Шенка; мало того, самъ авторъ съ пер-

выхъ-же словъ упоминаетъ о заявленіи Шенка, и тѣмъ не менѣе читатель узнаетъ о сущности теоріи Шенка только на послѣдней страничкѣ, въ добавленіи „отъ переводчика". Эта странность объясняется очень просто: брошюра д-ра Кона была написана тогда, какъ Шенкъ уже заявилъ о своемъ „открытіи", но еще не издалъ въ свѣтъ описанія того, какимъ образомъ онъ надѣется влiять на образованіе пола у зародыша. Впрочемъ, это обстоятельство, лишая брошюру д-ра Кона интереса современности, не дѣлаетъ ее, однако, совершенно лишенною интереса.

Вопросъ о возможности влiять на полъ потомства всегда занималъ людей. На этотъ счетъ въ разныя времена существовали самыя фанстастическія теоріи, которыя, конечно, въ настоящее время имѣютъ только историческій интересъ. Однако, и въ новѣйшія времена было создано нѣсколько теорій, имѣющихъ нѣкоторую научность. Мы думаемъ, что, не входя въ излишнія подробности, всѣ эти теоріи можно разбить на двѣ группы: однѣ считаютъ опредѣляющимъ факторомъ свойства родительскихъ организмовъ, другія переносятъ центръ тяжести на вопросъ о развитіи зародыша, т. е. главнымъ образомъ на вопросъ о питаніи этого зародыша.

Теоріи, принадлежащія къ первой категоріи, опредѣляющимъ факторомъ въ развитіи пола зародыша считаютъ борьбу отцовскаго и материнскаго организмовъ; по этому они обращаютъ, напримѣръ, вниманіе на возрастъ родителей. Переходною ступенью къ теоріямъ питанія служатъ тѣ теоріи, которыя обращаютъ вниманіе не на возрастъ самихъ родителей, а на возрастъ ихъ половыхъ продуктовъ, т. е. на время, протекшее между созрѣваніемъ этихъ продуктовъ и актомъ оплодотворенія. Всѣ эти теоріи пытались опереться на статистическія данныя; однако, безпристрастное изученіе этихъ данныхъ не привело къ благопріятнымъ для нихъ выводамъ. Нѣсколько большую внушительность представляютъ собою теоріи питанія (замѣтимъ мимоходомъ, что теорія Шенка тоже принадлежитъ къ этой категоріи). Здѣсь мы имѣемъ одинъ несомнѣнный фактъ: относительно многихъ *низшихъ* животныхъ мы знаемъ, что, измѣняя условія питанія, мы можемъ влiять на развитіе пола. Такъ, Ландуа еще въ 1867 году показалъ, что обильное питаніе гусеницы крапивницы ведетъ къ развитію бабочекъ женскаго пола, а недостаточное ихъ питаніе—къ развитію бабочекъ мужского пола. Однако, даже среди низшихъ организмовъ связь между питаніемъ и поломъ новорожденныхъ не такъ проста, какъ это можно думать по вышеприведенному примѣру, а при переходѣ къ высшимъ животнымъ, эта связь становится совершенно не уловимою. Причина этого проста: высшіе организмы слишкомъ сложны, чтобы одинъ какой либо факторъ могъ играть опредѣляющую роль.

Итакъ, можно считать доказаннымъ, что въ настоящее вре-

мя мы не знаемъ, чѣмъ опредѣляется полъ потомства у человѣка. Можно считать также почти доказаннымъ, что этотъ факторъ, опредѣляющій полъ у человѣка, долженъ быть очень сложенъ. Однако, едва-ли можно согласиться съ заключительными словами брошюра д-ра Кона, который говоритъ: „имѣется мало надежды на то, чтобы мы когда либо въ будущемъ пріобрѣли возможность произвольно предопредѣлять полъ потомства у человѣка“ (стр. 31).

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала **не продаются**. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссій по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Басни переводныя, подражательныя и оригинальныя. **Ореста Головнина.** М. 99. Ц. 1 р. 20 к.

Владиміръ Шуфъ. Крымскія стихотворенія. 2-е изданіе. Спб. 99. Ц. 1 р.

Поэма о рожденіи, жизни и смерти человѣка. **Д. Д. Ахшарумова.** Полтава 98.

П. Н. Полевой. Непокупное. Повѣсть. Съ 55 рис. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 99.

И. А. Даниловъ. Въ тихой пристани. Спб. 99. Ц. 1 р.

Г. И. Конъ. Два міра. Листки изъ дневника крещенаго еврея. Спб. 99. Ц. 50 к.

Евгеній Чириковъ. Очерки и разсказы. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 99. Ц. 85 к.

Н. Е. Кардо-Сысоева. Три разсказа для дѣтей. Изданіе магазина „Книжное дѣло“. М. 99. Ц. 85 к.

Домой! Изъ жизни сибирскихъ переселенцевъ. Разсказы **Н. Телешова.** М. 99.

Библіотека „Дѣтскаго чтенія“. М. 99. Свѣтлячки. Сказки **Д. Н. Мамина-Сибиряка.** Съ рис. В. И. Андреева, П. Е. Литвиненко и др. Ц. 1 р.— Жаворонокъ. Разсказъ **Джона Беннета.** Переводъ съ англ. А. Н. Рождественской. Ц. 50 к. — Сестра милосердія. Повѣсть **Н. А. Сергѣенко.** Ц. 40 к.—Шуркина затѣя и др. разсказы, сказки и стихотворенія. **А. А. Ѳедорова-Давыдова.** Съ рис. Ц. 60 к.—Наканунѣ лихолѣтья. Историческая повѣсть **А. К. Сизовой.** Съ рис. Ц. 25 к. — Мирныя пѣсни. Стихотворенія **Л. М. Медвѣдева.** Ц. 45 к. — Императоръ Александръ II. Историческій очеркъ **Ив. Ив. Иванова.** Съ рис. Ц. 45 к.

Этико-художественная библіотека. М. 98—99. I. **Л. Мельшинъ.** Кобылка въ пути. Ц. 15 к.—II. **Ѳ. Тищенко.** Хлѣбъ насущный. Ржаной хлѣ-

бушка калачу дѣдушка. Ц. 20 к. — III. **Джонъ Рескинъ**. Воспитаніе. Книга. Женщина. Переводъ Л. П. Никифорова. Ц. 20 к. — IV. **Э. Ожешко.** О равноправности женщинъ передъ лицомъ знанія, труда и человѣческаго достоинства. Переводъ Ст. Собанской. Ц. 15 к.

А. Алферовъ. Очерки изъ жизни языка. (Введеніе въ методику родного языка). М. 99. Ц. 40 к.

П. Барышниковъ. Какъ вести объяснительное чтеніе въ народной школѣ. М. 99. Ц. 20 к.

Иллюстрированная исторія религій, составленная **Д. П. Шантепи-де-ля Соссей.** Переводъ съ нѣм. подъ ред. В. Н. Линдъ. Вып. VII и VIII. Изданіе магазина „Книжное дѣло“. М. 99.

А. Крымскій. Мусульманство и его будущность. Изданіе магазина Книжное дѣло“. М. 99. Ц. 75.

М. А. Рейснеръ. Христіанское государство. (Къ вопросу объ отношеніи государства и церкви). Томскъ 99.

М. Л. Лиліенблюмъ. Палестинофильство, сіонизмъ и ихъ противники. Изданіе кн. магазина Я. Х. Шермана. Одесса 99. Ц. 25 к.

Г. Х. Лихтенбергъ. Афоризмы. Переводъ съ нѣм. Н. М. Соколова. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изданіе 2-е, съ перемѣнами. Спб. 99. Ц. 2 р.

Исторія русскаго искусства. Соч. **А. П. Новицкаго.** Вып. I. Изданіе магазина „Книжное дѣло“. М. 99. Подписная цѣна 10 р., съ пересылкой и доставкой 12 р.

А. Степовичъ. О древне-русской беллетристикѣ. Кіевъ 98.

Людвигъ Берне и Генрихъ Гейне. **Георга Брандеса.** Переводъ съ нѣм. П. О. Морозова. Съ портретомъ Берне и Гейне. Изданіе редакціи „Образованіе“. Спб. 99. Ц. 60 к.

Иммануилъ Кантъ, его жизнь и ученіе. **Фридриха Паульсена.** Переводъ съ нѣм. Н. Лосскаго. Съ портретомъ. Изданіе редакціи „Образованіе“. Спб. 99. Ц. 1 р.

Н. Карелинъ. Жанъ Жакъ Руссо. Опытъ характеристики его общественныхъ идей. Изданіе П. Б. Струве. Спб. 99. Ц. 1 р.

Іоганнъ Генрихъ Песталоцци. Краткій біографическій очеркъ. Составилъ **П. Веригинъ.** Изданіе 2-е магазина „Книжное дѣло“. Съ портретомъ и 3 чертежами. М. 98. Ц. 40 к.

Жоржъ Зандъ. Сочиненіе **Е. Каро.** Переводъ О. Н. Масловой. М. 99. Ц. 60 к.

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. I. Составилъ **В. Зелинскій.** 3-е изданіе. М. 99. Ц. 2 р

Н. В. Волковъ. Къ исторіи русской комедіи. I. Зависимость „Ревизора“ Гоголя отъ комедіи Квитки „Пріѣзжій изъ столицы“. Спб. 99. Ц. 60 к.

Памяти Ѳедора Ивановича Буслаева. (Съ портретомъ). Изданіе учебнаго отдѣла о-ва распространенія техническихъ знаній. М. 98. Ц. 75 к.

С. А. Венгеровъ. Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. Вступительная лекція, читанная въ спб. университетѣ 24 сент. 1897 г. Спб. 99. Ц. 20 к.

Эллада. Очерки и картины древней Греціи. Сочиненіе д-ра **Вильгельма Вегнера**. Переводъ П. Евстафьева. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Вып. I. Спб. 99. Подписная цѣна на все изданіе 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Т. II. Часть I. Вып. III. Изданіе 2-е. Спб. 98. Ц. 2 р.

Учебникъ всеобщей исторіи. Составилъ **В. Казанскій.** Часть I. Орелъ 99. Ц. 60 к.

Н. П. Загоскинъ. Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Т. I. Казань 99. Ц. 3 р.

Н. П. Палопеженцевъ. Къ вопросу о положеніи крѣпостныхъ въ Тобольской губ. въ концѣ прошлаго столѣтія. Тобольскъ 98.

Права по землевладѣнію въ Западномъ Краѣ. **В. Г. Ольшамовскаго** Спб. 99. Ц. 1 р.

М. Ратовъ. Женщина передъ судомъ присяжныхъ. М. 99. Ц. 30 к.

Библіотека экономистовъ. Вып. X. **Ричардъ Кобденъ.** Рѣчи въ парламентѣ и на митингахъ. Переводъ Е. Н. Каменецкой. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 99. Ц. 1 р

Жоржъ Блондель. Экономическій подъемъ германской имперіи. Переводъ съ франц. Г. Абрамова. Съ предисловіемъ Н. Березина. Спб. 99. Ц. 25 к.

Н. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. (Очерки по экономіи сельскаго хозяйства). М. 99. Ц. 1 р. 75 к.

Г. Шульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. (Московско-Владимірская хлопчатобумажная промышленность). Переводъ съ нѣм. Б. В. Авилова. Изданіе магазина „Книжное дѣло". М. 99. Ц. 75 к.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1897 годъ. Изданіе д-та торговли и мануфактуръ. Спб. 98.

Продовольственный вопросъ въ 1897—98 г. Обсужденіе продовольственнаго вопроса въ общихъ собраніяхъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества 12, 13, 14, 19 и 26 марта 1898 г. Съ приложеніемъ 6-ти картограммъ. Изданіе И. В. Э. Общества. Спб. 98. Ц. 2 р.

И. И. Гейеръ. Туркестанскія скитанія. Съ 7 рис. Ташкентъ 99.

Ольхонъ. Хозяйство и бытъ бурятъ Еланцинскаго и Кутульскаго вѣдомствъ Верхоленскаго округа Иркутской губ. Составилъ **П. Е. Кулаковъ.** Спб. 98.

Высочайше утвержденная подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина комиссія для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области. Матеріалы. Вып. 10. Формы землепользованія. Составилъ **М. Кроль.** Спб. 98.

Сборникъ статей по Семипалатинской области. Изданіе семипалатинск. областн. статистич. комитета. Семипалатинскъ 99. Ц. 50 к.

Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи. Т. V. Изданіе Отдѣла сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики М. З. и Г. И. Спб. 98.

Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значеніе. **Р. Гвоздева.** Изданіе Н. Гарина. Спб. 99. Ц. 75 к.

Мих. Сосновскій. Опытъ изслѣдованія промысловъ сельскаго населенія Полтавскаго уѣзда. I. Общій очеркъ сельскихъ внѣ-земледѣльческихъ промысловъ въ Полтавскимъ уѣздѣ. II. Статистич. изслѣдованіе промысловъ мѣстечка Рѣшетиловки. Изданіе полтавскаго уѣзднаго земства. Полтава 98.

Л. С. Личковъ. Нужды статистики въ Юго-Западномъ краѣ. (Оттискъ изъ „Кіевской Старины"). Кіевъ 98.

Кн. А. М. Эристовъ. Сельско-хозяйственныя замѣтки. Спб. 98. Ц. 15 к.

Сборникъ свѣдѣній по сельско-хозяйственному образованію. Вып. II. Изданіе д-та земледѣлія. Спб. 98.

Сельско-хозяйственный обзоръ Самарской губ. за 1896—97 годъ. Вып II. Изданіе самарск. губернск. земск. управы. Самара 98.

Статистическій сборникъ по Ярославской губ. Изданіе ярославскаго губ. земства. 1898 годъ. Вып. III. М. 98.

Статистическій сборникъ новгородскаго губернскаго земства за 1897 годъ. Новгородъ 98.

О медоносныхъ растеніяхъ, имѣющихъ сельско-хозяйственное значеніе. **В. Аггеенко.** Изданіе 2-е. Съ 10 рис. Спб. 99. Ц. 40 к.

Новѣйшія пріобрѣтенія въ области животноводства. Переводъ съ нѣм. Н. В. Петрова. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 99. Ц. 2 р.

Общедоступный учебникъ скотоводства и скотоврачеванія. Составилъ проф. **Придорогинъ**. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 99. Ц. 1 р. 75 к.

Борьба съ туберкулозомъ у животныхъ по датскому способу. **Вейсвенгеръ.** Переводъ подъ редакціей Г. Гурина. Изданіе К. И. Тихомирова М. 99. Ц. 30 к.

Отчетъ о дѣятельности О-ва попеченія объ улучшеніи быта учащихъ въ начальныхъ училищахъ г. Москвы. Съ 1-го октября 1897 г. по 1 окт. 1898 г. М. 98.

Отчетъ О-ва взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ Тульской губ. Съ 1 сент. 1897 г. по 1 сент. 1898. Тула 98.

О-во вспоможенія окончившимъ курсы на спб. высшихъ женскихъ курсахъ. Отчетъ за 1898 г. Спб. 99.

Отчетъ Хабаровскаго комитета народныхъ чтеній за 1897—8 г. Хабаровскъ 98.

Третій отчетъ о дѣятельности коммиссіи народныхъ чтеній въ г. Могилевѣ губернскомъ. Могилевъ на Днѣпрѣ. 98.

Михаилъ Огіевскій. Справочная книга по военно-судебнымъ дѣламъ. Спб. 98. Ц. 1. 50 к.

Первый женскій календарь **П. Н. Аріянъ.** Спб. 99. Ц. 1 р.

Die Feldgemeinschaft in Russland. Ein Beitrag zur Social geschicte und zur Kenntnis der gegenwärtigen wirtschaftlichen Lage des russischen Bauerstandes. Von **Wladimir Gr. Simkowitsch.** Jena 98.

The Norse Colonization in America by the light of the vatican finds. By **Marie Shipley.** Lucerne.

Литература и жизнь.

Еще кое что по поводу современной беллетристики.—Къ Пушкинскому юбилею.

Возвращаюсь къ „Очеркамъ и разсказамъ“ г. Вересаева.

Докторъ Чекановъ разочаровался въ своемъ „міросозерцаніи“. Онъ пишетъ: „У меня *ничего* (курсивъ въ подлинникѣ) нѣтъ. Къ чему мнѣ мое честное и гордое міросозерцаніе, что оно мнѣ даетъ? Оно уже давно мертво; это не любимая женщина, съ которою я живу одною жизнью, это лишь ея трупъ; и я страстно обнимаю этотъ прекрасный трупъ и не могу, не хочу вѣрить, что онъ нѣмъ и безжизненно холоденъ; однако обмануть себя я не въ состояніи“.

„Міросозерцаніе“—это вѣдь огромность. Это—извѣстное пониманіе всего прошедшаго, настоящаго и будущаго, всего бывшаго, существующаго, имѣющаго быть и долженствующаго быть. Это—объединенная совокупность всѣхъ нашихъ знаній и вѣрованій, надеждъ и опасеній, методовъ изученія и правилъ поведенія. Нельзя, разумѣется, думать, чтобы носителю извѣстнаго міросозерцанія были въ каждую данную минуту ясны всѣ нити и узлы этого страшно огромнаго клубка. Но общія основанія міросозерцанія должны быть въ нашемъ распоряженіи. И неужели же Чекановъ до такой степени обнищалъ, что въ его распоряженіи *ничего* нѣтъ? Разочаровался ли онъ, напримѣръ, и въ истинахъ физическихъ наукъ?

Я не придираюсь и не праздный вопросъ задаю. Образованное человѣчество подходитъ къ XX вѣку съ тяжелымъ грузомъ сомнѣній и разочарованій. Разумѣется, есть много людей съ твердою поступью, живущихъ изо дня въ день за механически привычной работой или безъ передышки срывающихъ одинъ за другимъ цвѣты наслажденія; у тѣхъ и у другихъ нѣтъ времени, да и охоты оглянуться на все ихъ окружающее, и твердость ихъ поступи зависитъ не отъ вѣры въ какое нибудь міросозерцаніе, а отъ отсутствія его. Не мало, конечно, есть и такихъ, которые имѣютъ опредѣленное міросозерцаніе, твердо, даже слѣпо вѣрятъ въ него и никакими сомнѣніями не колеблются. Если мы, однако, возьмемъ всю совокупность умственнаго и нравственнаго багажа современнаго европейскаго человѣка, то едва ли найдется хоть одна, сколько нибудь значительная часть его, относительно которой не было бы крупныхъ разногласій, сомнѣній, колебаній. Разумѣю не второстепенные какіе нибудь и чисто спеціальные пункты разногласій, а самыя общія основы міросозерцанія, еще недавно,

казалось, стройнаго и на вѣки нерушимаго. Послѣ гигантскихъ шаговъ науки, возбуждавшихъ въ нѣкоторыхъ даже преувеличенную надежду, что она, чистая, безстрастная, точная, не оставитъ не освѣщеннымъ ни одного уголка мірозданія и человѣческой души,—мы слышимъ въ концѣ XIX вѣка заявленіе о „банкротствѣ науки“. И какъ бы ни было это заявленіе нагло и плохо обосновано, оно встрѣчаетъ сочувствіе, ему рукоплещутъ, скептическимъ отношеніемъ къ наукѣ хвалятся, какъ недавно еще хвалились вѣрою въ нее; изъ далекой тьмы средневѣковья поднимаются оккультизмъ и всякое чернокнижіе. Съ другой стороны разносятся по всему читающему міру противонаучныя выходки гр. Толстого вмѣстѣ съ проповѣдью аскетическихъ идеаловъ и любви къ ближнему. Цѣлый рядъ вѣковъ не умолкала эта проповѣдь, но нынѣ ей внимаютъ какъ будто съ особенною, новою жадностью или, по крайней мѣрѣ, любопытствомъ. А между тѣмъ на встрѣчу ей съ не меньшимъ шумомъ несется волна отрицанія любви къ ближнему во имя „любви къ дальнему“; любовь къ ближнему, состраданіе, участіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ, самопожертвованіе—объявляется элементами презрѣнной „морали рабовъ“. У этого новаго теченія есть свой талантливый провозвѣстникъ—Ницше, но онъ не одинокъ. Не говоря о множествѣ прямыхъ послѣдователей, Ницше отчасти подготовлялся, отчасти поддерживается многими людьми науки, опирающимися на теорію Дарвина. Съ другой стороны, ему подаютъ руку декаденты и символисты вродѣ Метерлинка *), не оставляющіе камня на камнѣ въ привычныхъ намъ цѣляхъ, задачахъ, пріемахъ и формахъ художественнаго творчества. И въ этой области, значитъ, какой-то переломъ, какія-то разочарованія и колебанія. Среди гимновъ промышленному прогрессу просыпается энтузіазмъ къ отрицающей этотъ прогрессъ „религіи красоты“ Рёскина. Отрицается патріотизмъ во имя общечеловѣческихъ идеаловъ и въ тоже время ростетъ антисемитизмъ, чехи и нѣмцы не могутъ усидѣть рядомъ безъ драки, иностранцы массами изгоняются изъ Германіи и проч., и проч. Парламентаризмъ встрѣчаетъ рѣзкую критику съ разныхъ и неожиданныхъ сторонъ. Соціализмъ твердо вѣритъ въ осуществленіе своихъ идеаловъ, но изъ за него уже выглядываетъ анархизмъ, объявляющій соціализмъ „послѣднею универсальною глупостью человѣчества“. По истинѣ взбаломученное море! А вѣдь я еще кое что только и самымъ бѣглымъ образомъ намѣчаю.

---

*) „Почти все великое въ этомъ мірѣ было создано людьми, которые менѣе всего думали о самопожертвованіи. Платонъ не прерываетъ своихъ размышленій, чтобы идти проливать слезы съ тѣмъ, кто плачетъ въ Аѳинахъ; Ньютонъ не оставляетъ своихъ наблюденій ради поисковъ несчастныхъ и обездоленныхъ“ („Эгоизмъ“. См „Жизнь“ 1899 г. № 2, стр. 46).

Не мудрено, что Чекановъ, не могущій, повидимому, похвалиться самостоятельностью мысли, растерялся въ этихъ встрѣчныхъ и поперечныхъ волнахъ. Онъ и самъ считаетъ себя осужденнымъ „блуждать въ темнотѣ, горько упрекать себя за то, что нѣтъ у тебя сильнаго ума, который бы вывелъ на дорогу“.

Мимоходомъ сказать, Чекановъ, кромѣ слабости мысли или, по крайней мѣрѣ, отсутствія „сильнаго ума“, еще и физически очень слабъ и неизлѣчимо боленъ. Но у него доброе и благородное сердце, онъ хочетъ „жить не для себя одного“, ему дорого „сознаніе, что живешь не напрасно“, онъ вѣритъ, что „нѣтъ больше заповѣди, какъ: люби ближняго своего, какъ самого себя“. И это не фразы. Онъ дѣйствительно живетъ не для одного себя, онъ мужественно борется съ неправдой въ предѣлахъ своей дѣятельности врача, претерпѣваетъ всяческія лишенія, „и подъ дождемъ мокнулъ, и въ полыньи проваливался, спѣша въ весеннюю распутицу къ роженицѣ, корчащейся въ эклямптическихъ судорогахъ“ и т. п. Но все это его не удовлетворяетъ, собственно потому, что „есть что-то гораздо болѣе важное и необходимое“. Мы видѣли, что и для Наташи нѣтъ дѣятельности, кромѣ самой важной и необходимой. Она ее нашла, и дай ей Богъ удачи. Но вообще-то самое важное и необходимое (если только есть такое „самое“) по всей вѣроятности и самое трудное. И къ этому-то самому трудному дѣлу тяготѣетъ человѣкъ, сознающій свою умственную слабость, у котораго, вдобавокъ, „легкія усѣяны тысячами тѣхъ предательскихъ желтенькихъ бугорковъ, къ которымъ онъ такъ приглядѣлся на вскрытіяхъ“. Возможно, конечно, что и въ „самомъ важномъ и необходимомъ“ дѣлѣ (опять таки, если такое „самое“ есть) окажутся тѣ или другія подробности по плечу и слабосильному человѣку. Но характерна во всякомъ случаѣ для героевъ г. Вересаева эта черта: искать себѣ дѣла безъ соображенія своихъ силъ и своихъ склонностей, притомъ искать не непосредственно въ жизни, а по указанію, такъ сказать, свѣдущихъ людей. При этихъ условіяхъ шансы разочарованія, конечно, очень велики. „Товарищи“, проживающіе въ городѣ Слесарскѣ, пожелали сдѣлать свою жизнь „однимъ сплошнымъ подвигомъ“ не потому, что таково было требованіе ихъ натуры, и не потому, что чувствовали въ себѣ нужныя для этого силы („гдѣ взять для этого силы“?—этотъ вопросъ они задаютъ себѣ уже post factum, заднимъ числомъ); а потому, что подвига у нихъ потребовала „книга“. И вотъ они жалуются на эту самую книгу: она ихъ „искалѣчила“. Мальчикъ „Порыва“ мучается потому, что не нашлось свѣдущаго человѣка, который прописалъ бы ему элементарный моральный рецептъ. Умственно и физически слабый Чекановъ жалуется на литературу, которая перестала возбуждать его и не даетъ ему указаній на самое важное и необходимое дѣло. Наташа ищетъ свѣдущихъ людей въ лицѣ Чека-

нова, Троицкаго, Даева, которые опять таки должны указать ей самое важное и необходимое дѣло, причемъ о ея природныхъ склонностяхъ и силахъ рѣчи нѣтъ. Повторяю, разочарованіе при такихъ условіяхъ имѣетъ за себя много шансовъ; разочарованіе и горькіе упреки, иногда проклятія своему прошлому и, часто безъ вины виноватымъ, свѣдущимъ людямъ...

Въ чемъ же, однако, состоитъ то міросозерцаніе, въ которомъ разочаровался Чекановъ? Ни изъ чего не видно, чтобы его обуревали или даже просто занимали выше бѣгло намѣченныя волненія европейской мысли. Вопросъ о „банкротствѣ науки" для него не существуетъ; колебанія политической мысли тоже идутъ мимо него; въ величіи заповѣди любви къ ближнему онъ не сомнѣвается. Вотъ, если не ошибаюсь, единственное мѣсто дневника Чеканова, гдѣ онъ пишетъ не о своемъ разочарованіи въ „міросозерцаніи" вообще, а даетъ этому огромному по своему значенію слову болѣе опредѣленное содержаніе:

„Наташа хочетъ знать, какъ я смотрю на общину, какое значеніе придаю сектантству, считаю ли возможнымъ и желательнымъ развитіе въ Россіи капитализма. И въ разспросахъ ея сказывается предположеніе, что я непремѣнно долженъ интересоваться всѣмъ этимъ. Что-жъ? Я вѣдь дѣйствительно интересуюсь; однако, правду говоря, разговоры эти мнѣ крайне непріятны. Я съ величайшимъ удовольствіемъ прочту книгу, гдѣ дается что нибудь новое по подобному вопросу, не прочь и поговорить объ немъ; но пусть для моего собесѣдника, какъ и для меня, вопросъ этотъ будетъ холоднымъ теоретическимъ вопросомъ, вродѣ вопроса о правильности теоріи фагоцитоза или о вѣроятности гипотезы Альтмана. Наташа же вноситъ въ дѣло слишкомъ много страстности, и мнѣ становится неловко. Наташа знаетъ, что я могъ остаться при университетѣ, имѣлъ возможность хорошо устроиться, и вмѣсто этого пошелъ въ земскіе врачи. Она разспрашиваетъ меня о моей дѣятельности, объ отношеніяхъ къ мужикамъ, усматривая во всемъ этомъ глубокую идейную подкладку; въ разговорѣ ея проскальзываютъ слава „долгъ народу", „дѣло", „идея". Мнѣ же эти слова рѣжутъ ухо, какъ визгъ стекла подъ тупымъ шиломъ".

Такимъ образомъ, повидимому, не „міросозерцаніе" Чеканова расшаталось или поблекло, а расшатался или поблѣднѣлъ для него извѣстный кругъ идей и чувствъ, занимающихъ извѣстную часть русскаго общества. Онъ когда-то хорошо оріентировался въ этомъ кругѣ, былъ, что называется, свой въ немъ, а теперь сталъ чужимъ, разочаровался. И надо сказать, что для разочарованія этого несомнѣнно есть причины и помимо личныхъ свойствъ Чеканова. Символическимъ выраженіемъ этихъ причинъ можетъ служить трагическая смерть Чеканова, трагическая потому, что Чекановъ избитъ тѣми, кому онъ принесъ свою любовь, свой трудъ, свою жизнь. Онъ пишетъ: „Я лежу въ больницѣ, изувѣченный и

умирающій; передо мной, какъ живыя, стоятъ перекошенныя злобой лица, мнѣ слышится хохотъ, слышится крикъ „бей его!!“ И они меня *били, били*! Били за то, что я пришелъ къ нимъ на помощь, что я несъ имъ свои силы, свои знанія,—все... Господи, Господи! Что же это,—сонъ ли тяжелый, невѣроятный, или голая правда?.. Не стыдно признаваться,—я и въ эту минуту, когда пишу, плачу, какъ мальчикъ. Да, теперь только вижу я, какъ любилъ народъ и какъ мучительно горька обида...“

Этотъ трагическій эпизодъ не есть изобрѣтеніе фантазіи г. Вересаева. Извѣстно, что въ голодно-холерный 1892 годъ, къ которому относится дневникъ Чеканова, было нѣсколько случаевъ избіенія врачей и другихъ профессій людей, самоотверженно пришедшихъ на помощь обездоленному голодомъ и эпидеміей народу. Можно себѣ представить весь ужасъ горечи и обиды въ душѣ избиваемыхъ. Но въ Чекановѣ оказалось настолько великодушія и безпристрастія, чтобы не только принять въ соображеніе „невѣдѣніе творящихъ“ и простить обиду, но и вернуться въ смертный часъ къ былой вѣрѣ. Умирая, онъ говоритъ Наташѣ, чтобы она „любила народъ, что не нужно отчаяваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу, потому что работы страшно много“. „И теперь мнѣ не стыдно говорить эти „высокія слова“—прибавляетъ онъ; не стыдно потому, что въ эти слова опять влилось утраченное содержаніе. Тѣмъ не менѣе, избіеніе Чеканова обезумѣвшей толпой, какъ уже сказано, можетъ служить символическимъ выраженіемъ причины (или, по крайней мѣрѣ, одной группы причинъ) крушенія „міросозерцанія“ Чеканова. Это не было міросозерцаніе въ настоящемъ смыслѣ слова. Многое въ міросозерцаніи Чеканова осталось непоколебленнымъ; поколебалась или потускнѣла лишь извѣстная, довольно опредѣленная часть его, настолько, однако, для Чеканова важная, что его постигло полное разочарованіе и какъ бы вся душа его омертвѣла. Въ этомъ потускнѣвшемъ для Чеканова кругѣ идей и чувствъ „народъ“ игралъ первую роль, и тускнѣть этотъ кругъ сталъ задолго до избіенія Чеканова, ибо задолго до этого „народъ“ не оправдалъ тѣхъ ожиданій, съ которыми къ нему относились Чекановы. Скоро сказка сказывается, а дѣло дѣлается не скоро, и процессъ разочарованія шелъ медленно. Кромѣ того, рядомъ съ нимъ шла работа непоколебленной части „міросозерцанія“, вызывая такое напряженіе силъ, за которымъ послѣдовала убыль и усталость. Тутъ-то и начались жалобы „товарищей“, проживающихъ въ Слесарскѣ и другихъ мѣстахъ, на „книгу“, будто бы потребовавшую превращенія жизни „въ одинъ сплошной подвигъ“.

Не всѣ, однако, Чекановы остановились на томъ унылом̃ъ распутьи, на которомъ стоятъ, кляня свое прошлое, но и оторваться отъ него не смѣя, слесарскіе „товарищи“. Были предъявлены разныя „новыя слова“, причемъ съ особенною настойчи-

востью подчеркивались ихъ новизна и содержащійся въ нихъ „отказъ отъ наслѣдства“. Кое кому изъ отказывающихся сдѣлать это было тѣмъ легче, что они никогда и не были Чекановыми, въ томъ смыслѣ, что лично никогда не переживали ни пылкихъ увлеченій, ни горькаго разочарованія героя „Безъ дороги“. Это были пришлые люди безъ всякой связи съ прошлымъ, часто лишь по наслышкѣ объ немъ знавшіе. Были, конечно, и настоящіе Чекановы. Во всякомъ случаѣ всѣ „новыя слова“, либо прямо вызванныя разочарованіемъ, усталостью, убылью силъ, либо благодаря имъ получившія нѣкоторый просторъ, естественно должны заключать въ себѣ нѣчто протестующее по адресу прошлаго и нѣчто утѣшительное, успокоительное по адресу настоящаго, и будущаго. Такъ оно и было. Я не стану перебирать здѣсь всю коллекцію „новыхъ словъ“, провозглашенныхъ у насъ въ послѣднія десять -пятнадцать лѣтъ, и остановлюсь пока только на одномъ; на томъ именно, которое было формулировано въ концѣ 80-хъ годовъ въ газетѣ „Недѣля“, въ статьѣ „Новое литературное поколѣніе“.

„Новое поколѣніе родилось скептикомъ, и идеалы отцовъ и дѣдовъ оказались надъ нимъ безсильными. Оно не чувствуетъ ненависти и презрѣнія къ обыденной человѣческой жизни, не признаетъ обязанности быть героемъ, не вѣритъ въ возможность идеальныхъ людей. Всѣ эти идеалы — сухія логическія произведенія индивидуальной мысли, и для новаго поколѣнія осталась только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить и которую оно потому и признало. Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно прониклось сознаніемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того же источника—природы, все являетъ собою одну и ту же тайну бытія, и возвращается къ пантеистическому міросозерцанію“.

Переживалъ или не переживалъ Чекановскія увлеченія авторъ этой тирады, но въ ней ясно отразилось разочарованіе, какъ въ „идеалахъ отцовъ и дѣдовъ“, такъ и въ собственныхъ силахъ, и усталость, вызывающая пониженіе требованій отъ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ „возвращеніе (?) къ пантеистическому міросозерцанію“. Пантеизмъ означаетъ здѣсь почти буквально обожествленіе „природы“, какъ источника, изъ котораго „вытекаетъ все въ жизни“; все,—и то, что мы въ своихъ „сухихъ логическихъ произведеніяхъ индивидуальной мысли“ называемъ зломъ, и то, что считаемъ добромъ, все большое и малое, по землѣ пресмыкающееся и въ облакахъ парящее,—все это равноцѣнно, ибо все изъ одного источника происходитъ и нѣтъ основаній для нравственнаго суда надъ дѣйствительностью.

Любопытно, что то же самое — nur mit ein Bisschen andern Worten говорятъ и герои „Повѣтрія“ г. Вересаева, Наташа и Даевъ. Они обожествляютъ не „природу“, а „историческій ходъ

вещей", что по отношенію къ идеаламъ и дѣйствительности не измѣняетъ дѣла. „Пора — говоритъ Даевъ — перестать судить о явленіяхъ дѣйствительности съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ... Жизнь развивается по своимъ законамъ, не справляясь съ вашими идеалами; нечего и приставать къ ней съ этими идеалами; нужно принять тѣ, которые диктуетъ сама дѣйствительность". Сообразно этому Наташа и Даевъ говорятъ о своемъ безсиліи, и не лично о своемъ, а вообще о безсиліи людей противостоять ходу вещей или направлять его. Неизвѣстно опять таки, въ какой мѣрѣ лично Наташа и Даевъ „приставали къ дѣйствительности съ своими идеалами", но въ ихъ *міросозерцаніи* очевидно отразились тѣ же мотивы, что и въ „пантеистическомъ міросозерцаніи" вышеупомянутаго критика „Недѣли".

Подчеркиваю слово *міросозерцаніе*, потому что на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то, гораздо болѣе заслуживающимъ этого названія, чѣмъ тотъ кругъ идей и чувствъ, въ которомъ разочаровался Чекановъ. На этотъ разъ дѣло идетъ не о надеждахъ на мужика, на общину, на артель. Правда, и разговоры Наташи и Даева вертятся около этихъ предметовъ, но такова ужъ воля г. Вересаева; это—частности, хотя бы и очень важныя въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ (а въ „пантеистическомъ" міросозерцаніи, повидимому, и совсѣмъ не важныя), но во всякомъ случаѣ не исчерпывающія собою міросозерцанія. Рядомъ съ ними стоитъ множество другихъ частностей, подлежащихъ освѣщенію съ нѣкоторой единой, всеобъемлющей точки зрѣнія, ибо дѣйствительность—это вѣдь все въ данный моментъ существующее. Изучать эту дѣйствительность sine ira et studio; объективно слѣдить — что въ ней ростетъ, крѣпнетъ, ширится и что слабѣетъ, умаляется; по мѣрѣ силъ поддерживать растущее, крѣпнущее и ускорять паденіе падающаго,—вотъ что значитъ идти вровень съ „историческимъ ходомъ вещей" и „не приставать къ жизни съ своими идеалами, а принимать тѣ, которые диктуетъ сама дѣйствительность". Это міросозерцаніе призвано гарантировать насъ отъ безплодныхъ мечтаній и напрасной траты силъ, но, послѣдовательно проведенное, очевидно отрицаетъ не только идеалы отцовъ и дѣдовъ, а идеалы вообще. Что такое идеалъ? Это такая комбинація элементовъ, которая удовлетворяетъ моимъ требованіямъ, при которой я чувствовалъ бы себя наилучше въ данной области явленій: идеалъ красоты удовлетворяетъ эстетическимъ требованіямъ, идеалъ взаимныхъ людскихъ отношеній—этическимъ, идеалъ общественнаго строя—политическимъ и т. д. Спора нѣтъ, всѣ эти требованія могутъ оказаться неразумными, преждевременными, чрезмѣрными, вообще не подлежащими удовлетворенію, и тогда vae victis! Но умудренные личнымъ или историческимъ опытомъ герои „Повѣтрія" предлагаютъ отказаться отъ всякихъ требованій и жить подъ диктовку дѣй-

ствительности; они намъ даютъ въ руки своего рода аршинъ и говорятъ: мѣряйте и—что растетъ, тому служите, а что падаетъ, то толкайте внизъ. Гарантируетъ ли насъ этотъ аршинъ отъ ошибокъ, это, въ виду сложности житейскихъ дѣлъ, еще большой вопросъ, но онъ есть во всякомъ случаѣ только аршинъ, и при послѣдовательномъ его примѣненіи, ни о какихъ идеалахъ не можетъ быть рѣчи.

Мы сейчасъ увидимъ, что послѣдовательно аршинъ героями „Повѣтрія“ и не примѣняется, а теперь посмотримъ, какъ отражается ихъ „новое слово“ въ художественной литературѣ. Но сначала вернемся на минуту къ новому слову „пантеистическаго міросозерцанія“. Съ его точки зрѣнія нѣтъ никакихъ основаній для расцѣнки явленій жизни по степени ихъ значенія, ибо всѣ они вытекаютъ изъ одного источника и всѣ равно заслуживаютъ художественнаго воспроизведенія. Теорія эта, собственно говоря, возводила въ принципъ голый фактъ. Наша беллетристика въ цѣломъ давно уже представляетъ собою множество осколковъ разбитаго зеркала, изъ которыхъ въ каждомъ,—иногда вѣрно и отчетливо, иногда криво и мутно,—отражается какой нибудь уголокъ жизни, но безъ всякой связи съ цѣлымъ; причемъ авторамъ безчисленныхъ „очерковъ и разсказовъ“ совершенно безразлично, отражать ли муху или слона, уголокъ дамскаго будуара или соломенную крышу мужицкой избы, непереносное горе или перезвонъ троечныхъ бубенцовъ,—лишь бы все это возбуждало эстетическую эмоцію. Въ числѣ писателей этого типа у насъ былъ одинъ, особенно радовавшій сердца проповѣдниковъ пантеистическаго міросозерцанія,—г. Чеховъ. Другихъ этотъ высокоталантливый писатель, напротивъ, очень огорчалъ своими часто прелестными картинками, въ которыхъ, однако, по выраженію одного изъ его позднѣйшихъ героевъ, „самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка“. То, пожалуй, именно, зеркальное спокойствіе и безразличіе, съ которымъ г. Чеховъ отражалъ все, что попадалось на глаза, въ осколкахъ разбитаго зеркала, едва ли даже не было ближайшимъ поводомъ для провозглашенія пантеистическаго міросозерцанія. Но, не говоря уже о томъ, что никого, хотя бы приблизительно равнаго г. Чехову это міросозерцаніе не выставило, тотъ же г. Чеховъ хоронитъ его на нашихъ глазахъ. Давно уже началъ ему измѣнять спокойный, ровный, „зеркальный“, пантеистическій тонъ; все больше и больше оправдывается на немъ изреченіе одного изъ дѣйствующихъ лицъ „Палаты № 6“: „органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе: на боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на подлость — негодованіемъ, на мерзость — отвращеніемъ“. Въ послѣднихъ произведеніахъ г. Чехова, вмѣсто прежняго жизнерадостнаго убѣжденія въ равноцѣнности всего сущаго, звучитъ та-

кая страшная тоска, такое отчаяніе, какого нельзя было бы ожидать отъ автора „Налима“, „Винта“ и множества другихъ хорошенькихъ вещицъ...

Одинъ изъ послѣднихъ разсказовъ г. Чехова—„Мужики“—заслужилъ чрезвычайное одобреніе представителей другого „новаго слова“, предъявленныхъ въ „Повѣтріи“ образами Наташи и Даева. Согласно вышеприведенной ихъ программѣ построенія идеаловъ подъ диктовку дѣйствительности или, точнѣе, упраздненія идеаловъ и замѣны ихъ аршиномъ, они обрадовались возвеличенію города въ лицѣ трактирнаго полового и униженію деревни въ лицѣ мужиковъ. И г. Чеховъ былъ прославленъ... Скоро оказалось, однако, что это чистое недоразумѣніе, ибо для бывшаго пантеиста нынѣ все одинаково окутано флеромъ безъисходнаго мрака,—и деревня, и городъ...

Но для того „новаго слова“, которому, по недоразумѣнію, угодилъ было „Мужиками“ г. Чеховъ, онъ, пожалуй, уже слишкомъ старъ. Послѣ него могли объявиться новые беллетристы, на которыхъ уже полностью отпечаталось міросозерцаніе героевъ „Повѣтрія“. Чѣмъ же выразился этотъ приливъ новыхъ силъ, если таковой есть? Что внесли и что могутъ внести они въ сокровищницу нашей художественной литературы?

Талантливѣйшій и оригинальнѣйшій изъ беллетристовъ послѣдней формаціи есть безспорно г. Максимъ Горькій. Припомнимъ же кое-что изъ приведенныхъ въ прошлый разъ негодующихъ рѣчей совѣсти молодого беллетриста въ разсказѣ „Читатель“.

„Жизнь, созданная нами,—говоритъ этотъ голосъ совѣсти,—бѣдна красками, тускла, скучна. Дѣйствительность, которую мы когда-то такъ горячо хотѣли перестроить, сломала и смяла насъ... Человѣкъ теперь не царь земли, а рабъ жизни, утратилъ онъ гордость своимъ первородствомъ, преклоняясь передъ фактами, не такъ ли? Изъ фактовъ, созданныхъ имъ, онъ дѣлаетъ выводъ и говоритъ себѣ: вотъ непреложный законъ!.. Вотъ почему живется такъ бѣдно и скучно, вотъ почему обезсилѣлъ въ человѣкѣ духъ творчества... Ты открываешь уму людей, быть можетъ, много низкихъ истинъ, но можешь ли ты создать для нихъ хотя бы маленькій возвышающій обманъ? Нѣтъ! Ты увѣренъ, что это полезно рыться въ мусорѣ и не умѣть находить въ немъ ничего, кромѣ печальныхъ крошечныхъ истинъ, установляющихъ только то, что человѣкъ золъ, глупъ, безчестенъ, что онъ всегда и вполнѣ зависитъ отъ массы внѣшнихъ условій, что онъ безсиленъ и жалокъ одинъ и самъ по себѣ... Человѣкъ упалъ духомъ, его интересъ къ жизни низокъ, желаніе жить съ достоинствомъ въ немъ изсякаетъ, онъ хочетъ жить просто, какъ свинья, и — вы слы-

шите? уже онъ нахально смѣется, когда произноситъ слово „идеалъ“.

Ясно, кажется, что г. Горькій не только не вдохновляется „новымъ словомъ“ героевъ „Повѣтрія“, но находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ нимъ. Для сколько нибудь внимательныхъ читателей это и прежде было ясно, но теперь г. Горькій, устами воплощенной совѣсти молодого беллетриста, прямо говоритъ, что на почвѣ міросозерцанія героевъ „Повѣтрія“ нѣтъ мѣста настоящему художественному творчеству. Лично онъ не только негодуетъ на презрительное отношеніе къ идеаламъ и на преклоненіе передъ фактами; онъ требуетъ даже „насъ возвышающаго обмана“ въ ущербъ тѣмъ „печальнымъ, крошечнымъ истинамъ“, что человѣкъ, „вполнѣ и всегда зависитъ отъ массы внѣшнихъ условій, что онъ безсиленъ и жалокъ одинъ и самъ по себѣ“. Насколько же правъ г. Горькій, утверждая, что „новое слово“ героевъ „Повѣтрія“ неблагопріятно отзывается на нашей беллетристикѣ?

Мудрено было-бы, конечно, приписывать скудость беллетристики одному этому источнику, но что онъ не далъ намъ въ этой области ничего сколько нибудь достойнаго вниманія,—это фактъ, а что онъ и не можетъ дать что либо подобное,—это въ высшей степени вѣроятное предположеніе.

Есть такой комическій поэтъ, г. М. М., который, года два тому назадъ, слѣдующимъ образомъ изложилъ программу Даевыхъ и Наташъ:

Сумѣемъ мы сердце тому покорить,
Что умъ неизбѣжнымъ признаетъ,
А слезы оставимъ любителямъ лить,—
Пускай себѣ льетъ, кто желаетъ!
На жизненной сценѣ словамъ не дано
Ни власти могучей, ни силы,
Безплодно погибнуть имъ всѣмъ суждено,
Когда ихъ незнанье родило...
Да будемъ же больше стремиться узнать,
Да будемъ рабами мы знанья,
Научимся чувство уму покорять,
Чтобъ не было лишнихъ страданій...

Я не для того напомнилъ читателямъ эти неуклюжіе и безграмотные стихи, чтобы посмѣяться надъ поэтомъ. И не для того, чтобы иллюстрировать ими мысль о роковомъ худосочіи художественнаго творчества, вдохновляемаго программой Даева и Наташи. Охотно допускаю, что она способна внушить нѣчто гораздо лучшее, но едва ли она можетъ быть выражена точнѣе, чѣмъ въ стихотвореніи г. М. М.

Выше было уже замѣчено, что мало кто проводитъ эту программу послѣдовательно до ея логическихъ предѣловъ. Относительно многихъ Наташъ и Даевыхъ совершенно справедливо замѣчаніе маньяка артельнаго дѣла Киселева: „Сердца у васъ хо-

рошія, только теорія васъ губитъ, вотъ въ чемъ горе". Не знаю, конечно, какое сердце у г. М. М., но, повидимому, оно у него совсѣмъ не „мохнатое", какъ у нѣкоторыхъ шекспировскихъ героевъ, а даже очень доброе. Правда, онъ хвалится, что „сумѣетъ онъ сердце тому покорить, что умъ неизбѣжнымъ признаетъ"; но уже давно извѣстно, что не слѣдуетъ хвалиться, „идучи на рать", и во всякомъ случаѣ его сердцу еще, значитъ, предстоитъ борьба; да, онъ и „научится чувство уму покорять" не съ какими другими, а именно съ сердечными, сантиментальными цѣлями,—„чтобъ не было лишнихъ страданій". Только поэтому онъ вполнѣ безграмотно, но убѣжденно приглашаетъ насъ: „да будемъ же больше стремиться узнать, да будемъ рабами мы знанья". Онъ „знаетъ", но хочетъ знать еще больше. Онъ можетъ сказать, подобно Фаусту: zwar weiss ich viel, doch will ich Alles wissen. Не совсѣмъ, впрочемъ, Alles, а лишь ту долю или ту сторону этого огромнаго „всего", которая открываетъ ему радужныя перспективы въ будущее. И не въ силу фаустовской жажды познанія, самодовлѣющей и безстрашно готовой утолиться и горькимъ и сладкимъ напиткомъ, лишь бы утолиться, а въ силу увѣренности, что то, что „умъ неизбѣжный признаетъ", есть чаша радости и счастія. Словомъ, profession de foi нашего поэта представляетъ собою слабо замаскированное сочетаніе фатализма съ оптимизмомъ, какихъ уже много, подъ разными фирмами, создавала человѣческая мысль.

Въ тѣхъ же сѣтяхъ путаются и герои „Повѣтрія". Троицкій упрекаетъ ихъ въ томъ, что они дѣлаютъ изъ явленій русской жизни „звѣрскіе выводы". Это и вѣрно, и невѣрно. Дѣйствительность, подъ диктовку которой, если не жить, то смотрѣть на вещи рекомендуютъ Даевъ и Наташа, часто бываетъ звѣрски жестока, а потому естественно, что эта точка зрѣнія логически обязываетъ и къ соотвѣтственнымъ выводамъ.

Недавно вышла книжка г. Р. Гвоздева „Кулачество — ростовщичество, его общественно-экономическое значеніе", съ эпиграфомъ: „Sine ira et studio". Это — настоящій апоѳеозъ „кулака-міроѣда", хотя авторъ отнюдь не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ читателей всей той массы страданій, которыя вносятся этими піявками въ деревню, и „той атмосферы лжи и обмана, среди которой дышется такъ вольготно чумазому". Но онъ разсуждаетъ подобно г. М. М.: „Съумѣемъ мы сердце тому покорить, что умъ неизбѣжнымъ признаетъ, а слезы оставимъ любителямъ лить". Или подобно Даеву: пора перестать приставать къ дѣйствительности съ своими идеалами, надо брать тѣ, которые она сама диктуетъ; и если кровопійца ширится, растетъ, набирается все больше силы, то такъ и должно быть, и слава ему, хотя онъ несомнѣнно кровопійца! Троицкій назоветъ этотъ выводъ „звѣрскимъ", и это несомнѣнно такъ, но онъ, мо-

жетъ быть, и откажется отъ этого мнѣнія, выслушавъ г. Гвоздева до конца, и скажетъ вмѣстѣ съ Киселевымъ: „сердца у васъ хорошія, только теорія васъ губитъ, вотъ въ чемъ горе“.

Г. Гвоздевъ предвидитъ возраженіе: „Но это фатализмъ, мрачный, не знающій ни пощады, ни состраданія фатализмъ“—и горячо протестуетъ: „Нѣтъ, это не фатализмъ, это лишь свобода не биться о стѣнку головой, это свобода не воевать съ вѣтряными мельницами“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ—какая это такая „свобода не биться“ и „свобода не воевать“, я готовъ подтвердить, что исповѣдуемая г. Гвоздевымъ теорія не есть просто фатализмъ. Это—сочетаніе фатализма съ оптимизмомъ. Г. Гвоздевъ продолжаетъ: „Фатализмъ исключаетъ свободу дѣйствія только потому, что подавляетъ человѣка своей непонятной стихійностью, неизвѣстно откуда вышедшей, неизвѣстно что несущей, неизвѣстно куда стремящейся... Признавая же кулачество-ростовщичество безобразной, мрачной, тѣмъ не менѣе вполнѣ законной переходной ступенью въ общей эволюціи Россіи, мы тѣмъ самымъ сразу освобождаемся изъ подъ его фатальности, ибо мы знаемъ, гдѣ начался этотъ процессъ, также, какъ знаемъ, гдѣ онъ и кончится, *мы знаемъ, что онъ превращается въ свою противоположность,* что онъ же является однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ факторовъ въ созданіи такихъ условій, при которыхъ дальнѣйшее существованіе его является невозможностью“.

Итакъ, г. Гвоздевъ не фаталистъ, но только потому не фаталистъ, что „знаетъ“ („Да будемъ рабами мы знанья!“), и знаетъ именно очень утѣшительныя вещи: кровопійца превратится въ свою противоположность,—можетъ быть въ миѳическаго пеликана, столь полнаго любви и самоотверженія, что даже раздираетъ грудь свою и внутренностями своими другихъ пеликановъ питаетъ. Конечно, не сразу наступитъ эта идиллія, но задатки ея уже и теперь есть. Г. Гвоздевъ не находитъ достаточно презрительныхъ словъ для характеристики тѣхъ, кто, какъ и онъ, считаетъ кулака-міроѣда кровопійцей, но не „знаетъ“, что онъ превратится въ свою противоположность. Достается, между прочимъ, и Салтыкову, хотя Салтыковъ (или „г. Салтыковъ“, какъ съ неизмѣнною вѣжливостью называетъ покойника г. Гвоздевъ) кое что всетаки понималъ: Міроѣдъ „любитъ и холитъ землю,—пишетъ г. Салтыковъ,—какъ настоящій крестьянинъ, но уже не работаетъ ее самъ, а предпочитаетъ пользоваться дешевымъ или даровымъ трудомъ кабальной голотепы“. Здѣсь—замѣчаетъ г. Гвоздевъ—превращеніе міроѣда въ предпринимателя, пользующагося наемнымъ или даровымъ трудомъ кабальной гольтепы ясно, но авторъ этой мысли не развиваетъ, онъ ее бросилъ вскользь, очевидно, не придавая этой сторонѣ дѣятельности міроѣда того значенія, какое принадлежитъ ему по праву“ („Кулачество-ростовщичество“, 154). Конечно, предприниматель, пользующійся даровымъ трудомъ ка-

бальной гольтепы, не есть еще тотъ пеликанъ, который питаетъ своими внутренностями другихъ пеликановъ, но это уже шагъ впередъ въ направленіи идиллически свѣтлаго будущаго. И только потому, что г. Гвоздевъ увѣренъ въ неизбѣжности этого царства свѣта и любви, только поэтому онъ и „умѣетъ сердце тому покорять, что умъ неизбѣжнымъ призналъ". А то кровопійца былъ бы для него просто кровопійцей... Какое же это „звѣрство выводовъ"? Это скорѣе маниловщина какая-то. Правда, при видѣ страданій, вызываемыхъ грабительскою и надувательскою дѣятельностью кулака-ростовщика, г. Гвоздевъ готовъ сказать вмѣстѣ съ великолѣпнымъ поэтомъ: „слезы оставимъ любителямъ лить!" Но то слезы печали и состраданія, а слезу умиленія при мысли о міроѣдѣ, превращенномъ въ свою противоположность, отчего же и не пролить...

Кстати о „превращеніи въ свою противоположность", которое нынѣ часто употребляется въ видѣ словесной заплатки на прорѣхи въ ткани фактическихъ данныхъ и логическихъ выводовъ. Въ недавно вышедшей интересной книгѣ г. Х. Раппопорта „Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ" находимъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе:

„Оптимизмъ далеко не есть отличительное свойство одного провиденціальнаго направленія исторіи. Онъ присущъ извѣстному роду философскаго идеализма, осмѣяннаго Вольтеромъ въ Кандидѣ въ лицѣ безсмертнаго типа Панглосса. Элементы такого же оптимизма мы находимъ и въ играющей въ послѣднее время извѣстную роль „діалектической и матеріалистической теоріи исторіи", приверженцы которой считаютъ своей особенной заслугой то, что они въ злѣ видятъ не только зло, но и элементы уже возникающаго и предстоящаго намъ добра. Вся эта глубокомысленная оптимистическая философія основана на простомъ недоразумѣніи: берется какое нибудь сложное явленіе вродѣ „капитализма", напримѣръ, характеризуется безъ дальнѣйшихъ объясненій, какъ „зло", при этомъ положительныя стороны, связанванныя съ этимъ явленіемъ, какъ развитіе техники и городской культуры, сначала игнорируются и только *потомъ* открываются якобы при помощи діалектическаго метода, находящаго и въ общественномъ злѣ общественное добро, или, по рецепту Гегеля, за тезисомъ слѣдуетъ антитезисъ. „Діалектики" посредствомъ этого логическаго фокуса получаютъ возможность *положительныя слѣдствія положительной причины* обратить въ *положительную* сторону *самого отрицательнаго явленія* и торжественно обращать явленія въ свою „противоположность", „отрицаніе отрицанія" и тому подобныя прелести нео-схоластицизма".

Быть можетъ, эта цитата заставитъ кое кого изъ читателей задать себѣ вопросъ: что именно знаютъ тѣ, которые *знаютъ*, что кулакъ-ростовщикъ превращается въ свою противоположность,

и не есть ли это превращеніе въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, просто словесная заплатка?

Въ одномъ мѣстѣ г. Гвоздевъ выражаетъ неудовольствіе по поводу словъ г. Златовратскаго „о предательствѣ Колупаева, о томъ, что онъ подобно Іудѣ сталъ выдавать „своихъ присныхъ за тридцать сребренниковъ“ („Кулачество-ростовщичество“, 153). Г. Гвоздевъ согласенъ, пожалуй, что Колупаевъ—Іуда, но не только Іуда въ порицательномъ смыслѣ этого собственнаго имени, ставшаго нарицательнымъ, ибо предатель Іуда неизбѣжно превратится въ свою противоположность, изъ зла выростетъ благо. Это напоминаетъ мнѣ одинъ любопытный эпизодъ изъ исторіи мысли. Въ числѣ гностическихъ сектъ было нѣсколько (офиты, каиниты и проч.), поклонявшихся змѣю-искусителю Адама и Евы, братоубійцѣ Каину, христопродавцу Іудѣ, вообще представителямъ зла и грѣха въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ. Въ разныхъ развѣтвленіяхъ этихъ сектъ мотивы такого поклоненія были разные и вообще очень сложные и запутанные. Между прочимъ, Іуда вызывалъ поклоненіе именно своимъ предательствомъ, на томъ основаніи, что, не продай онъ Христа, грѣхи наши не были бы искуплены кровью, пролитою на Голгоѳѣ. Какъ ни дико это поклоненіе предателю, какъ предателю, какъ несомнѣнному злу, изъ котораго однако *проистекло* благо,—оно въ логическомъ смыслѣ одного порядка съ апологіей кровопійцы, какъ кровопійцы, какъ несомнѣннаго зла, изъ котораго, однако, *должно проистечь* благо. Подчеркиваю и разницу: въ первомъ случаѣ мы имѣемъ ретроспективный оптимизмъ, во второмъ—перспективный. Ретроскептивный оптимизмъ тоже очень знакомъ единомышленникамъ г. М. М., г. Гвоздева и героевъ „Повѣтрія“. Сюда, напримѣръ, относятся извѣстныя разсужденія о рабствѣ, которое было, во-первыхъ, исторически необходимо, во-вторыхъ, соотвѣтствовало понятіямъ своего времени, въ-третьихъ безъ него не было бы греческой культуры, римской культуры, европейской цивилизаціи и, наконецъ, господъ М. М., Гвоздева, героевъ „Повѣтрія“, которые, оглядываясь назадъ, могутъ въ стихахъ и въ прозѣ радоваться,—какъ все это хорошо вышло. Въ этомъ радужномъ освѣщеніи исчезаютъ кое какіе пустяки. Не говорю о моряхъ пролитой человѣческой крови, о многомильонноголосомъ хорѣ стоновъ и воплей, о тьмѣ темъ крестовъ, костровъ, плахъ, дыбъ, о неописуемыхъ нравственныхъ мукахъ оскорбленной чести и ущемленной совѣсти, соединяющихъ длинною сложною цѣпью причинъ и слѣдствій древнее рабство съ современностью. Пусть все это искуплено тѣмъ, что человѣчество считаетъ нынѣ въ своихъ рядахъ такого поэта, какъ г. М. М., и такого ученаго, какъ г. Гвоздевъ. Да и „слезы оставимъ любителямъ лить, пускай себѣ льетъ, кто желаетъ!“ Наконецъ, вѣдь это ужъ все затихло, умерло, было и быльемъ поросло. Пусть такъ,

но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы позволительно было извращать былое. Неправда, что греческое и римское рабство соотвѣтствовало понятіямъ своего времени: оно соотвѣтствовало понятіямъ рабовладѣльцевъ, а какъ относились къ нему сами рабы, которыхъ счетомъ побольше было, объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ кровавыя возстанія. Недостойно правдиваго изслѣдователя оттѣнять исключительно положительныя стороны греческой культуры, римкой культуры, европейской цивилизаціи, какъ явленія, которымъ небыло бы мѣста въ исторіи, если бы не было рабства: не было бы ихъ, но не было бы и отрицательныхъ сторонъ, не было бы и тѣхъ позорныхъ пятенъ, которыя грязнятъ греческую культуру, и римскую культуру, и европейскую цивилизацію. Надо быть слишкомъ довольнымъ, фигурально выражаясь, „самимъ собой, своимъ обѣдомъ и женой", для такого ретроспективнаго оптимизма. Что же касается исторической необходимости, то вѣдь все совершившееся, совершающееся и имѣющее совершиться исторически одинаково необходимо. Какъ говоритъ все тотъ же великолѣпный поэтъ:

Такъ люди живутъ; ихъ дѣлами
Слагается жизнь, но всегда
Идетъ она тѣми шагами,
Что сдѣлать *фатально должна.*

Однако вотъ еще недавно одинъ изъ единомышленниковъ гг. М. М. и Гвоздева во всеуслышаніе заявилъ, что если бы онъ жилъ во время освобожденія крестьянъ, то настаивалъ бы на освобожденіи безъ земли *). Освобожденіе совершилось съ землей, и это, какъ все на свѣтѣ, было исторически необходимо, неизбѣжно, но на этомъ пунктѣ единомышленникъ г. М. М. не считаетъ возможнымъ „сердце тому покорить, что умъ неизбѣжнымъ призналъ": историческая необходимость ошибку дала... Троицкій и тутъ, пожалуй, усмотрѣлъ бы „звѣрскій выводъ". А между тѣмъ этотъ частный протестъ противъ исторической необходимости, представляющій, собственно говоря, „приставаніе къ дѣйствительности съ своими идеалами", истекаетъ именно изъ сердца, изъ любвеобильнаго, маниловскаго сердца, запутавшагося въ паутинѣ на этотъ разъ перспективнаго оптимизма,—того самаго, который

*) Мимоходомъ сказать, какъ неблагодарны эти молодые люди, отрѣзывающіе себя отъ „идеаловъ отцовъ и дѣдовъ". Въ числѣ послѣднихъ было не мало людей, которыхъ они должны бы были признать своими предшественниками. Извѣстно, что на освобожденіи крестьянъ безъ земли настаивала цѣлая сильная группа, имѣвшая своихъ выразителей и въ литературѣ, какъ передъ освобожденіемъ, такъ и послѣ него. Газета „Очерки" въ юмористическомъ „перечнѣ наиболѣе замѣчательныхъ открытій, сдѣланныхъ русскою литературой въ 1862 г." отмѣчала, между прочимъ: „признана польза размноженія въ Россіи батраковъ, т. е. людей, не имѣющихъ ни земли, ни кола, ни двора, въ видахъ преуспѣянія отечественнаго земледѣлія".

побуждаетъ г. Гвоздева писать апологію кулака-ростовщика. Если бы мужикъ былъ освобожденъ безъ земли, то, конечно, онъ былъ бы обездоленъ, и даже представить себѣ трудно до какой степени, но за то тѣмъ скорѣе всѣ вещи превратились бы въ свою противоположность и пеликаны стали бы кормить своими внутренностями другихъ пеликановъ, и райскія птицы райскія пѣсни запѣли...

Не смотря на невольно пробивающійся по временамъ иронический тонъ, я самымъ искреннимъ образомъ готовъ повторить слова маньяка артельнаго дѣла Киселева: „сердца у нихъ хорошія, да теорія ихъ губитъ". Есть, конечно, и такіе, у которыхъ и сердца хорошія и которыхъ и теорія не губитъ, такъ какъ самая практика жизни ставитъ границы „звѣрскимъ выводамъ" теоретиковъ. Что же касается теоретиковъ, то между ними есть всякіе. Есть и узколобые, и щеголяющіе новымъ моднымъ костюмомъ, но „хорошихъ сердецъ" и тутъ много, только они запутываются въ паутинѣ перспективнаго оптимизма. Они очень человѣколюбивы, эти люди, подчасъ даже щеголяющіе непреклонностью своего „объективизма" и жестокостію равнодушія къ страданіямъ живыхъ людей, сейчасъ облеченныхъ плотью и кровью, чувствующихъ и боль, и обиду, и голодъ. Но это только потому, что они „знаютъ": „тамъ, за далью непогоды, есть блаженная страна", гдѣ пока еще ничего не чувствующіе, потому что не родившіеся люди „неизбѣжно" будутъ пить изъ чаши радости и счастья. Они горячо любятъ, но не „ближняго" своего, а „дальняго"...

Не съ одной этой стороны надвигается на насъ мораль „любви къ дальнему" въ замѣнъ „любви къ ближнему", освященной не только христіанскимъ ученіемъ, а и самыми условіями общежитія. Я буду имѣть скоро случай подробно говорить объ этой новой морали. А теперь пора вернуться къ нашей беллетристикѣ, къ тому вліянію, которое можетъ оказать на нее программа Даева и Наташи, гг. М. М. и Гвоздева.

Когда сердце и умъ находятся въ разладѣ и приходится „сердце тому покорять, что умъ неизбѣжнымъ признаетъ", въ художественномъ творчествѣ необходимо долженъ преобладать элегическій, мрачный, грустный, пессимистическій, гнѣвный и т. п. тонъ. Но въ данномъ случаѣ настроеніе художника раздваивается. Для него, напримѣръ, раззореніе есть не только разореніе, а и его грядущая противоположность—богатство, голодъ—не только голодъ, а и сытость и т. д. Въ теоретическомъ трактатѣ все это болѣе или менѣе удобно устраивается при помощи разныхъ словесныхъ заплатъ, но художественные образы и картины не терпятъ заплатъ и требуютъ цѣльности настроенія. И я думаю, что художественная литература того направленія, о которомъ идетъ рѣчь, фатально обречена на скудость. Она можетъ давать фантастическія изображенія того, пусть „неизбѣжнаго", но не вопло-

щеннаго и лишь въ произвольныя формы уложимаго грядущаго, когда кулакъ-ростовщикъ превратится въ свою противоположность; или — протокольныя описанія дѣйствительности; или — изложеніе доктрины въ quasi поэтической формѣ, какую избралъ г. М. М., въ quasi художественной формѣ діалоговъ и монологовъ, примѣненной г. Вересаевымъ въ „Повѣтріи". Все это не есть настоящее искусство. Возможны, конечно, еще разные „Инвалиды" и тому подобные опыты художественнаго оплеванія „идеаловъ отцовъ и дѣдовъ", которые знали, что голодъ есть голодъ, но не знали, что голодъ есть сытость. Но подобныя произведенія, даже если они будутъ очень талантливы,—чего мы пока еще не видали,—къ самой сути доктрины не имѣютъ прямого отношенія.

Въ числѣ проектовъ чествованія памяти Пушкина видное мѣсто занимаетъ предположеніе устроить въ селѣ Михайловскомъ убѣжище для престарѣлыхъ или вообще нуждающихся писателей. Мысль очень симпатичная, но вотъ что разсказываетъ въ № 38 „Сына Отечества" г. Яблоновскій. Онъ ѣздилъ въ Михайловское и бесѣдовалъ съ нынѣшнимъ его владѣльцемъ, сыномъ поэта. Между прочимъ, послѣдній сказалъ:

Теперь я уже успѣлъ привыкнуть къ мысли объ отъѣздѣ, и меня только безпокоитъ участь крестьянъ: они очень встревожены продажей имѣнія и положительно заваливаютъ меня своими просьбами и заявленіями. Дѣло въ томъ, что моя земля находится въ центрѣ ихъ владѣнія, обойтись безъ этой земли они положительно не могутъ—отсюда и безпокойство. Въ настоящее время они пользуются землей на условіяхъ для нихъ необременительныхъ *). Впослѣдствіи же, когда имѣніе перейдетъ въ другія руки (по слухамъ оно поступитъ въ вѣдѣніе псковскаго дворянства), мнѣ совершенно неизвѣстно, какъ съ ними поступятъ: останутся-ли они при прежнемъ положеніи, или арендная плата будетъ повышена. Признаюсь, я очень опасаюсь именно послѣдняго. Если будетъ рѣшено содержать предполагаемую богадѣльню для литераторовъ съ доходовъ отъ имѣнія, то крестьяне понесутъ очень чувствительные убытки, а мнѣ бы до послѣдней степени этого не хотѣлось.

— Не лучше-ли было бы,—прервалъ я,—если бы ваша земля, съ помощью-ли крестьянскаго банка, или какъ-нибудь иначе, перешла къ крестьянамъ. Пусть-бы они пользовались ею, какъ до сихъ поръ пользовались, да помнили Александра Сергѣевича.

— Не знаю...— съ сомнѣніемъ произнесъ Григорій Александровичъ,— все это должно рѣшить псковское дворянство, а какъ оно поступитъ— сказать не берусь, хотя для меня лично было бы, конечно, очень больно, если бы съ именемъ Михайловскаго у крестьянъ связывалось представленіе, какъ о чемъ-то тяжеломъ для нихъ.

*) Послѣ я узналъ, что крестьяне арендуютъ землю очень дешево. По крайней мѣрѣ, по мнѣнію мѣстныхъ купцовъ, они платятъ впятеро меньше того, что можно было бы съ нихъ взять, пользуясь безвыходностью ихъ положенія.

— Да и не для однихъ крестьянъ,—замѣтилъ я,—былъ бы непріятенъ такой порядокъ вещей. Я съ увѣренностью могу сказать, что и для тѣхъ литераторовъ, которыхъ предполагается здѣсь устроить, было бы больше чѣмъ не желательно очутиться на шеѣ у окрестныхъ крестьянъ, и я не думаю, чтобы уважающій себя писатель, какъ бы ни была велика его крайность, примирился бы съ такимъ положеніемъ...

— Само собой, но повторяю, все будетъ зависѣть отъ псковскихъ дворянъ.

Мнѣ нечего прибавлять къ этому.

Ник. Михайловскій.

Полемика „негодными средствами".

Въ ноябрьской книжкѣ „Научнаго Обозрѣнія" за минувшій годъ помѣщены двѣ замѣтки по поводу моихъ статей: одна изъ нихъ представляетъ рецензію на статью „Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ", напечатанную въ 8 и 9-й книжкахъ „Русскаго Богатства" за 1898 годъ и подписана иниціалами П. М.; другая—статья А. Е. Лосицкаго, озаглавленная „Русская деревня въ идиллическомъ изображеніи и въ дѣйствительности", посвящена моей замѣткѣ „Къ вопросу о роли собирателей земли въ русскомъ земледѣльческомъ производствѣ", помѣщенной еще въ іюльской книжкѣ Р. Б. за 1897 годъ. Легко понять, что довольно существенныя разногласія во взглядахъ на русскія экономическія отношенія между группой сотрудниковъ „Научнаго Обозрѣнія" и „Русскимъ Богатствомъ" не могутъ быть исчерпаны и разъяснены въ краткихъ полемическихъ замѣткахъ, появляющихся тамъ или здѣсь. И если я считаю необходимымъ отвѣтить гг. П. М. и Лосицкому, то не затѣмъ, чтобы спорить съ ними по общимъ вопросамъ, а лишь затѣмъ, чтобы отмѣтить значеніе ихъ критики собственно для тѣхъ выводовъ, которые они оспариваютъ.

По правдѣ сказать, отвѣчать по существу г. П. М., какъ сейчасъ будетъ видно, для меня совсѣмъ нѣтъ надобности. Пользуясь его замѣткой, я отмѣчу лишь, какъ подъ часъ пишутся рецензіи даже въ научныхъ журналахъ.

А рецензія г. П. М.—очень характерна въ этомъ случаѣ: она написана авторомъ, не читавшимъ рецензируемой статьи и въ лучшемъ случаѣ лишь перелиставшимъ только ее. Вотъ и доказательства.

Г-нъ П. М. утверждаетъ, что „г. Пѣшехоновъ умалчиваетъ о томъ, какое значеніе имѣетъ земледѣліе вообще для крестьянъ Козельскаго уѣзда и для каждой принятой имъ группы въ част-

ности, и мы должны были справиться объ этомъ въ другомъ мѣстѣ". Это—не правда, г. Пѣшехоновъ объ этомъ не умалчиваетъ. Онъ объ этомъ говоритъ очень много, можно-бы даже сказать, черезчуръ много, если бы въ задачу его статьи не входилъ подробный анализъ сравнительнаго значенія земледѣлія и промысловъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. На страницахъ 183—188 *) мною данъ учетъ количеству рабочихъ силъ (въ дняхъ), которыя отнимаетъ у крестьянскаго населенія земледѣліе; на страницахъ 188—193 данъ учетъ количеству бюджетныхъ средствъ (въ рубляхъ), которыя даетъ оно; въ томъ и другомъ случаѣ учетъ данъ какъ для всѣхъ хозяйствъ вообще, такъ и для каждой принятой мною группы. Уже этими существенными данными почти въ полной мѣрѣ характеризуется значеніе земледѣлія для крестьянскаго населенія. Однако въ статьѣ приводится масса и другихъ данныхъ по этому же вопросу: на стр. 57—59 даны свѣдѣнія о распредѣленіи земель въ каждой группѣ на угодья, о количествѣ капитала въ скотѣ, постройкахъ и инвентарѣ, о затратѣ лошадиной и рабочей силы на каждую десятину, объ удобреніи, о пропорціи посѣвовъ, объ урожаѣ важнѣйшихъ полевыхъ растеній и, наконецъ, о валовомъ и чистомъ доходѣ по разсчету на 1 десятину, на 100 руб. основного и оборотнаго капиталовъ и на 1 рабочій день. Говорить послѣ этого, что г. Пѣшехоновъ умалчиваетъ о значеніи земледѣлія,—по меньшей мѣрѣ, странно, и обращаться за справкой въ другое мѣсто—вовсе не было надобности, тѣмъ болѣе, что она ничего не дала такого, чего бы г. П. М. не могъ найти въ моей статьѣ и притомъ безъ всякихъ глазомѣрныхъ расчетовъ, къ которымъ онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть. Справка показала г. П. М., что въ хозяйствахъ Козельскаго у., отнесенныхъ въ V группу, потребляется весь производимый въ нихъ хлѣбъ; на стр. же 54-й нашей статьи рецензентъ могъ бы найти болѣе точную цифру, а именно, что изъ общаго количества продуктовъ хозяйства этой группы расходуютъ сами 91,4%, а отчуждаютъ на сторону лишь 8,6%, на страницѣ же 54-й онъ нашелъ бы, что изъ 100 рублей дохода по полеводству въ нихъ лишь 1 руб. получается деньгами. Полагаю, эти цифры вполнѣ бы могли удовлетворить П. М. Крайне характерно для рецензента, что за справками какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ онъ обращается исключительно къ труду С. А. Короленко („Вольнонаемный трудъ" и т. д.), съ достоинствами котораго лица, слѣдящія за статистической литературой, конечно, хорошо знакомы **).

*) Моя статья занимаетъ 173—195 страницы въ августовской книгѣ журнала и 54—82 стр. въ сентябрьской. Я буду указывать только страницы, не называя книги.

**) Читатели „Р. Б." знаютъ объ этой книгѣ по статьѣ „Какъ не слѣдуетъ обработывать статистическій матеріалъ", напечатанной въ № 9 „Р. Б." за 1893 г.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. П. М. обнаруживаетъ не меньшее незнакомство съ содержаніемъ рецензируемой имъ статьи. Приведя нашъ выводъ, что „бюджетъ крестьянскаго населенія всецѣло опирается на рабочую силу, а не на землю, не на капиталъ, и, стало быть, это есть бюджетъ рабочаго, а не рентьера“ и „что здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ изъ видовъ того явленія, которое Николай —онъ назвалъ капитализаціей доходовъ земледѣльческаго производства“, г. П. М. спрашиваетъ: „откуда же этотъ несообразный выводъ“. Чтобы оправдать эпитетъ „несообразный“, рецензентъ тутъ же очень явственно намекаетъ, что этотъ выводъ г. Пѣшехоновъ сдѣлалъ непосредственно изъ того обстоятельства, что крестьяне Козельскаго уѣзда почти не отчуждаютъ производимыхъ въ ихъ хозяйствахъ продуктовъ. Это даетъ г-ну П. М. возможность высказать удивленье: „какая же можетъ быть капитализація земледѣльческихъ „доходовъ“, если хлѣбъ попадаетъ въ желудокъ рабочаго, а не на рынокъ“? Если бы г. П. М. въ своемъ чтеніи моей статьи не перескочилъ сразу съ начала 55 стр. на конецъ 70-й, то, конечно, зналъ-бы, откуда получился столь удивившій его выводъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, онъ понялъ бы, что и при потребленіи всѣхъ продуктовъ въ собственномъ хозяйствѣ, разъ отчуждается на сторону получаемая въ результатѣ этого потребленія рабочая сила, рентные доходы могутъ исчезать изъ рукъ крестьянства и что сдѣланный нами выводъ объ ихъ капитализаціи вовсе ужъ не такъ несообразенъ, какъ это ему кажется.

Далѣе г. П. М. пишетъ: „Авторъ находитъ у крестьянъ, отправляющихся на заработки“, превышеніе заработной платы надъ стоимостью рабочей силы—это видно изъ того, что чистый доходъ отъ отхожихъ, т. е. дальнихъ промысловъ выше, чѣмъ отъ мѣстныхъ. „Почему, продолжаетъ П. М., авторъ видитъ въ приведенномъ аргументѣ доказательство превышенія заработной платы въ отхожихъ промыслахъ надъ стоимостью рабочей силы, а не пониженія въ мѣстныхъ ниже стоимости рабочей силы?“ Начавъ чтеніе 73 страницы прямо со средины ея, рецензентъ просто не понялъ первой фразы, а процитировавъ и ее со средины—онъ ввелъ въ заблужденіе и читателя. Въ моей статьѣ фраза имѣетъ такую конструкцію: „Что именно этимъ объясняется невѣроятное на первый взглядъ обстоятельство—превышеніе заработной платы надъ стоимостью рабочей силы,—это видно уже изъ того...“ и т. д. Легко понять, что высшій доходъ въ отхожихъ промыслахъ сравнительно съ мѣстными служитъ въ данномъ случаѣ аргументомъ не „превышенія заработной платы надъ стоимостью рабочей силы“, а того объясненія, которое въ предыдущихъ строкахъ дано этому превышенію и которое осталось непрочитаннымъ г-номъ рецензентомъ. Превышеніе же заработной платы въ промыслахъ надъ стоимостью рабочей силы въ моей статьѣ, на стр. 191—192-й,

которыя, какъ указано уже, были пропущены г. П. М., аргументировано болѣе наглядно путемъ сопоставленія цифровыхъ данныхъ о доходахъ отъ промысловъ съ расходами на потребленіе соотвѣтствующей части населенія. Что касается предположенія г. рецензента, что въ мѣстныхъ промыслахъ заработная плата ниже стоимости рабочей силы,—то это для меня не новость, такъ какъ въ моей статьѣ приведены цифровыя данныя, констатирующія это явленіе.

Г-нъ П. М. указываетъ и еще нѣсколько „несообразностей“ въ моей статьѣ. Но всѣ эти „несообразности“ объясняются лишь тѣмъ, что онъ перелисталъ только мою статью, изрѣдка прочитывая по нѣскольку строкъ на отдѣльныхъ страницахъ, и тѣмъ, что не понялъ того, что читалъ. Онъ, напр., такъ и не усвоилъ, что одна вещь—производство въ крестьянскихъ хозяйствахъ и совершенно другое дѣло—потребленіе. Онъ такъ и не понялъ, что, говоря о „капитализаціи доходовъ“, я все время говорю о рентныхъ доходахъ отъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства, а не о той прибавочной стоимости, которая создается рабочей силой въ чужихъ предпріятіяхъ. Укажу еще одну маленькую, но характерную особенность: въ своей статьѣ я оперирую надъ данными по Козельскому уѣзду, г-нъ же П. М. путаетъ этотъ уѣздъ съ Калязинскимъ, о которомъ я и не упоминалъ. Какъ видитъ читатель, характеръ рецензіи г. П. М.—дѣйствительно своеобразный. Этотъ характеръ ея я объясняю тѣмъ, что П. М. не читалъ моей статьи, такъ какъ не рѣшаюсь думать, что онъ умышленно исказилъ ее въ своей передачѣ. Зачѣмъ же онъ писалъ и публиковалъ ее? Я могу сдѣлать по этому поводу только одно предположеніе. Г-нъ П. М. отличается, очевидно, очень большою боевою готовностью. Въ моей статьѣ ему попались на глаза нѣкоторыя фразы полемическаго характера. Не долго думая и не затрудняя себя ознакомленіемъ съ доводами противника, онъ ринулся въ бой. Жаль, что онъ упустилъ при этомъ изъ виду одно: быстрота и натискъ, которые такъ цѣнилъ Суворовъ, даже въ военномъ дѣлѣ въ настоящее время не играютъ рѣшающей роли. А въ литературѣ, если за ними нѣтъ ничего болѣе серьезнаго, всегда были и будутъ, употребляя юридическій терминъ, „негодными средствами“ для полемики...

Еще одно маленькое замѣчаніе по адресу г. П. М. Упорное отрицаніе съ его стороны того факта, что „литературные противники народничества“ стремятся (или стремились) „отодвинуть мужика на задній планъ“, „отвлечь общественное вниманіе и общественныя силы отъ деревенскихъ интересовъ“ и „противополагаютъ деревнѣ—городъ, крестьянину—рабочаго пролетарія“ (такими словами я характеризовалъ „походъ“ противъ деревни),—заставляетъ думать, что и статьи своихъ единомышленниковъ онъ

не читаетъ, а только—опять таки скажу, въ лучшемъ случаѣ—перелистываетъ.

Статья г. Лосицкаго много корректнѣе. Фактамъ онъ противопоставляетъ факты, благодаря чему споръ теряетъ расплывчатость и пріобрѣтаетъ вполнѣ опредѣленный характеръ.

Г. Лосицкій оспариваетъ мои сомнѣнія въ истинности распространенныхъ взглядовъ на роль „собирателей земли" въ русскомъ земледѣльческомъ производствѣ. Я сомнѣваюсь, чтобы такіе собиратели были многочисленны, онъ думаетъ, что ихъ много; я полагаю, что количество „собранной" ими земли ничтожно, онъ думаетъ, что ея собрана цѣлая масса; опираясь на семейный составъ многоземельныхъ хозяйствъ, я склоненъ видѣть въ нихъ остатокъ прежнихъ экономическихъ формъ, г. Лосицкій въ многоземельныхъ хозяйствахъ видитъ новое явленіе; я въ своей статьѣ доказываю, что въ Калужской губерніи производительность земли въ многосѣющихъ хозяйствахъ ниже, чѣмъ въ малосѣющихъ, г. Лосицкій утверждаетъ, что въ другихъ мѣстностяхъ этого быть не можетъ. Какъ видитъ читатель, наши разногласія все фактическія. Посмотримъ, чѣмъ же аргументируетъ свои утвержденія нашъ оппонентъ. Будетъ слѣдовать въ порядкѣ его изложенія.

Наше предположеніе, что многоземельныя крестьянскія хозяйства, судя по чрезвычайно большому ихъ семейному составу, напоминающему скорѣе семейную общину, чѣмъ индивидуалистическое мѣновое хозяйство, представляютъ скорѣе остатокъ прежнихъ формъ, чѣмъ новое экономическое явленіе, г. Лосицкій считаетъ излишнимъ опровергать и отсылаетъ читателя къ „цѣннымъ" статьямъ г. П. Скворцова, печатавшимся въ Юридическомъ Вѣстникѣ подъ общимъ заглавіемъ „Итоги крестьянскаго хозяйства". Хотя г. Лосицкій и упрекаетъ меня въ незнакомствѣ со статистической литературою, этотъ общій упрекъ оставляю на его совѣсти, и въ частности со статьями г. Скворцова, однако съ послѣдними-то я, повидимому, лучше знакомъ, чѣмъ г. Лосицкій. „Цѣнными" то ихъ, и притомъ безъ всякихъ оговорокъ, я уже никакъ не рѣшился бы назвать. Въ частности, по вопросу о численности семьи въ связи съ дифференціацій, г. Скворцовъ приходитъ къ слѣдующему „общему" выводу: „въ земледѣльческой Россіи, съ увеличеніемъ количества жизненныхъ средствъ, увеличивается и размѣръ семьи, но въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сильно развиты промыслы, размѣръ семьи измѣняется въ направленіи, обратномъ къ количеству жизненныхъ средствъ производства, олицетворяемыхъ землей" *). Проще говоря, г. Скворцовъ утверждаетъ, что въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ многоземельныя семьи больше, а въ промысловыхъ—малоземельныя. Выводъ

*) Ю. В. 1892, т. XII, стр. 83.

очень любопытный, съ нашимъ предположеніемъ далеко не согласный, а фактическимъ даннымъ по Калужской (промысловой) губерніи и прямо противорѣчащій *). Не худо, однако, присмотрѣться, какъ онъ полученъ. Г. Скворцовъ пришелъ къ нему, оперируя надъ статистическими данными по двумъ полнымъ губерніямъ (Тамбовской и Таврической) и по 10 уѣздамъ другихъ губерній. Матеріалъ, казалось бы, достаточный. Мы не знаемъ, какую часть Россіи г. Скворцовъ называетъ земледѣльческой и какія губерніи относитъ къ мѣстностямъ съ сильно развитыми промыслами. Но чтобы получить его выводъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя онъ приводитъ, къ земледѣльческимъ мѣстностямъ необходимо отнести Таврическую губернію, Трубчевскій и Елецкій (Орловской губерніи), Демьянскій (Новгор.) и Елабужскій (Вят.) уѣзды: по отношенію къ этимъ мѣстностямъ дѣйствительно изъ приведенныхъ авторомъ данныхъ можно сдѣлать выводы, что размѣръ семьи растетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ земельнаго обезпеченія. Съ другой стороны, къ промысловымъ мѣстностямъ авторъ, очевидно, могъ отнести только Калязинскій уѣздъ (Твер. губ.) и Васильскій уѣз. (Нижегородск.), по которымъ размѣръ семьи уменьшается вмѣстѣ съ ростомъ надѣльнаго обезпеченія. Такимъ образомъ матеріалъ, оправдывающій выводъ, относится въ сущности къ очень ограниченному числу уѣздовъ, причемъ столь важное для выводовъ дѣленіе этихъ уѣздовъ на земледѣльческіе и промысловые очень и очень шатко. Но, главное, авторъ игнорировалъ,—а это совсѣмъ ужъ непростительно для мало-мальски свѣдущаго статистика,—что по Калязинскому и Васильскому уѣздамъ, по которымъ у него получилось обратное, хотя и слабо выраженное, соотношеніе между размѣромъ надѣла и семьею, въ сборникахъ дана группировка общинъ, тогда какъ въ сборникахъ по остальнымъ упомянутымъ мѣстностямъ, по которымъ получается прямое соотношеніе размѣровъ земельнаго обезпеченія и семьи, содержится группировка дворовъ, а не общинъ. Эти двѣ группировки настолько различны,

---

*) Во избѣжаніе недоразумѣній считаю необходимымъ оговориться, что вліяніе количества жизненныхъ средствъ на приростъ населенія я не отрицалъ и не отрицаю. Но размѣры крестьянскихъ семей, по моему мнѣнію, объясняются не только приростомъ, но большею или меньшею интензивностью семейныхъ раздѣловъ. Большій приростъ населенія, свойственный многоземельнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ, какъ приходилось уже намъ указывать печатно, служитъ, по нашему мнѣнію, одной изъ причинъ мельчанія ихъ, благодаря большей необходимости для нихъ семейныхъ раздѣловъ. Что касается связи многоземельности съ многосемейностью, то думаемъ, что не только первая обусловливаетъ вторую, но и вторая—первую. Не лишне при этомъ отмѣтить что г. Скворцовъ въ тѣхъ же статьяхъ, но только въ другомъ мѣстѣ (Ю. В. 1891, т. VIII, стр. 181) категорически утверждаетъ, что „размѣръ надѣла находится въ зависимости отъ размѣровъ семьи". Странно только, почему это утвержденіе онъ упустилъ изъ виду въ своемъ „общемъ" выводѣ.

что если и можно сдѣлать выводъ изъ того, что при разныхъ группировкахъ получается разное соотношеніе между семьею и надѣломъ, то только прямо почти противоположный выводу г. Скворцова; а именно, что семьи потому многоземельны, что они многосемейны. Смѣемъ увѣрить гг. Скворцова и Лосицкаго, что во всѣхъ мѣстностяхъ, по которымъ имѣется группировка дворовъ, независимо отъ того, промысловыя эти мѣстности или земледѣльческія, наблюдается очень ярко выраженное прямое соотношеніе размѣровъ семьи съ размѣрами земельнаго обезпеченія. Что касается другихъ мѣстностей, по которымъ онъ приводитъ данныя и по которымъ въ сборникахъ дана группировка общинъ, то безъ натяжки никакого вывода по отношенію къ нимъ получить нельзя. А если прибѣгать къ натяжкамъ, какъ это дѣлаетъ г. Скворцовъ, то вѣдь и Московскій уѣздъ придется отнести къ земледѣльческимъ, а не промысловымъ мѣстностямъ. Въ частности же данныя по Тамбовской губерніи даютъ право заключить, что семья во время изслѣдованій была крупнѣе въ тѣхъ общинахъ, гдѣ она была больше и при ревизіи, а это какъ разъ подтверждаетъ наше предположеніе. Конечно, если г. Лосицкій анализъ г. Скворцова, сопровождающійся указанными (и неуказанными мною) грубыми ошибками, будетъ продолжать считать цѣннымъ, то мы никогда съ нимъ не будемъ въ состояніи договориться до чего-либо опредѣленнаго. Но думаю, что г. Лосицкій настолько всетаки статистикъ, чтобы послѣ сдѣланныхъ мною указаній взять назадъ свою ссылку на Скворцова. Но тогда вѣдь вопросъ о значеніи многосемейности „собирателей“ и объ ихъ происхожденіи — остается открытымъ.

Далѣе г. Лосицкій упрекаетъ насъ, что мы искусственно преуменьшили численность „собирателей земли“, принявъ за предѣлъ 20—25 дес. на дворъ. По его мнѣнію, предѣломъ въ этомъ случаѣ слѣдовало бы взять 8—9 дес., т. е. „потребительную норму“, указанную „литературою народническаго толка“. Не знаемъ чью это норму разумѣетъ г. Лосицкій. Важно во всякомъ случаѣ одно, чья бы эта норма ни была, она, очевидно, разумѣетъ среднюю крестьянскую семью, т. е. семью приблизительно въ 6 душъ. Но вѣдь, какъ только что было указано, размѣры семьи растутъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества земли, приходящейся на хозяйство. Въ частности, по Орловскому уѣзду, для котораго г. Лосицкій даетъ свой учетъ „собирателямъ“, размѣръ семьи въ хозяйствахъ, имѣющихъ 10—15 дес. равенъ 8,3 душъ, при 15—20 дес. = 9,5, при большемъ количествѣ земли = 11 душъ. Можно-ли при этомъ руководиться „нормой“, которую рекомендуетъ г. Лосицкій? Притомъ, можетъ-ли быть какая-либо норма, которою можно пользоваться, не принимая въ разсчетъ мѣстныхъ условій, отъ состава угодій до урожая и аренды включительно? Любопытно, что и сами мои оппоненты, не могутъ столковаться-

относительно той линіи, которая отдѣляетъ собрателей отъ несобирателей. Въ другой своей статьѣ предѣломъ, чтобы отдѣлить „собирателей“, я принялъ 9 дес. посѣва на дворъ, что равносильно 17 дес. удобной земли въ пользованіи. И вотъ въ той же самой книгѣ, въ которой напечатана и статья г. Лосицкаго, г. П. М. упрекаетъ меня, что я взялъ слишкомъ низкую цифру за предѣлъ. Г-нъ П. М. тоже опирается, повидимому, на какую-то потребительную норму и я думаю даже, что его норма будетъ посерьезнѣе нормы г. Лосицкаго, хотя бы потому, что онъ ввелъ въ нее два существенныхъ для всякой потребительной нормы условія: урожайность и размѣръ семьи. Отмѣчу еще одно очень серьезное обстоятельство: оба мои оппонента такъ и не замѣтили, что ни въ той, ни въ другой моей статьѣ предѣлъ, за которымъ начинаются „собиратели“, не играетъ существенной роли. Цѣлью моихъ статей было показать нѣкоторыя *непрерывныя* тенденціи экономическихъ явленій, постепенно измѣняющихся въ своихъ размѣрахъ отъ малоземельныхъ группъ населенія къ многоземельнымъ. Эта непрерывность указываетъ, что въ дѣйствительной жизни нѣтъ той линіи, которая отдѣляла бы собирателей земли отъ прочихъ группъ, накопляющихъ отъ пролетаризируемыхъ.

Г. Лосицкій даетъ нѣсколько разсчетовъ численности собирателей земли и количеству собранной земли по Орловскому уѣзду. Эти разсчеты между собою не совпадаютъ—и это уже достаточная ихъ характерастика. Я не стану говорить о тѣхъ пріемахъ, которыми пользовался при этомъ г. Лосицкій. Они очень сложны и пришлось бы затѣять через-чуръ спеціальный разговоръ по поводу ихъ. Отмѣчу лишь нѣкоторыя вещи, наиболѣе характерныя для статистика, хорошо знакомаго съ матеріалами по Орловской губ. и пріемами ихъ разработки, но слишкомъ уже увлеченнаго своей точкой зрѣнія. Не находя въ сборникѣ необходимыхъ ему цифръ, г. Лосицкій прибѣгаетъ къ сложнѣйшимъ ариѳметическимъ выкладкамъ; причемъ совершенно упускаетъ изъ виду многія особенности подсчета данныхъ въ Орловскомъ сборникѣ (напр., то, что при арендѣ надѣльной земли полными душами засчитывались въ качествѣ арендованныхъ и паровое поле, и лѣсъ, и выгонъ, тогда какъ въ арендѣ внѣнадѣльной земли засчитывалась лишь та площадь, которая дѣйствительно находилась въ пользованіи арендатора), а съ другой стороны, дѣлаетъ цѣлый рядъ ни на чемъ не основанныхъ и, напередъ можно сказать, безусловно невѣрныхъ допущеній. Въ числѣ послѣднихъ укажу, напр., такія „презумпціи“: г. Лосицкому пришлось допустить, что арендующіе дворы никогда не сдаютъ своихъ надѣловъ, что количество своей надѣльной земли по разсчету на дворъ у арендующихъ и не арендующихъ хозяйствъ по группамъ одинаково; что средній размѣръ арендуемаго участка въ хозяйствахъ,

арендующихъ только надѣльную землю, такой же, какъ и въ хозяйствахъ, арендующихъ какъ надѣльную, такъ и внѣнадѣльную землю; что средній размѣръ семьи въ арендующихъ хозяйствахъ одинаковъ съ тѣмъ, какой имѣютъ и не арендующіе дворы. При такихъ допущеніяхъ, что угодно доказать можно; но статистическіе выводы, построенные такими пріемами, превращаются въ простыя ариѳметическія упражненія! Чѣмъ дальше та или иная цифра отстоитъ отъ непосредственнаго наблюденія и подсчета и чѣмъ болѣе сложныя дѣйствія нужно было произвести для ея полученія, тѣмъ менѣе она точна, тѣмъ менѣе она убѣдительна. Если же эта ариѳметика построена на произвольныхъ допущеніяхъ, то результаты ея и вовсе ничтожны. Для полемики всѣ эти ариѳметическія упражненія тоже ни больше, ни меньше, какъ „негодныя средства".

Еще одно замѣчаніе по вопросу о численности собирателей земли и количествѣ собранной ими земли. Свой учетъ г. Лосицкій связалъ съ арендой. Въ Орловскомъ же уѣздѣ, какъ доказано въ сборникѣ, арендныя платы устанавливаются внѣ всякой связи съ производительностью почвы и доходностью земли и въ общемъ много выше послѣдней. Г. Лосицкій въ одномъ мѣстѣ даже ссылается на это *). Можно ли при такихъ условіяхъ говорить о „собирателяхъ". Вѣдь ими, по разсчетамъ г. Лосицкаго, арендуется 74% арендуемой площади (въ т. ч. и вся надѣльная) и, стало быть, ими, въ сущности, устанавливаются арендныя цѣны. Хороши же „собиратели", которые ухитрились капитализировать земледѣльческое производство, не смотря на то, что за свой трудъ часто не получаютъ, какъ указано въ сборникѣ, и соломы! Хорошъ и „капиталъ", который даетъ предпринимателямъ отрицательную прибыль!

Пойдемъ дальше. Посмотримъ аргументы г. Лосицкаго, которыми онъ доказываетъ невозможность нашего вывода о большей интензивности мелкихъ хозяйствъ сравнительно съ крупными. Мы оставимъ въ сторонѣ недоразумѣнія г. Лосицкаго относительно причинъ и характера этой разницы въ интензивности:

---

*) Онъ ссылается по отношенію къ внѣнадѣльной арендѣ, но изъ содержащихся въ сборникѣ цифръ легко видѣть, что въ такомъ же положеніи находится и надѣльная аренда. При чистой доходности десятины внѣнадѣльной арендованной пашни въ 4,5 руб., арендная цѣна на нее достигаетъ 11,6 р. (стр. 213), т. е. чистая доходность ниже арендной цѣны на 6%. Чистая доходность надѣльной арендованной пашни въ виду худшаго качества сдаваемой въ аренду надѣльной земли, должна быть ниже 4,5 р. Арендная же цѣна на десятину над. пашни лишь на 30—40% ниже такой же цѣны для внѣнадѣльной (г. Лосицкій послѣднюю цифру догоняетъ до 48—69%, сравнивая цѣны на различныя, въ сущности, угодья), т. е. равна 7—8 руб. и стало быть, тоже значительно ниже чистой доходности, той доходности, которую можно было бы получить, оплативши весь трудъ по наемнымъ цѣнамъ.

онъ могъ бы избѣжать этихъ недоразумѣній, если бы принялъ въ разсчетъ другія мои работы, хотя и появившіяся послѣ статьи, привлекшей его вниманіе, но о которыхъ онъ всетаки упоминаетъ мимоходомъ въ своей статьѣ *). Посчитаемся лучше съ фактами, которые онъ приводитъ.

Въ данномъ случаѣ онъ пользуется прежде всего опять Орловскимъ уѣздомъ и приводитъ разсчетъ для неосвѣдомленнаго читателя неопровержимый. Изъ него явствуетъ, что хотя въ малоземельныхъ хозяйствахъ приходится и больше скота на единицу земельной площади, однако пудовъ навоза на 1 дес. у нихъ приходится всетаки меньше, чѣмъ у многоземельныхъ. Въ этомъ разсчетѣ г. Лосицкаго опять таки много ариѳметики и допущеній (вродѣ того, что безлошадные никогда не удобряютъ земли). Отмѣчу между прочимъ такой существенно неправильный его пріемъ. При изслѣдованіи Орловскаго уѣзда у 438 домохозяевъ (изъ общаго числа 22,032 дворовъ) было опрошено о количествѣ навоза, полученнаго ими отъ своего скота и употребленнаго на сельскохозяйственныя надобности, и о томъ, какъ этотъ навозъ они использовали. Разработка этихъ данныхъ дала слѣдующіе выводы:

	Въ хозяйствахъ, которыя имѣютъ до 5 дес. над. земли.	Въ хозяйствахъ, имѣющихъ свыше 15 дес. над. земли.
Получено навоза отъ 1 головы крупн. скота	208	391
Изъ 100 дес. пашни ежегодно удобряется	2,70	1,94
На 1 дес. пашни приходится пудовъ навоза	77,4	56,1

Я этихъ данныхъ не приводилъ, хотя они вполнѣ подтверждали бы мою мысль. Пользоваться ими я считалъ неудобнымъ, потому что въ сборникѣ доказано, что опрошенныя хозяйства нетипичны. Г. же Лосицкій дѣлаетъ такую вещь: онъ беретъ по этимъ хозяйствамъ скопъ навоза отъ 1 головы и распространяетъ его на всѣ хозяйства уѣзда. Выводъ получился обратный результатамъ непосредственнаго наблюденія и г. Лосицкій торжествуетъ, но вѣдь это опять таки только ариѳметика. Въ основѣ вывода лежитъ совершенно неправильное допущеніе. Нетипичность опрошенныхъ хозяйствъ хорошо извѣстна и самому г. Лосицкому; по крайней мѣрѣ, переходя къ вопросу объ урожаяхъ, онъ самъ отвергаетъ данныя объ урожаѣ по этимъ хозяйствамъ.

*) Г. Лосицкій самъ указываетъ запоздалость своей критики. Конечно, я эту запоздалость отнюдь не склоненъ ставить въ вину ему и вмѣстѣ съ нимъ сожалѣю, что „не всѣ направленія имѣютъ многочисленныхъ выразителей среди органовъ нашей прессы“. Но запоздалость всетаки кое къ чему обязывала г. Лосицкаго.

Урожайныя данныя—а безъ нихъ обойтись было неудобно, потому что вся моя статья построена на данныхъ объ урожайности — онъ приводитъ по Курской губерніи. Въ послѣдней въ 1896 году (данныя по Калужской губерніи, которыми я пользовался, относятся тоже къ 1896 г.) былъ переписанъ урожай по 989 хозяйствамъ (въ Калужской губерніи по 8,626). Собранныя данныя были подсчитаны отдѣльно для хозяйствъ хорошихъ, среднихъ и плохихъ (характеристика хозяйствъ дѣлалась, очевидно, корреспондентами, доставившими свѣдѣнія), при этомъ оказалось, что лучшій урожай былъ полученъ хорошими хозяйствами, а худшій—плохими. Конечно, немного странно систематическимъ даннымъ о 9,000 хозяйствахъ противополагать данныя о 1,000, данныя, полученныя при посредствѣ случайно распредѣленныхъ по территоріи корреспондентовъ. Для такого противоположенія нужно забыть теорію вѣроятностей, забыть то, что достовѣрность вывода растетъ, какъ корень квадратный изъ числа наблюденій и что, стало быть, калужскій выводъ въ три раза, по крайней мѣрѣ, достовѣрнѣе курскаго. Но еще страннѣе, г. Лосицкій, крупнымъ хозяйствамъ противополгать хорошія, мелкимъ—плохія. Правда, площадь землепользованія въ хорошихъ хозяйствахъ по курскимъ даннымъ значительно больше, чѣмъ въ мелкихъ. Но и за всѣмъ тѣмъ курскія данныя говорятъ совсѣмъ о другомъ, чѣмъ калужскія. Задавая вопросъ о хорошихъ и плохихъ хозяйствахъ, бывшіе курскіе статистики заставляли корреспондентовъ смѣшивать двѣ существенно различныя вещи: потребительную сторону крестьянскихъ хозяйствъ съ производительной. Въ мелкихъ хозяйствахъ личныя потребности удовлетворяются хуже, чѣмъ въ крупныхъ, и поэтому плохими корреспонденты считали мелкія хозяйства, но свѣдѣнія они доставили не вообще о мелкихъ хозяйствахъ, а о плохихъ изъ нихъ; точно также и хорошія хозяйства по курскимъ даннымъ—не вообще крупныя, а лучшія изъ крупныхъ. Но кто же будетъ спорить, что земля въ плохихъ изъ мелкихъ хозяйствъ менѣе производительна, чѣмъ въ лучшихъ изъ крупныхъ и притомъ всего только, какъ видно изъ данныхъ г. Лосицкаго, на 14%? Но вѣдь незамѣтно подмѣнить спорный вопросъ безспорнымъ не значитъ его рѣшить.

Вотъ и всѣ фактическія возраженія, сдѣланныя намъ г. Лосицкимъ. Что касается калужскихъ данныхъ, на которыхъ построена наша статья, то имъ онъ цѣликомъ дѣлаетъ отводъ. Не отрицая фактической точности за ними и находя ихъ „очень интересными, собранными и разработанными съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла“, онъ признаетъ за ними „исключительно мѣстное значеніе“. Это положеніе г. Лосицкій обосновываетъ довольно многочисленными выписками изъ изданнаго подъ нашей редакціей „Обзора Калужской губерніи за 1896 годъ“, которыми желаетъ убѣдить читателя, что многоземелье въ Калужской

губерніи чуть ли не несчастье для крестьянина. Спорить съ этимъ было бы смѣшно, тѣмъ болѣе, что не только въ „Обзорѣ“, но и въ моей статьѣ, привлекшей вниманіе г. Лосицкаго, приведено достаточно данныхъ, изъ которыхъ видно, что и въ Калужской губерніи лишь многоземельнымъ хозяйствамъ живется болѣе или менѣе сносно. Но отводъ г. Лосицкаго неправиленъ не только поэтому. Земледѣльческое хозяйство въ Калужской губерніи болѣе интензивно, чѣмъ въ Курской или Орловской *) и роль капитала въ первой можетъ быть гораздо важнѣе, чѣмъ въ послѣднихъ. Казалось бы, въ Калужской-то губерніи „собиратели земли“ и должны были прежде всего начать свою миссію—капитализировать земледѣльческое производство. Указывать на то, что послѣднее въ Калужской губ. бездоходно,—совершенно напрасно. Задача капитализма и состоитъ въ томъ, чтобы бездоходное сдѣлать доходнымъ. Притомъ и въ другихъ мѣстахъ и, въ частности, въ тѣхъ черноземныхъ губерніяхъ, на которыя ссылается г. Лосицкій, земледѣліе можетъ быть скорѣе сдѣлается или сдѣлалось уже бездоходнымъ. Вопли тамошнихъ землевладѣльцевъ что-нибудь да значатъ. И если уже приписывать капиталу прогрессивную роль въ земледѣльческомъ производствѣ, то ее нужно видѣть не въ расхищеніи, кое-гдѣ еще возможномъ, земельныхъ богатствъ, а кое въ чемъ другомъ...

Мы думаемъ по этому, что калужскія данныя представляютъ изъ себя достаточную „отрицательную инстанцію“, чтобы требовать пересмотра общаго положенія, которому они противорѣчатъ. И нашъ призывъ, съ которымъ мы обратились въ концѣ замѣтки, посвященной роли „собирателей“, къ товарищамъ-статистикамъ, обратить свое вниманіе на затронутый нами вопросъ — остается въ полной силѣ.

А. Пѣшехоновъ.

---

*) Достаточно указать, что въ Козельскомъ уѣздѣ Калужской губерніи на десятину над. пашни вывозится 165 пуд. навоза, а въ Орловскомъ уѣздѣ всего только 29.

ПОЛИТИКА.

Смѣна правительства во Франціи.

I.

Во Франціи произошла, въ шестой разъ со времени учрежденія третьей республики, смѣна верховнаго правителя страны... Изъ шести лицъ, достигавшихъ этой высшей ступени французской государственной жизни, ни одинъ не дослужилъ до полнаго срока своихъ семилѣтнихъ полномочій. Тьеръ ушелъ передъ коалиціей монархистовъ, лишившихъ его своего довѣрія за переходъ на сторону республики. Смѣнившій его маршалъ Макъ-Магонъ, избранникъ этого самаго коалиціоннаго монархическаго большинства (въ то время раздѣленнаго между тремя претендентами), былъ президентомъ республики, принявшимъ полномочіе склонить страну къ упраздненію республики. Страна ему отказала въ согласіи и единодушно сгруппировалась вокругъ приглашенія Гамбеты: se soumettre ou se demettre. Упрямый маршалъ предпочелъ послѣдній исходъ и удалился въ частную жизнь. Ему наслѣдовалъ Жюль Греви, испытанный республиканецъ, одинъ изъ видныхъ представителей второй республики (1848—1851 гг.). Казалось, онъ имѣлъ всѣ шансы благополучно отбыть всѣ семь лѣтъ президентскихъ полномочій, но обнаружившіеся некрасивые продѣлки его зятя Вильсона, которому Греви слишкомъ довѣрился, заставили престарѣлаго президента подать въ отставку и удалиться въ частную жизнь. И онъ, подобно обоимъ своимъ предшественникамъ, вскорѣ скончался, уже не выступая ни въ какой роли государственнаго или общественнаго дѣятеля. Послѣ Греви избранъ былъ Карно, убитый въ Ліонѣ въ 1894 году при исполненіи имъ своихъ президентскихъ обязанностей. Наслѣдовавшій ему Казиміръ Перье продержался очень недолго, неполный годъ, и утомленный борьбою и нападками вышелъ въ отставку, истинные причины которой и теперь еще не совсѣмъ выяснены. Послѣ отставки Казиміра Перье и былъ избранъ въ президенты французской республики *Франсуа Феликсъ Форъ*. Это состоялось въ Версали 17 (5) января 1895 года. Онъ скончался 16 (4) февраля 1899 года, отбывъ четыре года съ однимъ мѣсяцемъ своихъ законныхъ полномочій и не дослуживъ безъ одного мѣсяца три года.

Форъ родился въ Парижѣ 30 (18) января 1841 года. Сынъ ремесленника (по спеціальности, обойщика) юный Феликсъ сначала посвятилъ себя тому же труду, посѣтилъ Англію и затѣмъ

поступилъ въ Амбуазѣ ученикомъ кожевеннаго заведенія. Получивъ званіе мастера, онъ нѣкоторое время былъ комми, а затѣмъ открылъ въ Гаврѣ свое собственное заведеніе. Когда вспыхнула война 1870—1871 гг. онъ былъ назначенъ командиромъ батальона такъ называемой подвижной гвардіи (мобилей). Замѣченный Гамбетой, Форъ былъ командированъ въ Англію для закупки оружія и военныхъ матеріаловъ и за хорошее выполненіе этого важнаго порученія былъ награжденъ знакомъ ордена почетнаго легіона. По окончаніи войны онъ былъ избранъ въ Гаврѣ товарищемъ мэра и состоялъ также предсѣдателемъ торговой палаты. Въ 1881 году Фора выбираютъ депутатомъ въ палату, гдѣ онъ примыкаетъ къ партіи Гамбеты. Ему исполнилось тогда сорокъ лѣтъ и передъ нимъ открылась перспектива широкой государственной дѣятельности. Трудолюбивый и умѣющій изучать дѣло, за которое берется, новый депутатъ скоро выдвинулся и сейчасъ же получилъ доступъ въ кабинетъ.

Послѣ избранія палаты 1881 года, сформировалось такъ называемое „великое министерство", съ Гамбетой во главѣ. Форъ получилъ въ немъ должность товарища министра торговли и колоній. Въ 1882 году министерство пало, потому что палата не согласилась соединиться съ англичанами (какъ тѣ сами предлагали) для возстановленія законнаго порядка въ Египтѣ, нарушеннаго революціей Араби-паши. Форъ вышелъ тоже въ отставку, но уже черезъ годъ мы его снова видимъ на томъ же посту въ кабинетѣ Жюля Ферри (1883—1885 г.), съ которымъ онъ и уходитъ отъ власти, когда снова палата не рѣшилась поддержать энергическую политику министерства въ Тонкинѣ и отступила передъ Китаемъ. Еще разъ въ 1888 г. въ кратковременномъ министерствѣ Тирара Форъ занимаетъ ту же должность. Въ палатѣ онъ все время сохраняетъ репутацію знатока колоніальныхъ и торговыхъ дѣлъ. Въ 1894 году его выбираютъ вице-президентомъ палаты, а въ слѣдующемъ 1895 г., какъ уже сказано, президентомъ республики. До этого момента, какъ видно изъ предъидущаго, карьера его была скромная, но замѣтная. Не было блеска, но былъ трудъ... Ни вильсоновское дѣло, ни панамское не омрачили его репутаціи. Этотъ трудъ и эту чистоту и почтило Національное Собраніе 1895 г., вручая Феликсу Фору высшій постъ республики. Были, однако, и другія причины сказаннаго предпочтенія скромной личности избранника 17 января. Эта скромность, прежде всего...

Среди шести бывшихъ президентовъ французской республики надо отличать людей, двояко смотрѣвшихъ на свою задачу. Одни, какъ Тьеръ, Макъ-Магонъ и Казиміръ Перье, хотѣли пользоваться всею полнотою власти, предоставляемой президенту по конституціи. Всѣ трое увидѣли себя вынужденными удалиться именно по этой причинѣ. Другіе президенты, Жюль Греви и

Сади Карно, смотрѣли на себя, какъ на особый инструментъ для узаконенія смѣны министерствъ подъ измѣнчивымъ настроеніемъ парламента. Послѣ отставки Казиміра Перье, именно такой пассивный президентъ и былъ желателенъ парламенту. Сначала, правда, были выдвинуты кандидатуры Вальдека Руссо (со стороны умѣренныхъ) и Бриссона (со стороны радикаловъ). Эти оба дѣятеля не соотвѣтствовали настроенію парламента, какъ люди самостоятельные и энергичные, но партійные конвенансы вынуждали сначала выдвинуть вождей. Однако, когда оба не прошли, очень скоро состоялся компромиссъ и Феликсъ Форъ былъ избранъ. Это былъ именно человѣкъ, котораго искали: безупречная репутація, замѣтныя заслуги и никакого авторитета, который позволилъ бы держать себя независимо. И въ самомъ дѣлѣ, Форъ еще въ большей степени, нежели Греви и Карно, осуществилъ идеалъ „парламентарнаго" президента, безотвѣтственнаго исполнителя парламентскихъ настроеній. О политикѣ Фора нельзя говорить, какъ нельзя говорить и о дѣяніяхъ Фора, какъ президента. Можно говорить о политикѣ и дѣяніяхъ при Форѣ и только о его роли (пассивной), какъ президента. Я не берусь на этихъ страницахъ входить въ обсужденіе вопроса, какой типъ президента лучше, à la Тьеръ, или à la Форъ,—это насъ завлекло бы слишкомъ далеко отъ предмета сегодняшней бесѣды. Въ Америкѣ предпочитаютъ первый типъ, во Франціи болѣе склонны, повидимому, ко второму. Національное Собраніе 1895 г. было, несомнѣнно, болѣе склонно ко второму. Поэтому, между прочимъ, оно остановило свой выборъ на Феликсѣ Форѣ и избранникъ въ точности и въ исправности выполнилъ возложенную на него задачу. Это былъ образцовый „парламентарный" президентъ, ни разу не вышедшій изъ своей пассивной роли, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ честью и съ умѣніемъ представительствовавшій высокое званіе перваго сановника республики. Пріемъ русской императорской четы въ Парижѣ въ 1896 году и отвѣтный визитъ въ Петербургѣ въ 1897 году подтверждаютъ это мнѣніе и заслужили Фору популярность въ средѣ французскаго народа. Франко-русскій союзъ не есть, конечно, дѣяніе Фора; но онъ его подписалъ, какъ того требовала конституція. Какъ скромно жилъ и трудился нынѣ почившій президентъ французской республики, такъ скромно и достойно онъ и оставилъ нашу земную участь. Вышедшій изъ народныхъ слоевъ, онъ сумѣлъ подняться на высшую ступень положенія въ своемъ отечествѣ и въ этомъ восхожденіи по безконечной лѣстницѣ отъ ученика и подмастерья кожевенной мастерской до верховнаго правителя великаго государства онъ сумѣлъ ничѣмъ себя не скомпрометировать и заслужить общее уваженіе правителей и народовъ.

Феликсъ Форъ былъ также писателемъ. Извѣстны его двѣ книги: „Le Havre en 1879" (Гавръ, 1879) и „Les budgets contem-

porains. Budgets de la France depuis vingt ans et des principaux États d'Europe depuis 1870“ (Парижъ, 1887 г.) Это послѣднее сочиненіе Академіей увѣнчано преміей. Въ 1897 году Мальяръ издалъ обстоятельную біографію Фора (Maillard „Le president Faure, sa vie commerciale, administrative et politique“, Paris, 1897 г.).

II.

Смерть Фора застала Францію въ очень тягостныхъ обстоятельствахъ обостренной борьбы людей законности и свободы со сторонниками произвола, снова пробующими откинуть Францію ко временамъ бонапартовскаго цезаризма (какое бы они имя ни придумали этому произволу). Ярая борьба, затѣянная противъ правосудія и законности, одержала въ послѣднее время замѣтные успѣхи. Не смотря на то, что инсинуаціи Кене-де-Борепера совершенно отвергнуты слѣдствіемъ, правительство уступило крикамъ цезаристовъ и внесло законопроектъ о передачѣ дѣла о пересмотрѣ изъ уголовнаго департамента кассаціоннаго суда въ общее присутствіе и палата депутатовъ, хотя и слабымъ большинствомъ, одобрила законопроектъ, который былъ переданъ въ сенатъ, когда Форъ скончался. Въ этомъ дѣлѣ не столько важна сама передача Дрейфусовскаго пересмотра соединенному присутствію суда (потому что и соединенное присутствіе состоитъ изъ независимыхъ, несмѣняемыхъ и вполнѣ компетентныхъ судей), сколько эта стыдная уступчивость передъ криками ничѣмъ не стѣсняющагося шовинистскаго меньшинства. Въ этотъ моментъ президентскій кризисъ могъ быть крайне опасенъ. Уступчивость, проявленная въ вопросѣ о передачѣ дѣла, не давала-ли основаній ожидать, что и въ избраніи новаго главы государства парламентъ проявитъ ту же трусость передъ криками и угрозами цезаристовъ? Вотъ почему всѣ друзья французскаго народа съ тревогою ожидали исхода президентскаго кризиса, открывшагося 4 (16) февраля смертью Феликса Фора и благополучно завершившагося 6 (18) февраля избраніемъ Эмиля Лубе.

Если не считать избранія Жюля Греви, избранія, уже задолго до отставки Макъ-Магона предрѣшеннаго всѣми республиканскими группами, то еще никогда президентскіе выборы во Франціи не прошли съ такою блистательною быстротою. Обыкновенно, бывало по нѣскольку кандидатовъ; нѣсколько баллотировокъ оказывались безъ результата; наконецъ, наступала очередь компромиссовъ и являлся не гаданный, мало предвидѣнный кандидатъ, который и соединялъ голоса утомленныхъ безплодными баллотировками депутатовъ. 6 февраля 1899 года было всего два кандидата и всего одно голосованіе, которое сразу и безапелляціонно рѣшило исходъ выборовъ. И тѣмъ не менѣе, никогда страсти не были такъ

разгорѣвшимися, да и никогда, со времени выборовъ Макъ-Магона, не ставился передъ версальскимъ конгрессомъ столь серьезный вопросъ, связанный съ исходомъ выборовъ. Это-то сознаніе огромной серьезности предстоящаго дѣла, эта очевидная опасность разногласій и раздоровъ въ средѣ всѣхъ, кому дорога свобода, справедливость и законность, и продиктовали быстроту рѣшенія.

Какъ только утромъ 5 (17) февраля вѣсть о кончинѣ Фора стала извѣстна всѣмъ политическимъ дѣятелямъ, состоялось немедленно собраніе различныхъ республиканскихъ группъ съ цѣлью намѣтить кандидата на президентскій постъ. Всѣ три группы, на которыя дробятся республиканцы сената (лѣвый центръ, лѣвая умѣренная и лѣвая радикальная) остановили свой выборъ на предсѣдателѣ сената Эмилѣ Лубе. Между тѣмъ и группы палаты собрались на совѣщаніе. Изъ пяти республиканскихъ группъ палаты, четыре тоже одобрили кандидатуру Лубе (именно: союзъ прогрессистовъ, лѣвая демократическая, соціально-радикальная и соціалистическая), но пятая, самая многочисленная, умѣренныхъ прогрессистовъ, остановила свой выборъ на Мелинѣ, бывшемъ премьерѣ 1895—1898 гг. Группа такъ называемыхъ raillés тоже одобрила кандидатуру Мелина, а представители умѣренно-республиканцевъ палаты вступили въ переговоры съ лѣвымъ центромъ сената съ цѣлью перетянуть его на сторону Мелина, къ кандидатурѣ котораго примкнули также націоналисты, патріоты, антисемиты и, наконецъ, всѣ монархическія группы. Дѣло еще болѣе осложнилось вначалѣ тѣмъ, что и Лубе и Мелинъ сперва отказывались. Это заставило нѣкоторыхъ нетерпѣливыхъ въ обоихъ лагеряхъ искать новыхъ кандидатовъ. Республиканцы выдвигали Дюпюи и Бриссона, но оба категорически отказались, рекомендуя настаивать на избраніи Лубе, который въ концѣ концовъ уступилъ настояніямъ громаднаго большинства республиканцевъ. Колебанія Мелина заставили и цезаристовъ выдвинуть кандидатуры Кавеньяка и генерала Цурлиндена. Подполковникъ Монтейль самъ выставилъ свою кандидатуру. Все это были безнадежные кандидаты. Гораздо серьезнѣе была бы кандидатура Дешанеля, тоже выдвинутая цезаристами, но Дешанель благоразумно уклонился. Ко концу дня стало извѣстно, что Мелинъ согласился поставить свою кандидатуру, но оставилъ за собою свободу дѣйствія, смотря по ходу событій.

Цезаристы начали кампанію и съ другой стороны. Кене-де-Борепеъ опубликовалъ письмо, въ которомъ обвиняетъ Лубе что онъ покровительствовалъ панамистамъ. Это было подхвачено Дрюмономъ, Деруледомъ и др. Походъ былъ отчаянный и битва ожидалась генеральная на завтра, въ часъ дня, въ Версальскомъ дворцѣ, гдѣ по конституціи собирается конгрессъ (соединенное засѣданіе палаты и сената).

Какъ предсѣдатель сената, Лубе является по конституціи и предсѣдателемъ конгресса. Ровно въ часъ онъ вошелъ въ залу засѣданія, встрѣченный дружными апплодисментами большинства. Изъ группы правой кричатъ „Панама“! Лѣвая отвѣчаетъ криками „Vive la republique“! Кюнео Д'Орнано кричитъ „Молчать, узурпаторы“! Бодри Д'Ассонъ ему вторитъ „Долой дрейфуссаровъ“! По обычаю, бросаютъ жребій, съ какой буквы начнется перекличка для голосованія. Случай указываетъ на Д... „Съ Дрейфуса“... кто-то кричитъ, вѣроятно, самъ не зная, что хотѣлъ сказалъ. Оказалось, однако, съ Деруледа. Онъ хочетъ говорить, но по уставу во время выборовъ говорить нельзя и ему не позволяютъ. Онъ споритъ и два пристава являются свести его съ трибуны. „Панамистъ“! кричитъ онъ, сходя и обращаясь къ Лубе. Такой же скандалъ съ Дрюмономъ. Дешанелю умѣренно апплодируютъ въ центрѣ. Бриссону и Буржуа апплодируютъ слѣва; подача голоса Кавеньякомъ проходитъ незамѣченная. За то Бодри Д'Ассонъ и графъ Д'Оленъ дѣлаютъ скандалъ и пристава ихъ сводятъ съ трибуны. Кюнео Д'Орнано, опуская бюллетень, заявляетъ, что подаетъ голосъ, какъ гражданинъ, а не какъ депутатъ. Онъ отрицаетъ право избранія у конгресса. Онъ вотируетъ, однако, за Мелина, который охотно это право признаетъ, если его выберутъ. Самъ Мелинъ кладетъ бюллетень съ именемъ Лубе, заявляя, что его собственная кандидатура поставлена помимо его воли (заявленіе нѣсколько запоздало, конечно). За Лубе подаетъ голосъ и Мазо, предсѣдатель соединеннаго присутствія кассаціоннаго суда (Мазо вмѣстѣ съ тѣмъ сенаторъ). Голосованіе окончилось (послѣ двухъ перекличекъ) и засѣданіе прервано въ три часа пять минутъ по полудни. Черезъ три четверти часа счетъ голосовъ оконченъ и засѣданіе возобновляется. Предсѣдательское кресло занимаетъ Франкъ Шово, вице-предсѣдатель сената. Всѣ понимаютъ, что это означаетъ избраніе Лубе. Правая кричитъ „Панама возрождается“! Франкъ Шово провозглашаетъ результаты выборовъ:

Поданныхъ голосовъ	812
За Лубе	483
„ Мелина	279
Разбившихся	50

Франкъ Шово провозглашаетъ Эмиля Лубе законно-избраннымъ президентомъ французской республики. При крикахъ лѣвой „vive la république“! и протестахъ справа засѣданіе закрывается и конгрессъ понемногу расходится. Цезаризмъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и можно поздравить французскій парламентъ съ актомъ политической мудрости, проявленной на этихъ выборахъ.

Эмиль Лубе родился 31 декабря 1838 г., такъ что 31 декабря 1898 года ему исполнилось шестьдесятъ лѣтъ. Онъ происходитъ изъ небогатой крестьянской семьи и проложилъ себѣ дорогу упор-

нымъ трудомъ и настойчивостью. Лубе—докторъ правъ и по окончаніи университета сталъ адвокатомъ въ Монтелимарѣ, гдѣ заслужилъ общее уваженіе и большую популярность. Уже въ 1870 году сограждане избираютъ его мэромъ, въ слѣдующемъ 1871 году—предсѣдателемъ генеральнаго совѣта. Ту и другую должность онъ сохранилъ до дня избранія президентомъ. Выбранъ въ депутаты Лубе былъ въ 1876 году и принадлежалъ къ числу тѣхъ 363, въ борьбу съ которыми вступили Магъ-Магонъ и сенатъ (тогда реакціонный). Онъ былъ переизбранъ и съ тѣхъ поръ постоянно переизбирался до 1885 года, когда былъ выбранъ въ сенатъ. Въ 1888 году онъ состоялъ (вмѣстѣ съ Форомъ) членомъ кабинета Тирара. Въ 1892 году онъ самъ былъ премьеромъ. Затѣмъ онъ короткое время былъ еще министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Рибо. Какъ въ палатѣ, такъ и въ сенатѣ Лубе всегда принадлежалъ къ числу трудящихся членовъ. Спеціалистомъ считается по вопросамъ финансовымъ. Съ 1896 года онъ безсмѣнно предсѣдатель сената. Лубе гораздо болѣе значительное и авторитетное лицо, нежели всѣ президенты со времени отставки Греви. И его политическое прошлое, и популярность среди всѣхъ республиканскихъ группъ обѣихъ палатъ, даютъ ему авторитетъ, какого не имѣли ни Карно, ни Форъ и котораго тщетно искалъ Перье. Уличные скандалы, устроенные цезаристами, и потоки грязной клеветы, выливаемой на Лубе въ цезаристкой прессѣ, конечно, не уронятъ этого авторитета и можно пожелать, чтобы вновь избранный президентъ французской республики имъ воспользовался въ полной мѣрѣ для умиротворенія страны и возстановленія общаго довѣрія къ закону и правительству, охранителю и исполнителю закона.

Извиняюсь передъ читателями, что мою сегодняшнюю бесѣду ограничиваю этимъ безусловно неотложнымъ событіемъ. Объ остальномъ прочемъ до слѣдующаго раза.

С. Южаковъ.

Изъ Англіи.

I.

Это было около года тому назадъ. Я ѣхалъ по „Большой Сѣверной желѣзной дорогѣ“ въ Шотландію. Только что разсвѣло. Сквозь дымку бѣлаго тумана смутно выдѣлялись контуры англійскаго деревенскаго ландшафта: безконечныя поля, перерѣзанныя тамъ и сямъ или правильными рядами теперь голыхъ деревьевъ,

или же безконечной желѣзной изгородью; кое гдѣ, окруженный парками, мелькаетъ великолѣпный „mansion" лэндлорда; отдѣльными пятными выдѣляются плохенькіе котеджи „hodge" (сельскихъ рабочихъ), а на горизонтѣ всюду вырѣзываются высокія, закопченныя фабричныя трубы. Какъ черная хоругвь побѣдителя, развѣвается надъ ними облако дыма. Въ отдѣленіи вагона, кромѣ меня, сидитъ лишь одинъ пассажиръ, сѣдой, бритый джентельмэнъ съ блестящими, живыми глазами. Со старикомъ мы ѣдемъ отъ самаго Лондона и успѣли переговорить о многомъ. Теперь мой собесѣдникъ откинулся на спинку дивана и дремлетъ. Я развернулъ томикъ Лонгфелло, который взялъ на дорогу. Попалась глава „Призраки" изъ поэмы *Гайавата.* Время года теперь то же, что описываетъ поэтъ:

Now, o'er all the dreary Northland,
Mighty Peboan, the Winter,
Breathing on the lakes and rivers,
Into stone changed their waters.

(„Во всемъ мрачномъ сѣверномъ краѣ могучій Пебоанъ—зима дохнулъ на озера и рѣки и превратилъ въ камень ихъ воды"). Но здѣсь мертвящее дыханіе Пебоана смягчается теплымъ дыханіемъ другого богатыря—Гольфштрема. Не смотря на январь, луга зелены; по нимъ бродятъ стада жирныхъ, кудлатыхъ барановъ, тупо и сонно глядящихъ на мчащійся поѣздъ. Я продолжаю читать поэму, и мнѣ кажется, что она имѣетъ соотношеніе къ тому пейзажу, который смутно вырисовывается въ утреннемъ туманѣ. Мнѣ кажется, что бѣловатое утро, глядящее въ напотѣвшія, слезящіяся окна вагона, это тѣ

...pallid guests, the shadows,
Sitting upright on their couches,
Weeping in the silent midnight,—

которыхъ видѣла Минехаха. Въ окна вагона глядятъ тоже „души тѣхъ, что были нѣкогда среди васъ"; имъ тоже имя Голодъ-Букадавинъ и Хворь-Акосевинъ; но сзади ихъ стоитъ еще третій духъ, породившій ихъ всѣхъ: духъ умершей земли. Тѣ поля, по которымъ мы мчимся теперь, были прежде тучными нивами; теперь онѣ заброшены; огромныя пространства земли превратились въ пастбища. Въ полуразрушенныхъ котеджахъ властно царятъ Голодъ-Букадавинъ и Хворь-Акосевинъ; если только обитатели ихъ не ушли, чтобы стать подъ черный стягъ,—что развѣвается на горизонтѣ. Даже стаи воронъ и грачей и тѣ укочевали куда-то, какъ и „hodge", спугнутые новыми пришельцами. Вмѣсто ихъ карканья, слышатся назойливые крики громадныхъ рекламъ, которыя висятъ среди умершихъ нивъ на громадныхъ столбахъ. Отъ этихъ назойливыхъ рекламъ вы не можете спастись нигдѣ, онѣ преслѣдуютъ васъ, какъ кошмаръ. Замѣтивъ, что мой попутчикъ не спитъ болѣе, я передалъ ему „настроеніе", навѣянное

раннимъ утромъ, бѣлымъ туманомъ, опустѣвшими нивами и чтеніемъ Лонгфелло. Мой попутчикъ, какъ настоящій англичанинъ, обошелъ молчаніемъ образы и сталъ возражать мнѣ по существу. Онъ былъ совершенно иного мнѣнія о смерти земледѣлія въ Англіи. Я сталъ ему повторять тѣ доводы, которые приводятся всегда. Мнѣ какъ разъ тогда пришлось знакомиться съ вопросомъ, поэтому я помнилъ и цифры.

Результаты, добытые переписями, далеко не могутъ быть утѣшительными. Въ 1874 г. въ Англіи было подъ хлѣбными злаками около 9½ милліоновъ акровъ (9.431,490); въ 1897 г.—около 7½ милліоновъ (7.457,061). За это время населеніе, поливавшее когда то своимъ потомъ нивы,—тронулось въ города, увеличивая полки пролетаріата. Вмѣсто пахарей, является скотъ. Онъ вытѣсняетъ людей. Въ 1874 г. въ Англіи было 13.178,412 акровъ пастбищъ; въ 1897 г.—16.512,868. Лэндлордъ и сельскіе работники одинаково жалуются на упадокъ земледѣлія. Первые говорятъ, что причиной паденія—высокія цѣны на трудъ; вторые, съ большей справедливостью, указываютъ на страшно низкую заработную плату „hodge" (сельскаго рабочаго). Двѣнадцать, четырнадцать шиллинговъ въ недѣлю едва достаточны для того, чтобы, по англійскому выраженію, to Keep the soul and body together, чтобы удержать душу въ тѣлѣ. Каждый годъ въ парламентѣ поднимается вопросъ о паденіи земледѣлія. Лэндлорды требуютъ новыхъ премій для себя; представители массъ указываютъ на поразителбный ростъ ренты въ послѣднія двадцать лѣтъ и говорятъ, что гибелью земледѣлія является лэндлордизмъ. Спеціальная парламентская коммиссія, наряженная для изслѣдованія причины упадка земледѣлія, въ отчетѣ своемъ за 1897 г., говоритъ: „одна изъ самыхъ важныхъ чертъ, наблюдаемая въ современномъ кризисѣ это—*постоянность* его". „Кризисъ земледѣлія наблюдается не только въ Англіи, но во всей Европѣ, въ австралійскихъ колоніяхъ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Мы замѣчаемъ его въ странахъ съ высокой таможенной пошлиной и тамъ, гдѣ приняты принципы свободной торговли" (см. объ отчетѣ въ *Hazell's Annual* за 1899 г., p. 9). Эти доводы, которые такъ хорошо извѣстны всякому слѣдящему за англійской жизнью, я выставлялъ моему собесѣднику. Несомнѣнно, земледѣліе умерло, хотя мнѣ былъ извѣстенъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ крупное земледѣліе падаетъ, не смотря на всѣ симпатіи нынѣшней министерской партіи къ лэндлордамъ,—мелкое, какъ будто бы, возраждается, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія *). „Мнѣ кажется, говорящіе о смерти землѣдѣ-

*) Слѣдующая таблица показываетъ число мелкихъ и крупныхъ фермъ въ Англіи. См. „Statesman's Year-Book", p. 69. Цифры, относящіяся къ мелкимъ фермамъ, меньше 5 акровъ, я приводилъ уже.

лія въ Англіи, правы лишь отчасти,—началъ мой собесѣдникъ. — Земледѣліе для неопредѣленнаго рынка, дѣйствительно, убито; но наряду съ трупомъ мы видимъ нарожденіе чего-то новаго; возникаетъ земледѣліе для *потребителя*, имѣющее для сбыта своихъ продуктовъ опредѣленный, обезпеченный рынокъ. Я говорю о кооперативныхъ земледѣльческихъ фермахъ и именно о тѣхъ, которыя возникли *естественнымъ* путемъ, какъ логическое послѣдствіе развитія могучаго демократическаго фактора въ Англіи— потребительныхъ коопераціи рочдейловскаго типа (т. е. такихъ, въ которыхъ покупатели являются участниками въ прибыляхъ); знакомы ли вы съ этимъ нарождающимся движеніемъ? Оно теперь входитъ въ новый физисъ".

Мнѣ приходилось уже знакомиться съ кооперативнымъ движеніемъ въ Англіи; но о фермахъ я имѣлъ довольно смутное представленіе. Мой собесѣдникъ съ чисто англійской предупредительностью далъ мнѣ нѣсколько адресовъ. Я списался съ кооператорами, затѣмъ осмотрѣлъ нѣсколько наиболѣе выдающихся фермъ въ различныхъ частяхъ Англіи. Не рѣшаясь дѣлать широкихъ обобщеній, какъ мой собесѣдникъ, я, тѣмъ не менѣе, думаю, что бѣглыя замѣтки о томъ, что мнѣ пришлось видѣть, — будутъ не безынтересны для читателей. Впослѣдствіи, когда разговоръ въ вагонѣ и посѣщеніе фермъ заставили меня познакомиться съ литературой предмета,—я нашелъ, что нѣсколько авторовъ горячо привѣтствуютъ новый фазисъ кооперативнаго движенія въ Англіи. Среди этихъ авторовъ первенство принадлежитъ Ллойду, книга котораго „Labor copartnership" вышла лишь на дняхъ.

Примѣненіе кооперативныхъ принциповъ къ земледѣлію интересовало уже давно учениковъ Роберта Оуэна. Въ то время, какъ кооперативное движеніе еще только нарождалось въ Англіи, сдѣлано было нѣсколько попытокъ основать земледѣльческія колоніи на артельныхъ началахъ. Наиболѣе извѣстной попыткой является основаніе колоніи Ратлэгайнъ (Rathlahine) въ графствѣ Кларъ, въ Ирландіи. Ферма Ратлэгайнъ (или Ralahine, какъ ее иногда называютъ) находилась въ одномъ изъ наиболѣе бѣдныхъ и опасныхъ округовъ Ирландіи. „Бѣлые ребята" грозили безпрерывно убить лэндлорда, Скотта Ванделера. Онъ не обращалъ вниманія на угрозы и велѣлъ своему агенту собрать ренту. Въ тотъ же вечеръ несчастный агентъ былъ убитъ пулей, пущенной

Фермы.	1885 года.		1895 года.	
	число.	пахат. земли.	число.	пахат. зимли.
5— 50 акровъ.	232.955	4.481,354	235.481	4.532,623
50—100	64.715	4.746,520	66.625	4.885,203
100—300	79.573	13.658,495	81.245	13.875,914
300—500	13.875	5.241,168	13.568	5.113,945
свыше 500	5.489	4.029,843	5.219	3.803,036

неизвѣстной рукой. Лэндлордъ бѣжалъ въ Лимерикъ, предоставивъ полиціи распоряжаться на фермѣ. Въ то время много говорили объ опытахъ Роберта Оуэна. Скоттъ Ванделеръ обратился къ ученику англійскаго реформатора Крэгу (Craig) и предложилъ ему ферму для устройства земледѣльческой коопераціи, если только ему, владѣльцу, будетъ обезпечена извѣстная рента. Ферма состояла изъ 618 акровъ. Половина участка была подъ пашнею. Въ колоніи вначалѣ было 22 мужчинъ, 12 женщинъ и 22 дѣтей. Пріемъ новыхъ сочленовъ производился путемъ баллотировки. Ванделеръ выговорилъ себѣ право абсолютнаго veto въ первый годъ. Спиртные напитки были воспрещены въ колоніи. Работники избрали комитетъ, собиравшійся каждый вечеръ для веденія дѣлъ колоніи. Въ первый же годъ было сдѣлано очень много: выстроили школу, затѣмъ новыя жилища для работниковъ, проложили новый дренажъ. Въ колоніи былъ открытъ магазинъ, откуда вещи брались не за деньги, а за особенныя ассигновки, *Labor Notes*, обозначавшія рабочій день. Дѣла колоніи пошли великолѣпно. Въ концѣ перваго года лэндлордъ получилъ полностью свою ренту (900 ф. ст.). Остатокъ продуктовъ, который не нуженъ былъ кооператорамъ,—продали, а деньги поступили въ общую кассу. Первая полученная прибыль пошла на увеличеніе заработной платы на 25%. Опытъ оказался успѣшнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Улучшеніе матеріальнаго положенія повлекло за собою улучшеніе нравовъ. Прекратились террористическія покушенія „бѣлыхъ ребятъ"; округъ успокоился; исчезло враждебное отношеніе работниковъ къ лэндлорду. Любопытную исторію колоніи написалъ самъ Крэгъ (*History of Ralahine*, by E. T. Craig; Trübner and C°. 1882). Но въ 1833 г. существованіе колоніи внезапно прекратилось. Лэндлодъ Ванделеръ проигрался совершенно въ карты и бѣжалъ на континентъ, гдѣ застрѣлился. Явился новый владѣлецъ, который враждебно относился къ кооперативному движенію, и артель распалась, такъ какъ лэндлордъ не захотѣлъ сдать ей землю. Другая попытка была сдѣлана около того же времени. Въ 1829 г. лэндлордъ Гардонъ сдалъ своимъ работникамъ ферму въ Ассингтонѣ (Суфолькъ). Онъ далъ имъ также въ займы необходимый капиталъ безъ процентовъ. Опытъ оказался удачнымъ, хотя, вообще, коопераціи, основанныя благотворителями, не удавались въ Англіи. Кооператоры выплатили занятый капиталъ и повели успѣшно дѣло. Въ 1853 г. тотъ же лэндлордъ сдалъ работникамъ въ аренду другую ферму, которая была основана на тѣхъ же принципахъ, что и первая. Она тоже пошла крайне успѣшно *). До 1879 г. она принесла сочленамъ

---

*) См. «History of Co-operation in England» by G. J. Holyoake, а также «Dictionary of Political Economy», edited by Inglis Palgrave. 1894, v. I, p. 413. Исторію кооперативныхъ фермъ можно найти также въ «Working Men Co-operators» Акланда и Джонса.

3,674 ф. ст. прибыли. Но затѣмъ общія причины, повлекшія за собою паденіе земледѣлія въ Англіи,—отразились также и на дѣлахъ фермы. Земля на фермѣ была глинистая, годная лишь для посѣва пшеницы, а послѣ 79 г. стало невозможнымъ извлекать прибыль, сѣя этотъ злакъ.

Такъ какъ цѣны на пшеницу продолжали все падать, то въ 1883 г. дѣла фермы стали такъ плохи, что коопературы должны были обратиться за помощью къ сочувствующимъ лицамъ. Въ 1884 г. основалось кооперативное общество (Absington Agricultural Association) чтобы помочь фермѣ. Въ настоящее время, судя по отчетамъ, ферма теряетъ каждый годъ около 1 ф. ст. на акръ. Ферма, основанная въ 1829 г., существуетъ до настоящаго времени, хотя отчетовъ я не могъ достать; кажется, они и не опубликованы. Послѣ опытовъ, сдѣланныхъ Р. Оуэномъ и учениками его, кооператоры, направляясь въ сторону наименьшаго сопротивленія, оставили почти совершенно мысль объ основаніи фермъ и стали организовывать исключительно потребительныя общества. Естественная эволюція послѣднихъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, возродила вновь кооперативныя фермы, но имѣющія уже другія задачи. Но предварительно еще нѣсколько словъ о другихъ попыткахъ основать земледѣльческія коопераціи. Онѣ дѣлались постоянно. Вальтеръ Моррисонъ, членъ парламента, основалъ кооперацію въ Мидлэндѣ. Работники имѣли долю въ прибыляхъ и участвовали въ администраціи. Опытъ удался отчасти. Предпріятіе дало 5% прибыли и впослѣдствіи превратилось въ чисто коммерческое дѣло. Лордъ Джорджъ Манерсъ основалъ на своей землѣ кооперацію на тѣхъ же началахъ, какъ и Моррисонъ. Предпріятіе дало 10% на капиталъ, кромѣ того, каждый работникъ получилъ на свой пай по 3 ф. ст. Въ послѣднее время Болтонъ Кингъ основалъ кооперацію на своей землѣ, близь Лимингтона. Результаты получились неутѣшительные, хотя основатель предоставилъ въ распоряженіе кооператоровъ на крайне выгодныхъ условіяхъ значительный капиталъ. Вообще, въ Англіи *благотворительнымъ* коопераціямъ не везло, хотя многія изъ нихъ были основаны съ самыми лучшими намѣреніями.

Болѣе всего жалка была участь кооперативныхъ фермъ, основанныхъ англійскими „кающимися дворянами“. Побуждаемые самыми лучшими намѣреніями, они „садились на землю“, желая сразу осуществить идеальное въ дѣйствительности. Опыты, къ сожалѣнію, кончались постоянно полной неудачей. Наиболѣе извѣстенъ опытъ Вильяма Лаусона въ „Аспатріи“, который самъ написалъ исторію фермы въ книгѣ „Fine years of Gentleman Farming“. Теперь перейду къ обзору нѣкоторыхъ существующихъ кооперативныхъ фермъ, которыя мнѣ удалось осмотрѣть самому. Большинство изъ нихъ основаны не частными благотворителями, а возникли естественнымъ путемъ. Мы уже не имѣемъ дѣло съ

лѣтописью неудачъ и крушеній. Ближайшая ферма находится подъ Лондономъ.

II.

Вуличская ферма, или „Bostal farm", какъ ее называютъ, основана мѣстнымъ потребительнымъ обществомъ рочдейловскаго типа. Какъ и всѣ англійскія кооперативныя общества, основанныя работниками, вуличское видало трудныя времена. Возникло оно въ 1868 г. съ капиталомъ въ 4 ф. 8 ш. Чтобы собрать эти деньги, потребовалось три недѣли. На этотъ капиталъ пріобрѣтено было нѣсколько фунтовъ чаю, мѣшокъ муки, масла, кругъ сыра и т. д. Подъ лавку одинъ изъ сочленовъ временно уступилъ свою спальню. На первыхъ порахъ лавка была открыта только по субботамъ. Приказчики, распорядительный комитетъ, директоры и подметальщики лавки были одни и тѣ же лица. Они же были и покупатели. Дѣла потребительнаго общества пошли великолѣпно. Въ первый же годъ торговый оборотъ достигъ 400 ф. ст. Между покупателями было разверстано двадцать ф. прибыли. Съ тѣхъ поръ дѣла потребительной коопераціи шли все лучше и лучше. Въ 1897 г. лавка продала продуктовъ на 201,737 ф. ст. Основной капиталъ равнялся 122,810 ф. ст. По мѣрѣ того, какъ росло потребительное общество, оно находило необходимымъ открывать производительныя коопераціи, чтобы снабжать лавку собственными продуктами. Ниже я коснусь этого перехода отъ потребительныхъ кооперацій къ производительнымъ, когда стану говорить о Кетерингѣ. Теперь же перейду прямо къ земледѣльческой ассоціаціи, основанной вуличскимъ потребительнымъ обществомъ въ 1886 г. Кооперація купила тогда на берегу Темзы 52 акра очень плохой, болотистой земли подъ огородъ. На пріобрѣтенномъ участкѣ находилось нѣсколько старыхъ котеджей, которые были снесены. Земля была въ крайне плохомъ состояніи. Пришлось затратить много труда и денегъ. Полуразрушенные коровники были превращены въ помѣщенія для свиней. Кооперація занялась свиноводствомъ. Начало не обѣщало ничего хорошаго. Повальная болѣзнь, такъ называемая свиная лихорадка, истребила почти всѣхъ животныхъ; завѣдующій фермой, такъ называемый bailiff, оказался человѣкомъ не компетентнымъ. Пришлось выбирать другого. Но кооперація не теряла духа. Постепенно вводились все новыя и новыя усовершенствованія; старыя зданія замѣнялись новыми, прокладывался дренажъ и т. д. Въ настоящее время коопераціи принадлежитъ одинъ изъ лучшихъ свиныхъ заводовъ въ окрестностяхъ метрополіи. Болотистая почва была превращена въ великолѣпный огородъ; теплицы занимаютъ огромное пространство. На одномъ участкѣ разведенъ малинникъ. Кооператоры внимательно слѣдятъ за всѣми успѣхами

агрономіи и стараются примѣнить у себя все, что можетъ сдѣлать почву болѣе плодородной. Фермѣ приходится поставлять продукты на опредѣленный рынокъ, т. е. на потребительное общество. Такимъ образомъ, кооператорамъ не приходится дѣлать большихъ затратъ на доставку продуктовъ на рынокъ и терять вслѣдствіе участія посредника между потребителемъ и производителемъ. Я не говорю уже о томъ, что кооператоры избавлены отъ всѣхъ случайностей и колебаній неопредѣленнаго рынка. Въ настоящее время каждый акръ приноситъ около 40 ф. ст., т. е. вдвое почти, чѣмъ земля у обыкновенныхъ англійскихъ огородниковъ. Утилизированъ каждый футъ земли и приняты предосторожности противъ случайностей, являющихся вслѣдствіе колебаній въ температурѣ, такъ, напр., томаты выращиваются исключительно въ теплицахъ. Вотъ нѣкоторыя любопытныя цифры: акръ, засаженный хрѣномъ, приноситъ 60 ф. стер. Доходъ съ акра, засаженнаго бобами—40 ф. Ревень, это своеобразное лакомство англичанъ, приноситъ 50 ф. ст. дохода съ десятины. Нѣкоторые участки, съ которыхъ снимается двойная жатва, приносятъ даже 80 ф. ст. съ акра. Кооператорамъ приходится прибѣгать и къ наемному труду; но они платятъ гораздо больше, чѣмъ остальные фермеры. Обычная заработная плата сельскихъ рабочихъ въ Англіи — 12—14 ш. въ недѣлю. Въ окрестностяхъ Лондона плата выше и достигаетъ 20—22 ш. въ недѣлю. Кооператоры платятъ 25 ш.; кромѣ того, они участвуютъ въ прибыляхъ. Каждый такой рабочій, если захочетъ, можетъ стать пайщикомъ въ предпріятіи. Для этого ему приходится работать извѣстный срокъ. Прибыль, разверстанная между всѣми работниками, составила въ прошломъ году 1 ш. 10 п. на фунтъ, т. е., около 9%. Американскій изслѣдователь, изучавшій англійскія коопераціи въ прошломъ году,—такъ формулируетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя послѣ посѣщенія вуличской фермы: „Прежде всего съ особой выпуклостью выступаетъ слѣдующее. Кооперативный способъ веденія фермъ неизмѣримо выгоднѣе и продуктивнѣе индивидуальнаго“ *). Лично я не берусь дѣлать категорическихъ общихъ выводовъ, такъ какъ дѣлюсь съ вами лишь бѣглыми замѣтками, набросанными послѣ осмотра нѣсколькихъ кооперативныхъ фермъ; но вуличская ферма, составляющая такой рѣзкій контрастъ съ вѣчно закутанной дымомъ мрачной метрополіей, виднѣющейся вдали; видъ здоровыхъ бодрыхъ, смышленныхъ кооператоровъ, трудившихся на грядахъ; крѣпкія, счастливыя дѣти, выходившія изъ кооперативной школы,—все это произвело на меня самое лучшее впечатлѣніе. Радостное, бодрое настроеніе осталось даже тогда, когда поѣздъ нашъ нырнулъ въ безконечный тунель, наполненный удушливымъ, пахнувшимъ сѣрой, дымомъ. Въ Англіи hodge, т. е. сельскій рабочій, считаетс

*) *H. D. Lloyd*, „Labor Copartnership“, 1898, p. 41.

более тупымъ и забитымъ, чѣмъ какой либо другой работникъ. Вуличскіе и другіе кооператоры доказали, что „hodge“ не глупѣе другихъ. Онъ только страшно невѣжественъ и бѣденъ.

Избавленіе отъ лэндлорда, грозившаго выгнать его на улицу при малѣйшемъ ослушаніи, земля, на которой hodge можетъ работать спокойно, и школа превратили „тупицу“, о феноменальной глупости котораго „сквайръ“ разсказывалъ такъ много анекдотовъ—совсѣмъ въ другого человѣка. „Меня, дѣлового человѣка, поражаетъ, какъ великолѣпно ведется работниками такое сложное и огромное дѣло, какъ кооперативная ферма. Это является наглядным показателемъ того, какой огромный успѣхъ сдѣлали у насъ массы въ послѣднія двадцать лѣтъ. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ явленіе было бы совершено невозможно“. Это — выдержка изъ рѣчи покойнаго лорда Уинчильси, произнесенной имъ въ 1896 г. „Когда земля истощена совершенно хищническимъ веденіемъ хозяйства, англійскій фермеръ говоритъ, что она потеряла „душу“. Сельско-хозяйственный работникъ въ Англіи тоже было потерпѣлъ подобный процессъ. Съ нимъ поступали грубо и жестоко. Коопераціи вновь дадутъ душу, какъ hodge, такъ и землѣ“ *).

Самой маленькой изъ существующихъ теперь кооперативныхъ фермъ является Линкольнская; а исторія ея тоже не лишена поучительности. Кооперація возникла въ 1889 г. Она долго не могла найти подходящій участокъ земли. Лэндлорды относятся къ кооператорамъ еще болѣе враждебно, чѣмъ къ мелкимъ арендаторамъ. И тѣмъ и другимъ земля дается неохотно, причемъ ставятся чрезмѣрно тягостныя условія.

Въ прошломъ письмѣ я приводилъ уже нѣсколько примѣровъ. Очень часто сдаются совершенно истощенные участки. Бывали примѣры, что лэндлордъ обязываетъ арендатора сѣять пшеницу и воспрещаетъ ему продавать солому: вся она должна пойти на удобреніе земли. Между тѣмъ, солома составляетъ слишкомъ дорогой видъ удобренія. Не посчастливилось и линкольнской коопераціи. Она купила 12 акровъ; но то былъ пустырь, изрытый ямами и заваленный кучами битаго кирпича, оставшимися послѣ разрушенныхъ построекъ. Теперь пустырь превращенъ въ цвѣтущій садъ. Въ 1893 г., черезъ четыре года послѣ пріобрѣтенія, акръ земли приносилъ 15 ф. ст. въ годъ. Въ 1896 г. кооперація пріобрѣла еще 42 акра. Въ прошломъ году ферма принесла 156 ф. ст. чистой прибыли, не смотря на затраты, связанныя съ обработкой вновь пріобрѣтеннаго участка. Линкольнцы работаютъ на обезпеченный рынокъ, именно для кооператоровъ, участниковъ потребительнаго общества. Отлично идутъ также дѣла Dunfermline Society. Кооперація арендуетъ 500 акровъ по 2 ф. 5 ш. за акръ.

*) „Labor Copartnership“, p. 84.

Въ предпріятіе вложенъ капиталъ въ 7500 ф. ст., составившійся путемъ подписки. Кооператоры устроили земледѣльческую и молочную фермы. Выгоднѣе гораздо оказывается вторая. Въ прошломъ году она дала 2,273 ф. ст., а землед. ферма—401 ф. ст.

Не дурно, хотя не такъ хорошо идутъ кооперативныя фермы въ Ньюкэстлѣ, затѣмъ въ Ипсвичѣ, извѣстномъ у насъ болѣе по „Пиквикамъ“. Кооперація здѣсь пріобрѣла десять лѣтъ тому назадъ 60 акровъ земли за 3,000 ф. ст. Она стала сѣять пшеницу, но потеряла очень много; теперь кооперація развела огородъ, держитъ 20 коровъ и сто свиней. Земля—бѣдная и болотистая. Въ прошломъ году кооперація получила прибыли 81 ф. 10 ш. послѣ того, какъ были отчислены проценты на затраченный капиталъ. Менѣе удачны дѣла Камтерской фермы.

Она основалась въ 1883 г. изъ двухъ старыхъ кооперативныхъ земледѣльческихъ обществъ, существовавшихъ одно съ 1829 г., другое—съ 1850 г. Обѣ коопераціи велись очень успѣшно исключительно работниками и приносили хорошій доходъ. Въ 1882 г. коопераціи потерпѣли значительные убытки вслѣдствіе неурожая, низкихъ цѣнъ (артели доставляли продукты на неопредѣленный рынокъ) и недостатка въ капиталѣ. На помощь явилась „гильдія кооператоровъ“ (Guild of Co-operators). Она разослала циркуляръ, приглашая кооперативныя общества подписать 2,500 ф. ст., чтобы помочь артелямъ и объединить ихъ въ одну. Для веденія дѣла былъ назначенъ распорядительный комитетъ. Кооперація арендовала 223 акра. Половину земли удѣлили подъ хлѣбные злаки, а вторую—подъ выгонъ и огородъ. Затрудненія начались съ 1885 г. Въ 1886 г. кооперація потерпѣла убытки въ 409 ф. ст. Высокая рента камнемъ давила общество. Въ 1887 г. рѣшено было или потребовать у лэндлорда пониженія ренты, или прекратить дѣло. Въ слѣдующемъ году дѣла нѣсколько поправились, но въ 1891 г. кооперація вновь потерпѣла большіе убытки. Дефицитъ достигъ 1550 ф. ст. Лишь съ 1895 г. дѣла начали замѣтно поправляться. Кооперація въ два года получила 166 ф. прибыли; но 1897 г. былъ опять неудачный: кооперація потерпѣла убытки въ 29 ф. ст. Такимъ образомъ съ 1893 г. артель задолжала 1,734 ф. ст. Теперь отчетъ общества показываетъ вновь небольшую прибыль и выражаетъ надежду на наступленіе лучшаго времени. Если не ошибаюсь, кетерингская кооперація—самая неудачливая. Среди причинъ неудачи мы видимъ: 1) высокую ренту за землю; 2) неопредѣленный рынокъ; 3) посѣвъ хлѣбныхъ злаковъ; 4) недостаточную компетентность распорядительнаго комитета. Послѣдняя особенно ярко выразилась въ томъ, что кооперація упорно держалась стараго, убыточнаго сѣвооборота.

Теперь мы познакомимся со своеобразнымъ городкомъ Кетерингомъ (въ графствѣ Нортгамптонъ). Въ Англіи есть кооперативныя учрежденія, которыя существуютъ дольше, чѣмъ въ Ке-

терингѣ; нѣкоторыя производительныя коопераціи, какъ напр., въ Hebden Bridge (Іоркширъ) гораздо богаче кетерингскихъ *); но нигдѣ во всей Англіи нѣтъ города, который такъ иллюстрировалъ бы ростъ и развитіе кооперативнаго движенія, и Кетерингъ въ особенности интересенъ для изслѣдователя потому, что здѣсь кооперативное движеніе шло, такъ сказать, естественнымъ путемъ отъ потребительнаго общества къ производительному. Оно прошло нѣсколько фазисовъ: вначалѣ мы видимъ лавку для потребителей, потомъ—мастерскую, въ которой работники являются собственниками и директорами; затѣмъ,—жилища для кооператоровъ и, въ концѣ концовъ, для завершенія цикла—кооперативную ферму. Таковъ путь развитія въ Кетерингѣ,—говоритъ авторъ послѣдняго по времени изслѣдованія кооперативнаго движенія въ Англіи (H. D. Lloyd, *Labor Copartnership*, London, 1898, p. 121). Зародилось кооперативное движеніе въ Кетерингѣ въ трудныя времена 1865 г., когда предприниматели соединились вмѣстѣ для похода противъ трэдъ-юніонизма. Во многихъ мѣстахъ Англіи были тогда поголовные разсчеты (lock-out) трэдъ-юніонистовъ. Множество народа очутилось безъ работы. Заработная плата вообще упала, такъ что даже имѣвшіе работу не знали, какъ свести концы съ концами. Плохо досталось тогда и населенію Кетеринга, состоящему на половину изъ работниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по примѣру сосѣдняго города, рѣшили открыть кооперативную лавку. Подобная попытка была уже сдѣлана разъ и потерпѣла неудачу; но англичане настойчивы и не теряютъ духа послѣ первой неудачи. „Мы обязаны нашимъ успѣхамъ тому обстоятельству, что, не смотря на многочисленныя неудачи, мы каждый разъ начинали вновь попытку",—говоритъ Гринингъ, авторъ интересной книги „Co-operative Traveler Abroad". Мнѣ припоминаются слова отца кооперативнаго движенія въ Англіи, престарѣлаго ученика Роберта Оуэна—Голіока (Holyoake): „Кооператоръ никогда не долженъ смущаться неудачей. Онъ долженъ себѣ намѣтить цѣль и идти прямо къ ней". Кетерингскіе работники, однако, не ставили себѣ такихъ широкихъ задачъ. Бѣдняги, открывая кооперативную лавочку, просто хотѣли какъ нибудь свести концы съ концами. Лавочка была открыта въ 1866 г. Вначалѣ потребительное общество насчитывало шестьдесятъ человѣкъ; основного капитала они подписали 91 ф. „Магазинъ" помѣщался въ комнатѣ одного изъ сочленовъ. На дверяхъ его квартиры, поэтому, появилась вывѣска съ пышной надписью: „Кетерингское промышленное кооперативное общество", давшая неистощимую тему для остротъ мѣстнымъ лавочникамъ. Оборотъ въ первые три мѣсяца достигъ болѣе 400 ф. ст.

*) О гебденбриджскихъ производительныхъ ассоціаціяхъ я говорилъ въ статьѣ „Англійскія коопераціи"; см. „Р. Б.". 1897, IX.

Начало было недурно, если принять во вниманіе, что лишь два сочлена могли внести полностью свою долю—2 ф.; остальные выплачивали свой пай еженедѣльными взносами въ 6 п. Комитетъ счелъ возможнымъ раздѣлить дивидендъ между сочленами, соотвѣтственно со сдѣланными покупками. Вторая и третья четверть года были законочены очень хорошо. На каждый фунтъ выдано было 1 ш. 8 п. дивиденда ($8^3/_4$%). Сочлены были въ такомъ восторгѣ, что рѣшено было похвастать немного успѣхами. На общемъ совѣтѣ постановлено послать отчетъ въ мѣстную газетку, въ *The Midland Free Press*. Въ концѣ года сдѣлано было очень непріятное открытіе. Завѣдующій лавкой, очень хорошій товарищъ и рѣдкой честности человѣкъ — оказался крайне не свѣдущимъ въ бухгалтеріи. Выяснилось, что онъ дѣлилъ между сочленами не чистую прибыль, а оборотный капиталъ и раздѣлилъ его почти весь. Рѣшено было принять энергичныя мѣры: выдача дивиденда прекратилась. Въ результатѣ получилось серьезное неудовольствіе. Часть сочленовъ выдѣлилась, обороты уменьшились; но большинство участниковъ рѣшили продолжать дѣло. И были правы. Маленькая лавочка страшно разрослась теперь. Годовой оборотъ ея равняется теперь 80 тысячамъ ф. ст. Вмѣсто 60 сочленовъ; какъ въ 1866 г., въ кетерингскомъ потребительномъ обществѣ теперь 3,983 участниковъ. Это на 19 тысячъ человѣкъ населенія. Другими словами, считая семью въ 4 человѣка, мы получимъ, что почти весь городокъ является участникомъ потребительнаго общества. Вначалѣ надъ участниками глумились и называли ихъ „шитыми дратвой купцами", какъ какъ всѣ почти основатели были сапожники. Впослѣдствіи шутки прекратились. Теперь кетерингское потребительное общество строитъ огромное зданіе на главной улицѣ. Оно будетъ, вѣроятно, самымъ большимъ зданіемъ во всемъ городѣ. Земля, принадлежащая обществу, стоитъ 46,200 ф. ст. Она совершенно чиста отъ долговъ. „На собраніяхъ кетерингскаго общества однимъ изъ главныхъ пунктовъ дебатовъ является постоянно вопросъ, что дѣлать съ излишнимъ капиталомъ" *). „Общество владѣетъ значительной недвижимой собственностью; оно имѣетъ свои склады, мастерскія и болѣе сотни домовъ, которые построило, чтобы отдавать въ аренду своимъ сочленамъ. Общество помогало другимъ коопераціямъ, пріобрѣло теперь ферму и все же имѣетъ еще излишекъ капитала. На общемъ собраніи въ 1897 г. рѣшено помогать сочленамъ работникамъ пріобрѣтать въ собственность дома. Съ этой цѣлью они могутъ брать ссуду по $4^1/_2$%, возвращая ее частями" (*Labor Copartnership*).

Изъ потребительной коопераціи, мало по малу, кетерингское общество превратилось въ производительную. Кетерингъ всегда

*) «Labor Copartnership», p. 127.

былъ центромъ башмачнаго производства. Среди сочленовъ-основателей коопераціи было не мало сапожниковъ. Въ силу этого, естественно, что прежде всего мелькнула мысль объ основаніи башмачной мастерской на кооперативныхъ началахъ. Подобная мастерская существовала уже въ недалекомъ Лейстерѣ. Попытка была сдѣлана въ 1888 г. Въ коопераціи приняли участіе 140 членовъ, подписавшихъ капиталъ въ 500 ф. ст. Для вѣрности, рѣшили работать вначалѣ на готовый рынокъ, т. е. на кооператоровъ, сочленовъ кетерингскаго и сосѣднихъ потребительныхъ обществъ. Отчетъ за первую четверть года ожидался съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ не только членами сапожной артели, но всѣмъ кооперативнымъ обществомъ. Сапожная артель вошла въ соглашеніе съ 17 другими кооперативными обществами, сбыла за три мѣсяца фабрикатовъ на 868 ф. ст. Дивидендъ не былъ раздѣленъ. Онъ составилъ основу запаснаго капитала для покрытія потерь, если онѣ случатся въ будущемъ. Къ концу года дѣло пошло такъ хорошо, что старая мастерская стала тѣсной. Пришлось строить новую. Черезъ два года и это зданіе сдѣлалось тѣснымъ. Общество купило участокъ земли и выстроило трехэтажное зданіе. Нужно сознаться, что оно въ достаточной степени некрасиво, какъ вообще англійскіе дома; но кооператоръ, показывающій туристу зданіе, съ справедливой гордостью скажетъ, какъ онъ сказалъ мнѣ:

— It is all ours!—Это все—наше собственное. Общество не должно ни фартинга на зданіе. Оно совершенно чисто отъ долговъ. „Когда мы впервые открыли мастерскую,—читаемъ мы въ любопытной книжкѣ „Co-operation in Kettering from 1866—1896“,—насъ поднимали на смѣхъ, какъ дураковъ, во слѣдъ намъ улюлюкали мальчишки, а мѣстные торговцы бойкотировали насъ. Вначалѣ они отказывались продавать намъ сапожный товаръ; теперь они были бы счастливы сдѣлать это“. Изъ всѣхъ паевъ на 10 тысячъ ф. ст.—половина принадлежитъ работникамъ и служащимъ, мужчинамъ и женщинамъ. До сихъ поръ общество не имѣло вовсе убытковъ. Быть можетъ, потому, что оно работаетъ только на обезпеченный рынокъ, т. е. на различныя кооперативныя общества. Въ настоящее время производительное общество состоитъ изъ 680 сочленовъ. Кетерингская сапожная кооперація является, кромѣ того, отвѣтомъ на вопросъ, задаваемый обыкновенно среднимъ англійскимъ торговымъ человѣкомъ. „Развѣ можно вести большое торговое дѣло общей подачей голосовъ?“—говорятъ они.

Впрочемъ, этотъ вопросъ задаютъ здѣсь не одни лишь средніе люди. Въ послѣднее время либеральной партіи угрожаетъ расколъ. Она, по всей вѣроятности, распадется на двѣ группы: на старыхъ либераловъ, оставшихся вѣрными традиціямъ манчестерской школы, и на „демократовъ радикаловъ“. Въ печати было предло-

жено высказаться старымъ и новымъ либераламъ. Особенно интересны письма и статьи, появлявшіяся въ *Daily News* въ декабрьскихъ и январьскихъ нумерахъ. Отъ имени старыхъ либераловъ выступилъ Джемсъ Анандъ. „Торговецъ и мануфактуристъ являются основой государства“,—заявилъ онъ. Въ силу этого, Анандъ жестоко осуждалъ молодыхъ либераловъ за защиту государственнаго вмѣшательства между производителемъ и работникомъ и за проповѣдь „муниципализаціи“, т. е. пріобрѣтенія городомъ водопроводовъ, газовыхъ заводовъ, трамваевъ, рынковъ и т. д. „Человѣческой природѣ противно, чтобы предпріятіе принадлежало не единичному лицу, а коллективной группѣ—городу,—доказывалъ онъ. Такая система коллективнаго владѣнія можетъ повести лишь къ убыткамъ. Человѣкъ остается человѣкомъ, и природа его не можетъ быть измѣнена парламентскимъ актомъ или же резолюціей городского совѣта“.

Въ кетерингской сапожной коопераціи дѣла ведутся вотъ уже много лѣтъ общимъ собраніемъ. Судя по результатамъ, веденіе не можетъ быть названо плохимъ. Сапожная кооперація старается ввести всѣ новыя машины; но здѣсь мы не видимъ страшной конкурренціи между человѣкомъ и машиной; мы не видимъ десятковъ и сотенъ людей, выбрасываемыхъ на улицу усовершенствованной машиною. Кооперація является первымъ шагомъ къ болѣе высокой формѣ производства, при которой страшная конкурренція, о которой я только что говорилъ, становится совершенно невозможной. Сапожная кооперація, какъ вообще англійскія производительныя общества, старается употребить излишекъ своихъ капиталовъ на основаніе другихъ артелей. Коопераціи не любятъ держать деньги въ банкахъ и вотъ почему. „Наши конкурренты фабриканты занимаютъ въ банкахъ деньги на увеличеніе производства,—говорятъ вожди кооператоровъ.—Коопераціи, дѣлающія вклады въ банки, увеличиваютъ силы противника, и насыпаютъ ему новый порохъ въ пороховницы“. За десять лѣтъ существованія сапожной ассоціаціи ни разу не приходилось временно прекращать работу по случаю мертваго сезона (shutdown, по англійской терминологіи). За все это время общество лишь въ теченіе четырехъ недѣль времени *сократило* работы; тогда какъ обыкновенныя сапожныя мастерскія въ Англіи закрываются ежегодно на два мѣсяца. Работники заняты лишь 48 часовъ въ недѣлю; тогда какъ въ другихъ мастерскихъ работаютъ 54 часа. Общество пользуется, кромѣ труда своихъ сочленовъ, еще наемнымъ трудомъ; но каждый работникъ легко можетъ стать сочленомъ. Кооперація платитъ всегда заработную плату, установленную трэдъ-юніонами. Девяносто процентовъ сочленовъ трэдъ-юніонисты. Восьмичасовой день кооперація приняла въ 1894 г., чтобы „помочь безработнымъ“, какъ постановлено было на общемъ собраніи. Заработная плата мужчинъ отъ 27—35 ш. въ недѣлю, женщинъ отъ 12—15 ш.

Поштучная работа, противъ которой воюютъ всѣ трэдъ-юніоны,—совершенно уничтожена. Работники, имѣющіе пай, получаютъ, конечно, вмѣстѣ съ дивидендомъ, болѣе указанной выше нормы.

Не менѣе интересна исторія портняжной производительной коопераціи въ Кетерингѣ. Въ 1893 г. потребительное общество открыло новое отдѣленіе въ своемъ магазинѣ: „департаментъ" готоваго платья. Кетерингскіе продавцы готоваго платья объявили бойкотъ и отказались работать на кооперацію и вообще продавать ей что нибудь. Нѣсколько портныхъ, работавшихъ у этихъ продавцевъ, были членами потребительной коопераціи. Они заявили собранію, что если имъ помогутъ деньгами, они образуютъ артель и станутъ поставлять готовое платье. Рѣшено было сдѣлать попытку въ скромныхъ размѣрахъ. Первымъ результатомъ было то, что хозяева разсчитали немедленно портныхъ, принявшихъ участіе въ артели, и заявили имъ, что отнынѣ они могутъ не трудиться искать работу въ мастерскихъ: двери послѣднихъ для нихъ навсегда заперты. Артель составилась изъ 12 человѣкъ. Все это были лица, воспитанныя, такъ сказать, на идеяхъ коопераціи. Пайщиками подписались еще 48 человѣкъ, тоже рабочихъ, находившихся на службѣ. Они ждали лишь, пока расширится предпріятіе, чтобы внести свой трудъ. Если вы заглянете теперь въ огромную четырехэтажную кооперативную портняжную мастерскую въ Кетерингѣ, кто либо изъ артельщиковъ навѣрное обратитъ ваше вниманіе на большую фотографію, висящую на стѣнѣ. Она изображаетъ старый, полуразрушенный балаганъ, подъ цинковой крышей, съ выбитыми стеклами въ окнахъ. Къ балагану примыкаетъ еще болѣе жалкій чуланчикъ, надъ крышей котораго сиротливо возвышается тонкая, покачнувшаяся желѣзная труба.

— Что это такое?—спросилъ я артельщика, показывавшаго мнѣ зданіе.

— Тутъ мы работали, когда „были въ Египтѣ",—весело улыбнулся молодой артельщикъ. Фотографія изображала первую мастерскую, въ которой начала въ 1893 г. работать портняжная артель. Крыша балагана была дырявая и плохо защищала отъ дождя и вѣтра. Изъ экономіи артельщики почти не топили. Приходилось работать при крайне скверныхъ условіяхъ. По всей вѣроятности, не одинъ, въ особенности изъ семейныхъ, вспомнилъ тогда о „котлахъ съ рыбой", вокругъ которыхъ они сидѣли „когда были въ Египтѣ". Какъ и сапожники, портные работали на обезпеченный рынокъ. Въ первую половину 1894 г. сдана была работа на 2,275 ф. ст. и получено прибыли 234 ф. ст. Старая мастерская стала тѣсной. Приходилось перебираться въ новое помѣщеніе, а еще черезъ полгода опять кочевать, такъ какъ пайщики присоединились къ портнымъ. Въ концѣ 1885 г. артель перешла въ то огромное четырехэтажное аданіе, въ которомъ

мастерская помѣщается теперь. Мастерская великолѣпно вентилирована, освѣщена электричествомъ и отопляется горячимъ паромъ. Она составляетъ любопытный контрастъ съ тѣмъ балаганомъ, въ которомъ мастерская помѣщалась прежде. Нужно прибавить, что строили зданіе кетерингскіе кооператоры, что деньги на постройку дало мѣстное потребительное общество и что отопленіе и освѣщеніе устраивала лейстеровская кооперація механиковъ. Зданіе носитъ названіе „Рука помощи". Въ 1898 г. капиталъ коопераціи портныхъ равнялся 8,970 ф. ст. Треть его принадлежала работникамъ, непосредственно участвующимъ въ предпріятіи. Въ прошломъ году въ мастерской изготовлено платья на 24,677 ф. ст. Чистая прибыль, за вычетомъ процентовъ и потери стоимости имущества *), составляетъ 1,352 ф. ст. Изъ нихъ 492 ф. 8 ш. были разверстаны между работниками. Это составляетъ 1 ш. 6 п. на каждый фунтъ. Артельщикъ, обратившій мое вниманіе на фотографію прежней мастерской, указалъ мнѣ также на двухъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ за столомъ, согнувшись надъ какой-то штукой недоконченнаго платья. Эти дѣвушки получаютъ, какъ и остальные работники, еженедѣльную плату за свой трудъ, но онѣ больше, чѣмъ обыкновенныя поденщицы: онѣ участвуютъ въ распорядительномъ комитетѣ, какъ директоры. Ихъ избрали товарищи.

Я только что упомянулъ про кетерингскую кооперацію строителей Co-operative Building and contracting Society of Kettering). Возникла она въ маѣ 1893 г. послѣ неудачной стачки плотниковъ, желавшихъ повышенія заработной платы. Они потерпѣли пораженіе потому, что союзъ ихъ былъ очень плохо организованъ. Плотникамъ не хотѣлось опять идти къ хозяевамъ. Послѣ пораженія ихъ ждали тяжелыя условія. Плотники видѣли, какъ хорошо и независимо устроились кооператоры-сапожники. Они обратились къ потребительному обществу за совѣтомъ и за помощью. Въ результатѣ было возникновеніе въ Кетерингѣ новой производительной коопераціи строителей. Первымъ подрядомъ артели была постройка мастерской для портныхъ, за 3 тысячи ф. ст. Частные подрядчики брались выстроить зданіе дешевле; но кооперація портныхъ единодушно рѣшила отдать подрядъ новой артели. Дѣла строителей сразу пошли великолѣпно. Въ первый же годъ выполнено было подрядовъ на 6,000 ф. ст. Большинство подрядовъ, но не всѣ, даются кооперативными обществами. Въ настоящее время „строители" обладаютъ капиталомъ въ 3,367 ф. ст. Восьмая часть принадлежитъ непосредственно работникамъ. Остальные паи, большею частью,

*) Такъ наз. „depreciation". При отчетахъ каждый годъ принимается во вниманіе, что орудія производства потеряли отъ времени извѣстную часть своей *мѣновой* стоимости.

тоже принадлежатъ работникамъ, но сочленамъ другихъ кетерингскихъ коопераций. Въ Кетерингѣ вообще рабочіе не прячутъ свои сбереженія въ банкъ, а пріобрѣтаютъ на нихъ паи въ кооперативныхъ обществахъ. Нѣсколько паевъ въ коопераціи строителей принадлежатъ не работникамъ, а представителямъ среднихъ классовъ. Послѣдніе привлечены высокими дивидендами (10%); но артель всѣми силами старается теперь выкупить эти паи, такъ какъ не желаетъ, чтобы кооперація превратилась въ акціонерное общество. Съ этою цѣлью постановлено, что паи не могутъ перепродаваться; въ случаѣ смерти владѣльца паевъ,—послѣдніе пріобрѣтаются артелью.

III.

Въ 1895 г. кетерингскіе кооператоры рѣшили сдѣлать послѣдній шагъ, который такъ долго не удавался многимъ обществамъ. Они рѣшили завести кооперативную ферму. Приступили они къ выполненію постановленія крайне осторожно. Они исходили изъ принципа, что ферма не можетъ существовать, если станетъ посылать продукты на *неопредѣленный* рынокъ. Немыслимо было бы существовать при слѣдующихъ условіяхъ. Арендная плата за акръ земли равняется 2 ф. ст. въ годъ, очень часто она достигаетъ 12 ф. и больше. При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ земля теперь сдается лэндлордами, нельзя рисковать трудомъ и капиталомъ и примѣнять тѣ открытія агрикультурной химіи да прокладывать ту систему дренажа, которыя дѣлаютъ землю столь плодородной. Въ лучшемъ случаѣ, поэтому, акръ можетъ дать 36 бушелей пшеницы. Въ 1873 г., когда квартеръ (т. е. 8 бушелей) пшеницы стоилъ 58 ш. 8 п., можно было рисковать; но съ тѣхъ поръ произошли большія перемѣны. Огромные океаническіе пароходы постоянно привозятъ на англійскій рынокъ зерно, выросшее въ Аргентинѣ или въ Австраліи. Цѣна квартера пшеницы упала до 26 ш. 2 п. При такихъ условіяхъ сѣять хлѣбъ на арендованной землѣ, при высокой желѣзнодорожной тарифной платѣ, имѣя въ перспективѣ неопредѣленный рынокъ—крайне рискованно. Кетерингскіе кооператоры рѣшили разсчитывать только на обезпеченный рынокъ, т. е. на своихъ же потребителей. Наведены были точныя справки. Оказалось, что за годъ въ магазинѣ продано 119 тысячъ ф. масла, 430 тысяцъ яицъ, убито 236 воловъ, 690 овецъ и 520 свиней. Такимъ образомъ, было указаніе, въ какихъ именно размѣрахъ можно рисковать. Точно было вычислено, сколько акровъ луговъ нужно, чтобы выкормить скотину, какой величины должны быть огороды, чтобы они дали то количество овощей, которое сбывается ежегодно въ кооперативной лавкѣ. Сѣять хлѣбъ при данныхъ условіяхъ аренды не рискнули; но и такъ размѣры фермы получались почтенные.

Чтобы снабдить всѣхъ потребителей достаточнымъ количествомъ молока, масла и сыра, надобно было снять 2 тысячи акровъ земли. Общество, прежде чѣмъ снять землю, долго подготовляло сельскихъ рабочихъ, будущихъ сочленовъ земледѣльческой кооперацiи. Оно устраивало митинги, лекцiи, распространяло въ огромномъ количествѣ своеобразную литературу въ видѣ брошюрокъ, рисунковъ и отдѣльныхъ листковъ. Цѣлью всего этого было разъяснить невѣжественному, забитому „hodge", что такое кооперацiя и какая польза отъ нея. Крайне любопытными документами являются листки, распространяемые кооперативными обществами между „hodge", какъ, напр., „Five Reasons Why J am a Co-operator" (Пять причинъ, почему я кооператоръ), „Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного" или „Помогай себѣ и думай о сосѣдѣ". Подборъ сочленовъ среди „hodge" производился исподволь, притомъ не гласно. Сельскiе рабочiе находятся въ полной зависимости у „сквайра", на землѣ котораго живутъ. Онъ можетъ выгнать ихъ во всякое время, безъ всякаго предупрежденiя изъ котеджа, въ которомъ они живутъ. А лэндлордъ, навѣрное, не сталъ бы церемониться съ „hodge", если бы узналъ, что онъ начинаетъ помышлять объ участiи въ кооперацiи.

— Повѣрьте, эти поиски за „hodge" были, своего рода, „still hunt",—сказалъ мнѣ кооператоръ, показывавшiй ряды парниковъ.

„Still hunt" это—охота браконьеровъ съ нелающими собаками въ заповѣдныхъ паркахъ, гдѣ каждую минуту приходится трепетать въ ожиданiи появленiя надсмотрщика. Когда рабочiе были подобраны, стали искать землю. Вообще, кооператоры не любятъ привлекать „gros bonnets" въ роли патроновъ и покровителей.

— When the big bugs take the lead, a society usually goes to the bad,—говорятъ кооператоры (т. е. „когда большiе клопы станутъ въ первую голову, кооперативное общество идетъ къ чорту"). Но есть нѣкоторые „gros bonnets", къ которымъ кооператоры не относятся подозрительно. Однимъ изъ нихъ является маркизъ Рипонъ, имѣющiй большiя помѣстья близъ Кетеринга. Лордъ Рипонъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей радикальной партiи въ верхней палатѣ, очень близко принимаетъ къ сердцу интересы кооператоровъ. Онъ сдалъ въ аренду кетерингцамъ 1,000 акровъ земли на хорошихъ условiяхъ, другую тысячу акровъ сняли у другого лэндлорда. Еще тысячу сняли на основанiи закона объ allotments. Въ силу его сельскiй совѣтъ можетъ *потребовать* у лэндлорда, чтобы послѣднiй сдалъ въ аренду участокъ земли (не больше, чѣмъ по 4 акра на человѣка). Третейскiй судъ опредѣляетъ, если лэндлордъ не хочетъ сдать добровольно землю, размѣры ренты. Земля сдается срокомъ не меньше, чѣмъ на 14, и не больше, чѣмъ на 35 лѣтъ. На снятомъ участкѣ

возникла кетерингская кооперативная ферма. Какъ и въ башмачной, и въ портняжной мастерскихъ, на фермѣ прибѣгаютъ также къ наемному труду; но кооператоры платятъ гораздо больше, чѣмъ другіе фермеры, и, кромѣ того, каждый работникъ можетъ сдѣлаться участникомъ, если только захочетъ самъ. Для этого ему нужно только не бросать работу. Всѣ безъ исключенія работники являются участниками въ прибыляхъ. Послѣднія не выдаются до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ 4 гиней, стоимости одного пая. Съ этого момента работникъ можетъ или взять свою долю деньгами, или стать участникомъ коопераціи. Кооператоры вообще тратятъ много денегъ на цѣли воспитанія; но въ особенности кетерингская кооперація заботится о развитіи „hodge", участвующихъ въ земледѣльческой артели и работающихъ для нея. Въ настоящее время дѣла фермы идутъ великолѣпно. Единственной заботой является—гдѣ бы достать еще земли. Потребителей такъ много, что рынокъ обезпеченъ для гораздо большаго количества молочныхъ и другихъ продуктовъ. Кооператоры прилагаютъ, если они имѣютъ долгосрочную аренду, всѣ усовершенствованія. И, глядя на поразительные результаты, добытые новыми видами удобренія, сложной системой дренажа и особыхъ парниковъ, трудно даже предсказать, въ какой степени земля можетъ стать еще болѣе продуктивной. Теперь у кетерингцевъ одна забота: какъ бы купить землю. Лэндлорды не соглашаются продавать ее. Часть ренты, извѣстной подъ названіемъ „не заработаннаго приращенія", the Unearned Increment, по терминологіи англійскихъ экономистовъ, увеличивается съ поразительной быстротой. Близь Питербора (Peterborough) бывали случаи, что акръ земли, стоившій 20 лѣтъ тому назадъ 8 ф.,—сдавался въ аренду за 50 ф. въ годъ (см. „Labor Copartnership", p. 13). Такимъ образомъ, рента съѣдаетъ значительную часть доходовъ; кромѣ того, чтобы сдѣлать землю продуктивной, необходимы огромныя затраты капитала, которыя могутъ окупиться лишь черезъ 20 лѣтъ. При краткосрочной арендѣ это немыслимо. Кетерингцы хотятъ, когда будутъ имѣть собственную землю, сѣять пшеницу и другіе злаки. Они увѣрены, что при томъ прогрессѣ, который сдѣлала теперь агрономія, и при обезпеченномъ рынкѣ, потоки дешеваго хлѣба, льющагося изъ Канады, Аргентины и Австраліи—не страшны.

Чтобы дать представленіе о тѣхъ данныхъ, на которыхъ основываются кетерингцы, я познакомлю читателей съ интересными выводами. Англійскія кооперативныя общества издаютъ ежегодно огромный сборникъ „The Co-operative Wholesale Societies". Кромѣ статистическихъ таблицъ, мы находимъ здѣсь рядъ изслѣдованій. Въ ежегодникѣ за 1897 годъ помѣщено изслѣдованіе: „What man can obtain from the Land" (Что можно извлечь изъ земли). Авторъ развиваетъ слѣдующія по-

ложенія. Прогрессъ, достигнутый земледѣліемъ и садоводствомъ при помощи техники (улучшенныхъ видовъ удобренія, земледѣльческихъ машинъ, средствъ перевозки, дешевыхъ оранжерей, дешевой системы орошенія и пр.), доказываетъ, что успѣхъ можетъ быть достигнутъ лишь тогда, когда агрикультура и промышленность въ странѣ идутъ вмѣстѣ, помогая другъ другу. Ни земледѣліе, ни промышленность не могутъ развиваться и прогрессировать, какъ самостоятельная отрасль. Безпрерывныя усовершенствованія, какъ глубокія запашки, улучшеніе почвы и орошеніе, даютъ возможность каждой націи удвоить и утроить количество добываемыхъ продуктовъ, если бы она захотѣла только воспользоваться тѣми силами, которыя пропадаютъ безъ пользы вслѣдствіе ненахожденія работы; мы знаемъ теперь лишь одну систему производства: при помощи наемнаго труда съ рабочимъ днемъ въ девять, десять, двѣнадцать и болѣе часовъ. Если бы хоть одна десятая часть тѣхъ силъ, которыя пропадаютъ теперь безслѣдно, была примѣнена обществомъ для пользы общества, для безпрерывнаго улучшенія почвы, огромныя пустоши въ Англіи, гдѣ теперь два акра едва могутъ прокормить одну корову, превратились бы вскорѣ въ богатые нивы и огороды. Каждый акръ могъ бы приносить тогда 5, 10 и 20 тонъ разнообразныхъ продуктовъ. Процессъ же безпрерывнаго улучшенія почвы до того разнообразенъ, что мужчины и женщины, здоровые и ослабленные жизнью въ городскихъ трущобахъ,—нашли бы для себя посильную работу. Прогрессъ агрономіи въ послѣднія двадцать лѣтъ до того великъ, что совершенно невозможно сказать, каковъ тотъ minimum земельнаго участка, который необходимъ, чтобы доставлять пищу для одного человѣка. Восемь лѣтъ тому назадъ полагали, что не меньше $^{1}/_{10}$ акра нужно для того, чтобы выростить пшеницу, необходимую для одного человѣка, но теперь опытами доказано, что потребное количество, при улучшеніи почвы, можно выростить и на $^{1}/_{20}$ акра. Десять лѣтъ тому назадъ шестнадцать тоннъ картофеля съ одного акра считались бы очень хорошимъ урожаемъ. Теперь удавалось снять съ одного акра 30 тонъ. Десять лѣтъ тому назадъ парижскіе огородники считались идеальными въ своемъ родѣ. Теперь современный англійскій огородникъ говоритъ: „парижскій работаетъ слишкомъ много. Мы строимъ огромныя теплицы и выращиваемъ тамъ съ меньшими расходами, не смотря на то, что сдѣланные расходы покроются лишь черезъ двадцать лѣтъ“. Десять лѣтъ тому назадъ, если бы кто нибудь сталъ писать о выращиваніи огородины въ теплицахъ при помощи электрическаго свѣта,—надъ такимъ прожектеромъ смѣялись бы знающіе люди. Теперь же въ Чикаго огородники, примѣнившіе этотъ утопическій, повидимому, способъ—богатѣютъ. Но оставимъ проекты; перейдемъ къ тому, что было уже испробовано не въ малыхъ, а въ широкихъ размѣрахъ. Сколько нужно акровъ земли,

чтобы прокормить 1.000 человѣкъ?. Предположимъ, аргументируетъ нашъ изслѣдователь, что они имѣютъ 1.000 акровъ годной для обработки земли. Посмотримъ, что они могутъ сдѣлать съ нею. Они сѣютъ пшеницу и получаютъ 50 бушелей съ акра. На всѣхъ понадобится 170 акровъ. Они сѣютъ еще другіе злаки: овесъ для лошадей, ячмень и т. д. Если мы возьмемъ за мѣрило тѣ результаты, которые достигнуты уже во Франціи, то увидимъ, что нашему обществу нужны еще другіе 170 акровъ. Оно держитъ коровъ, каждая изъ которыхъ даетъ четыре галлона молока въ день, т. е. достаточное количество для 32 человѣкъ. Обществу, значитъ, нужны 32 коровы. Возьмемъ для мѣрила о. Джерзей. На пространствѣ 11 тысячъ акровъ луговъ пасутся 11.730 коровъ. Для одной коровы, значитъ, надобенъ 1 акръ; прибавимъ столько же для коровъ, молоко которыхъ пойдетъ для изготовленія масла. Круглымъ числомъ, возьмемъ 70 акровъ. Теперь о доставкѣ мяса. Для взрослаго человѣка, среднимъ числомъ, требуется 180 англ. ф. въ годъ*). Такимъ образомъ, шесть человѣкъ съѣдятъ въ годъ быка; на 1.000 человѣкъ понадобится 166 быковъ. Два акра луга болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобъ прокормить быка. Итого, круглымъ числомъ, 330 акровъ. Огородники, доставляющіе овощи для парижскихъ и лондонскихъ рынковъ, выращиваютъ болѣе 30 тоннъ на акрѣ. Среднимъ числомъ, на одного человѣка въ годъ требуется 600 фун. различной огородины и обыкновенныхъ фруктовъ. Для всего общества потребуется, значитъ, 10 акровъ, да еще два акра подъ оранжереи; скажемъ, въ общемъ, 20 акровъ подъ огородъ и подъ теплицы. Для 1.000 человѣкъ потребуется 200 домовъ; для каждаго дома ½ акра, чтобы было мѣсто для садика и для игръ; итого,—100 акровъ. Всего, значитъ, понадобится 860 акровъ. Если общество имѣетъ 1.000 акровъ, 140 останутся въ запасѣ. При очень хорошей культурѣ останется запасъ въ 350 акровъ. Хорошая обработка возможна лишь тогда, когда каждая деревня составитъ кооперативное общество. Одинъ человѣкъ, говоритъ нашъ изслѣдователь, не можетъ справиться съ участкомъ въ 1.000 акровъ, утилизировать всю землю, каждый клочекъ ея, прокладывать необходимый дренажъ, устраивать каналы для орошенія и т. д., словомъ, извлечь maximum результатовъ, соблюдая, чтобы minimum силъ затрачивался непроизводительно. Приходится для этого сѣять различные злаки, разводить фруктовые сады, огороды, устраивать теплицы. Трудъ слишкомъ сложный и разнообразный для одного человѣка. Не могутъ добыть тѣхъ же результатовъ 100 фермеровъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ участокъ въ 10 акровъ; справиться съ работой могутъ 100 семействъ, соединившихся въ кооперацію для совмѣстной работы.

---

*) Англійскій фунтъ больше на 0,1 русскаго.

Таковы, въ общемъ, выводы, къ которымъ пришелъ авторъ изслѣдованія „What man can obtain from the land“. Таковы тѣ доводы, которые вы услышите отъ англійскихъ кооператоровъ, мечтающихъ о фермѣ или же заведшихъ ее. Если вашъ собесѣдникъ энтузіастъ, онъ горячо станетъ доказывать вамъ, что земля вообще не умерла въ Англіи. Англія имѣетъ 33 милліона годной для обработки земли.

Если прикинуть ту мѣрку, о которой мы только что говорили, то для прокормленія всего населенія Англіи требуется десять милліоновъ акровъ. Такимъ образомъ, 23 милліона акровъ остаются еще, какъ резервный фондъ для грядущихъ поколѣній. Но мы уже теперь забрались въ область теоретическихъ предположеній; пора выбирться на твердую почву. Попытаюсь сдѣлать кое какіе выводы. Повидимому, въ Англіи крупное землевладѣніе падаетъ, но мелкое не только не уменьшается, но, какъ будто, увеличивается еще. Число мелкихъ фермъ въ особенности увеличилось послѣ ряда законовъ, предоставившихъ мѣстныя дѣла всецѣло населенію и уполномочившихъ приходы требовать у лэндлордовъ сдачу въ аренду извѣстныхъ участковъ. Можно думать, что мелкое землевладѣніе развивалось бы еще гораздо быстрѣе, если бы не рядъ неблагопріятныхъ условій: высокая рента, краткосрочныя аренды, тяжелыя, подчасъ, безумныя требованія, предъявляемыя лэндлордомъ къ мелкому арендатору (см., напр., прошлое письмо) и пр. При отсутствіи капитала, при дороговизнѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, при дешевизнѣ пароходныхъ сообщеній и при наличности перечисленныхъ и еще другихъ условій, мелкому фермеру нѣтъ возможности болѣе конкуррировать на рынкѣ съ заграничными производителями. Пахарь превратился въ огородника. Мелкій фермеръ сѣетъ пшеницу, большею частью лишь тогда, когда лэндлордъ заставляетъ его не измѣнять заведеннаго сѣвооборота. Въ гораздо болѣе цвѣтущемъ состояніи находятся англійскія земледѣльческія коопераціи, которыя вступили теперь въ новый фазисъ развитія. Онѣ явились *естественнымъ* результатомъ развитія потребительныхъ ассоціацій. Имѣя обезпеченный рынокъ, земледѣльческія коопераціи быстро становятся на ноги; тогда какъ онѣ гибли, когда имъ приходилось сбывать продукты на неопредѣленномъ рынкѣ.

Англійскія земледѣльческія коопераціи являются едва ли не самыми цвѣтущими фермами въ Соединенномъ королевствѣ. Онѣ показали, какъ много можно извлечь изъ земли при коллективной, разумной работѣ, пользуясь всѣми великими открытіями, сдѣланными въ послѣдніе годы химіей и техникой. Участники кооперацій вообще и земледѣльческихъ въ частности цѣнятъ, помимо всего, очень высоко ихъ огромное воспитательное значеніе. Жизненный характеръ этихъ кооперацій, между прочимъ, виденъ изъ того, что онѣ, большею частью, возникаютъ въ

самыхъ скромныхъ размѣрахъ *естественнымъ* путемъ, не по одной иниціативѣ какого нибудь патрона. Наиболѣе культурные и развитые сочлены видятъ въ коопераціяхъ лишь первый, но крайне важный шагъ.

Діонео.

Промышленное развитіе Польши.

Die industrielle Entwickelung Polens.—Von Rosa Luxemburg, d-r der Staatswissenschaften, 1898.

Небольшая, но очень содержательная книжка г-жи Розы Люксембургъ, вышедшая въ прошломъ году въ Лейпцигѣ, задается цѣлью прослѣдить развитіе польской промышленности, преимущественно крупной, въ текущемъ столѣтіи и выяснить тѣ глубокія измѣненія, которыя внесены этимъ развитіемъ въ строй всѣхъ общественныхъ отношеній въ странѣ. Работа г-жи Люксембургъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ западнаго читателя, но она представляетъ не меньшій, если не большій еще интересъ и для русской публики. Экономическое развитіе Польши связано тысячью нитей съ народно-хозяйственною жизнью нашего отечества. Съ другой стороны, въ ходѣ экономической эволюціи въ значительной степени можно найти ключъ къ объясненію многихъ явленій въ сферѣ русско-польскихъ отношеній и не носящихъ на себѣ экономическаго характера. Въ виду всего этого мы сочли не безполезнымъ познакомить читателей „Русскаго Богатства", въ настоящей краткой замѣткѣ, съ содержаніемъ и главными выводами работы г-жи Люксембургъ. Другого сочиненія, затрогивающаго вопросъ съ тѣхъ же сторонъ, какъ это сдѣлано г-жею Люксембургъ, въ русской литературѣ мы не имѣемъ.

I.

Политическія событія начала нынѣшняго столѣтія рѣзко измѣнили положеніе Польши. Аристократическая республика, въ которой господствовало натуральное хозяйство и феодальная анархія, подпадаетъ подъ власть просвѣщеннаго абсолютизма и централистической бюрократіи. Весь финансовый, военный, судебный, правительственный механизмъ приспособляется къ потребностямъ современнаго государства, съ которыми экономическія отношенія Польши находятся въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи, такъ какъ

они концентрируются въ экстензивномъ крѣпостническомъ крупномъ землевладѣніи, не раціональномъ и потому мало доходномъ. Это землевладѣніе должно было перенести рядъ тяжелыхъ ударовъ: сперва войны за независимость, внутренніе раздоры, потомъ — наполеоновское хозяйничанье, континентальную систему, вызвавшую сокращеніе хлѣбнаго вывоза и паденіе цѣнъ, наконецъ, реформу крѣпостныхъ отношеній въ 1807 г. И не смотря на все это—оно оставалось почти единственнымъ источникомъ доходовъ государства, такъ какъ развитіе городскихъ ремеслъ, начавшееся въ XIII ст., закончилось полнымъ фіаско въ XVII ст., а попытки магнатовъ въ концѣ XVIII в. создать мануфактуру ни къ чему не привели. Въ результатѣ всего этого—землевладѣльцы очутились въ когтяхъ ростовщиковъ, въ то время единственныхъ представителей нарождающагося класса капиталистовъ. Въ какія нибудь двадцать лѣтъ ростовщичество совершенно обезсилило крупныхъ землевладѣльцевъ, и правительству пришлось подумать о созданіи новыхъ источниковъ дохода. 1820—30 гг. и были періодомъ нарожденія польской мануфактуры. Цѣлый рядъ мѣропріятій въ 1816—24 гг. имѣетъ цѣлью—привлечь въ Польшу иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ ремесленниковъ: имъ предоставляютъ даровыя помѣщенія, освобождаютъ на нѣкоторое время отъ податей и военной службы, основываютъ для нихъ кирпичные заводы, учреждаютъ особый колонизаціонный фондъ (въ 1822 г.—45,000 руб., въ 1823 г. уже—127,500 руб.). Въ десять лѣтъ переселились въ Польшу около 10 тысячъ нѣмецкихъ ремесленниковъ. Такимъ именно путемъ возникли крупнѣйшіе теперь промышленные центры: Лодзь, Згержъ, Рава, Пабяницъ и др. Тогда же переселились и крупные промышленники: Кокериль изъ Бельгіи, Фраже, Жираръ и др. Вмѣстѣ съ этимъ правительство предпринимаетъ рядъ юридическихъ, административныхъ и финансовыхъ реформъ. Уже наполеоновскій кодексъ создалъ въ 1808 г. юридическія формы для современной буржуазной жизни. Дальнѣйшія мѣропріятія упорядочили торговыя и промышленныя отношенія, улучшили водяные и шоссейные пути, создали образцовыя мастерскія и проч. Но самую могущественную поддержку нарождающаяся промышленность нашла въ императорскомъ указѣ 1828 г., учредившемъ польскій банкъ, по образу нѣмецкаго „Seehandlung“ и бельгійскаго „Société générale“, съ самыми разнообразными функціями. Этотъ банкъ, обладавшій первоначально капиталомъ въ 3 милліона, распоряжался въ 1876 г. капиталомъ въ 282 милліона. Онъ помогалъ одинаково земледѣлію и промышленности, за 50 лѣтъ своего существованія оказалъ различнымъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ кредитъ въ 91 милліонъ, основывалъ фабрики, заботился о путяхъ сообщенія: благодаря, главнымъ образомъ, ему была построена въ 1845 г. Варшавско-Вѣнская дорога.

Такимъ образомъ, дѣятельность правительства была первымъ важнымъ факторомъ развитія промышленности въ русской Польшѣ. Какія бы вліянія ни дѣйствовали позднѣе, происхожденіемъ своимъ она безъ сомнѣнія обязана инціативѣ и стараніямъ правительства. И въ другихъ странахъ, какъ Франція и Германія, мы встрѣчаемъ правительство у колыбели мануфактуры, видимъ его дѣятельное воздѣйствіе на судьбы промышленности. Но тамъ оно только помогало естественному развитію, основывавшемуся на накопленіи торговаго капитала, расширеніи рынковъ сбыта, техническомъ прогрессѣ ремесла. Въ Польшѣ же мануфактура, какъ нѣкогда ремесло, было вполнѣ и въ совершенно готовомъ видѣ импортированнымъ чужимъ продуктомъ, который ни въ техническомъ, ни въ общественномъ отношеніи не былъ связанъ съ экономическимъ развитіемъ страны.

Стремленія правительства нашли съ самаго начала очень благопріятную почву въ таможенной системѣ Польши. На вѣнскомъ конгрессѣ были приняты два важныя въ этомъ смыслѣ рѣшенія: во 1) Польша была присоединена къ Россіи, во 2) ей была гарантирована свобода торговли съ другими частями прежней Польши, другими словами съ Германіей и Австріей. Что касается сношеній съ Россіей, то постановленіями 1822 и 1824 гг. былъ введенъ свободный обмѣнъ продуктовъ той и другой страны *). Вполнѣ оцѣнить значеніе этой мѣры можно только тогда, если принять во вниманіе, что съ 1810 г. и особенно позднѣе, при Канкринѣ — Россія придерживалась по отношенію къ Европѣ строго-запретительной таможенной политики, окруживъ себя таможенною стѣною отъ ввоза европейскихъ фабрикатовъ. Послѣ соединенія съ Польшей Россія стала доступна съ этой стороны для нѣмецкаго ввоза. Польша стала мастерской, въ которой обработывались нѣмецкіе полуфабрикаты, проникавшіе почти безпошлинно сюда, и затѣмъ опять-таки безпошлинно ввозившіеся въ Россію. Такимъ именно путемъ въ нѣсколько лѣтъ расцвѣла польская суконная мануфактура. Возникши лишь въ 1817 г., она достигла въ 1829 г. годового производства въ 5.752,000 руб.,— очень крупной для того времени суммы.

Что этотъ быстрый ростъ вполнѣ зависѣлъ отъ русскаго потребленія, доказываютъ цифры ввоза шерстяныхъ фабрикатовъ въ Россію (въ тысячахъ руб.).

1823 г. — 1.865	1827 г. — 7.218
1825 г. — 5.058	1829 г. — 8.418

*) Сырье было совершенно свободно отъ пошлинъ, фабрикаты изъ собственнаго сырья облагаются пошлиною — 1%, изъ чужого — 3%, сахаръ—25% и хлопчатобумажныя матеріи—15%. Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ этотъ тарифъ былъ очень вреденъ: онъ препятствовалъ ввозу русскихъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ въ Польшу и благопріятствовалъ польскому вывозу шерстяныхъ издѣлій.

Эти цифры превышаютъ сумму годового производства въ Польшѣ, и это объясняется контрабанднымъ ввозомъ нѣмецкихъ товаровъ въ Польшу, откуда они уже свободно проникали въ Россію.

Къ тому же времени относятся торговыя связи Польши съ Китаемъ. Развивающееся шерстяное производство оживляющимъ образомъ дѣйствовало на остальныя отрасли промышленности, такъ что историкъ польскаго текстильнаго центра, города Лодзи, О. Флаттъ, справедливо называетъ тогдашнюю суконную торговлю съ Россіей и Китаемъ—„главнымъ двигателемъ промышленнаго развитія".

Польское возстаніе 1831 г. нанесло сильный ударъ этому развитію. Съ одной стороны, условія для промышленной дѣятельности были неблагопріятны; съ другой, пошлины на русской границѣ были сильно повышены. Вывозъ шерстяныхъ фабрикатовъ упалъ до 1.917,000 руб. въ 1832 г., и еще въ 1850 г. онъ едва достигъ половины прежней суммы (2.564,000 р.). Но постепенно польская промышленность оправилась отъ этого удара. Взамѣнъ русскаго внѣшняго рынка (основывавшагося, главнымъ образомъ, на поставкѣ сукна для арміи, а не на потребностяхъ русскаго населенія), она старается взять въ свои руки внутренній рынокъ, пользуясь поддержкой польскаго банка. Развиваются кожевенное, мыловаренное, сахарное, горное производства. Но процессъ развитія въ этомъ направленіи былъ очень медленный, потому что ему не благопріятствовала соціальная среда: натуральное хозяйство и слабость городского населенія. Черезъ 30 лѣтъ послѣ возникновенія мы встрѣчаемъ еще крайне неразвитую мануфактуру, зависящую отъ внутренняго рынка. Въ самой передовой отрасли, текстильной, господствуетъ еще ручная работа. Въ 1857 г. въ 12,542 „фабрикахъ" работаютъ 56,364 ч., а годовой оборотъ 21 милліонъ, т. е. на одну „фабрику" приходится 4—5 рабочихъ и 1,700 руб. годов. оборота.

Сообразно съ этимъ и роль городской индустріи въ общественной жизни была очень ничтожна вплоть до 50-хъ и даже до 60-хъ годовъ. Тонъ задавало землевладѣніе, которое враждебно относилось къ капиталистической промышленности, какъ къ иноземному „ядовитому растенію", какъ къ „нѣмецкому плутовству", виновному въ печальномъ положеніи польскихъ землевладѣльцевъ.

II.

Въ 50-хъ годахъ цѣлый рядъ различныхъ причинъ вліяетъ на то, что польской промышленности открывается болѣе обширный русскій рынокъ и, благодаря этому, мануфактура превращается въ настоящую крупную промышленность. Въ этомъ направленіи дѣйствовали:

1) Отмѣна таможенной границы между Россіей и Польшей и примѣненіе къ послѣдней общерусской таможенной политики. Такимъ образомъ, для Польши открылся громадный рынокъ, но чтобъ имъ воспользоваться, надо было преодолѣть много препятствій. Съ одной стороны, польская мануфактура, приспособленная къ маленькому внутреннему рынку, не обладала той способностью къ внезапному расширенію, какой обладаетъ настоящая фабричная промышленность; съ другой—между Польшей и Россіей не было современныхъ путей сообщенія. Наконецъ, рынокъ Россіи, вслѣдствіе господства крѣпостного права и натуральнаго хозяйства, былъ еще очень незначителенъ. Но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ скоро наступили крупныя перемѣны, содѣйствовавшія росту промышленности и усилившія вліяніе отмѣны таможенной границы.

Эти перемѣны были прежде всего результатомъ крымской войны, закрывшей доступъ заграничнымъ товарамъ черезъ южные порты, установившей значительный транзитъ черезъ Польшу и вызвавшей массовой запросъ на мануфактурные товары для русской арміи. Полотняная индустрія возрасла въ Польшѣ съ 1854 г. до 1860 г. на 72%, шерстяная на 113%, хлопчатобумажная на 183%. Въ то же время произошли рѣзкія измѣненія въ техникѣ производства: были введены ткацкія и прядильныя машины. Въ 1854 была основана знаменитая теперь Шейблеровская мануфактура въ Лодзи; въ 1857 г.—Жирардовская мануфактура перешла отъ ручного къ машинному труду.

2) Не менѣе сильно повліяла постройка цѣлаго ряда желѣзныхъ дорогъ межъ Польшей и Россіей. Въ 1862 г. Польша была связана съ Петербургомъ, въ 1866 г. съ Волынью и Бѣлоруссіей, въ 1870 г.—съ Москвою, въ 1871 г.—съ Кіевомъ, въ 1877 г.—съ югомъ Россіи. Къ этому присоединилось лихорадочное желѣзнодорожное строительство въ самой Россіи, открывавшее все большіе и большіе рынки сбыта для польскихъ товаровъ. Не смотря на удручающее вліяніе возстанія 63—64 г. на торговыя сношенія, производство Польши за 15 лѣтъ съ 1857 гг. возросло по однимъ источникамъ на 135%, по другимъ на 248%.

3) Послѣднимъ факторомъ является уничтоженіе крѣпостного права въ Россіи и Польшѣ. Какъ помѣщики, лишенные даровой работы, такъ и крестьяне, получавшіе деньги за свой трудъ, стали обращаться къ фабричнымъ продуктамъ. Налоговое бремя заставляло крестьянъ выносить свои продукты на рынокъ и тѣмъ разрушало натуральное хозяйство, подготовляя почву для денежнаго и для массового сбыта фабрикатовъ. Съ другой стороны, къ услугамъ капиталистовъ явилась масса „освобожденныхъ“ отъ орудій производства рабочихъ рукъ изъ превратившагося въ пролетаріатъ крестьянства.

Уже эти три фактора достаточны были, чтобъ создать на-

стоящую фабричную индустрію. Но къ нимъ присоединился еще четвертый, въ высшей степени важный, а именно русская таможенная политика. Небольшое смягченіе протекціонизма, послѣдовавшее послѣ крымской войны, смѣнилось все большимъ и большимъ обостреніемъ его. Протекціонизмъ создалъ тепличную атмосферу для монопольныхъ цѣнъ, которыя превратили польскую (какъ и русскую) индустрію въ настоящее эльдородо первобытнаго капиталистическаго накопленія. Съ 1877 года начинается періодъ лихорадочнаго грюндерства, громаднаго роста капиталовъ, колоссальнаго увеличенія производства. Въ милліонахъ рублей это выразилось такъ:

	Общая производительность.	хлопч.-бум. производ.	шерстяное.	полотняное.
1860	— 50,0	— 8,1	— 4,3	— 1,2
1870	— 63,9	— 10,2	— 4,0	— 1,2
1880	— 171,8	— 33,0	— 22,0	— 5,0
1890	— 240,0	— 47,6	— 35,5	— 6,5

Изъ крупныхъ фабрикъ было основано: до 1850 г.—18,1%; 1850-60,—6,8%; 1860-70—13,6%; 1870-80—29%; 1880—1886 32,5%.

Та же таможенная политика привлекла въ Польшу изъ Саксоніи и Силезіи цѣлыя крупныя предпріятія.

Рука объ руку съ этимъ развитіемъ производства шло коренное измѣненіе способовъ производства. Мѣсто маленькихъ фабричекъ занимали современныя крупныя промышленныя предпріятія, примѣняющія паровую силу и новѣйшія орудія техники. Концентрація промышленности видна изъ слѣдующей таблицы:

	1871	1880	1890
Количество рабочихъ	76.616	120.763	150.000
Годовое производство	66,7 милл.	171,8 м.	240 м.
На одно предпріятіе	3.239 р.	8.063 р.	71.248 р.
На одного рабочаго	882 р.	1.422 р.	1.600 р.

Сильнѣе всего этотъ процессъ выразился въ текстильной промышленности, особено же хлопчатобумажной, въ которой было веретенъ (въ тысячахъ):

1836 г.— 7,3	1879 г.—449,6
1850 г.— 61,3	1882 г.—467,6
1875 г.—385,5	1888 г.—600,0

Количество паровыхъ лошадиныхъ силъ поднялось съ 14.657 въ 1875 г. до 51.800 въ 1890 г.

Вся страна совершенно измѣнилась за эти 26 лѣтъ. Въ срединѣ ея маленькій городокъ Лодзь выросъ въ крупный тек-

стильный центръ,—„польскій Манчестеръ“ съ типичной внѣшностью фабричнаго города, съ безчисленнымъ множествомъ дымящихся фабричныхъ трубъ, почти исключительно фабричнымъ населеніемъ, жизнь котораго управляется фабричнымъ свисткомъ. Здѣсь можно найти цѣлый рядъ колоссальныхъ предпріятій, среди которыхъ Шейблеровская мануфактура съ производствомъ въ 15 милліоновъ и 7.000 рабочихъ занимаетъ первое мѣсто. На юго-западѣ, около прусской границы какъ бы изъ подъ земли выросъ цѣлый промышленный районъ, въ которомъ фабрики явились среди лѣсовъ и полей, предшествуя образованію городовъ и заранѣе все около себя группируя. Въ старой столицѣ—Варшавѣ, средоточіи всѣхъ ремеслъ, послѣднія сильно развились, но вмѣстѣ съ тѣмъ подпали подъ власть торговаго капитала. Мелкія и среднія самостоятельныя предпріятія замѣнились домашней промышленностью и на передній планъ выступаютъ громадные магазины, какъ средоточія товаровъ мелкихъ производителей. Предмѣстье Варшавы—Прага превратилось въ центръ крупной металлической индустріи, а громадная Жирардовская мануфактура около Варшавы—въ самостоятельный городокъ.

Насколько сильно было вліяніе измѣнившагося рынка, лучше всего видно по Лодзи. До 70-хъ годовъ здѣсь фабриковались хлопчатобумажныя ткани для ограниченнаго круга потребителей, преимущественно изъ зажиточныхъ классовъ. Но когда для польской промышленности широко открылся русскій рынокъ и когда постепенно наросталъ новый потребитель изъ умножающагося рабочаго класса, лодзинская текстильная индустрія должна была приспособиться къ новымъ запросамъ. Лодзинскіе фабриканты перешли къ изготовленію болѣе простыхъ и дешевыхъ фабрикатовъ, какъ трико и бумазея.

Что польская промышленность сумѣла хорошо воспользоваться своимъ благопріятнымъ положеніемъ, доказываетъ роль, которую она играетъ въ общерусскомъ производствѣ. Эта роль ярко иллюстрируется слѣдующими данными: въ 1890 году было

Въ милл. р.		Годов. произ.	На человѣка.
Вся Россія	—	1597	13,5 р.
Московскій районъ	—	460	38 „
Петербургъ	—	242	40 „
Польша	—	210	23 „

Такимъ образомъ, Польша и абсолютно, и относительно занимала третье мѣсто въ государствѣ. И это не смотря на то, что она насчитываетъ только 7,3% всего населенія Россіи. Въ отдѣльныхъ отрасляхъ это положеніе ея еще болѣе благопріятно, напр., полотняное производство даетъ 42% общаго количества, суконное 29,6%, шерстепрядильное—77% и т. д.

На основаніи оффиціальныхъ и частныхъ изслѣдованій можно

принять, что изъ продуктовъ польской индустріи Россія поглощаетъ двѣ трети, причемъ главными поставщиками являются текстильная, металлическая и угольная промышленности, т. е. области крупно-капиталистическаго производства. Проникновеніе польскихъ товаровъ на русскіе рынки происходило съ замѣчательною постепенностью и постоянствомъ, захватывая все болѣе и болѣе отдаленные пункты. Теперь польская индустрія готовится къ завоеванію азіатскаго рынка. Въ Варшавѣ основанъ „торговый восточный музей“, имѣющій спеціальной задачей знакомить фабрикантовъ съ вкусами и требованіями Азіи. Въ своемъ проспектѣ музей пишетъ: „наши товары странствуютъ теперь черезъ Донъ, Уралъ, Кавказъ, Каспійское море, въ Китай, Персію, Малую Азію. Но чтобы успѣть на этомъ поприщѣ, не надо навязывать покупателямъ своего вкуса, но приспособляться къ ихъ вкусамъ; надо производить для каждаго рынка то, что находитъ тамъ сбытъ... То, что мы до сихъ поръ изготовляли, предназначалось преимущественно для цивилизованныхъ, пришлыхъ слоевъ населенія. *Массы* стояли внѣ стремленій нашей индустріи. Но если мы хотимъ найти для нашей промышленности прочный фундаментъ, мы должны производить товары, соотвѣтствующіе вкуссу массъ и, слѣдовательно, изучить потребности ихъ“.

Такова въ короткихъ чертахъ исторія польской промышленности, которая стала теперь господствующимъ факторомъ всей общественной жизни, совершенно измѣнившейся за послѣдніе 25 лѣтъ. Какъ мы уже указывали, Польша до 60-хъ годовъ сохраняла характеръ земледѣльческой страны, въ которой землевладѣльцы были господствующимъ классомъ. Этому господству былъ нанесенъ серьезный ударъ крестьянской реформой. Необходимость прибѣгнуть къ денежному капиталу, чтобы продолжать хозяйство, сильно увеличила задолженность. Наступившій въ 80-хъ годахъ всеобщій аграрный кризисъ и паденіе хлѣбныхъ цѣнъ докончили дѣло.

Широкіе слои средняго дворянскаго землевладѣнія съ каждымъ днемъ приближаются къ гибели. 15% помѣщичьихъ хозяйствъ уже перешли въ нѣмецкія и еврейскія руки; другіе 15% были частями куплены крестьянами. Оставшіяся помѣстья обременены ипотечными долгами въ 80% (2/5 помѣстій даже въ 100%—250% стоимости). Раньше Польша была „житницей Европы“, исключительно производила хлѣбъ для мірового рынка; теперь она еле можетъ удовлетворить своимъ собственнымъ потребностямъ въ хлѣбѣ. Индустрія создала внутренній рынокъ, поглощающій весь продуктъ земледѣлія. Если Польша и вывозитъ еще пшеницу, то только потому, что получаетъ изъ Россіи большія количества дешевыхъ хлѣбовъ. Съ другой стороны, сельское хозяйство вынуждается изъ за паденія хлѣбныхъ цѣнъ переходить къ культурѣ такъ назыв. техническихъ растеній, нуж-

10*

ныхъ для промышленности, и къ скотоводству, эмансипируясь отъ чисто-зернового производства.

Излишне упоминать, что ремесло, гдѣ оно удержалось въ борьбѣ съ фабрикой, частью живетъ на счетъ усилившагося внутренняго потребленія.

Такимъ образомъ, индустрія стала теперь главнымъ опредѣляющимъ моментомъ въ хозяйственной жизни страны: она коренным образомъ измѣняетъ и подчиняетъ себѣ землевладѣніе, ремесло, торговлю, транспортъ. Польша, бывшая когда-то такой своеобразной въ соціальномъ отношеніи страной, теперь превратилась въ типическую капиталистическую страну. Механическій ткацкій челнокъ и паровой двигатель лишили ее оригинальной физіономіи и наложили нивеллирующій интернаціональный отпечатокъ. Уже въ 1884 г. Польшѣ пришлось пережить специфически капиталистическую болѣзнь — первый большой кризисъ. И все явственнѣе можно различить выступающія черты антагониста польскаго капитализма.

III.

Изъ предыдущаго ясна громадная роль русскаго рынка для польской промышленности. Но понятно, что при такомъ положеніи дѣла неминуема серьезная конкурренція между русскими и польскими капиталистами, неизбѣженъ все увеличивающійся антагонизмъ польской и русской буржуазіи. Этотъ антагонизмъ особенно рѣзко проявился въ извѣстной борьбѣ Москвы съ Лодзью.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, считать возгорѣвшуюся въ 80-хъ годахъ борьбу русскихъ фабрикантовъ противъ польскихъ совершенно новымъ явленіемъ. Начиная съ 1826 г. русскіе фабриканты неоднократно обращались къ правительству съ просьбами объ уничтоженіи тѣмъ или инымъ путемъ польской конкурренціи, хотя почти всегда безуспѣшно. Въ 1885 г. новую кампанію началъ г. Шараповъ двумя рѣчами въ Москвѣ и Иваново-Вознесенскѣ. Онъ явился выразителемъ взглядовъ московскихъ предпринимателей, обезпокоенныхъ наступившимъ паденіемъ цѣнъ (сравнительно съ возвышенными цѣнами послѣ 1877 г.) и быстрымъ ростомъ польскаго конкуррента, захватывавшаго рынокъ за рынкомъ. Г. Шараповъ началъ въ очень высокомъ діапазонѣ и представилъ борьбу московскаго ситца съ лодзинской бумазеей — поединкомъ славянской и германской расы. Онъ указалъ на преимущества поляковъ въ видѣ болѣе дешеваго (нѣмецкаго) кредита, дешевизны сырья, благопріятнаго (вслѣдствіе частныхъ соглашеній) желѣзнодорожнаго тарифа и меньшаго налоговаго бремени. Въ заключеніе г. Шараповъ призывалъ русское правительство къ борьбѣ съ „нѣмецкой“ промышленностью Польши и спасенію угнетенныхъ русскихъ и *польскихъ* (!) элементовъ.

Въ слѣдующемъ 1886 г. московскіе капиталисты отправляютъ уже депутацію въ Петербургъ съ всеноддан҃ѣйшею просьбою учредить между Польшею и Россіею таможенную границу.

Правительство назначило коммиссію для изслѣдованія этого вопроса изъ гг. Янжула, Ильина и Лангового; коммиссія признала за польскою индустріей преимущество дешеваго топлива, меньшаго постояннаго капитала, меньшихъ податей, лучшаго контингента рабочихъ и концентраціи предпріятій въ одномъ мѣстѣ, а за московской—болѣе дешевыя рабочія руки, болѣе дешевый фрахтъ къ мѣстамъ сбыта, доходы съ фабричныхъ лавокъ и обиліе водяныхъ двигателей. Коммиссія высказалась противъ всякихъ спеціальныхъ мѣръ по отношенію къ Польшѣ, такъ какъ „правительство врядъ ли допуститъ разсматривать Польшу въ торгово-промышленномъ отношеніи какъ чужую страну", и всякія спеціальныя мѣры были бы несправедливы по отношенію къ населенію Польши, состоящему изъ русскихъ подданныхъ.

Въ 1887 г. московскіе предприниматели снова обратились съ петиціей къ министру финансовъ на нижегородской ярмаркѣ, прося увеличить пошлину на хлопокъ и ввести дифференціальную пошлину на польской границѣ. Но теперь вступили въ борьбу и лодзинскіе фабриканты. На московскую петицію они отвѣтили контръ-петиціей, доказывая, что ихъ условія производства хуже, чѣмъ условія ихъ конкуррентовъ, что хлопчато-бумажныя фабрики центральнаго района приносятъ $8^2/_5\%$ дивиденда, а ихъ только $7^1/_2\%$, что фрахтъ на хлопокъ-сырецъ обходится до Москвы въ 35,77 к., а до Лодзи—въ 37,10 к., что новое ухудшеніе ихъ положенія очень затруднитъ для нихъ возможность продолжать дѣло.

Въ 1888 г. была назначена новая коммиссія, на этотъ разъ высказавшаяся за рядъ мѣръ въ защиту московскаго промышленнаго района противъ конкурренціи польской промышленности, находящейся въ лучшихъ условіяхъ. Съ другой стороны, новая петиція московскихъ фабрикантовъ жаловалась на затруднительное положеніе и требовала мѣропріятій противъ „паразитической" польской индустріи.

На это лодзинцы отвѣтили въ 1889 г. брошюрой „Борьба Москвы съ Лодзью", въ которой „безпристрастный непартійный наблюдатель" вновь указывалъ на ничтожность преимуществъ Лодзи и на многія невыгоды веденія дѣла сравнительно съ Москвою.

Также безрезультатна въ смыслѣ рѣшенія вопроса осталась работа коммиссіи подъ предсѣдательствомъ г. Лазарева. Въ 1891 г. вышло изслѣдованіе г. Бѣлова объ условіяхъ производства въ Польшѣ и центральной Россіи. Г. Бѣловъ становится на сторону Польши и ему удалось даже убѣдить г. Шарапова, заявившаго, что съ 1885 г. положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось и что Лодзь совершенно не заслуживаетъ никакихъ гоненій.

Мы такъ подробно остановились на спорѣ Лодзи съ Москвою, чтобы показать, какъ трудно составить себѣ безпристрастное мнѣніе и разобраться въ этихъ противоположныхъ аргументахъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, какъ легко безсознательно стать защитникомъ интересовъ одной изъ этихъ борющихся предпринимательскихъ котерій.

Сравненіе самыхъ важныхъ условій производства показываетъ, что польская индустрія гораздо лучше вооружена для конкурренціи, чѣмъ русская, особенно центральная. Хотя московскій районъ обладаетъ нѣкоторыми серьезными преимуществами въ хлопчатобумажномъ дѣлѣ (какъ, напр., изобиліе водяныхъ двигателей), или югъ Россіи въ желѣзодѣлательномъ (большія естественныя богатства, большая концентрація производства), хотя Москва гораздо ближе къ главнымъ рынкомъ сбыта текстильныхъ продуктовъ,—восточной Россіи и Азіи, но на сторонѣ Польши мы встрѣчаемъ болѣе важныя преимущества—лучшую рабочую силу, болѣе дешевое топливо (на нефтяные остатки нельзя долго разсчитывать при болѣе раціональной постанокѣ нефтяного дѣла), высшую технику въ производствѣ, лучшую организацію торговли. Всѣ эти преимущества имѣютъ постоянное значеніе и становятся все болѣе рѣшающими въ борьбѣ за рынки. Превосходство этихъ факторовъ надъ вліяніемъ такихъ преимуществъ, какъ близость къ рынкамъ, прекрасно доказала въ послѣднее время Германія, которая насчитываетъ теперь такія поразительныя побѣды на рынкахъ Англіи и англійскихъ колоній. И, конечно, гораздо сильнѣе вліяніе указанныхъ преимуществъ въ предѣлахъ одной и той же таможенной границы, гдѣ высота развитія производства имѣетъ рѣшающее значеніе. Прекрасную иллюстрацію этому мы можемъ найти въ исторіи польской желѣзной индустріи, которая, не смотря на многія естественныя невыгоды, тѣснитъ русскую въ самомъ центрѣ послѣдней, на югѣ, а въ остальныхъ частяхъ Россіи развивается за счетъ донецкой. Рядомъ съ польской индустріей—въ отношеніи высоты техники производства—можетъ быть поставленъ петербургскій районъ, и польскіе предприниматели могутъ только радоваться, что на самыхъ крупныхъ рынкахъ имъ приходится бороться не со сравнительно развитыми технически петербургскими фабриками, а съ московскимъ райономъ, въ которомъ царятъ болѣе длинный рабочій день (это условіе измѣнилось въ послѣднее время, благодаря новому закону), низкая рабочая плата, система фабричныхъ лавокъ (trucksystem), жизнь рабочихъ въ казармахъ, громадные запасы сырья, короче—всѣ условія, характерныя для экономической и технической отсталости.

Возможность одновременнаго существованія рядомъ другъ съ другомъ такихъ различныхъ ступеней производственной техники, какъ польская и петербургская, съ одной стороны, и московская—

съ другой, объясняется двумя обстоятельствами: во-первыхъ, обширностью русскаго рынка, на которомъ всѣ конкурренты находятъ еще достаточно мѣста; во-вторыхъ, созданной нашей таможенной политикой тепличной атмосферой, держащей этотъ громадный рынокъ въ монопольномъ обладанiи туземныхъ—русскихъ и польскихъ—предпринимателей.

IV.

Изъ предыдущаго ясно, что Польша, насколько дѣло зависитъ отъ свободной конкурренціи между польской и русской промышленностью, можетъ разсчитывать на прочное развитіе своей капиталистической индустріи, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ предѣлахъ, которые будутъ поставлены капиталистическому развитію Россіи всеобщими судьбами міроваго хозяйства.

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ выясненію другого фактора, отъ котораго зависитъ будущее польскаго капитализма, а именно къ *экономической политикѣ*. Этотъ вопросъ вызывалъ въ послѣднее время много преній и даже было высказано мнѣніе, что съ средины 80-хъ годовъ началась для польской индустріи „эра преслѣдованія".

Собственно, для опроверженія послѣдняго мнѣнія достаточно было бы просто сослаться на ростъ польской промышленности до послѣднихъ дней и притомъ все въ томъ же быстромъ темпѣ.

Изъ цифровыхъ данныхъ, приведенныхъ въ книгѣ г-жи Люксембургъ, видно, что за семилѣтіе, 1885—92, общая сумма дохода необложенной акцизами промышленности возросла на 69%; для промышленности текстильной такой приростъ составлялъ 70% (въ бумаго-пряденіи и бумаго-ткачествѣ—40%, въ шерстяной и суконной промышленности —77%, въ прочихъ производствахъ 101%). Въ горномъ дѣлѣ за десятилѣтіе 1885—95 гг. добыча чугуна возросла на 352%, стали на 229%, угля—на 103%; только въ желѣзодѣлательной промышленности обнаруживается нѣкоторый регрессъ (на 14%), объясняемый общимъ и для Польши и для южной Россіи процессомъ усиленнаго развитія за послѣднее время выдѣлки стали на счетъ желѣза.

Еще интереснѣе сравненіе развитія польской индустріи въ послѣдній періодъ, 1885—1895, съ предшествующимъ, который считается эрой расцвѣта.

	Доходъ (милл. р.):		Выработка (милл. пуд.):			
	въ промышл. необл. акциз.	въ текстильной.	чугунъ.	желѣза и стали.	угля.	
1871—1885	90.4	48.6	1.1	5.7	96.7	за 14 лѣтъ
1885—1892	93.5	46.7	—	—	—	„ 7 „
1885—1895	—	—	8.8	4.9	112.5	„ 10 „

Ежегодный прирост въ послѣднемъ періодѣ былъ *больше*, чѣмъ въ предшествующемъ:

въ общей индустріи	на	107%
„ текстильной	„	90%
„ производствѣ желѣза и стали.	„	20%
„ угольной	„	63%
„ добычѣ чугуна	„	1020%

Если прибавить къ этимъ статистическимъ даннымъ свѣдѣнія о новѣйшихъ завоеваніяхъ польской промышленности на русскихъ и азіатскихъ рынкахъ, то придется согласиться, что мнѣніе о начавшемся паденіи индустріи въ Польшѣ построено на полномъ незнакомствѣ съ фактами. Нѣтъ ни одного признака на тѣлѣ польскаго капитализма, который указывалъ бы на какую-нибудь внутреннюю болѣзнь; напротивъ, онъ растетъ и процвѣтаетъ „so herrlich wie am ersten Tag". Но все-таки мы считаемъ не лишнимъ поближе познакомиться съ вопросомъ объ экономической политикѣ въ Польшѣ.

Мы получимъ невѣрное понятіе объ этой политикѣ, если остановимся только на отдѣльныхъ, частныхъ мѣропріятіяхъ, вродѣ новой пошлины или измѣненія желѣзнодорожнаго тарифа. Такъ, напр., много шуму вызвала дифференціальная пошлина на хлопокъ въ 1887 г. (за ввозимый чрезъ польскую границу брали на 15 к. зол. больше), и польскіе фабриканты заявляли, что ихъ индустріи нанесенъ смертельный ударъ. Въ 1894 г., по торговымъ договорамъ съ Германіей, эта надбавка была отмѣнена. Тоже самое было и съ дифференціальной пошлиной на уголь, которую Шульце-Геверницъ, а за нимъ и англійскія „синія книги" считали за мѣру угнетенія польской индустріи. Въ 1894 г. она была уменьшена на половину. Мѣняются ежегодно и желѣзно-дорожные тарифы. Чтобъ правильно судить объ экономическихъ отношеніяхъ Польши и Россіи, надо глубже вглянуть на дѣло. Если судить по борьбѣ московскихъ и лодзинскихъ фабрикантовъ, то легко придти къ убѣжденію, что польская и русская буржуазія, это—два лагеря, интересы которыхъ безусловно противоположны другъ другу и которые на ножахъ другъ съ другомъ. Однако, такое мнѣніе совершено ошибочно.

Прежде всего противъ него говоритъ то обстоятельство, что между промышленостью той и другой стороны существуетъ очень далеко идущее *дѣленіе труда*. Польша доставляетъ Россіи шерстяную пряжу, машины, уголь и пр., а получаетъ отъ нея шерсть, чугунъ, коксъ и хлопокъ. Уже одно это обусловливаетъ, что интересы нѣкоторыхъ *польскихъ* фабрикантовъ совпадаютъ съ интересами *русскихъ* производителей сырья и, наоборотъ, русскихъ фабрикантовъ и польскихъ прозводителей полуфабрикатовъ: южно-русскимъ овцеводамъ, среднеазіатскимъ хлопчатни-

камъ и русскимъ фабрикантамъ шерстяныхъ матерій одинаково невыгодно, напр., повышеніе желѣзно-дорожнаго тарифа.

Далѣе, польскіе и русскіе капиталисты очень тѣсно соединяются, когда нужно бороться противъ общаго иноземнаго врага; конечно, путемъ ходатайствъ о повышеніи пошлинъ. Примѣровъ этому сколько угодно въ исторіи нашей таможенной политики.

Такимъ образомъ ни одинъ изъ обоихъ лагерей не является тѣсно сплоченной фалангой; наоборотъ, — оба они состоятъ изъ разрозненыхъ отрядовъ, въ обоихъ свирѣпствуетъ борьба противоположныхъ интересовъ, соперничество аппетитовъ. Но оба лагеря тѣсно соединяются, забывая о національныхъ разногласіяхъ, когда можно сорвать что нибудь съ соотечественниковъ, потребителей. Не поляки и русскіе борются здѣсь другъ съ другомъ, а капиталисты-ткачи, машиностроители, земельные собственники; на знаменахъ всѣхъ партій—одна и та же эмблема международнаго капитализма. И всѣ эти интересы, часто столь противоположные, находятъ одинакое выраженіе въ господствующей экономической политикѣ. Наилучшей иллюстраціей этому могутъ служить польскія и русскія ходатайства о „воспособленіяхъ". Лодзинскіе фабриканты, которыхъ такъ часто принимаютъ за представителей всей польской буржуазіи, очень охотно подставляютъ ножку своимъ бѣлостокскимъ и сосновицкимъ соотечественникамъ. „Если ужъ говорить о конкурренціи, пишутъ они, то гораздо опаснѣе для Москвы Бѣлостокъ и его районъ". А насчетъ Сосновицъ они тонко намекаютъ, что тамъ цѣлая треть рабочихъ—нѣмцы, у нихъ же, слава Богу—не больше 8%... И московскіе капиталисты не отстаютъ въ братской любви къ соотечественникамъ. „Какъ малыя, такъ и многомилліонныя затраты, пишетъ приверженное ихъ интересамъ „Новое Время", назначены исключительно для западной и южной части Россіи. Вся центральная область почти совершенно забыта" и дальше все въ томъ же жалобномъ тонѣ. Какъ быстро укореняется этотъ своеобразный капиталистическій патріотизмъ, показываетъ исторія съ владѣльцами „варшавской фабрики стали", которые перенесли ее въ 1887 г. въ Екатеринославскую губернію, а въ 1889 г. вмѣстѣ съ прочими интернаціональными властелинами этого района ходатайствовали о мѣрахъ противъ конкурренціи польскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ!

Еще болѣе классическій примѣръ представляетъ исторія съ дифференціальнымъ желѣзнодорожнымъ тарифомъ, съ 1889 по 1896 г. Когда дешевый хлѣбъ изъ отдаленныхъ районовъ наводнилъ пограничныя мѣста и экспортные пункты, въ борьбу вступили, съ одной стороны, представители землевладѣнія приволжскихъ губерній и польскіе фабриканты, которымъ выгоденъ былъ дешевый хлѣбъ, съ другой,—прибалтійскіе, южные, *польскіе* и *московскіе* аграріи.

Можно было бы привести еще сколько угодно примѣровъ, показывающихъ, что интерессы польскихъ и русскихъ предпринимателей далеко не противорѣчатъ во всѣхъ пунктахъ другъ другу, а очень часто и совпадаютъ. Но и въ цѣломъ польская индустрія тѣсно связана съ интересами части русской буржуазіи, особенно представителей двухъ крупныхъ факторовъ экономической жизни, кредита и путей сообщенія. Развитіе польской индустріи и связанное съ этимъ увеличеніе польскаго сбыта, конечно, на руку русскимъ желѣзнымъ дорогамъ и банкамъ. Въ 1894 г. правленіе Рязанско-Уральской дороги обратилось къ варшавскимъ предпринимателямъ съ предложеніемъ уступить имъ безвозмездно мѣста на всѣхъ станціяхъ для устройства складовъ, чтобъ увеличить польскій сбытъ въ приволжскомъ районѣ. Какъ это гармонируетъ со стремленіемъ московскихъ фабрикантовъ изгнать польскіе товары изъ русскихъ рынковъ!

Другой примѣръ.

Недавно желѣзнодорожный департаментъ обратился къ лодзинскимъ фабрикантамъ съ запросомъ, насколько нужно понизить тарифъ на линіи Одесса—Лодзь, чтобы привлечь къ ней транспортъ хлопка, идущаго теперь изъ за-границы по австрійскимъ дорогамъ; и фабриканты потребовали сбавки въ 30%.

Не менѣе существенныя услуги оказываютъ польскимъ предпринимателямъ банки. Благодаря Азовско-Донскому и другимъ банкамъ польскіе мануфактуристы нашли доступъ въ отдаленные восточные рынки. Вездѣ національныя границы уступаютъ мѣсто капиталистическимъ интересамъ и послѣдніе тѣсно спаиваютъ то, что раздваивается первыми.

Но наиболѣе энергично эта сплачивающая сила капитализма выступаетъ тогда, когда надо общими стараніями защищать внутренній рынокъ отъ иноземнаго вторженія, когда надо отстоять монопольную реализацію прибавочной стоимости на счетъ потребителей. Еще не успѣли въ 1888 г. остынуть враждовавшіе межъ собою московскіе и лодзинскіе капиталисты, какъ они дружно стали ходатайствовать о повышеніи пошлины на заграничныя ткани, о возвращеніи пошлинъ и пр. Вполнѣ справедливо по этому поводу писалъ польскій „Край", что очень много обыкновенно говорятъ о противоположности интересовъ обоихъ районовъ, а забываютъ о существующей также общности интересовъ, притомъ въ самыхъ важныхъ пунктахъ. Та-же гармонія проявляется при защитѣ монополіи прибылей отъ „нѣмцевъ". Московскіе предприниматели ссылались всегда на значительную роль нѣмецкихъ элементовъ въ польской промышленности, маскируя такимъ патріотическимъ нападеніемъ свои ситцевые и бумазейные интересы и полагая, что наносятъ этимъ серьезный ударъ соперникамъ. Но когда появились указы 1887 и 1892 гг., ограничившіе права иностранцевъ, польская буржуазія выразила свое не-

довольство... недостаточной строгостью ихъ! „Ateneum“ писалъ: „распоряженіе о знаніи русскаго или польскаго языковъ иностранцами (занимающими какія-нибудь должности на фабрикахъ) внесло выгодную перемѣну, очистивъ поле для туземныхъ силъ... *хотя дѣло далеко еще не обстоитъ такъ, какъ оно могло и должно было быть*“.

Изъ этого краткаго обзора фактовъ видно, что польская и русская буржуазія въ многихъ и важныхъ вопросахъ тѣсно связаны. Эта общность интересовъ создана раздѣленіемъ труда въ производствѣ, дѣлающимъ послѣднее единымъ организмомъ, таможенной системой, сливающей всѣхъ русско-польскихъ предпринимателей въ одну буржуазію, и общностью рынка, обусловливающей зависимость русскихъ банковъ и желѣзныхъ дорогъ отъ польскаго сбыта. Съ каждымъ днемъ интересы польскихъ и русскихъ предпринимателей все болѣе сливаются, и этому они въ значительной степени обязаны таможенной политикѣ, стремящейся закрыть доступъ въ Россію не только заграничнымъ фабрикатамъ, но и заграничному сырью, какъ бы тяжело это ни было для потребителей. Польская индустрія постепенно переходитъ отъ американскаго и индійскаго хлопка къ средназіатскому, отъ саксонской и силезской шерсти къ южно-русской. Вмѣстѣ съ этимъ ростетъ взаимная зависимость польскаго и русскаго производства, и все болѣе широкіе слои русской буржуазіи дѣлаются соучастниками горестей и радостей польской индустріи.

Конечно, на ряду съ этой солидарностью интересовъ ростетъ и вражда, конкурренція, соперничество. Именно раздѣленіе труда въ производствѣ, общая таможенная граница и общій рынокъ сбыта — дѣлаютъ различныя группы буржуазіи противниками, и каждой частичной солидарности интересовъ соотвѣтствуетъ частичный антагонизмъ. Земельная собственность борется съ индустріей, фабрикація готовыхъ продуктовъ съ выдѣлкой полуфабрикатовъ, послѣдняя съ добычей сырья, производство съ транспортомъ; въ предѣлахъ всѣхъ этихъ отраслей промышленности одинъ районъ борется съ другимъ, а въ предѣлахъ отдѣльныхъ районовъ каждый капиталистъ со своими конкуррентами. Но это уже типическая картина капиталистическаго хозяйства: bellum omnium contra omnes,—борьба, не имѣющая ничего общаго съ національными границами, часто даже стирающая послѣднія, особенно когда онѣ не совпадаютъ съ границами различныхъ способовъ производства.

Борьба Лодзи съ Москвою — только эпизодъ этой всеобщей войны. Въ основѣ ея мы находимъ только соперничество ситцевыхъ королей съ бумазейными баронами, окутывающими свой тривіальный хлопчато-бумажный объектъ раздора идеологическимъ покровомъ національной распри. При случаѣ противники и сами готовы примириться (такъ въ 1897 г. выплылъ на свѣтъ проектъ

картеля Москвы съ Лодзью — путемъ разграниченія предметовъ производства), и вмѣстѣ выступить противъ общихъ враговъ; наконецъ, они находятъ очень легко союзниковъ въ чужомъ и враговъ въ своемъ собственномъ національномъ лагерѣ.

Въ этой разъединенности отдѣльныхъ интересовъ и тѣсномъ переплетѣ групповыхъ лежитъ самая сильная гарантія правильнаго развитія польскаго капитализма, защита противъ возможныхъ давленій извнѣ. Та или другая мѣра можетъ невыгодно отозваться на отдѣльныхъ отрасляхъ польской индустріи, но въ цѣломъ послѣдней гарантировано свободное развитіе, тѣсно связанное съ общимъ капиталистическимъ развитіемъ Россіи и общей русской экономическою политикою. Это развитіе находитъ поддержку и въ общей политикѣ. Профессоръ Менделѣевъ писалъ въ 1893 г. въ оффиціальномъ отчетѣ: „продукты этой и многихъ другихъ польскихъ фабрикъ находятъ все возрастающій сбытъ во всей Россіи; путемъ конкурренціи этого промышленнаго района съ московскимъ достигается, съ одной стороны, основная задача протекціонистской политики Россіи, съ другой стороны, ассимиляція Польши съ Россіей“. Если и приходится считаться съ мѣрами, направленными противъ польской промышленности, то только въ томъ смыслѣ, что заставляютъ ее переходить отъ употребленія иностраннаго сырья къ русскому. Дифференціальная пошлина на хлопокъ, уголь, чугунъ стремилась не уничтожить польскую индустрію, а помочь русскимъ производителямъ сырья и тѣснѣе связать польскую и русскую буржуазіи. Наконецъ, тамъ, гдѣ наиболѣе проявляется антагонизмъ интересовъ той и другой буржуазіи, въ борьбѣ за одни и тѣ же рынки, эта конкурренція вовсе не противорѣчитъ, а, напротивъ, совпадаетъ съ общею политикою Россіи. Въ послѣдніе годы идетъ серьезная борьба за азіатскіе рынки. Своеобразное экономическо-политическое развитіе Россіи вызвало то, что политика часто въ своихъ интересахъ беретъ на себя иниціативу промышленнаго прогресса. Въ большинствѣ капиталистическихъ странъ промышленность, для которой становятся тѣсны внутренніе рынки, побуждаетъ правительства отыскивать новые — путемъ завоеванія или договоровъ; у насъ, наоборотъ, политика стремится вызвать вывозъ продуктовъ въ тѣ страны, которыя входятъ въ сферу политическаго вліянія, чтобъ поставить ихъ въ экономическую зависимость отъ Россіи. И не смотря на рядъ мѣропріятій въ этомъ направленіи, намъ приходится констатировать поразительное равнодушіе и апатію нашихъ предпринимателей, постыдное фіаско на близкихъ къ намъ рынкахъ. Чтобъ не пестрить статью цифрами, приведемъ только немногія.

Даже въ собственной странѣ, на далекомъ Востокѣ—русская промышленность почти не подвигается впередъ; ввозъ во Владивостокъ былъ:

	Изъ Россіи.	Изъ-за границы.
	Въ тысячахъ.	
1887 г. .	2.016	3.725
1888 г. .	2.121	3.763
1889 г. .	2.385	3.325

Въ общемъ ввозѣ въ Китай, равняющемся около 330 милл. рубл., Россіи принадлежало:

Въ тысячахъ рублей.

1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.
4.896	4.782	4.087	4.488

Постройка Закаспійской дороги, на которую возлагали такія большія надежды, оказалась на самомъ дѣлѣ прекраснымъ торговымъ путемъ... для англичанъ, ввозящихъ теперь массу продуктовъ въ Афганистанъ. Русскій вывозъ въ Хиву, Бухару, Туркестанъ и Закаспійскую область послѣ нѣкотораго подъема опять сталъ падать:

Въ тысячахъ.

1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.
1.141	1.296	1.685	2.922	2.102	1.854

Бухара получила черезъ четыре главныхъ станціи Закаспійской дороги:

	Пудовъ.					
	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.
Русск. продуктовъ .	572	1.176	1.863	923	267	244
Англійск. продуктовъ .	1.160	4.209	8.516	12.761	4.443	16.154

Въ 1888—90 г. (за 25 мѣсяцевъ) Россія вывезла въ Афганистанъ — 163 тыс. пудовъ, а въ 1893 г. (за 12 мѣс.) — 10 тыс. пудовъ!

Нѣкоторымъ успѣхомъ пользуются русскіе только въ Персіи. Въ сѣверныхъ провинціяхъ русскіе текстильные продукты совершенно вытѣснили англійскіе, но въ общемъ персидскомъ ввозѣ Россія, по оффиціальнымъ источникамъ, играетъ еще очень незначительную роль.

Эти неуспѣхи русской промышленности объясняются не одною только техническою отсталостью. Даже тамъ, гдѣ русскіе товары не уступаютъ качествомъ иностраннымъ, они терпятъ пораженіе. Виною этого является весь habitus русской промышленности. Осыпанная всевозможными льготами и воспособленіями, привыкшая къ громаднымъ монопольнымъ прибылямъ, защищенная на внутреннемъ рынкѣ отъ всякой иноземной конкурренціи, она не видитъ надобности подвергать себя воздѣйствію суровыхъ условій міроваго рынка; она страдаетъ, такъ сказать, гипертрофіей прибыли и обращается къ внѣшней торговлѣ преимущественно для того, чтобы получить

вывозныя преміи, прибѣгая нерѣдко къ самому грубому обману (такъ, напр., въ 1890 и 1891 гг. въ Бухару и Хиву была ввезена масса московскаго ситца, который гораздо болѣе пригоднымъ оказался для крашенія яицъ, чѣмъ для одежды; понятно, въ слѣдующемъ году населеніе обратилось къ англійскимъ фабрикатамъ).

Такимъ образомъ, торговая дѣятельность центральныхъ районовъ, представителемъ которыхъ является Москва, противорѣчитъ усиліямъ русской экономической политики и развитіе конкуренціи *внутри* нашей таможенной границы можетъ только способствовать этимъ усиліямъ, принуждая москвичей нереходить къ болѣе совершенной техникѣ. Этимъ объясняется не только покровительство польскому капитализму, но и предстоящее включеніе Финляндіи въ 1903 г. въ обще-русскую таможенную границу. Съ другой стороны, и непосредственные успѣхи Польши на азіатскихъ рынкахъ, въ Турціи и славянскихъ земляхъ вполнѣ соотвѣтствуютъ задачамъ русской политики. Хорошо это выражено оффиціознымъ „Варшавскимъ Дневникомъ". „Какъ разъ на открытіе новыхъ рынковъ сбыта въ средней Азіи и Персіи разсчитываемъ мы для роста нашей промышленности... Наша торговля со среднею Азіею и Персіей еще не пустила глубокихъ корней, и представители русской торговли должны будутъ еще не одну побѣду одержать надъ англійской конкурренціей, чтобъ завоевать эти рынки сбыта для Россіи. Въ виду общаго врага московскіе и польскіе предприниматели должны соединить свои силы, чтобъ добиться общей цѣли... Самая главная цѣль для Россіи въ настоящій моментъ на азіатскихъ рынкахъ—изгнаніе англійскихъ товаровъ. Второстепеннымъ вопросомъ является, какой изъ обоихъ промышленныхъ районовъ больше сдѣлаетъ для достиженія этой цѣли..."

Изъ предыдущаго ясно, что всѣ опасенія за будущее польскаго капитализма, поскольку оно зависитъ отъ общей экономической политики, лишены всякаго основанія. Польшѣ не только не предстоитъ экономическаго обособленія отъ Россіи, но, напротивъ, тенденція польскаго капиталистическаго производства заключается въ томъ, чтобы съ каждымъ годомъ тѣснѣе связывать Польшу съ Россіей. Здѣсь проявляется общая тенденція капитализма, стремящагося соединить матеріальными связями самыя отдаленныя мѣста. Наиболѣе сильно эта тенденція, естественно, проявляется въ предѣлахъ одной и той же страны, однѣхъ и тѣхъ же политическихъ и таможенныхъ границъ. Капиталистическое развитіе Польши и Россіи привело къ тѣмъ же результатамъ. До тѣхъ поръ, пока обѣ страны были преимущественно земледѣльческія и въ нихъ господствовало натуральное хозяйство, т.-е. до шестидесятыхъ годовъ, онѣ были экономически обособлены, съ особыми экономическими интересами. Но когда и здѣсь, и тамъ началось фабричное производство въ крупныхъ размѣрахъ, когда

натуральное хозяйство уступило мѣсто денежному, когда промышленность стала вліятельнымъ факторомъ общественной жизни,—исчезаетъ все больше и больше обособленность хозяйственной жизни той и другой страны. Обмѣнъ и дѣленіе труда завязали между Россіей и Польшей тысячи нитей, многообразные экономическіе интересы такъ тѣсно переплелись, что польская и русская экономика составляютъ теперь, въ сущности, лишь одинъ сложный механизмъ. Старые пути общественнаго развитія теряютъ подъ вліяніемъ этого новаго механизма свое прежнее значеніе. Выдвигаются для каждаго класса новыя задачи, смотря по его общественной роли и экономическому положенію.

Мы закончили изложеніе интересной диссертаціи г-жи Розы Люксембургъ, стараясь все время возможно вѣрнѣе передать ходъ ея мыслей и доказательствъ. Поскольку она держится исключительно анализа развитія польскаго капитализма (вѣрнѣе—крупнаго капитализма), условій его роста, его конкурренціи на внутреннемъ и внѣшнихъ рынкахъ, можно признать ея анализъ совершенно правильнымъ. Она успѣшно борется съ пережившими себя иллюзіями, со стремленіемъ подставить на мѣсто реальныхъ фактовъ суровой жизни—грезы и неосновательныя надежды. Но г-жа Люксембургъ не ограничилась областью точнаго изслѣдованія извѣстной категоріи фактовъ. Она строитъ и болѣе широкіе выводы, — выходящіе изъ предѣловъ тѣхъ фактическихъ матеріаловъ, какіе введены въ кругъ ея изслѣдованія,—и потому, къ сожалѣнію, мало обоснованные. Выводы, полученные изъ анализа интересовъ и экономическаго положенія одного только класса крупныхъ капиталистовъ, она распространила на все общество. Это было бы невѣрно даже и въ классической странѣ обособленныхъ классовъ, въ Англіи. Тѣмъ болѣе ложный это методъ—въ такой странѣ, какъ Польша, которая, какъ признаетъ самъ авторъ, еще переживаетъ переходный моментъ отъ однѣхъ формъ производства къ другимъ. Здѣсь очень многое еще не установилось; очень крупную роль играютъ промежуточные классы съ совершенно своеобразными классовыми задачами. Нельзя пройти мимо нихъ, ограничиваясь лишь замѣчаніемъ, что ихъ роль де сыграна, что они должны непремѣнно перейти ошую или одесную. Вѣдь и на Западѣ приходится очень сильно съ ними считаться, и тамъ общественная мысль, особенно въ средѣ новаторовъ, страстно ищетъ коррективовъ къ слишкомъ прямолинейнымъ программамъ. Тѣмъ болѣе приходится считаться съ ними въ Польшѣ, которая, хотя и выдѣляется въ промышленномъ отношеніи болѣе развитымъ, сравнительно съ Россіей, капитализмомъ, но все-таки далека отъ чисто-капиталистической страны. Если бы Роза Люксембургъ ввела

въ анализъ общественныхъ отношеній Польши и другіе соціальные классы, если бъ она больше вниманія удѣлила не только насущнымъ задачамъ настоящаго, но и пережиткамъ прошлаго, то ея проекціи въ будущее тоже должны были бы измѣниться.

М. Рафаиловъ.

Хроника внутренней жизни.

I.

Переселеніе духоборовъ въ Америку.

Въ офиц. органѣ „Кавказъ" была помѣщена слѣдующая телеграмма отъ 12 декабря пр. года: „Сегодня черезъ Александрополь и Акстафу прослѣдовали въ Батумъ 650 карскихъ духоборовъ-постниковъ. Остальные 2,250 духоборовъ, по возвращеніи изъ Акстафы фургоновъ и лошадей, распродадутъ ихъ и также отправятся въ Канаду. Зафрахтованъ уже пароходъ за 61 тыс. рублей... Необычайное переселеніе всюду производитъ удручающее впечатлѣніе".

„Послѣдняя партія духоборовъ,—читаемъ мы затѣмъ,—уходитъ изъ Карской области весною. Купецъ армянинъ и нѣсколько другихъ армянъ подали заявленіе объ арендованіи ихъ земель (тридцат тыс. десятинъ) („Нов. Вр.")".

Такимъ образомъ послѣдніе разсчеты удаляющихся духоборовъ съ родиной къ веснѣ будутъ уже покончены. Но уже январь мѣсяцъ нынѣшняго года несетъ намъ извѣстіе съ другой стороны: къ концу декабря духоборы были уже въ Англіи, а 8-го января, по свѣдѣніямъ Times'а, пароходъ „Lake Huron" съ русскими духоборами въ числѣ 2,296 человѣкъ, присталъ къ берегамъ Канады. Другая партія въ 2 тысячи человѣкъ ожидалась черезъ недѣлю. „Канадское правительство,—сообщалось въ телеграммахъ,—сдѣлало обширныя приготовленія для принятія и содержанія переселенцевъ, пока можно будетъ устроить ихъ на новыхъ земляхъ". 13 (25) января „Таймсу" телеграфировали изъ Оттавы, что „черезъ этотъ городъ прошли 5 спеціальныхъ поѣздовъ съ духоборами. Дамы-благотворительницы угощали дѣтей пряниками и фруктами"...

Эти извѣстія открываютъ новую страницу въ исторіи русскихъ переселеній вообще. До сихъ поръ главныя теченія нашихъ переселеній направлялись на востокъ, въ „пустынныя мѣста" Сибири, и на юго-западъ, въ придунайскія степи и плавни. Рус-

скія поселенія старообрядцевъ и сектантовъ можно было встрѣтить въ Галичинѣ и Буковинѣ, въ Румыніи, Добруджѣ и Турціи, куда наши разновѣрцы уходили изстари, когда еще эти мѣста тоже можно было считать „пустынными“. И притомъ, эти поселенія русскихъ выходцевъ жались всетаки не въ далекѣ отъ родной границы. Въ Америку переселялись въ сколько нибудь замѣтномъ количествѣ поляки, частью латыши. 80-е и начало 90-хъ годовъ доставили Новому Свѣту значительныя массы русскихъ евреевъ, и теперь стоитъ вамъ пройти по нѣкоторымъ улицамъ Нью-Іорка или по State-street въ Чикаго, разговаривая съ кѣмъ нибудь по русски,—чтобы васъ десятки разъ остановили русскими же восклицаніями—земляки-еврей. Но это всетаки русскіе инородцы. Въ 70-хъ годахъ одинъ туристъ писалъ изъ Америки о цѣломъ поселкѣ чисто уже русскихъ людей на дальнемъ Западѣ. Это были, будто бы, бѣглые изъ Сибири, основавшіе патріархальную общину, съ какимъ то „Дѣдомъ“, бывшимъ каторжникомъ, во главѣ. Авторъ разсказывалъ много чудеснаго объ этой общинѣ, но, къ сожалѣнію, впослѣдствіи никто не могъ розыскать въ Америкѣ этого замѣчательнаго поселка. Такимъ образомъ въ лицѣ духоборовъ чисто русское племя открываетъ дѣйствительно новую страницу колонизаціи: пассажиры „Lake Huron“ впервые еще оставляютъ между собой и родиной цѣлый материкъ съ огромнымъ океаномъ и пускаются со своей „вѣрой“ и своими исканіями, въ своихъ кумачевыхъ рубахахъ и сарафанахъ и въ своихъ синихъ кафтанахъ—въ самое сердце „новаго свѣта“, съ его совершенно незнакомымъ религіознымъ броженіемъ и общественно-политическимъ укладомъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ русскому туристу въ Америкѣ будетъ предстоять чрезвычайно любопытная поѣздка въ духоборческія поселенія. А черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ время уже рѣшитъ вопросъ: останется ли въ Новомъ Свѣтѣ русская рѣчь и отличительныя черты русскаго племени, можетъ быть, даже окрѣпнутъ,—за первыми партіями послѣдуютъ другія и зерно станетъ разростаться на новой почвѣ,—или, наоборотъ, и русская рѣчь, и русскіе племенные признаки исчезнутъ въ англосаксонскомъ потокѣ...

А пока, далеко, конечно, не претендуя на полноту изложенія, мы постараемся занести въ нашу хронику тѣ черты этого несомнѣннаго историческаго факта, которыя остались уже позади.

Возникновеніе духоборческой секты относятъ къ 1740 году, приписывая начало ея какому-то иностранцу квакеру. Несомнѣнно, однако, что элементы этого броженія можно прослѣдить и значительно ранѣе, уже въ половинѣ XVI столѣтія, когда Матвѣй Башкинъ, явившись къ московскому Благовѣщенскому попу Симеону и назвавъ себя „христіаниномъ“, сталъ задавать „недоумѣнные вопросы“, по поводу которыхъ простодушный

священникъ Симеонъ счелъ необходимымъ написать цѣлую „жалобницу“, дабы за нечестіе сего духовнаго чада ему самому какъ нибудь не причлось къ отвѣту. Башкина и его послѣдователей судили и осудили на соборѣ; очевидно, однако, что раціоналистическія идеи бродили уже въ то время и съ тѣхъ поръ проявлялись въ разныхъ видахъ, не сознавая еще своей преемственной связи. Порой духоборовъ сближали съ молоканами, порой даже съ хлыстами; послѣднее произошло вѣроятно потому, что первональные приступы сильнаго религіознаго увлеченія во многихъ сектахъ сказываются одинаковыми проявленіями горячаго, почти горячечнаго энтузіазма, выражающагося въ болѣе или менѣе изступленныхъ „радѣніяхъ“ и „наитіяхъ“. Современемъ, однако, духоборчество опредѣлилось, какъ секта несомнѣнно и чисто раціоналистическая. Очень характерно, что духоборы встрѣчались всегда съ нѣкоторыми однородными теченіями среди интеллигенціи: имъ сочувствовали наши массоны, а извѣстный самобытный странникъ-философъ Григорій Саввичъ Сковорода составилъ даже особый катехизисъ: „Исповѣданіе вѣры духоборовъ екатеринославскихъ“, который былъ представленъ губернатору, какъ признанное самими духоборами исповѣданіе. По предложенію Д. В. Лопухина духоборамъ отведено было поселеніе на берегахъ р. Молочной (въ Мелитоп. уѣздѣ), но въ 1837 году послѣдовалъ указъ о новомъ переселеніи ихъ на Кавказъ. Въ 1841 году переселеніе это уже совершилось.

Здѣсь духоборамъ были отведены мѣста въ бывшемъ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ, недавно отвоеванномъ у турокъ (Ахалкалакскій уѣздъ), на чрезвычайно возвышенномъ плато (до 6 тысячъ футъ надъ уровнемъ моря), въ мѣстности волнистой, совершенно безлѣсной и суровой. Зимы здѣсь долги и вѣтрены, лѣто короткое, съ ранними заморозками, сильно мѣшающими земледѣлію, но по склонамъ—прекрасныя пастбища, что и опредѣлило главное занятіе поселенцевъ. 8 духоборческихъ слободъ, съ 6.600 жителей обоего пола, явились первыми русскими поселеніями въ этомъ суровомъ краѣ. Сначала духоборамъ было очень трудно, но они скоро примѣнились къ условіямъ и совершенно покорили дикую природу. Эта борьба выработала въ ихъ средѣ желѣзную волю и необыкновенную силу характера, которыя сказались и въ послѣднемъ эпизодѣ ихъ выселенія. Вскорѣ на склонахъ дикихъ горъ размножились ихъ стада, и благосостояніе ихъ сильно возросло. „У каждой духоборческой семьи,—писалъ очевидецъ *)—есть по нѣскольку десятковъ крупнаго и мелкаго скота, у богачей же ходятъ цѣлые косяки лошадей и овецъ“. За пятьдесятъ лѣтъ, прошедшихъ со времени ихъ переселенія, они подняли культуру

*) Г. Словинскій, писавшій о броженіи въ духоборческой средѣ. См. „Биржев. Вѣдомости“ 1895 и 1896 г.

этой дикой мѣстности, развели свою породу скота, называемую и теперь „духоборческой“, провели по склонамъ дороги, и вскорѣ всѣ торговыя сношенія въ прилегающихъ мѣстностяхъ велись почти исключительно духоборческимъ транспортомъ. Въ 1877 г. они оказали значительныя услуги нашей арміи перевозкой припасовъ и отрядовъ. „Духоборческое общество, писалъ г. Словинскій, на своихъ подводахъ доставило безплатно за нѣсколько сотъ верстъ, въ разгаръ войны, на театръ военныхъ дѣйствій „всю московскую дивизію“. Вообще, духоборы наложили собственную печать на всю занятую ими мѣстность, которая получила даже оффиціальное названіе Духоборіи.

Жизнь этой религіозной общины сложилась въ высшей степени своеобразно. Съ одной стороны, будучи удалены отъ прежнихъ гражданскихъ условій и отъ прежней среды, гдѣ ихъ отцы, отличаясь религіозными взглядами, тѣмъ не менѣе жили одной жизнію со своими сосѣдями,—духоборы сложили свою собственную, крѣпко сплоченную общину, гдѣ ихъ религіознымъ понятіямъ предоставлялся полный просторъ. Но, съ другой стороны, порывалась всякая связь съ общегражданскимъ строемъ всей остальной Россіи. Это обусловило чрезвычайную крѣпость внутренней ихъ связи и чрезвычайную неустойчивость правового положенія всей общины въ ея, такъ сказать, внѣшнихъ сношеніяхъ съ остальнымъ міромъ.

Такимъ образомъ на одномъ изъ горныхъ плато Кавказа, высоко надъ уровнемъ моря, гдѣ нѣкогда сидѣли, точно въ орлиныхъ гнѣздахъ, отдѣльныя кавказскія племена, не сливавшіяся другъ съ другомъ въ теченіе ряда столѣтій,—теперь засѣло такое-же какъ-бы особое русское племя, со своими особыми нравами. Суровая жизнь и горный воздухъ закалили ихъ и выработали въ племя замѣчательно крѣпкое и выносливое въ физическомъ отношеніи. Всѣ источники единогласно указываютъ также на высокій уровень ихъ нравственности. „Взаимныя отношенія духоборовъ,—пишетъ о нихъ изслѣдователь, г. Вермишевъ,—отличаются замѣчательною чистотою и безкорыстіемъ“. Никогда духоборъ съ духобора не беретъ процентовъ за заемъ. Прежде вообще всякій % считался у нихъ грѣхомъ,—и хотя впослѣдствіи стали брать % съ не-духоборовъ, но и эти проценты всегда стояли вдвое ниже средняго для Ахалкалакскаго уѣзда. Этотъ взглядъ, а также широко развитое чувство взаимности и общественная помощь совершенно исключали возможность кулачества и ростовщичества въ духоборческой средѣ. „У духоборовъ,—писалъ другой авторъ *),—нѣтъ совсѣмъ нищихъ, а также преступленій противъ собственности, и отношенія между богатыми и бѣдными не носятъ враждебнаго характера“,—что объясняется производительностью труда и отсут-

*) См. „Русскія Вѣдомости“ 4 сент. 95 г.

ствіемъ эксплоатаціи. „На сходкахъ свобода мнѣній богачами никогда не подавляется и, кромѣ того, духоборы принимали мѣры, чтобы разница между богатыми и бѣдными не была слишкомъ велика“. Въ 4-хъ ихъ селеніяхъ была даже опредѣлена норма скота, больше которой домъ не имѣетъ права держать на обществ. пастбищѣ. При этомъ, духоборы, по словамъ того же автора,— индивидуалисты: каждый изъ нихъ стремится къ экономической независимости, семейные раздѣлы у нихъ часты, производительныя товарищества не привились. Торговлей они занимались мало. Главными занятіями ихъ были скотоводство и извозъ, поставленные превосходно.

Въ основу своихъ религіозныхъ понятій они ставятъ трудъ и поклоненіе Богу „духомъ, просвѣщаемымъ словомъ божіимъ“. Священство и обрядовая сторона отрицаются совершенно. Въ молитвенныхъ домахъ они собираются лишь для чтенія и пѣнія псалмовъ, заучиваемыхъ съ дѣтства. Послѣ пѣнія и чтенія духоборы кланяются другъ другу и цѣлуются—мужчины съ мужчинами и женщины съ женщинами. Дѣти кланяются взрослымъ въ ноги и цѣлуютъ у нихъ руки. Евангеліе читаютъ только въ частныхъ собраніяхъ. Бракъ признается учрежденіемъ общественнымъ: заявленіе родителямъ, свадебный пиръ и затѣмъ записка въ книгу. Разводъ свободенъ, но случаи его рѣдки. Незаконныя дѣти пользуются одинаковыми правами наслѣдства, какъ и законныя, и за соблазнъ дѣвушекъ отвѣтственными считаются мужчины. Судятъ старики, которые сначала склоняютъ спорящихъ къ миру. Наказанія—первые два раза внушеніе, въ третій разъ— розги и заключеніе въ холодную. Въ этомъ отношеніи, вообще, нравы духоборовъ довольно суровы.

Таковы внутренніе распорядки своеобразной общины, расцвѣтшей въ гористой Духоборіи. Они пріобрѣли духоборамъ чрезвычайное уваженіе окружающихъ жителей. Что же касается до ея гражданской стороны и до ея отношеній къ окружающему міру, то они были неменѣе своеобразны и чрезвычайно примитивны.

Вся община представляла патріархальную единицу, управляемую однимъ лицомъ. До 1887 года такимъ лицомъ являлась Лукерья Васильевна Калмыкова. Источникъ этой странной власти пока еще, кажется, остается невыясненнымъ. Нѣкоторые авторы называютъ Калмыкову духоборческой „богиней“, что, кажется, не имѣетъ никакого основанія, а г. Словинскій пишетъ, что фамилія Калмыковыхъ считается „княжеской духоборческой фамиліей, и съ самаго водворенія на Кавказѣ Калмыковы не только являлись руководителями духоборовъ, но и господствовали надъ ними“. Какъ бы то ни было, Лукерья Васильевна Калмыкова являлась внутри общины настоящей владѣтельной княгиней, правившей безконтрольно. Повидимому, она не вмѣшивалась во внутренніе распорядки отдѣльныхъ селеній, но за то единолично

распоряжалась огромными суммами, собираемыми съ общества, и вела всѣ внѣшнія сношенія съ мѣстной администраціей. Кромѣ разныхъ пожертвованій, каждый духоборъ обязанъ былъ отдавать значительную долю всякаго своего заработка деньгами и натурой, и все это поступало въ полное распоряженіе Лукерьи Васильевны *). Она жила очень широко, даже роскошно, устраивала пышные пріемы чиновнымъ посѣтителямъ и завѣдывала благотворительными дѣлами. Ею былъ построенъ обширный пріютъ для хилыхъ, стариковъ и сиротъ; она же помогала въ случаяхъ пожаровъ, падежа скота и другихъ несчастій. Кромѣ того, въ ея рукахъ, за всѣми этими расходами, оставались значительныя общественныя суммы. По мнѣнію самихъ духоборовъ, это были милліоны, г. Словинскій полагаетъ, что суммы эти простирались до 200 тысячъ.

Лукерья Васильевна служила такимъ образомъ верховной главой и единственной нитью, связывавшей духоборскую общину съ внѣшнимъ міромъ. Понятно, какъ несовершенно было это „гражданское устройство" и какъ тонка эта нить. Никакого живого обмѣна между окружающимъ гражданскимъ міромъ и общиной не существовало; духоборы жили точно на какомъ-то островѣ, со своими взглядами и своими нравами. Во всемъ остальномъ они полагались на Лукерью Васильевну. Внѣшнее благосостояніе прикрывало для нихъ опасность этого положенія, и община жила, какъ говорится, точно у Христа за пазухой. Наблюдатели ихъ жизни въ этотъ періодъ, отмѣчая единогласно трудолюбіе, честность, добродушіе и личныя качества духоборовъ, — свидѣтельствуютъ, однако, и объ общественной ихъ косности и застоѣ. Ни въ одномъ духоборческомъ селеніи не было школъ, и на всѣ предложенія по этому поводу духоборы отвѣчали отказомъ. Г. Вермишевъ полагаетъ, что „духоборы понимаютъ всѣ преимущества „настоящаго образованія", но боятся поверхностнаго знанія, которое развиваетъ неповиновеніе старшимъ и стремленіе къ праздной жизни". Это, къ сожалѣнію,—обычная аргументація всѣхъ противниковъ просвѣщенія, которое, однако, никогда не можетъ стать сразу „настоящимъ" и нигдѣ не оправдывало въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ этихъ опасеній. По словамъ другихъ наблюдателей, духоборческая молодежь жадно стремится къ грамотѣ. Очень можетъ быть, что „старикамъ" пришлось бы современемъ уступить, и тогда началась бы, безъ сомнѣнія, совершенно другая исторія духоборческой общины, но пока почти сплошная безграмотность составляла отрицательную черту духоборской общины. Даже молитвы и псалмы они всѣ заучивали только наизусть; суевѣріе въ

*) По одному извѣстію—этотъ налогъ составлялъ 1/10 часть всякаго заработка.

ихъ средѣ очень сильно, лѣчатся нашептываніемъ, перевязываніемъ черными нитками и т. д. Въ отношеніи религіозномъ 12 лѣтъ назадъ г. Вермишевъ отмѣчалъ тоже чрезвычайную неподвижность. „То, что имъ завѣщано предками, почитается ими, по крайней мѣрѣ на словахъ, за святыню и никакихъ отступленій отъ этого завѣта отцовъ они не допускаютъ. Ни одной новой мысли,— ни одной живой струи, освѣжающей религіозную атмосферу духоборской общины“.

Въ такомъ положеніи застала общину смерть Лукерьи Васильевны Калмыковой (15 декабря 1886 г.). Съ этимъ событіемъ все измѣняется. Тонкая связь, на которой ковчегъ общины держался надъ остальнымъ міромъ, обрывается разомъ, и неустойчивость ея гражданскаго положенія, покоившагося на авторитарно-патріархальныхъ началахъ,—обнаруживается во всей силѣ.

Дѣло прежде всего началось съ вопроса о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, оставшемся послѣ смерти „духоборческой княгини“. Никто, конечно, не могъ сомнѣваться, что по существу—все это достояніе духоборческаго общества, составившееся изъ пожертвованій и даже налоговъ, которыми общину облагала Калмыкова. Но такъ какъ, по закону, сектанты не могутъ устраивать складокъ и сборовъ,—то на языкѣ гражданскаго уложенія оно носитъ названіе „наслѣдства послѣ Лукерьи Калмыковой“, со всѣми послѣдствіями такой квалификаціи. Сама Калмыкова и не подумала о томъ, чтобы обставить свое „наслѣдство“ тѣми или другими законными нормами. При жизни она думала за всю общину, принимала „чиновныхъ лицъ“, отводила отъ своихъ „дѣтушекъ“ грозившія имъ напасти посредствомъ извѣстныхъ исконныхъ способовъ россійской обывательской дипломатіи, вообще стояла между „грѣшнымъ“ міромъ и общиной, которая во всемъ полагалась на нее, нисколько, повидимому, не заботясь о томъ, кто станетъ на ея мѣсто и какъ станутъ справляться ея „дѣтушки“ послѣ ея смерти. Давно уже сказано, что русскій народъ—не политикъ.

Само собою разумѣется, что, какъ только открылось „наслѣдство“, такъ явились и „наслѣдники“, готовые воспользоваться своимъ формальнымъ правомъ. У Лукерьи Васильевны оказался братъ, нѣкто Губановъ, который и предъявилъ свои права. Онъ нашелъ дѣятельныхъ приверженцевъ. Духоборы утверждаютъ, что вначалѣ никто не предъявлялъ спора, и права общества были скрѣплены какой-то бумагой, съ приложеніемъ печати старосты Зубкова *). Но всѣ эти толки, повидимому, отмѣчены тѣмъ полумистическимъ представленіемъ о значеніи всякихъ „бумагъ съ печатями“, которое такъ характерно для безпомощнаго и безграмотнаго русскаго человѣка. Да и эта „бумага“ вскорѣ куда-то исчезла, староста Зубковъ принялъ сторону Губанова, и община

*) „Нов. Вр.“ и „Нижегор. Лист.“ 1895, № 255

очутилась передъ лицомъ формальнаго права, совершенно невооруженная для борьбы. Но сторонѣ же наслѣдника стоялъ уѣздный начальникъ Дьячковъ-Тарасовъ, уличенный впослѣдствіи въ многочисленныхъ злоупотребленіяхъ.

На мѣсто Калмыковой былъ избранъ духоборами Петръ Веригинъ, молодой и необразованный духоборъ, который, конечно, совершенно растерялся передъ трудностью задачи, тѣмъ болѣе, что въ самомъ обществѣ произошло раздѣленіе. Мы не знаемъ подробностей самаго процесса, который общество вело съ „наслѣдниками“. Извѣстно только, что формальныя права Губанова, основанныя на указанномъ выше законѣ, были признаны судомъ и онъ вступилъ во владѣніе всѣмъ имуществомъ.

Тогда въ общинѣ начались безпорядки и рядъ „сопротивленій“. Духоборія вся глубоко всколыхнулась, и броженіе вышло даже за ея предѣлы, такъ какъ къ тому времени поселенія духоборовъ распространились и по сосѣднимъ уѣздамъ. Приверженцы правъ общества, стоявшіе за своего избранника, Петра Веригина, приняли почему-то названіе „писанныхъ“ (вѣроятно подписавшихъ его выборъ или какое-нибудь заявленіе), противники называются „неписанными“.

Съ этихъ поръ глухое прежде броженіе въ Духоборіи стало обращать на себя общее вниманіе. Въ газетахъ то и дѣло стали появляться извѣстія о безпорядкахъ и даже сопротивленіяхъ власти со стороны „писанныхъ“ духоборовъ. Петръ Веригинъ, какъ одна изъ „причинъ“ броженія, былъ сосланъ въ Колу; однако, эта высылка ничему, конечно, не помогла. Молодой духоборъ явился „мученикомъ“, и въ Колу начались настоящія паломничества *). Простодушные приверженцы ждали отъ Веригина помощи и указаній, но онъ самъ жилъ въ мірѣ все болѣе экзальтировавшихся чисто религіозныхъ представленій, и его распоряженія не имѣли, повидимому, прямого отношенія къ тому, что совершалось. Повременамъ онъ обѣщалъ переселить всѣхъ духоборовъ въ Архангельскую губернію, иногда присылалъ деньги, иногда требовалъ самъ значительныя суммы, которыя, вѣроятно, уходили болѣе или менѣе фантастическимъ образомъ **). Все это, вмѣстѣ съ непонятнымъ для массы исходомъ процесса, подымало недовольство. Веригинцы отказывались отъ уплаты жалованья замѣстителямъ сосланнаго Веригина, говоря, что „они имъ не нужны“. Когда же съ нихъ взыскивали по исполнительнымъ листамъ, они „противились“. Сопротивленіе это принимало порой очень оригинальныя формы:

*) Когда эти паломничества были воспрещены, то оказалось, что Дьячковъ-Тарасовъ все-таки выдавалъ паспорта въ Колу, взимая за нихъ 300—400 р. („Биржев. Вѣд.“ 1896 г. № 8).

**) „Биржев. Вѣд.“, 1896 г., № 29.

толпа, сгрудившись, противопоставляла стражникамъ пассивное сопротивленіе массы человѣческихъ тѣлъ *).

Между тѣмъ и религіозное настроеніе, „застоявшееся", по словамъ г. Вермишева, въ годы спокойствія и довольства, — приходило въ броженіе и фанатизировалось. Однимъ изъ положеній духоборчества съ давнихъ поръ считалось также отрицаніе присяги и военной службы. Уже въ царствованіе Императора Александра I, въ общемъ относившагося къ духоборамъ довольно благосклонно, предписывались строгія мѣры за отказъ отъ солдатчины; въ 1825 году еще разъ было подтверждено, что духоборцы не избавлены отъ рекрутчины, и за отказъ повелѣно предавать ихъ суду. Въ царствованіе Императора Николая I правительство тоже не разъ особыми указами пыталось регулировать эту сторону духоборческаго ученія, устанавливая, напр., права духоборовъ по зачету рекрутскихъ квитанцій и найму охотниковъ. Такъ, послѣ переселенія ихъ на Кавказъ, имъ было дозволено нанимать за себя охотниковъ изъ мусульманъ, но потомъ это право было отмѣнено, и духоборамъ предоставлено нанимать охотниковъ только въ своей средѣ **). Въ сороковыхъ годахъ было установлено, что духоборы не могутъ покупать рекрутскихъ квитанцій, если таковыя первоначально были выданы не духобору. Это распоряженіе отмѣнено въ 1863 г.

Уже изъ этого видно, что отказъ отъ военной службы въ духоборческой средѣ обращалъ на себя вниманіе задолго до послѣдняго броженія и, значитъ, нѣтъ основанія приписывать его вліянію разныхъ новѣйшихъ теченій въ интеллигентной средѣ. Въ годы спокойной жизни духоборческой общины — печать компромисса легла на эту сторону ученія, и злополучное „дѣло о наслѣдствѣ" застало много молодыхъ духоборовъ въ рядахъ арміи, гдѣ они считались даже образцовыми солдатами. Точно также и сами обитатели Духоборіи, поселенные въ дикой мѣстности и среди племенъ, склонныхъ къ подвигамъ хищничества, обзавелись оружіемъ, котораго по слободамъ оказалось очень много. Но исходъ дѣла, ссылка Веригина, а затѣмъ начавшіяся преслѣдованія его партіи вновь подняли вопросы духоборческой догматики, тѣмъ болѣе, что Веригинъ въ своей дальней ссылкѣ переживалъ, очевидно, такое же настроеніе.

„Кола—мѣсто холодное и далекое, — писалъ корреспондентъ „Моск. Вѣд." въ ноябрѣ 1895 г., — но тѣмъ серьезнѣе кажется подвигъ паломничества... Установилась живая связь между Кавказомъ и Колой, причемъ послѣдняя, свободная отъ непосредственнаго воздѣйствія кавказской администраціи, принялась изда-

*) См. „Биржев. Вѣд." 15 окт. 1896 г. Дѣло о сопротивленіи суд. приставу Теръ-Азарьеву.

**) 2 п. сб. зак., № 7535 и № 12316.

вать своеобразные законы, вродѣ слѣдующаго: „чиновникамъ взятокъ не давать, водки не пить“... или „нѣтъ начальства, кромѣ Бога, не сопротивляйся злу, ближняго не убивай“. А затѣмъ Веригинъ сталъ вегетаріанцемъ, предписывалъ своимъ послѣдователямъ воздержаніе отъ мясной пищи и воспретилъ даже брачное сожитіе въ теченіе 3-хъ лѣтъ. Съ этихъ поръ приверженцы Веригина, кромѣ названія „писанныхъ“, пріобрѣли еще названіе „постниковъ“. Очевидно, неуспѣхъ въ реальной борьбѣ съ міромъ заставилъ этихъ энергичныхъ людей замкнуться въ приподнятомъ религіозномъ настроеніи, и проповѣдь сосланнаго Веригина встрѣчала благодарную почву.

Авторъ цитированной статьи „Моск. Вѣдомостей“ склоненъ, кажется, приписывать слишкомъ большое значеніе „законодательству изъ Колы“, не замѣчая, что важнѣйшія положенія этой проповѣди представляютъ только обостреніе уже существовавшаго ученія, начинавшаго сглаживаться и теперь вспыхнувшаго внезапно подъ вліяніемъ гоненія. Спокойное до тѣхъ поръ общество быстро фанатизировалось, „писанные, постники“ сразу выдѣлились изъ массы. „При проѣздѣ начальства,—сообщалъ тотъ же корреспондентъ,—они не снимаютъ шапокъ. Подати платить они отказались, но при требованіи таковыхъ полиціей—открываютъ общественную кассу и предлагаютъ брать, сколько вздумается. Съ женами уже третій годъ не живутъ, водки не пьютъ. Слѣдовательно,—заключаетъ корреспондентъ,—въ результатѣ получился бунтъ (признаки котораго нѣсколько, скажемъ отъ себя, курьезны въ этомъ изложеніи), вся сила котораго—въ его пассивности. Во время предварительныхъ убѣжденій, когда казаки сгоняли народъ на сходки для вразумленія ихъ мѣстнымъ начальствомъ, духоборы только и говорили, что они желаютъ пострадать за вѣру“... *).

И дѣйствительно, начавшіяся было столкновенія и прямыя сопротивленія стали стихать. Идея „непротивленія“ охватила массу до фанатизма. Побои „противниковъ“ постники сносили съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и кротостію. Такъ, напр., сообщалось въ „Биржев. Вѣдомостяхъ“: „въ день св. апостоловъ Петра и Павла, особенно чтимыхъ духоборами ради сосланнаго Веригина, въ селѣ Орловкѣ они собрались на молитву. Во время чтенія псалмовъ на нихъ напали и начали бить ихъ плетьми, но никто изъ духоборовъ и не думалъ оказывать сопротивленія. Всѣ они упали на колѣни, и слышны были лишь возгласы: „Господи, помоги намъ“! Расправа эта продолжалась таки долго, и многіе были жестоко избиты“ „Бирж. Вѣд.“ (1895 г., № 220).

Совершенно понятно, что при такихъ условіяхъ фанатическое настроеніе возростало. „Ночь на 29 іюля (т. е. опять-таки на Петра и Павла)—писалъ корреспондентъ „Каспія“,—прошла

*) „Моск. Вѣд.“—перепечатка „Волжскаго Вѣстника“, № 300, 1895 г.

въ Славянкѣ чрезвычайно тревожно. „Еще за двѣ недѣли стали ходить слухи, что сторонники Веригина дѣлаютъ какіе-то необычайныя приготовленія. Говорили даже, что веригинцы хотятъ устроить „судъ божій", предать себя самосожженію, для чего уже навезли много дровъ, и т. д. Съ утра между веригинцами замѣчалось какое-то лихорадочное движеніе, а къ вечеру въ Славянку стали прибывать и веригинцы изъ другихъ деревень: Новотроицкаго, Новогорѣлова и Спасовки... Часовъ около 9 вечера въ юго-западной части Славянки появилось зарево. Оказалось, что веригинцы развели костеръ и сожгли все свое оружіе: ружья, револьверы, кинжалы. Одновременно къ костру направились толпы веригинцевъ. Полиція пыталась остановить шествіе, но безуспѣшно. Веригинцы, числомъ около 1,000 человѣкъ, собрались въ садикѣ, возлѣ котораго былъ разведенъ костеръ, и стали молиться. На другой день они стали являться къ приставу Теръ-Аствацатурову и возвращать билеты, а также свидѣтельства воинскаго присутствія, ссылаясь на то, что убивать людей имъ не велитъ ихъ ученіе" *).

Духоборы, мирно отбывавшіе воинскую повинность, стали являться къ своимъ начальникамъ и возвращали оружіе. Уже въ іюлѣ этого же года кавказскій военно-окружной судъ разбиралъ дѣло 11 рядовыхъ асландузскаго полка, принадлежащихъ къ духоборческой сектѣ. Однажды, вернувшись съ караула, они положили ружья на нары и сказали капитану Крупенникову: „возьмите оружіе". Отказъ этотъ они мотировали шестой заповѣдью „не убій" и, не смотря на всѣ увѣщанія, настояли на своемъ отказѣ, выражая готовность претерпѣть за это „тѣлесныя муки". Всѣ они,—прибавляетъ корреспондентъ—бравые, рослые солдаты, кровь съ молокомъ. Приговоръ суда (дисциплинарный батальонъ) они выслушали спокойно **). За этимъ слѣдовали другіе эпизоды въ томъ-же родѣ.

Это проснувшееся послѣ многихъ лѣтъ движеніе въ направленіи отказа отъ военной службы и другія проявленія обострившагося сектантства побудили тифлисскаго губернатора лично отправиться въ Ахалкалакскій уѣздъ; сюда же были присланы 2 сотни казаковъ и нѣсколько ротъ пѣхоты... Однако, все это не произвело желаемаго дѣйствія. Въ концѣ концовъ, рѣшено было опять разселить непокорныхъ по разнымъ уѣздамъ, и съ этихъ поръ начался новый періодъ пилигримства. Духоборы оставляли насиженныя гнѣзда, наскоро и за безцѣнокъ продавали дома, скотину, имущество, остальное укладывали въ фургоны и отправлялись въ новыя, непривѣтныя мѣста: Душетскаго, Сигнахскаго, Тіонет-

*) „Каспій", перепечатано въ „Сам. Газ." 5 августа 1895 года.

**) „Биржев. Вѣд." 1895 г., № 201 и „Веч. Листокъ Волгаря", 1895 г., № 187.

скаго и Гурійскаго уѣздовъ. Корреспонденты самыхъ различныхъ газетъ сообщали по истинѣ эпическія черты изъ этихъ странствій. Закаленные трудомъ и жизнію въ горахъ, охваченные неодолимымъ и упорнымъ энтузіазмомъ, духоборы тянулись въ своихъ фурахъ мимо Тифлиса, направляясь на новыя мѣста, вызывая во всѣхъ встрѣчныхъ невольное недоумѣніе и сочувствіе. „Изъ за горизонта показываются фургоны,—описывалъ, одну изъ такихъ партій корреспондентъ „Новаго Времени".—Всѣ фургоны, числомъ 27, переполнены семействами духоборовъ Ахалкалакскаго уѣзда. Куда они направляются? Что это за движеніе такой массы людей? Подхожу съ вопросомъ къ одному фургону. Ни звука. Къ другому—одинъ нѣмой взглядъ". Наконецъ, корреспондентъ встрѣчаетъ болѣе сообщительнаго собесѣдника.

— „Право, мы сами не знаемъ, куда насъ выселяютъ,—отвѣтилъ ему старый духоборъ.—Въ нашихъ фургонахъ 35 семей, остальныя партіи изъ 7 духоборскихъ селеній ѣдутъ за нами. Бросили дома, бросили все добро... Ѣдемъ куда-то...

— „Въ чемъ-же дѣло?

— „Спросите Зубкова и Губанова, они вамъ скажутъ"...

Затѣмъ онъ разсказалъ о Лукерьѣ Васильевнѣ Калмыковой, объ ея смерти, о наслѣдствѣ и о проигрышѣ этого дѣла (тянувшагося 9 лѣтъ!) „Когда не хотятъ принять и разобрать наше справедливое дѣло,—сказалъ старикъ,—то и мы отказываемся исполнять всякое приказаніе начальства". Вотъ, очевидно, центръ этого настроенія!... „Хуже не будетъ,—продолжалъ духоборъ... До сихъ поръ мы исполняли всѣ приказанія начальства, а теперь не пойдемъ ни на присягу, ни на военную службу, и платить никакихъ повинностей не будемъ... Вы видите нашихъ, въ какомъ они положеніи. Такая же участь ждетъ и остальныхъ 7 селеній (Горѣловка приняла сторону Губанова)... Намъ все равно, куда бы ни сослали. Вездѣ—Богъ, всюду земля"...

„Въ слѣдующее воскресеніе—новая партія въ 107 фургоновъ. Тѣ-же отвѣты, тѣ-же спокойныя физіономіи, точно люди собрались на праздникъ. И то-же упорство. „Дѣлайте съ нами, что хотите, мы не уступимъ"... Посмѣиваются, но этотъ смѣхъ, точно у приговоренныхъ къ смерти.

„Слѣдующая партія останавливается; хоронятъ ребенка, причемъ мѣстные хохлы отказались дать мѣсто покойнику на своемъ кладбищѣ... Близь рѣки роютъ могилу, кругомъ столпились женщины и дѣти, мать не можетъ оторвать глазъ отъ мертваго ребенка.

— „Воля божія, говоритъ старый духоборъ,—тамъ били, здѣсь умираютъ...

— „Развѣ били?

— „Да, думали—мы уступимъ, видя побои стариковъ и дѣтей... Но мы лучше умремъ.

„Богъ знаетъ, кто правъ, кто виноватъ,—пишетъ корреспон-

дентъ;—жители 7 селеній или Зубковъ съ Губановымъ. Но, думаю, слѣдовало бы отнестись къ этому дѣлу болѣе осторожно. Разъ въ теченіи 59 лѣтъ духоборы не были замѣчены ни въ чемъ дурномъ, то не можетъ быть, чтобы отчаянное ихъ сопротивленіе было совсѣмъ безпричинно" *).

Разумѣется, это новое переселеніе ничего не разрѣшило, и духоборцы обратились съ прошеніемъ о дозволеніи имъ переселиться въ Америку. На это, съ извѣстными ограниченіями, послѣдовало разрѣшеніе, и извѣстія, которыми мы начали эту замѣтку, представляютъ эпилогъ этой печальной исторіи.

Въ газетѣ „Сынъ Отечества", уже въ концѣ января и въ началѣ февраля появились интересныя „письма изъ Англіи", гдѣ корреспондентъ передаетъ, со словъ канадской газеты „Herold", подробности перваго появленія духоборовъ у береговъ Новаго Свѣта... Подробности эти отмѣчены опять чисто эпическими чертами, переносящими воображеніе въ какія-то давно прошедшія времена.

„Лица, — пишетъ корреспондентъ, — получившія разрѣшеніе отправиться на шлюпкѣ въ карантинъ для встрѣчи парохода Lake Huron (приставшаго къ берегамъ Канады),—были свидѣтелями сцены, которую трудно позабыть. Духоборы, столпившіеся на верхней палубѣ парохода, съ напряженнымъ любопытствомъ глядѣли на приближающуюся шлюпку... Когда послѣдняя приблизилась къ пароходу, надъ волнами Атлантики пронеслись мощные звуки пѣсни; духоборы пѣли благодарственный псаломъ, производившій впечатлѣніе могучаго хора, пѣвшаго „Тебе Бога хвалимъ"... Одинъ изъ переводчиковъ сообщилъ намъ, что русскія слова псалма означали „Богъ съ нами, Онъ сохранитъ насъ"... Слова вполнѣ соотвѣтствовали обстоятельствамъ, особенно, если принять въ соображеніе, что пароходамъ гораздо лучшей конструкціи, чѣмъ Lake Huron, пришлось немало вытерпѣть отъ бурь, бушевавшихъ въ это время на океанѣ.

„Зрѣлище было необыкновенно живописное. Вода, блиставшая подъ яркими лучами солнца, была гладка, какъ зеркало, и двѣ тысячи духоборовъ, столпившихся на палубѣ, производили впечатлѣніе компаніи людей, выѣхавшихъ на прогулку. Переселенцы хорошо и тепло одѣты. Мужчины и мальчики въ полушубки и шапки изъ козьяго мѣха, женщины—въ юбки ярко-краснаго или голубого цвѣта, тяжелые жакеты (?) и цвѣтные голубые платки".

На пароходъ, вслѣдъ за санитарными чиновниками, проникли представители прессы и др. посѣтители. „Духоборы служили предметомъ общаго любопытства и возбудили общее восхищеніе. Они выглядятъ очень хорошо; особенно бросаются въ глаза ихъ честныя лица и могучее тѣлосложеніе. Даже дѣти, которыхъ масса,

*) „Нов. Вр.", перепеч. „Нижегор. Листка" 18 сент. 1895 г., № 255.

самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, начиная съ грудныхъ младенцевъ, представляютъ настоящее олицетвореніе здоровья. Вообще, молодежь преобладаетъ. Общее вниманіе обратилъ на себя одинъ старикъ, съ длинной, сѣдой бородой. Онъ былъ дѣятеленъ, какъ юноша, и счастливъ, какъ женихъ, не смотря на свои 85 лѣтъ. Другимъ лицомъ, привлекавшимъ вниманіе, была молодая женженщина, сильно разнившаяся по типу и наружному виду отъ другихъ женщинъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что она была женщина-врачъ, добровольно сопровождавшая духоборовъ, изъ желанія быть имъ полезной во время ихъ тяжелаго путешествія.

„Представитель американскихъ квакеровъ, м-ръ Элькертонъ, вскорѣ былъ окруженъ духоборами. Онъ предложилъ имъ вознесть благодарственную молитву и призвалъ благословеніе Божіе на грядущую судьбу переселенцевъ.

„Вслѣдъ за тѣмъ къ духоборамъ обратился съ привѣтственною рѣчью м-ръ Бульмеръ, представитель канадскихъ рабочихъ обществъ, сказавшій, между прочимъ: „Я провелъ на пароходѣ лишь нѣсколько минутъ, но я видѣлъ достаточно, чтобы убѣдиться, что наше правительство не сдѣлало ошибки, пригласивъ васъ поселиться въ Канадѣ. Вы принадлежите къ одной изъ тѣхъ великихъ сѣверныхъ расъ, въ которыхъ такъ нуждается наша страна; между этими расами русскіе отличаются своими способностями къ промышленной самоорганизаціи и артельной жизни, и могутъ, въ этомъ отношеніи, дать урокъ даже такой передовой странѣ, какъ Канада". Въ заключеніе своей рѣчи, переведенной духоборамъ однимъ изъ русскихъ переводчиковъ, м-ръ Бульмеръ пожелалъ переселенцамъ, отъ имени канадскихъ рабочихъ, счастья и процвѣтанія въ ихъ новомъ отечествѣ.

„Капитанъ Ивэнсъ сошелъ со своего мостика и охотно отвѣчалъ на массу посыпавшихся на него вопросовъ относительно условій путешествія. Онъ разсказалъ, что погода благопріятствовала путешествію, начиная отъ Батума вплоть до Гибралтара, но что во время перехода черезъ Атлантическій океанъ пришлось выдержать бурные дни. Въ эти дни тяжелыя волны нерѣдко перекатывались черезъ борта парохода и однажды даже вышибли дверь одного изъ нижнихъ пароходныхъ помѣщеній. Этимъ, впрочемъ, и ограничились всѣ повреждения, нанесенныя пароходу бурями.

„Завѣдующій пароходнымъ хозяйствомъ, м-ръ Джонстонъ, отозвался съ большой похвалой о духоборахъ, какъ объ очень хорошо ведущихъ себя пассажирахъ, что представляетъ почти небывалое явленіе на эмигрантскихъ пароходахъ. Во время пути было десять смертныхъ случаевъ: умерло трое стариковъ и семеро дѣтей; причиной смерти, во всѣхъ случаяхъ, было истощеніе. Погребеніе умершихъ, нашедшихъ послѣднее упокоеніе въ

безграничныхъ глубинахъ Атлантическаго океана, было, по словамъ м-ра Джонстона, печальнымъ и потрясающимъ зрѣлищемъ.

„Но переселенцамъ пришлось быть на пароходѣ свидѣтелями не только такихъ печальныхъ событій. Въ одинъ изъ особенно мрачныхъ дней, когда на морѣ свирѣпствовала буря, вздымавшая вокругъ парохода цѣлыя водяныя горы и безпрестанно окачивавшая его волнами, когда вѣтеръ пѣлъ похоронную пѣсню надъ одной изъ безвременно скончавшихся малютокъ, въ это самое время на свѣтъ появилась первая духоборка, родившаяся подъ сѣнью британскаго флага. Счастливые родители дали ей имя *Канады*. Во время пути, кромѣ того, было заключено шесть браковъ.

„За все время путешествія не было замѣчено заразительныхъ болѣзней, за исключеніемъ одного легкаго случая кори, которой заболѣлъ ребенокъ.

„Пароходъ „Lake Huron“ пробылъ въ пути 29 дней (13 дней отъ Батума до Гибралтара и 16—отъ Гибралтара до Галифакса)“.

Земля, выбранная духоборами для ихъ поселенія, расположена въ мѣстности, находящейся при скрещеніи границъ Манитобы съ юго-восточнымъ и сѣв.-восточнымъ краями Соскачевана... Второй поселокъ будетъ находиться въ 15 миляхъ отъ перваго, въ сѣверо-вост. Ассинобоѣ. Почва участковъ превосходнаго качества...

Вся эта картина, вдохновляющая даже газетныхъ репортеровъ на такія эпическія описанія, переноситъ воображеніе практичныхъ современныхъ американцевъ къ отдаленнымъ временамъ, когда къ берегамъ Новаго свѣта съ такими же гимнами приставали пресвитеріане, квакеры и индепенденты...

В. К.

II.

Приговоръ по дѣлу ксендза Бѣлякевича.—Важное сенатское разъясненіе по вопросу о гласности засѣданій суда. — Краткая лѣтопись нашей некультурности: остатки крѣпостного права, воспрещеніе браковъ за недоимку, произвольные аресты пассажировъ на жел. дорогахъ.—„Предсѣдательскіе инциденты“.

Въ сентябрѣ прошлаго года газеты были полны извѣстіями о дѣлѣ нѣкоего ксендза Бѣлякевича, практиковавшаго въ Ковно пріемы инквизиціоннаго „исправленія“. Къ полицейскому приставу явилась крестьянка Бернатовичъ съ жалобой на ксендза Бѣлякевича, который держалъ ее въ подземельи подъ алтаремъ и вдобавокъ билъ ее палкой и плетью. Бернатовичъ заявила, кромѣ того, что „и въ настоящее время въ томъ же подземельи содержится ея квартирантка, Жуковская“.

Первоначально извѣстіе это появилось въ „Свѣтѣ“. Газета г. Комарова принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу тѣхъ органовъ русской прессы, въ которыхъ дѣлается (и „прескверно дѣлается“, прибавимъ) наша „газетно-патріотическая“ политика. Поэтому фактъ, повидимому, достаточно краснорѣчивый и въ своемъ „натуральномъ видѣ“, появился съ разными довольно-таки лубочными украшеніями и съ самыми рѣшительными обобщеніями. Жуковская состояла въ связи съ русскимъ, а Бернатовичъ держала ее на квартирѣ. Отсюда выводъ, что косвенно здѣсь преслѣдовалась „русская народность“. Кромѣ того, самое подземелье освѣтилось адскими огнями. „Среди глубокаго въ подземельяхъ этихъ мрака—повѣствуетъ „Свѣтъ“—появлялись неизвѣстно откуда проблески огня и, точно молніи, освѣщали подземелья съ валяющимися гробами и человѣческими скелетами, поражая воображеніе заключенныхъ, а появленіе дьявола, дышущаго огнемъ и произносившаго проклятія,—доводило ихъ до безпамятства“. Корреспонденты „Свѣта“ обнаружили даже и „самого дьявола (чорта,—для большой ясности прибавляетъ корреспондентъ въ скобкахъ). Это громадная деревянная голова, по обличію дьявола (sic) *приложенная къ человѣческому скелету* (?!), которая, будучи замаскирована, по временамъ появлялась, освѣщенная фосфорическимъ свѣтомъ, произносила проклятія и заклинанія (!), наводя на заключенныхъ въ подземеліи необъятный ужасъ“. По временамъ ксендзъ Бѣлякевичъ выводилъ истязуемыхъ во время богослуженія въ костелъ, распростиралъ ихъ „крыжемъ“ (крестомъ) на полу и „приказывалъ молящимся совершать надъ ними издѣвательства: попирать ногами, плевать и т. под.“. Такимъ образомъ, въ преслѣдованіи приверженницъ русской народности принимала уже участіе и молящаяся публика, превращавшая само богослуженіе въ какой-то неистовый шабашъ. Наконецъ, „Свѣту“ стало извѣстно, что „обо всемъ этомъ зналъ не только настоятель костела ксендзъ Карповскій, но и римско-католическій епископъ Паллюліонъ“.

Все это, какъ видите, до такой степени похоже на лубочную живопись съ Никольской улицы, что первоначально многія газеты усомнились даже въ самомъ фактѣ. За то въ лагерѣ, родственномъ „Свѣту“, „газетно-патріотическая“ политика оказалась въ полномъ ходу. „Моск. Вѣдомости“ заявили рѣшительно, что все польское духовенство состоитъ изъ однихъ Бѣлякевичей, а затѣмъ, съ обычнымъ знаніемъ дѣла, потребовали вліянія правительства на замѣщеніе епископскихъ каѳедръ, а также контроля генералъ-губернатора надъ дѣятельностію католическаго духовенства въ области воспитанія. Такъ какъ и то, и другое давно уже существуетъ, то оказалось, что почтенная газета стучится въ открытую дверь. За то „Свѣтъ“ предложилъ программу гораздо болѣе рѣшительную и потребовалъ ni plus ni moins—какъ замѣ-

щенія всѣхъ ксендзовъ поляковъ—привозными ксендзами-чехами! По этому поводу возникъ чрезвычайно любопытный діалогъ: пражская газета „Politik“, „уважаемый органъ старо-чеховъ“, какъ пишетъ самъ г. Комаровъ, — всемѣрно отклоняла отъ чеховъ почетную роль, предлагаемую г-мъ Комаровымъ. Послѣдній продолжалъ съ величавой любезностію настаивать на своемъ проектѣ.

Корреспондентъ „Новаго Времени“, г. Лялинъ, отправленный газетой на мѣсто дѣйствія, говорилъ съ епископомъ Паллюліономъ и съ прокуроромъ г. Бажановымъ. Епископъ осуждалъ „избытокъ усердія“ молодого фанатика, но отрицалъ размѣры, приданные этой исторіи. Прокуроръ ковенскаго судебнаго округа, Н. Ѳ. Бажановъ, лично наблюдавшій за слѣдствіемъ, сказалъ корреспонденту, что „ничего политическаго онъ въ этомъ дѣлѣ не нашелъ“. „По моему мнѣнію,—говорилъ прокуроръ,—это просто проявленіе того религіознаго фанатизма, той нетерпимости, которая можетъ встрѣтиться у недостаточно просвѣщенныхъ адептовъ любой религіи. Ксендзъ Бѣлякевичъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка прежде всего ограниченнаго, зазубрившаго латинскіе тексты, но не достаточно вникнувшаго въ ихъ смыслъ. Обобщать это дѣло, подыскивать ему какіе-то особенные мотивы и сваливать вину ксендза Бѣлякевича на другихъ, по моему мнѣнію, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Противъ здѣшнихъ ксендзовъ я, какъ представитель прокурорскаго надзора, ничего не имѣю. Они не только намъ не мѣшаютъ, но, напротивъ, гдѣ могутъ, даже помогаютъ“. „Мнѣніе это, — прибавляетъ г. Лялинъ, — очевидно, раздѣляется и ковенскимъ окружнымъ судомъ“.

Еще рѣшительнѣе высказался г. Бажановъ въ разговорѣ съ корреспондентомъ „Сына Отечества“. Отозвавшись съ большой горечью объ органахъ, стремившихся „сдѣлать изъ мухи слона“, онъ прибавилъ, что „всѣмъ этимъ оказывается плохая услуга русскому дѣлу въ краѣ... Имъ въ Петербургѣ что: написали и хоть трава не рости. А вотъ намъ-то, живущимъ въ этомъ краѣ, каково послѣ такихъ статей! Вѣдь эти нелѣпости ужасно обостряютъ отношенія“.

Такимъ образомъ, еще до суда дѣло вызвало различныя оцѣнки. „Конечно, — писали по этому поводу въ одной провинціальной газетѣ,—суду предстоитъ установить точную картину, которая покажетъ, кто именно правъ: тѣ-ли, кто, вмѣстѣ съ представителемъ прокурорскаго надзора, видитъ въ этомъ случаѣ простое проявленіе не въ мѣру усерднаго религіознаго фанатизма, несомнѣнно печальнаго и заслуживающаго всяческаго порицанія, но не подлежащаго излишнимъ обобщеніямъ, или „политики“ въ родѣ г. Комарова, взывающіе къ общимъ репрессіямъ“.

Къ сожалѣнію, этимъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Оказалось, что дѣло Бѣлякевича, перенесенное въ пе-

тербургскій окружный судъ, — слушалось здѣсь при закрытыхъ дверяхъ, а по закону такое разбирательство не подлежитъ оглашенію въ печати. Такимъ образомъ, мы можемъ лишь сообщить, что 10 февраля объявленъ приговоръ. „Признанный виновнымъ въ самовольномъ лишеніи свободы, соединенномъ съ истязаніями (въ 8 случаяхъ), причемъ въ 5 случаяхъ ему дано снисхожденіе, ксендзъ Бѣлякевичъ, 26 лѣтъ, приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и ссылкѣ на житье въ Иркутскую губ. съ воспрещеніемъ отлучки съ мѣста, назначеннаго для жительства, въ теченіе двухъ лѣтъ и выѣзда въ другія области и губерніи Сибири въ теченіе 8 лѣтъ“. Кромѣ того, изъ замѣтки „Сына Отечества“ мы узнаемъ, что защищали подсудимаго гг. Спасовичъ и Андреевскій, изъ которыхъ послѣдній, „по окончаніи своей блестящей во всѣхъ отношеніяхъ рѣчи, удостоился въ корридорѣ суда шумныхъ овацій, въ которыхъ приняла участіе не только адвокатура, но присутствовавшій въ залѣ засѣданія почти весь составъ прокуратуры, съ энтузіазмомъ апплодировавшій даровитому адвокату“.

Вотъ и все, что далъ намъ судъ по дѣлу, которое одно время обсуждалось на разные лады всею прессой и подавало поводъ къ самымъ противоположнымъ толкованіямъ. Мы не знаемъ, конечно, какія соображенія вызвали необходимость закрытія дверей судебной залы передъ публикой и прессой, но, во всякомъ случаѣ и со всякой точки зрѣнія, „необходимость“ эту приходится признать очень печальной, въ особенности при данныхъ обстоятельствахъ.

Недавно „Русскія Вѣдомости“ сообщили о чрезвычайно интересномъ рѣшеніи сената, имѣющемъ важное значеніе по отношенію именно къ судебной гласности. Въ Московскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло еврея Гликена, обвинявшагося въ злостномъ банкротствѣ. Подсудимый сослался, въ объясненіе своего банкротства, на высылку евреевъ изъ Москвы, какъ на force majeure, имѣвшую роковое вліяніе на ходъ его торговыхъ дѣлъ. Окружный судъ, уже въ серединѣ судебнаго слѣдствія, распорядился удалить публику, мотивируя это слѣдующимъ образомъ: „принимая во вниманіе, что такое заявленіе не можетъ быть исключено изъ обстоятельствъ, подлежащихъ обслѣдованію на судѣ; что при этомъ неминуемы вопросы и сужденія, касающіяся мѣропріятій правительственной власти, направленныхъ къ выселенію евреевъ изъ Москвы; что такого рода вопросы и сужденія, а впослѣдствіи и разсужденія могутъ быть неправильно поняты и ложно истолкованы публикой, въ числѣ которой находятся люди малоразвитые и молодые, — окружный судъ съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія дѣла и предупрежденія возможности ложнаго истолкованія мѣропріятій государственной власти, руководствуясь ст. 620[3] уст. уголовнаго

судопроизводства, постановилъ закрыть двери засѣданія съ допроса свидѣтелей до резюме предсѣдательствующаго включительно".

Въ ст. 620[3] уст. уголовнаго судопроизводства говорится, что двери судебнаго засѣданія закрываются, „если судъ признаетъ, что публичное изслѣдованіе подлежащихъ судебному разбирательству обстоятельствъ оскорбляетъ религіозное чувство или нарушаетъ требованія нравственности или не можетъ быть допущено въ видахъ огражденія достоинства государственной власти, охраненія общественнаго порядка или обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій". Находя, что распоряженіе суда не подходитъ къ тексту этого закона, защитникъ, кн. Урусовъ, увидѣлъ въ этомъ нарушеніи поводъ къ кассаціи. Правительствующій сенатъ призналъ жалобу основательной и предписалъ разсмотрѣть дѣло вторично. Мотивы этого постановленія въ высшей степени интересны. При обсужденіи въ 1864 году проекта судебной реформы, государственный совѣтъ признавалъ, что „публичность есть одна изъ лучшихъ гарантій правильности судебныхъ дѣйствій и одно изъ главныхъ условій довѣрія общества къ суду", что „присутствіе постороннихъ лицъ при разбирательствѣ и соединенная съ этимъ возможность широкаго оглашенія всѣхъ его подробностей изустно и въ печати побуждаютъ свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ воздерживаться отъ лжи и не скрывать истины, а судей живѣе чувствовать святость своего призванія и строго соблюдать всѣ предписанныя закономъ правила". Законъ 1887 года не уничтожилъ правила, по которому закрытіе дверей, являясь мѣрой чрезвычайной, должно быть допускаемо съ самой строгой мотивировкой. Мотивировку же московскаго суда сенатъ призналъ недостаточной. Законъ 1887 года предусматриваетъ случаи, когда при разборѣ дѣла открываются обстоятельства, *оглашеніе* которыхъ противно общественнымъ интересамъ или достоинству власти. Но законъ о высылкѣ евреевъ былъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе, а обсужденіе закона, не содержащее въ себѣ оскорбительныхъ для властей выраженій, не составляетъ ничего предосудительнаго *).

Рѣшеніе сената имѣетъ важное значеніе именно въ виду этой его мотивировки, особенно въ настоящее время, когда всюду замѣтно стремленіе къ ограниченію гласности. Сенатъ напоминаетъ, что назначеніе гласности — не простое удовлетвореніе любопытства публики, и что въ ней—серьезная гарантія самаго правосудія...

Въ заключеніе краткая лѣтопись нашей некультурности.

Недавно въ „Южанинѣ" было напечатано извѣстіе о томъ, что въ м. Ново-Воронцовкѣ (Херсонскаго у.) и въ сосѣднихъ съ Ново-

*) „Русск. Вѣд." 16 янв. 1899 г.

Воронцовкой *многихъ приходахъ* сохранилось странное переживаніе крѣпостного права: отъ лицъ крестьянскаго сословія, желающихъ вступить въ бракъ, требуется особое удостовѣреніе сельскихъ властей о томъ, что „со стороны сельскаго управленія препятствія на брачный союзъ не имѣется". Въ прежнія времена такое удостовѣреніе о дозволеніи „посягнуть въ бракъ" требовалось отъ помѣщика, владѣвшаго „крѣпостною душою" и имѣвшаго право распоряжаться этою душою по произволу. Крѣпостное право давно пало, но „во многихъ приходахъ Херсонскаго уѣзда" такъ еще живо представленіе о „крѣпостной душѣ", что безъ чьего нибудь „разрѣшенія" она и теперь не можетъ еще посягать на распоряженіе своей личностію.

Фактъ, повидимому, не особенно значительный, но въ немъ „какъ солнце въ малой каплѣ водъ", отражается очень характерная черта нашихъ гражданскихъ нравовъ. Повидимому, что стоитъ взять „разрѣшеніе", хотя бы и въ томъ случаѣ, когда оно не требуется никакимъ закономъ. Однако, если требуется разрѣшеніе—значитъ мыслимо и „неразрѣшеніе"... А разъ это мыслимо, то, конечно, найдутся еще десятки блаженной памяти Мымрецовыхъ, которые превратятъ „возможность" въ существующій фактъ.

Да, къ сожалѣнію, такія „разрѣшенія" далеко не фикція. Въ тѣхъ же „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" совсѣмъ уже надняхъ разсказанъ слѣдующій эпизодъ. Мѣщанская дѣвица Касьяненкова, изъ Александровска-Грушевскаго собралась 17 января выйти замужъ, но встрѣтила неожиданное препятствіе: ей именно не выдали „разрѣшеніе". Произошло это на томъ основаніи, что за родителемъ Касьяненковой, мѣщаниномъ г. Александровска-Грушевскаго, накопилась недоимка трехъ-рублеваго „подушнаго" сбора, „какимъ въ Александровскѣ обложенъ каждый мѣщанинъ, не владѣющій въ городѣ собственностію". Итакъ—дочери не позволяютъ выходить замужъ для понужденія отца къ уплатѣ недоимки... „Если мы получимъ еще одну жалобу въ этомъ родѣ отъ Касьяненковой или другихъ александровско-грушевскихъ дѣвицъ,—пишетъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" г. Независимый,—то объявимъ подписку на выкупъ этихъ плѣнницъ изъ рабства. Какъ въ старину составлялись благочестивыя сообщества для выкупа изъ турецкой неволи несчастныхъ, попавшихъ въ полонъ, такъ будемъ и мы, съ Божіей помощію и съ помощію сочувствующихъ намъ читателей нашихъ, дѣйствовать во имя гуманности въ защиту законнѣйшихъ правъ человѣческаго сердца, такъ нагло попираемыхъ въ городѣ Александровскѣ-Грушевскомъ *).

Вотъ видите, читатель, какими порой героическими средствами приходится вооружаться для борьбы съ совершенно, повидимому,

*) Заимствуемъ это извѣстіе въ перепечаткѣ изъ „Сам. Газ. (№ 28, 1899 г.).

фантастическимъ правомъ „разрѣшать“ и „не разрѣшать“. Интересно, что это происходитъ *въ городѣ* Александровскѣ-Грушевскомъ откуда мѣщанская дѣвица обращается даже въ газеты. А какія еще фантасмагоріи въ этомъ же родѣ разыгрываются на просторѣ деревенской Руси...

7-го ноября 98 года, на желѣзно-дорожную станцію, расположенную въ 13 верстахъ отъ Кобелякъ пріѣхалъ, поздно ночью, нѣкто г. М. съ дамою и ребенкомъ. Извозчикъ нѣсколько запоздалъ и пассажиры вступили на платформу, когда уже былъ поданъ 2-й звонокъ. Въ такихъ случаяхъ пассажиръ въ правѣ требовать контрамарку, съ которой садится въ вагонъ. Въ этомъ г-ну М. почему-то было отказано. Тогда оставалось только просто сѣсть въ вагонъ, безъ контрамарки и безъ разрѣшенія. Но начальникъ станціи, очевидно, полагаетъ, что „разрѣшительная система“ должна имѣть силу и въ этихъ простѣйшихъ случаяхъ. Его просто привела въ негодованіе мысль, что пассажиръ, которому отказано въ разрѣшительной контрамаркѣ, — все-таки поѣдетъ, куда хочетъ, хотя бы и заплативъ двойную плату. И вотъ, чтобы этого никоимъ образомъ не могло случиться, „начальникъ“ станціи приказалъ служащимъ держать самого г-на М., даму и ребенка—за руки, пока не отойдетъ поѣздъ *). Дама и ребенокъ плакали, г-нъ М. выходилъ изъ себя, изъ оконъ все еще стоявшаго поѣзда смотрѣли пассажиры... Русскіе люди!.. Они, конечно, смотрѣли на этотъ эпизодъ, какъ на „дорожную картинку“... Изъ оконъ видны поля, перелѣски, семафоръ, водокачка, станціонная платформа, пассажиръ, котораго держатъ за руки, и „не пущаютъ“ въ стоящій тутъ же поѣздъ... Небольшое разнообразіе среди монотонной дорожной тоски... Наконецъ, надъ пассажирами смиловался оберъ-кондукторъ и пустилъ въ вагонъ. „Жалоба,—прибавляетъ авторъ, — записанная г-мъ М. въ жалобную книгу, пока осталась безъ послѣдствій“...

Платформы желѣзно-дорожныхъ станцій, повидимому, часто являются ареной подобныхъ маленькихъ драмъ. По крайней мѣрѣ въ январѣ же настоящаго года мы прочитали другое извѣстіе въ томъ же родѣ. На станціи Воронежъ, юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, „какой-то прилично одѣтый господинъ“, имѣлъ несчастіе вступить въ пререканіе съ станціонными жандармами, причемъ потребовалъ жалобную книгу. На требованіе „жалобной книги“—жандармы отвѣтили требованіемъ „вида“. Пассажиръ оказался служащимъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги и предъявилъ удостовѣреніе этой дороги въ томъ, что его „видъ“ находится въ управленіи, въ замѣнъ чего ему выдана квитанція. Находя, что такая замѣна незаконна, жандармы рѣшили, что у нихъ есть полное основаніе „не пущать“ обладателя сего документа къ

*) Фактъ этотъ разсказанъ въ „Биржев. Вѣдомостяхъ“.

дальнѣйшему путешествію. Когда же господинъ съ этимъ не согласился, то жандармы „приказали носильщикамъ (!) тащить пассажира въ дежурную“. На этотъ разъ, однако, за пассажиромъ хлынула, въ качествѣ свидѣтелей, цѣлая толпа, состоявшая преимущественно изъ студентовъ и, къ счастію, въ этой толпѣ оказался также мѣстный судебный слѣдователь. Онъ разсмотрѣлъ документъ пассажира, нашелъ его совершенно достаточнымъ для удостовѣренія личности и для составленія, если нужно, протокола, почему пассажиръ задержанію не подвергся. О поступкѣ жандармовъ заявлено прокурорской власти *)...

Въ ноябрѣ прошлаго года въ Кіевѣ судили нѣкоего Шварцмана и Соголова, почтенныхъ торговцевъ, которые, въ простотѣ сердца, сочли себя въ правѣ самымъ возмутительнымъ образомъ и безъ дальнихъ церемоній обыскать г-жу Ч—ую, зашедшую въ магазинъ Шварцмана и имѣвшую несчастіе навлечь на себя подозрѣніе почтенныхъ коммерсантовъ въ похищеніи куска матеріи. На требованіе „распахнуть ротонду“, г-жа Ч., разумѣется, отвѣтила несогласіемъ и „еще сильнѣе запахнула ротонду“. Это, конечно, укрѣпило подозрѣніе коммерсантовъ,—очевидно полагавшихъ, что всякій „честный обыватель и обывательница“ обязаны выворачивать карманы, распахивать ротонды и т. д. по первому требованію перваго встрѣчнаго, кто пожелаетъ произвести внезапный обыскъ. Поэтому Соголовъ прямо пошелъ на г-жу Ч-ую съ явнымъ намѣреніемъ распахнуть ротонду силой... Однако г-жа Ч. „оказала сопротивленіе“ и... тогда только была приглашена полиція. Мировой судья приговорилъ Соголова къ аресту на 2 мѣсяца**)... Такъ какъ фамиліи г-дъ Шварцмана и Соголова—еврейскія, то, конечно, случай этотъ подалъ поводъ нѣкоторымъ газетамъ къ обычному паѳосу по адресу „еврейской наглости“... Намъ кажется, однако, что здѣсь менѣе всего умѣстна „національная исключительность“, такъ какъ—увы! факты этого рода тоже не исключительны и распространены далеко за предѣлами еврейской осѣдлости. На всякомъ шагу вы рискуете наткнуться на такого же начальника станціи, или такого же Шварцмана, которые внезапно остановятъ васъ на пути вашего спокойнаго слѣдованія и скажутъ:

— Стойте. Безъ моего разрѣшенія ни шагу!—Или еще лучше:

— Погодите-ка, я васъ обыщу! И напрасно вы будете спрашивать, кто „разрѣшилъ“ имъ васъ останавливать или чинить обыски... Давно-ли даже на большой дорогѣ россійской прессы стоялъ г. Грингмутъ, останавливая проходящихъ и требуя отъ нихъ присяги.

Инспекторъ одной изъ симферопольскихъ школъ, навѣрное не еврей, представилъ на утвержденіе директору списокъ газетъ для учительскаго персонала, предполагавшихся къ выпискѣ на 1899 г.

*) „Сынъ Отеч.“ 29 янв. 1899 г.

**) „Приазовскій Край“, „Нижегор. Лист.“ № 324, 1898 г.

Изъ этого списка оказались вычеркнутыми всѣ мѣстныя газеты *). Г. Шараповъ сообщалъ недавно, что „Русскій Трудъ“ воспрещенъ на желѣзной дорогѣ г-на Мамонтова самимъ владѣльцемъ, противъ котораго г-нъ Шараповъ направилъ нѣсколько очень солидныхъ обвиненій... По сообщенію „Казанскаго Телеграфа“ одинъ изъ врачей Казанскаго уѣзда, узнавъ о появленіи въ его участкѣ больныхъ диссентеріей, рѣшилъ лѣчить и тѣхъ больныхъ, которые этого не желали, и одну старуху распорядился насильно помѣстить въ больницу. „Процедура переноски больной изъ дома въ больницу была произведена при участіи представителей сельской власти и завершилась происшествіемъ, изъ за котораго *) возникло дѣло о сопротивленіи властямъ“**). Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы слышимъ о недостаткѣ врачебной помощи, съ другой—объ ея „излишествахъ“. Пріемъ, отмѣченный газетой, это истинно мымрецовское „тащи!“, нашедшее отголоски даже въ врачебной средѣ,—къ сожалѣнію, очень распространено, и въ годы, подобные памятному „холерному году“, являлось источникомъ многочисленныхъ и весьма печальныхъ недоразумѣній... Да, кромѣ права лѣчиться, далеко еще не въ полной мѣрѣ осуществленнаго для огромной массы русскаго народа,—намъ приходится то и дѣло напоминать даже гг. врачамъ также и о правѣ русскаго человѣка, „не лѣчиться“ во многихъ и многихъ случаяхъ, когда онъ этого не желаетъ.

Такимъ образомъ, отъ сельскихъ властей Ново-Воронцовки, наслѣдовавшихъ феодальныя права бывшихъ помѣщиковъ, отъ маленькаго начальника маленькой станціи, отъ приказчика Соголова—мы перешли уже къ врачу (и притомъ земскому врачу), но увы!—наша краткая лѣтопись еще далеко не окончена. Въ хуторѣ Калачѣ (2-го Донского окр.) въ камерѣ мирового судьи разбиралась цѣлая серія совершенно изумительныхъ дѣлъ. Какъ извѣстно, для борьбы съ расколомъ у насъ существуютъ миссіонеры, которые устраиваютъ бесѣды со старообрядцами и сектантами о дѣлахъ вѣры. Инструкціи этихъ миссіонеровъ совершенно опредѣленно вмѣняютъ имъ въ обязанность при этихъ собесѣдованіяхъ руководствоваться евангельской кротостію и примѣромъ апостоловъ. При этомъ, однако, гражданскимъ властямъ рекомендуется оказывать миссіонерамъ содѣйствіе въ исполненіи ихъ обязанностей. Станичныя власти хут. Калача поняли это предписаніе совершенно своеобразно. Мѣстные представители старообрядчества, терпимаго закономъ, получили приглашенія въ самой оскорбительной формѣ. Гг. миссіонеры писали предписанія станичнымъ властямъ, а тѣ въ свою очередь обращались къ начетчикамъ, не просто съ предложеніемъ явиться на добровольное собесѣдова-

*) „Крымскій Край“, „Сам. Газета“, № 14, 1899 г.
**) „Сам. Газ.“ № 215, 1898.

ніе,—а съ требованіемъ „доставить такого-то казака или такого то лже попа“ туда-то... Когда-же „приглашаемые“ не являлись на „собесѣдованія“, открывавшіяся столь оригинальнымъ образомъ, то станичныя власти стали привлекать ихъ къ „уголовной отвѣтственности“. Уголовная, отвѣтственность за неисполненіе того, что по самому существу должно быть добровольно,—поставила мирового судью въ полное недоумѣніе. Разъяснивъ дѣло, онъ оправдалъ первыхъ „подсудимыхъ“, остальныя-же—очевидно довольно многочисленныя дѣла того-же рода разсматривалъ уже безъ вызова обвиняемыхъ, чтобы не тревожить людей, явно неосновательнымъ обвиненіемъ („Приазовскій Край“)...

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ права исключить изъ этой лѣтописи даже и нѣкоторыхъ представителей земства. Одну изъ картинокъ „родственныхъ распорядковъ“ въ грайворонскомъ земствѣ мы уже дали въ прошломъ году и, къ сожалѣнію, „опроверженіе“ г-на Григоросуло, напечатанное вслѣдъ затѣмъ—не коснулось основныхъ чертъ этой картины... Затѣмъ намъ пришлось съ прискорбіемъ душевнымъ сообщить о томъ, какъ г. Бобоѣдовъ, предсѣдатель сергачской земской управы рѣшилъ „не пущать“ публику на земское собраніе. Въ московской газетѣ „Курьеръ“ и въ другихъ газетахъ мы нашли детальныя черты этого эпизода, очень ярко дорисовывающія картину. „Хотя,—говорилъ г. Бобоѣдовъ,—засѣданія земскаго собранія публичны, но публика каждый разъ должна испрашивать *особое разрѣшеніе* у предсѣдателя (?!)“. Хотя, скажемъ мы, въ свою очередь, о такомъ странномъ законѣ никто никогда и ничего не слыхалъ, но скромная сергачская публика, вѣроятно, памятуя, что г. Бобоѣдовъ пріѣхалъ въ Сергачъ изъ Лукоянова, отправилась просить у г. предсѣдателя „разрѣшенія“ присутствовать въ „публичныхъ по закону“ собраніяхъ, какъ ново-воронцовцы просятъ разрѣшенія „посягнуть въ законный бракъ“ у своего старшины. Но въ лицѣ г. Бобоѣдова „разрѣшительная система“ сказалась во всемъ значеніи: „Вы изъ деликатности (?) должны были раньше просить разрѣшенія, а вы не просили,—такъ удалитесь!“ *) И „разрѣшенія“ г. Бобоѣдовъ не далъ до тѣхъ поръ, пока, по телеграммѣ возмущенныхъ гласныхъ, помнящихъ, очевидно, лучшія земскія традиціи — не послѣдовалъ изъ Нижняго запросъ г. губернатора. Корреспондентъ „Волжскаго Вѣстника“ прибавляетъ къ этой картинѣ еще одну характерную черточку: въ сергачскомъ земствѣ гласные „привилегированныхъ сословій“ сидятъ на вѣнскихъ стульяхъ, для гласныхъ-же крестьянъ поставлены деревянныя скамьи **). Наконецъ корреспондентъ „Нижегор. Листка“ (24 янв. 1899 г., № 23) дорисовываетъ картину послѣднимъ штри-

*) „Сынъ Отеч.“ № 301, 1898.
**) „Волжскій Вѣстникъ“ 1898, № 294.

хомъ: въ отчетѣ по народному образованію значится, что къ январю 1899 года число училищъ въ уѣздѣ оставалось то-же, что и къ январю 1898". При такихъ условіяхъ, въ самомъ дѣлѣ, любопытство публики можетъ казаться предсѣдателю сергачской управы нѣсколько страннымъ: вѣдь ничего новаго не произошло и смотрѣть публикѣ нечего!

Въ Калугѣ земская управа (къ сожалѣнію, корреспондентъ не сообщаетъ,— объ уѣздной или губернской управѣ идетъ рѣчь) чинитъ розыски корреспондентовъ и строгими приказами ограждается отъ гласности. Кромѣ того, г. предсѣдатель этой управы считаетъ нужнымъ входить въ „семейныя обстоятельства служащихъ настолько, что, когда попытки примирить одного изъ служащихъ съ женою оказались тщетными, то... служащій былъ уволенъ со службы („Сынъ Отеч.", 1898, № 303).

Въ Аккерманѣ г. уѣздный предводитель дворянства А. И. Томачинскій осенью прошлаго года внезапно объявилъ перерывъ земскаго собранія „на неопредѣленное время" *). Повидимому, это было вызвано какимъ-то столкновеніемъ г-на Томачинскаго съ попечителемъ округа, и г. Томачинскій, не утвержденный въ званіи попечителя гимназіи,—пожелалъ обнаружить свою предсѣдательскую „власть" въ другой области. Въ шадринскомъ земствѣ предсѣдатель остановилъ гласнаго представителя отъ казны, когда тотъ сталъ говорить о несомнѣнныхъ злоупотребленіяхъ шадринской управы. Шадринское земство постановило возбудить противъ нѣкоторыхъ лицъ судебное преслѣдованіе за подлоги, но управа преспокойно не исполнила этого постановленія. Г. предсѣдатель помѣшалъ гласному говорить объ этомъ предметѣ, но отнюдь не помѣшалъ участвовать въ баллотировкѣ вопроса ни членамъ управы, ни даже тому самому лицу, о преданіи суду котораго шла рѣчь **) (совершенно такъ, какъ это было и въ грайворонскомъ собраніи). Понятно, что баллотировка дала результатъ, благопріятный для управы, но за то при выборахъ члены управы, назначенные на предъидущее трехлѣтіе—теперь были забаллотированы.

Къ сожалѣнію, такихъ „предсѣдательскихъ инцидентовъ" газеты въ послѣднее время приносятъ не мало. Правда, трудно рѣшить,—происходитъ ли это оттого, что самое ихъ количество становится все больше, или просто оттого, что прежде они проходили незамѣченными, а теперь вызываютъ протесты и отмѣчаются въ сильно развившейся и чуткой провинціальной прессѣ. Въ одномъ изъ небольшихъ разсказовъ А. П. Чехова изображенъ „старый баринъ", предводитель и почетный мировой судья, который, предсѣдательствуя въ мировомъ съѣздѣ, останавливаетъ

*) „Ниж. Лист." 1898, № 275.
**) „Сын. Отеч." 1898, № 300.

адвоката: „Вы бы, защитникъ, помолчали". И защитникъ мгновенно смолкаетъ. Тутъ, съ одной стороны, великолѣпная предсѣдательская непосредственность, съ другой—полная готовность подчиниться этой импонирующей непосредственности. При наличности этихъ двухъ условій, понятно, нѣтъ мѣста ни для какихъ особенныхъ инцидентовъ. Въ послѣднее время, къ чести даже глухой провинціи,—даже въ Аккерманѣ, даже въ Грайворонѣ, даже въ Обояни, даже въ Шадринскѣ,—эта тишь да гладь давно нарушена. Съ одной стороны, исчезли эти непосредственно-олимпійскіе темпераменты; теперь ихъ мѣсто заняла тревожная нервность, раздраженная сопротивленіемъ и указаніемъ на „законные предѣлы власти". Съ другой—средній обыватель готовъ нерѣдко аппелировать даже къ суду.

Такая именно непріятность постигла обоянскаго предсѣдателя, г. Питру, дѣло котораго недавно разбиралось, по словамъ „Южнаго Края", въ уголовномъ департаментѣ харьковской судебной палаты. „11 октября 1897 года въ засѣданіи обоянскаго очередного уѣзднаго земск. собранія гласнымъ Тимофѣевымъ былъ поднятъ вопросъ о правильности допущенія къ участію въ собраніи г-на фонъ-Рамма. Предсѣдательствовавшій въ собраніи и. д. обоянскаго предводителя дворянства г. Питра, обращаясь къ г-ну Тимофѣеву, крикнулъ:

— Г. Тимофѣевъ! Убирайтесь вонъ изъ собранія! Позвать человѣка, вывести его!

Какъ видите, это совсѣмъ „по старому". Но г. Тимофѣевъ принесъ жалобу въ сенатъ. Хотя процедура такихъ жалобъ очень долга и затруднительна, хотя путь этотъ такъ длиненъ, что на немъ благодушный россійскій обыватель 10 разъ готовъ махнуть рукою и покончить „ссору" гдѣ нибудь у клубнаго буфета,—но на этотъ разъ въ лицѣ г. Тимофѣева мы имѣемъ дѣло, очевидно, съ человѣкомъ настойчивымъ, и великолѣпному предсѣдателю пришлось таки предстать передъ судилищемъ харьковской судебной палаты (съ сословными представителями), которая присудила его (сравнительно слишкомъ еще мягко) къ „замѣчанію, со взысканіемъ суд. издержекъ".

Наконецъ, этотъ рядъ „предсѣдательскихъ инцидентовъ" намъ приходится завершить эпизодами изъ залы самого-же суда. Въ гор. Гомелѣ произошелъ случай, кажется, еще небывалый въ судебной практикѣ. Г. предсѣдатель, повидимому, въ интересахъ ускоренія дѣла, велъ слѣдствіе спѣшно и то и дѣло „обрывалъ защитника". Тогда старшина присяжныхъ, находившій (можетъ быть и вполнѣ справедливо), что такой способъ веденія слѣдствія мѣшаетъ присяжнымъ составить спокойное и безпристрастное заключеніе по существу,—обратился къ предсѣдателю съ ходатайствомъ, чтобы защитѣ предоставлена была возможность выяснить въ высшей степени запутанныя обстоятельства дѣла.

Просьбу свою онъ просилъ занести въ протоколъ. Приговоръ последовалъ оправдательный; но прокурорскимъ надзоромъ заявленъ протестъ. Сенатъ кассировалъ приговоръ, а о дѣйствіяхъ старшины присяжныхъ постановилъ сообщить соединенному присутствію 1-го и кассаціоннаго департаментовъ. Если, такимъ образомъ, г-нъ О. дѣйствительно будетъ преданъ суду за свое вмѣшательство въ судебную процедуру, и если при этомъ будетъ выяснено, что предсѣдатель дѣйствительно „обрывалъ" защитника, то возникаетъ чрезвычайно интересный вопросъ: какъ поступать присяжнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда способъ веденія дѣла на судѣ препятствуетъ присяжнымъ исполнить по совѣсти свои обязанности въ отношеніи къ правосудію?

Послѣдній инцидентъ произошелъ въ Бахмутѣ. 9 декабря, какъ сообщала московская газета „Курьеръ", въ Бахмутѣ окончилось засѣданіе отдѣленія екатеринославскаго окружнаго суда по дѣлу Животинскаго и Голдрина, вызывавшему, очевидно, большой интересъ въ мѣстномъ обществѣ. Подсудимыхъ защищали Л. Е. Владиміровъ и князь Урусовъ. Когда присяжные, послѣ 5-ти минутнаго совѣщанія, вынесли оправдательный приговоръ обоимъ подсудимымъ, то публика встрѣтила его рукоплесканіями. Г. предсѣдатель, вѣроятно, чтобы показать бахмутскимъ жителямъ примѣръ лойальности, распорядился арестовать всю публику на два часа! Впрочемъ, дамы были любезно освобождены отъ этого наказанія, и такимъ образомъ матери семействъ могли сообщить своевременно вернувшимся домой школьникамъ, что ихъ отцы оставлены безъ обѣда. Вѣроятно, г. предсѣдатель готовъ представить какія нибудь „законныя основанія" для такого дискреціоннаго и огульнаго наказанія на случай, если-бы среди „оставленныхъ безъ обѣда" бахмутскихъ обывателей нашелся свой г. Тимофѣевъ, который не посмотрѣлъ-бы на этотъ эпизодъ, какъ на веселый пассажъ, возвратившій его на время къ годамъ „счастливаго дѣтства".

О. Б. А.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала «Русское Богатство» по сбору пожертвованій въ пользу крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1898 года.

Остатокъ на 1 февраля	200 р. — к.
Поступило въ февралѣ:	
Отъ П. И. Постригановой—3 р.; отъ г. Смердынскаго—2 р.; со ст. Каменской, Обл. В. Д.—10 р.; отъ П. В. З.—3 р.; отъ нѣсколькихъ писателей 2-го февраля—50 р. *Итого*	68 „ — „
Въ распоряженіе Вл. Г. Короленко:	
Отъ М. У.—100 р.; отъ И. И. Э.—10 р.; отъ „учащихся дѣвочекъ“—150 р.; отъ А. П. Ф.—10 р.; отъ N. N.—100 р.; отъ учениковъ VIII кл. 1-ой гимназіи—117 р.; отъ А. Ф. Лычагина—2 р.; отъ І. В. Дмитріева—1 р.; отъ М. І. Калениченко—1 р.; отъ Е. В. Д.—3 р.; изъ Иваново-Вознесенка (отъ Е. В. Б.)—35 р.; отъ Фр. Грина изъ Лондона—374 р. 65 к. *Итого*	903 „ 65 „
Всего . . .	1171 р. 65 к.

Изъ этой суммы отправлено для непосредственной помощи на мѣстахъ:

М. И. Шуравиной (Малмыжскій уѣздъ)	400 р. — к.
Ѳ. А. Налетову (Сарапульскій уѣздъ)	100 „ — „
Ѳ. С. Юрьевой (Елабужскій уѣздъ)	150 „ — „
Н. В. Алашееву (предсѣд. Елабужской земской управы)	150 „ — „
И. М. Минаеву (Чистопольскій уѣздъ). . . .	100 „ — „
В. А. Геркенъ (Казань)	100 „ — „
Распорядительному комитету Самарскаго частнаго кружка	71 „ 65 „
В. Н. Поляку (въ Саратовъ для передачи земскимъ врачамъ въ с. Сухомъ-Карбулакѣ) .	100 „ — „
Всего . . .	1171 р. 65 к.

Издатели: **Вл. Г. Короленко.** **Н. К. Михайловскій.**

Редакторы: **П. Быковъ.** **С. Поповъ.**

Отъ конторы редакціи.

Для устраненія на будущее время многочисленныхъ жалобъ и запросовъ провинціальныхъ подписчиковъ, почему книжки журнала получаются поздно, контора редакціи считаетъ нужнымъ заявить, что день выхода каждой книжки соотвѣтствуетъ датѣ цензурной помѣтки на 2-ой страницѣ журнала, судя по которой, сами подписчики могутъ опредѣлить, когда вышелъ тотъ или другой номеръ журнала. Позднее же полученіе январьской книжки, вышедшей 27 января, обусловливалось еще и временемъ, необходимымъ для печатанія адресовъ, громадное большинство которыхъ вмѣстѣ съ подписными деньгами поступило въ контору лишь во второй половинѣ января.

